

ИНСТИТУТ ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРИИ РАН
ЦЕНТР ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ ИСТОРИИ
РОССИЙСКОЕ ОБЩЕСТВО
ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ ИСТОРИИ

INSTITUTE OF WORLD HISTORY
CENTRE FOR INTELLECTUAL HISTORY
RUSSIAN SOCIETY OF INTELLECTUAL HISTORY

ДИАЛОГ СО ВРЕМЕНЕМ

51

DIALOGUE WITH TIME

DIALOGUE WITH TIME

INTELLECTUAL HISTORY REVIEW

2015 Issue 51

EDITORIAL COUNCIL

Carlos Antonio AGUIRRE ROJAS
La Universidad Nacional
Autónoma de Mexico

Mikhail V. BIBIKOV
Institute of World History RAS

Constance BLACKWELL
International Society
for Intellectual History

Vera P. BUDANOVA
Institute of World History RAS

Tamara A. BULYGINA
North-Caucasus Federal University

Wojciech WRZOSEK
Uniwersytet im. Adama Mickiewicza
w Poznaniu

Piama P. GAIDENKO
Institute of Philosophy RAS

Galina I. ZVEREVA
Russian State University
for the Humanities

Valentina P. KORZUN
Omsk State University

German P. MYAGKOV
Kazan Federal University

Igor V. NARSKIJ
National Research
South Ural State University,
Cheljabinsk

Valery V. PETROFF
Institute of Philosophy RAS

Jefim I. PIVOVAR
Russian State University
for the Humanities

Jörn RÜSEN
Kulturwissenschaftliche Institut, Essen

Irina M. SAVELIEVA
Higher School of Economics
National Research University

Gyula SZVÁK
Eötvös Loránd University,
Budapest, Hungary

Andrej B. SOKOLOV
Yaroslavl State Pedagogical University
named after K. D. Ushinsky

Rolf TORSTENDAHL
Uppsala Universitet, Sweden

Victoria I. UKOLOVA
Moscow State Institute of International
Relations (University) MFA of Russia

Nina A. KHACHATURIAN
Lomonosov Moscow State University

Chen QINENG
The Institute of World History,
Chinese Academy of Social Sciences

Pavel P. SHKARENKOV
Russian State University
for the Humanities

ДИАЛОГ СО ВРЕМЕНЕМ

АЛЬМАНАХ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ ИСТОРИИ

2015 Выпуск 51

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Карлос Антонио АГИРРЕ РОХАС
Национальный автономный университет
Мехико

М. В. БИБИКОВ
Институт всеобщей истории РАН

Констанс БЛЭКВЭЛ
Международное общество
интеллектуальной истории

В. П. БУДАНОВА
Институт всеобщей истории РАН

Т. А. БУЛЫГИНА
Северо-Кавказский
федеральный университет

Войцех ВЖОСЕК
Университет им. Адама Мицкевича,
Познань, Польша

П. П. ГАЙДЕНКО
Институт философии РАН

Г. И. ЗВЕРЕВА
Российский государственный
гуманитарный университет

В. П. КОРЗУН
Омский государственный университет
им. Ф. М. Достоевского

Г. П. МЯГКОВ
Казанский
федеральный университет

И. В. НАРСКИЙ
Национальный исследовательский
Южно-Уральский государственный
университет, Челябинск

В. В. ПЕТРОВ
Институт философии РАН

Е. И. ПИВОВАР
Российский государственный
гуманитарный университет

Йорн РЮЗЕН
Институт наук о культуре, Эссен, ФРГ

И. М. САВЕЛЬЕВА
Высшая школа экономики
Национальный исследовательский
университет

Дюла СВАК
Будапештский университет
имени Лоранда Этвеша

А. Б. СОКОЛОВ
Ярославский государственный
педагогический университет
им. К. Д. Ушинского

Рольф ТОШТЕНДАЛЬ
Уппсальский Университет, Швеция

В. И. УКОЛОВА
Московский государственный институт
международных отношений
(Университет) МИД России

Н. А. ХАЧАТУРЯН
Московский государственный
университет им. М. В. Ломоносова

Чен ЧИНУН
Институт мировой истории
Академии социальных наук, КНР

П. П. ШКАРЕНКОВ
Российский государственный
гуманитарный университет

ББК 63.3

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

доктор исторических наук, профессор,
член-корреспондент РАН
Лорина Петровна РЕПИНА

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

АФАНАСЬЕВА А. Э., кандидат исторических наук, доцент
ВИШЛЕНКОВА Е. А., доктор исторических наук, профессор
ВОРОБЬЕВА О. В., кандидат исторических наук, доцент
ГОРЕЛОВ М. М., кандидат исторических наук
ЗВЕРЕВА В. В., кандидат исторических наук, доцент
ИОНОВ И. Н., кандидат исторических наук
КИСЕЛЕВА М. С., доктор философских наук, профессор
КОРЧИНСКИЙ А. В., кандидат филологических наук, доцент
МАКАРЕНКОВА Е. М., доктор исторических наук
МАЛОВИЧКО С. И., доктор исторических наук, профессор
НЕДАШКОВСКАЯ Н. И., кандидат филологических наук, доцент
ПЕТРОВА М. С., доктор исторических наук, доцент
(заместитель главного редактора)
РУМЯНЦЕВА М. Ф., кандидат исторических наук, доцент
СЕЛУНСКАЯ Н. А., кандидат исторических наук
СЕРЕГИНА А. Ю., доктор исторических наук
(ответственный секретарь)
ЭКШТУТ С. А., доктор философских наук

ДИАЛОГ СО ВРЕМЕНЕМ 51

М.: Аквилон, 2015. — 400 с.

Журнал «Диалог со временем» посвящен проблемам интеллектуальной истории, которая изучает исторические аспекты всех видов творческой деятельности человека, включая ее условия, формы и результаты.

DIALOGUE WITH TIME 51

Moscow: Aquilo, 2015. — 400 p.

Journal "Dialogue with Time" is specially intended for consideration of the problems of intellectual history understood as a study of historical aspects of all kinds of human creative activity, including its conditions, forms and products.

ISSN 2073-7564

Эл. № ФС 77-53624

Подписной индекс
в общероссийском каталоге «Роспечать»

36030

- © Общество интеллектуальной истории, 2015
- © Институт всеобщей истории, 2015
- © Издательство «Аквилон», 2015
- © Журнал «Диалог со временем», 2015

Репродуцирование (воспроизведение) данного издания любым способом без письменного соглашения с издателем запрещается

К ЮБИЛЕЮ ВЕЛИКОЙ ПОБЕДЫ

С. А. ЭКШТУТ

«СЛОГОМ ПРОСТЫМ И ЖИВЫМ» НАГРАДНАЯ ПРАКТИКА ВРЕМЕН ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

Статья представляет опыт осмысления наградной практики времен Великой Отечественной войны. Описывается алгоритм заполнения, оформления и прохождения наградного листа по инстанциям, а также конкретный наградной казус.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, наградной лист, штрафбатн, орден, медаль, фалеристика, человек второго плана в истории, Н.М. Хлебников

*Буду ль жив еще? – Едва ли.
Тут войой, а не гадай.
Но скажу насчет медали:
Мне ее тогда подай.
Обеспечь, раз я достоин.
И понять вы все должны:
Дело самое простое –
Человек пришел с войны.*

Под этими поэтическими строками из поэмы Александра Твардовского «Василий Теркин» подписались бы сотни тысяч фронтовиков: поэт сумел очень метко выразить чаяния простых труженников Великой Отечественной войны, которые в течение четырех военных лет, не думая о награде, честно делали свое солдатское дело.

Первоначально за подвиги на фронтах Великой Отечественной войны воинов действующей армии, помимо присвоения высшей степени отличия – звания Героя Советского Союза, награждали тремя орденами – Ленина, Красного Знамени, Красной Звезды и двумя медалями – «За отвагу» и «За боевые заслуги». Право награждения этими орденами и медалями, как и право вручения самих наград в Кремле принадлежало исключительно Президиуму Верховного Совета СССР.

Прохождение через Москву всей наградной документации, идущей с фронта, занимало слишком много времени. Обстановка в действующей армии менялась быстро, отличившиеся и удостоенные орденов и медалей воины зачастую погибали в боях, так и не успев получить свою заслуженную награду. Поэтому в первые же месяцы войны довоенная наградная практика претерпела качественные изменения.

Первоначально, 18 августа 1941 г., когда уже стало ясно, что фашистов не удастся быстро разбить, как пели до войны, «малой кровью, могучим ударом», и что *война будет долгой*, право вручать ордена и медали от имени высшего органа государственной власти получили военные советы фронтов, флотов и отдельных армий; затем, 22 октября 1941-го, *в разгар ожесточенных боев за Москву*, военным советам было предоставлено право самостоятельно награждать отличившихся от имени Президиума Верховного Совета СССР; наконец, 10 ноября 1942 г., *накануне исторического контрнаступления войск Красной Армии под Сталинградом*, право награждения распространилось на командиров корпусов, дивизий, бригад и полков, а затем и на командующих родами войск. Минимальные права были у командира полка, максимальные – у командующего фронтом. Командир полка получил право награждать солдат или сержантов медалями «За отвагу» и «За боевые заслуги», командир бригады или дивизии мог наградить уже не только красноармейца, но и офицера до командира роты включительно, причем не только медалью, но и орденом – Красной Звезды или Славы III степени (последним – только солдат и сержантов). Было учреждено 9 новых боевых орденов, предназначенных для награждения воинов, отличившихся именно в годы Великой Отечественной войны, – от солдата до маршала. Командующим фронтами, флотами и им соответствующим было предоставлено право награждения рядового и командного состава до командира дивизии включительно орденами Красного Знамени, Суворова III степени, Кутузова III степени, Богдана Хмельницкого III степени, Александра Невского, Ушакова II степени, Нахимова II степени, Отечественной войны I и II степени, Красной Звезды, Славы II и III степени и медалями.

Не обходилось, к сожалению, и без издержек. *«Было чуть ли не правилом, – вспоминал ветеран войны полковник Александр Захарович Лебединцев, – чтобы подчиненный “не переплюнул” командира количеством орденов и медалей. Так и лежали представления до той поры, пока сам командир не получит четвертый или пятый орден»*¹.

Вручал ли командир полка отличившемуся красноармейцу медаль «За отвагу», или командующий фронтом награждал командира дивизии орденом Красного Знамени, подписанию приказа о награждении предшествовало составление и надлежащее оформление наградного листа. Существовала его официально утвержденная форма, которая помимо указания анкетных данных (ФИО, звание, должность, год рождения,

¹ http://militera.lib.ru/memo/russian/lebedintsev_az/index.html

национальность, партийность, участие в боевых действиях, наличие ранений, контузий и наград, постоянный домашний адрес представляемого к награде и адрес его семьи) обязательно предполагала заполнение самого главного раздела «*Краткое, конкретное изложение личного боевого подвига или заслуг*». Этот раздел писался, как очень точно сказал поэт Борис Слуцкий, «слогом простым и живым»:

Если ефрейтор Сидоров был ранен в честном бою, / Если никто не видел тот подвиг его благородный, / Лист из блокнота выдрал, фантазию шпоря свою, / Писарь писал ему подвиг длиною в лист блокнотный.

В действующей армии ощущался стабильный дефицит печатных бланков наградных документов, поэтому представления к награде нередко писали на обычных листах из школьной тетради или блокнота, в которых под копирку воспроизводились все графы печатного наградного листа. Впрочем, и эти графы не оставались неизменными. В одних наградных листах есть пункт «*Служба в белой и других армиях и пребывание в плену*», в других – его нет. Этот феномен еще ждет объяснения.

Общедоступный электронный банк документов «Подвиг Народа в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.», размещенный на сайте Министерства обороны РФ, дает наглядную визуальную информация о **12 670 837** награждениях². Мы можем воочию увидеть, как выглядел тот или иной наградной лист, ощутить фактуру низкосортной и грубой сероватой, желтоватой, зеленоватой или розоватой бумаги с вкраплениями древесных опилок; можем понять, как – гладко или не очень, долго или быстро – совершалось его прохождение по армейским инстанциям и, самое главное, когда и к какой награде отличившийся воин представлялся и какую – в конечном итоге – получил. Командармы и командующие фронтами предпочитали подписывать документы не перьевой ручкой (перо плохо скользило по грубой бумаге, чернила – расплывались), а шестигранными цветными карандашами из набора «Тактика». (Константин Симонов в трилогии «Живые и мертвые» обращает внимание читателя на эту выразительную деталь: командарм Серпилин «писал не ручкой, а, по многолетней военной привычке, карандашом и сильно нажимал на карандаш».) И мы можем рассмотреть размашистую подпись того или иного прославленного военачальника, сделанную красным или синим карандашом, реже – зеленым или черным.

² Электронный банк документов «Подвиг Народа в Великой Отечественной войне 1941 – 1945 гг.»: <http://podvignaroda.mil.ru/podvig-flash/>
Все наградные листы цитируются по этому источнику.

Полковник А.З. Лебединцев с протокольной точностью описал, как это происходило: «В 1943 году оформление на Геройство и ордена производилось по такой схеме. Описание подвига делалось очевидцами, то есть самими командирами рот (батареи) и батальонов. В полках их оформляли на бланках и за подписью командира полка, потом пересылали в дивизию. В отделении кадров дивизии представления рассматривались, и происходило награждение в объеме прав, предоставленных командиру дивизии, то есть он награждал до командира роты и ему равных до ордена Красной Звезды и ордена Славы III степени. Комдив имел право снизить уровень награды, например, с представленных на орден Красного Знамени или на орден Отечественной войны и своей властью наградить офицера орденом Красной Звезды или даже медалью «За отвагу», ибо командир полка мог награждать медалями только рядовых и сержантов. Приказом командира дивизии награждались медалями также рядовые и сержанты саперного батальона, противотанкового дивизиона, батальона связи и разведроты, командирам которых такое право не предоставлялось. На все вышестоящие ордена и Геройство командир дивизии должен был давать либо свое согласие, либо изменить орден или степень ордена и отправить выше по команде. В армии и на фронте рассматривались все представления и делались заключения двумя лицами – командующим и Членом Военного совета. Они или давали свое согласие или понижали, а иной раз даже повышали статус награды... В дивизии и полки возвращались только выписки из приказов на награжденных тем или иным орденом или медалью в алфавитном порядке по каждой награде, с указанием воинского звания и должности награжденного»³.

После вручения фронтовику самого орденового знака или медали его боевые товарищи обязательно «обмывали» награду. Лебединцев, в то время старший лейтенант, и его однополчанин Кошелев за форсирование Днепра были награждены орденами Отечественной войны. Получив орденовые знаки, офицеры «обмыли» свои награды. Вот как это совершилось: «Повар и хозяйка хаты сотворили на обед закуску в виде вареного картофеля, квашеной капусты и сала. Разлили в кружки разведенный спирт, опустили в кружку Кошелева знак и заставили его выпить, после чего он привернул орден к гимнастерке. Таким был негласный фронтовой церемониал посвящения “в рыцари” при получении всех получаемых орденовых знаков и медалей».

Следовали ему и генерал, и рядовой...

³ http://militera.lib.ru/memo/russian/lebedintsev_az/index.html

«А вот умирать буду в шинели», или Приказ генерала Хлебникова

Не до ордена.

Была бы Родина

с ежедневными Бородино.

Михаил Кульчицкий. 26 декабря 1942 года.

Всё началось с удивления. Изучая список невручённых наград времён Великой Отечественной войны, подготовленный в рамках специального проекта «Российской газеты» «Звёзды Победы», я обратил внимание на уникальный казус, который нуждался в объяснении. *Красноармейцу* Ивану Петровичу Мангарову, 1916 года рождения, не был своевременно вручён орден Кутузова III степени, которым он был награждён. Чтобы должным образом оценить силу моего изумления, надо знать, что орден Кутузова III степени – и по статуту, и по сложившейся в годы войны реальной наградной практике – был наградой сугубо офицерской, предназначенной для командиров полков, батальонов, рот и начальников штабов полков. Им награждались офицеры от младшего лейтенанта до полковника включительно, хотя были единичные исключения из правил: несколько раз этот орден давали генерал-майорам. В Электронном банке документов «Подвиг Народа» содержится информация о 2091 кавалере: все эти офицеры Красной Армии, чаще всего майоры и подполковники, были награждены орденом Кутузова III степени или – в редких случаях – представлены к нему, но получили другую награду. *Ни одного красноармейца среди них не было.*

Чтобы прояснить этот поразительный случай, я решил обратиться к наградному листу на Ивана Петровича Мангарова. Сказано – сделано. Однако чтение наградного листа на первых порах несколько не приблизило ответу на вопрос, каким образом красноармеец мог получить офицерский орден. Во-первых, в наградном листе Мангаров значился *капитаном*, во-вторых, необычно звучала его должность – *слушатель* 10-го отдельного полка резерва офицерского состава фронта, в-третьих, он представлялся к ордену Красной Звезды, а был удостоен награды *на пять ступеней* выше той, к которой был представлен. Сформировавшееся в годы войны старшинство боевых орденов и медалей, которыми мог быть отмечен офицер до командира полка включительно, выглядело следующим образом: медаль «За боевые заслуги» – медаль «За отвагу» – орден Красной Звезды – орден Отечественной войны II степени – орден Отечественной войны I степени – орден Александра Невского – орден Богдана Хмельницкого III степени – орден Кутузова III степени – орден Суворова III степени – орден Красного Знамени – орден Ленина – звание Героя Советского Союза (с вручением ордена Ленина и медали

«Золотая Звезда»). Наградная практика была такова, что вышестоящее начальство чаще понижало награду на одну-две-три ступени. Замечательный актер, участник войны гвардии старшина Алексей Макарович Смирнов, памятный по фильмам «Операция «Б1» и другие приключения Шурика» и «В бой идут одни «старики», дважды получал награду на две ступени ниже той, к которой был представлен командиром полка: вместо ордена Отечественной войны I степени командир дивизии генерал-майор артиллерии И.Ф. Санько наградил его орденом Красной Звезды, а вместо ордена Красной Звезды дали медаль «За боевые заслуги». Впрочем, наблюдались редкие случаи повышения достоинства награды, но, чтобы награда была повышена на пять ступеней, такого казуса мне, в течение нескольких лет просмотревшему тысячи наградных листов, ни разу не довелось наблюдать. Вот почему я решил заняться исследованием казуса Мангарова.

Ларчик просто открывался. Иван Петрович Мангаров был восстановлен в офицерском звании капитана и направлен в 10-й отдельный полк резерва офицерского состава (опрос) 1-го Прибалтийского фронта после двух лёгких ранений, полученных во время службы в штрафном батальоне. В опрос офицеры попадали разными путями: сразу после окончания училища, либо после тяжелого ранения и долгого лечения в госпиталях, либо после пребывания в проверочно-фильтрационном лагере НКВД, либо после штрафного батальона. Здесь готовили для отправки на фронт офицеров, именовавшихся по примеру военных академий слушателями: в течение года, с марта 1944-го по начало апреля 1945-го, 10-й отдельный полк резерва офицерского состава подготовил к боям и отправил на 1-й Прибалтийский фронт свыше 25 тысяч офицеров. За что угодил в штрафбат командир роты автоматчиков капитан Мангаров, опытный боевой офицер, с декабря 1941 года воевавший на Калининском фронте (20 октября 1943 года переименован в 1-й Прибалтийский), мне выяснить не удалось. Зато удалось установить, что ещё в сентябре 1943 года Мангаров, тогда лейтенант и командир стрелкового взвода, был представлен к медали «За отвагу». В его наградном листе было написано: «Участник всех боёв, проводимых полком. В боях показал себя смелым, отважным и преданным своей Родине командиром. В бою за высоту 175,5 при отражении контратак противника был ранен командир роты, т. Мангаров принял командование ротой и личным примером воодушевляя бойцов – увлёк их за собой к гранатному и рукопашному бою, которого немцы не выдержали и, неся потери, – отошли». 18 сентября 1943-го, спустя всего неделю после подписания командиром полка представления, командир дивизии своей властью

награбил лейтенанта Мангарова медалью «За отвагу», однако по не вполне понятной причине эта награда ему так и не была вручена.

Мангаров был отважным офицером: ему не раз и не два приходилось заменять выбывшего из строя ротного, прежде чем он сам стал командиром роты. В наградном листе описан случай, когда Мангаров во время наступательных боёв «будучи командиром стрелкового взвода, а затем взял командование ротой на себя и отбил две контратаки немца и уничтожил до 30 гитлеровцев». Столь же достойно он вел себя на должности командира роты автоматчиков – на этот пост старались назначать наиболее предприимчивых и мужественных офицеров. «Отразил контратаку противника, а затем перейдя в контратаку захватил 5 немецких солдат». За эти подвиги капитан Мангаров, представленный, как уже говорилось, к ордену Красной Звезды, был удостоен ордена Кутузова III степени. Это награждение было произведено командующим 1-м Прибалтийским фронтом в точном соответствии со статутом ордена Кутузова III степени, которым, в частности, награждали «за инициативу, проявленную в проведении порученного боя и нанесение врагу крупного поражения в результате внезапного и смелого нападения». Я обратил внимание на выразительную деталь: командир полка 14 мая 1945 года представил капитана Мангарова к награде, а уже 17 мая командующий фронтом подписал приказ о награждении. Признаюсь, что я в первый раз столкнулся с такой невероятной скоростью прохождения наградных документов по штабным инстанциям.

В моих руках оказался конец тонкой ниточки. Я осторожно потянул за него – и стал разматывать весь клубок. Кем же был подписан приказ о награждении? Приказ подписали: командующий 1-м Прибалтийским фронтом генерал-полковник артиллерии Николай Михайлович Хлебников, член Военного совета фронта генерал-лейтенант Михаил Васильевич Рудаков и начальник штаба фронта генерал-майор Фёдор Николаевич Бобков. Я был ошеломлён! Дело в том, что ещё 24 февраля 1945-го 1-й Прибалтийский фронт был упразднён, а его войска, преобразованные в Земландскую оперативную группу войск, включены в состав 3-го Белорусского фронта. И 1-м Прибалтийским фронтом, и Земландской группой войск командовал генерал армии Иван Христович Баграмян (с 1955 г. – Маршал Советского Союза). Сразу же после Победы 1-й Прибалтийский фронт был воссоздан, но Баграмяна срочно вызвали в Москву. Вместе с ним полетел генерал-полковник Владимир Васильевич Курасов, начальник штаба фронта. Впоследствии сам маршал Баграмян так написал об этом в своих мемуарах: «С аэродрома я поехал к начальнику Генерального штаба. На мой вопрос о

причине вызова Алексей Иннокентьевич Антонов ответил: – Товарищ Сталин решил обсудить с участием командующих войсками фронтов и начальников центральных управлений Наркомата обороны ряд проблем, связанных с переводом армии на мирное положение»⁴.

Командование 1-м Прибалтийским фронтом второго формирования было возложено на генерал-полковника артиллерии Хлебникова, в годы войны – командующего артиллерией Калининского, 1-го Прибалтийского фронтов и Земландской оперативной группы войск. Начальником штаба фронта стал генерал-майор Бобков, пришедший на штабную работу из военной разведки и в годы войны возглавлявший Оперативное управление штаба фронта. Блестящий артиллерист и великодушный мастер контрбатарейной борьбы генерал Хлебников был *каллифом на час* – и сам он это отлично осознавал. Командование Хлебниковым невоюющим фронтом было столь кратковременным, что даже не нашло никакого отображения в его официальной биографии, опубликованной в энциклопедиях, словарях и справочниках. Уже спустя месяц, во время Парада Победы 24 июня 1945 года, во главе сводного полка Первого Прибалтийского фронта маршировал генерал армии Баграмян. 9 июля 1945 года был вновь создан Прибалтийский военный округ: на формирование управления округа было обращено управление 1-го Прибалтийского фронта, причем Баграмян стал командующим войсками ПриБВО, Хлебников – командующим артиллерией округа.

Как же распорядился генерал Хлебников своими новыми властными полномочиями? Он незамедлительно скомандовал срочно подготовить наградные листы на офицеров – слушателей 10-го отдельного полка резерва офицерского состава фронта. Жизнь и судьба многих из них не отличались ни прямотой, ни безоблачностью: кто-то попал в опрос после плена, нахождения на оккупированной территории и пребывания в проверочно-фильтрационном лагере НКВД, кто-то – после штрафного батальона, кто-то – после многомесячных скитаний по госпиталям. Вот почему у многих слушателей, воевавших с первых дней войны, не было ни одной боевой награды⁵.

⁴ Баграмян 1997. С. 594.

⁵ «В ноябре 1943 года минуло два года, как я непрерывно находился в Действующей армии, но на груди у меня еще не было никаких наград, – с досадой вспоминал сходную ситуацию ветеран войны А.З. Лебединцев. – ...Строго говоря, меня могли бы наградить только за то, что я уже два года был на фронте и меня еще не убили» (http://militera.lib.ru/memo/russian/lebedintsev_az/index.html). Сравни размышления профессора Олега Юдина, героя некогда очень популярного романа Александра Крона «Бессонница» (1977): «К концу войны я был полковником, четы-

Генерал Хлебников решил исправить это непростительное упущение, в полной мере используя власть командующего фронтом: если командир полка представлял своих слушателей, как правило, к ордену Красной Звезды, то командующий фронтом был более щедр, постоянно повышая на несколько ступеней достоинство награды. Видимо, полностью исчерпав запас имевшихся в штабе фронта орденов и медалей, он отметил боевые заслуги слушателей и красноармейцев полка всеми орденами и медалями, которыми мог наградить своей властью – от медали «За боевые заслуги» до ордена Красного Знамени, не исключая орденов Суворова, Кутузова, Богдана Хмельницкого III степени и ордена Александра Невского. Орден Красного Знамени получили 7 офицеров, Суворова III степени – один человек, Кутузова III степени – 8, Богдана Хмельницкого III степени – 20 человек, из них один рядовой; Александра Невского – 4 офицера, из них три человека принадлежали к командному составу полка; Отечественной войны I степени – 13, Отечественной войны II степени – 45, Красной Звезды – 109 солдат и офицеров полка, Славы III степени – 17 солдат и сержантов полка, медаль «За отвагу» – 13, медаль «За боевые заслуги» – 16 бойцов полка. Действия генерал-полковника артиллерии были основаны на точном математическом расчёте: Хлебников прекрасно понимал, что в эти победные майские дни, до краёв переполненные всеобщим восторгом, никто не поставит ему в вину этот приказ о награждении.

Николай Михайлович Хлебников был человеком первого часа войны, блистательно воевавшим от начала и до конца Великой Отечественной, о чём неопровержимо свидетельствовали его награды: звание Героя Советского Союза, два полководческих ордена Суворова I степени, ордена Кутузова I и Суворова II степени. Хлебников служил в артиллерии еще в Первую мировую, во время Гражданской войны командовал артиллерийским дивизионом в легендарной 25-й Чапаевской дивизии, в 1920 г. был удостоен ордена Красного Знамени. Большой террор не прошёл мимо него: краснознаменец Хлебников был арестован в 1938-м и выпущен в 1939 г. Кажется, жизнь должна была научить его

режды орденосцем и главным хирургом фронта. Сказалось ли на моих успехах неожиданное благоволение высокого начальства? В то время сама постановка вопроса показалась бы мне оскорбительной. Сегодня я смотрю трезвее. *Не в моем характере что-либо выпрашивать, но если вспомнить, сколько боевых заслуг и даже настоящих подвигов в суетоке военных будней остаются незамеченными и неотмеченными, то надо признать – мне везло, я всегда был в поле зрения!* (курсив мой. – С.Э.) // <http://www.litmir.me/br/?b=48670&p=39>. В годы войны А.А. Крон служил на Балтийском флоте и реальную наградную практику той поры знал не понаслышке.

осторожности. Ничуть не бывало. В недоброй памяти для судеб офицерского корпуса Вооружённых Сил 1960 году, когда Н.С. Хрущёв объявил о предстоящем сокращении армии и флота на 1 миллион 200 тысяч человек, голословно изрёкши, что с появлением ракет исчезает прежняя нужда армии в авиации, артиллерии и даже танках, генерал-полковник артиллерии Хлебников не стал безропотно воспринимать эти безграмотные разглагольствования «кукурузника» – и за свою строптивость незамедлительно был отправлен в отставку.

Пройдут годы, и, когда Николай Михайлович будет праздновать 70-летний юбилей, один из его друзей порадует за генерала: «Дивлюсь: сколько раз ты рисковал жизнью, а счастье тебе не изменило. Видно, в сорочке родился. – Не знаю, в сорочке или без нее, – отозвался генерал, – а вот умирать буду в шинели». Артиллерия стала судьбой этого мужественного и невозмутимого человека: «Иногда я думаю: почему, мечтая с мальчишеских лет о профессии инженера, стал военным, артиллеристом? Случайное стечение жизненных обстоятельств? Нет! Повлияли на мой выбор и рассказы отца, служившего в артиллерии, и, конечно же, юность, проведенная на войне. Однако главная причина в другом – в математике, в том, что прирожденную склонность к решению сложных математических задач я смог применить именно в артиллерийском деле. Обычно математика представлял таким “сухарем” – черный костюм, очки, чинная аудитория, доска, исписанная формулами. А в артиллерии совсем иная фигура: сильная, подвижная, в выгоревшей на солнце гимнастерке, в низко надвинутой на лоб фуражке, из-под козырька которой глядят по-ястребиному зоркие глаза. Это командир артиллерийской батареи. На скате высоты, в окопчике, под жестокой бомбежкой и артобстрелом, он тоже оперирует математическими формулами, он готовит данные для стрельбы. И от того, насколько быстро и точно он их подготовит, зачастую зависит успех всего боя. Тут не место для слабонервных, и близкий разрыв тяжелого снаряда не помешает комбату в его расчетах. Он вовремя подаст команду, огнем своей батареи подавит вражескую батарею и выиграет дуэль у неприятеля потому, что он не только хороший математик, но и хладнокровный, отважный человек»⁶.

Кого же наградила генерал-полковник артиллерии Хлебников?

Капитан Иван Алексеевич Крупенников, 1910 года рождения, командир стрелкового батальона, воевал с 3 июля 1941 года, принял участие в тяжёлых боях и *пять раз был ранен*. Наград, судя по наградному

⁶ Хлебников 1974. С. 3.

листу, отважный комбат не имел: ни сам капитан, ни тот, кто оформлял его наградные документы, не знали, что 31 октября 1944 года Крупеников был награждён орденом Отечественной войны I степени, знак которого ему не был вручён, ибо комбат был тяжело ранен и попал в госпиталь, после долгого излечения в котором направлен в опрос. Вчитаемся в текст наградного листа. «Ранен 14 ноября 1941 г. при обороне батальоном г. Вязьмы, отбив при этом 5 контратак противника и только после отражения контратак противника покинул поле боя. Вторично ранен при освобождении г. Ржева, будучи ранен продолжал командовать батальоном... В третий раз ранен 29 сентября 1942 г. При наступлении на железнодорожную станцию Сычевка...». Командир 10-го отдельного полка резерва офицерского состава, заполняя в течение короткого промежутка времени множество наградных листов, невольно допустил неточность, что было вполне объяснимо: прошло уже несколько лет после описываемых событий. 14 ноября 1941 года никакой обороны Вязьмы быть не могло. Вязьму немцы взяли 7 октября и замкнули кольцо чуть восточнее ее, а 14 ноября были уже восточнее линии Волоколамск – Можайск (и 15-го перешли с нее в наступление, в ходе которого, в частности, произошел бой у разъезда Дубосеково). Наступление 29 сентября 1942 года на Сычевку – это громко сказано: в те дни умирала естественной смертью 1-я Ржевско-Сычевская операция (начатая 30 июля и формально вообще «законченная» в августе), и активные действия велись лишь на Ржевском направлении (севернее Ржева), а на Сычевском (западнее реки Вазузы) – разве что бои местного значения. Вот 25 ноября начали 2-ю Ржевско-Сычевскую операцию («Марс») – тогда другое дело. Но наградной лист очень точно передаёт суть тех давних событий. У Александра Твардовского есть пронзительное стихотворение «Я убит подо Ржевом...»; оно посвящено погибшим боевым товарищам капитана Крупеникова, награждённого по приказу Хлебникова орденом Красного Знамени.

*Я убит подо Ржевом,
В безымянном болоте,
В пятой роте,
На левом,
При жестоком налете.
Я не слышал разрыва
И не видел той вспышки, -
Точно в пропасть с обрыва -
И ни дна, ни покрывки.
И во всем этом мире
До конца его дней -*

*Ни петлички,
Ни лычки
С гимнастерки моей.*

Капитан Николай Григорьевич Черенков, 1911 года рождения, командир стрелкового батальона, воевал с 8 июля 1941 г. и *четыре раза был ранен*, но никаких наград не имел – ни орденов, ни медалей. «Ранен 1 октября 1941 года при наступлении на станцию Синявино Ленинградского фронта... при отражении наступления противника им было отражено 3 контратаки противника и удержан занятый рубеж до подхода своих частей». Вторично капитан Черенков был ранен 1 января 1943 г. во время наступления на Великие Луки, когда он, заменив выбывшего из строя командира батальона, руководил уличным боем, овладел тремя городскими кварталами Великих Лук и выполнил поставленную задачу. «Только после выполнения задачи убыл в госпиталь». Командир полка представил Черенкова к ордену Красной Звезды, а командующий фронтом генерал Хлебников наградил его очень редким для комбата орденом Суворова III степени, *повысив награду на шесть ступеней*.

Капитан Федор Арсентьевич Емельянов, 1918 года рождения, воевал с июня 1941 года, *четыре раза был ранен и один раз контужен*, но наград не имел. Во время наступательных боев под городом Рига Емельянов заменил выбывшего по ранению командира батальона, принял командование на себя и продолжал вести бой. «В этом бою батальоном было уничтожено 3 немецких танка и более 50 немецких солдат». Емельянов был в четвертый раз ранен, но покинул поле боя только после выполнения батальоном боевой задачи. Командир полка представил капитана к ордену Отечественной войны II степени, генерал Хлебников наградил его орденом Кутузова III степени, *повысив награду на четыре ступени*. Однако эту офицерскую награду Емельянов, уже ставший майором, получил лишь в июне 1949 года: в один день ему вручили сразу три ордена – Кутузова III степени, Отечественной войны II степени, Красной Звезды. Двух последних наград майор Емельянов был удостоен соответственно в 1943-м и 1944-м годах, но из-за ранений не смог их своевременно получить.

Лейтенант Алешин Николай Иванович, 1923 года рождения, беспрерывно воевал с июля 1942 года, временно командовал ротой, дважды был ранен, но наград не имел. «20 июля 1944 года при форсировании реки Свипра в районе населенного пункта Козловка товарищ Алешин с принятой им ротой первым форсировал реку и занял плацдарм на противоположном берегу реки, захватив населенный пункт Козловка. Неподходящие для проведения контратаки при поддержке

танков были отбиты с большими потерями в живой силе и технике противника – подбито 4 танка, уничтожено до взвода пехоты. 24 июля 1944 года при общем наступлении с занятого плацдарма, при занятии населенного пункта был ранен в левую руку и грудную клетку». Представленный к ордену Красной Звезды лейтенант Алешин получил награду *на четыре ступени выше* – орден Богдана Хмельницкого III степени.

Младший лейтенант Башкалов Пётр Алексеевич, 1907 года рождения, воевал с 20 января 1942 года, командовал стрелковым взводом, дважды был ранен, наград не имел. «При наступлении в районе высоты Зайцева Гора Смоленской области 25.12.42 г. первым ворвался в траншею противника, уничтожил 2-х ручных пулеметчиков противника и, преследуя группу немцев, занял высоту. И будучи раненым находился с подразделением до подхода соседней роты. Вторично был ранен 20.02.43 г., наступая в составе 270 стрелкового полка, личным примером увлёк в атаку взвод и, ворвавшись в траншею противника, уничтожил до 10 гитлеровцев». Представленный к ордену Красной Звезды младший лейтенант Башкалов получил награду *на три ступени выше* – орден Александра Невского.

Приведенных примеров достаточно, чтобы наглядно представить себе, кого именно решил наградить генерал-полковник артиллерии Хлебников. Можно предположить, что Верховный Главнокомандующий был проинформирован о нетривиальном генеральском приказе и отнёсся к нему одобрительно. Прошло несколько недель, и генерал Хлебников стал участником Парада Победы, после которого в Кремле был дан приём в честь полководцев и военачальников.

«На приеме был произнесен тост за советских артиллеристов, за командующего артиллерией Советской Армии и его заместителей, за командующих артиллерией фронтов. Мы подошли к столу, где сидели руководители партии и правительства, представились по очереди Верховному Главнокомандующему. Признаюсь, я очень волновался.

— Здравствуйте, товарищ Хлебников, – просто и сердечно сказал Сталин. – Позвольте лично поздравить вас с победой. Что вам налить?

Неожиданно для себя я ответил:

— Водочки, товарищ Сталин!

Он улыбнулся:

— Водочки-то у меня нет. Только вино. Придется одолжить у Михаила Ивановича Калинина.

И, обратясь к сидящему рядом Калинин, сказал:

— Налей, пожалуйста, артиллеристу, Михаил Иванович.

Михаил Иванович налил мне бокал, а Иосиф Виссарионович продолжал: — Как это ваши молодцы-артиллеристы ее пьют... Чиста, говорят, как слеза божьей матери, крепка, как Советская власть, — так ведь?

— Вы и это знаете, товарищ Сталин?

Он кивнул: — Знаю. Положено знать. Молодцы они, наши солдаты, — негромко добавил он. — Твердый народ. Давайте выпьем за них, за ваших артиллеристов, и за ваше здоровье!

Я был растроган⁷.

Спустя короткий промежуток времени в Генеральном штабе состоялся банкет для полководцев и военачальников, на который был приглашён Верховный Главнокомандующий. Сталин приглашение принял, но, хотя сидел за одним столом с маршалом Жуковым, не произнёс здравицы в его честь. Маршалам это показалось странным, и во время перекура они предложили Георгию Константиновичу самому взять слово, обещая его поддержать и напомнить Хозяину о его заслугах.

«Жуков свое выступление-тост начал примерно так: “Если бы меня спросили: когда за всю войну мне было тяжелее всего, то я бы ответил, что осенью и зимой при обороне Москвы, когда практически решалась судьба Советского Союза”. Выслушав молча эту тираду Жукова, Сталин внезапно оборвал его словами: “Вот вы, товарищ Жуков, вспомнили оборону Москвы. Правильно, что это было очень трудное время. Это была первая победоносная битва нашей армии при защите столицы. А Вы знаете, что многие ее защитники, даже генералы, получившие ранения и отличившиеся в боях, оказались не отмеченными наградами и могут не получить их, т.к. стали инвалидами!” На этот упрек Жуков ответил так: “Товарищ Сталин, я, как и Вы, тоже не отмечен наградами за эту битву, хотя почти все работники Генерального Штаба награждены орденами Ленина (Шапошников, Антонов, Ватутин, Штеменко и др.). Вполне допускаю, что мною допущен в этом деле просчет, и мы поправим это”. Тут Сталин ударил кулаком по столу так сильно, что хрустальная ножка высокого фужера обломилась и красное вино пролилось на скатерть. Вождь, перебивая Жукова, сказал: “А вместе с тем вы не забыли наградить своих бл...ей”. Наступила гробовая тишина, в ходе которой Сталин поднялся, удалился из-за стола и больше не вернулся»⁸.

⁷ Хлебников 1974. С. 374.

⁸ http://militera.lib.ru/memo/russian/lebedintsev_az/index.html Можно предположить, что Верховный Главнокомандующий, в частности, имел в виду личную медсестру маршала старшего лейтенанта медицинской службы Лидию Владимировну Захарову, награждённую орденами Красного Знамени, Красной Звезды и

Казус, или Из «Катюши» – по танкам!

Принято считать, что легендарная «Катюша» *никогда* не применялась, да и в принципе не могла применяться против немецких танков. «Катюша» – система залпового огня, т.е. площадное оружие низкой точности с большим разбросом снарядов по местности. Если обратиться к изданной в 1942 г. брошюре «Таблицы стрельбы реактивными снарядами М-13», то из этого официального наставления следует, что при дальности стрельбы 3000 м отклонение по дальности составляло 257 м, а боковое – 51 м. Для меньших расстояний отклонение по дальности в «Таблицах» вообще не приводилось, т.к. рассеивание снарядов не поддавалось расчету⁹. Вероятность попадания реактивного снаряда в танк на такой дистанции сочли недостаточной, поэтому был сделан решительный вывод: из-за огромного рассеивания стрельба по танкам малоэффективна. Если же теоретически представить, что боевая машина как-то ухитрилась выстрелить в танк в упор, то и тут дульная скорость 132-мм снаряда составляла всего 70 м/с, что явно недостаточно, чтобы пробить броню «Тигра» или «Пантеры». Однако реальная боевая практика оказалась богаче этих якобы безусловно логичных и якобы абсолютно безошибочных теоретических рассуждений.

Во время Донбасской стратегической операции 1943 года, которая проводилась войсками Юго-Западного и Южного фронтов Красной Армии с целью освобождения Донецкого угольного бассейна, немцы, стремясь переломить ситуацию и остановить советское наступление, стали срочно перебрасывать танковые дивизии с менее активных участков фронта, сосредоточивать их у основания клина наступающих частей Красной Армии и бросать эти танковые дивизии при поддержке пехоты в контрнаступление¹⁰. 31.08–02.09.1943 противник силами 3-й горнострелковой и 17-й танковой дивизий¹¹ нанес контрудар в районе Кутей-

медалью «За боевые заслуги», а всего имевшую к концу войны десять боевых орденов и медалей, включая три иностранных награды.

⁹ Широкоград 2008.

¹⁰ «Но все эти меры были уже запоздалыми. Они не могли спасти противника от разгрома на “Миусфронте”. Нам удалось вскрыть перегруппировку его глубоких оперативных резервов и подготовить им надлежащую встречу» (Бирюзов 1961. С. 183). В это время генерал С.С. Бирюзов (с 1955 г. – Маршал Советского Союза) был начальником штаба Южного фронта.

¹¹ В июле 1943 года, во время боев под Курском (непосредственно в этом сражении 17-я танковая дивизия не участвовала, находясь в резерве 24-го танкового корпуса) насчитывалось 4 Pz.II, 29 Pz.III, 32 Pz.IV и 2 трофейных советских Т-34. Pz.II - это легкий танк, а Pz.III и Pz.IV - средние.

никово – Покрово-Киреевка (Амросиевский район Донецкой области)¹². В первый же день нанесения этого контрудара он был удачно парирован бесстрашными действиями солдат и офицеров 23-го гвардейского Краснознаменного минометного полка, который поддерживал наступления 13-го гвардейского стрелкового корпуса 2-й гвардейской армии Южного фронта. Полком командовал 29-летний гвардии майор Тимофей Иванович Шанкин, воевавший с 22 июня 1941 года. Выполняя боевую задачу и стремясь любой ценой остановить контратакующих немцев, «Катюши» его полка прямой наводкой стреляли по наступающим немецким танкам¹³. По итогам этого боя командир полка представил к награждению орденом Красной Звезды трех своих гвардейцев: ефрейтора Александра Даниловича Ермилова, старшего сержанта Николая Сергеевича Левина и лейтенанта Эдуарда Анатольевича Трахтенгерца.

«31.8.43 при поддержке частей 13 гвардейского стрелкового корпуса в районе с. Ольгинская водитель боевой машины т. Ермилов при отражении контратаки танков и пехоты противника с открытой боевой позиции при стрельбе прямой наводкой исправил электрооборудование боевой машины при обстреле танков противника. Благодаря умелым и хладнокровным действиям он обеспечил своевременный залп, контратака была отбита и подбито 3 танка противника».

«31.8.43 г. в районе деревни Павловка дивизион поддерживал 3 стрелковую дивизию. В 17.00 25 танков и пехота противника неожиданно атаковали нашу пехоту и вырвались на скаты высоты, что западнее хутора Донецкий. Создалось критическое положение. Танки подходили к огненным позициям, на которых стояли боевые машины. Противник подверг сильному орудиному обстрелу наши огневые.

¹² Немцы пытались вбить клин в стык между наступающими войсками 3-й и 87-й гвардейских дивизий: первая организационно входила в состав 13-го гвардейского корпуса, вторая подчинялась непосредственно командованию 2-й гвардейской армии Южного фронта. В течение четырёх суток противник 12 раз контратаковал наступающие части 3-й гвардейской стрелковой дивизии. Хотя дивизия была сильно ослаблена в предшествующих боях, потеряв в них 4 тысячи человек, все контратаки противника были отбиты.

¹³ Полк, отличившийся еще во время боев за Сталинград, имел опыт борьбы с немецкими танками. «Полк под командования майора Шанкина с 31 июля по 2 августа 1943 г. отразил 12 атак танков и пехоты противника, сжег и подбил 9 танков, среди них один «Тигр», уничтожил до 600 солдат и офицеров». 13 сентября 1943 г. приказом командующего артиллерией Южного фронта гвардии майор Шанкин был награжден орденом Александра Невского. Он получил первоначальный, редкий вариант ордена – «подвесной»: орденский знак еще не имел винта и прижимной гайки, а крепился к прямоугольной подвесной колодке с прижимной гайкой на ней.

Помощник командира огневого взвода гвардии старший сержант Левин, несмотря на сплошные разрывы снарядов, подошел к установке, навел основное орудие на цель и открыл огонь по прорвавшейся группировке противника. В результате точного и мощного залпа атака была отбита, атакующие танки рассеяны, уничтожено свыше взвода пехоты и автоматчиков противника».

«31.8.43 при поддержке частей 13 гвардейского стрелкового корпуса батарея, где командиром огневого взвода т. Трахтенгерц, получила задачу отбить контратаку противника в районе села Павловка – пехота до батальона при поддержке 17 танков. Установки взвода были выведены на открытую огневую позицию. Под обстрелом со стороны танков противника взвод дал залп по вражеской пехоте и танкам, проявив исключительную выдержку командира и всего личного состава. В результате залпа уничтожено более 30 солдат и подбито 5 танков противника».

Гвардии майор Шанкин, взяв руки коричневый карандаш из набора «Тактика», размашисто подписал эти наградные листы лишь 4 октября 1943 г. Отчасти такая неспешность объясняется тяжелыми боями, которые вел полк в течение полутора месяцев, отчасти тем, что Шанкин относился к числу тех командиров, которые ревниво следили за тем, чтобы у подчиненных не было орденов больше, чем у них, и которые представляли подчиненных к награде лишь после того, как сами её получают от вышестоящего командования. Но как только майору Шанкину, уже имевшему два ордена Красного Знамени, вручили орден Александра Невского, он, став трижды орденосцем, незамедлительно подписал наградные листы на трех своих гвардейцев. Однако время было упущено, и подвиг ефрейтора, старшего сержанта и лейтенанта, прямой наводкой стрелявших из «Катюш» по немецким танкам, уже не выглядел необыкновенным. Их боевой опыт не был своевременно осмыслен и должным образом оценен¹⁴. Достоинство награды было снижено. 17 ноября 1943 г. всех троих вместо ордена Красной Звезды приказом командующего артиллерией фронта наградили медалями «За отвагу».

Все герои этой истории дожили до Победы. Полное название части, в которой они служили, в конце Великой Отечественной войны

¹⁴ «Боевая практика показала, что стрельба “Катюш” по вражеским танкам не является занятием безнадежным. С танков сметало десант, заклинивало башни, выходила из строя ходовая часть. Осколки нередко пробивали запасные баки, вызывая пожар. Даже самое безобидное для танкового “железа” прямое попадание “в лоб” приводило к контузии членов экипажа» (Филистович 2011). Полковник Дмитрий Васильевич Филистович – начальник кафедры боевого применения артиллерии Военного факультета в Белорусском государственном университете.

звучало так: *23-й гвардейский минометный Севастопольский Краснознаменный, орденов Богдана Хмельницкого II степени, Суворова III степени, Кутузова III степени и Александра Невского полк*. Грудь подполковника Шанкина украшали семь орденов: три ордена Красного Знамени, орден Александра Невского и три ордена Отечественной войны I степени. Впрочем, его душа алкала иного. После Победы он признался офицерам полка: «Как было бы хорошо, если бы товарищ Сталин, который уже восстановил в армии погоны и гвардейское звание, ввел бы еще в стране и звание графа. Представляете, как звучно бы это звучало – командир полка гвардии подполковник граф Шанкин?!» После войны он продолжил служить в армии, стал полковником, удостоился еще трех орденов, но «его сиятельством графом Шанкиным» так и не стал. Когда ветераны полка решили на юбилей Победы встретиться в Севастополе, то бывшего командира полка, десятикратного орденосца, своего «батю», они на эту встречу однополчан не пригласили. «Тут ни убавить, ни прибавить...»

Эту историю мне рассказал мой тесть – гвардии полковник, главный научный сотрудник Института проблем управления РАН, доктор технических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ Эдуард Анатольевич Трахтенгерц – один из создателей современной теории систем поддержки принятия решений. Он, девятнадцатилетний гвардии лейтенант, измотанный тяжелым полуторамесячным наступлением, на марше встретился со знакомыми связистками: девушки-связистки любили слушать рассказы интеллигентного москвича с Большой Бронной, который часами мог декламировать им стихи или пересказывать содержание любимых книг. Лейтенант стал рассказывать о событиях последних дней, но неожиданно был прерван возмущенными девушками: «Эдик! Как ты можешь? Мы-то думали, что ты не такой, как все, что ты и слов-то таких не знаешь, что ты никогда не ругаешься?» – «А я и не ругался, – резюмировал спустя семьдесят лет Эдуард Анатольевич, беседуя со мной. – Я просто рассказывал им о бое “Катюш” с немецкими танками».

БИБЛИОГРАФИЯ

- Баграмян И.Х. Так шли мы к Победе. М.: Воениздат, 1997. (Военные мемуары).
Бирюзов С.С. Когда гремели пушки. М.: Воениздат, 1961.
Филистович Д. «Катюши» против танков // «Во славу Родины»: Белорусская военная газета // <http://vsr.mil.by/2011/09/15/katyushi-protiv-tankov/>
Хлебников Н.М. Под грохот сотен батарей. М.: Воениздат, 1974. С. 3 (Военные мемуары).
Широкопад А. «Лука» и «Катюша» против «Ванюши» // Независимое военное обозрение // http://nvo.ng.ru/history/2008-06-20/12_katusha.html

REFERENCES

- Bagramyan I.Kh. Tak shli my k Pobede. M.: Voenizdat, 1997. (Voennye memuary).
Biryuzov S.S. Kogda gremeli pushki. M.: Voenizdat, 1961.
Filistovich D. «Katyushi» protiv tankov // «Vo slavu Rodiny»: Belorusskaya voen-naya gazeta // <http://vsr.mil.by/2011/09/15/katyushi-protiv-tankov/>
Khlebnikov N.M. Pod grokhot soten batarei. M.: Voenizdat, 1974. S. 3 (Voennye memuary).
Shirokorad A. «Luka» i «Katyusha» protiv «Vanyushi» // Nezavisimoe voennoe obozrenie // http://nvo.ng.ru/history/2008-06-20/12_katusha.html
Jum D. Estestvennaja istorija religii. Dialogi o estestvennoj religii. O bessmer-tii dushi. O samoubijstve: Per. s angl. Jur'ev: Tip. Je. Bergmana, 1909. 178 s.

Экштут Семен Аркадьевич, доктор философских наук, ведущий научный сотрудник Института всеобщей истории РАН; semekshut54@gmail.com

“In style plain and vivid”: Practice of award granting during the Great Patriotic War.

The article presents the results of the analysis of the award granting practice of the period of the Great patriotic War. The author reconstructs the algorithm of the filling-in, and registration of a award paper, and its passage through numerous official institutions. A case study is also presented.

Keywords: Great Patriotic War, award paper, penal battalion, order, phaleristics, a secondary role in history, N.M. Khlebnikov.

Semen Ekshtut, Dr.Sc. (Philosophy), leading researcher of the Institute of World History, Russian Academy of Sciences; semekshut54@gmail.com

ИСТОРИЯ И ЛИТЕРАТУРА

К. К. СУЛТАНОВ

МЕМОРИАЛЬНАЯ ПАРАДИГМА И ЛИТЕРАТУРА КАК «ВТОРАЯ РЕАЛЬНОСТЬ»

В статье рассмотрены различные нарративные стратегии художественной реконструкции человека в истории, истории в человеке. Акцентируя идею самодвижения литературного образа и его когнитивных возможностей, автор подчеркивает, что судьбу произведения решает не степень вовлеченности или фетишизации исторических фактов, а синтезирующая их авторская концепция. Особое внимание уделяется семантико-функциональной роли исторической памяти в художественном мире, подвижной диалектике факта и образа. Выделяя модели национально-литературного сознания, автор различает нравственный императив памяти, символизирующей непрерывность исторического бытия народа, и манифестацию назидательного, но-стальгического припоминания прошлого как навсегда актуального. Отмечается и такой немаловажный аспект: в мире длящейся истории динамическая открытость мемориального дискурса выступает и как сила жизнестроительная, и как предпосылка проективного мышления, устремленного в будущее.

Ключевые слова: мемориальный дискурс, историческая память, нарратив, художественная реконструкция, самодвижение образа, идентичность, инструментализация памяти, культурная амнезия.

Историю и литературу, исторический факт и художественный образ, историческую память и творческую волю связывает особого рода взаимоотношение: история для литературы и литературоведения нечто большее, чем смежная гуманитарная дисциплина или только источник фактов, литература для истории нечто большее, чем одна из форм познания прошлого, задающая параметры его воплощения в слове.

Три выразительных примера в подтверждение нераздельности «исторического» и «литературного» при всем понимании неслиянности этих сфер гуманитарного знания. Характеризуя основной импульс филологии, Ф. Шлегель прибегал к понятию «исторический энтузиазм». Нобелевской премии по литературе в 1902 г. был удостоено классическое историографическое исследование Т. Моммзена «Римская история». В. Ключевский уточнял, что Пушкин «не мемуарист и не историк», но при этом подчеркивал, что «для историка большая находка, когда между собой и мемуаристом он встречает художника. В этом значение Пушкина для нашей историографии...»¹.

¹ Ключевский 1880. С. 27.

Литература и история как наука существуют в модусе открытости, незавершенности – нет конца истории вопреки известному прогнозу, нет конца литературе как человековедению. В литературной практике обращают на себя внимание два типа писательского отношения к истории. Первый характеризуется стремлением к объективизации средствами литературы, которое, однако, приводит нередко к такой фетишизации исторического факта, когда сужаются когнитивные возможности художественного образа и ослабевает энергия его самодвижения. Очевидно, что судьбу произведения решает не вовлечение в него максимального количества фактов, а синтезирующая их художественная концепция. В работе «Исторический роман» (журнал «Литературный критик», 1937–38), Г. Лукач осуждает псевдоисторичность самодовлеющей фактологии, ссылаясь на отзыв О. Бальзака о романе Лятуша «Леон»: «Весь роман состоит из 200 страниц, на которых рассказано о 200 событиях. Ничто так не изобличает бездарность писателя, как нагромождение фактов... Талант расцветает в изображении причин, порождающих факты, в тайнах человеческого сердца, движениями которого пренебрегают историки». Другой тип приобщения к истории я бы назвал приватизацией прошлого от имени воинствующей субъективности, склонной к игнорированию приоритетности факта и освободившей себя от рефлексии по поводу своих писательских амбиций.

Состоявшееся художественное произведение, ориентированное на исторический материал, можно аттестовать как особую форму переживания встречи с историей, представленной в человеческих судьбах. Память в ее литературном воплощении ориентирована на целостность человеческого бытия, насквозь исторического – речь не о роли личности в истории, а о вовлеченности в нее каждого человека. Бывший смысл перестает быть бывшим в процессе художественной реконструкции человека в истории и истории в человеке. Это несколько иная методологическая позиция, чем у пушкинского дьяка из «Бориса Годунова», который «спокойно зрит на правых и виновных, добро и зло внимая равнодушно, не ведая ни жалости, ни гнева».

На разных этапах и в разных форматах культурных практик упомянутое взаимоотношение приобретало дискуссионный характер, обращаясь абсолютизацией исторического знания, в тени которого пребывала литература, или всепроникающего фактора «литературности».

Если говорить об истории вопроса, то уместно напомнить о давней бурной полемике вокруг трактата «Философия искусства» (1865–69) И. Тэна, объявившего решающим критерием понимания произведения мировоззрение и нравы эпохи. Когда Г. Лансон писал, что художник

при всей его оригинальности «на три четверти состоит из элементов, которые не ему лично присущи»², то понятно, насколько велико было влияние идей Тэна. В. Герье в статье «Ипполит Тэн и его значение в исторической науке» высоко оценил «историческое объяснение литературных памятников»: «драмы Расина воскресают к новой жизни... все, что они утратили в художественном отношении в наших глазах, они приобретают как исторический памятник... эстетическая ложь превращается в историческую правду»³. Попытки выдать литературу за историю, разумеется, активно оспаривались. В России против навязывания литературному тексту функции исторического источника выступали академик В. Перетц⁴ («нельзя доверять литературным памятникам как документам»), А. Евлахов⁵, решительно не принимавший недооценку авторского начала и художественной специфики: нельзя в литературе «искать только историю». В Европе на превращение писателей в историков «во времена Тэна» сетовал Г. Флобер в письме к Жорж Санд в 1869 г.: «Когда же будут художниками, только художниками, подлинными художниками! Где вы найдете критика, который по-настоящему интересуется произведением, *самим по себе?*»⁶

Что касается второй части контroversы «историческое – литературное», то следует сослаться на постмодернистское редуцирование работы историка к тотальной нарративности, когда историческое сочинение воспринимается как всего лишь «словесная структура в форме повествовательного прозаического дискурса». Развернутое обоснование этого тезиса находим в научном бестселлере Х. Уайта «Метаистория», где историк фактически отлучается от «поиска истины» и традиционного доверия к архивному источнику: «Историки и хотели бы говорить буквально и ничего, кроме истины, не рассказывать об объекте своего исследования, но невозможно повествовать, не прибегая к фигуративной речи и дискурсу, который по своему типу является скорее поэтическим (или риторическим), нежели буквалистским. Чисто буквалистское описание того, “что произошло” в прошлом, может быть использовано только для создания анналов или хроники, но не “истории”»⁷.

Знание, понятно, не может передаваться, минуя повествовательный дискурс, но как быть с «историческим знанием», которому отка-

² Лансон 1911.

³ Герье 1890.

⁴ Перетц 1914.

⁵ Евлахов 1910–1917.

⁶ Академические школы... С. 106, 107, 189, 193, 198

⁷ Уайт 2002. С. 17, 13.

зано в достоверности и верифицируемости только потому, что оно без остатка сводится к модусу повествовательности? Если исторический дискурс всецело замыкается в пределах тропологии, точнее – четырех тропов (метафора, метонимия, синекдоха, ирония), о которых пишет Ф. Анкерсмит⁸, то радикализация принципа нарративизма или текстоцентризма не столько расширяет эпистемологические границы, сколько чревата утратой смысла исторических разысканий, аннигиляцией самого предмета и деисторизацией истории как объекта изучения.

Артикуляция истории как повествования и эстетизация исторической работы не может считаться достаточным основанием для оправдания явной избыточности уподобления исторического исследования литературному тексту. Историк утрачивает право на понимание и герменевтическую расшифровку смыслов, когда он имеет дело с документами, и тем самым дискредитируется предложенное П. Рикёром определение: «Цель историка – понять и объяснить»⁹.

Есть и другой немаловажный аспект темы: идеологически ангажированная роль историографического дискурса в оформлении политики памяти, прибегавшей к манипулированию историческими образами и событиями для решения конъюнктурных задач. Память, освященные ею символы и артефакты часто используются как действенный инструмент политической риторики, воспринимающей прошлое в ряду судьбоносных «сырьевых ресурсов». Политика припоминания, инструменталистское использование темы прошлого получили широкое распространение в мире и не случайно формулировка одной из основных тем XIX Международного Конгресса исторических наук в Осло носила не столько научный, сколько злободневно-прагматический характер: «Использование истории, злоупотребление ею и ответственность историков».

Сегодня по своей востребованности концепт «историческая память» побил все рекорды, но остаются непроясненными многие вопросы – как, например, соотносятся историческая память и историческое знание, индивидуальное воспоминание и коллективная память, психологические и социальные регуляторы памяти и т.д. Как нить Ариадны вывела Тесея из лабиринта Минотавра, так и изучение феномена исторической памяти и вариативности ее типов (автобиографическая, коллективная, семейная, национальная, генетическая память литературы) подводит к пониманию того, как формировались представления о прошлом и какова роль литературы в этом процессе.

⁸ Анкерсмит 2003.

⁹ Рикёр 2004. С. 10.

Подчеркивая роль памяти в возникновении исторического знания, П. Хаттон прослеживает ее историю – вплоть до имажинативной памяти древних поэтов, которую в современном мире заменила память исторического времени. Матрицей бытования памяти остается устная традиция как ее доисторический исток, интерес к которой проявлял еще Дж. Вико в своих «Основаниях новой науки об общей природе наций» (1725). «Каждую стадию, – отмечает П. Хаттон, – в истории сменяющих друг друга способов коммуникации можно связать с различным историческим представлением о памяти: устную культуру – с воспроизводством живой памяти, рукописную – с восстановлением утраченной мудрости, культуру книгопечатания – с реконструкцией далекого прошлого, и медиакратическую культуру – с деконструкцией форм, из которых образы прошлого составлены»¹⁰.

В трактовке подвижной диалектики исторического факта и художественного образа можно сослаться на принципиально иной подход, альтернативный по отношению к постмодернистской позиции, несколько не смущаясь его временной отдаленностью. За год до завершения романа-эпопеи «Война и мир» Л.Н. Толстой счел нужным опубликовать в журнале «Русский архив» статью «Несколько слов по поводу книги «Война и мир»» (1868). Он писал о своих разногласиях с историками, называя их неизбежными и педалируя глубокое отличие художника от историка: описывая ту или иную эпоху, они «имеют два совершенно различные предмета». Неправота историка – в его попытке «представить историческое лицо во всей его цельности», а художник «не исполнит своего дела, представляя лицо всегда в его значении историческом», – ведь «Кутузов не всегда с зрительной трубкой, указывая на врагов, ехал на белой лошади». Для историка есть герой «в смысле содействия» цели, но для художника «должны быть люди... в смысле ответственности ...всем сторонам жизни»¹¹. Через 30 лет после публикации «Нескольких слов...» Толстой стал вынашивать замысел «Хаджи-Мурата», реализуя свою давнюю установку на соответствие героя «всем сторонам жизни», но выбирая принципиально иной вариант жанрово-композиционной организации произведения.

Историческое воображение писателя нередко находит свою реализацию и в непредсказуемом образном решении – непредсказуемом в смысле его несоответствия устоявшейся фактологической базе или, точнее, педантичности архивно-музейного отношения к истории.

¹⁰ Хаттон 2004. С. 62.

¹¹ Толстой 1985. С. 63.

Два более чем убедительных примера. Сюжетная логика монументальной эпопеи «Звезды над Самаркандом» подтолкнула С. Бородина к сочинению гипотетически существовавшего, но не обнаруженного в архивах, ответного письма султана Баязета Тамерлану, что вызвало упреки в непозволительной вольности, но затем письмо многовековой давности нашлось и, главное, оказалось по основным смысловым акцентам почти адекватным писательской версии.

Л. Толстой, проделавший титаническую источниковедческую работу при создании «Хаджи-Мурата», проявил незаурядную художническую изобретательность, когда приписал беглому шамилевскому наibu «детскую улыбку» и синонимично близкие ей «прелестность», «доброту», «добродушие», не подтвержденные ни одним источником: ни в очерке В. Потто «Гаджи Мурат» (1870), ни в публикации А. Зиссермана в «Русской старине» (1881, Т. XXX), ни в «Воспоминаниях» В. Полторацкого («Исторический вестник». Кн. 3. 1893), ставших для Толстого важнейшими источниками, ничего подобного нет. Форсированный в повести мотив «детской улыбки» Хаджи-Мурата остался единственным в литературе – первым и последним. Куда более распространенной и, кстати, антропологически точной была портретная характеристика в романе П. Павленко «Шамиль»: «...хромой человек, невысокого роста, с некрасивым жестоким лицом и невзрачно наружностью. Это и был Хаджи-Мурат, слава гор»¹². Да и в очерке В. Потто выдержана совсем иная интонация, никак не совпадающая с внутренней темой «детского добродушия» Хаджи-Мурата: он описан как человек «среднего роста, с густой, подстриженной и выкрашенной по восточному обычаю бородой, с пронизательным взглядом исподлобья... Ходил он медленно и как бы перекачиваясь, потому что обе ноги его были переломлены»¹³.

Толстой как непревзойденный археолог глубинных психологических состояний возвращал в пространство жизни украденную войной коммуникацию в форме такой реакции на «другого», которая не только включала в себя психологическую установку на узнавание «чужого», но и позволяла открыть в нем особенную привлекательность.

За невзрачностью павленковского Хаджи-Мурата – правда фотографического оттиска, внешне фиксируемого факта. За толстовской версией проступившей на лице сурового воина «детской улыбки», всецело обязанной своим появлением авторскому «произволу», – правда непредсказуемой экзистенции, проблеск желанной полноты бытия в

¹² Павленко 1942. С. 138.

¹³ Потто. 1870. С. 181.

условиях войны, непредвиденного, но потенциально возможного душевного жеста: ни один человек по природе своей не обделен улыбкой, располагающей людей друг к другу. Приписать улыбку врагу значит даже в нем увидеть человека, каким бы невзрачным, жестоким, некрасивым он не был, даже его не отлучать от «движения общей жизни» (из трактата Толстого «О жизни»), не исключать из универсума толстовской «любви ко всякому человеку как сыну божьему». Савл может стать Павлом... Художественная самостийность, безразличная к событийной случайности и стихийной явленности мысли-чувства, ничего общего не имеет с неуважением к историческому факту, будучи обусловленной осознанным внедрением «ошибки», принципом непредзаданного самодвижения образа, творческой незашоренностью авторского взгляда.

Для литературы не существует прошлого как набора непреложных истин, она чувствительна к внутренней гетерогенности национальной истории, вобравшей в себя не только «тенденции», но и разрывы, разломы, альтернативы, противоречия, идейные и творческие контрверзы – всё, что так или иначе воздействует на судьбы человеческие. Многие исследователи учитывают этот аспект, который несколько не препятствует восприятию литературного текста как «носителя значительно более аутентичной и научно значимой формы исторической памяти – не только в сравнении со школьным учебником истории, но и по сравнению с традиционными историческими исследованиями»¹⁴. Такое отношение представляется мотивированным при всем понимании того, что характеристике творческого процесса во главу угла ставится не стремление к объективированному воспроизведению факта или события, а концептуально значимая идея преобразования. В монографии Н. Гея «Пушкин-прозаик» она выделена как ключевая в пушкинской поэтике, если иметь в виду ее семантико-функциональную роль во взаимодействии фактографического, исторического, онтологического планов.

«История Пугачева» и «Капитанская дочка» созданы Пушкиным на одном историческом материале, но они как будто вышли из-под пера разных авторов. Если «История...» основана на прочной документированной базе, связана с изучением источников XVIII века и пушкинскими поездками по пугачевским местам осенью 1833 года, то в повести доминирующей оказалась обновленная и преобразующая логика внутритекстовых связей.

Вл. Одоевский в свое время обратил внимание на то, что Пугачев в «Капитанской дочке» нападает настолько быстро, что читатель не

¹⁴ Соболев 2013.

успевает побояться за жителей Белогорской крепости. Но всё дело в том, что Пушкин сопрягал временные планы, тяготея к принципу «быстрого повествования». Столь любимый им Вальтер Скотт в эпически неспешной манере подготовил бы читателя к грядущему испытанию, но, отмечает исследователь, время сюжетное и время историческое втиснуты Пушкиным одно в другое и потому преобразуют друг друга. Скачкообразное движение времени в его повести ничего общего не имеет с эпическим разворотом автора «Айвенго» и «Эдинбургской темницы». Именно поэтому 12-я глава «Капитанской дочки», описывающая бунт крестьян в имении Гринева, не вошла в канонический текст: «замедленная повествовательная структура не встраивалась в компактную динамичную композицию»¹⁵.

Какой бы ни была художественная реконструкция смысловых интенций и событийной фактуры прошлого, она непременно несет в себе преобразующий импульс творческой трансформации. Обратимся к лучшему, на мой взгляд, произведению Р. Гамзатова – поэме «В горах мое сердце». Стоит предварительно напомнить, что значили для поэта образы отца Гамзата Цадасы и имама Шамиля: именно они олицетворяли творческое и героическое начала народного бытия, с их именами в народе связывали представления о достоинстве и чести горца. О заветах отца и о письме-завещании Шамиля («Мои горцы! Любите свои голые дикие скалы...») он всегда писал так, как пишут о не подлежащих ревизии духовных ориентирах.

В 1950 г., за шесть лет до создания поэмы, появилась печально известная работа М. Багирова «К вопросу о характере движения мюридизма и Шамиля», где имаму приписана роль «орудия в руках султанской Турции и английских колонизаторов». Вслед за ней в 1951 г. из-под пера молодого поэта выходит развернутое стихотворение «Имам», жанр которого однозначно можно квалифицировать как «ложный донос», закамуфлированный под стихотворную форму. В полном соответствии с официальной установкой каждая из шестидесяти четырех строк прочитывалась как обвинительный вердикт, тональность которого задана первой же строфой: «Англичане усердно чалму на него намотали, / И старательно турки окрасили бороду хной». Признанный лидер национально-освободительного движения превратился в «предателя», а его дело – в «двадцатипятилетие обмана».

Выпад против Шамиля, позднее осознанный поэтом как непростительное искажение исторической памяти, остался в его биографии

¹⁵ Гей 2008. С. 359, 360.

как глубокая личностная драма, существенно повлиявшая на дальнейшее творчество. Через пять лет увидела свет поэма «В горах мое сердце», не имеющая по силе исповедальности и раскаяния аналогов не только в творчестве Гамзатова, но и в северокавказской литературе.

«Поспешная песня моя», «непростительно я виноват», «опрямительное творение», «саблю предка... я оружием изменника грубо назвал», «мною обманутый, он никогда не простит» – обвал самообвинений достаточно внушителен, но подобный самосуд при всей его эмоциональной откровенности показался поэту недостаточным, и он решил предоставить слово самому имаму в сцене его неожиданного ночного появления: «Газават мой, быть может, сегодня не нужен, но когда-то он горы твои защищал».

Пространство сновидения как бы утрачивает параметры условности и иррациональности, становясь другой реальностью, в которой стало возможным синхроническое соположение лирического героя и Шамиля как соплеменников и современников – наперекор столетней временной дистанции. Перед нами не столько «манифестация бессознательного» (К. Юнг), сколько осознанная, художественно отрефлексируемая память о героическом прошлом, инициированная неподдельным раскаянием как формой примирения со своей совестью: «Что сказать мне в ответ? Перед ним, пред тобою, / Мой народ, непростительно я виноват».

Монолог-инвектива Шамиля, разворачиваясь как «текст в тексте», усиливает ценностную значимость и авторитетность его голоса. Поэтому обличительный пафос имама принимается почтительно и никак не оспаривается, например, его беспощадная оценка поспешной неосмотрительности молодого поэта: «Девятнадцать пылающих ран нанесли мне, / Ты нанес мне двадцатую, молокосос».

Поэт прибегает к неоднозначному структурно-семантическому решению, основу которого составила так называемая «ложная память» – известный в литературе феномен припоминания (анамнесис, по Платону), невозможный в реальном измерении, но обладающий потенциалом магической символизации и художественной выразительности. В качестве классического примера ложного припоминания К. Исупов приводит реакцию Мышкина из романа «Идиот» Достоевского на впервые увиденный им портрет Настасьи Филипповны: «Я давеча ваш портрет увидел, и точно я знакомое лицо узнал. Мне тотчас показалось, что вы как будто уже звали меня». В рамках аналогичной «поэтики вторичного переживания былого», о которой пишет К. Исупов, фактически реализуется и гамзатовский замысел. Реинкарнация Шамиля, образ кото-

рого одновременно мифологизируется и персонифицируется, воспоминание о прошлом как непреходящей актуальности, мотив встречи с Шамилем «в зоне общей пра-памяти...»¹⁶, отменяющий границу между историей и современностью, возникают в обрамлении реальных примет, приближающих развязку коллизии: «Ночью шаг его тяжкий разносится гулко / Только свет погашу – он маячит в окне /... До утра он с укором стоит надо мною».

Символическое прощание с ошибками молодости оказалось убедительным благодаря непротиворечивому сопряжению покаяния («ты, родная земля, не гляди на поэта, словно мать, огорченная сыном своим») и исповедального признания («я люблю твою гордость и тягу к свободе, мой народ, что когда-то родил Шамиля»). Незадолго до смерти поэт вновь затронул эту тему, прошедшую через горнило политических спекуляций и соблазнов литературного приспособленчества: «Я не избегал крайностей, присущих времени, и как следствие писал о Шамиле отрицательно. Меня в народе не проклинали, но осуждали – старики, читатели. Я тогда впервые задумался: как много народа хранит о нем память. Ведь в ранней молодости я думал, что Шамиль – это просто легенда, но позже понял, что он очень много значит для Дагестана».

Для современника дагестанского поэта, киргизского прозаика Чингиза Айтматова отказ от базовых ценностей, в ряду которых и нравственный долг перед предками, также равнозначен катастрофическому слову идентичности, но в то же время в его прозе отчетливо заявлял о себе и мотив внутренней противоречивости усложнявшегося национального бытия. Нарративную стратегию автора «Джамили» и «Материнского поля» отличала чуткость к признакам лиминальности (пороговости, переходности) национального мира, пронизанного смысловыми притяжениями-отталкиваниями. Айтматов одним из первых в «советской многонациональной литературе» почувствовал эту амбивалентность ускоряющегося настоящего – именно она инициировала то, что сегодня назвали бы кризисом идентичности или сферой, по словам франкоязычного уроженца Мартиники и борца за деколонизацию Франца Фанона, «потаенной нестабильности, где народ находится».

Прошлое, материализованное в нравах, обычаях, обрядах, ритуалах присутствовало в настоящем, но все очевиднее осознавалось как прошедшее, куда навсегда уходил патриархальный культурный космос. Драматизм и сложность ситуации состояли в том, что классическая идея поступательного и необратимого прогресса перестала «работать», а из-

¹⁶ Исупов 2010. С. 514, 508, 509.

менения и разрывы национальной ткани никак не продуцировались изнутри пережитым и накопленным опытом, появляясь со стороны, не обусловленные местными ожиданиями или всё еще неутраченным чувством социальной справедливости.

Вспомним ситуацию напряженного выбора из романа Айтматова «И дольше века длится век...» – между обезличенностью, когда родовое кладбище Ана-Бейит перестает быть таковым, и самосохранением, суть которого сформулировал Едигей: «не идите против человеческого обычая». Казалось бы, обычай, как и всё в мире, подвержен изменениям, и тот или иной давний обычай тяготеет к превращению в анахронизм. Но Айтматов смотрит глубже, улавливая сущностно значимые интенции. «Идти против» в контексте его доминирующих художественных идей – от «Джамили» до поздних романов – значит «отбить человеку память, разрушить в нем разум, вырвать корни того, что пребывает с человеком до последнего вздоха, оставаясь его единственным обретением, уходящим вместе с ним и недоступным для других».

Художественная рефлексия сконцентрирована на разграничении нравственного императива памяти, символизирующей непрерывность исторического бытия народа, и безысходного забвения как посягательства на человеческое в человеке. В литературе советского периода нарицательным именем и надэтническим символом человеческого беспомощности, тотального отрыва от корней стал манкурт из романа «И дольше века длится день...». Многим запомнилась легенда о человеке, голову которого стягивала шири, сыромятная верблюжья шкура, лишаящая памяти и превращающая в «раба, не помнящего свое прошлое».

Смысловой и эмоциональный заряд манкуртизма, отсылающего к философской глубине проблемы расчеловечивания человека без памяти, сама дихотомия «память–забвение» в айтматовской трактовке получили широкий и предсказуемый резонанс в культурах и литературах малочисленных народов с их обостренным чувством исторической уязвимости: даже гипотетическая возможность культурной амнезии однозначно и обоснованно воспринималась и воспринимается ими как угроза самому существованию народа. В постсоветский период, что и следовало ожидать в возникшем ценностном вакууме после «интернационализма» и «дружбы народов», в ранг движущей силы самоидентификации была возведена историческая память, принявшая на себя функцию хранителя национальной самобытности.

Для Айтматова память сродни инстинкту самосохранения народа, залогоу его выживания – она противостоит забвению как предвестнику

распада личностного сознания и общественных связей. Генетическая память приаральского казаха Едигея и философия забвения, воплощенная в мироощущении Сабитжана, олицетворяли идейно-ценностный конфликт между охранительным традиционализмом и «беспочвенностью», не утруждающей себя оглядкой на заветы предков. Похороны отца для Сабитжана формальная обязанность, но для Едигея, озабоченного сохранением порядка слов в молитве, – нравственный закон, предписывающий похоронить Казангапа именно на Ана-Бейит.

Писатель видел и другую сторону медали – необходимость воспринимать требования современности в их сущностной соотнесенности с актуализацией памяти как силы жизнестроительной, а не только мемориальной. Распад патриархальной цельности – трещина, проходящая через сердце Едигея, но на заброшенном родовом кладбище, далеком от цивилизационных центров, все-таки сходятся этос и ракета, архаика и современность, локальный обычай и планетарная технология. На предложенном Айтматовым уровне миропонимания эти опознавательные знаки-символы различных эпох перестают быть тотально чуждыми друг другу, неразрешимыми, казалось, антиномиями, тезисом-контртезисом, обнаруживая взаимозависимость. Полет ракеты – то, что раньше казалось Едигею «посторонним» делом, – коснулся и его: в финале человек, верблюд, собака – родственные души, учувшие одну на всех угрозу – бегут от космодрома, от «сокрушающего грохота» иного мира. И все-таки в финале дочери не застают Едигея дома: он, оглушенный, но не сломленный, уехал-таки бороться за спасение Ана-Бейит.

Айтматов подводит читателя к мысли о том, что именно забвение, превратившись в поведенческую норму, подпитывает цинизм Сабитжана, Абакира («Верблюжий глаз») и того самонадеянного шофера из повести «Прощай, Гульсары!», которого иначе как ходячей эмблемой самодовольного манкуртизма и не назовешь. Бескомпромиссный спор жизненных установок с наибольшей и поучительной наглядностью представлен в той сцене, когда иноходец Гульсары не мог идти дальше и «остановился совсем. « – Иди как можешь, я буду сзади, я не брошу тебя, – сказал Танабай». Из проезжавшей мимо машины вышел водитель и предложил подбросить до совхоза, но вот ответ недостаточно «современного» Танабая: « – Спасибо. Я с конем. – Да брось ты его к собакам, столкни вон в овраг. Хочешь, поможем? – Поезжай, — мрачно процедил Танабай». В отъехавшей машине этот болезненный сюжет возникает вновь: « – Зачем смеешься над человеком, а если бы тебе так пришлось? – сказал попутчик сидевший рядом с шофером. –

Подумаешь, кляча какая-то! Пережитки прошлого. Сейчас, брат, техника всему голова. А таким старикам и лошадям конец пришел».

Запомнившаяся по повести «Первый учитель» тональность – «чего ради ты мыкаешься с этой школой, с ребятишками несмышленими?» – отозвалась и в повести о легендарном коне и его человеческом побратиме: чего ради мыкаешься с Гульсары? Примитивно-утилитарный взгляд на вещи, олицетворением которого стал оппонент Танабая, выдавал не столько свободу от прошлого, сколько элементарный аморализм и убогую однозначность, которой только и дано упрощать и умалять реальную сложность жизни. Как тут не вспомнить откровение Антонио из шекспировской «Бури»: «Совесь? А что это? Мозоль? Так я хромал бы. Нет, я такому богу не молюсь»...

Как человек и художник, Айтматов не мог примириться с таким псевдорационализмом, с такой перекодировкой сознания, когда человек вспоминающий, не забывающий свое имя и свой род, не оставляющий в беде другое живое существо вдруг оказывается не востребуемым и «выпадает» из современности.

Гуманистический алармизм киргизского писателя подпитывался надвигающейся энтропией традиционных ценностей, перспективой обесценивания традиции, которая лишалась прописки в современном мире, проходя больше по разряду «культурный атавизм». Айтматову важно было сохранить иное восприятие традиции – как залога непрерывности существования народа или, если хотите, страховки от распыления национального духа. В то же время он не мог не понимать, что судьбоносный вопрос выживаемости и жизнеспособности национального мира не мог сводиться только к сбережению традиционно действующих регуляторов жизненного уклада. Чувство защищенности, издавна гарантированное властью обычая, стало покидать человека...

Писатель столкнулся с неослабевающим вопросом, который и сегодня ускользает от однозначного решения: может ли технологически продвинутая современность инкорпорировать укоренившиеся в жизненных укладах традиции («у черкесов, – читаем в «Олесе» А. Куприна, – есть очень милый обычай дарить гостю всё, что он похвалит» и т.п.), или создаваемый на наших глазах мир вовсе не нуждается в «вечных ценностях», к числу которых относилась и историческая память?

Современность на наших глазах формируется как миросистема, в которой многому как бы заведомо отказано в присутствии: идее общего блага – при успешно расширяющейся пропасти между богатством и бедностью, социальной справедливости – при нарастающем кланово-

корпоративном эгоцентризме, национально-культурной самобытности – при прогрессирующей обезличенности «нового манкуртизма».

На Международном конгрессе «Двадцать лет спустя (1991–2011): реорганизация пространства и идентичности», участником которого мне довелось быть, работала секция «Конфликты памяти на Северном Кавказе». Один из докладов под выразительным названием «Сражение карт – сражение воспоминаний» запомнился неожиданно большим количеством карт из европейских архивов, представлявших кавказские народы на разных этапах их истории. Даже беглое сопоставление картографических свидетельств позволило выявить типологически общий признак в историко-диахроническом плане – хрупкость, непрочность, подвижность разделительных границ. Но как бы не менялись территориальные пропорции, они были заметно иными, чем нынешние ареалы расселения народов Большого Кавказа. Каждая карта осталась в истории как попытка само моделирования, реализованная в представлениях о своем исконном жизненном пространстве. Выбор той или иной конфигурации сопредельных земель проходил, безусловно, и под «диктовку» коллективной исторической памяти, нередко отягощенной территориальной претензией к соседям. Картографически наглядные сражения воспоминаний остались достоянием отшумевшего прошлого, но то, что стояло за ними – столкновение представлений о прошлом, «бои за историю», как назвал свою книгу один из основателей школы «Анналов» Л. Февр, – нисколько не утратило своей злободневности и остроты.

У истоков современной актуализации исторической памяти в новой кавказской словесности стоял знаковый, без преувеличения, роман Б. Шинкубы «Последний из ушедших», который остался в истории литературы как «прецедентный текст» – это популярное, особенно в работах по лингвокультурологии, понятие призвано подчеркнуть неослабевающее значение выдающегося произведения и за пределами времени его создания.

Тема сохранения национального этоса при смене формаций и политической «погоды» неизменно находилась в фокусе художественного мировидения Б. Шинкубы как мыслителя и художника, но именно в этом романе проблема выживания немногочисленных народов предстала как онтологически значимая для всего человечества. Антропологическая катастрофа убыхов, вовлеченная силой художественного слова в пространство фундаментальных экзистенциальных вопросов, взывала к этике ответственности за судьбу самобытных национально-культурных миров, которые явно недостаточно воспринимать как всего лишь запо-

ведники архаики и «музеи под открытым небом». В романе историческая память, чуткая к ментальным тонкостям и психологическим нюансам национального бытия, содействовала укрупнению духовного масштаба национально-локального мира, который не утрачивает своей уникальности и именно поэтому открывается как средоточие некоего целостного и важного для всех смысла: каждый народ должен устоять на ветру истории, сохраняя свое лицо.

В исследовании «Прометей в кавказских легендах и мировой поэзии» (1902) А. Веселовский проанализировал слияние греческого мифа о Прометее, литературно обработанного Гесиодом двадцать шесть веков тому назад, с кавказскими преданиями о скованных титанах-страдальцах, особо выделяя «бессмертие народной памяти» на Кавказе или «сберегающий консерватизм», который отличает «умение в течение тысячелетий сберегать то, что некогда поразило народный ум или воображение». Сберегающий консерватизм, если сделать ударение на первом слове, вовсе не сводится к застывшей мемориальности с ее программной установкой на архаику и перманентную ностальгию. Он озабочен, о чем свидетельствует творчество Б. Шинкубы, не только удержанием бессмертного начала бытия народа в истории, но и темпоральностью, протяженностью во времени, когда идея сбережения передается из поколения в поколение.

В истории человечества существовали и существуют национальные культуры с повышенным болевым порогом и неослабевающей исторической памятью. К их числу относятся многие кавказские культуры с их нравственно-этическим максимализмом и постоянно возобновляемой потребностью в переоткрытии собственной истории.

В 1842 г. журнал «Русский вестник» (т. 5. кн. 1) опубликовал очерк Султана Хан-Гирея «Вера, нравы, обычаи, образ жизни черкесов» с редакционным комментарием: «Черкесия – родина автора, обогатившего себя европейским просвещением, но не оставляющего ни веры, ни быта отцов своих...». Память «сберегающая», память, не «оставляющая ни веры, ни быта отцов своих», приобрела поистине парадигмальную роль в самоорганизации кавказских сообществ – это нечто большее, чем популярная ныне инструментализация памяти как двигателя самоидентификации. Историческая память устойчиво востребована и как исторический опыт, и как личностное переживание каждым кавказцем своей сопричастности прошлому, родственного равнодушия к травматическому опыту предков, один из примеров которого представлен в эпилоге упомянутой работы Султана Хан-Гирея: «Нельзя черкесам не опла-

кивать нынешнего состояния своей родины, откуда междуусобия, война и ослабление нравов изгнали спокойствие и изобилие...»¹⁷.

Автор проекта «Места памяти» П. Нора, изучив условия конструирования французской коллективной памяти, напомнил о смысловой инверсии понятий «идентичность» и «память», благодаря которой сегодня сформировалась принципиально новая ситуация. Первое понятие традиционно соотносилось с индивидом, с его уникальностью и потому имело четкое административное и полицейское значение: отпечатки пальцев, удостоверение личности. Память, будучи приватной, частной, автобиографической, воспринималась как феномен индивидуального сознания, субъективного мировидения. Раньше сообщества имели историю, а индивиды – память. Теперь же память и идентичность – категории групповые, коллективные, отсылающие к той или иной общности¹⁸.

Современная литература, если внимательно читать произведения северокавказских и абхазских авторов (А. Гогуа, Н. Куек, И. Машбаш, Х. Бештоков и др.), свидетельствует о превращении памяти в категорию метаисторическую и почти сакрализованную в качестве генератора идентичности или даже нациестроительства.

В художественном преломлении историческая память оживает в национальной характерологии, отличаясь большим эмпатическим потенциалом, большей эмоциональной интенсивностью, чем претендующее на объективность изучение истории. Говоря о «мемориальном буме» не забудем, что поэтика памяти (к этому понятию прибегают всё чаще) может включать в себя коллизии между приватным свидетельством – воспоминание, например, о травматическом опыте и пережитом насилии – и публичным или официальным дискурсом. В рамках воспроизводства памяти как ресурса коллективной идентичности нередко возникают конфликты памятей и воспоминаний, когда говорят и пишут об одном, но как будто о разном, мемориальные барьеры, инициированные риторикой самоописания под знаком исторической обиды, иногда серьезно осложняющей процесс внутрикавказского взаимопонимания.

Борьба за идентичность артикулируется в рамках «сообщества памяти» или коллективной памяти, культивирующей сопричастность к одной истории, к одному героическому прошлому. Коллективная память несет в себе код самодовлеющей мемориальности, требующий выполнить возложенный на человека долг памяти, задающий режим восприятия национальной истории и параметры эталонной культуры

¹⁷ Хан-Гирей 2009. С. 417, 447.

¹⁸ Нора 2005.

припоминания, вовлекающий исторические аргументы в решение современных вопросов. В этом контексте можно говорить о таком доминировании памяти над историей или о такой поединке памяти и истории, в котором, по выражению П. Рикёра, победа остается за памятью. Эта отнюдь не локальная тенденция нашла свое отражение и выражение в формировании определенной, чтобы не сказать – доминирующей, модели национально-литературного сознания, тяготеющей к тому или иному консенсусу исторического и доисторического, событийного и мифологического, историографии и воображения, но все-таки превалирующей остается ностальгическая память.

В историческом северокавказском романе мифопоэтические традиции оказались основой повествовательных конструкций и строительным материалом историософского мифа. Они вовлечены в архитектуру текста как его смыслообразующая часть, участвуя в конструировании актуального прошлого. Почти невозможно проследить, где заканчивается историческое и начинается мифологическое – настолько интенсивна взаимопроницаемость мифологизации истории и историзации мифа. В конструировании образа предание участвует как инвариант исторического факта, а исторические реалии погружены в символическое пространство мифа. Эта важная для адекватного понимания историко-литературного процесса проблематика основательно проанализирована в ряде работ северокавказских исследователей.

Когда-то Бестужев-Марлинский в повести «Мулла-Нур» критически отозвался о клишированной рецепции Кавказа: «Дербентские красавицы пляшут перед мужчинами и ездят по ночам за город с нукерами только в русской словесности; в действительности – никогда». Наблюдение само по себе верное, но оно нуждается в некотором уточнении: сложившаяся историософская схема демонстрирует неотделимость мифопоэтической ипостаси Кавказа от пуританской реальности, исключаяющей ночные поездки горянок за город.

В раскаленном контексте исторической памяти архаика актуализируется: реминисценции и аллюзии, восходящие то к легендарному времени нартов, то к шамилевской эпохе, пронизывают многие тексты, которые нередко выстраиваются как семейная хроника, развернутая в воспоминаниях, объединенных эстафетной передачей священного огня традиции. У М. Кандура в трилогии «Кавказ» исполненное бабушкой нартовское сказание о рожденном из камня богатыре Сосуко настолько одомашнивается, что утрачивает исконно мифологические обертоны, приобретая качество неопровергаемой реальности: «У старшей женщины рода хранится полотенце Сосуко, которым герой перевязал свои

раненные колени...». Достаточно типично и самочувствие лирического героя Семиха Дагестанлы: «мы – с непрожитым прошлым в разлуке». Он не просто «минувшим напитан», но и физиологически наглядно ощущает, как «соки струятся ко мне из пластов исторических».

На фоне манифестации исторической памяти немаловажным, на мой взгляд, становится вопрос о памяти и историческом знании как сущностных предпосылках «воображаемого будущего» или о культуре современной памяти, способной не только привносить прошлое в настоящее, но и участвовать в движении дрящей истории. Лик «ангела истории», писал В. Беньямин, обращен к прошлому, т.е. он стоит спиной к будущему и остался бы в этом положении, чтобы «поднять мертвых и слепить обломки». Но мысль о всепоглощающей ангельской озабоченности прошлым получает метафорически мощный разворот, возвращающий к сбалансированному и спасительному целостному мировосприятию: «...шквальный ветер, несущийся из рая, наполняет его крылья с такой силой, что он уже не может их сложить. Ветер неудержимо несет его в будущее, к которому он обращен спиной, в то время, как гора обломков перед ним поднимается к небу. То, что мы называем прогрессом, и есть этот шквал»¹⁹.

Возвращаясь в северокавказский контекст, выделим следующее обстоятельство: в нашем культурном сознании сформировалась эпистемологическая рамка, в границах которой мобилизация памяти не соотносится с тем, что издавна в культурной практике именовалось «горизонтом ожидания» или «зовом будущего», которое вовсе не обязательно должно быть таким, как в снах Веры Павловны из романа «Что делать?». Энергетика памяти традиционно связывается с ностальгическим традиционализмом, с его семантическими «фильтрами» удержания и сакрализации определенных смыслов, но ведь она может стать и стимулом креативного, проективного мышления, призванного открывать новые возможности самоидентификации, не оставаясь в тени самодовлеющей ретроспективности.

Если принять определение нации как «воображаемого сообщества» (Б. Андерсон), то коллективное воображаемое должно воспроизводить и подтверждать идею сообщества как целого, опираясь не только на устойчивость этнокультурного канона и прошедшего испытание временем поведенческого кодекса, но и на творческое продление традиции, способное справиться с новыми вызовами. Иначе говоря, концептуализация исторической памяти предполагает не столько ее абсолют-

¹⁹ Беньямин 2012. С. 242.

зацию, сколько непротиворечивое сопряжение ретроспективного и перспективного взглядов, мемориального дискурса и чувства исторической перспективы. Какие бы смыслы не актуализировались в процессе припоминания прошлого, важно, что, как писал А. Бергсон, «именно от настоящего исходит призыв, на который отвечает воспоминание...»; «...мы, люди, восходя ...к прошлому, находим его всегда ускользающим, как бы бегущим от нашего взора, словно эта регрессивная память встречает сопротивление в другой памяти, более естественной, которая, двигаясь вперед, влечет нас к действию и к жизни»²⁰.

Регрессивная память, как правило, вовлекает в войну исторических аргументов, обрекая на самоизгнание из современности, хотя мобилизационный пассеизм, каким бы активным он не был, имплицитно должен быть связан с возникающими «здесь и сейчас» вызовами современного мира. Вне позитивного «воображаемого будущего» историческая память в своей самодостаточности может маргинализироваться, утверждая приоритет воспоминания над размышлением, коллективного и нередко нормативного припоминания над креативным потенциалом национального мира, мемориального дискурса, наделяемого презумпцией значительности, над динамической открытостью национальной проблематики, ее смысловой неизолированностью от любого вновь возникающего исторического контекста.

Одним словом, существует проблема эмоциональной «перегруженности» памяти, когда, по словам Гете, «все бывшее мечтает быть всегда». Но назидательная память, озабоченная преимущественно самоидентификацией на дрожжах прошлого как перманентного настоящего, не может быть доминирующим регулятивом национальной идентичности по той причине, что мы нуждаемся и в новом рациональном дискурсе, в возвращении созидательных смыслов, в таком раскрепощении культурно-творческого потенциала, которое позволит реализовать фундаментальное право на развитие, переходя от тактики выживания к стратегии достойной и свободной жизни.

Когда я говорю об устремленности к горизонту новых возможностей, то имею в виду прежде всего отложенное в долгий ящик по вине исторических обстоятельств, но реально существовавшее и существующее стремление просвещенных кавказцев «свободно принять участие в общей культурной работе человечества», как писал на заре XX века в статье «Что нужно Кавказу» ингушский просветитель В.-Г. Джабагиев²¹.

²⁰ Бергсон 1992. С. 256.

²¹ Беньямин 2012. С. 242.

Позитивный подход предполагает такой уровень прочтения и осмысления истории, который мог бы свидетельствовать о нашем ответственном мышлении, сопрягающем память о пережитом с устремленностью или конструированием лучшего будущего.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Академические школы в русском литературоведении. – М.: Наука. 1975.
- Анкерсмит Ф. История и тропология: взлет и падение метафоры». – М.: Прогресс-Традиция. 2003.
- Беньямин В. Учение о подобии. – М.: РГГУ. 2012.
- Бергсон А. Собрание сочинений: В 4 томах. Т. 1. – М.: Московский клуб, 1992.
- Гей Н.К. Пушкин-прозаик. Жизнь – творчество – произведение. М.: ИМЛИ РАН, 2008.
- Герье В.И. Ипполит Тэн и его значение в исторической науке // Вестник Европы. 1890. Кн. 1.
- Джабагиев В.-Г. Что нужно Кавказу // Санкт-Петербургские ведомости. 1905. № 236.
- Евлахов А.М. Введение в философию художественного творчества. Опыт историко-литературной методологии. Т. 1-2. Варшава, 1910–1912; Т. 3. Ростов-на-Дону, 1917.
- Исупов К.Г. Судьбы классического наследия и философско-эстетическая культура Серебряного века. – СПб.: РХГА. 2010.
- Ключевский В.О. Речь, произнесенная в торжественном собрании Московского университета 6 июня 1880 г., в день открытия памятника Пушкину // Русская мысль. 1880. № 6.
- Лансон Г. Метод в истории литературы. М.: Товарищество «Мир», 1911.
- Нора П. Всемирное торжество памяти // Неприкосновенный запас. 2005. № 2-3.
- Павленко П.А. Шамиль. Махачкала: Дагестанское книжное издательство, 1942.
- Перец В. Из лекций по методологии истории русской литературы. Киев, 1914
- Потто В. Гаджи Мурат. Биографический очерк // Военный сборник. 1870. № 11.
- Рикёр П. Память, история, забвение. – М.: Изд. гуманитарной литературы, 2004.
- Соболев Д. Литературный текст и проблема исторической памяти // Международный журнал исследований культуры. 2013. № 4.
- URL: culturalresearch.ru/ru/component/content/article/36-current/93-intellcult.
- Толстой Л.Н. Что такое искусство? – М.: Современник, 1985.
- Уайт Х. Метаистория. Историческое воображение в Европе XIX века. – Екатеринбург: издательство Уральского университета. 2002.
- Хан-Гирей С. Избранные труды и документы. Майкоп: ОАО «Полиграф-ЮГ». 2009.
- Хаттон П. История как искусство памяти. СПб.: «Владимир Даль». 2004.

REFERENCES

- Akademicheskie shkoly v russkom literaturovedenii. – M.: Nauka. 1975.
- Ankersmit F. Istoriya i tropologiya: vzlet i padenie metafory». – M.: Progress-Traditsiya. 2003.
- Ben'yamin V. Uchenie o podobii. – M.: RGGU. 2012.
- Bergson A. Sbranie sochinenii: V 4 tomakh. T. 1. – M.: Moskovskii klub, 1992.
- Gei N.K. Pushkin-prozaik. Zhizn' – tvorchestvo – proizvedenie. – M.: IMLI RAN, 2008.
- Ger'e V.I. Ippolit Ten i ego znachenie v istoricheskoi nauke // Vestnik Evropy. 1890. Kn. 1.
- Dzhabagiev V.-G. Chto nuzhno Kavkazu // Sankt-Peterburgskie vedomosti. 1905. № 236.

- Evlaikhov A.M. Vvedenie v filosofiyu khudozhestvennogo tvorchestva. Opyt istoriiko-literaturnoi metodologii. T. 1-2. Varshava, 1910–1912; T. 3. Rostov-na-Donu, 1917.
- Ispov K.G. Sud'by klassicheskogo naslediya i filosofsko-esteticheskaya kul'tura Serebryanogo veka. – SPb.: RKhGA. 2010.
- Klyuchevskii V.O. Rech', proiznesennaya v torzhestvennom sobranii Moskovskogo universiteta 6 iyunya 1880 g., v den' otkrytiya pamyatnika Pushkinu // Russkaya mysl'. 1880. № 6.
- Lanson G. Metod v istorii literatury. M.: Tovarishchestvo «Mir», 1911.
- Nora P. Vsemirnoe torzhestvo pamyati // Neprikosnovennyi zapas. 2005. № 2-3.
- Pavlenko P.A. Shamil'. Makhachkala: Dagestanskoe knizhnoe izdatel'stvo, 1942.
- Peretts V. Iz leksii po metodologii istorii russkoi literatury. Kiev, 1914.
- Potto V. Gadzhi Murat. Biograficheskii ocherk // Voennyi sbornik. 1870. № 11.
- Riker P. Pamyat', istoriya, zabvenie. – M.: Izd. gumanitarnoi literatury, 2004.
- Sobolev D. Literaturnyi tekst i problema istoricheskoi pamyati // Mezhdunarodnyi zhurnal issledovaniy kul'tury. 2013. № 4.
URL: culturalresearch.ru/ru/component/content/article/36-current/93-intellcult.
- Tolstoy L.N. Chto takoe iskusstvo? – M.: Sovremennik, 1985.
- Uait Kh. Metaistoriya. Istoricheskoe vobrazhenie v Evrope XIX veka. – Ekaterinburg: izdatel'stvo Ural'skogo universiteta. 2002.
- Khan-Girei S. Izbrannye trudy i dokumenty. Maikop: OAO «Poligraf-YuG». 2009.
- Khatton P. Istoriya kak iskusstvo pamyati. SPb.: «Vladimir Dal'». 2004. Antologiya mirovoj filosofii. V 4 t. T. 1. Filosofiy drevnosti i srednevekov'ya. M.: Mysl', 1973. 576 s.
- Султанов Казбек Камилович**, доктор филологических наук, профессор МГУ, заведующий Отделом литератур народов РФ и СНГ Института мировой литературы РАН, лауреат Государственной премии Республики Дагестан; sulkaz@inbox.ru

The “memorial paradigm” and literature as the “second reality”

The article analyses various narrative strategies of fictional reconstruction of man in history and history in man. The author stresses the idea of the self-development of a literary image and its cognitive potential, and shows that the fate of a work of fiction not determined by its level of engagement, or by turning historical facts into fetishes, but rather by its author's synthetic concept. A good deal of attention is paid to semantic and functional role of historical memory in fiction, to flexible dialectics of fact and image. The author defined the models of national-literary consciousness and distinguishes between the moral imperative of memory, which symbolizes continuity of the historical being of a nation, and the manifestation of didactic, nostalgic remembering of the past. It is also shown that in the world of continuing history the dynamic openness of memorial discourse reveals itself both as a life-building force, and as a prerequisite of projective thinking directed to the future.

Keywords: *memorial discourse, historical memory, narrative, artistic reconstruction, identity, instrumentalization of memory, cultural amnesia*

Kazbek Sultanov, D. Sc. (Philology), Professor of Moscow State University, Head of the Department of the Institute of World Literature; sulkaz@inbox.ru

И. И. БЕНДЕРСКИЙ

К ВОПРОСУ О «НЕПРОЗРАЧНОСТИ» ИСТОРИИ (ОПЫТ Л. Н. ТОЛСТОГО)

Известная методологическая проблема разрыва между реальностью прошлого и исторической репрезентацией анализируется в статье на материале романа «Война и мир» Л.Н. Толстого. Чтобы оценить эпистемологический потенциал романа, автор рассматривает опыт Толстого в контексте проблем гуманитарной эпистемологии XX века, разработанных в трудах П. Рикера и Г.-Г. Гадамера. Возможность такого подхода подкрепляется ссылками самих философов на текст романа. Как эпистемологические проблемы могут мыслиться исходя из художественного опыта? Как мыслил Толстой отношение «художественного» и «исторического»? Что значит толстовский опыт исторического мышления для нас сегодня?

Ключевые слова: историческая репрезентация, методология истории, теория романа, литературная эпистемология, историзм, герменевтика, война 1812 года, Наполеон, Лев Толстой.

В 1998 г. Поль Рикер, отвечая на вопрос о том, кто из русских мыслителей оказал на него влияние, вспомнил лишь классиков литературы: Пушкина, Гоголя, Достоевского и Толстого. Мысль, которую обронил при этом французский философ, послужила импульсом для написания этой статьи. Такое бывает: понимание самого родного и близкого приходит через отклик со стороны. Приведу размышление Рикера целиком: *«Роман “Война и мир” является для меня грандиозным опытом размышления об истории. На меня произвела большое впечатление идея о том, что исторические события не поддаются обобщению. Толстой говорит о том, что никто не способен сделать вывода по поводу войны между Францией и Россией, потому что никто не видел самого феномена войны в целом, но каждый обладает отдельным фрагментом ограниченного опыта, и если бы удалось обобщить эти многочисленные фрагменты, то был бы выявлен смысл истории, но это невозможно. Вот почему история неподвластна человеческому разуму. Мне представляется чрезвычайно значимым такое пессимистическое видение истории, полное осторожного почти тельного отношения к ее непрозрачности»*¹.

Другой философ, Г.-Г. Гадамер, также работавший над проблемами методологических оснований гуманитарного знания, вспоминал Толстого в сходном контексте: *«Знаменитое толстовское описание*

¹ Рикер 2002. С. 10–11.

военного совета перед битвой, где весьма остроумно и основательно просчитываются все стратегические возможности и предлагаются возможные планы, в то время как сам полководец сидит на своем месте и тихо дремлет, зато утром, перед началом сражения, объезжает посты, – описание это очевидным образом гораздо более соответствует тому, что мы называем историей. Кутузов ближе к подлинной действительности и к тем силам, которые ее определяют, чем стратеги на его военном совете. Из этого примера следует сделать принципиальный вывод, что толкователю истории постоянно угрожает опасность гипостазирования исторического события или комплекса событий, – гипостазирования, при котором это событие оказывается чем-то таким, что якобы имели в виду уже сами реально действовавшие и планировавшие люди»².

Гадамер в точности воспроизводит авторскую интенцию Льва Толстого³. Толстой противопоставляет планы и замыслы «исторических лиц» реальным движущим силам истории. Толстовский Кутузов воплощал в себе отрицание всякой «планирующей» и «теоретизирующей», «прогнозирующей» деятельности и вместе с тем прямо ассоциировался у автора со стихийным началом истории, с той движущей силой, которая ее творит. Принципиальный вывод Гадамера об опасности произвольного неправомерного подведения («гипостазирования») прошлого вполне созвучен мыслям Толстого.

Позиция Рикера более отстраненная: он пересказывает мысль Толстого, говорит о ее важности, но не выражает прямого согласия с толстовским представлением о «непрозрачности прошлого». Французскому философу дороже не позитивное содержание толстовской мысли (специфическое видение истории, ее движущих сил), а ее «остраняющий» эффект, указывающий на дистанцию между познающим и прошлым.

Мысль о фрагментарности исторического опыта неоднократно повторялась Толстым. И прямо, в своих историко-философских отступлениях, и опосредованно, средствами романного изображения, Толстой

² Гадамер 1988. С. 436–437.

³ Хотя в буквальном смысле Гадамер несколько неточен в своем обращении к тексту «Войны и мира». Спал Кутузов перед Аустерлицем, а вот «объезжал посты» перед Тарутинским сражением, при Аустерлице же Кутузов был описан Толстым просто во главе одной из колонн. Однако суть эпизодов, перемешавшихся в памяти философа, ухвачена совершенно верно. Любопытно, что изображенная Толстым особая историческая пронизательность Кутузова вполне соответствует тем качествам полководца, которые предстают перед нами в свете современных исторических исследований. Подробнее о соотношении толстовского Кутузова с Кутузовым современной историографии см.: Бендерский 2013. С. 612–615.

подчеркивал, что когда говорят о сражении или войне, то речь заходит о чем-то таком, чего никто в цельности не видел⁴. Любой взгляд, фиксирующий историю, исходит из события и может ухватить лишь какой-то «фрагмент опыта». Возникает проблема перехода от личного опыта к коллективному, от тока жизни к ходу истории, от фрагмента к целому. Это – одна из ключевых проблем, можно сказать, апорий исторического мышления. Именно здесь Толстой принципиально скептичен⁵. И в этом скепсисе Рикер как позитивный момент отмечает его «осторожную почтительность» к «непрозрачности» истории. Остраняющий эффект толстовского скепсиса воспитывает интеллектуальный такт и осторожность по отношению к прошлому. Даже вне связи с толстовской философией истории эти качества сами по себе близки Рикеру, его стилю мышления, исследовательской и философской манере.

Говорят ли Рикер и Гадамер, вспоминая Толстого, об одном и том же? Думаю, да. Обе реплики указывают на «Войну и мир» как на опыт осмысления проблемы, которую можно назвать проблемой неподотчетности исторического опыта или, как удачно выразился Рикер, проблемой «непрозрачности» истории⁶.

История в гораздо меньшей степени принадлежит нам, чем мы ей. Каждый из нас, познающих и действующих, вовлечен в историю, и

⁴ «...Все происходит на войне совсем не так, как мы можем воображать и рассказывать», – к этой лапидарной формуле, выраженной в опыте Н. Ростова, можно свести суть толстовских воззрений на проблему исторического нарратива. (Толстой Т. 11. С. 56).

⁵ Можно заметить во взглядах Толстого связь своего рода «анархизма» с эпистемологическим пессимизмом: никто за всех не знает, как было, никто не может за других знать, как будет, и, соответственно, как надо (вопрос «как надо» должен решаться не в политической плоскости власти и подчинения, а в личной – морального долженствования). Дальнейшее развитие этого «анархического» скепсиса и связанных с ним парадоксальных ходов мысли в философии уже позднего Толстого может вызвать некоторые небесспорные ассоциации с «эпистемологическим анархизмом» П.К. Фейерабенда. Впрочем, скепсис Толстого в «Войне и мире» еще достаточно умерен, что позволяет использовать этот художественный опыт не только «против метода». Во всяком случае, Рикеру и Гадамеру толстовское видение представляется продуктивным, а не «анархическим».

⁶ Эта «непрозрачность» языка историописания радикально концептуализирована в нарративистской философии истории. Так, Ф.Р. Анкерсмит в своем анализе – вслед за Р. Рорти – постоянно задействует семантику прозрачности/непрозрачности: образ зеркала, а также утопический образ несуществующего «прозрачного пресспапье», сквозь которое так хочется увидеть прошлое или обратный образ «непрозрачного льда», по которому скользит повествователь, не имея шанса пробиться к самой исторической реальности. См.: Анкерсмит 2003. С. 163–166; 176; 183; 188–189; 193–194; 211; 242; 262–269; 303; 318; 326; 329–330; 394; 402.

именно в силу своей вовлеченности мы не можем «представить» действительную историю как отчужденное целое, как открытую взору картину. Наше представление всегда становится неким искусственным конструированием прошлого. «Объективность» и смысл в истории не даны изначально. Проблема – в переходе от реального текучего «субъективного» жизненного мира к фиксированному смыслу «объективного» события. Более того, «объективный» смысл исторического события подчас оказывается чужд «субъекту» и как бы «творцу» истории – человеку. Толстой один из первых обратил внимание на то очуждение действительности, которое сопутствует попыткам объяснить исторические явления и выстроить их в какую-либо связную повествовательную цепь. «Осмысленная» история становится чужда человеку, зачастую не знает ни логических, ни нравственных законов. Этот предвосхищенный Толстым мотив «античеловечности» истории господствующим станет позднее, в литературе XX века, когда в эпоху мировых войн и революций бесцеремонная сила исторического произвола бросит вызов самому существованию человека на Земле.

Приведенные выше высказывания Гадамера и Рикера разными путями ведут к указанной «проблеме перехода». Если Рикер говорит о сознании истории, о точках восприятия исторического события, то размышление Гадамера исходит из самого бытия исторического свершения. При этом и для Гадамера выявление того способа, которым в реальности «осмысляется» история, – ключевой вопрос. Здесь важно то, что автор «Истины и метода» занят исследованием существующих путей осмысления истории, а не поиском неких идеальных решений данной проблемы. Как и его учитель, Мартин Хайдеггер, Гадамер не создавал методологических теорий в привычном смысле слова⁷. Он шел от события и затрагивал проблему перехода от становления истории (ведь именно в становящемся, текучем состоянии история и «пребывает» в действительности) и ее движущих сил к «представлению» истории в проекции будущего (планы, расчеты, надежды) и в трактовке прошлого (осмысление события). Кутузов, говорит Гадамер с опорой на Толстого, ближе к реальным движущим силам истории: он спит, когда строятся мыслительные проекции (планы сражения) и бодрствует, когда свершается само событие. Это противопоставление «бытия события» (его сти-

⁷ «Эти последствия (хайдеггеровской герменевтики – И.Б.) отнюдь не сводятся к тому, что некая теория применяется на практике, которая соответственно отныне начинает осуществляться иначе, то есть по всем правилам искусства». Гадамер 1988. С. 317.

хийной, неуловимой природы) осмыслению события (с его искусственностью, надуманностью) и вправду было одним из ведущих историко-философских мотивов «Войны и мира».

Таким образом, насущным становится вопрос: какими путями возможно преодоление апории несопоставимости бытия и осмысления истории? В каком направлении должна осуществляться работа гуманитарного мышления в условиях неустранимости данной апории, то есть «непрозрачности истории»? Книга «Истина и метод» как и раз и посвящена разработке этой фундаментальной проблемы. Герменевтическая теория «понимания» последовательно направлена на то, чтобы перебросить мост над разрывом мышления и бытия. А это становится возможным исключительно благодаря ясному осознанию самого разрыва.

«Понимание» трактуется Гадамером не только как феномен сознания, но и как способ бытия, причем родственный способу бытия самой исторической действительности. Речь идет не о «прозрачности» истории для породившего ее человека, а об их обоюдной родственной непрозрачности. «Понимание» у немецкого философа так же не завершено, так же открыто, как и сама историческая действительность. Как и сам исторический процесс, «понимание» основано на открытости факту, на его инаковости; структура исторического опыта гармонирует со структурой герменевтического опыта. Как исторический «прогресс» невозможен без сочетания накопленного опыта с открытостью к переменам, так и понимание невозможно без сочетания «предрассудков» с открытостью фактам, «самим вещам».

Преодоление апории фрагментарности и непрозрачности исторического опыта достигается, по Гадамеру, не в прыжке в стерильные выси «совершенного», «абсолютного», «объективного» и прочих вариантов отчужденного знания, а в осознании своей причастности к традиции и последствий этой причастности. Только осознав свое место в «действенно-историческом» сознании, познающий способен во всеоружии обратиться к вещам и в процессе познания объединить, слить фрагментированные горизонты исторического опыта.

Историческое постижение, таким образом, предстает как диалог, в котором мысль мечется между настоящим и прошлым как мяч в игре двух равных партнеров. Прошлое запрашивает нас, и мы обращаемся к нему: только в диалоге можно «сшить» различные горизонты опыта.

Чтобы понять тот или иной ответ (выраженный в тексте автора или в действии исторического лица), необходимо понять вопрос, из которого обретает смысл этот ответ. Речь идет о мотивационном контексте, об исторической ситуации. Гадамер разрабатывает соответствующую «ло-

гику вопроса и ответа», и его обращение к «Войне и миру» Толстого происходит именно при постановке проблемы несводимости вопроса к мыслям и чувствам конкретного субъекта (исторического деятеля или автора текста). Гадамер приводит толстовскую антитезу военного совета перед битвой и самой битвы как пример несопоставимости мыслей и планов людей со смыслом и планомерностью самой истории. Аргумент Толстого используется им против той логики вопроса и ответа, которую ранее предложил Р. Дж. Коллингвуд.

Коллингвуд – один из первых историков, обратившихся к систематической разработке «логики вопроса и ответа» в историческом познании. Он принципиально отказывался проводить различие между «результатом» исторического действия и его «смыслом». Логика Коллингвуда была такова: мы не можем судить о смысле нереализованного действия, ибо история имеет дело именно с «результатами», а не с «догадками». Для истории «действие» и его «смысл» совпадают. В подтверждение своей мысли Коллингвуд приводит пример Трафальгарской битвы: по результатам сражения мы можем лишь судить о замысле Нельсона, ибо он воплощен в результате – победе; замысел его противника, адмирала Вильнева, даже «не стоит обсуждать»⁸.

Именно поэтому для Коллингвуда нет разницы между философскими и историческими текстами и проблемами: они все исторические, коль скоро речь идет о некоей интеллектуальной ситуации, имевшей место в истории. И судить о них можно лишь по результатам: если результат нам понятен (победа в сражении, решенная теорема, аргумент в философском диалоге), то и замысел исторического деятеля (полководца, ученого, философа) проясняется по мере нашего понимания результата. Если он не достигнут, философский аргумент остается не понят, сражение не выиграно, математическая задача не решена, то и о замысле автора мы не можем судить. Требования методологической точности толкают Коллингвуда к намеренному систематическому смешению анализа замысла того или иного действия и анализа его реализации.

Толстовское описание пропасти между любыми замыслами и их реализацией приводится Гадамером как аргумент против Коллингвуда. Гадамер пишет: «Коллингвуд не прав, считая из методологических соображений бессмысленным проводить различие между тем вопросом, на который текст должен был ответить, и тем, на который он действительно отвечает»⁹. Исторический горизонт вопроса неисчер-

⁸ Коллингвуд 1980. С. 362.

⁹ Гадамер 1988. С. 438.

паем. Он обретает свой смысл в «действенно-историческом сознании», в которое сами мы вовлечены, поэтому следует разделять вопрос во всем богатстве его возможных интерпретаций и вопрос, как его понимал сам автор. Эта дистанция между авторским пониманием и возможным пониманием (на языке «традиционного» историзма – между субъективным сознанием и объективностью¹⁰) как раз и есть та дистанция, которую очень живо чувствовал Толстой.

Толстой из этого пункта выводил свою полемику с историками, ищущими конечные ответы. Он отказывал им, равно как и самим историческим деятелям, в возможности установления причин явлений. Вместо исторического объяснения (точнее – объяснив необъяснимость истории) Толстой дает изображение исторического события. Однако если бы эта позиция была продиктована просто самим жанром «романной литературы», то она не требовала бы методологического обоснования, каковое Толстой развивает в многочисленных философских отступлениях и в «Эпilogue» своей книги. Его позиция не требовала бы и дискуссии с историками, если бы это была «просто» позиция романиста. Поэтому особое внимание следует обратить на внешне обманчивую очевидность формулировки, которую Толстой дает в статье «Несколько слов по поводу книги “Война и мир”»: *«Историк имеет дело до результатов события, художник – до самого факта события»*¹¹.

Следует отметить, что Толстой понимал все же под художественным словом не совсем то, что Гадамер, чьи представления о «художественном» в значительной мере ориентированы на образцы немецкого романтизма. Реализм Толстого последовательно противостоял романтизму и его притязаниям. Толстой не мыслил искусства вне жизненного мира. Вообще любые попытки трактовать восприятие искусства как отвлеченное созерцание неких особых сугубо эстетических «форм» встречали в сознании русского писателя жесткое неприятие. Но в период написания «Войны и мира» Толстой так же целенаправленно препятствовал и попыткам подчинить искусство общественным целям (отсюда – полемика Толстого с левой интеллигенцией в 1860-е годы).

Полемика с историками была продолжением того сложного диалога с эпохой, в котором формировалось и отстаивало себя мировоззрение Толстого. Толстой полемизировал «на два фронта»: с одной

¹⁰Коллингвуд как раз и стремится преодолеть этот барьер, причем в «объективистском» духе, в ответ на «субъективизм» Б. Кроче и Д. Джантите. См.: Киссель 1980. С. 444; Киссель 2002. С. 28, 49–54.

¹¹ Толстой. ПСС. Т. 11. С. 10.

стороны – с прежними эстетическими традициями, с другой – с новомодными идеологическими проектами (в частности, с материализмом). Искусство, как его видел Толстой, должно быть подчинено самой жизни, а не ее отвлеченным суррогатам (будь это какое-то особенное «эстетическое» переживание или теоретический проект).

Стремление Толстого к жизненности в искусстве в чем-то совпадает со стремлением герменевтики XX века к «фактичности» в гуманитарном мышлении. В обоих случаях наблюдается воздействие представления о приоритете жизненного мира над миром идей¹². Эта схожесть порождает своеобразный парадокс: говоря об осмыслении исторического опыта, Толстой высказывает подчас то же, что и Гадамер, но до того иным языком, что возникает ложное ощущение противоречия. Оба критикуют предрассудок мнимой «прозрачности» истории, но Толстой это делает «изнутри» художественного мира, а Гадамер, иначе понимая категорию «художественного», критикует тот же предрассудок изнутри академической традиции философского мышления.

Для Гадамера представление о прозрачности истории, якобы открытой человеку как ее главному субъекту, есть неправомерное перенесение категорий *«человеческого художественного духа на исторический мир, в котором вообще нельзя говорить о "делании", то есть о составлении и выполнении планов, поскольку это противоречит ходу вещей»*¹³. Таким образом, Гадамер выступает против эстетического основания предрассудка исторического мышления: это в поэзии и в романе «герои» «делают»: составляют «планы», ставят «цели», а в истории люди подчинены ходу вещей и стоящим над ними силам. Толстой

¹² В этом плане примечательна переключка ряда опорных доминант мирозерцания Толстого и его современника П. Йорка фон Вартенбурга (1835–1897), чья переписка с В. Дильтеем оказала значительное влияние на Хайдеггера и Гадамера. Йорк, как и Толстой, противопоставляет «внутреннюю силу», «жизненность» и «природу» «безжизненному методу» метафизики, грубо понятой в науке причинности и эстетическому «антиквариату» позитивистской историографии. Конечно, сопоставляя «философию жизни» Толстого с соответствующим течением в немецкой академической традиции, не следует забывать, что немецкие философы органически придерживались иной дисциплины мысли, нежели русский писатель. И все же «точки соприкосновения» столь показательны, что их невозможно игнорировать. Особенно это касается некоторых эстетических импликаций (взять хотя бы «сельскую» поэтику позднего Хайдеггера: культ природы и естества, обращения к прозе А. Штифтера, неприятие индустриализма, осмысление и принятие человеческой «конечности», «смертности») – широкий спектр излюбленных Хайдеггером тем отнюдь не случайно переключается с характерными мотивами творчества Толстого).

¹³ Гадамер 1988. С. 280.

тоже критикует этот предрассудок и точно так же не принимает его эстетического основания. Но для Толстого эстетика романтизма с ее прозрачностью идеи и героикой поступка – уже преодолена. Русский писатель опирается на свое понимание искусства, когда заявляет, что *«историк имеет дело до результатов события, художник – до самого факта события»*. В данном контексте «художник» Толстого противопоставлен тому «художественному миру», о котором говорит Гадамер.

Толстого роднит с герменевтикой XX в. острая критика научного дискурса с его сочетанием позитивистской самоуверенности и неподотчетной эстетической подоплеки¹⁴. Именно эти устаревшие эстетические импликации более всего раздражали Толстого в исторической литературе первой половины XIX в. Толстой изнутри самого художественного мира преодолевает «эстетизм» и выслеживает его в историографической традиции. В этом смысле в высшей степени характерно, что Толстой-художник разоблачает «живопись» историков, которую сами историки предпочитали не замечать в своих трудах: *«Историк и художник, описывая историческую эпоху, имеют два совершенно различные предмета. Как историк будет неправ, ежели он будет пытаться представить историческое лицо во всей его цельности, во всей сложности отношений ко всем сторонам жизни, так и художник не исполнит своего дела, представляя лицо всегда в его значении историческом. Кутузов не всегда со зрительной трубкой, указывая на врагов, ехал на белой лошади. Растончин не всегда с факелом зажигал Воронцовский дом (он даже никогда этого не делал), и императрица Мария Феодоровна не всегда стояла в горностаевой мантии, опершись рукой на свод законов; а такими их представляет себе народное воображение»*¹⁵.

На первый взгляд этот пассаж предстает лишь сатирой писателя-реалиста 1860-х гг. на эмфатический характер исторического дискурса первой половины XIX века. Однако последующее рассуждение открывает в толстовской критике ту перспективу, которая остается актуальной уже не только для эпохи романтической историографии. Критика того способа, которым историк «опредмечивает» действительность, затрагивает некоторые конститутивные принципы построения исторического нарратива: *«Для историка, в смысле содействия, оказанного лицом какой-нибудь одной цели, есть герои; для художника, в смысле ответственности этого лица всем сторонам жизни, не может и не должно быть героев, а должны быть люди. Историк обязан ино-*

¹⁴ Ср.: Хайдеггер 2006. С. 402.

¹⁵ Толстой. ПСС. Т. 11. С. 9–10.

гда, *пригибая истину* (выделено мной – И.Б.), *подводит все действия исторического лица под одну идею, которую он вложил в это лицо. Художник, напротив, в самой одиночности этой идеи видит несообразность с своей задачей и старается только понять и показать не известного деятеля, а человека»*¹⁶.

Таким образом, любые попытки историков осмыслить целесообразность действий исторических лиц, выявить и ясно сформулировать общий смысл тех или иных свершений для Толстого связаны с искусственным вложением «идей», которые, взятые сами по себе, неизбежно обедняют и искажают историческую истину. (Гадамер назвал бы это явление в историографии «гипостазированием» и перенесением «художественного опыта» на мир исторической действительности).

Далее в статье «Несколько слов по поводу книги “Война и мир”» Толстой высказал ряд соображений, непосредственно связанных с анализом исторических источников. Писатель улавливает момент, в который сама стихия исторической памяти порождает «замысливание» реальной истории: работает своеобразный механизм клишированных образов, которые замещают реальную личную память свидетелей и участников исторического события¹⁷.

Противопоставляя «историка» и «художника» в статье, Толстой вновь, как и в тексте романа, обосновывает свое видение истории. Не признавая эстетической завершенности и логической прозрачности традиционных форм историописания, Толстой противопоставляет им свое художественное изображение, опирающееся на достоверность бытового

¹⁶ Там же.

¹⁷ «Объездите все войска тотчас после сражения, даже на другой, третий день, до тех пор, пока не написаны реляции, и спрашивайте у всех солдат, у старших и низших начальников о том, как было дело; вам будут рассказывать то, что испытали и видели все эти люди, и в вас образуется величественное, сложное, до бесконечности разнообразное и тяжелое, неясное впечатление; и ни от кого, еще менее от главнокомандующего, вы не узнаете, как было все дело. Но через два-три дня начинают подавать реляции, говорюны начинают рассказывать, как было то, чего они не видали; наконец, составляется общее донесение, и по этому донесению составляется общее мнение армии. Каждому облегчительно променять свои сомнения и вопросы на это лживое, но ясное и всегда лестное представление. Через месяц и два расспрашивайте человека, участвовавшего в сражении, – уж вы не чувствуете в его рассказе того сырого жизненного материала, который был прежде, а он рассказывает по реляции. Так рассказывали мне про Бородинское сражение многие живые, умные участники этого дела. Все рассказывали одно и то же, и все по неверному описанию Михайловского-Данилевского, по Глинке и др.; даже подробности, которые рассказывали они, несмотря на то, что рассказчики находились на расстоянии нескольких верст друг от друга, одни и те же». См.: Толстой Л.Н. Указ. соч. С. 11.

опыта. Эта опора на эмоционально-психическое единство человеческих переживаний заставляет переживать опыт исторических лиц (реальных и типизированных, выдуманных персонажей) как свой собственный опыт¹⁸. Толстой предлагает окольный путь познания: через те опосредования, которые позволяют нам понять положение другого как свое собственное. Вообще, в этом опосредующем изображении, вновь и вновь оживляющем жизнь без конечного разрешения тех или иных вопросов, Толстой и видит главное назначение романного слова¹⁹. Письмо к Н.Н. Страхову, написанное им по поводу «Анны Карениной», подходит и для «Войны и мира»: *«Во всем, почти во всем, что я писал, мною руководила потребность собрания мыслей, сцепленных между собою, для выражения себя, но каждая мысль, выраженная словами особо, теряет свой смысл, страшно понижается, когда берется одна из того сцепления, в котором она находится. Само же сцепление составлено не мыслью (я думаю), а чем-то другим, и выразить основу этого сцепления непосредственно словами никак нельзя; а можно только посредственно – словами описывая образы, действия, положения»*²⁰.

Именно этот подвижный «сцеплением мыслей», «невыразимых» в своей основе, художественный мир (несхожий с тем «художественным миром», о котором упоминал Гадамер) осваивает на страницах «Войны и мира» историческую действительность. В романе опосредование мысли через художественное изображение стало для Толстого способом преодоления «непрозрачности» истории.

В фокусе этого изображения оказывается «сама жизнь», бытийные очертания которой составляли главный «предмет» толстовского художественного творчества на протяжении шести десятилетий – от «Детства» до «Хаджи Мурата». В книге «Роман Л. Толстого “Война и мир”» об этой тематической платформе толстовской поэтики удачно высказался С.Г. Бочаров: *«Существует, по Толстому, единая жизнь людей, ее*

¹⁸Ср.: «Понять значит бросить себя на ту или иную возможность бытия-в-мире, т.е. экзистировать как эта возможность». Хайдеггер 2006. С. 387.

¹⁹ «Цели искусства несоизмеримы (как говорят математики) с целями социальными. Цель художника не в том, чтобы неоспоримо разрешить вопрос, а в том, чтобы заставить любить жизнь в бесчисленных, никогда не истощимых всех ее проявлениях. Ежели бы мне сказали, что я могу написать роман, к[отор]ым я неоспоримо устанавливаю кажущееся мне верным воззрение на все социальные вопросы, я бы не посвятил и двух часов труда на такой роман, но ежели бы мне сказали, что то, что я напишу, будут читать теперешние дети лет через 20 и будут над ним плакать и смеяться и полюблять жизнь, я бы посвятил ему всю свою жизнь и все свои силы». (Из письма П. Д. Боборыкину. Лето 1865 года. См.: Толстой. ПСС. Т. 61. С. 100).

²⁰ Письмо Н.Н. Страхову 23 и 26 апреля 1876 года. (Толстой. Т. 62. С. 269).

простое и общее содержание, коренная для нее ситуация, которая может раскрыться так же глубоко в событии бытовом и семейном, как и в событии, которое называется историческим. Эпизоды «Войны и мира» связаны между собой прежде всего не единством действия, в котором участвуют одни и те же герои, как в обычном романе; эти связи имеют вторичный характер и сами определяются другой, более скрытой, внутренней связью. С точки зрения поэтики романа, действие в «Войне и мире» очень несосредоточенно и несобранно. Оно расходится в разные стороны, развивается параллельными линиями; связь внутренняя, составляющая «основу сцепления», заключается в ситуации, основной ситуации человеческой жизни, которую вскрывает Толстой в самых разных ее проявлениях и событиях»²¹.

Поэтика Толстого перестраивает, переосмысляет традиционный тип связи единства действия в повествовании. В контексте разговора о «непрозрачности» истории эта «художественная» новация выходит за пределы «художественного» факта. Ведь, как уже было сказано выше, исторические повествования тоже несвободны от поэтических схем²². Преобразование «поэтическое» неизбежно ведет к преобразованию историографическому. Толстой изменяет взгляд на историю так, что не прежняя внешняя связность «результатов» исторических событий («историк имеет дело до результатов события»), а связность самой жизни «внутри» исторического события оказалась в фокусе повествования («художник – до самого факта события»).

Просеивая исторический материал через призму «ситуации человеческой жизни», Толстой пробивается к тем аспектам прошлого, которые до этого едва ли могли быть систематически рассмотрены в историографии. Так, историк был всегда озабочен анализом «результатов», «причин» и «следствий» факта оставления Москвы как таковых. Толстой же ставит вопрос о бытовой ситуации, в которую были поставлены жители. Романное описание отъезда семьи Ростовых из их дома на Поварской улице, в котором изображены и суматоха сборов, и сопутствующая событию официозная риторика, и бытовые столкновения мужа и жены, и, наконец, решение об отдаче ценою потери имущества своих подвод под транспортировку раненых, в гораздо большей степени, чем работы большинства историков, объясняет и «причины», и «результаты», и «следствия» бегства населения из Москвы. Толстой изображает

²¹ Бочаров 1987. С. 11.

²² Наиболее радикально именно на материале историографии XIX века это было осмыслено в книге: Уайт 2002.

ситуацию нравственного выбора, в которой жители Москвы, движимые совершенно понятными бытовыми чувствами, все же ведут себя иначе, нежели жители Вены, Праги или Берлина.

Бытовая прозрачность толстовских описаний, основанная на художественном схватывании фундаментальных структур человеческой психологии, позволяет понимать героев, сколь угодно отдаленных временными, пространственными и социальными барьерами. Человек, хоть раз бывший под огнем (будь это мушкетные пули начала XIX века или автоматные очереди начала XXI века), узнает себя в толстовских описаниях войны. Человек, хоть раз объяснявшийся в любви, узнает себя в толстовских описаниях мира. Эта ситуация «узнавания», та самая «художественная удача», воспроизводит структуру понимания как такового. Любая «художественная удача» – это удача понимания. Механизм герменевтического круга работает здесь так же, как и в любом другом случае, а это значит, что у «художественной удачи» общий с гуманитарными науками эпистемологический фундамент.

В «Войне и мире» узнавание и изображение «жизни» в самых разных ее проявлениях выступило основой внутренней связности романа, методом одновременно и художественного, и исторического повествования.

Фантазмагории капитана Тушина, которому французы кажутся муравьями, а сам себе он кажется великаном, – это не только антропология подвига, но и изображение проявлений тех форм, которые принимает человеческое переживание в момент боя. Таким же изображением динамических проявлений жизни является практически каждая сцена романа, будь то охота, карточный проигрыш, бал, расстрел, объяснение в любви. В тех сценах романа, где действуют исторические лица, авторская задача истолкования типичной жизненной ситуации переходит в задачу истолкования конкретной исторической ситуации (толкования не с «возвышенных» позиций истории, а все с той же жизненной, бытовой позиции). В таких случаях «художественный успех» становится и успехом понимания истории, историографическим достижением. Так, Толстой дает непревзойденный психологический анализ деликатного положения, в которое был поставлен министр Балашов во время своей миссии к Наполеону в начале войны 1812 года. Хотя и в этой сцене толстовское описание не обошлось без передержки и исторической неточности, все же в ней была дана наиболее достоверная трактовка исторических анекдотов, связанных с миссией Балашова²³.

²³ Подробнее см.: Бендерский И. 2011.

Жизнь динамична, динамичен и субъективен ее смысл, как и смысл истории, прочитываемый и понимаемый в романе «изнутри» конкретного сознания. Смысл исторического события «субъективен», но это не произвол субъекта. Субъективный смысл события практически всегда объяснен жизненными условиями, диктующими каждому герою именно его собственную «субъективность». Так, война 1812 года – профессиональное дело и патриотический долг для князя Андрея, понимание этой войны которым близко к авторскому, толстовскому пониманию. Для старого князя Болконского, эта война – катастрофа, нелепица и национальный позор. Штабной офицер немец Берг участвует в войне, но его переживания исторических событий отчуждены привычкой жить эгоистическими соображениями и принимать исторические события в «трафаретной» трактовке клишированного официоза.

Не единство действия «поэтизируется» Толстым (как в предшествовавших исторических романах, в которых мушкетеры спасают честь королевы, а принцы ссорятся и мирятся, что приводит к войне или миру), а единство «переживания», в котором как исторические лица, так и выдуманные персонажи оказываются вовлечены не в контекст «делания», «свершения» исторического события, а в контекст «испытания» историей, в контекст «переживания».

Не действие влечет за собой эмоцию (Наполеон победил и испытал восторг), а наоборот: тот или иной характер «переживания» влечет за собой как само действие, так и его мыслительную проекцию (Наполеон столь одержим идеей своего величия, что не может не воевать и не может не убеждать себя в победе). В толстовском повествовании против человеческой воли и разума бунтуют стихийные исторические силы, которые отказываются подчиняться расчетно-планирующей деятельности человека.

Это столь ярко изображенное в романе противоречие приводит к целому каскаду важнейших для исторического мышления следствий. Смена парадигмы действия на парадигму переживания нивелирует традиционную тематическую иерархию исторического мышления и соответствующие оппозиции «возвышенного» и «низкого», «великого» и «обыденного», «исторического» и «бытового». Толстой в романе «Война и мир» (что далеко не сразу было замечено левой интеллигенцией) в сущностном, «человеческом» плане демократизировал исторический процесс гораздо радикальнее и глубже, чем марксисты.

Толстой противопоставил многообразие человеческого переживания, то есть принципиально незавершенный (неохватный) и в каждом

конкретном случае неподсудный «внешнему» разуму исторический опыт, той традиционной модели объяснения исторических событий, которая претендовала на знание мира истории по примеру знания мира природы. Историческая философия Толстого, ставшая лишь фрагментарным отражением-переводом поэтики исторического изображения в романе, оказалась не вполне адекватна масштабу тех вопросов, которые были вызваны «художественными» новациями романного изображения. Толстовский «фатализм» философско-публицистических отступлений оказался в значительной мере упрощением вопросов, поставленных внутренней логикой толстовского же романного изображения.

Недовольство писателя существующей традицией историописания выразилось в столь тотальном ее пересмотре, что собственное его мышление оказалось к этому не готово. Однако совершенный в романе переворот в изображении истории продолжает раскрывать свой потенциал уже в связи с более зрелыми и академически дисциплинированными, чем в эпоху Толстого, формами исторической мысли. Современный историк уже не может читать роман «Война и мир» так, как это делали его предшественники в XIX в., не знавшие эпистемологического поворота в гуманитарном мышлении века XX-го. А ведь художественный опыт «Войны и мира» оказывается верным маяком на пути к этому последовавшему спустя многие годы «событию мысли».

Толстовский мотив разлома между переживанием истории участниками событий и ее последующим осознанием прочитывается благодаря Гадамеру уже не как школьные трюизмы о фатализме и историческом детерминизме, а как радикальное эпистемологическое сомнение, ставящее под вопрос всю гуманитарную традицию Нового времени. *«Не должна ли историческая обусловленность сознания стать непреодолимой преградой, не позволяющей ему завершить себя в историческом сознании?»*²⁴ – задается вопросом Гадамер, а «Война и мир» заканчивается следующим выводом об историческом познании: *«необходимо отказать от несуществующей свободы и признать неоощаемую нами зависимость»*²⁵.

²⁴ Гадамер 1988. С. 280-281.

²⁵ Толстой ПСС. Т. 12. С. 341. Фразу, разумеется, не следует понимать с самоуверенностью сциентистского (например, марксистского) мышления, предполагающего некую схему понимания детерминирующих законов. Уместно напомнить, что Толстой писал потом: «Изучая эпоху столь трагическую, столь богатую громадностью событий и столь близкую к нам, о которой живо столько разнороднейших преданий, я пришел к очевидности того, что нашему уму недоступны причины совершающихся исторических событий». См.: Толстой Т. 16. С. 13.

Проследив, как тема «непрозрачности истории» связывает художественный опыт «Войны и мира» с эпистемологической рефлексией Гадамера зададимся еще одной проблемой. Можно ли говорить, что Толстой в «Войне и мире» работал над тем же вопросом, что и методологи гуманитарной философии XX века?

Такая постановка проблемы вызовет законные возражения. В строго философском смысле вопрос возникает в текстах философов – Гадамера и Рикера. Там проблема ставится и разрабатывается в категориях и понятиях академического сообщества. Художественное мышление оперирует образами, а не понятиями. В художественном тексте принцип поэтической цельности, самодостаточности изображенного мира, «снимает» открытую для обсуждения конкретику затронутых тем: чаще всего оказывается, что вопрос до его «правильной» постановки уже предвосхищен авторским ответом. Другими словами, в то время как научные и философские труды, выносятся на обсуждение, произведения искусства выносятся на созерцание и сопереживание. В этом смысле нельзя забывать о принципиальном отличии строго философского текста от текста художественного. Поэтому любой вопрос, любая проблема (в том смысле, в каком они понимаются в философских текстах) в художественном тексте преобразуются в совершенно иное состояние, соответствующее жанровой и эмоционально-стилевой форме произведения.

Забывать о неустраимости художественного преобразования вещей в тексте писателя нельзя, но все же еще большей ошибкой было бы игнорирование причастности художественного слова к миру, познанием и толкованием которого поглощена наука и философия. Говоря словами Гадамера *«имеет добротный и доказуемый смысл то, что художественное произведение нам что-то говорит и что тем самым, как говорящее, оно принадлежит совокупности всего то[го], что подлежит нашему пониманию»*²⁶.

Именно имея в виду единство того мира, «что подлежит нашему пониманию», можно говорить о темах и проблемах, связывающих философию и литературу. Однако исторические, языковые, жанровые, идеологические и иные барьеры не позволяют нам напрямую переносить темы и вопросы из одной речевой среды в другую. Война 1812 года, какой ее изобразил Толстой, и война 1812 года, какой ее видят историки, историческое событие в романе и историческое событие в историографии, а затем уже и в философии истории – все эти конкретные преломления одной темы в разных сферах миропонимания и миро-

²⁶ Гадамер 1991. С. 259.

ощущения все чаще демонстрируют нам не единство, а расщепленность в понимании исторического опыта (то есть того мира, который познается гуманитарными науками).

Собственно говоря, этим и обусловлена необходимость специального обращения к герменевтике в контексте диалога «Войны и мира» с исторической наукой. Ведь эпистемологические возможности художественного слова ускользают при взгляде изнутри историко-научного сознания. С этой точки зрения, эпистемологическая взаимосвязь между Толстым, Рикером и Гадамером позволяет подойти к проблеме значимости художественного опыта для понимания опыта исторического.

Мысль Толстого движима самим предметом – жизнью, опрокинутой в прошлое. Здесь «художественное» пребывает в постоянном сотрудничестве с «нехудожественным». Толстой пытается пробиться к истории одновременно по нескольким направлениям, задействуя разные языки, сюжеты и жанры, систематически нарушая границы собственно «эстетического» или собственно «логического». С.Г. Бочаров говорил об этом так: *«То понимание человеческого бытия и истории, которое людям открыла “Война и мир”, возникло и развилось у Толстого как художественная мысль, как роман, картина жизни и отношений людей. Но это художественное объяснение самых глубоких оснований человеческой жизни, к которому стремился Толстой, естественно тяготеет (все больше по мере того, как эти глубокие основы вскрывались ситуацией 1812 г.) перерасти в прямое философско-публицистическое рассуждение, к которому был также склонен Толстой, оно, так сказать, было его вторым “языком”. В философской публицистике “Войны и мира” происходило то, что классическая эстетика именовала “выходом идеи из образа”. Обращаясь к логическим доказательствам, Толстой как бы “переводил” свою мысль с одного языка на другой»²⁷.*

Думаю, что опыт «Войны и мира» в обозначенном Бочаровым смысле уникален. Даже не касаясь огромного пласта проблем, связанных с художественными достоинствами и «завоеваниями» романа, можно сказать, что книга стала оригинальной, местами противоречивой, но грандиозной попыткой объединить жанры, вовлечь разные голоса и типы речи в процесс понимания и освоения исторического опыта. Но при осмыслении опыта «Войны и мира» в свете эпистемологических задач стоит воздержаться от неравноправия по отношению к «чужой» художественной речи, от монологичности, столь свойственной голосу научного знания Нового времени.

²⁷ Бочаров 1987. С. 36.

Речь идет не о привлечении художественного слова в историческое исследование в качестве источника или «объекта», а об условиях диалога между литературой, философией и историей. Осмысление художественного слова в категориях гуманитарных наук требует сохранения той же открытости к чужой мысли, которая характеризует взаимодействие внутри исследовательского сообщества. Эта задача представляется требующей особых герменевтических усилий именно потому, что Толстой не был специалистом-исследователем, но романскими средствами содействовал «передаче» исторического опыта войны 1812 года в такой мере, какой любой историк может только позавидовать.

Современное чтение «Войны и мира» представляет собой непрерывную творческую работу по переводу авторской мысли из одного жанра в другой, из одного исторического мира в другой. Работу, соединяющую гуманитарные науки и искусство. Ведь «Война и мир» остается на перекрестке этих сфер проявления человеческого духа.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Анкерсмит Ф.Р. История и тропология: взлет и падение метафоры. / Пер. с англ. М. Кукарцевой, Е. Коломоец, В. Кашаевой. М.: Прогресс-Традиция, 2003. 496 с.
- Бендерский И.И. Бородино Льва Толстого в контексте актуальных вопросов изучения Бородинского сражения // «Сей день прибудет вечным памятником...» (Мат-лы междунар. науч. конф.) Можайск, 2013. С. 612–615.
- Бендерский И.И. Миссия Балашова и Лев Толстой // Новый мир. 2011. № 11. С. 116–129.
- Бочаров С.Г. Роман Л. Толстого «Война и мир». М.: Худ. лит., 1987.
- Гадамер Г.-Г. Истина и метод / Пер. с нем. Б.Н. Бессонова. М., 1988. 704 с.
- Гадамер Г.-Г. Актуальность прекрасного / [Сборник статей]. Сост. М.П. Стафеецкая. М.: Искусство, 1991. 367 с.
- Рорти Р. Философия и зеркало природы. / Пер. с англ. В.В. Целищева. Новосибирск: Изд-во Новосиб. ун-та, 1997. 320 с.
- Рикер П. История и истина / Пер. с фр. О.И. Мачульской и И.С. Вдовиной. СПб.: Алетей, 2002. 397 с.
- Толстой Л.Н. Полное собрание сочинений. Т. 11. М.: Худ. лит., 1940. 470 с.; Т. 12. 1940. 428 с.; Т. 61. 1953. 423 с.; Т. 62. 1953. 575 с.
- Коллингвуд Р. Дж. Идея истории. Автобиография. / Пер. и коммент. Ю.А. Асеева; вступит. ст. М.А. Кисселя. М.: Наука, 1980. 486 с. (Серия «Памятники исторической мысли»).
- Киссель М. А. Р. Дж. Коллингвуд – историк и философ // Коллингвуд Р. Дж. Идея истории. Автобиография. М.: Наука, 1980. С. 419–459.
- Киссель М. А. Метафизика в век науки. СПб.: Искусство, 2002. 304 с.
- Уайт Х. Метаистория: историческое воображение в Европе XIX века. Екатеринбург: Изд-во Уральского университета, 2002. 528 с.
- Хайдеггер М. Бытие и время / Пер. с нем. В.В. Бибихина. СПб.: «Наука», 2006. 452 с.

REFERENCES

- Ankersmit F.R. Istoriya i tropologiya: vzlet i padenie metafory / Per. s angl. M. Kulkartsevoi, E. Kolomoets, V. Kashaevoi. M.: Progress-Traditsiya, 2003. 496 s.
- Benderskii I.I. Borodino L'va Tolstogo v kontekste aktual'nykh voprosov izucheniya Borodinskogo srazheniya // «Sei den' pribudet vechnym pamyatnikom...» (Mat-ly mezhdunar. nauch. konf.) Mozhaisk, 2013. S. 612–615.
- Benderskii I.I. Missiya Balashova i Lev Tolstoi // Novyi mir. 2011. № 11. S. 116–129.
- Bocharov S.G. Roman L. Tolstogo «Voina i mir». M.: Khud. lit., 1987.
- Gadamer G.-G. Istina i metod / Per. s nem. B.N. Bessonova. M., 1988. 704 s.
- Gadamer G.-G. Aktual'nost' prekrasnogo / [Sbornik statei]. Sost. M.P. Stafetskaya. M.: Iskusstvo, 1991. 367 s.
- Rorti R. Filosofiya i zerkalo prirody. / Per. s angl. V.V. Tselishcheva. Novosibirsk: Izd-vo Novosib. un-ta, 1997. 320 s.
- Riker P. Istoriya i istina / Per. s fr. O.I. Machul'skoi i I.S. Vdovinoi. SPb.: Aleteiya, 2002. 397 s.
- Tolstoi L.N. Polnoe sobranie sochinenii T. 11. M.: Khud. lit., 1940. 470 s.; T. 12. 1940. 428 s.; T. 61. 1953. 423 s.; T. 62. 1953. 575 s.
- Kollingvud R.Dzh. Ideya istorii. Avtobiografiya. / Per. i komment. Yu.A. Aseeva; vstupit. st. M.A. Kisselya. M.: Nauka, 1980. 486 s.
- Kissel' M.A. R.Dzh. Kollingvud – istorik i filosof // Kollingvud R. Dzh. Ideya istorii. Avtobiografiya. M.: Nauka, 1980. S. 419–459.
- Kissel' M.A. Metafizika v vek nauki. SPb.: Iskusstvo, 2002. 304 s.
- Uait Kh. Metaistoriya: istoricheskoe vobrazhenie v Evrope XIX veka. Ekaterinburg: Izd-vo Ural'skogo universiteta, 2002. 528 s.
- Khaidegger M. Bytie i vremya / Per. s nem. V.V. Bibikhina. SPb.: «Nauka», 2006. 452 s.

Бендерский Илья Игоревич, аспирант кафедры философии Московского педагогического государственного университета, старший научный сотрудник Государственного музея Л.Н. Толстого; bender.beni@yandex.ru

On the "opacity" of history (the case of Leo Tolstoy)

The article addresses a well-known methodological problem of the cognitive gap between the reality of the actual past and its representation and analysis. The study is focused on Leo Tolstoy's the novel "War and Peace" by Leo Tolstoy. To evaluate the epistemological potential of the Tolstoy's novel one has to produce a careful study of the novel's narrative and its correlation with the 20th century historical thought. The author has attempted to engage influential philosophers like H.-G. Gadamer and Paul Ricoeur in a discourse analysis of the 'War and Peace'. The possibility of such a dialogue is based on their repeated references to the texts of Tolstoy. How could epistemological issues be interpreted within fiction? Where is the difference between 'art' and 'history' in the Tolstoy's thought? Is it possible to trace methodological problems of historical thinking out of his 'artistic' world of literature? And what does his experience mean for us 150 years later?

Keywords: historical representation, methodology of history, theory of novel, literary epistemology, historicism, hermeneutics, the war of 1812, Napoleon, Leo Tolstoy

Ilya Benderskii, postgraduate student, Department of Philosophy, Moscow Pedagogical State University; senior researcher, State Museum of Leo Tolstoy; bender.beni@yandex.ru

ИСТОРИЯ ЧЕРЕЗ ЛИЧНОСТЬ

С. И. Посохов

«НЕПОНЯТНЫЙ» VS «НЕПОНЯТЫЙ» В.Н. КАРАЗИН КОММЕНТАРИИ, РЕМАРКИ, АПОЛОГИЯ

Статья посвящена анализу основных линий дискуссии о взглядах и результатах деятельности В.Н. Каразина (1773–1842). За 150 лет изучения его биографии было создано несколько устойчивых интеллектуальных конструкций (историографических образов). Часто эти конструкции существуют между собой в «конфликтной» связке, формируя основные линии дискуссии и бинарные идейные оппозиции. Автор статьи предлагает варианты деконструкции имеющихся утверждений, оценок и мнений о В.Н. Каразине, стремится проанализировать причины возникновения того или иного «историографического мифа», а также тенденции и факторы их эволюции.

Ключевые слова: *В.Н. Каразин, биографистика, историографические исследования, эволюция образов, Харьковский университет.*

«Я иду вперед с малыми надеждами без всякой подпоры,
подвигаясь медленно по путям,
наполненным стремнинами и терниями заросшими.
Я лшщусь принести некогда,
может быть не прежде, как уже по смерти моей,
пользу дражайшему моему Отечеству
и тогда уповаю быть оправданным»

В.Н. Каразин

Нам сложно порой понять себя и своих современников, что уж говорить о деятелях давно минувших эпох. Но среди множества исторических фигур, интерес к которым не угасает, есть такие, о которых даже глубоко интересующиеся их жизнью и деятельностью люди пишут, как о «сложных», «непонятных» личностях. Такой «противоречивой личностью» традиционно именуют Василия Назаровича Каразина. Действительно, многие его поступки сегодняшнему человеку кажутся нелогичными, странными, а то и просто нелепыми. Если внимательно посмотреть многочисленные работы, посвященные Каразину, то мы заметим, что некоторые авторы пытались просто обойти вниманием «странные» эпизоды его жизни, чтобы сохранить «чистый образ». Другие, наоборот, акцентировали на них внимание, чтобы подтвердить правильность своего негативного вердикта. Стремясь сохранить «объективность», третьи вели речь о его «противоречивости».

И все же, насколько нетипичным для своей эпохи был Василий Назарович? Можем ли мы говорить о том, что он отставал от требований эпохи или, наоборот, опережал свое время? А может он действительно был человеком откровенно девиантного поведения?

Сегодня есть все основания говорить о «каразинском мифе», подразумевая под этим не столько наличие вымысла, «баснословных историй» или надуманных оценок, сколько неких интеллектуальных конструкций, которые базируются на исторических фактах и подтверждаются документами. Некоторые из таких конструкций существуют уже довольно давно, другие – явления последнего времени. Часто они представляют собой бинарные оппозиции, которые существуют в «конфликтной» связке. Время от времени происходит актуализация той или иной конструкции, за которой тянется свой «шлейф» оценок и мнений. Все это позволяет вести речь даже не о «мифе», а о «мифах».

Конфликтный характер интерпретаций поступков и личности Каразина обозначился в начале XX в. в ходе публичной дискуссии, вспыхнувшей на страницах печати. Начало ей положила брошюра неизвестного автора, спрятавшегося за криптонимом «П.В. И-в», в которой тот не пожалел черных красок для Каразина¹. Вскоре появились и другие публикации, в том числе и на страницах харьковских газет, где авторы пытались отреагировать на высказанные в брошюре обвинения.

Зримым катализатором такого обсуждения стал вопрос о сооружении памятника Каразину, который был отлит в Петербурге в 1904 г., продолжительное время стоял в закрытом виде и был торжественно открыт в июне 1907 г. в Университетском саду. Впрочем, следует напомнить, что идея об установке такого памятника была высказана в 1872 г. известным писателем Г.П. Данилевским, когда в Харькове еще не было ни одного памятника². Совет Харьковского университета принял решение просить разрешения на открытие «повсеместной в России подписки» на сооружение памятника и такое Высочайшее разрешение последовало в 1875 г.³ С того времени начали собирать средства на эту цель, причем сведения о поступлении средств регулярно публиковались в «Харьковских губернских ведомостях» с указанием имени жертвователя (даже если речь шла о совсем незначительной сумме). В начале XX в. это решение тем не менее было поставлено под сомнение. Проф. Буцинский, считая Каразина «темной личностью», высказался по этому пово-

¹ В.Н. Каразин, мнимый основатель... 1905.

² См.: О сооружении памятника... 1873. №3. С. 418.

³ Харківський університет... 2004. С. 162.

ду достаточно резко: «памятник Каразину будет вечным позором и для харьковцев и для Харьковского университета»⁴.

Сегодня очевидно, что вспышка дискуссии была обусловлена общей ситуацией в стране. В начале XX в. в Российской империи наблюдалась необычайная радикализация общественного сознания, достигшая своего апогея в 1905 г. В это время многое стало восприниматься в черно-белых тонах. Героизация противостояла разоблачениям и в оценках исторических фигур. Подозрительность, напряженные отношения проникли и в научное сообщество. Политический водораздел среди профессуры привел к обвинениям идейных противников в научной недобросовестности. Пытаясь объяснить нападки на Каразина, Д.И. Багалея тогда резонно заметил, что «брошюра г. И-ва посвящена не только развенчиванию общественных заслуг В.Н. Каразина, но и развенчиванию моих заслуг, как историка университета»⁵. Очевидно, что в вопросе об исторической роли Каразина диспутанты представляли различные политические группировки (либералов и консерваторов).

Дискуссия того времени требует специального исследования. Заметим лишь, что острые стрелы, пущенные участниками спора, и спустя сто лет продолжают использоваться публицистами, строящими свою «систему доказательств» на эпитафее.

И все же возникает определенная неудовлетворенность от, казалось бы, абсолютно справедливого тезиса Багалея, высказанного в разгар той полемики. По его мнению, автор брошюры «раздул недостатки В.Н. Каразина, которые были отмечены в предшествующей литературе, широко и без всякой критики используя те пересуды и сплетни, которые ходили о Каразине и от которых не может гарантировать себя ни одна выдающаяся личность, а в особенности такая сложная, как В.Н. Каразин, исполненная противоречий, – смеси выдающихся достоинств и значительных недостатков»⁶. Достаточно ли сказать применительно к Каразину известную фразу «кто из нас без недостатков...»?

Мы попробуем последовательно рассмотреть некоторые бинарные характеристики Каразина. Когда-то Вячеслав Иванов сказал так: «Все узнать, значит: все простить». Перефразируя сказанное, заметим: понять – значит оправдать. В слове «оправдать» основой является «правда». В течение своей жизни Каразин написал не одно письмо монархам, пытаясь оправдаться в том, в чем он не видел вины. Эти попытки остались

⁴ Бущинский 1905. С. 21.

⁵ Багалея 1905. С. 12.

⁶ Там же. С. 17.

безуспешными. Но он надеялся, как это следует из слов, ставших эпиграфом к данной статье, на понимание потомков и свое «оправдание» в будущем. Не претендуя на то, что мы знаем правду о В.Н. Каразине, мы хотим только сказать, что у него была своя правда и нужно стремиться ее понять, но для этого недостаточно пользоваться законами логики и здравого смысла, ведь часто те или иные действия человека определяет культурный контекст, а «здравый смысл» отличается от эпохи к эпохе. В случае с Каразиным мы имеем очень динамичный контекст, поскольку это была переходная эпоха от Просвещения к Романтизму, а в истории России она обозначилась еще и активным поиском путей модернизации общества. Причем важен не только «контекст Каразина», но и наш культурный контекст. Поиск «правды истории» неизменно сопровождается «культурной импутацией». Мы часто навязываем прошлому свои смыслы. Прислушаемся к мнению В. Вжосека: «...мечты наивного реалиста трудноосуществимы. Каждая категория, даже если она кажется самой фундаментальной или универсальной, укоренена в культурном контексте, который ее наделяет смыслом, одаряя первородным грехом антропоморфизма и постоянно живым, изменчивым культурным смыслом»⁷. Наши интерпретации культурно обусловлены, мы не можем осмысливать прошлое иначе, нежели через призму наших культурных представлений. Вот почему, нисколько не претендуя на окончательную истину, ниже мы предлагаем свою попытку деконструкции имеющихся утверждений и мнений о В.Н. Каразине, а задачу, среди прочего, видим в том, чтобы проанализировать, когда и почему возник тот или иной «миф», как он эволюционировал и почему.

1. Начнем с такой дихотомии: Каразин – ученый-энциклопедист или исследователь-дилетант? Сторонники первого тезиса (назовем их «апологеты») используют метафору «украинский Ломоносов», сторонники второго (назовем их «критики») – говорят об отсутствии систематического образования у Каразина и его примитивных опытах.

Об «энциклопедизме» Каразина свидетельствует широкая тематика его работ: от метеорологии до медицины, от международных отношений до технических аспектов селитроварения. В письме шефу жандармов А.Х. Бенкендорфу от 29 октября 1826 года Каразин просит сохранить документы, отобранные при его аресте и так характеризует свои «17 тетрадей»: «Это собрание невинных моих физических, химических, литературных, экономических и даже домашних, также патриотических, только в меньшем числе, замечаний, о коих я жалеть буду,

⁷ Вжосек 2012. С. 30.

если они погибнут: ибо ряд целый лет в них заключался»⁸. В какой степени «энциклопедизм» в первой половине XIX в. стал архаичным явлением? В рамках европейской образовательной системы определение «пространства знания» первоначально осуществлялось путем задания списка «учебных дисциплин». Как известно, долгое время «философия» объединяла в себе весь комплекс естественнонаучного и гуманитарного знания. Это касается и первой половины XIX в. В 1835 г. в России был принят новый университетский устав, в значительной мере сориентированный на образец Берлинского университета, задававшего тон в Европе. В частности, этим уставом было предусмотрено создание философского факультета в составе двух отделений – физико-математического и историко-филологического, распоряжение об их разъединении как «соединенных в один общий факультет без достаточной причины» будет принято лишь 26 января 1850 г.

«Энциклопедизм» не ушел в прошлое с XVIII веком, его нельзя считать признаком отсталости Каразина. Да и сравнение его с Ломоносовым вполне уместно. К слову, впервые в литературе назвал Каразина «восторженным украинским Ломоносовым» Г.П. Данилевский в 1866 г., заметив, что так его называли друзья при жизни⁹. Другое дело, что в середине XX в. в советской историографии такое сравнение приобрело иной характер. В конце 1940-х гг. началась «борьба с космополитизмом», и в связи с этим стали активно искать и находить отечественных ученых, сделавших вклад в мировую науку. Именно тогда Ломоносову придали особое значение и вспомнили об «украинском Ломоносове». Таким образом, совсем не случайно в первой книге (брошюре), которая появилась в советское время о Каразине, ее автор А.Г. Слюсарский уже в первом предложении пишет о герое своего повествования как об «энциклопедически образованном ученом», «ревнителе просвещения своего народа», о том, что «современники по праву называли его украинским Ломоносовым», а в конце делает вывод: «он страстно боролся за приоритет русской науки во многих отраслях знания»¹⁰. Но разве Каразин виноват в том, что его работам и познавательным усилиям приписали большее значение, чем они имели? Впрочем, болезненное самолюбие самого Каразина¹¹ давало повод «критикам» скептически отзываться о

⁸ ГАРФ. Ф. 109 с/а. Оп. 1. Д. 52. Л. 2.

⁹ Данилевский 1866. С. 104.

¹⁰ Слюсарский 1952. С. 63.

¹¹ См., например, его статью «О новом открытии в Англии, которое, однако, есть повторение российского изобретения 1809 г.», написанную в 1842 г. (Сочинения... 1910. С. 505-506).

его открытиях и степени их оригинальности. В любом случае надо признать, что на украинских землях он был среди первых отечественных исследователей в области физики, химии и других наук. Следует также учесть, что свои «опыты» он проводил в глубокой провинции, часто лишенный физической возможности не только воспользоваться новейшими инструментами и приборами, но даже научной периодикой. О его желании расширить свои познания и круг общения свидетельствует страсть к книгам и огромное число корреспондентов.

В.Н. Каразин, как и большинство его современников, включая тех, кто прославился на ниве науки, не получил систематического образования. В биографиях известных деятелей последней четверти XVIII – первой трети XIX в. нередко можно прочесть: «получил хорошее домашнее образование», однако это не означает, что они не владели фундаментальными научными знаниями своего времени. Каразин учился в лучших пансионах для дворянских детей в Кременчуге и Харькове и, вспоминая об этом, хвалил своих учителей И.П. Шульца и Х.И. Филдинга – «людей истинно просвещенных»¹². Обучение (пусть и эпизодическое) в Горном институте в Петербурге, который ряд исследователей считают самым передовым в России конца XVIII в. учебным заведением технического профиля, предоставило Каразину шанс овладеть научными методами. И, конечно, следует признать справедливой ту мудрость, которая гласит: «образование – это прежде всего самообразование».

Сегодня в работах историков все чаще фигурирует слово «интеллектуал». Это позволяет значительно расширить круг тех лиц, которые в XVIII–XIX вв. внесли вклад в развитие разных областей знания (а среди таковых было немало священников, литераторов и просто филантропов-помещиков). Принцип «цеховой ограниченности» не позволял их включать в число «ученых», но отрицать их влияние на умы современников было бы большой ошибкой, особенно, если их предложения были связаны с улучшением жизни людей и нововведениями, которые признавались актуальными. Каразина привлекали именно такие идеи. Если тезисы о том, что он был «революционером в науке» и «первым в Украине ученым-естествоиспытателем»¹³, можно поставить под сомнение, то его выдающуюся роль как изобретателя и рационализатора сложно отрицать, как и значение его стремления заинтересовать окружающих достижениями науки, попытки соединить данные науки с потребностями жизни. Вот, например, слова из дневника В.К. Кюхельбекера: «Техно-

¹² Там же. С. 356 (прим.).

¹³ См.: Болебрух 2005. С. 119, 134.

логические статьи Каразина, все до одной, очень занимательны. В «Сыне отечества» на 1817 год заслуживает особенное внимание его рассуждение о необходимости сбережения лесов в России; в нем много мыслей основательных и остроумных... В другой статье (о метеорологии), читанной Каразиним в 1810 году в московском Обществе испытателей природы, несколько гипотез очень смелых, но, быть может, таких, которые оправдаются лет через сто, пятьдесят или ближе»¹⁴.

Есть все основания считать Каразина «образованным человеком своего времени». О знании им иностранных языков и уровне его научных познаний свидетельствуют воспоминания профессора Марбургского, а затем Харьковского университета Х. Роммеля: «Вблизи Харькова проживало двое дворян, знакомство с которыми я считаю среди лучших воспоминаний в своей жизни. Первым был Каразин, непосредственный основатель университета. Ознакомленный с языками и литературой почти всех народов, с лучшими изобретениями европейцев в области физики и химии и исполненный филантропических идей, он посвятил себя научным исследованиям и экспериментам»¹⁵. Каразин изучал литературу писал научные труды и письма на французском и немецком языках, переводил с латыни¹⁶. Еще были живы люди, знавшие Каразина, когда Н.А. Мельгунов написал о нем: «Это был ум жадный к познаниям, душа пылкая, сжигаемая жаждой деятельности»¹⁷. Даже неглубокое изучение биографии Каразина дает основание согласиться с этим мнением.

2. Следующий круг проблем обозначен в вопросе: Каразин – государственный деятель (деятель с государственным мышлением) или прожектёр, мечтатель-авантюрист? Прежде всего напомним о том, какие идеи породила эпоха Просвещения. Это уверенность во всеилии разума, взгляд на монарха как потенциального преобразователя, акцент на просвещении как факторе изменения людей. Именно эта эпоха породила людей деятельных, стремящихся к власти как орудию воплощения замыслов, проявляющих небывалый интерес к знаниям, науке. В их текстах немало пафоса, оптимизма, восторга. Многие из них прославились великими путешествиями, открытиями, идеями. Впрочем, их деятельность была не только созидательной, но и разрушительной: они решительно отбрасывали «старый» опыт, порой готовы были включиться в любую авантюру. В Российской империи выходцы из социальной эли-

¹⁴ Кюхельбекер 1979. С. 266.

¹⁵ Роммель 2001. С. 130.

¹⁶ Сочинения... 1910. С. 35-41, 545-553, 573-582, 877-880; Трифильев 1901.

¹⁷ Мельгунов 1847. Т. 1. Ч. 2. С. 172.

ты оказались готовы принять идеи Просвещения, исходя из своих интеллектуальных возможностей. Нельзя недооценивать значение дворянства в процессах модернизации, как и специфику таких процессов в Восточной Европе – значительную роль в них государства. Деятельная натура Каразина вызревала в это время и ему соответствовала.

Его трудно назвать государственным деятелем, так как он очень непродолжительное время был на государственной службе, да и функции его в системе управления не позволяют утверждать, что он существенно влиял на государственную политику. Соответственно, сложно согласиться с теми, кто называют Каразина «одним из выдающихся либеральных реформаторов»¹⁸, понимая под «реформатором» человека, который осуществляет реформу. Преувеличением является тезис о том, что Каразин был инициатором создания Министерства народного просвещения. Создание министерства было увязано с системными переменами в сфере государственного управления, подготовленными всем предшествующим ходом развития, а к осуществлению этих реформ были причастны многие государственные сановники и, конечно, сам император Александр (применительно к созданию МНП нужно, прежде всего, назвать Ф. Лагарпа¹⁹). Не стоит, однако, недооценивать роль Каразина в органах управления зарождающейся системы образования. Он активно участвовал в разработке принципов организации системы образования²⁰. Вероятно, Каразин неоднократно возвращался в мыслях к этому эпизоду своей жизни; с годами осознавая, что это был «пик карьеры», он стал придавать ему все большее значение. Вот как он писал М.П. Погодину: «Кто знает, например, что живущий ныне, хотя уже в гроб заглядывающий старик, дал идею и выполнил ее на полустопе бумаги своею рукой об отдельном Министерстве народного просвещения, которое нигде в Европе еще не существовало?»²¹.

С большим основанием можно говорить о Каразине как о человеке с государственным мышлением. Для этого остановимся на таком историческом явлении как прожектёрство. Уже довольно давно слово «прожектёр» имеет отрицательную коннотацию, на чем строились и некоторые отрицательные оценки деятельности Каразина, представляющие его как человека суетливого, назойливого, не разбирающего средств, стра-

¹⁸ Петров 2002. Т. 1. С. 206.

¹⁹ См.: Андреев 2009. С. 359.

²⁰ По мнению А.Ю. Андреева, «наиболее значительную роль в подготовке реформ сыграли барон Ф.И. Клингер, князь А. Чарторижский, В.Н. Каразин и М.Н. Муравьев». Андреев 2000. С. 43.

²¹ Цит. по: Замечание О. Бодянского... 1861. Кн. 3. С. 203.

дающего манией величия, а его бесконечно подаваемые «проекты» – как способ заявить о себе, «вынырнуть из ничтожества». В брошюре «П.В. И-ва» он назван «знаменитым авантюристом и прожектёром», который был вообще «не способен к серьезной практической работе», а лишь «занимался составлением разного рода несурзных проектов», которые являли собой «выдумки жалкого маньяка»²².

В России «прожектёрство» как таковое возникло еще в петровское время. Сегодня исследователи пишут о разных типах и формах «прожектёрства», понимаемого в самом широком смысле – не обязательно как создание текстов в легко узнаваемом жанре обращений к монарху или крупному вельможе, но как все многообразие документов и действий, связанных с целенаправленным конструированием новых институтов и организационных форм²³. Давняя традиция обращений к государю от частных лиц или групп населения («обращения снизу») была одним из источников законодательной инициативы. Искусственность границы между прожектёрами и «настоящими» государственными деятелями показана С.В. Андрияином, изучившим прожектёрскую деятельность П.И. Шувалова, и Я.И. Лариной (Прокопенко), исследовавшей деятельность Генриха Фика – «прожектера по должности»²⁴. Такие примеры можно обнаружить и в истории Западной Европы. «Долгий» XVIII век и особенно десятилетия на рубеже XVII–XVIII вв., называют «эпохой прожектерства» по всей Европе²⁵. Неприятие прожектёрства усилится с утверждением неогуманизма, когда своекорыстность многих прожектеров станет противопоставляться бескорыстному поиску истины. Но прожектёрство как таковое не уйдет в небытие. Многие политические манифесты и просто публицистические тексты и в XIX в. имеют характер «прожектов», поскольку предполагалось, что высказанные в них идеи могут быть использованы властью преобладающими для осуществления тех или иных преобразований. Сегодня применительно к «прожектёрству» используются оценочно нейтральные термины, такие как «административное предпринимательство» и «интеллектуальное предпринимательство». Между прожектёрами и «настоящими» государственными деятелями, а также между сановниками и рядовыми чиновниками или экспертами нет принципиальной разницы: и те, и другие действуют в качестве административных предпринимателей²⁶.

²² В.Н. Каразин, мнимый основатель... С. 5, 6, 42, 44.

²³ См.: Федюкин 2014. С. 17 и далее.

²⁴

²⁵ См.: Novak 2008.

²⁶ Федюкин 2014. С. 21.

Таким образом, прожектёрство Каразина может и должно рассматриваться не само по себе, но как некое культурное явление своего времени. Прожектёрство, как правило, активизировалось в эпоху реформ, в ходе смены власти, в период общественных перемен. Взлет Каразина, как известно, был связан именно с тем, что его «Записка» с предложением программы реформ, поданная молодому Александру, взошедшему на престол, была благосклонно принята и позитивно оценена монархом. Нельзя не признать масштабность и разумность высказанных ее автором предложений: издание «непреложных законов», разделение исполнительной и законодательной властей, введение выборного гласного суда, просвещение низших сословий. Ряд последующих «прожектёров» Каразина имели более частный характер, но, как правило, мотивировка была более общей – «блага Отечества». Сегодня исследователи указывают, что в ряде случаев искусственным было бы противопоставление карьерно-прагматического и идейного в деятельности «прожектёров»: рвание об общем благе и ожидание награды за инициативу и труд по составлению проектов на практике были неразрывно увязаны²⁷. Об этом свидетельствуют и письма Каразина Александру I, в частности, одно из них: «Я писал не по видам личным, но по внутреннему убеждению... Признаюсь в том чистосердечно, быть человеком к Вам близким, Вам так сказать принадлежащим, было единственным и первейшим моим желанием: Звание вашего личного секретаря, вашего камер библиотекаря, нечто подобное, носилось в моем воображении...»²⁸.

Для прожектёров прямой канал коммуникации с монархом был особенно важен. Благосклонность монарха автоматически увеличивала ресурсы для осуществления задуманного. Не случайно, Каразин постоянно стремился привлечь внимание государя и вернуть его расположение. На сегодняшний день известно двадцать писем Каразина Александру I. До недавнего времени не были обнаружены оригиналы писем последнего к Каразину. Было известно лишь упоминание Г.Р. Державина о том, что Каразин показывал ему в Москве «...писанные такие благосклонные или, лучше сказать, дружеские рескрипты, что могли всякого привести в удивление доверенностию к нему монарха»²⁹. Недавно подлинники этих писем были обнаружены в Российском государственном историческом архиве Ю.Е. Грачевой³⁰. Успех прожектёра зависел,

²⁷ Там же. С. 20.

²⁸ Сочинения, письма и бумаги В.Н. Каразина... 1910. С. 119.

²⁹ Державин 1860. С. 452.

³⁰ Грачева 2012. С. 11-12.

прежде всего, от того, сможет ли он своими предложениями заинтересовать монарха. Но в условиях определенной системы управления прожектёр сталкивается с интересами других потенциальных игроков на конкурентном поле. Самодержавие в России порождало невероятные придворные интриги. Амбициозность Каразина в этих условиях не могла остаться незамеченной, в придворных кругах на него стали смотреть как на «высочку». Ю.Е. Грачева резонно заметила: «Чтобы оценить полученные Каразиным привилегии – право без посредников писать в собственные руки Государю и прямой доступ к императору без доклада, следует вспомнить, что в XIX в. далеко не каждый министр имел право прямого доклада Государю»³¹. Такое отношение порождало ревность и противодействие. А выпады Каразина в адрес сильных мира сего только подливали масла в огонь. Это было заметно даже тем, кто непосредственно не участвовал в этой борьбе. И.Ф. Тимковский писал Каразину: «Деятельность Ваша есть пламень всепожирающий, – ах, берегитесь!.. Не отделяйтесь, по крайней мере, не отделяйтесь так рано, оставьте себя будто в опеке. Всякое царство, разделившись, погибнет... Имея уши слышати, да слышит»³². Биографы Каразина неоднократно упоминали «завистников» и «недоброжелателей» из высших сфер, которые повлияли на судьбу их героя. Каразин имел слишком слабые ресурсы, чтобы противостоять вельможам. Как правило, прожектёры, выстраивая свою «предпринимательскую стратегию» пользовались покровительством близких к монарху людей, имели соратников, финансовые и административные ресурсы. Каразин, по сути, предлагал лишь «свое мнение», которое со временем стало лишь раздражать монарха. Пытаясь актуализировать свои обращения, Каразин, очевидно, стал «сгущать краски», пугая приближением революции и всевозможных катастроф. Он жил и действовал в эпоху, когда от «слуг Государевых» уже ушли, но к «просвещенной бюрократии» еще не пришли. Об этом свидетельствует даже «словесный протокол». Так, например, авторы неоднократно упоминали и упоминают об «опале» Каразина. Известно, что «опала» тесно связана с «фаворитизмом», характерным для XVIII века. Но дело не только в словах, но и в практиках. Возвышение безвестного прежде М.М. Сперанского и его «опала» происходили в «каразинское время»...

3. Еще одна дилемма, о которой явно или неявно вели и ведут речь биографы В.Н. Каразина: кто он – монархист-консерватор или оппозиционер-реформатор?

³¹ Там же. С. 41 (прим.).

³² Цит. по: Слюсарский 1952. С. 30.

Заключение в Шлиссельбургской крепости и публикация Герцена в «Полярной звезде» стали для советских исследователей жизни Каразина теми фактами, которые позволяли говорить о нем как о «прогрессивном», а значит и «оппозиционном» режиму деятеля. Впрочем, вполне закономерно в советской историографии утвердилось мнение о «дворянской ограниченности» Каразина, оно соответствовало ленинской оценке «дворянского этапа освободительного движения в России». Сегодня общественно-политическую позицию Каразина пытаются рассматривать с разных точек зрения и в различном контексте, и значительно чаще пишут о его консерватизме. В монографии о Каразине можно прочесть следующее: «В первой четверти XIX в. идеи, посеянные Просвещением на всем европейском континенте, завладели настроениями прогрессивной части российского общества. Поэтому Каразин-консерватор казался весьма старомодным, а его реформы в аграрно-крестьянской сфере соотечественники не воспринимали серьезно, хотя они несли в себе рациональное зерно и были более реалистичны, чем много утопичных программ, которые выдвигали радикалы»³³.

Не анализируя аргументы, которые были высказаны по этому поводу, сделаем лишь несколько ремарок. Во-первых, консерватизм не является единой идейной позицией, а имеет множество оттенков. можно говорить, например, о «традиционалистах-консерваторах», или «охранителях», и «умеренных консерваторах». Сегодня используется и такой термин как «консервативная модернизация»; пишут, что Каразина можно отнести к консервативной «партии», но «с рядом серьезных оговорок»³⁴, а Ю.Е. Грачева считает, что Каразина можно назвать «просвещенным» или даже «прогрессивным консерватором», стремившимся к государственным реформам, основанным на рациональных принципах³⁵. Очевидно, что «идеологическое» обоснование реформ может быть весьма консервативным, например, они могут обосновываться необходимостью «возврата к старине». Другими словами, «контрреформы» не исключают и даже, напротив, предполагают новации, поскольку «возвращение прошлого» в принципе невозможно, а на практике происходит определенным образом направленная модернизация.

Консервативная идеологическая позиция Каразина была обусловлена не только его пониманием общественного устройства, но и настроениями окружавших его людей. Об этом свидетельствует отрыв-

³³ Болебрух 2005. С. 10.

³⁴ Русский консерватизм... 2000. С. 94.

³⁵ Грачева 2012. С. 142.

вок из письма Александру I, написанного в сентябре 1801 г. В нем Каразин высказывает мнение об освобождении «от личного рабства всех помещичьих крестьян» и при этом добавляет: «Я мыслил произвести сие средством медлительным, но надежным, скрывающим все виды к тому от властолюбия дворян. Их деспотизм мечтаю я обмануть и согласить их выгоды с выгодами, спокойствием и славою Государства, с человеколюбием. Умоляю Тебя, скрой настоящее письмо от сведения кого бы то ни было: содержание его есть величайшая моя тайна, известная только Всевидашему оку...»³⁶.

К слову, есть основания утверждать, что монархизм Каразина также не оставался неизменным. Говоря о своей молодости, в письме к И.И. Бахтину (1810) он писал: «Я не избежал тогда соблазна от лживых прелестей французского переворота». Затем наблюдается его стремление к «общему благу» на основе реализации идей «просвещенного абсолютизма». К концу жизни Каразин, очевидно, стал сторонником идей о божественной природе монархической власти. Но разве это не та эволюция взглядов, которая была характерной для интеллектуалов периода перехода от эпохи Просвещения к эпохе Романтизма? Разве не таким же образом стали смотреть на монарха представители Романтизма? Акцент на роли предопределения/провидения отличает их позицию от предшествующей позиции просветителей. В это время получает распространение взгляд, согласно которому история – это судьба, а попытки изменить ее ход обречены на провал. Монарх же предстает исполнителем Судьбы. Не удивительно, что свою «Историю государства Российского» Н.М. Карамзин посвятил «Государю Императору Александру Павловичу Самодержцу Всея Руси», а свое обращение к нему завершил словами: «История народа принадлежит Царю». В этом плане идейная эволюция В.Н. Каразина отчасти напоминает эволюцию настроений его старшего современника Н.М. Карамзина. Впрочем, Василий Назарович был склонен даже в письмах к царям говорить об ограничении самовластья, считая: если самодержец хочет быть выше общественного мнения и законов, тогда не нужно считать Россию Европейской державой³⁷.

О том, что в Каразине причудливым образом соединились консервативная позиция и стремление к модернизации, просветительские идеалы и представления романтиков свидетельствует даже его конфликт в Вольном обществе любителей российской словесности, где он выступил с призывом посвятить себя делам «более мужественным», чем «вздохи

³⁶ Цит. по: Грачева Ю.Е. 2012. С. 45.

³⁷ Грачева Ю.Е. 2012. С. 149.

сказочных любовников», но осознав, что многие члены Общества вынашивают нешуточные республиканские планы, решительно стал им препятствовать. Он был убежден, что возможно соединить самодержавие и свободу каждого выражать свое мнение, веру в Провидение и рационализацию жизни, старое и новое (при этом тяга к новому была у него обозначена весьма отчетливо). И, безусловно, у него неразрывно соединялись служение Отчизне и служение монарху.

Вообще разобраться с идейной позицией интеллектуалов первой половины XIX века (кто они: реформаторы или консерваторы?) непросто, ведь в это время российский политический консерватизм, как сочетание идейного и организационного начал, только зарождался, к тому же многие идейные позиции были прочерчены лишь пунктиром. Тот, кто был консерватором в одних вопросах, мог оказаться реформатором в других (так, будучи консерваторами, Н.М. Карамзин и А.С. Шишков возглавили противоборствующие «партии» традиционалистов и реформаторов языка). Напомним, что Каразин был знаком с автором «Путешествия из Петербурга в Москву» А.Н. Радищевым, которого сложно причислить к консерваторам. Как известно, после воцарения Александра I Радищев получил полную свободу, был вызван в Петербург и назначен членом комиссии для составления законов. Существует предание об обстоятельствах самоубийства Радищева. Он составил «Проект либерального уложения», в котором говорил о равенстве всех перед законом, свободе печати и т.д. Председатель комиссии граф П.В. Завадовский сделал ему «строгое внушение» за его образ мыслей, сурово напомнив ему о прежних увлечениях и даже упомянув о Сибири. Радищев был до того потрясён выговором и угрозами, что решил покончить с собой, выпил яд и умер в страшных мучениях. Об отношениях Каразина и Радищева может свидетельствовать факт передачи после смерти последнего его сыном архива отца именно Каразину.

«Консерватор», особенно в советское время, можно сказать, стало ругательным словом. Но, как резонно отмечают современные авторы, во всемирно-историческом плане консервативные начала можно усмотреть на самых различных этапах развития человеческого общества, в том числе, элементы консерватизма можно заметить и у Платона, и у Аристотеля, и у других древних мыслителей³⁸. Консерватизм является необходимым элементом общественно-политического спектра идей, а среди консерваторов было немало выдающихся личностей и поистине исторических деятелей. Впрочем, чтобы быть уверенным,

³⁸ Русский консерватизм... 2000. С. 51.

что перед нами консерватор, нужно первоначально ответить самому себе на вопрос: «а что есть общественный прогресс?».

4. Не менее спорной является и проблема этнической идентичности Каразина. Поскольку этой проблеме посвящены специальные исследования³⁹, сосредоточим внимание лишь на тех сюжетах, которые представлены в контроверзе «региональная» – «имперская» идентичности. Другими словами, следует ответить на вопрос: Каразин – «украинский патриот» или «носитель великодержавных идей»? На Каразина как деятеля украинского возрождения впервые взглянул Ю. Лавриненко⁴⁰. Такая оценка встретила возражения со стороны И. Лысяка-Рудницкого, который, к слову, попытался объяснить позицию автора чувством его благодарности к Харькову как городу, в котором тот провел свою молодость. Далее Лысяк-Рудницкий аргументировано отстаивал мысль о том, что Каразин был «региональным патриотом» и одновременно «государственным патриотом Российской империи»⁴¹. Такой позиции придерживаются и современные исследователи. В частности, В.В. Кравченко пишет о двойной идентичности Каразина, «соединявшего любовь к «малой родине» – отчизне и общему отечеству – Российской империи»⁴². Об этом свидетельствуют слова самого Василия Назаровича, которые, заметим, оказались выбиты и на памятнике ему: «Моя жизнь принадлежит всему отечеству, но в особенности краю, бывшему колыбелью моих понятий. Блажен уже стократно, если случай поставил меня в возможность сделать малейшее добро любезнейшей моей Украине, которой пользы столь тесно в понятии моем сопряжены с пользами исполинской России»⁴³. Кравченко также отметил, что Каразин, сравнивая местное украинское и русское население, выстраивал характеристики, основанные на принципе взаимодополняемости, а не противопоставления, стремился к скорейшей культурной интеграции с «внутренней», или «старой» Россией, но при этом такое движение предполагало не столько нивелирование местных особенностей, сколько их культивирование⁴⁴. Оценивая такую позицию Каразина, автор отмечает, что лишь в начале 1840-х гг. появятся первые признаки новой, этнокультурной, идентичности региона, которая входила в противоречие с имперской⁴⁵.

³⁹ См.: Станчев 2004; Станчев 2005.

⁴⁰ Лавриненко 1975.

⁴¹ Лысяк-Рудницкий 1994. Т. 1. С. 203–204, 82.

⁴² Кравченко 2010. С. 152.

⁴³ Сочинения, письма и бумаги В.Н. Каразина. 1910. С. 535.

⁴⁴ Кравченко 2010. С. 153, 154, 161.

⁴⁵ Там же. С. 161.

Добавим к этому, что следует иметь в виду динамику в соотношении идентичностей: пребывая в Петербурге, Каразин воспринимался окружающими и ощущал себя представителем своей «малой родины», возвращаясь в Харьков, он уже выступал как представитель центральной власти. Но, пожалуй, этими двумя идентичностями нельзя ограничиться. Есть немало примеров, когда Каразин выступает как представитель или защитник иных народов, стран и даже всего человечества. Узкий взгляд на вещи, кажется, был не для него. В своей «Речи о истинной и ложной любви к Отечеству», произнесенной на заседании членов Филотехнического общества в 1817 г., поясняя цель своего выступления, он заметил: «...намерение состояло не в том, чтобы читать о ней [любви к Отечеству] общие места; а чтоб ополчиться в первый еще раз на предрассудок, начинающий теперь господствовать... по крайней мере в нашей Украине: на предрассудок, якобы любовь к Отечеству состоит в превознесении всего своего и в унижении и отвержении всего иностранного...»⁴⁶. Уже в начале речи он обратил внимание слушателей, что в XIX веке любовь к Отечеству «не есть исключительная привязанность к стране рождения – к единоплеменникам», а должна согласовываться «с любовью к роду человеческому»⁴⁷.

5. Спорной является и роль В.Н. Каразина в процессе создания Харьковского университета. Кем его считать: «основателем», «инициатором» создания университета, «положившим основание Харьковскому университету» как это начертано на памятнике?

Проблема создания Харьковского университета обозначена своеобразным треугольником: Каразин – местное общество – власть. Исследователи по-разному решали, что же является вершиной этого «треугольника». Кто-то настаивал на том, что университеты были созданы по решению центральной власти и Харьковский университет не является в этом плане особенным, другие уверяли, что все дело в местной инициативе и местных условиях, третьи связывали этот процесс исключительно с именем Каразина. Одним из первых последнюю версию выразил Н.А. Лавровский: «Не было бы этого страстного элемента в Каразине, не было бы и пожертвований, не было бы и университета в Харькове»⁴⁸. Другими словами, логика выстраивалась таким образом: Каразин – жертвования – университет. В этом случае «Каразин» скорее соединялся с «местным обществом», а затем включалась «власть» и

⁴⁶ Сочинения, письма и бумаги В.Н. Каразина. 1910. С. 366.

⁴⁷ Там же. С. 359.

⁴⁸ Лавровский 1872. С. 65.

принимала решение. Сегодня историки готовы выстроить логику иначе: игнорируя местные условия (наличие «среды» для появления университета), делается акцент на инициативе Каразина, которая оказалась созвучна имперской политике⁴⁹. Логика в этом случае такова: инициатива Каразина – имперская политика – университет. Университет выглядит исключительно как результат государственного решения, но Каразин выступает в роли лощмана, указавшего нужный фарватер. Региональные интересы присутствуют в этом сплетении настроений и намерений, но они далеки от самой идеи университета.

На наш взгляд, упомянутый «треугольник» является равнобедренным, т.е. не следует игнорировать ни одну из составляющих, определивших исход дела. Именно их сочетание привело к успеху. Безусловно, создание Харьковского университета стало частью государственного проекта, который предусматривал создание системы образования в Российской империи. Возможно, выбор Харькова определялся и его географическим положением (хотя, например, Сумы расположены всего в 150 км от Харькова и в геополитическом плане такая разница ничтожна). Конечно, университет возник не на «пустом месте». В начале XIX в. предложение учредить университеты в Казани и Киеве аргументировалось наличием в этих городах соответствующих учебных заведений («...следовательно в этих городах более найдется учащихся, способных проходить университетский курс. В прочих же городах, назначаемых для университетов, учредить на первый раз гимназии, в которых бы учащиеся могли приготовиться к университетским лекциям, а родители исподволь ощутили бы пользу, проистекающую от учения»⁵⁰), т.е. выбор мест для учреждения новых университетов, несомненно, определялся тем, насколько легко было именно в этих местах «доставать» желаемое число «кандидатов» в студенты. Значительную долю первых студентов российских университетов составляли семинаристы⁵¹, которые были способны понимать лекции иностранных профессоров на латинском языке. Наличие в Харькове достаточно мощного коллегияума стало важным в этом плане аргументом. Изучение взаимодействия православных академий и коллегияумов с местным обществом в XVIII в. также позволяет утверждать, что этот процесс был весьма плодотворен и подготовил почву для восприятия университетской идеи⁵².

⁴⁹ См.: Кравченко 2010. С. 94.

⁵⁰ Цит. по: Сухомлинов 1865. С. 59.

⁵¹ Иконников 1876. С. 496.

⁵² См.: Посохова 2011.

Сказать так, как таинственный «П.В. И-в» – «...Каразин тут не причем!», – значит фальсифицировать историю. Роль Каразина в иницировании и «устройении» университета в Харькове была значительной. Во-первых, ни в одном из университетских проектов XVIII века Харьков не упоминался. Эта идея впервые была высказана Каразиным. Во-вторых, он принял активное участие в подготовке университетских уставов 1804 года (некоторые исследователи⁵³ даже считают автором именно его, но с этим трудно согласиться). Заметим, что «за особливые труды по составлению новых уставов» для учебных заведений Российской империи 22 сентября 1802 г. ему был пожалован орден Св. Владимира. В-третьих, в 1803–1804 гг. по решению первого попечителя Харьковского учебного округа он фактически руководил всеми работами по созданию университета, беспокоился об обеспечении университета оборудованием и мебелью, устройстве типографии и лаборатории. Памятником дел Каразина остаются подаренные им в библиотеку университета ценнейшие рукописи и книги. Современный историк Ф.А. Петров считает, что роль Каразина в создании учебно-вспомогательных учреждений при Харьковском университете сопоставима с ролью М.Н. Муравьева в обустройстве Московского университета⁵⁴. Не случайно, в 1811 г., когда были еще живы те, кто знал историю создания университета не понаслышке, ученый совет избрал В.Н. Каразина почетным членом Харьковского университета: «Совет подвигнут был к выборам этого мужа, помимо выдающихся познаний, которыми он отличается, ещё также чувством благодарности; ибо единственно его старанию и труду нужно приписать учреждение в Харькове университета»⁵⁵. В 1833 году профессора собрали деньги для оплаты его долга «движимые сердечною благодарностью и уважением к господину Каразину, как первому единственному виновнику основания здесь университета»⁵⁶.

Взгляд Каразина на задачи университета и его деятельность на начальном этапе устройства университета могут стать основой для обсуждения, но назвать эти идеи и дела «сумасбродными» нельзя. Следует учесть, что в конце XVIII – начале XIX в. происходило становление нового типа университета: доклассический (корпоративный, церковный) университет уступал свое место классическому (государственному). Непонимание этого процесса ведет к неадекватным оценкам как происходившего в Российской империи, так и собственно проекта Каразина.

⁵³ Аврус 2001. С. 30.

⁵⁴ Петров 2002. Т. 1. С. 214.

⁵⁵ Цит. по: Лавровский 1872. С. 101

⁵⁶ Цит. по: Абрамов 1891. С. 67.

Каразин получил официальную отставку в конце августа 1804 г. и даже не был приглашен на торжественное открытие университета в январе 1805 г. Для кого-то это тоже аргумент, чтобы оспорить его роль в истории создания Харьковского университета. Но прислушаемся к голосу современника. В своем письме В.Н. Каразину о. Василий Фотиев писал о торжественном открытии университета: «17 января исполнилось наше желание и ревностное попечение о благе общем. Великое собрание дворян и гражданства из других губерний было поражено удовольствием и радостью; самые зилы в восторге духа искали Вас, спрашивали и признавались, что счастием сим, сверх всякого чаяния, Украина Вам единственно обязана...»⁵⁷. Напомним, что Вильгельм фон Гумбольдт руководил прусским министерством культов и просвещения непродолжительное время (всего 13 месяцев, в 1810 г. был отправлен в отставку), не давал своих денег на устройство Берлинского университета, фактически отошел от университетских дел еще до его открытия, но по праву считается создателем этого университета, который сегодня с гордостью носит имя братьев Александра и Вильгельма Гумбольдтов⁵⁸.

6. Еще одно направление дискуссии связано с оценкой личных качеств Каразина. «Разоблачительный» фильм о Каразине, подготовленный телеканалом «Первая столица» в 1995 г. вызвал возмущение в университетской среде и не только. Всякий смотрящий обращал внимание на то, что в нем обильно цитировались лишь высказывания, обвинения в адрес Каразина. В значительной мере автор фильма В. Нестерук опирался на уже неоднократно упоминавшуюся брошюру «П.В. И-ва»⁵⁹. Таким образом, в данном случае есть необходимость рассмотреть дилемму: Каразин – аморальная личность или выдающийся харьковчанин?

Начнем с того, что автор упомянутого фильма, в духе нашего времени, решил обыграть историю с женитьбой 23-летнего Каразина на крепостной девочке, малолетней служанке матери Домне Ивановне, которой исполнилось 13 лет. Это дало основание В. Нестеруку назвать Каразина «растлителем малолетних». Вопрос о возрасте Домны и дате женитьбы не настолько ясен, но не в этом дело. Каразин не «соблазнил и сожительствовал», а женился, в отличие от многих помещиков, пользовавшихся своим положением господ. Именно стремлением «быть счастливым» он объяснял свою попытку бежать с ней за границу. В ходе допроса он заявил о том, что женитьба состоялась «в противополож-

⁵⁷ Цит. по: Багалей 1893–1898. Т. 1. С. 202.

⁵⁸ Об этом см.: Ростиславлева 2009.

⁵⁹ См.: Бакиров 2003.

ность большого света, на бедной воспитаннице матери, не взирая на укоризны родственников», именно поэтому он «расположен был проводить жизнь свою в отдаленном краю, где самое сие различие между состояниями и званиями супругов скрыто будет»⁶⁰. Тяготы путешествия и заключения привели к тому, что 16-летняя беременная жена Каразина умерла во время родов. Ни о каком «растлении» во время следствия речь не шла, как и во всей последующей литературе. Это «изобретение» автора фильма. А вот о чем пишут специалисты: «В середине, а особенно в конце XVIII в. несовпадение живучей традиции и законодательства стало особенно явным. Указ Синода 1774 г. вернулся к старой практике, понизив брачный возраст девушек до 13 лет. ...большинство дворян, не говоря уже о других сословиях, выбирало себе в XVIII в. 12–13-летних жен»⁶¹. Позже, в 1805 или 1806 г., Каразин женился второй раз на Александре Васильевне Бланкеннагель (Мухиной), с которой прожил всю жизнь. У семьи было семеро детей, ни о каких «скандальных» историях и любовных похождениях Каразина никто и никогда не упоминал.

Более часто при характеристике «сомнительных» личных качеств Каразина в литературе упоминается слово «доносчик», в т.ч. так называемые «доносы на Пушкина». Известный харьковский литературовед И.Я. Лосиевский, анализирувавший эти «доносы», пишет: «Немногочисленные элементы доносительства в общественно-политической деятельности Каразина были случайными и не характерными как для его образа мыслей, так и для принципов его поведения... Версия, что В.Н. Каразин – один из главных виновников первой ссылки Пушкина, не находит достаточно убедительного подтверждения и, более того, ряду документов противоречит»⁶².

Пытаясь объяснить эту ситуацию, мы не станем говорить о том, что на него влияли «тени предков», которые служили по «секретной части»⁶³, как кому-то может показаться, и дело не в особенностях психики (как о нем писал «И-в»: «несчастный маньяк», человек, страдающий «манией величия, к которой присоединилась вскоре еще и мания преследования»), человек с «расстроенным воображением» и т.д.). Дело в том, что, на наш взгляд, «доносительство» Каразина следует интер-

⁶⁰ См. указанную работу Е.П. Трифильева.

⁶¹ Пушкарева 1997. С. 157.

⁶² Лосиевский 1992. №1. С. 109–110.

⁶³ Об этом упоминал сам Каразин, рассуждая в своей речи о любви к Отечеству: «...чувство вдохнутое в меня на лоне строгого родителя, воина, который поседел в битвах и поручениях державной власти по делам Отечества» (Сочинения, письма и бумаги В.Н. Каразина... 1910. С. 356).

претировать в категориях той эпохи и тогда его поведение станет понятнее. Заметим, что обличающие письма Каразин отправлял не местным чиновникам и правоохранителям, он их писал царю и высшим государственным чиновникам (неоднократно с настойчивостью добиваясь передачи писем лично императору, без посредничества губернатора и прочих лиц⁶⁴). И уже в этом кроется ответ на вопрос: зачем он это делал? Да, Каразин был идейным противником декабристов, считая, что изменения в обществе должен осуществлять монарх, а не люди, пришедшие к власти в результате заговора. И в этом случае он выступал как типичный представитель эпохи Просвещения, далекий от «якобинства». Свою позицию он открыто заявил в Обществе любителей российской словесности, что вызвало резкое неприятие будущих декабристов. Конфликт был усугублён личной неприязнью. Некоторые исследователи считали арест Каразина после восстания Семёновского полка именно ответными действиями некоторых будущих декабристов⁶⁵.

Каразин видел свой долг в том, чтобы убедить монарха ввести новшества и усовершенствования, и считал своей обязанностью предупредить его о всех «неустройствах» и «упущениях», а тем более приближающихся катастрофах. Как отметил В.В. Базанов, к Каразину нельзя относиться как к «обычному доносчику», поскольку его письмо «проникнуто тревогой за судьбу родины»⁶⁶.

В действиях Каразина был отголосок практики того времени. Периодически самодержец поручал доверенным лицам разобраться в сложной ситуации и доложить ему о состоянии дел. Так, в 1801 г. император поручил Каразину съездить частным образом и проверить донесение о злоупотреблениях калужского губернатора Д.А. Лопухина, отчаянного взяточника и вымогателя. Благодаря свидетельствам, которые собрал Каразин, было установлено 34 крупных преступления Лопухина⁶⁷. Если проанализировать последующие донесения и записки Каразина царю и другим высокопоставленным лицам, то станет понятно, что он не стремился «опорочить» кого-то или осуществить интригу исходя из собственных интересов, а считал себя ответственным за информирование власть предержащих о положении дел в стране. Так, на обороте пригласительной записки к министру внутренних дел В.П. Кочубею он написал: «Эту записку надобно сохранить. Она будет для меня памят-

⁶⁴ Грачева 2012. С. 147.

⁶⁵ См.: Базанов 1949. С. 216–217.

⁶⁶ Там же. С. 176.

⁶⁷ См.: Грачева 2012. С. 48–49.

ником разговора с графом... Следствием его доклада Государю... было желание Его Величества удостовериться в том, что упомянутая в примечании... эпиграмма точно была писана! ...что она не мое изобретение! (Кажется, сия последняя мысль скрывалась в поручении, которое граф мне делал и от которого я попросил увольнения, достать эпиграмму и карикатуру на бумаге). Боже мой! Почти невероятно! Как: печальная и правдивая картина о положении государства только то и произвела! Лучше их совсем оставить: да идут во стретенье судьбе, их ожидающей; и думать только о спасении своего семейства во время грозно»⁶⁸ (оригинал хранится в РГИА).

В этом же ряду и предложения Каразина об учреждении специального департамента для сбора сведений о положении на местах для центральной власти и его согласие взять на себя функции «обсерватора». Хотя «П.В. И-в» приводил эту цитату из записки Каразина для обоснования его страсти к доноситељству, она лишь подтверждает сказанное нами выше: «Подобные мне обсерваторы могут приносить свою пользу в правительстве. Есть вещи, которые ни официально, ниже посредством наемных наблюдателей низкого рода, никогда не дойдут до Государя, который должен необходимо быть всевидящее око своей империи. Дайте мне средства, и вы в непродолжительное время станете созерцать картину ее, каковой не было еще представлено. Она нужна особливо в настоящее время, которое чревато будущностию. Простые даже статистические сведения, которых собиранье должно служить предлогом, в высшей степени важны для правительства»⁶⁹. К слову, такого рода деятельность Каразин противопоставлял (!) «шпионству»: «Кто теперь (в настоящем положении вещей) передаст сие мнение Государю? Неужели шпионы нечистыми их устами? Может ли Государь даже в том быть уверен, что они умеют понимать Его, различать своевольные мысли черни, различные по временам и обстоятельствам, от мыслей людей просвещенных и благонамеренных?»⁷⁰. Сегодня мы прекрасно понимаем, как важно для власти держать руку на пульсе страны, соизмеряя свою стратегию с реальным положением дел и состоянием умов.

Каразин в своих «письмах во власть» критиковал все, что, по его мнению, расшатывало общество, создавало противоречия, вело к недовольству. Он критиковал даже то, что одобрялось Александром I: мистические празднества, деятельность библейских обществ... Он готов

⁶⁸ Цит. по: Базанов 1949. С. 177.

⁶⁹ В.Н. Каразин, мнимый основатель... 1905. С. 34.

⁷⁰ Каразин 1995. С. 293.

был обличать и обличал сильных мира сего, в том числе лиц особо приближенных к царю, в ряде случаев намекая на то, что это лишь примеры, за которыми стоят общие явления: «У меня не достало бы, вероятно, ни бумаги, ни сил, если б я должен был писать о злоупотреблениях по сей части...»⁷¹. Он обвинял помещиков за их бесчеловечное обращение с крестьянами. В частности, (об этом упомянул и таинственный «И-в»⁷²) написал донос на тех помещиков, которые отдавали крестьян подрядчикам, а те безжалостно эксплуатировали их и при этом морили голодом. В письме Александру I возмущался тиранством помещиков (приводил конкретные примеры и называл имена), а затем делал вывод: «Так происходит, так и будет происходить, без просвещенного общего мнения, которого у нас быть не может, доколе, доколе...»⁷³.

Как справедливо заметил А.Г. Слюсарский, Каразин не ограничился указанием на пороки в государственной системе, а со своих позиций разработал план их ликвидации⁷⁴. Заметим, что в то время такого рода «записки» были своеобразной формой публицистики, которая переживала период своего становления, выходя на простор публичного дискурса. Социально-политическая ситуация обусловила закрытый (частный) характер дискуссий о судьбах страны. Конечно, такие сочинения могли стать объектом интереса значительного круга лиц, но в первой половине XIX в. это все же были в лучшем случае десятки людей. Примером может стать «Записка о древней и новой России» Н.М. Карамзина (1811). Прочитав ее, не комментируя, чтобы можно было уловить ее созвучность «доносам» Каразина: «Россия наполнена недовольными: жалуются и в палатах, и в хижинах, не имеют ни доверенности, ни усердия к правлению, строго осуждают его цели и меры»⁷⁵.

Еще один важный аспект. Многие современники и исследователи писали о неуравновешенном, сложном характере Каразина. Наверное, с этим можно согласиться. Но был ли он «конфликтным человеком» или даже «мизантропом»? Известно несколько эпизодов из биографии Каразина, которые подтверждаются документально и свидетельствуют о том, что у него, скорее, было обостренное чувство справедливости и желание защитить слабого. Эти качества дополнялись смелостью, доходящей до безрассудства. Так, он хлопотал перед А.Х. Бенкендорфом о судьбе своего «камердинера», который в 1820 г. вместе с Каразинным

⁷¹ Цит. по: В.Н. Каразин, мнимый основатель... 1905. С. 40.

⁷² Там же.

⁷³ Каразин В.Н. 1995. С. 292.

⁷⁴ Слюсарский А.Г. 1955. С. 125.

⁷⁵ Карамзин Н.М. 1991. С. 49.

был арестован и допрошен, а затем добровольно пребывал там же, где и его хозяин, – в Шлиссельбургской крепости. О себе этот человек написал так: «поселянин, уроженец Слободско-Украинской губернии Богодуховского уезда села Кручика, Яков Гаврилов сын Котенко, находящийся ныне по нещастию моего господина, во временном владении помещика графа Подгоричани-Петровича». Рукою Каразина в документе следуют пояснения: «Писавший сие Котенко был в то время моим камердинером; и в один вечер со мною, т.е. 26 ноября 1820 г. взят был под караул. Частный пристав Дубецкой неоднократно допрашивал его в продолжение шести месяцев его содержания в частном доме, сулил ему от имени Высшего начальства свободу и пять тысяч рублей, если он что на меня может высказать. Он был напоследок употребляем как грамотный и расторопный человек на переписку полицейских бумаг»⁷⁶. В Российском государственном историческом архиве были обнаружены также документы, свидетельствующие о том, что Каразин, случайно узнав о бедствиях бывшей жены проф. И. Шада, высланного из пределов России за вольнодумство, написал письмо императору с просьбой не оставить ее в беде. И добился своего, ей была назначена пенсия⁷⁷.

Рассуждая о «характере» Каразина необходимо учитывать представления о «дворянской чести» и особенности дворянской субкультуры в целом, а значит соотносить его поступки с нормами поведения и увлечениями других дворян. Учитывая, что жизнь многих представителей дворянского сословия в то время заключалась в балах, взаимных визитах, игре в карты и т.п., занятия Каразина и его идеи выглядели странно. Показательной, в этом плане, может стать следующая цитата из письма харьковского губернатора В.Г. Муратова Николаю I: «...хотя, с одной стороны, самолюбивые его умствования для всякого благомыслящего не иным чем будут казаться, как только странными и нелепыми мечтаниями, однако же с другой, - в людях, менее укрепленных зрелым разумом, могут иногда поселить и противные общему порядку мнения, особенно при том даре слова и литературной способности, которыми Каразин обладает в высокой степени»⁷⁸.

Более основательно знакомясь с фактами биографии В.Н. Каразина понимаешь, что в нем сочетались одержимость и непрактичность. Когда он был одержим той или иной идеей, то готов был идти на риск, поступаться личными выгодами. Окружающим это казалось стран-

⁷⁶ ГАРФ. Ф. 109 с/а. Оп. 1. Д. 52. Л. 4 об.

⁷⁷ РГИА. Ф. 535. Оп. 1. Д. 17. С. 128–130, 210–210 об.

⁷⁸ Записка Слободско-Украинского губернатора... 1900. № 7. С. 154.

ным. Так же, как и его опыты практической направленности, которые не приносили ему выгоды. Когда он предложил местным помещикам более быстрый и дешевый способ получения селитры, те с удивлением спросили его, а почему он сам не хочет воспользоваться этими новшествами, чтобы получить обещанную прибыль. Каразин тогда ответил, что получение прибыли не является его целью, его целью является благо других и наука. Об этом же он писал в конце своей жизни: «Переходя беспрестанно от одного предмета к другому, я любил исследовать причины явлений, делать опыты, не имея в виду экономических результатов: они бы отвлекли меня от науки»⁷⁹. И, действительно, вся его жизнь опровергает обвинения в своекорыстии. Для Каразина смыслом жизни стала деятельность к «общей пользе». Ю.Е. Грачева в название своей книги о Каразине поместила его слова: «Позвольте мне быть полезным!». Увы, такая черта характера будет понятна далеко не всем нашим современникам...

7. В завершение отметим, что память о Каразине не просто была изменчивой, но порою наблюдались «разрывы памяти». Всплеск интереса к его судьбе сменялся безразличием, а то и забвением, когда очень многие люди начинали путать Каразина с Карамзиным, Каракозовым и даже Карамазовыми. Но проходило время, и снова разгоралась дискуссия о личности и плодах деятельности Василия Назаровича. Очередное «возвращение Каразина», началось в конце 1990-х гг., после присвоения его имени Харьковскому университету. На сегодняшний день мало-мальски образованный харьковчанин (и не только) хотя бы несколькими словами, но все же сможет пояснить, кто такой В.Н. Каразин. Чаще теперь можно услышать и прочитать о том, что он – просветитель, основатель Харьковского университета (который в обиходе теперь даже называют «Каразинским»).

Воплощением отмеченных зигзагов памяти является история с памятником В.Н. Каразину, открытым в Университетском саду в 1907 г. В начале 1930-х он был демонтирован и на его месте установили памятник Т. Шевченко. По сохранившимся воспоминаниям, памятник Каразину были готовы уже отправить на переплавку, но возрождение университета и чье-то заступничество привело к тому, что его в 1934 г. установили у старого здания университета. Когда в 1958 г. памятник был передвинут к новому зданию университета (установлен с боковой стороны главного корпуса), на нем давно уже были сбиты буквы «императорский» применительно к университету. С середины 1960-х гг.

⁷⁹ Сочинения, письма и бумаги В.Н. Каразина. 2012. С. 505.

изображения памятника Каразину появились на почтовых конвертах, он стал тиражироваться в фотоальбомах. В 1999 г. Харьковский университет получил статус «национального» и имя В.Н. Каразина, в 2004 г. памятник был установлен возле главного входа в университет, на нем были восстановлены все сбитые ранее надписи. Памятник стал зримым символом исторической преемственности, своего рода доказательством реальных исторических корней того университета, возле которого он установлен. В условиях нездоровой конкуренции в системе высшего образования, возникновение вопроса о «праве первородства» послужило причиной возрождения дискуссии, которая велась сто лет назад о вкладе Каразина в создание университета, и попыток деавуировать его символическую роль.

В.Н. Каразин стал символом, за который университету пришлось бороться. Это актуализировало задачу изучения его жизни и деятельности, которая сегодня видится не в том, чтобы «героизировать» его, но показать как человека своей эпохи. А.С. Пушкин как-то сказал, что «уважение к минувшему – это черта, отличающая образованность от дикости». Когда мы поймем, что прошлое нельзя «отбросить», что наше главное наследство – это та культура, которую создавали наши предшественники, тогда мы можем сказать, что мы перешли от дикости к цивилизации. Когда мы станем внимательно прислушиваться к голосам других людей, в том числе из прошлого, тогда появится надежда, что кем-то будет услышан и наш собственный голос.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Абрамов Я.В.* В.Н. Каразин (Основатель Харьковского университета): Его жизнь и общественная деятельность: Биогр. очерк. СПб.: Обществ. польза, 1891. 96 с.
- Аврус А.И.* История российских университетов. Очерки. М.: Моск. обществ. науч. фонд, 2001. 191 с.
- Андреев А.Ю.* Московский университет в общественной и культурной жизни России начала XIX века. М.: Языки русской культуры, 2000. 312 с.
- Андреев А.Ю.* Российские университеты XVIII – первой половины XIX века в контексте университетской истории Европы. М.: Знак, 2009. 640 с.
- Андрияшнен С.В.* Империя проектов: государственная деятельность П.И. Шувалова. СПб., 2011. 239 с.
- Багалея Д.И.* Научная критика, памфлет или пасквиль? (По поводу брошюры г. И-ва «В.Н. Каразин, мнимый основатель Харьковского университета»). Х., 1906. 36 с.
- Багалея Д.И.* Опыт истории Харьковского университета (по неизданным материалам) / Д.И. Багалея. Х., 1893–1898. Т. 1. 1204 с.
- Базанов В.В.* Вольное общество любителей российской словесности. Петрозаводск: Гос. изд-во Карело-Финской ССР, 1949. 420 с.
- Бакиров В.С.* Василий Каразин: Новый взгляд? Старый бред! / В.С. Бакиров, Л.О. Каразина, С.И. Посохов // Вечерний Харьков. 2003. 11 дек.

- Болебрух А.Г.* Василь Назарович Каразин / А.Г. Болебрух, С.М. Куделко, А.В. Хри- дочкін. Х.: Вид-во «Авто-Енергія», 2005. 348 с.
- Буцинский П.М.* Брошюра г. И-ва «В. Н. Каразин – мнимый основатель Харьков. у- та» и ответ проф. Д. Багалея в «Южном крае». Х., 1905. 23 с.
- Вжосек В.* Культура и историческая истина. М.: «Кругъ», 2012. 336 с.
- Грачева Ю.Е.* «Позвольте мне быть полезным!» Василий Назарович Каразин на государственной службе и в общественной жизни России первой трети XIX в. М.: Изд-во ПСТГУ, 2012. 183 с.
- Данилевский Г. П.* Василий Назарьевич Каразин (1773–1842) // Данилевский Г. П. Украинская старина. Материалы для истории украинской литературы и народ- ного образования. Х., 1866. С. 99–169.
- Державин Г.Р.* Записки. 1743–1812. М., 1860. 408 с.
- Замечание О. Бодянского к записке о В.Н. Каразине В.Г. Анастасевича // Чтения в Обществе истории и древностей российских. 1861. Кн. 3. С. 200–210.
- Записка Слободско-Украинского губернатора В.Г. Муратова о статском советнике Каразине от 1 марта 1826 г. // Русская старина. 1900. № 7. С. 153–154.
- Иконников В.С.* Русские университеты в связи с ходом общественного образова- ния // Вестник Европы. 1876. № 10. С. 492–547.
- Каразин В.Н.* Историческая истина нынешнего времени (1820 г.) // Пам'ятки сус- пільної думки України (XVIII – перша половина XIX ст.): Хрестоматія / Під ред. А.Г. Болебруха. Днепропетровск: Вид-во ДДУ, 1995. С. 292–296.
- В.Н. Каразин, мнимый основатель Харьковского университета или повесть о том, как историк может сделать из мухи слона. – Х.: Т-во «Печ. С.П. Яковлева», 1905. 44 с. – подп. «П.В. И-в».
- Карамзин Н.М.* Записка о древней и новой России в ее политическом и граждан- ском отношениях. М.: Наука, 1991. 125 с.
- Кравченко В.В.* Харьков/Харків: столица пограниччя. Вильнюс: ЕГУ, 2010. 358 с.
- Кюхельбекер В.К.* Путешествие. Дневник. Статьи. Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1979. 789 с.
- Лавріненко Ю.* Василь Каразин – архітект Відродження: Матеріяли та думки до 200-ліття з дня народження (1773–1973). Мюнхен: Сучасність, 1975. 190 с.
- Лавровский Н.А.* Василий Назарович Каразин и открытие Харьковского универси- тета // ЖМНП. 1872. Ч. 159. № 1. С. 57–106.
- Лисяк-Рудницький І.* Каразин і початок українського національного відродження // Лисяк-Рудницький І. Історичні есе. К.: Основи, 1994. Т. 1. С. 203–220.
- Лосиевский И.Я.* Первая ссылка Пушкина и В. Н. Каразин // Русская литература. 1992. №1. С. 95–113.
- Мельсунов Н.А.* Иван Филиппович Вернет, швейцарский уроженец и русский пи- сатель. Из воспоминаний обыкновенного человека // Современник. 1847. Т. 1. Ч. 2. С. 167–195.
- О сооружении памятника Василию Назаровичу Каразину // Русская старина. 1873. № 3. С. 418.
- Петров Ф.А.* Формирование системы университетского образования в России. М.: Изд-во Моск. ун-та, 2002. Т. 1. 416 с.
- Посохова Л.Ю.* На перехресті культур, традицій, епох: Православні колегіуми Укра- їни наприкінці XVII – на початку XIX ст. Х.: ХНУ ім. В.Н. Каразіна, 2011. 400 с.
- Прокопенко Я.И.* «Политический инженер» Генрих фон Фик и феномен реформ Петра I // Феномен реформ на западе и востоке Европы в начале Нового вре-

- мени (XVI–XVIII вв.) / ред. М.М. Кромм, Л.А. Пименова. СПб.: Изд-во Европ. ун-та в СПб., 2013. С. 323–337.
- Пушкарева Н.Л. Частная жизнь русской женщины: невеста, жена, любовница (X – начало XIX в.). М.: «Ладомир», 1997. 386 с.
- Роммель К.Д. Спогади про мое життя та мій час. Х.: Майдан, 2001. 236 с.
- Ростиславлева Н.В. Основатель Берлинского университета В. фон Гумбольдт как мыслитель и политик // Новая и новейшая история. 2009. №3. С. 179–197.
- Русский консерватизм XIX столетия. Идеология и практика / Гросул В.Я., Итенберг Г.С., Твардовская В.А. и др. М.: Прогресс-Традиция, 2000. 440 с.
- Слюсарский А.Г. Василий Назарович Каразин: (Ученый и обществ. Деятель, 1773–1842). [Х.]: Кн.-газ. изд-во, 1952. 68 с.
- Слюсарский А.Г. В.Н. Каразин, его научная и общественная деятельность. Х.: Изд-во Харьк. ун-та, 1955. 157 с.
- Сочинения, письма и бумаги В.Н. Каразина, собранные и отредактированные проф. Д. И. Багалеем. Х., 1910. 927 с.
- Станчев М.Г. «Этнические образы» В.Н. Каразина в истории и историографии // Вісник Харк. нац. ун-ту ім. В.Н. Каразіна. 2004. №633. Вип. 36. С. 28–43.
- Станчев М. Нові документальні свідчення про походження Василя Каразіна // Схід – Захід: іст.-культурол. зб. Х.; К., 2005. Вип. 7. С. 274–287.
- Сухомлинов М.И. Материалы для истории образования в России в царствование императора Александра I // ЖМНП. 1865. Ч. 128. Окт. отд. 2. С. 9–167.
- Трифильев Е.П. К биографии Василия Назаровича Каразина Попытка бегства за границу. Эпизод из истории царствования императора Павла // Записки императорского Харьковского университета. 1901. Кн. 2. С. 169–179.
- Федюкин И. «Прожектеры» как административные предприниматели: Становление раннеמודерных государственных институтов и индивидуальная инициатива // «Регулярная академия учреждена будет...»: Образовательные проекты в России в первой половине XVIII века. М.: Новое издательство, 2014. С. 13–33.
- Харківський університет: Історичний екскурс за архівними документами. Х.: СПД ФО Яковлева Г.Г., 2004. 202 с.
- Novak M.E. Introduction // The Age of Projects / Ed. M.E. Novak. Toronto, 2008. P. 3–28.

REFERENCES

- Abramov Ya.V. V.N. Karazin (Osnovatel' Khar'kovskogo universiteta): Ego zhizn' i obshchestvennaya deyatel'nost': Biogr. ocherk. SPb.: Obshchestv. pol'za, 1891. 96 s.
- Avrus A.I. Istoriya rossiiskikh universitetov. Ocherki. M.: Mosk. obshchestv. nauch. fond, 2001. 191 s.
- Andreev A.Yu. Moskovskii universitet v obshchestvennoi i kul'turnoi zhizni Rossii nachala KhIKh veka. M.: Yazyki russkoi kul'tury, 2000. 312 s.
- Andreev A.Yu. Rossiiskie universitety XVIII – pervoi poloviny XIX veka v kontekste universitetskoj istorii Evropy. M.: Znak, 2009. 640 s.
- Andriainen S.V. Imperiya proektov: gosudarstvennaya deyatel'nost' P.I. Shuvalova. SPb., 2011. 239 s.
- Bagalei D.I. Nauchnaya kritika, pamflet ili paskvil'? (Po povodu broshyury g. I-va «V.N. Karazin, mnimyi osnovatel' Khar'kovskogo universiteta»). Kh., 1906. 36 s.
- Bagalei D.I. Opyt istorii Khar'kovskogo universiteta (po neizdannym materia-lam) / D.I. Bagalei. Kh., 1893–1898. T. 1. 1204 s.
- Bazanov V.V. Vol'noe obshchestvo lyubitelei rossiiskoi slovesnosti. Petrozavodsk: Gos. izd-vo Karelo-Finskoi SSR, 1949. 420 s.

- Bakirov V.S. Vasilii Karazin: Novyi vzglyad? Staryi bred! / V.S. Bakirov, L.O. Karazina, S.I. Posokhov // *Vechernii Khar'kov*. 2003. 11 dek.
- Bolebrukh A.G. Vasil' Nazarovich Karazin / A.G. Bolebrukh, S.M. Kudelko, A.V. Khridochkin. Kh.: Vid-vo «Avto-Energiya», 2005. 348 s.
- Butsinskii P.M. Broshyura g. I-va «V. N. Karazin – mnimiy osnovatel' Khar'kov. u-ta» i otvet prof. D. Bagaleyа v «Yuzhnom krae». Kh., 1905. 23 s.
- Vzhosek V. Kul'tura i istoricheskaya istina. M.: «Krug», 2012. 336 s.
- Gracheva Yu.E. «Pozvol'te mne byt' poleznym!» Vasilii Nazarovich Karazin na gosudarstvennoi sluzhbe i v obshchestvennoi zhizni Rossii pervoi treti KhIKh v. M.: Izd-vo PSTGU, 2012. 183 s.
- Danilevskii G. P. Vasilii Nazar'evich Karazin (1773–1842) // *Danilevskii G. P. Ukrainskaya starina. Materialy dlya istorii ukrainskoi literatury i narodno-go obrazovaniya*. Kh., 1866. S. 99–169.
- Derzhavin G.R. Zapiski. 1743–1812. M., 1860. 408 s.
- Zamechanie O. Bodyanskogo k zapiske o V.N. Karazine V.G. Anastasevicha // *Chteniya v Obshchestve istorii i drevnosti rossiiskikh*. 1861. Kn. 3. S. 200–210.
- Zapiska Slobodsko-Ukrainskogo gubernatora V.G. Muratova o statskom sovetnike Karazine ot 1 marta 1826 g. // *Russkaya starina*. 1900. № 7. S. 153–154.
- Ikonnikov V.S. Russkie universitety v svyazi s khodom obshchestvennogo obrazovaniya // *Vestnik Evropy*. 1876. № 10. S. 492–547.
- Karazin V.N. Istoricheskaya istina nyneshnego vremeni (1820 g.) // *Pam'yatki suspil'noi dumki Ukraïni (XVIII – persha polovina KhIKh st.): Khrestomatiya / Pid red. A.G. Bolebrukha*. Dnepropetrovsk: Vid-vo DDU, 1995. S. 292–296.
- V.N. Karazin, mnimiy osnovatel' Khar'kovskogo universiteta ili povest' o tom, kak istorik mozhet sdelat' iz mukhi slona. – Kh.: T-vo «Pech. S.P. Yakovleva», 1905. 44 s. – podp. «P.V. I-v».
- Karamzin N.M. Zapiska o drevnei i novoi Rossii v ee politicheskom i grazhdanskom otноsheniyakh. M.: Nauka, 1991. 125 s.
- Kravchenko V.V. Khar'kov/Kharkiv: stolitsа pograniчhchya. Vil'nyus: EGU, 2010. 358 s.
- Kyukhel'beker V.K. Puteshestvie. Dnevnik. Stat'i. L.: Nauka, 1979. 789 s.
- Lavrinenko Yu. Vasil' Karazin – arkhitekt Vidrozhennya: Materialy ta dumki do 200-lityа z dnya narodzhennya (1773–1973). Myunkhen: Suchasnist', 1975. 190 s.
- Lavrovskii N.A. Vasilii Nazarovich Karazin i otkrytie Khar'kovskogo universi-teta // *ZhMNP*. 1872. Ch. 159. № 1. S. 57–106.
- Lisyak-Rudnitskii I. Karazin i pochatok ukraïnskogo natsional'nogo vidrozhennya // *Lisyak-Rudnitskii I. Istorichni ese. K.: Osnovi*, 1994. T. 1. S. 203–220.
- Losievskii I.Ya. Pervaya ssylka Pushkina i V. N. Karazin // *Russkaya literatura*. 1992. №1. S. 95–113.
- Mel'gunov N.A. Ivan Filippovich Vernet, shveitsarskii urozhenets i russkii pisa-tel'. Iz vospominanii obyknovennogo cheloveka // *Sovremennik*. 1847. T. 1. Ch. 2. S. 167–195.
- O sooruzhenii pamyatnika Vasiliyu Nazarovichu Karazinu // *Russkaya starina*. 1873. № 3. S. 418.
- Petrov F.A. Formirovanie sistemy universitetskogo obrazovaniya v Rossii. M.: Izd-vo Mosk. un-ta, 2002. T. 1. 416 s.
- Posokhova L.Yu. Na perekresti kul'tur, traditsii, epokh: Pravoslavni kolegiumi Ukraïni naprikinti XVII – na pochatku KhIKh st. Kh.: KhNU im. V.N. Karazina, 2011. 400 s.
- Pushkareva N.L. Chastnaya zhizn' russkoi zhenshchiny: nevesta, zhenа, lyubovnitsа (Kh – nachalo KhIKh v.). M.: «Ladomir», 1997. 386 s.

- Prokopenko Ya.I. «Politicheskii inzhener» Genrikh fon Fik i fenomen reform Petra I // Fenomen reform na zapade i vostoche Evropy v nachale Novogo vremeni (XVI–XVIII vv.) / red. M.M. Krom, L.A. Pimenova. SPb.: Izd-vo Evrop. un-ta, 2013. S. 323–337.
- Rommel' K.D. Spogadi pro moe zhittya ta mii chas. Kh.: Maidan, 2001. 236 s.
- Rostislavleva N.V. Osnovatel' Berlinskogo universiteta V. fon Gumbol'dt kak myslitel' i politik // Novaya i noveishaya istoriya. 2009. №3. S. 179–197.
- Russkii konservatizm KhIKh stoletiya. Ideologiya i praktika / Grosul V.Ya., Itenberg G.S., Tvardovskaya V.A. i dr. M.: Progress-Traditsiya, 2000. 440 s.
- Slyusarskii A.G. Vasiliy Nazarovich Karazin: (Uchenyi i obshchestv. Deyatel', 1773–1842). [Kh.]: Kn.-gaz. izd-vo, 1952. 68 s.
- Slyusarskii A.G. V.N. Karazin, ego nauchnaya i obshchestvennaya deyatelnost'. Kh.: Izd-vo Khar'k. un-ta, 1955. 157 s.
- Sochineniya, pis'ma i bumagi V.N. Karazina, sobrannye i redaktirovannye prof. D. I. Bagaleem. Kh., 1910. 927 s.
- Stanchev M.G. «Etnicheskie obrazy» V.N. Karazina v istorii i istoriografii // Visnik Khark. nats. un-tu im. V.N. Karazina. 2004. №633. Vip. 36. S. 28–43.
- Stanchev M. Novi dokumental'ni svidchennya pro pokhodzhennya Vasilya Karazina // Skhid – Zakhid: ist.-kul'turolo. zb. Kh.; K., 2005. Vip. 7. S. 274–287.
- Sukhomlinov M.I. Materialy dlya istorii obrazovaniya v Rossii v tsarstvovanie imperatora Aleksandra I // ZhMNP. 1865. Ch. 128. Okt. otd. 2. S. 9–167.
- Trifil'ev E.P. K biografii Vasiliya Nazarovicha Karazina Popytka begstva za granitsu. Epizod iz istorii tsarstvovaniya imperatora Pavla // Zapiski impera-torskogo Khar'kovskogo universiteta. 1901. Kn. 2. S. 169–179.
- Fedyukin I. «Prozhektery» kak administrativnye predprinimateli: Stanovlenie ranne-modernykh gosudarstvennykh institutov i individual'naya initsiativa // «Regulyarnaya akademiya uchrezhdena budet...»: Obrazovatel'nye proekty v Rossii v pervoi polovine XVIII veka. M.: Novoe izdatel'stvo, 2014. S. 13–33.
- Kharkivskii universitet: Istorichnii ekskurs za arkhivnimi dokumentami. Kh.: SPD FO Yakovleva G.G., 2004. 202 s.
- Novak M.E. Introduction // The Age of Projects / Ed. M.E. Novak. Toronto, 2008. P. 3–28.

Посохов Сергей Иванович, доктор исторических наук профессор, заведующий кафедрой историографии, источниковедения и археологии, декан исторического факультета Харьковского национального университета sposokhov@mail.ru

‘Incomprehensible’ vs ‘misunderstood’ V.N. Karazin comments, remarks, and an apology

The article analyzes the main lines of the debates about the views and achievements of V.N. Karazin (1773–1842). More than 150 years of studying the biography of V.N. Karazin produced a number of intellectual constructions (historiographical images). Often these structures exist together in a “conflict” bundle, forming the main discussion lines and binary ideological oppositions. The author offers deconstruction options of existing statements, estimates and opinions on V.N. Karazin, seeks to analyze the causes of a “historiographical myth”, as well as trends and factors of their evolution.

Keywords: V.N. Karazin, biographical studies, history of historical studies, evolution of images, Kharkov University.

Sergey Posokhov, D.Sc. (History), Professor, Dean of History Department, V. N. Karazin Kharkiv National University; sposokhov@mail.ru

В. А. ДМИТРИЕВ

КОНЦЕПТ BELLUM В «ДЕЯНИЯХ» АММИАНА МАРЦЕЛЛИНА

Статья посвящена анализу концепта BELLUM на материале «Деяний» Аммиана Марцеллина. Рассмотрена лексико-семантическая структура, посредством которой концепт BELLUM представлен в сочинении Аммиана Марцеллина. Выявлены основное (денотативное) и дополнительное (коннотативное) смысловые поля, отражающие культурно-историческое и эмоционально-ценностное содержание исследуемого концепта в представлении Аммиана Марцеллина.

Ключевые слова: Аммиан Марцеллин, концептуальный анализ, концепт, BELLUM, менталитет, Поздняя Римская империя, античная историография.

Аммиан Марцеллин (ок. 330 – ок. 400¹), римлянин греческого происхождения, уроженец Антиохии Сирийской – один из крупнейших позднеримских писателей-историков. В молодости Аммиан был высокопоставленным военным (членом корпуса протекторов), и потому не случайно сам себя он идентифицирует как воина и грека – *miles quondam et graecus* (Amm. Marc. XXXI.16.9). В сохранившейся части сочинения Аммиана Марцеллина, известного под названием «Деяния» (лат. *Res gestae*), содержится обстоятельное и беспристрастное описание истории Римской империи в период с 353 по 378 гг. В полном соответствии с традициями античной художественной историографии одно из главных мест Аммиан отводит описанию военных событий, благо, что ими римская история всегда, в том числе и в современную нашу историю эпоху, была весьма богата. Более того, из-за обилия содержащихся в «Деяниях» военных сюжетов и нескрываемого интереса к военной проблематике Аммиана подчас считают не просто историком, а историком военным². По этой причине представляется вполне логичным, что труд Аммиана Марцеллина с точки зрения содержащейся в нём военно-исторической информации неоднократно становился объектом внимания исследователей (прежде всего, зарубежных)³, не говоря уже о том, что «Деяния» традиционно используются в качестве ос-

¹ Здесь и далее все даты – н.э.

² См., напр.: Crump 1975.

³ Напр.: Sudhaus 1870; Klotz 1916; Naudé 1958; Crump 1975; Austin 1979; Matthews 1986; Blockly 1988; Неронова 1966; Дмитриев 2006; 2011.

нового источника при изучении военной истории Поздней Римской империи. При этом, однако, ни в одном из существующих исследований вопрос о том, *как же сам* Аммиан Марцеллин, будучи представителем позднеримской элиты (в том числе – армейской), воспринимал военные реалии своего времени, *чем для него* была война как одно из важнейших общественных явлений позднеантичного времени, не рассматривается, хотя, казалось бы, актуальность данной проблемы, учитывая специфику «Деяний», описываемой в них эпохи, а также биографии их автора, является очевидной.

В настоящее время анализ совокупности представлений, существующих в том или ином обществе по тому или иному поводу и отразившихся в тех или иных литературных памятниках, как правило, осуществляется на основе так называемого концептуального подхода, в соответствии с которым основной структурной единицей ментального мира человека является *концепт*⁴. На сегодняшний день существуют различные подходы к определению понятия «концепт», что, впрочем, вообще свойственно терминам, обладающим высокой степенью абстракции. На этом фоне наиболее ясная и убедительная трактовка того, что же следует понимать под концептом, содержится, по нашему мнению, в работах Ю.С. Степанова, который рассматривает концепт как систему представлений, понятий, знаний, ассоциаций, переживаний, которая соотносится с определённым фрагментом действительности⁵. С этой точки зрения наиболее близким к концепту является термин «понятие», однако между ними существует принципиальная разница: в отличие от понятий, «концепты не только мыслятся, они переживаются»⁶. Несколько утрируя, можно сказать, что концепт – это понятие, наполненное эмоционально-ценностным отношением к характеризующему данным понятием объекту.

Следует также отметить, что в российском научном дискурсе концепты, как правило, являются предметом интереса лингвистов, филологов и культурологов; в нашей же исторической науке работы, посвящённые концептуальному анализу литературных памятников древности или средневековья (и труд Аммиана Марцеллина не является

⁴ В связи с этим применительно к исторической науке концептуальный подход можно считать одним из направлений, близких так называемой «истории ментальностей», восходящей к школе «Анналов» и представленной в отечественной историографии работами таких видных специалистов, как, например, медиевист А.Я. Гуревич и антиковед Ю.В. Андреев.

⁵ См.: Степанов 1997. С. 40.

⁶ Степанов 1997. С. 41.

исключением⁷⁾ достаточно редки, не говоря уже об исследовании концептосферы тех или иных исторических эпох⁸⁾. В связи с этим настоящая работа носит в значительной мере экспериментальный характер и, не претендуя на всестороннее и исчерпывающее рассмотрение затронутой в ней темы, может быть не лишена спорных моментов.

Поскольку концепты (тем более – относящиеся к удалённым от нас эпохам) фиксируются в письменных источниках, а именно – в текстах, то первоочередной задачей при их анализе является выявление лексических единиц (прежде всего – конкретных лексем), в которых отражаются те или иные элементы изучаемого концепта.

В труде Аммиана Марцеллина концепт BELLUM (ВОЙНА) является одним из центральных. Об этом ярко говорит тот факт, что во всех без исключения книгах «Деяний» содержатся сведения о боевых действиях, а некоторые из книг (например, XIX, XXI, XXIII–XXV) почти полностью посвящены описанию войн.

Семантическое ядро концепта BELLUM, соответствующее представлению о войне в собственном смысле этого понятия, имеет субстантивный характер и выражено у Аммиана, прежде всего, существительным *bellum*, что вполне естественно для латиноязычной концептосферы (по крайней мере, её сегмента, отражённого в латинской исторической литературе⁹⁾). По нашим подсчётам, в значении «война» слово *bellum* употреблено Аммианом 118 раз и встречается во всех 17-ти сохранившихся книгах «Деяний», причём с примерно равной частотой (см. рис. 1). Бóльшая частота употребления слова *bellum* в XXI, XXV и XXVI книгах объясняется, вероятно, тем, что они практически целиком посвящены военным событиям: в XXI книге Аммиан повествует о боевых действиях Юлиана в Галлии и его войне против Констанция, книга

⁷⁾ В какой-то мере примерами концептуального анализа «Деяний» в отечественной историографии могут являться лишь несколько опубликованных совсем недавно статей, подавляющее большинство из которых, кстати сказать, посвящено военно-исторической проблематике: Данилов 2012; Банников, Шмидт 2012; 2013; Семичева. 2014.

⁸⁾ Для сравнения заметим, что в зарубежной историографии существует целое направление, посвящённое историческому анализу концептов, – так называемая «концептуальная история», представленная трудами таких крупных исследователей, как Р. Козеллек, К. Скиннер, Г. Гумбрехт и др. Ведущими научными изданиями в рамках концептуальной истории являются журналы “Archiv für Begriffsgeschichte” и “Contributions to the History of Concepts”, публикуемые, соответственно, издательствами “Meiner” (ФРГ) и “Berghahn Books” (США).

⁹⁾ См.: Шовковый 2013.

XXV рассказывает о трагическом завершении персидской экспедиции Юлиана, а в книге XXVI говорится о восстании Прокопия.

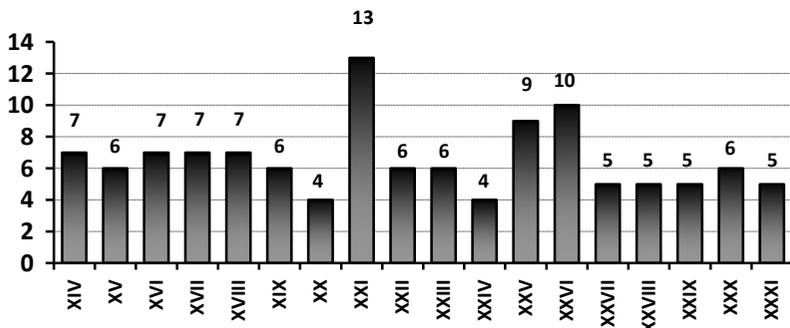

Рис. 1. Количество употреблений существительного *bellum* в значении «война» в сохранившихся книгах «Деяний»

Примерами такого рода употребления существительного *bellum* могут являться следующие словосочетания:

– *diuturna bella* – «продолжительные войны» (Amm. Marc. XVIII.5.7);

– *difficultates arduae belli* – «трудности тяжёлой войны» (Amm. Marc. XXIV.1.1);

– *arte belli doctior* – «лучше [остальных. – В.Д.] обученный искусству войны» (Amm. Marc. XXVII.10.13) и др.

Кроме того, понятие «война» Аммиан передаёт также – хотя и крайне редко – словом *pugna*, которое в таких случаях выступает синонимом по отношению к *bellum*:

– *pugnas interdum excepisse potius quam intulisse* – «зачастую мы, скорее, оборонялись, чем сами объявляли войны» (Amm. Marc. XVII.5.14);

– *pugnae civilia* – «гражданские войны» (Amm. Marc. XXI.16.15);

– *exitialium concitor pugnarum* – «зачинщик губительных войн» (Amm. Marc. XXXI.10.10) и др.

Ближайшую периферию по отношению к семантическому ядру концепта BELLUM у Аммиана Марцеллина занимает понятие *expeditio*, используемое автором «Деяний», как правило, в традиционном для латинского языка значении – «поход», «экспедиция» (напр.: *expeditionem parans in Persas* (Amm. Marc. XXII.12.1) – «готовящий поход в Персию»; *Valentinianus ad expeditionem... profectus* (Amm. Marc. XXVII.10.1) – «Валентиниан выступил в поход» и др.). По своему смыслу *expeditio* в лекси-

коне Аммиана Марцеллина приближается к понятию «война». Так, о завершении войны Констанция II (337–361) с узурпатором Магненцием Аммиан пишет: *Post emensos insuperabilis expeditionis eventus...* (Amm. Marc. XIV.1.1); о подготовке императора Валента (364–378) к очередной войне с персами: *Ad expeditionem accingi rectorem conpererat nostrum* (Amm. Marc. XXX.2.7) и др.

Ещё одно смысловое поле, являющееся составной частью концепта BELLUM, образует в «Деяниях» понятие «битва», выражаемое, главным образом, упомянутым выше существительным *pugna*, а также *proelium*. Реже для номинации битв и сражений Аммиан использует уже знакомое нам слово *bellum* (напр.: *primordia belli* (Amm. Marc. XXXI.12.16) («начало сражения» – о начале Адрианопольской битвы 378 г.). В связи с этим следует отметить, что разница между этими двумя значениями существительного *bellum* («война» и «сражение») у Аммиана иногда трудно уловима, и установить, что именно наш автор имеет в виду в том или ином случае, употребляя слово BELLUM, зачастую можно лишь интуитивно, исходя из контекста. Так, например, говоря о наиболее распространённых сюжетах в изобразительном искусстве персов, Аммиан указывает, что таковыми являются *varias caedes et bella* (Amm. Marc. XXIV.6.3). С формальной точки зрения речь здесь может идти как о войнах, так и о сражениях, однако в данном случае более верной представляется вторая трактовка, т. е. главными сюжетами сасанидской живописи и скульптуры Аммиан Марцеллин считает всё же «убийства и битвы», а не «убийства и войны», поскольку война как таковая вряд ли могла являться сюжетом того или иного памятника персидского изобразительного искусства. Объясняются такого рода моменты, вероятно, тем, что язык «Деяний» тяготеет к азианизму¹⁰ – модному в современную Аммиану эпоху литературному стилю, характеризующемуся крайней витиеватостью и всевозможными риторическими «излишествами», стремлением к необычным (с точки зрения классической латыни) речевым оборотам и словоупотреблениям; кроме того, Аммиан Марцеллин, будучи антиохийским греком, писал на неродном для него латинском языке, и ему, судя по всему, не всегда удавалось точно и ясно выразить свои мысли на латыни¹¹.

Близкими по смыслу к *pugna* и *proelium* в значении «сражение», но имеющими более конкретное содержательное наполнение, являются

¹⁰ Подробнее об азианизме см.: Norden 1898. S. 263–268.

¹¹ О литературном стиле Аммиана подробнее см.: Соболевский 1962. С. 436–437; Дуров 2000. С. 532; Альбрехт М., фон 2005. С. 1556–1557.

ся такие понятия, как *obsidio* (*obsidium*) («осада»), *oppugnatio* («штурм»), *propugnaculum* («оборона»), *expugnatio* («взятие приступом»), *impetus* («нападение»), *excursus* («набег», «нападение») и т.п. Общее их количество в «Деяниях» исчисляется десятками.

Довольно часто по отношению к происходящим в ходе боевых действий событиям Аммиан употребляет существительные, обладающие весьма ярко выраженным экспрессивным значением: *caedes* («убийство»), *mors* («смерть»), *luctus* («горе», «скорбь»), *ira* («гнев»), *dolor* («страдание»; «негодование»), *formido* («страх») и др.

Кроме перечисленных выше, рассматриваемый концепт представлен у Аммиана Марцеллина существительными, обозначающими воинов вообще или их отдельные категории, рода войск (*miles* («воин»), *eques* («всадник»), *equitatus* («кавалерия»), *pedes*, *pedester* («пехотинец»), *scutarius* («щитоносец»), *lancearius* («копейщик») и др.), воинские подразделения (*legio* («легион»), *turma* («турма»), *numer* («номер»), *cohors* («когорта») и др.), представителей вражеской армии (*hostis* («враг»), *captivus* («пленный»)), предметы вооружения (*arma*, *ferrum* («оружие»), *lorica* («лорика»), *scutum* («щит»), *hasta* («копье»), *gladius* («меч»), *arcus* («лук») и др.), военной техники (*onager* («онагр»), *ballista* («баллиста»), *vinea* («винья»), *scalae* («[штурмовые] лестницы»), *aries* («таран») и др.) и т.д. Однако, несмотря на их многочисленность и частоту употребления, все они могут быть отнесены лишь к дальней периферии рассматриваемого концепта, поскольку не несут какой-либо важной смысловой нагрузки с точки зрения концептуального анализа и, условно говоря, являются не более чем материалом, из которого «сшит» кусок современной Аммиану реальности под названием «война».

Помимо существительных, концепт BELLUM в «Деяниях» представлен рядом глаголов, отражающих его вербальный сегмент и обозначающих различные действия, совершаемые воюющими сторонами либо их представителями, и производными от них частями речи (причастиями, деепричастиями, герундивами и т.п.): *pugno* («сражаться»), *oppugno* («нападать», «атаковать»), *expugno* («захватывать», «завоевывать»), *propugno* («обороняться»), *incurso* («вторгаться», «нападать»), *caedo* («убивать»), *torqueo* («метать [снаряды]»), *abscedo* («отступать») и др.

Атрибутивная составляющая концепта BELLUM представлена в «Деяниях», прежде всего, прилагательными, характеризующими отношение Аммиана Марцеллина к описываемым военным событиям. Используемые Аммианом в данном контексте прилагательные имеют, как правило, яркую эмоциональную окраску, что обусловлено, с одной

стороны, стремлением автора усилить впечатление, производимое его сочинением на читателей (или слушателей), а с другой, что немало важно, – личным опытом Аммиана, являвшегося непосредственным участником многих из описанных им войн и сражений. Данный сегмент рассматриваемого концепта представлен в «Деяниях» такими прилагательными, как *saevissimus* («свирепейший», «ужаснейший», «жесточайший»), *gloriosus* («славный»), *acerrimus* («жесточайший»), *internecivus* («сметроносный»), *inmanis* («чудовищный»), *exitialis* («губительный»), *atrox* («жестокий», «кровавый»), *anceps* («опасный») и др. Такие же прилагательные, как *externus* и *civilis*, в целом ряде случаев используются Аммианом Марцеллином при обозначении двух основных видов войны – войны с внешним противником (*bellum externum*) и войны гражданской (*bellum civile*) (см. ниже).

Таким образом, концепт BELLUM в сочинении Аммиана Марцеллина представлен весьма значительным числом разнообразных лексем, что позволяет составить достаточно целостное представление о том, каким было смысловое наполнение данного концепта для автора «Деяний» и его современников. Мы можем вполне однозначно констатировать, что денотатом рассматриваемого концепта с точки зрения его представленности в сочинении Аммиана Марцеллина является война в традиционном и прямом значении этого слова, т.е. крупномасштабный вооружённый конфликт между государствами и/или народами либо между противоборствующими группировками внутри государства. Очевидно, что в данном отношении Аммиан является типичным представителем латинской (шире – античной) литературы, в рамках которой концепт «война» (лат. BELLUM, древнегреч. ΠΟΛΕΜΟΣ) имел аналогичную денотацию. В то же время следует отметить, что в греко-римской литературе известны произведения (пусть и немногочисленные), в которых понятие «война» преимущественно применялось в ином, в частности, метафорическом смысле. Пожалуй, наиболее известным в данном отношении примером является известная пародийная поэма «Батрахомиомахия», в которой боевые действия разворачиваются не между людьми, а между лягушками и мышами.

Дополнительные, оттеночные смыслы, характеризующие концепт BELLUM в том виде, в котором он представлен у Аммиана Марцеллина, условно могут быть разделены на две основные группы: 1) коннотации культурно-исторические, конкретизирующие представления о войне как фрагменте объективной реальности, бытующие в позднеримском обществе современной Аммиану эпохи и отразившиеся в его сочинении, и 2) коннотации эмоционально-ценностные, характеризующие,

главным образом, субъективное отношение к войне самого автора «Деяний». Однако отделить субъективные переживания и оценки Аммиана (то, что мы обозначили как эмоционально-ценностные коннотации) от распространённых среди его современников «военных» установок и представлений (культурно-исторические коннотации) на практике очень трудно, а в рамках одной статьи – попросту невозможно, в связи с чем здесь мы будем рассматривать их как единое целое.

Говоря о коннотациях концепта BELLUM, следует отметить, прежде всего, тот факт, что для Аммиана Марцеллина война имела две достаточно чётко дифференцируемых разновидности: война с внешним врагом (*bellum externum*) и война между противоборствующими группировками внутри государства, т.е. гражданская война (*bellum civile*). Более того, Аммиан явно противопоставляет их, давая понять, что «войны внутренние» и «войны внешние» ведутся по разным правилам, имеют разную логику развития и по-разному влияют на ход истории. Наиболее часто такое противопоставление фигурирует в тех сюжетах «Деяний», где описываются полководческие качества императора Констанция II. Так, Аммиан пишет: «Счастье было на стороне Констанция только в междоусобных войнах, а когда он предпринимал внешние войны, то обычно его постигали неудачи» (Amm. Marc. XIV.10.16); «Насколько во внешних войнах этот государь [Констанций II. – В.Д.] терпел урон и потери, настолько он возносился удачами в междоусобицах» (Amm. Marc. XXI.16.15) (пер. с лат. Ю.А. Кулаковского, А.И. Сонни)¹².

Война для Аммиана Марцеллина являлась абсолютной нормой с точки зрения теории и практики международных отношений. Внешняя экспансия, территориальные захваты воспринимались как один из вполне естественных способов существования государства. Так, в «Деяниях» многократно упоминается о победе в войне как достаточном основании перехода власти над какой-либо территорией от одной державы к другой, причём это относится не только к Римской империи, но и другим государствам (Персии, Парфии, Ассирии и др.). Говоря же о завоеваниях древних мидийцев, Аммиан прямо употребляет понятие *ius belli* («право войны») (Amm. Marc. XXIII.6.27).

Более того, успешные захватнические войны являются для Аммиана одним из главных признаков величия того или иного полководца, правителя либо государства в целом. В этой связи нельзя не привести в качестве примера один из пассажей, который содержится в XIV книге

¹² Ср.: Eutrop. X.15.2.

«Деяний» и является настоящим панегириком в честь римских завоеваний: «Со своего начала и до конца времени детства, т.е. почти в течение 300 лет, римский народ выдерживал войны вокруг стен города. Затем, войдя в возраст, после многообразных невзгод на полях битв он перешел через Альпы и через морской пролив; а, став юношей и мужем, стяжал победные лавры и триумфы со всех стран, входящих в необъятный круг земной... Согнув гордую выю диких народов и дав законы, основы свободы и вечные устои, словно добрый, разумный и богатый отец, предоставил управление своим имуществом Цезарям, как своим детям... По всем, сколько их ни есть, частям земли чтят Рим, как владыку и царя, и повсюду в чести и славе седина сената и имя римского народа» (Amm. Marc. XIV.6.4–7) (пер. с лат. Ю.А. Кулаковского, А.И. Сонни). Причём успех в войнах такого рода может и должен быть достигнут любой ценой, включая даже безграничную жестокость по отношению к неприятелю; так, поголовное и безжалостное, без различия возраста и пола, истребление варваров-германцев, которых, к слову, Аммиан уподобляет скоту (*ut pecudes*)¹³, названо в «Деяниях» «достопамятным подвигом» (*facinus memorabile*) (Amm. Marc. XVI.11.9), а резня, учинённая римскими солдатами во взятой ими штурмом персидской крепости Майозамальхе, в ходе которой «разгневанные победители рубили всех, не различая ни пола, ни возраста», а «некоторые жители в страхе перед неминуемой гибелью... сами бросились вниз со стен и... сохраняли некоторое время жизнь, более жалкую, чем смерть, пока не приканчивал их меч победителя» (Amm. Marc. XXIV.4.25) (пер. с лат. Ю.А. Кулаковского, А.И. Сонни), характеризуется Аммианом как «славное» (*gloriosus*) дело (Amm. Marc. XXIV.4.31).

Совсем иначе трактуются в «Деяниях» войны внутренние (*bella civilia*). С точки зрения Аммиана Марцеллина, для Римского государства они являются однозначным злом, наносящим ущерб римскому могуществу. Так, говоря об успехах Констанция II в гражданских войнах, Аммиан пишет, что этот правитель «был весь забрызган гноем, истекавшим из внутренних нарывов государства», а сами эти успехи называет «достойными скорее сожаления» (Amm. Marc. XX.16.15). Прокопия, поднявшего в 365 г. восстание против императора Валента, автор «Деяний» вполне однозначно характеризует как «мятежника» и «противника внутреннего спокойствия» (Amm. Marc. XXVI.9.10). Интересно в связи

¹³ Ср.: Liban. Or. XVIII.68. В целом Либаний, как и Аммиан, с большим одобрением относится к уничтожению варварских племён и считает это проявлением воинской доблести римлян.

с этим отношение Аммиана Марцеллина к гражданской войне, инициированной в 361 г. Юлианом – главным героем «Деяний» и кумиром их автора. Следуя установке на критику гражданских войн и порицание их зачинщиков, Аммиан должен был бы осуждать Юлиана за развязывание очередного внутреннего конфликта. Однако в данном случае Аммиан Марцеллин не так категоричен в суждениях: он всячески оправдывает Юлиана, фактически обвиняя в начале гражданской войны Констанция II, который, по версии Аммиана, сам спровоцировал очередной внутренний конфликт своим неумелым военным руководством. На страницах «Деяний» (книги XX–XXI) Юлиан изображается невинной жертвой обстоятельств: возмущённое действиями Констанция взбунтовавшееся войско чуть ли не насильно провозгласило его Августом и заставило вступить в борьбу с законным императором¹⁴.

Важно отметить ещё одну деталь, свойственную восприятию Аммианом войны и, соответственно, отразившуюся на смысловом поле рассматриваемого концепта: хотя при изложении военных событий Аммиан Марцеллин использует массу прилагательных, имеющих, как было отмечено выше, ярко выраженную эмоциональную окраску (*acerrimus*, *saevissimus*, *internecivus* и др.), тем не менее, возникает устойчивое чувство, что делается это скорее из стилистических, художественных, риторических и других эстетических соображений, нежели с целью действительно показать бесчеловечность войны и продемонстрировать её неприятие. Иначе говоря, Аммиана совсем не ужасают описываемые им жестокие военные сцены. Возможно, свою лепту в столь бесстрастное описание сопряжённых с войной драматических сюжетов внёс жизненный опыт самого автора «Деяний», который по долгу службы неоднократно становился не только свидетелем, но и непосредственным участником целого ряда сражений и войн, а потому для него такого рода события, несмотря на всю их жестокость, стали частью повседневности. Впрочем, учитывая популярность сочинения Аммиана у современников¹⁵, можно достаточно уверенно предположить, что подобный взгляд на войну разделяло если не всё позднеримское общество, то, по крайней мере, значительная его часть.

Яркая особенность аммиановой репрезентации концепта *BELLUM* – наличие в нём исторических коннотаций, подчас приобретающих даже

¹⁴ Схожую картину рисует Либаний – так же, как и Аммиан, боготворивший Юлиана Отступника (см.: Liban. *Or.* XVIII.97 ff). Совсем иная трактовка событий 361 г. содержится в сочинениях христианских историков (см., напр.: Socr. *Schol. Hist. eccl.* III.1.36–42).

¹⁵ См.: Liban. *Ep.* 1063.

эпический характер. В связи с этим нельзя не отметить, что применительно к труду Аммиана Марцеллина правильнее использовать название «Деяния» (*Res gestae*), а не «История», как это чаще всего происходит на практике, особенно при издании переводов сочинения Аммиана на современные языки. Действительно, в своём произведении Аммиан Марцеллин, в отличие от подавляющего большинства своих античных предшественников, не просто излагает ход событий римской истории *sine ira et studio* – он рассматривает и воспевает их именно как *деяния* римлян (прежде всего – императоров и полководцев), т.е. подвиги, которые, по мнению Аммиана, должны отозваться в веках и покрыть Рим неувядаемой славой. Для автора «Деяний» военные события современной ему эпохи прочно и неразрывно вплетены в общую канву греко-римской истории, что проявляется в постоянных сравнениях происходящего на глазах Аммиана с героическими страницами прошлого (реального или эпического) Греции и Рима. Так, бой за тело погибшего хионитского царевича под стенами Амиды (359 г.) (Amm. Marc. XIX.1.8–10) Аммиан уподобляет сражению между ахейцами и троянцами за тело Патрокла (см.: *Hom. Il. XVII.1–760*), а ночную вылазку римлян в расположение персов под той же Амидой (Amm. Marc. XIX.6.7–12) наш автор сравнивает с нападением ахейцев во главе с Одиссеем на фракийское войско под Троей (см.: *Hom. Il. X.470–525*). Действия же римлян в битве при Ктесифоне (363 г.) Аммиан вообще ставит в один ряд с подвигами Гектора, Ахилла и героев греко-персидских войн: «Пусть древние поэты воспевают бой Гектора, пусть они возносят храбрость фессалийского вождя [Ахилла. – В. Д.], пусть целый ряд веков возглашает славу Софана, Аминии, Каллимаха, Кинегира, этих светочей времен войны персов в Греции. Но по всеобщему признанию не меньшую доблесть проявили в тот день некоторые из наших» (Amm. Marc. XXIV.6.14) (пер. с лат. Ю.А. Кулаковского, А.И. Сонни). Не менее часто встречаются в «Деяниях» и реминисценции такого же порядка из римской истории (см., напр.: Amm. Marc. XXIV.2.16–17 (параллель между взятием Пирисаборы и Карфагена); XXIV.4.24 (сравнение штурма Майозамальхи (363 г.) с захватом римлянами лагеря луканцев под Фуриями (282 г. до н.э.); XXVIII.3.9 (уподобление полководца Феодосия Старшего (IV в.) Марку Фурию Камиллу (V–IV вв. до н.э.) и Луцию Папирию Курсору (IV в. до н.э.); XXXI.13.19 (аналогия между битвами при Адрианополе (378 г.) и Каннах (216 г. до н.э.) и др.).

Наконец, нельзя не заметить, что в трактовке Аммиана концепт *BELLUM* наполнен, помимо прочего, религиозно-мифологическим смыслом. Для автора «Деяний» описываемые им военные события

являются не только (а, возможно, и не столько) результатом деятельности людей, но и проявлением божественной воли. Чаще всего в связи с войнами и сражениями Аммиан упоминает имена Марса (Amm. Marc. XVII.1.1; XX.5.4; XXIV.4.24; 6.16; XXV.2.4; XXVII.6.8; XXXI.2.1; 3.8) и Беллоны (Amm. Marc. XX.5.1; XXIV.7.4; XXVIII.1.1; XXIX.2.20; XXXI.1.1; 13.1). Кроме того, влияние на ход боевых действий (впрочем, как и событий вообще), с точки зрения Аммиана, может оказывать некая абстрактная сверхъестественная сила, обозначаемая в «Деяниях» как *aeternus deus caelestis* («вечный небесный бог») (Amm. Marc. XXV.7.5), *superum numen* («высшее божество») (Amm. Marc. XXV.8.3) или *caeleste numen* («небесное божество») (Amm. Marc. XXXI.16.4), что вполне согласуется с устоявшимся представлением о в значительной степени неоплатоническом характере мировоззрения Аммиана Марцеллина¹⁶.

Таким образом, рассмотренный выше материал позволяет нам сделать ряд выводов и наблюдений:

1. Концепт *BELLUM* занимает в сочинении Аммиана Марцеллина одно из центральных мест, что ещё раз указывает на значимость феномена войны в жизни позднеримского общества.

2. Лексико-семантическое поле концепта *BELLUM* представлено у Аммиана многочисленными и разнообразными лексемами, однако ядро рассматриваемого концепта представлено существительными *bellum* и (в меньшей степени) *pugna*, что является типичным для латинской литературы в целом.

¹⁶ В связи со сказанным нельзя согласиться с встречающимися в исторической литературе мнениями о безразличном отношении Аммиана Марцеллина к религиозным вопросам, о том, что «древние боги как личные существа у него не играют никакой роли» (Соболевский 1962. С. 433), что сам Аммиан «отказался от наивной веры во множество языческих богов, отдав предпочтение монотеистическим представлениям о едином высшем верховном божестве» (Удальцова 1968. С. 40; см. также: Удальцова 1974. С. 26) и «представляет абстрактный монотеизм» (Альбрехт М., фон 2005. С. 1559). Скорее, в сознании Аммиана были перемешаны (причудливо – с точки зрения дня сегодняшнего, но вполне гармонично – для самого Аммиана и его современников) элементы римской языческой религии и различных философских систем; при этом традиционные римские боги (по крайней мере, «контролирующие» военную сферу) всё же сохраняли для автора «Деяний» свою актуальность (Rike 1987. P. 25–26), несмотря на его явную и давно отмеченную в историографии (см. напр.: Ensslin 1923) приверженность неоплатонизму.

Религиозно-философские взгляды Аммиана неоднократно становились предметом особого интереса для исследователей. Из относительно недавних работ, помимо упомянутой монографии Р. Райка (рец.: Penella 1990), следует выделить книгу Дж. Дэвиса (Davies 2004).

3. Концепт BELLUM в трактовке Аммиана Марцеллина обладает, помимо основного, денотативного (BELLUM = ВОЙНА), целым рядом коннотативных смыслов (война с внешним врагом как проявление доблести, гражданская война как несомненное зло, война как часть позднеримской общественно-политической повседневности, война как проявление воли сверхъестественных сил и т.д.).

4. Судя по всему, концепт BELLUM в том виде, в котором он выступает в «Деяниях», был характерен не только для картины мира, существовавшей в сознании самого Аммиана Марцеллина, но и для мировосприятия языческой части позднеримского общества в целом; это позволяет использовать труд Аммиана для изучения эволюции представлений о войне в эпоху Поздней античности, когда происходил переход от античной системы ценностей и мирозерцания в целом к мировоззрению нового – христианского – типа.

БИБЛИОГРАФИЯ

Источники

- Ammianus Marcellinus*. Römische Geschichte. Lateinisch und Deutsch und mit einem Kommentar versehen von W. Seyfarth. Bd. 1–4. В.: Akad.-Verlag, 1968–1971. – *Аммиан Марцеллин*. История / Пер. с лат. Ю.А. Кулаковского и А.И. Сонни. СПб.: Алетейя, 1996. 576 с.
- Eutropi breviarium ab urbe condita, cum versionibus Graecis et Pauli Landolfique aditamentis / Rec. et adnot. H. Droysen. Berolini: Apud Weidmannos, 1879. 430 p. (MGN. AA. T. II) – *Евтропий*. Краткая история от основания города / Пер. с лат. А. И. Донченко // Римские историки IV века. М.: РОССПЭН, 1997. С. 5–76.
- Libanii opera. Vol. 1–12 / Rec. K. Foerster. Lipsiae: B. G. Teubner, 1903–1923. – Речи Либания. Т. 1–2 / Пер. с древнегреч. С. Шестакова. Казань: Типо-литография Императорского университета, 1912–1916.
- Socratis Scholastici Ecclesiastica Historia. T. 1–3 / Ed. R. Hussey. Oxonii: e typographeo Academico, 1853. – *Сократ Схоластик*. Церковная история / Пер. с древнегреч. Санкт-Петербургской духовной академии. М.: РОССПЭН, 1996. 366 с.

Литература

- Альбрехт М., фон*. История римской литературы. В 3-х тт. Т. 3 / Пер. с нем. А.И. Любжина. М.: «Греко-Латинский кабинет» Ю.А. Шичалина, 2005. 616 с.
- Банников А.В., Шмидт Г.А.* Военная терминология у Аммиана Марцеллина: проблемы интерпретации // *Studia Historica*. 2012. Т. 12. С. 168–173.
- Банников А.В., Шмидт Г.А.* *Spatha* или *gladius*? Принципы отражения военных реалий собственного времени Аммианом Марцеллином // *Проблемы социальной истории и культуры средних веков и раннего нового времени*. 2013. № 10. С. 14–25.
- Данилов Е.С. Arcani* в сообщении Аммиана Марцеллина (XXVIII.3.8) // *Вестник древней истории*. 2012. № 4. С. 156–161.
- Дмитриев В.А.* Армия и военное дело в сасанидском Иране по данным Аммиана Марцеллина // *Записки Восточного отделения Российского археологического общества*. Новая серия. Т. 2 (XXVII). СПб., 2006. С. 397–426.

- Дмитриев В.А.* К вопросу о варваризации римской армии в IV в. н.э. (по данным Аммиана Марцеллина) // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия «История. Политология. Экономика. Информатика». 2011. № 7 (102). Вып. 18. С. 44–56.
- Дуров В.С.* История римской литературы. СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2000. 624 с.
- Геронова В.Д.* Аммиан Марцеллин о варварах // Учёные записки Пермского государственного университета. 1966. Вып. 143. С. 65–69.
- Семичева Е.А.* Образ «Другого» у Аммиана Марцеллина: терминологический аспект // Научные ведомости Белгородского гос. университета. Серия «История. Политология. Экономика. Информатика». 2014. № 8 (179). Вып. 30. С. 31–33.
- Соболевский С.И.* Историческая литература III–V вв. // История римской литературы. В 2-х тт. Т. 2. М.: АН СССР, 1962. С. 420–437.
- Степанов Ю.С.* Константы. Словарь русской культуры. М.: Академический Проект, 1997. 982 с.
- Удальцова З.В.* Идеино-политическая борьба в ранней Византии (по данным историков IV–VII вв.). М.: Наука, 1974. 352 с.
- Удальцова З.В.* Мировоззрение Аммиана Марцеллина // Византийский временник. 1968. Вып. 28 (53). С. 39–59.
- Шоковий В.Н.* Содержание концепта “BELLUM” в латинском историческом дискурсе // Филология и литературоведение. 2013. № 12.
URL: <http://philology.snauka.ru/2013/12/632> (дата обращения: 20.08.2014).
- Austin N.J.E.* Ammianus on Warfare. An Investigation into Ammianus' Military Knowledge // Collection Latomus. 1979. Vol. 165. 172 p.
- Blockly R.C.* Ammianus Marcellinus on the Persian Invasion of A. D. 359 // Phoenix. 1988. Vol. 52. P. 244–260.
- Crump G.A.* Ammianus Marcellinus as a Military Historian. Wiesbaden: Franz Steiner Verlag, 1975. 140 S.
- Davies J.P.* Rome's Religious History. Livy, Tacitus and Ammianus on their Gods. Cambridge: Cambridge University Press, 2004. 341 p.
- Ensslin W.* Zur Geschichtreibung und Weltanschauung des Ammianus Marcellinus. Leipzig: Dieterich'sche Verlagsbuchh., 1923. 106 S.
- Klotz A.* Die Quellen Ammians in der Darstellung von Julians Perserzug // Rheinisches Museum für Philologie. 1916. Bd. 71. H. 4. S. 461–506.
- Matthews J.F.* Ammianus and the Eastern Frontier in the Fourth Century: a Participant's View // The Defense of the Roman and Byzantine East. Proceedings of a Colloquium Held at the University of Sheffield in April 1986 / Ed. by Ph. Freeman and D. Kennedy. Pt. 2. Oxford: British Archaeological Reports, 1986. P. 549–563.
- Naudé C.P.T.* Battles and Sieges in Ammianus Marcellinus // Acta Classica. 1958. Vol. 1. P. 92–105.
- Norden E.* Die antike Kunstprosa vom VI. Jahrhundert v. Chr. bis in die Zeit der Renaissance. Bd. 1. Leipzig: B.G. Teubner, 1898. 450 S.
- Penella R.J.* *Apex Omnium: Religion in the Res Gestae of Ammianus* by R. L. Rike // The Classical World. 1990. Vol. 83. No. 3. P. 252.
- Rike R.L.* *Apex Omnium. Religion in the Res Gestae of Ammianus*. Berkley; Los Angeles; L.: Cambridge University Press, 1987. 343 p.
- Sudhaus H.* De ratione quae intercedat inter Zosimi et Ammiani de bello a Juliano imperatore cum Persis gesto relations. Bonnae: Carolus Georgus, 1870. 103 p.

REFERENCES

Istochniki

- Ammianus Marcellinus. Römische Geschichte. Lateinisch und Deutsch und mit einem Kommentar versehen von W. Seyfarth. Bd. 1–4. B.: Akad.-Verlag, 1968–1971. – Ammian Martsellin. Istoriya / Per. s lat. Yu.A. Kulakovskogo i A.I. Sonni. SPb.: Al-eteiya, 1996. 576 s.
- Eutropi breviarium ab urbe condita, cum versionibus Graecis et Pauli Landolfique addita-mentis / Rec. et adnot. H. Droysen. Berolini: Apud Weidmannos, 1879. 430 p. (MGH. AA. T. II) – Evtropii. Kratkaya istoriya ot osnovaniya goroda / Per. s lat. A. I. Donchenko // Rimskie istoriki IV veka. M.: ROSSPEN, 1997. S. 5–76.
- Libanii opera. Vol. 1–12 / Rec. K. Foerster. Lipsiae: B. G. Teubner, 1903–1923. – Rechi Libaniya. T. 1–2 / Per. s drevnegrech. S. Shestakova. Kazan': Tipo-litografiya Imperatorskogo universiteta, 1912–1916.
- Socratis Scholastici Ecclesiastica Historia. T. 1–3 / Ed. R. Hussey. Oxonii: e typographeo Academico, 1853. – Sokrat Skholastik. Tserkovnaya istoriya / Per. s drevnegrech. Sankt-Peterburgskoi dukhovnoi akademii. M.: ROSSPEN, 1996. 366 s.

Literatura

- Al'brekht M., fon. Istoriya rimskoi literatury. V 3-kh tt. T. 3 / Per. s nem. A.I. Lyubzhina. M.: «Greko-Latinskii kabinet» Yu.A. Shichalina, 2005. 616 s.
- Bannikov A.V., Shmidt G.A. Voennaya terminologiya u Ammiana Martsellina: problemy interpretatsii // Studia Historica. 2012. T. 12. S. 168–173.
- Bannikov A.V., Shmidt G.A. Spatha ili gladius? Printsipy otrazheniya voennykh realii sobstvennogo vremeni Ammianom Martsellinom // Problemy sotsial'noi istorii i kul'tury srednikh vekov i rannego novogo vremeni. 2013. № 10. S. 14–25.
- Danilov E.S. Arcani v soobshchenii Ammiana Martsellina (XXVIII.3.8) // Vestnik drevnei istorii. 2012. № 4. S. 156–161.
- Dmitriev V.A. Armiya i voennoe delo v sasanidskom Irane po dannym Ammiana Martsellina // Zapiski Vostochnogo otdeleniya Rossiiskogo arkhologicheskogo obshchestva. Novaya seriya. T. 2 (XXVII). SPb., 2006. S. 397–426.
- Dmitriev V.A. K voprosu o varvarizatsii rimskoi armii v IV v. n.e. (po dannym Ammiana Martsellina) // Nauchnye vedomosti Belgorodskogo gos. universiteta. Seriya «Istoriya. Politologiya. Ekonomika. Informatika». 2011. № 7 (102). Vyp. 18. S. 44–56.
- Durov V.S. Istoriya rimskoi literatury. SPb.: Filologicheskii fakul'tet SPbGU, 2000. 624 s.
- Neronova V.D. Ammian Martsellin o varvarakh // Uchenye zapiski Permskogo gosudarstvennogo universiteta. 1966. Vyp. 143. S. 65–69.
- Semicheva E.A. Obraz «Drugogo» u Ammiana Martsellina: terminologicheskii aspekt // Nauchnye vedomosti Belgorodskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya «Istoriya. Politologiya. Ekonomika. Informatika». 2014. № 8 (179). Vyp. 30. S. 31–33.
- Sobolevskii S.I. Istoricheskaya literatura III–V vv. // Istoriya rimskoi literatury. V 2-kh tt. T. 2. M.: AN SSSR, 1962. S. 420–437.
- Stepanov Yu.S. Konstanty. Slovar' russkoi kul'tury. M.: Akademicheskii Pro-ekt, 1997. 982 s.
- Udal'tsova Z.V. Ideino-politicheskaya bor'ba v rannei Vizantii (po dannym istorikov IV–VII vv.). M.: Nauka, 1974. 352 s.
- Udal'tsova Z.V. Mirovozzrenie Ammiana Martsellina // Vizantiiskii vremennik. 1968. Vyp. 28 (53). S. 39–59.
- Shovkovyi V.N. Soderzhanie kontsepta “BELLUM” v latinskom istoricheskom diskurse // Filologiya i literaturovedenie. 2013. № 12.
- URL: <http://philology.snauka.ru/2013/12/632> (data obrashcheniya: 20.08.2014).

- Austin N.J.E. Ammianus on Warfare. An Investigation into Ammianus' Military Knowledge // Collection Latomus. 1979. Vol. 165. 172 p.
- Blockly R.C. Ammianus Marcellinus on the Persian Invasion of A. D. 359 // Phoenix. 1988. Vol. 52. P. 244–260.
- Crump G.A. Ammianus Marcellinus as a Military Historian. Wiesbaden: Franz Steiner Verlag, 1975. 140 S.
- Davies J.P. Rome's Religious History. Livy, Tacitus and Ammianus on their Gods. Cambridge: Cambridge University Press, 2004. 341 p.
- Ensslin W. Zur Geschichtsbildung und Weltanschauung des Ammianus Marcellinus. Leipzig: Dieterich'sche Verlagsbuchh., 1923. 106 S.
- Klotz A. Die Quellen Ammians in der Darstellung von Julians Perserzug // Rheinisches Museum für Philologie. 1916. Bd. 71. H. 4. S. 461–506.
- Matthews J.F. Ammianus and the Eastern Frontier in the Fourth Century: a Participant's View // The Defense of the Roman and Byzantine East. Proceedings of a Colloquium Held at the University of Sheffield in April 1986 / Ed. by Ph. Freeman and D. Kennedy. Pt. 2. Oxford: British Archaeological Reports, 1986. P. 549–563.
- Naudé C.P.T. Battles and Sieges in Ammianus Marcellinus // Acta Classica. 1958. Vol. 1. P. 92–105.
- Norden E. Die antike Kunstprosa vom VI. Jahrhundert v. Chr. bis in die Zeit der Renaissance. Bd. 1. Leipzig: B.G. Teubner, 1898. 450 S.
- Penella R. J. Apex Omnium: Religion in the Res Gestae of Ammianus by R. L. Rike // The Classical World. 1990. Vol. 83. No. 3. P. 252.
- Rike R. L. Apex Omnium. Religion in the Res Gestae of Ammianus. Berkeley; Los Angeles; L.: Cambridge University Press, 1987. 343 p.
- Sudhaus H. De ratione quae intercedat inter Zosimi et Ammiani de bello a Juliano imperatore cum Persis gesto relationes. Bonnae: Carolus Georgus, 1870. 103 p.

Дмитриев Владимир Алексеевич, кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры всеобщей истории и регионоведения Псковского государственного университета; dva_psk@mail.ru

The concept of BELLUM in the “Res gestae” by Ammianus Marcellinus

The article is devoted to analysis of the concept of BELLUM according to Ammianus Marcellinus' “Res gestae”. The author examines the lexical-semantic structure, through which the concept of BELLUM presented in the work of Ammianus Marcellinus, and explores both kernel (denotative) and subordinate (connotative) semantic fields that reflect the cultural-historical as well as emotional and value content of the concept of BELLUM in Ammianus Marcellinus' representation.

Keywords: Ammianus Marcellinus, conceptual analysis, concept, BELLUM, mentality, the Late Roman Empire, Classical historiography

Vladimir Dmitriev, Vladimir Dmitriev, Ph. D. in History, Docent, Associate Professor of the Department of World History and Area Studies, Pskov State University; dva_psk@mail.ru

М.С. ПЕТРОВА

УЧЕБНЫЕ ТЕКСТЫ И ГРАММАТИЧЕСКАЯ НАУКА НА РУБЕЖЕ АНТИЧНОСТИ И СРЕДНЕВЕКОВЬЯ*

В статье рассматривается развитие грамматической науки между IV–VI вв. в Западной Европе, стимулированное социальными и политическими переменами, охватившими этот регион. Выделяются основные факторы, воздействующие на грамматические установления (среди которых лингвистическая ассимиляция мигрирующих варварских народов в мир Romanitas и распространение христианских теологических концепций относительно соотношения языка и веры). На примере учебных текстов Доната (*Ars grammatica*) и Сервия (*Commentarius in Artem Donati*) реконструируются начатки образовательного процесса эпохи раннего Средневековья.

Ключевые слова: грамматика, наука, язык, дискурс, текст, комментарий.

В настоящей статье речь пойдет о развитии грамматической науки между IV и VI веками. Наша задача сводится к выявлению основных факторов, воздействующих на грамматические установления и к реконструкции (на примере учебных текстов Доната [*“Ars grammatica@”*] и Сервия [*“Commentarius in Artem Donati”*]) образовательного процесса «новой» эпохи – эпохи раннего Средневековья.

Введение в проблему. Развитие грамматической науки между IV и VI веками в Западной Европе невозможно отделить от социальных и политических перемен, охвативших этот регион. Среди них была и лингвистическая ассимиляция мигрирующих варварских народов в мир Romanitas. Термин “Romanitas” появился в IV веке для обозначения группы людей, не-римлян по происхождению, говоривших на латинском языке¹. В страстном стремлении романизироваться многие (хотя не все) варвары изучали латинский язык, систематизировали свою правовую систему по римскому образцу, принимали римскую практику давая имена новым городам и своим детям². Соответственно, характерные черты устного и письменного латинского языка, когда им пользовались не-римляне, трансформировались, а это, в свою очередь, вело к пересмотру педагогических функций грамматики в «варварских» школах.

В связи с изменением лингвистических и социальных правил, термин “Latinitas”, в противоположность “Romanitas”, стал обозначать об-

* Работа выполнена при финансовой поддержке РФНФ, в рамках проекта (№ 14–06–00123) «Учебный текст в позднюю Античность и раннее Средневековье: исследование состава школьного канона III – XI вв.».

¹ См.: Wallace-Hadrill. 1957. P. 11-13; Curtius. 1953. P. 31; Amsler. 1989. P. 57.

² См.: Wallace-Hadrill. 1957. P. 24-25; Riché. 1976. P. 60-78.

щее представление о совершенной речи и об обществе, объединяющем идеальных (хотя не коренных) римлян³. Возникновение новых социальных реалий, новых лингвистических практик (ранее не представленных в письменности) было одним из основных факторов, оказавших влияние на развитие грамматического дискурса между IV и VI столетиями.

Еще одним фактором, воздействовавшим на грамматические установления, было распространение христианских теологических концепций относительно соотношения языка и веры. К середине V века общественные институты римской империи были воспроизведены в устройстве римской церкви. К этому времени римский епископ руководил епархией так, как веком ранее делал сенатор – богатый землевладелец, должностное лицо и политически активный хранитель традиционных ценностей. И если римский сенатор IV века ратовал за сохранение традиционного языческого социально-религиозного культа, то в V веке епископ Рима являлся защитником ортодоксального христианства августиновского извода, противостоя еретическому арианству, принесённому вторгшимися варварами⁴. Теперь именно церковь исполняла роль преемника Поздней империи⁵, а ортодоксальные епископы как в самом Риме, так и в провинциях являлись защитниками Romanitas. Тем не менее, сосуществование римской имперской администрации и новой христианской педагогической программы провоцировало гносеологический кризис при выборе критериев для объяснения, интерпретации и изучения гуманитарных наук – грамматики, риторики и логики⁶.

Применительно к грамматическим практикам рассматриваемого периода можно говорить о следующих особенностях. Большинство христианских или почитаемых в христианстве авторов от ап. Павла и Филона Александрийского (I в. до н.э. – I в. н.э.) до Иеронима (347–419/20), Августина (354–430) и Кассиодора обучались чтению, письму, способам интер-

³ В классическую эпоху термин “latinitas” (синонимичен с “urbanitas”), будучи стилистическим идеалом, обозначал чистый латинский язык, ориентированный на говор города Рима и его образованной верхушки, в противоположность “rusticitas” (сельским диалектам) и “peregrinitas” (особенностям латинского языка других местностей). См. *Тронский*. 2001. С. 43.

⁴ См.: *Wallace-Hadrill*. 1957. P. 22-30.

⁵ О том, как учителя церкви стремились примирить античное языческое образование с христианством и общественными настроениями, см.: *Малеин*. 2003. С. 194-223 (или см.: *Он же*. 1907. Т. 2. С. 253-320).

⁶ Одной из наиболее известных фигур в этом конфликте был Кассиодор (с. 487/90–583), который после обращения к христианству в первой половине VI в. добился основания христианской школы в Италии по образцу все еще существующих римских светских школ. См.: *Riché*. 1976. P. 161-169; *O'Donnell*. 1979. P. 103-130; 177-222; *Уколова*. 1989. С. 73-144.

претации текста и аргументации у греческих и римских грамматистов. Даже позднее христианский грамматический дискурс IV–VI вв. (до Исидора Севильского [560–636]) в большой степени основывался на объяснительных критериях и текстуальных процедурах классической грамматики.

Немаловажным было и то, что большинство светских грамматистов в период от Доната (с. 350) до Присциана (fl. 500), а также те, кто отстаивал грамматическую программу возврата к правильному латинскому письму и речи, создавали свои тексты и преподавали не только в христианизированном Риме, но и вне его, например, в Северной Африке или в восточных частях Империи. Перемещение грамматистов из традиционного «центра» империи в другие ее части можно трактовать как усилия по возрождению традиционной языковой римской культуры (несмотря на то, что многие из тех грамматистов сами родились на периферии империи) и как своего рода грамматическое противостояние, целью которого было вытеснение варварской речи со всей территории Рима.

К особенностям грамматического дискурса того периода также относится акцент на этимологизировании⁷. Этимологический комментарий «технической»⁸ грамматики выделился благодаря Реммию Палемо-

⁷ Впервые термин *ἐτυμολογία* употребил Хрисипп из Сол (III в. до н.э.). См.: *Хрисипп*. Фрг. // ФРС. Т. II. Ч. 1. С. 17, 76. Ч. 2. С. 114–115; 124; 126; 138. Оригинальный текст см.: *Chrys.* Frg. 898, 27; 883, 5; 884, 22; 896, 2; 146, 5; 913, 16; 884, 18–22; 16, 38–39 // SVF. P. 1–348.

⁸ То есть той части грамматики, которая относится к произношению, орфографии, парадигмам, составу слов и синтаксису. Отметим, что еще греческие грамматисты разделяли грамматику на три первичные составляющие (части): «техническую», «историческую» и «специальную». Эти части, с одной стороны, связаны и смешаны между собой, с другой стороны, отличны друг от друга. См.: *С. Эмп.* Против разн. наук: I. Против грамматиков [4. О частях грамматики]: 91–94: «Технической частью [грамматики] является та, где приводятся в порядок определения основных звуков и частей речи, орфографии и [чистой] греческой речи и того, что из этого вытекает. Историческая часть та, в которой поучают о лицах, как, например, о богах, людях и героях, или рассказывают о местах, как, например, о горах или реках, или рассказывают о вымыслах и мифах...». Последняя часть [специальная] рассматривает «...содержащееся у поэтов и писателей...» (Пер. А.Ф. Лосева). Ср. также: *Dion. Thrax.* *Ars gramm.* I [1] // TLG. P. 5–6: «Частей [у грамматики] шесть: первая – чтение, умелое, соответственно просодии, вторая – объяснение согласно наличным поэтическим тропам, третья – общепонятная передача трудных слов и рассказов, четвертая – нахождение этимологии, пятая – отбор аналогий, шестая – оценка произведений...» (Пер. А.И. Доватура. Цит по: *Ант. теории...* С. 112); *Dion.* *Ars gramm.* II: *De grammatica* // GL I. P. 426, 15–20: «...у грамматики две части: одна называется “экзегетикой”, другая “ористикой”. “Экзегетика” – изъяснительная часть, которая касается чтения; “ористика” – определятельная [часть], которая указывает наставления; разделяет ее – части речи, достоинств и недостатки [стиля]. Грамматика, в целом, состоит главным образом в

ну (I в. н.э.) в самостоятельную дисциплину⁹. Грамматика времен Поздней империи (=имперская грамматика) главным образом фокусировалась на проблеме грамотности и изучения латинских текстов, но не речи. Такие грамматисты как Донат, Сацердот (III в. н.э.), Флавий Капер, Агрокиус, Присциан и Кассиодор больше анализировали орфографию, чем фонологию¹⁰. В тоже время Августин и Иероним обращались к вопросам внутренней смысловой структуры текста¹¹.

Этимология и техническая грамматика. Позднеантичная и раннесредневековая грамматическая наука развивалась в двух направлениях: по линии воспроизведения донатовой “Ars grammatica” (в дальнейшем фигурировавшей под различными названиями – “Ars minor” и “Ars maior”¹²) и по линии «противодействия» Донату.

В своей основе римская грамматическая наука (ars grammatica) ориентировалась не только на изучение устного и письменного латинского языка, но и на исследование того, как образовано слово, из каких частей (=элементов) оно состоит, к какой части речи относится (partes orationis)^{13/14}. Авторитет Доната был высок вследствие того, что, во-

понимании поэтов и прозаиков, в легком изложении рассказов и в теории правильности речи и письма...» (Пер. И.М. Тронского. Цит. по: Ант. теории... С. 112). Ср. также С. Эмп. Против разн. наук: I. Против грамматиков [14. Может ли существовать историческая часть грамматики] 250-252.

⁹ См.: Оленич. 1964. С. 14.

¹⁰ Фонология (от греч. *φωνή* – «звук» и *λόγος* – «слово») изучает структурные и функциональные закономерности звукового строя языка, в отличие от фонетики, изучающей речь в ее физическом, акустико-артикуляционном аспекте.

¹¹ См.: Amsler. 1989. P. 100-118.

¹² Это разделение, вероятно, произошедшее еще в педагогической практике Поздней Античности, нашло отражение при переписывании текста в Средние века. Подробнее см.: Петрова. 2008. С. 80-81.

¹³ У латинских авторов сочетание слов “partes orationis” обозначало и элементы слова (звуки, буквы, слоги), и части речи (имя, глагол и т.д.). Ср. у греков: *Χριστιν.* Фрг. 148 (согл. Галену): «...первичными элементами речи являются слоги, из которых затем возникают имя, глагол, предлог, член и союз, которые Хрисипп... объявляет элементами [членораздельной] речи» (Пер. А.А. Столярова // ФРС. Т. 2. Ч. 1. С. 77); оригинальный текст (ad loc.): ...κατὰ δὲ τὸν αὐτὸν λόγον καὶ τὰ τῆς φωνῆς στοιχεῖα γεννᾶν πρῶτον μὲν τὰς συλλαβὰς, εἶτα ἐξ αὐτῶν γεννᾶσθαι τὸ τε ὄνομα καὶ τὸ ῥῆμα καὶ τὴν πρόθεσιν ἄρθρον τε καὶ σύνδεσμον, ἃ πάλιν ὁ Χρῆσιππος ὀνομάζει τοῦ λόγου στοιχεῖα (TLG); *Dion. Thrax.* Ars gramm. I [6] (О букве) // TLG. P. 9: «Буквы (*γραμμάτα*) называются так от того, что изображаются черточками (*γραμμά*) и царапинами; ...они же называются и элементами (*στοιχεῖα*), так как в них есть некий порядок (*στοιχὸς*) и строй»; *Ibidem* [11] (О слове) // TLG. P. 22-23: «...слово есть наименьшая часть связной речи (*λέξις ἐστὶ μέρος ἐλάχιστον τοῦ κατὰ σύνταξιν λόγου*) (Пер. И.М. Тронского. Цит по: Ант. теории... С. 112 и 123).

первых, его работы воспроизводились и использовались несколькими поколениями римских грамматистов и педагогов; во-вторых, он преподавал в Риме, а не в провинции; в-третьих, в его работах обширный грамматический материал изложен просто и хорошо выстроен¹⁵.

Упорядоченное донатово изложение грамматических категорий и подкатегорий – от простого к сложному¹⁶ – выходило за пределы общей грамматической педагогики и вело к более специальному анализу *partes orationis*. С точки зрения преподавания последовательное описание отдельных *partes* у Доната было более эффективным, по сравнению с грамматическими выкладками (иногда запутанными) его современников – Диомеда (IV в.) и Харисия (IV в.). Поэтому в IV и VI веках именно донатова “*Ars grammatica*” стала базовым текстом латинской педагогики и объектом комментирования.

Следуя модели дискурса, установленного в эллинистической грамматике, римский технический грамматический дискурс фокусировался на объяснении и уточнении (а иногда исправлении) некоего авторитетного текста, подобно тому как это было при филологических разборах поэм Вергилия¹⁷. Но авторитет Доната сохранялся не только за счет качества его собственных текстов и распространенности “*Ars grammatica*” в грамматических школах. Комментарии Сервия и других авторов закрепляли место работ Доната в грамматическом каноне¹⁸. Такие комментарии «открывали» первоначальный текст, показывали его истинное значение, использовали его правила и исправляли ошибки.

Одной из ключевых стратегий подобного комментаторского дискурса было этимологизирование¹⁹. Именно техническая грамматика

¹⁴ Далее мы оставляем термин “*pars (partes) orationis*” (элемент/ы слова или часть/и речи) без перевода, поскольку его значение зависит от контекста.

¹⁵ *Holtz*. 1981. P. 75-96.

¹⁶ *Holtz*. 1981. P. 58-74.

¹⁷ В пример таких литературных штудий Вергилия можно привести Макробиевы «Сатурналии», пятая книга которых почти полностью (V, 2, 6 – 17, 3) посвящена сравнению текста Поэта с текстом Гомера. При сопоставлении поэзии Вергилия с гомеровским изложением, Макробий преследует две цели: во-первых, он раскрывает сущность работы, которую проделал Вергилий, изучая Гомера (а также других греческих и латинских поэтов), во-вторых, он дает критическую оценку работы латинского поэта. Макробий не только показывает, что в своем подражании Вергилий в одних случаях уступает Гомеру, а в других – достигает его величия, но и старается объяснить причины этого. См.: *Миллер*. 1963. С. 301; *Davies*. 1969. P. 17-23. *Петрова*. 2013. С. xxxvii-lii.

¹⁸ *Holtz*. 1981. P. 223-230.

¹⁹ Подробнее об этом см.: *Wöflin*. 1982. P. 421-440; 563-585; *De Poerck*. 1970. P. 191-228; *Amsler*. 1989. P. 19-24.

начинает разрабатываться как комментаторский (экзегетический) дискурс. Поздняя римская грамматика постепенно по своей теоретической направленности становилась более этимологической и более описательной процедурой. Этимологические разделы, ставшие популярными при рассуждениях о латинском языке, часто присоединялись к текстам Доната. Таким способом восходящий к Варрону грамматический дискурс теперь был направлен не только на объяснение того, «почему и откуда явилось слово»²⁰, но и на тексты Доната.

В рамках римской технической грамматики идеал правильного латинского языка (*Latinitas*) есть отражение идеального греческого языка (*ἑλληνισμός*). Как представлялось позднеантичным авторам, оба языка могли быть «исправлены» благодаря этимологическому вмешательству. Такие ранние латинские авторы, как Цицерон (106–43 гг. до н.э.) и Квинтилиан (посл. четв. I в. н.э.) допускали отступление от норм современного им латинского языка на письме и в устной речи²¹. Напротив, многие писатели эпохи Поздней империи следовали более консервативным подходам. Диомед в своей работе “*Ars grammatica*” подвел итог положению дел, написав²²:

Latinitas есть почитание неспорченной разговорной речи, согласно римскому [письменному] языку.

В зависимости от предпочтений автора, это утверждение относилось или к умению говорить на правильном латинском языке (*loquendi*) или к умению писать (*scribendi*), или и к тому и другому вместе.

Следуя ориентирам эллинистической грамматики, направленной на улучшение текстов и их экзегезу, школы Поздней империи устанавливали правильность разговорного и письменного латинского языка, опираясь на литературную традицию. Работа грамматистов (активно

²⁰ *Varro. De ling. lat. V, 2, 6* // PHI 5: “...*cur et unde sit verba*”. Русский перевод отдельных фрагментов из “*De lingua latina*” Варрона см.: Ант. теории... С. 85-88 след. Об этимологическом учении Варрона см.: *Пизани*. 2009. С. 26-28.

²¹ В частности, см.: *Цицерон*. Оратор 44-48 (149-212), где говорится о том, что ради легкости произношения речи и ее благозвучия возможно сокращение согласных в словах, собственных именах, слияние слов и пр. Согласно Цицерону «...обычай позволяет совершать погрешности в угоду благозвучия...» (157), «...зачастую против правил...» (159) (Пер. М.Л. Гаспарова [С. 339-340]). См.: *Quint. Inst. or. I, 6, 12 et 21* // PHI 5. Также см.: *Butler*. 1933–1936. О системе Квинтилиана обучения риторике (в сравнении с системой Цицерона) см.: *Smiley*. 1906. P. 213-214; *Гаспаров*. 1972. С. 68-69.

²² См.: *Diom. Ars gramm. // GL I. P. 439, 15-16*: “*Latinitas est incorrupte loquendi observatio secundum Romanam linguam*”. Здесь и далее, кроме случаев, оговоренных особо, перевод наш.

использовавших примеры грамматических ошибок при описании латинских форм слов и объяснении структуры предложений с целью очищения общепотребительного языка от солецизмов²³ и варваризмов²⁴) фактически способствовала извлечению орфографических и синтаксических неправильностей из литературных текстов, составленных на три или четыре сотни лет ранее²⁵. Кроме того, в некоторых позднеантичных грамматических сочинениях уже применялся в качестве нормативного современный латинский язык²⁶.

В IV в. сочинения Доната, Харисия и Диомеда сфокусировались вокруг ядра грамматических концепций и образцовых описаний, собранных из греческих и римских грамматических работ в течение предыдущих трех столетий. Их труды развивали римскую версию теории распределения слов по классам (имеющейся уже в «Грамматике» Дионисия Фракийца [вероятно, II в. до н.э.]²⁷). Повторяли и описания Реммия Палемона²⁸, повсеместно включая традиционные этимологии

²³ «Солецизм» (*σολοκισμός*, *soloecismus*) – синтаксически неправильный оборот речи, который не искажает смысла высказывания. В риторике солецизмом назывался любой неправильный языковой оборот. В лингвистике имеет место более узкое определение, т.е. это неправильный синтаксический оборот, ошибка в выборе грамматических форм для какого-либо синтаксического построения.

²⁴ В традиционной стилистической терминологии «варваризм» слово (элемент слова, оборот речи), заимствованное из другого языка и воспринимаемое как нарушение общепринятой языковой нормы.

²⁵ В пример можно привести разделы из “*Ars grammatica*” Доната о варваризмах и солецизмах. В этом аспекте особый интерес представляет анонимное приложение к руководству Проба (называемое “*Appendix Probi*”), противопоставляющее ряд «неправильных» форм, употребительных в живой речи, тем формам, которые грамматист считал правильными. Об этом см.: *Тронский*. 2001. С. 49.

²⁶ См.: *Wright*. 1982. P. 54-61.

²⁷ См.: *Dion. Thrax. Ars gramm.* // TLG. Эта работа Дионисия Фракийца содержит следующие разделы: «О грамматике» (P. 6, 1-3); «О декламации» (P. 6, 4-13); «О тоническом ударении» (P. 6-7, 15-2); «О знаках препинания» (P. 7-8, 3-2); «О чтении нараспев» (рапсодии) (P. 8, 3-6); «О буквах» (P. 9-16, 1-5); «О слогах» (P. 16-17, 6-2); «О долгих слогах» (P. 17-19, 3-4); «О кратких слогах» (P. 19-20, 5-2); «Об общих слогах» (P. 20-22, 3-2); «О слове» (P. 22-23, 3-3); «О восьми частях речи; Об имени» (P. 24-46, 1-2); «О глаголе» (P. 46-53, 3-4); «О наклонениях» (P. 53-59, 5-10); «О причастиях» (P. 60, 1-4); «Об артикле» (P. 61-62, 1-5); «О местоимениях» (P. 63-69, 1-5); «О приставке» (P. 70-72, 1-2); «О наречии» (P. 72-86, 3-1); «О союзе» (P. 86-100, 2-2). В целом, изложение напоминает краткую сводку определений и разъяснений, сопровождаемых примерами, взятыми из ранних литературных текстов (напр., из Гомера – е. g. 1, p. 9; 6, p. 26; I, 5, p. 30; I, 6, p. 33). Перевод отдельных фрагментов Дионисия Фракийца см.: *Ант. теории...* С. 111-113; 122-126; 128-132; 134; 136-144.

²⁸ В серии *Grammatici Latini* (GL V. P. 533-547) имеется грамматическое изложение с титулом “*Q. Remmii Palemonis Ars*” (авторство сомнительно), которое представляет собой описание шести частей речи: [«Об имени»] (P. 533, 2 – 541, 2), «О ме-

при определении грамматических терминов. Например, в “Ars grammatica” у Харисия *pronomen* (местоимение) объясняется так²⁹:

...часть речи, которая, будучи поставлена вместо имени, означает почти то же самое³⁰.

Эти стратегии в технической грамматике отражают тип анализа, применявшегося в традиционной римской грамматической педагогике, хотя педагогика между III и IV столетиями претерпевала изменения на социальном, экономическом и культурном уровнях. Одним из ранних примеров этимологического вмешательства стали случаи определений *figura* (фигуры)³¹ и различием между “simplex” («про-

стоимении» (P. 541, 4 – 542, 18); «О глаголе» (P. 542, 20 – 545, 36); «О причастии» (P. 545, 38 – 546, 15); «О наречии» (P. 546, 17 – 546, 26); «О предлогах» (P. 546, 28 – 547, 2). Раздел, посвященный именам, составляет большую часть работы. В нем дано описание системы латинского склонения имен (P. 533, 2-11 – 535, 44), образования их степеней сравнения (P. 535, 45 – 536, 28), говорится о сходстве падежных окончаний у имен среднего рода во множественном числе (P. 536, 29-32), об именах равносложных и неравносложных (P. 536, 33-40), о фонетических изменениях, имеющих место при склонении (P. 536, 41 – 537, 2; 537, 29 – 537, 38) и т.д. Местоимения подразделяются на группы, в частности, на “ *finita* ” («определенные»), “ *infinita* ” («неопределенные») и “ *minus quam finita* ” («не вполне определенные» – P. 541, 4). Приводятся сведения об изменении окончаний местоимений по родам и числам (напр., для местоимения *is, ea, id* – P. 542, 2-6). В разделе «О глаголах» вначале даются общие сведения (P. 542, 23-27); затем описываются глаголы первого (P. 543, 18-27) и второго спряжений (P. 543, 27-34), а также третьего, с краткой или долгой гласной на конце основы (P. 543, 34 – 544, 6) и т.д. Аутентичная работа Реммия Палемона сохранилась лишь в разрозненных фрагментах. См.: *Remm. Pal. Frg.* // PHI 5. Подробнее о реконструкции грамматической системы Реммия Палемона см.: *Оленич.* 1964. С. 5-18. Также см.: *Савельева.* 1988. С. 211-223.

²⁹ См. *Char. Ars gramm.* II, 7 // GL. I. P. 157, 24-25: “...pars orationis quae posita pro nomine minus quidem, paene idem tamen significat”.

³⁰ Пер. И.М. Тронского (см.: *Ант. теории...* С. 141). Ср.: *Dion. Thrax. Ars gramm.* 17: «Местоимение есть слово, употребляемое вместо имени, показывающее определенные лица» (Пер. А.И. Доватура. Цит. по: *Ант. теории...* С. 141); *Apol. Dysc.* De pron. 9: «Местоимение... – слово, ставящееся вместо имени, указывающее на определенные лица, разнящееся по падежам и числам тогда, когда оно не выражает своим звуком рода» (Пер. А.И. Доватура. Цит. по: *Ант. теории...* С. 141). Ср. *Don. Ars gramm.* // GL IV. P. 379, 23-25 (Ср. P. 357, 1-3): «Местоимение есть часть речи, которая, будучи поставлена вместо имени, означает почти столько же и иногда принимает лица» (Пер. И.М. Тронского). См. также: *Serv. Comm. (De pronomine)* // PHI 5. P. 409, 35-36 (см. также *ниже*, примеч. 43); *Prisc. Inst. gramm.* XII, 1 (De pronomine) // GL II. P. 577): «Местоимение есть часть речи, которая берется вместо собственного имени каждого (предмета) и принимает определенные лица» (Пер. П.В. Эрнштедта. Цит. по: *Ант. теории...* С. 141). См. также: *Barwick.* 1922; *Robins.* 1957; *Holtz.* 1981. P. 125-216.

³¹ Или «образ» (*σχήμα*, *figura*). Имеется в виду возможность составления слов или словообразования. Мы оставляем многозначный латинский термин “*figura*” без

стыми») и “composita” («составными») именами, встречающимися уже у Платона³². Донат в разделе об имени (nomen) в “Ars grammatica” дает типичное определение для двух figurae nominum³³:

У имен есть две фигуры – «простая» и «составная»; «простая», как doctus [и] potens; «составная», как indoctus [и] impotens. Составляются же имена четырьмя способами: из двух полных [форм], как suburbanus; из двух неполных [форм], как efficax [и] municeps; из полной [формы] и неполной, как ineptus [и] insulsus; из неполной и полной [форм], как pennipotens [и] nigegerulus. Также они составляются из многих [форм], как inexpugnabilis [и] inperterritus³⁴.

В этом определении, категории и примеры которого позднее повторяются практически во всех имперских технических грамматиках³⁵, подразумеваются различия при словообразовании имен. Термин “compositio” (обозначающий составленное или составное слово) указывает на сочетание в одной лексической единице двух или более морфем (в специальной латинской терминологии – “voces articulatae”), которые могут или не могут иметь самостоятельные значения по отдельности (например, sub+urbanus, penni+potens). Термин “derivatio” (производное слово) указывает на род вторичных форм,

перевода. В отечественной историографии этот термин употребляется, прежде всего, по отношению к фигурам речи и мысли.

³² Здесь имеются в виду отрывки из платоновского диалога «Кратил», по которым можно судить о его «теории» разделения имен на «простые» и «составные». В частности, говорится об именах, выступающих в качестве первоначал, из которых состоят другие имена и слова. См. Платон. Кратил 422ab: «Например... имя ἀγαθόν (“добро”) состоит из ἀγαστόν (“достойного удивления”) и θοόν (“быстрого”); ...θοόν (“быстрое”) состоит из других слов, те же – из третьих. Но если мы возьмем слово, которое не состоит ни из каких других слов, то мы вправе будем сказать, что подошли здесь к простейшей частице, которую уже не следует возводить к другим именам» (Пер. Т.В. Васильевой). Ср. также: *Ibidem*. 399c; 402e; 408b; 409; 411de; *Dion. Thrax*. Ars gramm. 13: «...фигур три – простая, составная, образованная от составной. Простая, например, φρονῶ (“мыслю”); составная, например, καταφρονῶ (“замышляю”); образованная из составной, например, ἀντιγωνίζω (“антигонствую”), φιλιππίζω (“филиппствую”))» (Пер. А.И. Доватура, с изменениями). См. также: *Quint. Inst. or.* I, 5, 65 // РН 5; *Varro*. De ling. lat. V, 12-13 // РН 5. Также см.: *Лизани*. 2009. С. 14-15; *Тронский*. 1996. С. 9-32.

³³ См. *Don. Ars gramm.* // *GL IV*. P. 377, 3-8: “Figurae nominibus accidunt duae, simplex et composita: simplex, ut doctus potens, composita, ut indoctus impotens. componuntur autem nomina modis quattuor: ex duobus integris, ut suburbanus; ex duobus corruptis, ut efficax municeps; ex integro et corrupto, ut ineptus insulsus; ex corrupto et integro, ut pennipotens nigegerulus. componuntur etiam de conpluribus, ut inexpugnabilis inperterritus”. Ср. *Там же*. P. 355, 21-25.

³⁴ Наш перевод см. также: *Донат*. Наука грамматики (С. 320-321).

³⁵ См., напр., у Сервия (*Serv. Comm.* // РН 5. P. 408, 20-22).

полученных от коренной (или от основной) формы (как *mons > montanus*)³⁶ при помощи аффиксов³⁷ (или без них), ограничивающих или уточняющих вещественное значение основы.

В текстах Доната, Харисия, Диомеда и многих других позднеримских грамматистов “*compositio*” и “*derivatio*” – частные понятия, используемые для определения словесных форм; они не развертываются в дискурсивные стратегии при создании грамматических текстов. Например, Харисий использует термин “*derivatio*” для объяснения отношения между первичными и производными формами слов (например, *mons > montanus*), а также для имен, производных от глаголов (как *lego > lectio*, *rapiō > raptor*)³⁸. Диомед иногда использует этимологические дефиниции и объяснения. Так, он отмечает предшествующие греческие названия для литературных жанров: “...*satira autem dicta sive a Satyris*”³⁹; “...*comoedia dicta apo ton komon*”⁴⁰. Таким образом, в то время как Донат придерживается нормативного дискурса, оба его современника – Харисий и Диомед – открыто утверждают, что описывают грамматическую

³⁶ Эти две пояснительные стратегии встречались и ранее: в этимологическом разделе платоновского диалога «Кратил» (образование сложных слов) – см. *выше*, примеч. 32) – и в “*De lingua latina*” (VIII, 5 и 21-22) Варрона при описании *declinatio*. См. *Varro. De ling. lat.* [5]: «...есть два начала слов – установление и склонение; одно как источник, другое как ручей. Устанавливаемых имен желательно было иметь как можно меньше, чтобы можно было скорее их заучить; склоненных – как можно больше, чтобы каждому легче было высказать то, что нужно в обиходе» (Пер. Я.М. Боровского); *Ibidem* [21-22]: «...скажем ... [о том], каким образом [склонение] происходит. Есть два рода склонения – произвольное и естественное. Произвольное – это такое, когда каждый склоняет, как ему вздумалось. Так, например, если три человека купили в Эфесе по одному рабу, то бывает, что один склоняет имя от того, кто продал, от Артемидора, и называет Артемой; другой – от страны, где купил, от Ионии – Ионом; третий по Эфесу – Эфесием; а иной от другой какой-нибудь вещи, как захочет... естественным склонением я называю такое, которое возникает не от воли отдельных людей, а от общего согласия. Таким образом, все, установив имена, одинаково склоняют их падежи и одинаково говорят: этого Артему, этого Иона, этого Эфесия; так же и в других падежах» (Пер. Я.М. Боровского). См. также *Аруст.* Поэтика 21 (1457а 35): «Имя бывает двух видов: простое и сложное. Простым я называю то, которое состоит из частей незначащих, например “земля”; сложное же состоит или из части значащей и незначащей (то есть имеющей и не имеющей [самостоятельного] значения вне данного слова), или из [нескольких] значащих [частей]: частей таких может быть и три, и четыре, и более, как во многих величавых словах, [например] “Гермокаиноксанф”» (Пер. М.Л. Гаспарова).

³⁷ «Аффикс» – часть слова, имеющая формальное значение, т.е. вносящая то или другое частичное изменение в значение основы. Аффиксы делятся на суффиксы, префиксы, и инфиксы.

³⁸ *Char. Ars gramm.* II, 6 (*De nomine*) // GL I. P. 154-155.

³⁹ *Diom. Ars gramm.* III (*De poematibus*) // GL I. P. 485, 34.

⁴⁰ *Ibidem.* P. 488, 5.

систему с целью исправления современного им латинского языка (*recte loquendi* или *recte scribendi*) и поддержания *latinitas*.

Авторитетность донатовой “*Ars grammatica*” зависела от последующих комментаторов, которые произвели ее автора в ранг отцов латинской грамматики. Одним из наиболее ранних комментаторов Доната был Помпей, африканец по происхождению. Его работа показывает, что технический дискурс имперской грамматики воспроизводился далеко за пределами римского интеллектуального круга. Писатели подобные Присциану (Константинополь) создавали грамматический дискурс с целью восстановления нормативного римского языка, пришедшего в упадок вследствие прихода в Италию и Испанию варваров.

Для полноты картины следует рассмотреть особенности подходов римских грамматистов IV–VI веков (от Доната до Присциана), в сочинениях которых этимологизирование находило разнообразные применения. В этом исследовании речь пойдет о Сервии (fl. 400) и его методах разъяснения донатовой «Науки грамматики».

В счастье грамматика нет, и вовек никогда не бывало:
Коль он грамматик – конец: счастья ему не видать.
Если ж судьбе вопреки и найдется какой-то счастливец, –
Он исключенье из всех правил науки своей.

*Авсоний. Эпиграммы*⁴¹.

Сервий. Работа Сервия⁴² (fl. 400), составившего комментарий на донатов текст⁴³, позволяет понять особенности технического дискурса

⁴¹ Пер. Ю. Ф. Шульца (С. 221).

⁴² В «Сатурналиях» Макробий называет Сервия «знатоком этимологии» (см. *Macrob. Saturn.* VI, 9, 3), обращаясь к нему как к комментатору «Энеиды». Это же определение применимо к Сервию и как к комментатору текстов Доната – об этом см.: *Amsler*. 1989. P. 63.

⁴³ См. *Serv. Comm.* // GL IV. P. 405–448. В начале работы Сервий, объяснив значение слова “*ars*” (P. 405, 2–3) [см. *ниже*, С. 121–122], показывает происхождение названия каждой из восьми частей речи (напр., причастие называется так потому, что причастно и к имени, и к глаголу, и к обоем вместе [P. 406, 2–3: “...participium vocatur... quasi participium”]). Далее Сервий излагает по порядку свойства каждой части речи, следуя “*Ars grammatica*” (II) Доната. Затем, он переходит к разделам: “*De littera*” (P. 421, 2 – 423, 9), “*De syllaba*” (P. 423, 11 – 425, 4), “*De pedibus*” (P. 425, 6 – 426, 5), “*De accentibus*” (P. 426, 7 – 427, 35), “*De posituris*” (P. 427, 37 – 428, 6), т. е. к тем, с которых Донат начинает свой главный труд. Но далее Сервий вновь возвращается к частям речи, озаглавив разделы точно так же как и ранее, описывая частные свойства и характеристики каждой из них по отдельности. Например, в разделе “*De nomine*” (P. 429, 2 – 435, 23) он указывает, что собственное имя состоит из четырех частей (*praenomen*, *nomen*, *cognomen*, *agnomen* [P. 429, 2–3]), а нарицательные имена бывают 27 видов (P. 429, 15), среди которых телесные и нетелесные, различные дериваты, включая греческие, синонимы, числительные, имена, образованные

имперской грамматики. Можно допустить, что в школьных классах времен Поздней империи грамматист читал раздел из авторитетной грамматики (часто донатовой), затем комментировал его, добавляя глоссы. При этом он мог изменять порядок изложения, приводить большее количество примеров, расчленять оригинальный текст, приспособивая его к конкретной педагогической программе⁴⁴. Следуя глоссографической процедуре разбивки текста на отдельные слова и единичные фразы, Сервий «вмешивается» уже в самое первое слово из “Ars grammatica” (“Ars maior”) Доната:

“Ars” так названо или от греческого ἀπὸ τῆς ἀρετῆς, то есть от добродетели, что греки называли знанием каждой и всякой вещи; или же “ars” называется [так] потому, что его предписаниями все вокруг ограничивается, то есть [становится] сжатым и кратким⁴⁵.

от глаголов и пр. (P. 429, 15 – 435, 23), сопровождая каждый вид примерами [Ср. *Donat. Ars gramm.* // GL IV. P. 372-379]. Второй раздел о местоимении Сервий начинает с упоминания Проба [см. GL IV. P. 131], который, по его мнению, не столь удачно разделил местоимения на четыре части: “finita” («определенные»), “infinita” («неопределенные»), “minus quam finita” («не вполне определенные»), possessiva (притяжательные) (P. 435, 26-27), указывая, что Донат, следуя Пробу, делит все местоимения иначе – на “finita” и “infinita” (P. 435, 28-29). В разделе “De verbo” (P. 436, 36 – 438, 5) Сервий пишет о временных формах (Perfectum и Praesens), указывая на окончания первого лица единственного числа. Далее, соответственно, следуют разделы “De adverbio” (P. 438, 7 – 440, 15), “De participio” (P. 440, 17 – 441, 27), “De coniunctione” (P. 441, 29 – 441, 33), “De praepositione” (P. 441, 35 – 443, 16), “De interiectione” (P. 443, 19 – 443, 27). Разделы “De barbarismo” (P. 443, 29 – 445, 34), “De soloecismo” (P. 445, 36-44), также как и у Доната в его “Ars grammatica”, являются заключительными. Однако, Сервий добавляет еще одну секцию, отсутствующую у Доната, озаглавленную “De soloecismo generibus” (P. 446, 19 – 448, 17). На протяжении всего «Комментария» Сервий лишь дважды точно цитирует определения Доната о *nomem* и *verbum* в начале соответствующих разделов (P. 406, 22 и 411, 14) и, несмотря на повсеместную полемику, восемь раз (при столь объемном изложении) упоминает авторитетное имя грамматиста (P. 405, 10; 408, 37; 419, 25; 431, 14; 435, 27; 439, 4; 441, 25; 446, 20). Очевидно, что сервиев «Комментарий» не вполне является комментарием в собственном значении этого слова. Его текст больше похож на изложение (возможно, местами компилятивное), включающее в себя аналогичные, схожие с Донатом по тематике, грамматические секции (напр., заимствованные у Проба). Эти вставки можно рассматривать и как разъясняющие первоначальный текст Доната, и как дополняющие его.

⁴⁴ См.: *Bonner*. 1977. P. 163-249; *Riché*. 1976. P. 21-39; *Holtz*. 1981. P. 94-95; 99-102; *Amsler*. 1989. P. 62-66.

⁴⁵ См.: *Serv. Comm.* // GL IV. P. 405, 1-3: “Ars dicta est vel ἀπὸ τῆς ἀρετῆς, *id est* a virtute, quam Graeci unius cuiusque rei scientiam vocant; vel certe ideo ars *dicitur, quod* artis praecipis cuncta concludat, id est angustis et brevibus”. Cp. *Cass. De art. Praef.* (559) // PL 70. 1151C: “Ars vero dicta est, quod nos suis regulis arctet atque constringat. Alii dicunt a Graecis hoc tractum esse vocabulum, ἀπὸ τῆς ἀρετῆς, id est a virtute doctrinae, quam disert

В первом объяснении латинская лексема “ars” позиционируется как перевод (*id est*) греческого слова ἀρετή («добродетель»). Это не только однозначно указывает на то, что источником грамматического знания считались греческие тексты, но и подчеркивает преэминентность латинского языка по отношению к греческому (такая комментаторская процедура впоследствии была принята и Присцианом). Второе объяснение фокусируется на этимологическом истолковании слова “ars”, обосновываемом фонетическими ассоциациями с глаголом “ar(c)to” («суживать, ограничивать»)⁴⁶.

Этимологические вмешательства Сервия в текст часто строятся по формулам: “*X dicitur quod*” («“нечто” говорится, поскольку...») ⁴⁷ или “*X dictum est quia*”⁴⁸. В его техническом дискурсе такая формула разворачивается в двух планах – вербальном и экстравербальном. Например, используя формулу с “quod”, Сервий вставляет в комментируемый текст Доната стоическое толкование процесса произнесения слова⁴⁹:

...произнесение слова состоит в том, что эта часть речи производится благодаря вибрации воздуха в результате движения языка.

virī uniuscujusque bonae rei scientiam vocant” – «Ars (искусство) называется так потому, что оно ограничивает и связывает нас своими правилами. Другие полагают, что это слово взято из греческого выражения ἀπὸ τῆς ἀρετῆς, что означает “от доблести”, [этот] эпитет применялся красноречивыми людьми к искусству в любом деле» (Пер. П.С. Карамитти [Бродской] с изменениями). Ср. *Isid. Etym.* I, 1, 2; V, 2 // PL 82.

⁴⁶ См. *Amsler*. 1989. P. 63-64.

⁴⁷ Напр., см.: *Serv. Comm.* // GL IV. P. 405, 3-4; P. 410, 26; P. 417, 18; P. 418, 11. Отметим, что формула “*X dicitur quod*” («“нечто” говорится, поскольку...»; «“нечто” говорится потому, что») также встречается в грамматическом дискурсе Варрона при экзегетическом объяснении. См.: *Varro. De ling. lat.* V, 73, 5 // PHI 5: “*Honos ab [honesto] onere: itaque honestum dicitur quod oneratum*” – «[Слово] ‘honus’ (честь) происходит от ‘onus’ (бремени [почестей]): и тогда ‘honestum’ (‘почтенный’) говорят также о том, кто ‘oneratum’ (чрезмерно обременен [ими])»; *Ibidem* V, 168, 3: “*Duplicata scansio gradus dicitur, quod gerit in inferiora superiorem*” – «Двойной шаг называется ‘gradus’ (‘ходом’), потому что некто gerit (‘восходит’) на более высокую ступень с нижней»; *Ibidem* VII, 92, 2: “*ferme dicitur, quod nunc fere*” – «‘ferme’ (‘почти’ [рядом]) говорится потому, что ‘fere’ (‘приблизительно, неподалеку’)».

⁴⁸ Е.г. см. *Serv. Comm.* // GL IV. P. 438, 7; P. 406, 1; P. 409, 35.

⁴⁹ См.: *Serv. Comm.*: “...verbum dictum est eo, quod verberato aere motu linguae haec pars orationis inventa sit” // GL IV. P. 405, 14. Заметим, что «вставка» Сервия не имеет отношения к исходному тексту Доната. Ср.: *Donat. Ars gramm.* // GL IV 4. P. 367, 5: “...vox est aer ictus sensibilis auditu, quantum in ipso est. omnis vox aut articulata est aut confusa. articulata est quae litteris comprehendi potest, confusa quae scribi non potest” – «Звук есть толчок воздуха, воспринимаемый [нашим] слухом, [с той силой], которая заложена в нем самом. Всякий звук может быть или ясным, или неясным. Ясный – [тот], который можно воспроизвести буквами, неясный – [тот], который нельзя написать».

Такое объяснение⁵⁰ является типично сервиевым. Оно расширяет область тем и знания, имевших место в исходном тексте Доната. Кроме того, этимологические вмешательства Сервия дают представление об области компетенции самого грамматиста. Сюда входит не только грамматика, но и история, и мифография, и экзегеза⁵¹.

Первоначально этимология функционировала как практика дефиниций; авторитет значимости слова зависел от того, где это слово было сказано и откуда оно произошло. Затем дефиниции превратились в этимологические объяснения, которые в свою очередь расширили традиционное ядро технического грамматического дискурса. Например, имя позиционируется Сервием как основная часть речи, от которого происходит (*procreatur*) каждая другая часть речи⁵². Давая определение имени, Сервий вначале цитирует Доната⁵³, но далее он вмешивается в исходный текст, разъясняет и комментирует его. В этом отношении весьма показателен следующий ниже фрагмент⁵⁴:

У всех частей речи должны быть такие определения, которые бы отделяли их от других частей [речи], а у самой части [речи], которую они определяют, устанавливали бы какое-то свойство. Следовательно, когда [Донат] сказал, что «имя есть часть речи», он отделил его от каких бы ни то ни было неясных и запутанных высказываний. Сказав «с падежом», он отделил [имя] от глаголов, наречий, предлогов, частиц. Сказав, что оно «обозначает тело или предмет», [он указал на] то, [что] у него есть свойство. [Другие] грамматисты определяют телесное имя или нетелесное так: телесное то, которое кто-то видит [и к которому можно] прикоснуться, как *lapis* (камень); нетелесное то, которое никто не видит [и к которо-

⁵⁰ Это объяснение процитировал Квинтилиан как пример фантастического девиата. См.: *Quint. Inst. or.* I, 6, 34-35 // PHI 5: "...et 'uerba' ab aëre uerberato?" Кассиодор употребляет подобную фразу. См.: *Cass. Inst.* // GL VII. P. 215, 4-5 (PL 70. 1152D): "Vox articulata est aer percussus, sensibilis auditu, quantum in ipso est" («...произнесенный звук есть сотрясение воздуха, осязаемое [нашим] слухом, соответственно силе [сотрясения], заложенной в нем самом»).

⁵¹ Мифографическая (или экзегетическая) этимология может быть отнесена к исторической части грамматики (см. *выше*, примеч. 8). Она охватывает внесистемные или отдельные экстравербальные основы, такие как естественные, нравственные, божественные для упорядочивания их интерпретаций и грамматических объяснений и проведения связи между языком и реальностью, словесными или внесловесными объяснительными критериями (умозрительные концепции; реальное существование – абстрактное существование).

⁵² См. *Serv. Comm.* // GL IV. P. 406, 10-11: "...rite enim nomen primum ponitur, quod ex ipso omnium rerum notitia procreatur".

⁵³ См.: *Donat. Ars gramm.* II, 2: "...nomen est pars orationis cum casu corpus aut rem proprie communiterve significans" (наш перевод см.: *Донат. Наука грамматики.* С. 314. Ср.: *Serv. Comm.* // GL IV. P. 406, 22.

⁵⁴ Оригинальный текст см.: *Serv. Comm.* // GL IV. P. 406, 22 – 409, 33.

му] нельзя прикоснуться, как *pietas* (почтительность). Также он говорит [и] о другом свойстве [имени], [сказав], «что [имя] имеет значение или собственное, или нарицательное». Ибо собственное [имя то], которое есть у одного [человека], как *Nestor* (Гектор), нарицательное [то], которое обозначает многих [людей], как *homo* (человек). Мы должны знать, что есть многие нарицательные имена, которые произошли от собственных [имен], как *felix* (счастливый), которые в общем смысле легко распознаются. Также мы должны знать, что всегда, когда собственное имя есть у одного [человека], оно, таким образом, принимает только единственное число. Ведь то, что одно, не может принять окончания во множественном числе. В отношении того, что собственные имена склоняются во множественном числе, следует знать, что множественное число образуется не от одного имени, но происходит от множества имен. Ведь и Вергилий говорил о «Мариях» и «Камиллах», тем самым, обозначая многих [людей]. Наричательное же имя [то], когда оно есть у многих; однако оно принимает и единственное число. Ведь одно имеет отношение ко многим.

Степеней сравнения [у имен] – три: положительная, как *doctus*, сравнительная, как *doctior*, превосходная, как *doctissimus*. Многие [грамматики] не одобряют [мнения], что *doctiorem* есть сравнительная [степень], говоря, что [здесь] нет никакого сравнения, поскольку мы говорим *doctior*, так как оно не сравнивается, а стоит впереди. Но они ошибаются: ибо у всех сравнение подходит к тому, что стоит впереди. Ведь [сказано] о тех [именах], которые, скорее подобные, чем сравнимые. Положительная же [степень] принимает все рода: мужской, как *hic doctus*, женский, как *haec docta*, средний, как *hoc doctum*, общий, как *docilis*, всеобщий, как *amans*. Сравнительная же степень принимает только два рода: общий, как *doctior*, средний, как *doctius*; превосходная [степень] – только три [рода]: мужской, как *doctissimus*, женский, как *doctissima*, средний, как *doctissimum*. Кроме того, не все [имена] принимают сравнение, а те, которые являются качественными и количественными. Качество же и количество говорится или применительно к духовному, как *doctus*, или телесному, как *candidus*, *niger*, или по отношению к судьбе, как *miser*, или свойству, как *longus*. Следует понять, можно ли сказать *Latinior* если употребить его ради красноречия, как *sit Latinior*, по образу *disertior*; когда же оно обозначает людей, то его нельзя употреблять для сравнения. Ведь мы не можем сказать *Latinior*, подобно тому как [не можем сказать] *Graecior*. Сравнительная степень присоединяется тремя падежами: аблативом, седьмым [зд. Abl. без предлога. — М.П.] и номинативом с частицей *quam*. Например, аблатив как *doctior ab illo*, седьмой падеж, как *doctior illo*, номинатив, как *doctior hic quam ille* (ученец этот, чем тот). Но чаще мы пользуемся седьмым [падежом], аблативом почти никогда не [пользуемся]. Превосходная же степень принимает только генетив множественного числа, как *doctissimus illorum*. Иногда она связана и с единственным числом, поскольку бывает, что имя стоит в предложении в единственном числе, [но] понимается оно во множественном, как “*o Danaum fortissime gentis Tydide*” [*Verg. Aen. I. 96*]. Надлежит свято сохранить то, что и после сказано, что мы присоединяем сравнительную степень и к своему, и к чужому роду, превосходную же только к своему.

Ведь мы говорим *velocior homo hominibus* ([этот] человек быстрее [других] людей) и *velocior homo canibus* ([этот] человек быстрее собак), поскольку есть сравнительная степень; превосходную же степень мы только к своему роду приставляем, как *velocissimus homo hominum* (наибыстрейший человек из [других] людей). Ведь никто не скажет *velocissimus homo equorum* (наибыстрейший человек из коней).

Роды⁵⁵ называются так от того, что рождают, а потому существуют только два основных рода – мужской и женский. Последние определяются только полом. Роды бывают или от природы, или основаны на установившемся обычае: от природы, как *vir* (муж), *mulier* (женщина), основаны на установившемся обычае, как *hic paries* (эта стена), *haec fenestra* (это окно). В этих последних мы не усматриваем природного пола, но следуем за тем, который закреплен установившемся обычаем. Остальные же роды происходят от выше [названных], как средний, который не мужской и не женский; общий, который и мужской и женский; всяческий, который все вышеназванные рода содержит [в себе], эпицен, который не содержит в себе различий пола. Ибо разница между общим и эпиценом в том, что общий [имеет место там], где мы различаем пол зрением, как *canis* (пес); эпицен же, напротив, там, где мы зрением не различаем пола, как *pisces* (рыба). Между эпиценом и общим родом разница в том, что, в общем, мы различаем пол с помощью артикля, как *hic canis* (этот пес = кабель) или *haec canis* (эта собака = сука); в эпицене же употребляется только один артикль, но мы подразумеваем оба пола, как *haec aquila* (орел). Мы же употребляем тот артикль, который дан установившимся обычаем. Ибо поскольку в эпицене мы не можем определить пол по природе, мы должны [сделать это] согласно установленному обычаю.

В разделе о фигурах имен (*figurae nominum*) Сервий определяет «простые» (“*simplex*”) имена как естественные, возникшие по своей природе (*naturalis*), и «составные» (“*compositio*”) как произведенные искусственно (*ex arte fit*)⁵⁶:

Фигура [у имен] бывает или простая, или составная: простая [та], которая, будучи естественной, содержит одну часть, как *doctus*; составная же [та], которая создана искусственно и имеет две части, как *indoctus*.

После повторения всех четырех способов составления слов (*compositio*) из текста Доната и изложения всех прочих частей речи, Сервий расширяет свой «Комментарий», включая в него этимологические описания букв (*littera*) – включая легенду об изобретении латинского письма⁵⁷, – слогов (*syllaba*), стихотворных размеров (*pes*), ударе-

⁵⁵ Отрывок о роде имен приводится в пер. И. М. Тронского, с изменениями (см.: Ант. теории... С. 126-127).

⁵⁶ *Serv. Comm. // GL IV. P. 408, 20-21*: “*Figura aut simplex est aut composita: simplex, quae unam rem continet atque naturalis est, ut doctus; composita vero, quae ex arte fit et duas res habet, ut indoctus*”.

⁵⁷ *Ibid. P. 421, 2*: “*Litteras Latinas constat Carmentem invenisse, matrem Eundri*” – «Известно, что латинское письмо было изобретено Карментой, матерью Эвандра».

ний (accentus) и пунктуации (positura)⁵⁸; указывает на греческое происхождение отдельных терминов (например, syllaba, accentus, positura⁵⁹) и приводит примеры из текстов, содержащих мифологические сюжеты⁶⁰.

В тексте Сервия этимологический метаязык⁶¹ и «формула» (*X dicitur quod / X dictum est quia*) передают повествование Карменты и подразумеваемые этимологии для partes, например, для pronomen (...quia ponitur pro nomine...) ⁶² или для причастия (...participium vocatur... quasi participium...) ⁶³. Дискурс технической грамматики включает в себя не только аналитический метаязык и стратегию, как запланированный ряд действий, подходов и методов при объяснении слова, но также и нарративную стратегию для обнаружения его дополнительных значений. Сервиево этимологическое объяснение слова часто подчеркивает многообразие его лингвистического значения. Согласно Сервию, если этимологии исследуют правильное значение слов и если существует более чем одна этимология для слова, тогда у такого слова может быть более одного правильного значения, или более одного правильного обоснования. Например, Сервий дает две этимологии для littera, используя формулу с “quod”⁶⁴:

⁵⁸ См. ниже, примеч. 59.

⁵⁹ См.: Serv. Comm. // GL IV. P. 423, 11-12: “Syllaba dicta est ex Graeco vocabulo, ἀπὸ τοῦ συλλαμβάνειν τὰ γράμματα, id est a conceptione litterarum” («Слог получил свое название от греческого слова ἀπὸ τοῦ συλλαμβάνειν τὰ γράμματα, что означает соединение букв»); Ibidem. P. 426, 7-8: “Accentus dictus est quasi adcantus secundum Graecos, qui προσῶδιον vocant. nam apud Graecos πρὸς dicitur ad, cantus vero ῥῶδή vocatur” – «‘Accentus’ (ударение, акцент) названо так из-за подражания грекам при пении, что называется προσῶδιον (просодией); ибо у греков πρὸς обозначается как ‘ad’, ‘cantus’ же произносится как ῥῶδή»); Ibid. P. 427, 37-38: “Tres sunt positurae vel distinctiones quas θέσεις Graeci vocant, distinctio, subdistinctio, media” – «Есть три [вида] пунктуации или разделений [предложений], что греки называют θέσεις, – разделение, подразделение, среднее [разделение]». Подробнее см.: Habinek. 1985. P. 83; 60.

⁶⁰ В пример можно привести строки из «Энеиды» Вергилия. См. Serv. Comm. (De syllaba) // GL IV. P. 424, 12-13: “...vasto Cyclopi in antro” (Aen. III, 617) – «...в пещере огромной Циклопа» [зд. и далее строки из «Энеиды» приводятся в переводе С. Ошерова]; Ibidem. P. 424, 13: “...vastosque ab rupe Cyclopias (Aen. III, 646) – «...со скал циклопов огромных»; Ibidem. P. 424, 23: “...nam tibi, Thymbre, caput Euandrius abstulit ensis” (Aen. X, 394) – «...голову, Тимбер, тебе мечом Эвандра отсек он».

⁶¹ Имеется в виду язык «второго порядка», по отношению к которому латинский язык классического периода выступает в роли предмета языковедческого изучения.

⁶² См.: Ibidem. 4, 409, 37-36: “Pronomen dictum est, quia ponitur pro nomine, ut si quis dicat ‘Vergilius scripsit bucolica, ipse scripsit georgica’” – «**Местоимение** называется так потому, что ставится **вместо имени**, как если бы кто-то сказал: “Вергилий написал *Буколики*, он же написал *Георгики*”».

⁶³ См. выше, примеч. 43.

⁶⁴ См.: Serv. Comm. // GL IV. P. 421, 3-4: “...quae ideo dictae sunt litterae, quod legentibus iter praebeant, vel quod in legendo iterentur, quasi legiterae”.

...буквы так названы потому, что они показывают читателям *путь*, или потому, что при чтении по ним надлежит пройти, будто по тропе [leg+iter])⁶⁵.

Грамматист являлся распространителем греческой учёности, само его знание указывало на интеллектуальную непрерывность между Грецией и Римом. Прямая ссылка Сервия на “*Graeca etymologia*” при описании солецизмов показывает, как римская техническая грамматика часто воспроизводила греческие критерии при разделении между приемлемым и неправильным использованием языка⁶⁶:

Солецизм назван так согласно греческой этимологии, поскольку *σφόν λόγου αἰκισμός* обозначает изъян в правильной речи, или потому, что прибывшие в Афины косоязыкие *Σφλοῖκοι* (солонцы) так передали свое название.

В целом, различные этимологические объяснения донатовой “*Ars grammatica*” демонстрируют, каким образом Сервий при жизни самого Доната или несколько позже переписывал, интерпретировал и дополнял его текст в парадигме усиливавшейся практики этимологизирования.

После того как учебники Доната были приняты за базовые в преподавании грамматики, в педагогике появился новый стиль, заключающийся в вопросно-ответной форме обучения⁶⁷. При этом изменялась композиция исходного текста Доната, как если бы текст был неясным и нуждающимся в объяснении. В рамках этимологического дискурса он разделялся на отдельные части, слова и выражения. Комментирование Сервием грамматического изложения Доната также показывает, что в технические грамматики Поздней империи, по крайней мере, имеющие северо-африканское происхождение, могли включаться исторические и мифологические описания. В итоге, сервиев текст совместил две стратегии – аналитическую техническую и нарративную экзегетическую.

Схожие этимологические вмешательства в тексты Доната в той или иной степени продолжались на протяжении всего V столетия в комментариях других грамматистов – Сергия, Кледония (Константинополь), Помпея (Африка) и Консентия. Географическое многообразие «Комментариев» на донатовы тексты свидетельствует о широком распространении его сочинений уже после появления текста Сервия⁶⁸.

⁶⁵ Ср.: *Donat. Ars gramm.* // GL IV. P. 367, 9-10.

⁶⁶ *Serv. Comm.* // GL IV. P. 445, 36 – 446, 1: “Soloecismus dictus est vel ex Graeca etymologia, quasi *σφόν λόγου αἰκισμός*, id est sani sermonis vitium, aut certe ideo, quod *Σφλοῖκοι* venientes Athenas et male loquentes nomen ex se vitio dederunt”. Также см. *выше*, примеч. 23.

⁶⁷ *Holtz.* 1981. P. 235-237.

⁶⁸ См.: *Holtz.* 1971. P. 48-83; *Idem.* 1981. P. 224, где обращено внимание на сложное сплетение повторений, упоминаний и ссылок, которые содержатся в этих

В свою очередь, обсуждались и новые «Комментарии». С одной стороны, такие обсуждения повторяли “Ars grammatica” Доната, с другой стороны, – по типу дискурса они были подобны тексту Сервия. Таким образом, можно констатировать, что в IV и V веках в сфере технической грамматики существовало два авторитетных текста – Доната и Сервия (добавившего этимологию). При этом авторитетность текстов Доната накладывалась на авторитет их комментатора Сервия.

ПРИНЯТЫЕ СОКРАЩЕНИЯ

ЭЛЕКТРОННЫЕ БАЗЫ ДАННЫХ

- BTL – Bibliotheca Teubneriana Latina (2002).
 PHI 5 – Packard Humanities Institute (version 5) (1991).
 PL – Patrologia Latina (1993–1995).
 TLG – Thesaurus Linguae Graecae (1999).

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ СОКРАЩЕНИЯ

- GL – Grammatici Latini / Ed. Heinrich Keil. Vols. 1–7. 1857–1880 (reprint. Hildesheim: Georg Olms, 1961).
 GL Suppl. – Grammatici Latini / Coll. ed. Hermann Hagen. Vol. 8 (Suppl.): Anecdota Helvetica quae ad grammaticam Latinam spectant, ex bibliothecis Turicensi, Einsidlensi, Bernensi. Leipzig, 1870 (reprint. 1961).
 SVF – Stoicorum veterum fragmenta / Ed. J. von Arnim. Leipzig: Teubner, 1903 (Reprint. Stuttgart: 1968).
 ФРС – Фрагменты ранних стоиков. / Пер. А.А. Столярова. М.: ГЛК, 1999–2002.

СОКРАЩЕНИЯ ОРИГИНАЛЬНЫХ ТЕКСТОВ

- Apol. Dysc.* De pron. – *Apollonius Dyscolus*. De pronomibus // TLG.
Cass. De art. – *Cassiodorus*. De artibus ac disciplinis liberalium litterarum // PL 70.
Cass. Inst. – *Cassiodorus*. Institutio de arte grammatica // GL VII.
Char. Ars gramm. – *Charisius*. Ars grammatica // GL I.
Chrys. Frg. – *Chrysippus Phil.* Fragmenta logica et physica // SVF.
Dion. Thrax. Ars gramm. – *Dionysius Thrax*. Ars grammatica // TLG.
Diom. Ars gramm. – *Diomedes*. Ars grammatica // GL I.
Donat. Ars gramm. – *Donatus*. Ars grammatica [Ars minor; Ars maior] // GL IV.
Isid. Etym. – *Isidorus*. Etymologiae // PL 82.
Macrob. Saturn. – *Macrobius*. Saturnalia // BTL.
Prisc. Inst. gram. – *Priscianus*. Institutionum grammaticarum // GL II.
Rem. Pal. Frg. – *Remmius Palaemon*. Fragmenta artis grammaticae // PHI 5.
Serv. Comm. // GL – *Servius*. Commentarius in Artem Donati // GL IV.
Serv. Comm. // PHI 5. – *Servius*. Commentarius in Artem Donati // PHI 5.
Quint. Inst. or. – *Quintilianus*. Institutio oratoria // PHI 5.
Varro. De ling. lat. – *Varro*. De lingua latina // PHI 5.

технических грамматиках, пути их воспроизведения и другие объяснения, похожие на те, которые имеются в ранних грамматиках, подобных Варрону и Харисию.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Amsler, M.* Etymology and Grammatical Discourse in Late Antiquity and the Early Middle Ages. Amsterdam / Philadelphia: John Benjamins Company, 1989. — *Amsler*. 1989.
- Barwick, K.* Remmius Palaemon und die romische Ars grammatica. Leipzig: Dieterich'sche, 1922. — *Barwick*. 1922.
- Bonner, S.F.* Education in Ancient Rome: From the elder Cato to the younger Pliny. Berkeley: University of California Press, 1977. — *Bonner*. 1977.
- [*Butler H.E.* — Ed., trans.]. *Quintilian*. Institutio oratoria / Ed. and trans. H. E. Butler (Loeb classic library. In 4 vols.). L.: William Heinemann, 1933–1936. — *Butler*. 1933–1936.
- Curtius, E.R.* European Literature and the Latin Middle Ages / Trans. Willard R. Trask. Princeton: Princeton University Press, 1953. — *Curtius*. 1953.
- Davies, P.V.* Introduction: The Vergilian Criticism // *Macrobius*. 'Saturnalia' / Trans. P.V. Davies. N. Y. — L.: Columbia University Press, 1969. — *Davies*. 1969.
- De Poerck, G.* Etymologia et origo à travers la tradition latine // Anamnheic: Gedenkboek E.A. Leemans. Bruges: De Tempel., 1970. — *De Poerck*. 1970.
- Habinek, Thomas H.* The Colometry of Latin Prose (Classical Studies. Vol. 25). Berkeley: University of California Press, 1985. — *Habinek*. 1985.
- Holtz, L.* Donat et la Tradition de l'Enseignement grammatical. Paris: Centre National de la Recherche Scientifique, 1981. — *Holtz*. 1981.
- Holtz, L.* Tradition et diffusion de l'oeuvre grammaticale de Pompée, commentateur de Donat // Revue de Philologie 45 (1971). — *Holtz*. 1971.
- O'Donnell J.J.* Cassiodorus. Berkeley: Univ. of California Press, 1979. — *O'Donnell*. 1979.
- Riché, P.* Education and Culture in the Barbarian West, Sixth through Eighth Centuries / Trans. John J. Contreni. Columbia: University of South Carolina Press, 1976. — *Riché*. 1976.
- Robins, R.H.* Ancient and Medieval Grammatical Theory in Europe. London: Bell, 1957. — *Robins*. 1957.
- Smiley, C.N.* Latinitas and Hellenismos: The Influence of the Stoic Theory of Style as Shown in the Writings of Dionysius, Quintilian, Pliny the Younger, Tacitus, Fronto, Aulus Gellius, and Sextus Empiricus // Bulletin of the University of Wisconsin 143 (1906). — *Smiley*. 1906.
- Wallace-Hadrill, J.M.* The Barbarian West 400–1000. L.: Hutchinson, 1957. — *Wallace-Hadrill*. 1957.
- Wöfflin, E.* Die Etymologien der lateinischen Grammatiker // Archiv für Lateinische Lexicographie und Grammatik 8 (1982). — *Wöfflin*, 1982.
- Wright, R.* Late Latin and Early Romance in Spain and Carolingian France. Liverpool: Francis Cairns, 1982. — *Wright*. 1982.
- [*Васильева Т.В.* — Пер.] *Платон*. Кратил / Пер. Т.В. Васильевой // Платон. Собрание сочинений в 4-х тт. М.: Мысль, 1994. Т. 1. — *Платон*. Кратил.
- Гаспаров М.Л.* Цицерон и античная поэтика // *Цицерон*. Три трактата об ораторском искусстве. М.: Наука, 1972. — *Гаспаров*. 1972.
- [*Доватура А.И.* — Пер.] *Аристотель*. Поэтика / Пер. А.И. Доватура // Аристотель. Собрание сочинений в четырех томах. М.: Мысль, 1983. Т. 4. — *Арист.* Поэтика.
- [*Лосев А.Ф.* — Пер.] *Секст Эмпирик*. Против разных наук / Пер. А.Ф. Лосева // Секст Эмпирик. Сочинения в 2-х тт. М.: Мысль, 1976. Т. 2. — *С. Эмп.* Против разн. наук.
- Малеин А.И.* Латинский церковный язык // Богословский вестник, издаваемый Московской Духовной Академией и Семинарией 3 (2003) (Перепеч. с сокращениями. Полный текст — Богословский вестник 2 [1907]). — *Малеин*. 2003.

- Миллер Т.А. Литературная критика поэзии Вергилия в период «языческого возрождения». Сервий. Макробий // Очерки истории римской литературной критики. М.: АН СССР, 1963. – Миллер. 1963.
- Оленич Р.М. Грамматическая система Квинта Реммия Палемона / Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук. Львов, 1964. – Оленич. 1964.
- [Петрова М.С. – Пер.] Донат. Краткая наука о частях речи / Пер. и примеч. М.С. Петровой // Диалог со временем 1 (1999). — Донат. Краткая наука...
- Петрова М.С. Донат: жизнь, эпоха и интеллектуальное окружение // Диалог со временем 22 (2008). – Петрова. 2008.
- [Петрова М.С. – Пер.] Донат. Наука грамматики / Пер. и примеч. М.С. Петровой // Диалог со временем 35 (2011). — Донат. Наука грамматики.
- Петрова М.С. Макробий Феодосий и его «Сатурналии» // Макробий Феодосий. Сатурналии / Пер. В.Т. Звиревича / Подг. изд. М.С. Петрова. М.: Кругъ, 2013. – Петрова. 2013.
- Пизани, В. Этимология. История – Проблемы – Метод / Пер. с итал. Д.Э. Розенталя. М.: Издат. Иностр. литер., 1956 (Перепечат.: М.: Либроком, 2009). — Пизани. 2009.
- Савельева О.М. Александрийская грамматика как явление культуры эллинизма // Античность как тип культуры. М.: Наука, 1988. – Савельева. 1988.
- [Столяров А.А. – Пер.] Хрисипп из Сол. Логические и физические фрагменты / Пер. А.А. Столярова // ФРС. Т. II. Ч. 1–2. – Хрисипп. Фрг.
- [Стрельникова И.П. – Пер.] Цицерон. Оратор / Пер. И.П. Стрельниковой // Марк Туллий Цицерон. Три трактата об ораторском искусстве. М. Наука, 1972. – Цицерон. Оратор.
- Тронский И.М. (=Троцкий И.М.). Историческая грамматика латинского языка. Общешкольноевропейское языковое состояние (вопросы реконструкции). М.: Индрик, 2001 (2-ое изд., дополн.). – Тронский. 2001.
- Тронский И.М. Проблемы языка в античной науке // Античные теории языка и стиля (Антология текстов) / Под ред. О.М. Фрейденберг. СПб.: Алетейя, 1996 (Перепечат. изд. 1936). – Тронский. 1996.
- Уколова В.И. Античное наследие и культура раннего средневековья. М.: Наука, 1989. – Уколова. 1989.
- [Фрейденберг О.М. – Ред.] Античные теории языка и стиля (Антология текстов) / Под ред. О.М. Фрейденберг. СПб.: Алетейя, 1996 (Перепечат. изд. 1936). – Ант. теории...
- [Шульц Ю.Ф. – пер.] Авсоний. Эпиграммы. 136. На грамматика / Пер. Ю.Ф. Шульца // Авсоний. Стихотворения / Изд. подг. М.Л. Гаспаров. М.: Наука, 1993. – Авсоний. Эпиграммы.
- Петрова Майя Станиславовна**, доктор исторических наук, руководитель Центра гендерной истории Института всеобщей истории РАН, beionyt@mail.ru.

REFERENCES

- Amsler, M. Etymology and Grammatical Discourse in Late Antiquity and the Early Middle Ages. Amsterdam / Philadelphia: John Benjamins Company, 1989. — Amsler. 1989.
- Barwick, K. Remmius Palaemon und die romische Ars grammatica. Leipzig: Dieterich'sche, 1922. – Barwick. 1922.
- Bonner, S.F. Education in Ancient Rome: From the elder Cato to the younger Pliny. Berkeley: University of California Press, 1977. – Bonner. 1977.
- [Butler H.E. – Ed., trans.]. Quintilian. Institutio oratoria / Ed. and trans. H. E. Butler (Loeb classic library. In 4 vols.). L.: William Heinemann, 1933–1936. – Butler. 1933–1936.

- Curtius, E.R.* European Literature and the Latin Middle Ages / Trans. Willard R. Trask. Princeton: Princeton University Press, 1953. – Curtius. 1953.
- Davies, P.V.* Introduction: The Vergilian Criticism // Macrobius. 'Saturnalia' / Trans. P.V. Davies. N. Y. – L.: Columbia University Press, 1969. – Davies. 1969.
- De Poerck, G.* Etymologia et origo à travers la tradition latine // Anamhnic: Gedenkboek E.A. Leemans. Bruges: De Tempel., 1970. – De Poerck. 1970.
- Habinek, Thomas H.* The Colometry of Latin Prose (Classical Studies. Vol. 25). Berkeley: University of California Press, 1985. – Habinek. 1985.
- Holtz, L.* Donat et la Tradition de l'Enseignement grammatical. Paris: Centre National de la Recherche Scientifique, 1981. – Holtz. 1981.
- Holtz, L.* Tradition et diffusion de l'oeuvre grammaticale de Pompée, commentateur de Donat // Revue de Philologie 45 (1971). – Holtz. 1971.
- O'Donnell J.J.* Cassiodorus. Berkeley: Univ. of California Press, 1979. – O'Donnell. 1979.
- Riché, P.* Education and Culture in the Barbarian West, Sixth through Eighth Centuries / Trans. John J. Contreni. Columbia: University of South Carolina Press, 31976. – Riché. 1976.
- Robins, R.H.* Ancient and Medieval Grammatical Theory in Europe. London: Bell, 1957. – Robins. 1957.
- Smiley, C.N.* Latinitas and Hellenismos: The Influence of the Stoic Theory of Style as Shown in the Writings of Dionysius, Quintilian, Pliny the Younger, Tacitus, Fronto, Aulus Gellius, and Sextus Empiricus // Bulletin of the University of Wisconsin 143 (1906). – Smiley. 1906.
- Wallace-Hadrill, J.M.* The Barbarian West 400–1000. L.: Hutchinson, 1957. – Wallace-Hadrill. 1957.
- Wöfflin, E.* Die Etymologien der lateinischen Grammatiker // Archiv für Lateinische Lexicographie und Grammatik 8 (1982). – Wöfflin, 1982.
- Wright, R.* Late Latin and Early Romance in Spain and Carolingian France. Liverpool: Francis Cairns, 1982. – Wright. 1982.
- [*Vasil'eva T.V.* – Per.] Platon. Kratil / Per. T.V. Vasil'evoj // Platon. Sobranie sochinenij v 4-h tt. M.: Mysl', 1994. T. 1. – Platon. Kratil.
- Gasparov M.L.* Ciceron i antichnaja pojetika // Ciceron. Tri traktata ob oratorskom iskusstve. M.: Nauka, 1972. – Gasparov. 1972.
- [*Dovatur A.I.* – Per.] Aristotel'. Pojetika / Per. A.I. Dovatura // Aristotel'. Sobranie sochinenij v chetyreh tomah. M.: Mysl', 1983. T. 4. – Arist. Pojetika.
- [*Losev A.F.* – Per.] Sekst Jempirik. Protiv raznyh nauk / Per. A.F. Loseva // Sekst Jempirik. Sochinenija v 2-h tt. M.: Mysl', 1976. T. 2. – S. Jemp. Protiv razn. nauk.
- Malein A.I.* Latinskij cerkovnyj jazyk // Bogoslovskij vestnik, izdavaemyj Mos-kovskoj Duhovnoj Akademiej i Seminariej 3 (2003) (Perepech. s sokrashhenijami. Polnyj tekst – Bogoslovskij vestnik 2 [1907]). – Malein. 2003.
- Miller T.A.* Literaturnaja kritika poezii Vergilija v period «jazycheskogo vozrozh-denija». Servij. Makrobij // Ocherki istorii rimskoj literaturnoj kritiki. M.: AN SSSR, 1963. – Miller. 1963.
- Olenich R.M.* Grammaticheskaja sistema Kvinta Remmija Palemona / Avtoreferat disertacii na soiskanie uchenoj stepeni kandidata filologicheskikh nauk. L'vov, 1964. – Olenich. 1964.
- [*Petrova M.S.* – Per.] Donat. Kratkaja nauka o chastjah rechi / Per. i primech. M.S. Petrovoj // Dialog so vremenem 1 (1999). – Donat. Kratkaja nauka...

- Petrova M.S.* Donat: zhizn', jepoha i intellektual'noe okruzenie // Dialog so vre-menem 22 (2008). – Petrova. 2008.
- [*Petrova M.S.* – Per.] Donat. Nauka grammatiki / Per. i primech. M.S. Petrovoj // Dialog so vremenem 35 (2011). — Donat. Nauka grammatiki.
- Petrova M.S.* Makrobij Feodosij i ego «Saturnalii» // Makrobij Feodosij. Saturnalii / Per. V.T. Zvirevicha / Podg. izd. M.S. Petrova. M.: Krug#, 2013. – Petrova. 2013.
- Pizani, V.* Jetimologija. Istorija – Problemy – Metod / Per. s ital. D.Je. Rozentalja. M.: Izdat. Inostr. liter., 1956 (Perepech.: M.: Librokom, 2009). — Pizani. 2009.
- Savel'eva O.M.* Aleksandrijskaja grammatika kak javlenie kul'tury jellinizma // Antichnost' kak tip kul'tury. M.: Nauka, 1988. – Savel'eva. 1988.
- [*Stoljarov A.A.* – Per.] Hrisipp iz Sol. Logicheskie i fizicheskie fragmenty / Per. A.A. Stoljarova // FRS. T. II. Ch. 1–2. – Hrisipp. Frg.
- [*Strel'nikova I.P.* – Per.] Ciceron. Orator / Per. I.P. Strel'nikovoj // Mark Tulij Ciceron. Tri traktata ob oratorskom iskusstve. M. Nauka, 1972. – Cice-ron. Orator.
- Tronskij I.M.* (=Trockij I.M.). Istoricheskaja grammatika latinskogo jazyka. Obshheindoevropejskoe jazykovoe sostojanie (voprosy rekonstrukcii). M.: Indrik, 2001 (2-oe izd., dopoln.). – Tronskij. 2001.
- Tronskij I.M.* Problemy jazyka v antichnoj nauke // Antichnye teorii jazyka i sti-lja (Antologija tekstov) / Pod red. O.M. Frejdenberg. SPb.: Aletejja, 1996 (Pe-repech. izd. 1936). – Tronskij. 1996.
- Ukolova V.I.* Antichnoe nasledie i kul'tura rannego srednevekov'ja. M.: Nauka, 1989. – Ukolova. 1989.
- [*Frejdenberg O.M.* – Red.] Antichnye teorii jazyka i stilja (Antologija tekstov) / Pod red. O.M. Frejdenberg. SPb.: Aletejja, 1996 (Perepech. izd. 1936). – Ant. teorii...
- [*Shul'c Ju.F.* – per.] Avsonij. Jepigrammy. 136. Na grammatika / Per. Ju.F. Shul'ca // Avsonij. Stihotvorenija / Izd. podg. M.L. Gasparov. M.: Nauka, 1993. – Avso-nij. Jepigrammy.

School textbooks and the discipline of grammar in the late Antiquity and the early Middle Ages

The article explores the development of the discipline of grammar in Western Europe of the 4th – 6th centuries, stimulated by social and political changes that engulfed the region. The author demonstrates the main factors that influenced grammatical rules (these include linguistic assimilation of migrating barbarian peoples by the world of Romanitas, and the dissemination of Christian theological views on the relationship between language and faith). The studies of school texts by Donatus (*Ars grammatica*) and Servius (*Commentarius in Artem Donati*) help reconstruct the emergence of the educational system of a new epoch – of the early Middle Ages.

Keywords: grammar, discipline, language, discourse, text, commentary.

Maya S. Petrova. Dr.Sc. (History), Head of the Center for Gender Studies of the Institute for World History RAS, beionyt@mail.ru

А. В. САГИМБАЕВ

РОЛЬ ГРУППЫ «КРУГЛОГО СТОЛА» В ФОРМИРОВАНИИ БРИТАНСКОЙ ИМПЕРСКОЙ ИДЕОЛОГИИ В НАЧАЛЕ XX ВЕКА

В статье рассматривается один из аспектов сложного интеллектуального поиска, сопровождавшего процесс трансформации Британской империи в первой половине XX в. Деятельность участников группы «Круглого стола» оказала заметное влияние на изменение императивов имперской политики Великобритании и её адаптацию к новым реалиям, возникшим в мире после завершения Первой мировой войны.

Ключевые слова: *Британская империя, группа «Круглого стола», проект «имперской федерации».*

История колониальных империй представляет собой обширное поле для научного дискурса. Одной из новых тенденций в этом поле стало изучение интеллектуальной составляющей британского имперского строительства на рубеже XIX–XX вв. Анализ интеллектуального процесса, сопровождавшего разные этапы эволюции крупнейшей колониальной империи, сегодня уделяется всё больше внимания в отечественной и зарубежной историографии. Трудности поиска обусловлены сложностью самого феномена Британской империи. Несмотря на то, что её генезис принято рассматривать с раннего Нового времени, сама имперская традиция со всеми присущими ей атрибутами оформилась и стала преобладающей тенденцией политико-правовой жизни британского общества в течение относительно короткого исторического периода – последней трети XIX и начала XX в. Уже после окончания Первой мировой войны британская колониальная система вступила в период медленных, но неуклонных изменений деволуционного характера. Их итогом явился распад империи и возникновение на её основе Британского Содружества. Строительство империи и её последующая эволюция сопровождались формированием и развитием специфической идеологии британского империализма, идейно-философские корни которой современные исследователи усматривают в особенностях английской Реформации и английского Просвещения¹. Примечательно, что вопреки господствовавшему в советской историографии тезису об узкоклассовом характере данной идеологической доктрины, имперская идея в

¹ Об этнокультурной специфике британской колонизации см., например, Лурье 2012. С. 158-180.

поздневикторианскую эпоху получила распространение в разных слоях британского общества. Она принималась, в той или иной степени представителями как консервативного, так и либерального сегментов партийной системы Великобритании. Важную роль в её распространении играли разного рода неформальные организации и объединения.

Одним из наиболее любопытных примеров такого рода является возникшее в начале XX в. по инициативе А. Милнера неформальное объединение, вошедшее в историю под нарицательным прозвищем «Детский сад» («Kindergarten») и ставшее основой для функционирования так называемой группы «Круглого стола», которую некоторые исследователи характеризуют как прообраз «мирового правительства»².

Первые десятилетия XX в. ознаменовались постепенной эрозией огромной колониальной системы Великобритании. Эта тенденция была обусловлена как минимум двумя взаимосвязанными факторами. Первым из них стала постепенная утрата Британской империей своего промышленного лидерства и статуса ведущей экономической державы мира. Обратной стороной данного процесса явилось обострение конкуренции Великобритании с другими державами, осуществлявшими в этот период масштабную колониальную экспансию. Внутриполитическая ситуация в стране характеризовалась тенденцией к либерализации и социальным реформам, что напрямую влияло на приоритеты колониальной политики Лондона. На фоне растущего среди политической элиты скепсиса относительно дальнейших перспектив британского доминирования в 1909 г. возникло движение за преобразование империи в «имперскую федерацию» или «имперский союз», которое позднее превратилось в «разветвлённую сеть взаимосвязанных групп, работающих в различных регионах мира и действующих во имя достижения единой цели... создания мирового правительства»³.

Важную роль в создании объединения «Круглого стола» сыграл Альфред Милнер (1854–1925), ставший одной из наиболее известных фигур в истории Британской империи начала XX в. После успешного завершения учёбы в Оксфорде, он некоторое время работал журналистом в издании «Pall Mall Gazette», где познакомился с одним из апологетов имперской идеи У. Стидом, близким к С. Родсу. После неудачной попытки баллотироваться в Палату общин, в 1885 г. Милнер поступил на государственную службу, с которой будет связана вся его дальнейшая профессиональная карьера. В 1889–1892 гг. он занимал должность

² См., например: Фергюсон 2013. С. 23.

³ Nimocks 1968. P. 124.

советника министра финансов Египта, а после возвращения в Англию – пост главы Управления внутренних доходов (Internal Revenue Board). В 1897 г. Милнер получил должность, сыгравшую ключевую роль в его дальнейшей политической судьбе: он был назначен на пост верховного комиссара в Южной Африке и губернатора Капской колонии. Решение о его назначении на столь важный пост в одном из ключевых владений империи явилось не случайным. К тому моменту Милнер уже снискал известность как активный сторонник идеи «имперской федерации»⁴. Его взгляды относительно дальнейших перспектив имперской системы начали формироваться ещё в студенческий период. По воспоминаниям самого Милнера большое влияние на него оказало знакомство в Оксфорде с работами канадского публициста Дж. Паркина, призывавшего к преобразованию империи в «тесный союз Англии и колоний в форме имперской федерации»⁵. Этот союз, по мысли Паркина, должен был основываться на идее «примата англо-саксонской расы» и предполагал «консолидацию англо-саксонского мира» с целью нейтрализации «угроз внутренней дезинтеграции, а также внешних вызовов»⁶. В последующий период Милнер опубликовал несколько работ, в которых изложил собственную концепцию «имперской федерации», причем «федерализацию Британской империи» он обозначил как «главное условие её выживания»⁷. Будущее британского доминирования связывалось Милнером с созданием Содружества, представляющего «разбросанную по миру группу родственных наций..., объединённых равенством, партнёрством и... особыми морально-духовными связями»⁸. Необходимо отметить, что одним из условий успешности данного объединения он считал тесное сотрудничество между Великобританией и США.

Законченный вид концепция «имперской федерации» Милнера обрела в изданной уже после его смерти в «Таймс» статье «Кредо». Обозначая себя как «патриота британского народа» и «скорее националиста, чем космополита», автор настаивал на «естественном культурном и нравственном превосходстве британцев»: «Британское господство является не просто политико-географическим, а скорее национально-культурным образованием... Я предвижу то время, когда возникнет великая Англо-саксонская конфедерация..., состоящая из самоуправляемых единиц со своими внутренними интересами, но твёрдо объединё-

⁴ Ibid. P. 206.

⁵ Gollin 1964. P.16.

⁶ Kendle 1975. P.6-7.

⁷ Wrench 1958. P. 44-45.

⁸ Kendle 1975. P.6.

ных целями взаимной защиты. Это будет не только самый блестящий союз из когда-либо известных человечеству, но и лучшее средство обеспечения всеобщего мира»⁹. В отличие от многих «архитекторов» империи викторианской эпохи, в частности Родса, Милнер выступал против неограниченной территориальной экспансии. «Я не тревожусь относительно расширения границ империи до тех пор, пока расширение или увеличение нашей ответственности не станет слишком обременительным», отмечал он в одной из частных бесед. «Но, если я и желаю ограничить сферу наших действий за границей, то это только для того, чтобы в этой ограниченной сфере мы смогли стать сильнее, энергичнее и эффективнее». В одном из писем он конкретизировал: «...нашей целью является не доминирование или увеличение собственной мощи, а консолидация и обеспечение безопасности. [Мы] хотим, чтобы добропорядочные британские граждане навсегда остались единой семьёй»¹⁰.

Важный аспект концепции имперской трансформации Милнера – его отношение к развитию демократических институтов, ставшему одним из важных атрибутов эпохи «нового либерализма» в Великобритании начала XX в. Как и С. Родс, Милнер неоднократно подчёркивал своё достаточно скептическое отношение к демократии, в частности, в письме Л. Кёртису от 27 ноября 1915 г.: «Я воспринимаю демократию как неизбежное зло, я воспринимаю её без всякого энтузиазма, но с максимально возможной лояльностью, на которую я в данной ситуации способен»¹¹. Скепсис в отношении развития демократической модели британского общества сочетался во взглядах Милнера с определённым пиететом по отношению к германской модели государственного регулирования, основанной, по его словам, на вере в «плановое общество, устроенное и организованное с помощью научного интеллекта»¹².

В публикациях 1904–1905 гг. Милнер конкретизировал своё представление о «великом идеале имперского единства»¹³. Им была предложена, в частности, идея создания Федерального Совета Империи, структурные подразделения которого должны были располагаться во всех ключевых доминионах Великобритании. По мысли Милнера, империя должна была стать «перманентным органическим союзом», поскольку «великое будущее Империи её члены могут отстоять только вместе»¹⁴.

⁹ «The Times». 25 July 1925.

¹⁰ Nimocks 1968. P. 13, 14.

¹¹ Kendle 1975. P.7-8.

¹² Gollin P. 132.

¹³ Louis 1992. P. 76.

¹⁴ Ibid. P. 49.

В период пребывания в Южной Африке Милнер сблизился с Родсом, чему во многом способствовала сходство их взглядов на будущее империи. Ещё в 1891 г. по инициативе Родса в Капской колонии началось создание так называемого «Общества избранных», в состав которого должны были войти разделявшие его взгляды представители интеллектуальной элиты и колониальной администрации. «Общество избранных» предполагалось построить на принципах тайного объединения, включая элементы организации масонской ложи, Ордена иезуитов и организации иллюминатов. Во главе его сложной иерархической структуры находился Генерал (этот пост занимал сам Родс). У Генерала было два заместителя, причём должность одного из них занимал барон Ротшильд. Генералу непосредственно подчинялся своеобразный исполнительный комитет, носивший наименование «Хунты трёх». Милнер впоследствии вошёл в состав этого органа. Далее в иерархической структуре «Общества» следовал так называемый «Круг прошедших инициацию», в состав которого входил ряд известных британских политических деятелей, включая лорда А. Бальфура и лорда А. Грэя. Последней ступенью этой иерархической лестницы являлась «Ассоциация помощников», включавшая основную массу членов «Общества»¹⁵.

1 июля 1899 г. была учреждена так называемая «школа Родса», призванная стать центром «имперского обучения для белых из Британской империи и США, в целях усиления невидимых связей, ...которые скрепляют вместе... англо-саксонскую расу»¹⁶. Основная цель этого обучения, по мысли Родса, заключалась в формулировании определённой позиции студентов относительно «преимуществ единства империи, как для колоний, так и для Великобритании»¹⁷.

При жизни Родса «Общество» не смогло стать полноценно функционирующей организацией. Его преемником в плане реализации концепции «имперского союза» стал Милнер, а организационной основой – объединение, вошедшее в историю под названием «Детский сад»¹⁸. Состав этой группы сложился в период деятельности Милнера в Южной Африке и включал в основном выпускников Оксфорда, служивших в британской колониальной администрации. В их числе были Дж. Ф. Пери, Л. Кёртис, Х. Уиндхэм, П. Дункан, Дж. Робинсон, Ф. Керр, Л. Киккенс, Р. Фиктхэн и Р. Брэнд. Будучи яркими приверженцами концепции империализма и идеи превосходства английской нации, они отвечали

¹⁵ Ibid. P. 50.

¹⁶ Rose 2000. P.48.

¹⁷ Marlowe 1976. P. 114-115.

¹⁸ Ibid. P. 115.

всем основным критериям, выдвигаемым Милнером. Исходя из опыта деятельности в Южной Африке, где был создан новый доминион, объединивший британские колонии и бывшие бурские республики, члены «Детского сада» ставили своей целью реализацию проекта имперской федерации. В период с 1907 по 1909 г. ими издавался журнал «Государство», в котором в основном анализировались различные аспекты формирования нового южноафриканского доминиона. Популяризации идеи «единой британской Южной Африки» были призваны способствовать неформальные «Общества более тесного союза» [Closer Union Societies], создаваемые под эгидой «Детского сада»¹⁹. К тому моменту в политической карьере руководителя группы наступил серьёзный перелом. Планы Милнера по поощрению миграции в Южную Африку дешёвой китайской рабочей силы вызвали резкое неприятие со стороны значительной части местной политической и бизнес-элиты. Итогом возникшего кризиса стала его отставка в апреле 1905 г. Пробыв ещё несколько лет на юге Африки, в 1909 г. Милнер вернулся в Великобританию. Вслед за ним туда же перебралось и большинство членов «Детского сада»²⁰. Оказавшись в Лондоне, Милнер задался целью «создать более существенное движение за имперскую федерацию», сообщив в одном из писем Л. Эмери о своём стремлении создать «единую юнионистскую партию, действующую на территории всей Империи»²¹. С этого момента, по сути, начинается организационное оформление нового объединения, получившего немного позднее наименование группы «Круглого стола».

В июле-августе 1909 г. по инициативе Милнера и ведущих членов «Детского сада» в наиболее авторитетных политических клубах Лондона, объединявших многих известных представителей британского истеблишмента прошло обсуждение проекта имперской федерации, главным автором которого был Л. Кёртис. Его реализация предполагала три этапа. На первом предусматривалось издание специального меморандума, призванного определить будущее империи, и организация его широкого обсуждения. Далее предполагалось установление тесного контакта между сторонниками идеи «имперской федерации» во всех частях империи, в первую очередь, в политических и журналистских кругах, а также их объединение в рамках единой организационной структуры, популяризирующей свои взгляды посредством специальных периодических изданий. Конечным итогом должна была стать практи-

¹⁹ Nimocks 1968. P.14.

²⁰ Marlowe 1976. P.21.

²¹ Rose 2000. P. 2.

ческая реализация идеи «имперской федерации» и «установление центральной суверенной имперской власти, напрямую избранной населением Империи для ведения внешней политики, контроля над военными структурами и установления налогов»²².

В сентябре 1909 г. проект Кёртиса был вынесен на рассмотрение закрытой конференции представителей высшего слоя британской политической элиты, проходившей под председательством лорда Энглеси в поместье «Plois Newyd» в Уэльсе. После обсуждения он был одобрен с незначительными коррективами. В итоговых документах отмечалось, что «в долгосрочной перспективе некая форма органического союза будет являться единственной альтернативой разрушения единства империи»²³. Реализация данного проекта с этого момента стала основным смыслом деятельности группы «Круглого стола». В течение нескольких последующих лет её усилия были направлены на расширение организационной структуры в разных частях империи, активизацию пропаганды своих идей через печатные издания, а также создание специальных фондов, призванных аккумулировать финансовые средства, необходимые для осуществления этой деятельности.

С ноября 1910 г. основным периодическим изданием группы стал журнал «Круглый стол». В нём публиковались материалы, являвшиеся итогом длительных исследований и обсуждений, осуществлявшихся её участниками. В редакционной статье первого номера журнала вновь был сделан акцент на растущей угрозе имперскому единству на фоне целого ряда серьёзных внутренних и внешних вызовов. В предисловии к изданию своих речей, опубликованном в 1913 г., Милнер предостерегал, что даже в том случае, если «британцы обеспечат мир, процветание и цивилизованные условия существования для двух пятых человеческой расы, рано или поздно это бремя станет слишком тяжёлым для... ресурсной базы, которой обладает Соединённое Королевство»²⁴. Рост международной напряжённости и, в частности, укрепление германской военно-морской мощи, вызывали серьёзные опасения относительно способности Великобритании обеспечить защиту своих многочисленных доминионов и колоний. Подобные страхи нашли отражение в известном высказывании ставшего членом группы Л. Эмери, который заявил в 1906 г., что «с каждым годом конкуренция между ведущими мировыми державами становится острее, и, если мы будем пытаться

²² Kendle 1975. P. 21.

²³ Nimocks 1968. P. 132.

²⁴ O'Brien 1979. P. 667.

сохранить наши позиции нынешними способами и методами..., наши силы будут достаточно быстро истощены»²⁵.

Важным направлением деятельности «Круглого стола» в данный период была подготовка к Имперской конференции, состоявшейся в 1911 г. Накануне его начала участники группы попытались активизировать свою деятельность и через различные формальные и неформальные каналы убедить представителей доминионов в необходимости принятия плана «имперской федерации». В одной из статей, опубликованных в журнале «Круглый стол» подчёркивалось: «В нынешней ситуации может быть только один выход. Или нации согласятся на сотрудничество в вопросах внешней политики и обороны, или им придётся принять решение о роспуске Империи и возложить на себя всю ответственность за собственную безопасность...»²⁶. Однако итоги конференции принесли Милнеру и его последователям полное разочарование. Лишь премьер-министр Новой Зеландии Дж. Уорд выразил осторожную поддержку проекта «имперской федерации». Представителями других доминионов он был отвергнут. Наиболее резкую критику предложения «Круглого стола» встретили со стороны правительства Канады²⁷.

В рамках подготовки к имперской конференции в 1910 г. «Круглый стол» поручил Кёртису сформулировать приемлемую для её участников модель имперской федерации. После посещения Канады и изучения местной политической ситуации, Кёртис опубликовал «Зелёный меморандум», в котором призвал к созданию «органического союза» британских владений. На практике эту идею предполагалось реализовать путём учреждения «имперского правительства», которое должно обладать исключительными прерогативами в вопросах имперской защиты и внешней политики. Наряду с общеимперскими правительственными структурами, Кёртис предлагал создание двухпалатного «Имперского Федерального Парламента», в функции которого предполагалось включить законодательную деятельность и вопросы налогообложения²⁸.

Проект Кёртиса вызвал серьёзные дискуссии между участниками «Круглого стола». Среди его оппонентов оказались Милнер и Эмери, видевшие основной путь к «имперской федерации» не в политической, а в экономической интеграции. Милнер настаивал, в частности, на создании общеимперского пространства свободной торговли и унификации тарифной системы, что способствовало бы тесной экономической

²⁵ Louis 1992. P. 53-54.

²⁶ Kendle 1975. P. 111.

²⁷ Quigley 1962. P. 204.

²⁸ Rose 2000. P. 672.

привязке доминионов к метрополии²⁹. Согласно Эмери, экономический союз должен был стать «ключевым рычагом решения всей проблемы»³⁰. В связи с этим они полагали глубоко ошибочной идею Кёртиса о немедленном создании общеимперских политических структур.

Тем не менее, Кёртис продолжал настаивать на реализации своей концепции. В 1916 г. он опубликовал трёхтомный труд «Проект Содружества», где вновь обосновывал идею радикального реформирования системы отношений Великобритании и её доминионов путём введения нового общеимперского уровня управления и предлагал создать ответственный перед «Парламентом Содружества» правительственный «Кабинет Содружества», включив в его функции «контроль в сфере общеимперской обороны, внешнеполитической деятельности, решение вопросов мира и войны, а также исключительное право введения новых налогов в имперских целях»³¹. Альтернативой «органическому союзу», по Кёртису, мог быть только окончательный распад Британской империи. Но убедить оппонентов не удалось. Эмери охарактеризовал проект как «конституционное хакири, которое принесёт в жертву базовые принципы британской системы управления, ради установления имперского союза, основанного на американской идее федерализма», а надежды Кёртиса на последующую трансформацию «имперской федерации» в подобие «мирового правительства» назвал «самообманом»³². Попытки Кёртиса найти поддержку своему проекту среди политического руководства Великобритании и доминионов также не привели к успеху. На позицию руководства доминионов влиял рост националистических настроений среди их населения, который усугублялся на фоне военных трудностей и потерь. В итоге ни один из членов Имперского военного кабинета не высказался в пользу «федерализации».

В 1917 г. участники конференции Имперской обороны поддержали резолюцию, предложенную военным министром ЮАС Яном Смэтсом и предполагавшую «полное признание доминионов в качестве автономных наций Имперского Содружества»³³. Политическая элита империи сделала выбор в пользу проекта «свободного сотрудничества» доминионов и метрополии. Окончательная точка в длительной дискуссии о путях и механизмах реформирования имперских отношений была поставлена после принятия в 1926 г. исторического документа, известного как

²⁹ Marlowe 1976. P. 183.

³⁰ Ibid. P. 218.

³¹ Curtis 1916. P. 15.

³² Louis 1992. P. 37, 42.

³³ Lavin 1995. P. 131.

Декларация Бальфура. В соответствии с ним провозглашалось полное равенство доминионов и их автономный статус в решении не только внутренних, но и внешнеполитических вопросов. При этом доминионы оставались под формальным сюзеренитетом британской короны. Существует достаточно распространённое мнение, что декларация Бальфура стала юридической точкой в имперском периоде истории британской колониальной системы и знаменовала начало её перехода в принципиально новый политико-правовой формат «Содружества суверенных наций». 11 декабря 1931 г. британский парламент ввёл в действие ещё один исторический документ, получивший название Вестминстерского Статута. Подтвердив все прежние суверенные права доминионов, он предусматривал их «полную законодательную независимость»³⁴, став, по словам канадского историка Дж. Кэндла, «символическим жестом, означавшим отказ Англии от своей имперской миссии»³⁵.

Неудача проекта «имперской федерации» отражала весьма непростые процессы, происходившие внутри империи. В 1917 г. Великобритания столкнулась с серьёзными симптомами финансового кризиса, связанных с ростом заимствований и сокращением золотовалютных резервов. В ходе одного из парламентских слушаний летом 1918 г. глава британского Казначейства открыто заявил о том, что «вскоре Соединённые Штаты окажутся способны диктовать Великобритании их собственные условия»³⁶. Осознание растущей зависимости от США вызывала болезненную реакцию у многих представителей британской политической элиты. Она стала важной составляющей дискуссий, происходивших внутри «Круглого стола» в связи с предстоящим формированием послевоенной системы мироустройства. Одной из ключевых проблем, обсуждаемых представителями британской политической элиты на завершающем этапе войны, была предложенная президентом США В. Вильсоном идея создания Лиги Наций. Многие члены «Круглого стола» связывали эту идею со своим давним проектом «мирового правительства». Имея немалое влияние на официальную позицию кабинета Д. Ллойд-Джорджа в ходе послевоенных переговоров, они попытались реализовать как в концепции самой Лиги Наций, так и в оформившейся вскоре схеме мандатной системы, свои имперские взгляды и представления. В рамках возникшей вокруг данных проблем дискуссии, в обществе произошёл заметный идейный раскол между приверженца-

³⁴ Elliot 1932. P. 472.

³⁵ Kendle 1975. P. 272.

³⁶ Dimpleby, Reynolds 1988. P. 52.

ми традиционной империалистической идеологии и сторонниками реализации проекта «мирового правительства»³⁷.

Всю сложность интеллектуального поиска, происходившего в тот момент внутри «Круглого стола», попытался выразить Л. Кёртис в своей, получившей широкий резонанс статье «Окна свободы», вышедшей в свет в журнале «Круглый стол» 21 декабря 1918 года, накануне начала работы Парижской мирной конференции. По его мнению, проект Лиги Наций мог оказаться успешным лишь в случае выполнения трёх необходимых требований. Первым из них должна была стать как можно более тесная кооперация между Великобританией и США. «Война, – подчёркивал Кёртис, – показала Америке, что мир един, и ей невозможно сохранять прежнюю политику изоляции»³⁸. Ещё одним важным условием, без которого Лига Наций не могла стать реальным центром мировой власти, являлась выборность представителей и наделение их функциями налогообложения государств-участников. До тех пор, пока «не сформируется структура мирового правительства, беспомощность Лиги будет представлять величайшую угрозу для человечества... Мир надеется увидеть в ней Правительство, говорящее и действующее от имени всего человечества», – отмечалось в статье³⁹. Третьим существенным требованием, предложенным Л. Кёртисом, явилась так называемая «система доверия», с помощью которой Лига «будет направлять некоторые страны к миру, порядку и эффективному управлению». Данная «система» должна была применяться в отношении «рас, которые ещё не могут надеяться на самоуправление в Африке и на Тихом океане»⁴⁰.

По сути, Кёртис одним из первых озвучил идеи, ставшие впоследствии основой для мандатной системы Лиги Наций. После публикации статьи, лорд Сесил, который был британским представителем в комитете, готовившем базовые документы будущей международной организации, пригласил его подробнее изложить свои взгляды на заседании секции Лиги Наций. В ходе этой встречи Кёртис, в числе прочих, познакомился с будущим автором итогового проекта мандатной системы, главой делегации ЮАС Я. Смэтсом.

В то же время, позицию Кёртиса разделяли далеко не все члены «Круглого стола». Внутри объединения возникла влиятельная группа, выражавшая скепсис в отношении идеи Лиги Наций. В её состав входил

³⁷ Marlowe 1976. P. 336.

³⁸ Curtis 1918. P. 5.

³⁹ Ibid. P. 18.

⁴⁰ Ibid. P. 25.

ли А. Милнер, Л. Эмери и Ф. Керр. Наиболее влиятельной, с точки зрения официальной позиции британского правительства, была позиция Керра, занимавшего в период с 1916 по 1921 г. должности личного секретаря и советника по внешнеполитическим делам премьер-министра Ллойд-Джорджа. По мнению ряда исследователей, именно под влиянием Керра, Ллойд-Джордж в январе 1919 г. заставил лорда Сесила внести коррективы в первоначальный проект Устава Лиги Наций⁴¹. Ещё в декабре 1917 г. Керр заявил о необходимости после окончания войны учредить на базе действовавшего в Версале Верховного совета Антанты «Лигу Союзных Наций», призванную стать «центральным пунктом послевоенного мироустройства», объединяющим союзные державы «в утверждении мирового устройства». В декабре 1918 г. на заседании Военного кабинета Керр подчеркнул, что Лига Наций «не должна строиться как орган, обладающий исполнительной властью... и не может стоять выше национальных суверенитетов». 31 января 1919 г. Ллойд-Джордж выступил категорически против проекта Устава Лиги Наций, предложенного лордом Сесилем и Милнером, потребовав внести в него принципиальные изменения, перечень которых содержался в составленном Керром меморандуме. В документе отвергалась идея В. Вильсона о системе коллективной безопасности и территориальных гарантиях, а также подчёркивалось, что в случае, «если Лига наложит на участников обязательства воевать при любых не совсем ясных обстоятельствах, это способно привести лишь к её саморазрушению»⁴². Реальной альтернативой проекту Вильсона, по мнению Керра, должна была стать система «постоянных консультаций» между государствами, по итогам которых решения принимались бы в зависимости от конкретной ситуации. «Фиксированные обязательства» участников Лиги Наций должны были быть при этом сведены к минимуму⁴³. Тем не менее, лорд Сесил фактически проигнорировал указания премьер-министра, и при поддержке Вильсона добился включения в итоговый проект Устава Лиги Наций всех его ключевых идей, изложенных ещё в августе 1918 г.

Окончательное утверждение базового документа будущей международной организации означало временное поражение сторонников «империалистического» тренда среди британской политической элиты. Однако, уже в марте 1920 года ратификация Устава Лиги Наций была заблокирована в Сенате США. Известие об этом было встречено мно-

⁴¹ MacMillan 2001. P. 49.

⁴² Egerton 1990. P. 25-26, 37.

⁴³ Knock 1992. P. 215.

гими членами «Круглого стола» с энтузиазмом. Керр в письме, адресованном членам объединения, подчеркнул, что «утрата Лигой Наций поддержки со стороны одного из своих основных членов, со всей очевидностью доказывает, что общественные настроения... в настоящий момент склоняются в пользу права наций на суверенитет, а не верховенства международных законов...»⁴⁴ В связи с отказом США от участия в Лиге Наций, он считал необходимым «пересмотр подходов Великобритании к данной проблеме». Британское участие в деятельности международной организации должно было быть обусловлено, по его мнению, тремя базовыми принципами. Во-первых, Великобритания должна была отказаться от «любых военных обязательств». Во-вторых, «британское правительство должно воздерживаться от принятия любых обязательств, не соответствующих его реальным возможностям». Наконец, Великобритания должна была продемонстрировать категорическое неприятие любого «военного или экономического давления», которое Лига Наций могла оказывать на «непокорные государства»⁴⁵. Альтернативы данному подходу, по мнению Керра, не было, так как «влияние Лиги Наций на британские имперские отношения в настоящий момент становится опасным и дезориентирующим»⁴⁶.

Наряду с определением базовых принципов деятельности новой международной организации, ведущие члены «Круглого стола» уделяли существенное внимание концепции мандатной системы. В статье «Окна свободы» Л. Кёртис, среди прочего, предложил ввести в международно-правовую практику понятие «брошенных территорий», пояснив, что единственной надеждой народов, которые не могут управлять собой сами или даже учиться этому, является опека со стороны великих демократических наций»⁴⁷. В данном случае, члены «Круглого стола» проявили принципиальное единодушие. В частности, Керр в ходе одного из предварительных обсуждений будущей судьбы германских и османских владений, заявил о необходимости установления «цивилизованного контроля над политически отсталыми людьми, ...которые не в состоянии управлять собой сами. Только европейские державы могут вмешаться и защитить их от деморализующих влияний»⁴⁸. В реализации планов «Круглого стола», касавшихся концепции мандатной системы, важную роль сыграл один из «учеников» Кёртиса Дж. Луис Бир, зани-

⁴⁴ Ibidem.

⁴⁵ Kerr 1920. P. 225-226.

⁴⁶ Ibid. P. 232.

⁴⁷ Curtis 1918. P. 25.

⁴⁸ Kendle 1975. P. 254-255.

мавший должность эксперта по колониальным вопросам в делегации США на мирной конференции. Он организовал в декабре 1918 года встречу Кёртиса с полковником Хаузом и генералом Таскером Блиссом, которые оказывали существенное влияние на формирование официальной линии США в ходе переговоров. В организации этого неформального диалога участвовал, с ведома главы британского правительства, и Керр. Задача Кёртиса сводилась к тому, чтобы в проекте мандатной системы был достигнут максимальный компромисс между принципами, провозглашёнными Вильсоном, и имперскими интересами Великобритании. В ходе этих неофициальных дискуссий Бир допустил участие США в распределении будущих мандатов, и, в частности, предложил возможность установления американского управления над бывшей германской Восточной Африкой⁴⁹. Милнер, назначенный председателем комиссии по подготовке проекта мандатной системы, также оказывал ключевое влияние на переговорный процесс по данной проблеме. Поддерживая в целом предложения о выделении США подмандатных территорий в целях установления «тесного союза между США и Великобританией», он выступал категорически против каких-либо уступок в Африке, которые могли бы нарушить стратегические позиции Великобритании. В итоге, после отказа США от участия в Лиге Наций, распределение мандатов окончательно превратилось, по словам лорда Бальфура, в «распределение наград»⁵⁰, основанное на традиционных стереотипах колониальной политики ведущих держав-победительниц.

Окончание мировой войны вызвало сложные процессы внутри «Круглого стола». Резко сократилась активность его групп в Индии, Южно-Африканском Союзе и Новой Зеландии. Внутри общества возникла острая полемика, одним из главных предметов которой были идеи, изложенные Кёртисом в статье «Окна свободы». Во многом благодаря его усилиям в 1920–1930-х гг. происходила постепенная трансформация структуры объединения, призванная приспособить его деятельность к существенно изменившимся международным реалиям.

В мае 1919 года, после возвращения из Парижа, Кёртис собрал в Лондоне совещание членов объединения, в котором приняли участие более 30 человек, представлявших Великобританию и США. В ходе встречи была предложена идея создания «института по международным делам» с подразделениями в обеих странах, главной целью которого должно было стать «гарантированное формирование квалифици-

⁴⁹ Louis 2006. P. 251.

⁵⁰ Kendle 1975. P. 259.

рованного экспертного мнения»⁵¹. В июне на заседании «комитета тридцати», было конкретизировано предложение создать специальный «Институт по международным делам» с подразделениями в Великобритании и США, призванный выполнять те же функции, которые ранее пыталось реализовывать объединение «Круглого стола»⁵².

На основании этих решений в Великобритании, США и британских доминионах в межвоенный период создаётся так называемая «международная англофильская сеть», включавшая ряд новых организационных структур: в Великобритании – Королевский институт по международным делам (Royal Institute for International Affairs), в США – Совет по международным отношениям (Council on Foreign Relations) и Институт по взаимоотношениям в Тихом океане (Institute for Pacific Relations)⁵³. Как отмечал в 1938 г. Кёртис, создание этих организаций «явилось необходимым тактическим шагом для достижения стратегических целей, стоявших перед «Круглым столом»»⁵⁴. Обе структуры сохранили основные организационные принципы и стратегические цели. Главная из них сводилась к формированию нового международного порядка, основой которого призван был стать англо-американский альянс.

Одной из новых форм сотрудничества членов «Круглого стола» в межвоенный период стала так называемая «группа Кливленда» (названа по месту ее заседаний в резиденции «Уолдорф Эстор», расположенной неподалёку от Кливленда), в которую входил ряд известных американских политических и общественных деятелей. К концу 1930-х гг. основная цель деятельности группы, в работе которой активно участвовали Керр и Кёртис, заключалась в формировании «объединения США и других демократий, во главе которого будет находиться Федеральное Союзное Правительство, ...и которое должно стать первым практическим шагом на пути к Мировому Федеральному Союзу...»⁵⁵ Идеи «группы Кливленда» оказали заметное влияние на формирование внешнеполитической стратегии США в последующий период.

Объединение «Круглого стола» сыграло особую роль в процессе трансформации имперской системы Великобритании в первые десятилетия XX в., которая привела, в конечном итоге, к созданию Британского Содружества. Возникнув во многом благодаря финансовым и органи-

⁵¹ Rose 2000. P. 150.

⁵² Ibid. P. 52.

⁵³ McIntyre 1966. P. 340.

⁵⁴ Цит. по: Ibid. P. 358-359.

⁵⁵ Kendle 1975. P. 293.

зационным усилиям С. Родса, оно ставило перед собой задачу поиска оптимального ответа на ряд внутренних и внешних вызовов, с которыми столкнулась Британская империя. По мнению израильского историка Н. Роуза окончательное оформление группы «Круглого стола» в 1909 г., отражало «распространённое предубеждение в том, что Великобритания теряет своё положение среди великих рас. Обеспокоенные возникновением новых гигантов – США и Германии, его создатели стремились на время сохранить статус, которому суждено было вскоре исчезнуть. Их план был обречён на неудачу... В доминионах росли националистические настроения... Британское Содружество [сформировавшееся в межвоенный период – А.С.] пошло по пути, совершенно отличному, от предложенного Кёртисом и его последователями...»⁵⁶.

Тем не менее, в период с 1909 г. по 1919 г. «Круглый стол» был важнейшим интеллектуальным центром, формулировавшим перспективы имперской политики Великобритании. Входившие в него политические деятели играли важную роль в формировании стратегии британского правительства в годы Первой мировой войны и послевоенного урегулирования. В первую очередь благодаря усилиям Л Кёртиса, после завершения войны был найден выход из идейного кризиса, возникшего в условиях формирования нового миропорядка, и новые организационные формы реализации сформулированных ранее целей. На их основе и в русле идей «Круглого стола» была продолжена разработка перспективных планов нового мироустройства, ключевым компонентом которых стала концепция тесного союза Великобритании и США и англо-американского лидерства. Интеллектуальный опыт этих организаций оказался в немалой степени востребованным в практической политике двух государств на фоне бурных изменений, происходивших в системе международных отношений в середине и во второй половине XX века.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Лурье С. Imperium. Империя - ценностный и этнопсихологический подход. М.: Аиро XX, 2012. 272 с.
- Фергюсон Н. Империя. Чем современный мир обязан Британии. М.: АСТ, 2013. 560 с.
- Curtis L. The Commonwealth of Nations. L: Macmillan and Co, 1916. 711 p.
- Curtis L. The Windows of Freedom // «The Round Table», December 1918. P. 5-33.
- Egerton W. Ideology, Diplomacy and International Organization: Wilsonism and the League of Nations in Anglo-American Relations, 1918-1920 // Anglo-American Relations in 1920s: the Struggle for Supremacy / Ed. by B.J.C. McKercher. Edmonton, 1990. 109 p.

⁵⁶ Rose 2000. P. 169-170.

- Elliot W.Y. *The New British Empire*. N.Y., L.: Whittlesey House, 1932. 532 p.
- Dimbleby D., Reynolds D. *An Ocean Apart: The Relationship between Britain and America in the Twentieth Century*. L.: Vintage, 1988. 415 p.
- Gollin A.M. *Proconsuls in Politics: A Study of Lord Milner in Opposition and in Power*. N.Y.: Macmillan, 1964. 247 p.
- Kendle J. E. *The Round Table Movement and Imperial Movement*. University of Toronto Press, 1975. 332 p.
- Kerr Ph. *The British Empire, the League of Nations and the United States // «The Round Table»*, March 1920. P. 138-154.
- Knock T. J. *To End All Wars: Woodrow Wilson and the Quest of New World Order*. Oxford University Press, 1992. 382 p.
- Lavin D. *From Empire to International Commonwealth: A Biography of Lionel Curtis*. L.: Hardcover, 1995. 384 p.
- Louis R.W. *In the Name of God: Go! Leo Emery and the British Empire and the Age of Churchill*. Oxford: W. W. Norton & Co., 1992. 204 p.
- Louis R.W. *Clives of British Imperialism: the Scramble for Empire, Suez and Decolonization*. L., N.Y.: I. B. Tauris, 2006. 1082 p.
- MacMillan. *Peacemakers: The Paris Conference of 1919 and its Attempt to End War*. Oxford University Press, 2001. 592 p.
- Marlowe J. *Milner: Apostle of Empire*. L.: Hamish Hamilton, 1976. 394 p.
- McIntyre W. D. *Colonies into Commonwealth*. L. Blandford Press, 1966. 383 p.
- Nimocks W. *Milners Young Men: The «Kindergarten» in Edwardian Imperial Affairs*. Duke University Press, 1968. 452 p.
- O'Brien, Terence Henry, *Milner: Viscount Milner of St. James's and Cape Town, 1854-1925*. L.: Constable, 1979. 704 p.
- Quigley C. *The Round Tables Groups in Canada. // Canadian Historical Review*, September 1962. 204-218 p.
- Rose N. *The Cliveden Set: Portrait of an Exclusive Fraternity*. London: Jonathan Cape, 2000. 287 p.
- «The Times». 25 July 1925.
- Wrench J.E. *Alfred Lord Milner: The Man of No Illusions, 1854-1925*. London: Eyre & Spottiswoode, 1958. 392 p.

REFERENCES

- Lur'e S. *Imperium. Imperija - cennostnyj i jetnopsihologicheskij podhod*. M.: Airo XX, 2012. 272 s.
- Fergjusun N. *Imperija. Chem sovremennyj mir objazan Britanii*. M.: AST, 2013. 560 s.
- Curtis L. *The Commonwealth of Nations*. L: Macmillan and Co, 1916. 711 p.
- Curtis L. *The Windows of Freedom // «The Round Table»*, December 1918. P. 5-33.
- Egerton W. *Ideology, Diplomacy and International Organization: Wilsonism and the League of Nations in Anglo-American Relations, 1918-1920 // Anglo-American Relations in 1920s: the Struggle for Supremacy / Ed. by B.J.C. McKercher*. Edmonton, 1990. 109 p.
- Elliot W.Y. *The New British Empire*. N.Y., L.: Whittlesey House, 1932. 532 p.
- Dimbleby D., Reynolds D. *An Ocean Apart: The Relationship between Britain and America in the Twentieth Century*. L.: Vintage, 1988. 415 p.
- Gollin A.M. *Proconsuls in Politics: A Study of Lord Milner in Opposition and in Power*. N.Y.: Macmillan, 1964. 247 p.

- Kendle J. E. The Round Table Movement and Imperial Movement. University of Toronto Press, 1975. 332 p.
- Kerr Ph. The British Empire, the League of Nations and the United States // «The Round Table», March 1920. P. 138-154.
- Knock T. J. To End All Wars: Woodrow Wilson and the Quest of New World Order. Oxford University Press, 1992. 382 p.
- Lavin D. From Empire to International Sommonwealth: A Biography of Lionel Curtis. L.: Hardcover, 1995. 384 p.
- Louis R.W. In the Name of God: Go! Leo Emery and the British Empire and the Age of Churchill. Oxford: W. W. Norton & Co., 1992. 204 p.
- Louis R.W. Ends of British Imperialism: the Scramble for Empire, Suez and Decolonization. L., N.Y.: I. B. Tauris, 2006. 1082 p.
- MacMillan. Peacemakers: The Paris Conference of 1919 and its Attempt to End War. Oxford University Press, 2001. 592 p.
- Marlowe J. Milner: Apostle of Empire. L.: Hamish Hamilton, 1976. 394 p.
- McIntyre W. D. Colonies into Commonwealth. L. Blandford Press, 1966. 383 p.
- Nimocks W. Milners Young Men: The «Kindergarten» in Edwardian Imperial Affairs. Duke University Press, 1968. 452 p.
- O'Brien, Terence Henry, Milner: Viscount Milner of St. James's and Cape Town, 1854-1925. L.: Constable, 1979. 704 p.
- Quigley C. The Round Tables Groups in Canada. // Canadian Historical Review, September 1962. 204-218 p.
- Rose N. The Cliveden Set: Portrait of an Exclusive Fraternity. London: Jonathan Cape, 2000. 287 p.
- «The Times». 25 July 1925.
- Wrench J.E. Alfred Lord Milner: The Man of No Illusions, 1854-1925. London: Eyre & Spottiswoode, 1958. 392 p.

Сазимбаев Алексей Викторович, кандидат исторических наук, доцент кафедры всеобщей истории, международных отношений и международного права Брянского государственного университета; sagimbaev@yandex.ru

The Role of the “Round Table” group in the shaping of British imperial ideology in the early 20th century

The article discusses an aspect of a complex intellectual process that accompanied the transformation of the British Empire in the first half of the 20th century, namely the work of a team of the "Round table", which had a significant impact on the changing imperatives of Imperial policy in the UK and its adaptation to the new realities that emerged after the First world war.

Keywords: British Empire, the group of “Round table” project of “Imperial Federation”.

Alexey Sagimbaev, Ph.D. (History), Associate Professor, Department of General history, international relations and international law, Bryansk State University; sagimbaev@yandex.ru

Т. Л. ЛАБУТИНА

РЕЦЕПЦИЯ ИДЕЙНОГО НАСЛЕДИЯ АНГЛИЙСКОГО ПРОСВЕЩЕНИЯ В США, ФРАНЦИИ И РОССИИ В XVIII ВЕКЕ

В статье речь идет о влиянии идей английского Просвещения на политическую элиту США, Франции и России в XVIII в. Сравнительный анализ трансферта британской культуры Века Просвещения в эти страны позволил сделать выводы о неординарности указанного процесса. Подобное влияние напрямую зависело от социально-экономических условий и политической ситуации стран, воспринимавших культуру передовой для своего времени Англии. Поэтому в странах, где назревала буржуазная революция, наиболее востребованной оказалась идейно-политическая составляющая британского «наследия», а ее проводниками стали представители буржуазии. В России, где все еще сильны были феодальные отношения, просветительская идеология не находила отклика. Вместе с тем, Россия оказалась открытой для восприятия западной, и не в последнюю очередь британской культуры в более широком масштабе. Высшие эшелоны власти интересовались скорее достижениями передовой науки, техники, образования Англии, нежели ее политическим устройством. В отличие от других стран проводниками западной культуры в России выступала политическая элита во главе с монархом. Гражданское общество было еще не в состоянии формулировать насущные задачи для какого-либо реформирования государственного устройства, а потому и не способно выбирать из культурного наследия более развитых стран подходящие элементы его идейной составляющей. Таким образом, вполне допустимо говорить о различных формах восприятия культур, а также о возможности создания типологии межкультурных коммуникаций.

Ключевые слова: *Просвещение, XVIII век, общественно-политическая мысль, восприятие, культура, образование, политическая элита, США, Франция, Россия.*

Как известно, XVIII век вошел в историю мировой цивилизации под названием Века Просвещения. Идеологическая платформа Просвещения включала в себя теории «естественного права», «общественного договора», «разделения и равновесия» властей, «сопротивления тирании», а также демократических свобод. Особую ценность в идеологии Просвещения представляли гуманистические идеи¹. Подобные теории очень скоро стали известны и востребованы не только на европейском континенте, но и в Америке. Просвещение в XVIII веке, по сути, приобрело статус международной культуры.

Англия в ту пору представлялась иностранцам передовым государством, с динамично развивающейся экономикой, прогрессивной политической структурой, богатой культурой. Сведения о ее достиже-

¹ Подробнее см.: Лабутина, Ильин. 2012.

ниях распространялись благодаря книгам, прессе, а также трактатам, в изобилии поступавшим на континент. Но не только. Дипломаты и купцы, литераторы и путешественники, государственные чиновники и студенты посещали Англию в ту пору довольно часто. Они также становились носителями информации о жизни англичан и их необычных порядках. Нередко и жители Британских островов посещали европейский или американский континенты. Взаимные контакты способствовали установлению межнационального культурного диалога.

Одной из стран, подвергшихся мощному интеллектуальному воздействию британской культуры, оказались Североамериканские штаты. Многие исследователи отмечали, что основополагающие ценности британской конституционной теории и практики органично вписались в идеологическую платформу американских революционеров². Заметным в колониях было влияние английского общего права, а также идейного багажа Английской революции середины XVII века, заложивших основу просветительской политической мысли. Теории, с которыми американцы ознакомились задолго до своей революции, они черпали из трудов Дж. Мильтона, Дж. Локка, лорда Болингброка, Д. Юма. Большую роль в популяризации концепций британских просветителей сыграли также авторы многочисленных памфлетов: Э. Морган, Б. Бейлин, Г. Вуд, Дж. Меррин и др. Важный вклад в пропаганду просветительских идей внесла пресса. На страницах периодических изданий с зажигательными речами часто выступали идеологи революции: С. Адамс, Б. Франклин, А. Гамильтон, Т. Джефферсон. Большинство из них сами являлись просветителями. Неудивительно, что в своей полемике с противниками они апеллировали к тем же аргументам, что и их английские предшественники. В результате сложилась парадоксальная ситуация: в борьбе с метрополией колонисты использовали тот идейный багаж, который на протяжении десятилетий создавали британцы.

Для американцев наиболее ценной в просветительской идеологии оказалась теория сопротивления. Памфлетист Дж. Мэтью полагал, что сопротивление деспотии есть основное право народа в противостоянии власти угнетателей, и восстание может считаться справедливым, если другие методы исчерпаны³. В конечном счете, теоретически разработанная британцами концепция сопротивления сослужила последним плохую службу: колонисты свергли британское правление и обрели независимость.

² Dickinson 1998; Gould 1999; Согрин 1980; Рубинштейн 2001 и др.

³ Maier 1972. P. 64.

На европейском континенте, прежде всего, во Франции, знакомство с идеями английского Просвещения осуществлялось через произведения видных его представителей и благодаря непосредственным контактам. Существовало три вида подобных контактов: политическая эмиграция, путешествия и совершенствование образования (*grand tour*). Так, Вольтер и Монтескье познакомились с лордом Болингброком во Франции, когда тот оказался в эмиграции. Встречи и беседы мыслителей двух стран оказались весьма плодотворными, став, по утверждению И. Крамника, «связующими звеньями» между французскими и английскими идеями раннего Просвещения⁴. А в 1726–1729 гг. в политической ссылке в Англии оказался уже Вольтер. Побывали на родине Просвещения также Гельвеций и Монтескье. В свою очередь, нередко выезжали на континент английские просветители У. Темпл, маркиз Галифакс, Д. Дефо, Дж. Аддисон, Дж. Толанд, Э. Флетчер и др.

Наиболее ошутимо сказалось английское влияние на тех деятелей европейского Просвещения, которым довелось побывать в Англии. Особенно наглядно это видно на примере Вольтера, прожившего в Англии около трех лет, с 1726 по 1729 г. Создатель знаменитого «Эдипа» в ту пору был уже хорошо известен на Британских островах, где его встретили с особым почетом. Знакомство с Англией произвело на Вольтера неизгладимое впечатление. В особое восхищение привело его конституционное устройство страны. «Английская нация, – писал он позднее в «Философских письмах», – единственная на Земле добившаяся ограничения королевской власти путем сопротивления, а также установившая с помощью последовательных усилий то мудрое правление, при котором государь, всемогущий, когда речь идет о благих делах, оказывается связанным по рукам и ногам, если намеревается совершить зло; при котором вельможи являются гражданами без надменности и вассалов, а народ без смут принимает участие в управлении»⁵.

Вольтер обращал также внимание на существующее между общинами, лордами и королем «согласие», считая подобное сочетание «счастливым». Впрочем, мимо пристального взгляда мыслителя не прошли незамеченными и некоторые «изъяны» английской системы правления. Вольтер подметил присущую парламентариям коррупцию. При случае, отмечал он, члены английского парламента «продают свои голоса точно так же, как это делалось в Риме». Однако это было, пожалуй, единственным критическим замечанием Вольтера по поводу

⁴ Kramnick 1968. P. 14.

⁵ Вольтер 1988. С. 92.

английских порядков. Не исключено, что оно было сделано под влиянием известного борца с коррупцией лорда Болингброка.

Высоко оценивая достижения английской нации в экономике, политике, законодательстве и культуре, Вольтер тесно связывал их с результатами двух революций XVII века. «Без сомнения, – подчеркивал он, – установить свободу в Англии стоило недешево. Идол деспотической власти был потоплен в морях крови, однако англичане вовсе не считали, что они слишком дорого заплатили за достойное законодательство»⁶. Позднее в своих трудах Вольтер не раз обращался к событиям английских революций, явно отдавая свои симпатии Славной революции 1688–1689 гг.⁷

Результатом поездки Вольтера в Англию стали его знаменитые «Письма об англичанах», которые были опубликованы в Лондоне в 1733 г., а через год – в Париже под названием «Философские письма». Это произведение Вольтера вызвало гнев французских властей, издавших приказ об аресте философа. Лишь чудом опальному автору удалось избежать ареста, эмигрировав в Голландию.

В Англии Вольтер не только ознакомился с достижениями государства, но также сумел глубоко освоить труды английских просветителей. В каталоге книг библиотеки Вольтера встречаются имена лорда Болингброка, Дж. Локка, Дж. Свифта, И. Ньютона, Дж. Гэя, Дж. Толанда, У. Конгрива, А. Коллинза, Дж. Аддисона, Р. Стиля⁸. В своих «Философских письмах» Вольтер нередко ссылаясь на труды графа Шефтсбери, А. Попа, М. Прайора, маркиза Галифакса.

Особенно высоко ценил Вольтер философа Джона Локка. Он не просто «открыл» его для Франции, но, как отмечал В.Н. Кузнецов, именно с Вольтера «началась всеевропейская известность Локка». Письмо за № 13 в «Философских письмах» посвящено «господину Локку». Автор восхищался его «мудрым методическим умом» и «точной логикой», хотя тот и не был «великим математиком». Метод познания, используемый Локком, представлялся Вольтеру совершенным. «Локк развернул перед человеком картину человеческого разума, как превосходный анатом объясняет механизм человеческого тела. Всюду он пользовался светочем физики; иногда он осмеливается утверждать, но осмеливается также и сомневаться, вместо того чтобы сразу же дать определение всему тому, чего мы не знаем; он шаг за шагом исследует

⁶ Там же.

⁷ Подробнее см.: Сиволап 1978. С. 67-77, 82-86.

⁸ Библиотека Вольтера... С. 109, 192, 206, 267, 268, 407, 563-564, 806, 811, 820.

то, что мы хотели бы знать... Вдребезги разбив врожденные идеи и полностью отвергнув тщеславное убеждение, будто мы постоянно мыслим, Локк устанавливает, что все наши идеи мы получаем через ощущения, прослеживает человеческое сознание во всех его функциях⁹. Анализируя философские взгляды своего английского предшественника, Вольтер приходит к заключению о «мудром и непритязательном» характере философии Локка.

Наряду с Локком Вольтер «открыл» своим соотечественникам и другого выдающегося англичанина – физика И. Ньютона. Он называл Ньютона «одним из величайших людей всех времен», «гением», принадлежавшим «всем академиям Европы». Как отмечал Н.И. Идельсон, сравнительно новая в те времена «ньютоновская доктрина» произвела огромное впечатление на Вольтера, который вскоре «сделался ее первым глашатаем во Франции»¹⁰. Вольтер становится «ньютономьянцем»: первым в Европе он признал необходимость популяризации учения Ньютона в широких кругах и в 1738 г. издал в Амстердаме «Элементы философии Ньютона, доведенные до всеобщего понимания».

Вольтер обращал внимание на «мощный талант» Ньютона, используемый ученым «для самообразования и просвещения других». Он приходил к заключению, что Ньютон «действительно велик» и его вряд ли можно сравнить с кем-то еще «на протяжении десяти веков». В «Философских письмах» Вольтер подробно остановился на анализе изложенной Ньютоном системы тяготения и его учениях об оптике, о бесконечности, о хронологии. «Прославленный Ньютон», подчеркивал философ, мог родиться только в Англии, где почитают «человеческий разум». В других же европейских странах еще не настали «времена Ньютона», поэтому его книги попадают под арест, как в Риме, или сжигаются на костре, как в Лиссабоне. «Великое счастье» Ньютона, заключал Вольтер, «состояло не только в том, что он родился в свободной стране, но и в том, что родился он во времена, когда схоластическая нетерпимость была изгнана, когда культивировался лишь разум и мир мог быть лишь его учеником, но не его врагом». К сказанному добавим еще одну деталь: авторство ставшей хрестоматийной легенды о падающем яблоке, которое будто бы натолкнуло Ньютона на создание теории о гравитационном притяжении, также приписывается Вольтеру.

К просвещенным умам Европы Вольтер причислял и лорда Болингброка. Хотя философ не всегда соглашался с учением своего ан-

⁹ Вольтер. Философские письма. С. 109-111.

¹⁰ Идельсон 1948. С. 217.

глейского друга о деизме, тем не менее он высоко ценил его исследование о книгах пророка Моисея: «Для человеческого ума невозможно возразить что-нибудь разумное на все, что сказал милорд Болингброк». Его книга, по признанию Вольтера, это «гром, поразивший суеверие». «Милорду Болингброку было дано разрушить теологическое безумие, так же как Ньютону было дано уничтожить ошибки в физике»¹¹. Вольтер высоко ценил просвещенность Болингброка, отмечая не только его дар «произносить экспромтом речи в парламенте», но и чистоту языка, которую сравнивал с «кабинетными сочинениями» Свифта. На взгляд философа, Болингброк являлся настоящим «украшением» английской Академии наук. Высоко оценивая заслуги Болингброка в борьбе с суеверием и его просвещенность, Вольтер по каким-то причинам упустил из виду его достижения на ниве изучения истории. Да и вообще, по его мнению, у англичан «вовсе нет хороших историков»¹². Это позволяет предположить, что философ либо не был знаком с историческими трудами Болингброка основательно, либо не причислял таковые к историческим работам.

Важное место в «Философских письмах» занимали оценки Вольтера произведений английских литераторов эпохи раннего Просвещения. Он высоко ценил сатирические произведения «гениального доктора Свифта», которого сравнивал с Рабле. На взгляд Вольтера, Свифт – это Рабле «в хорошем смысле этого слова», правда, он не владеет его веселостью, но зато «обладает всей той изысканностью, тем разумом, взыскательностью и хорошим вкусом, которых так недостает «медонскому кюре». Вольтера восхищала и поэзия Свифта, отличающаяся «отменным вкусом, почти неподражаемым»¹³.

Прекрасный знаток современной драматургии, сам являвшийся автором ряда пьес, Вольтер по заслугам оценил «Катона» Дж. Аддисона. Он отмечал, что Аддисон первым из англичан создал «дельную пьесу», написав ее «от начала до конца с изяществом». «Катон», на взгляд Вольтера, это «шедевр по своему слогу и красоте стиха». Просветитель не забыл отметить и достоинства английской комедии, отдав должное У. Конгриву, который «более всех содействовал росту славы комедийного театра». И хотя Конгрив написал немного пьес, отмечал Вольтер, но все они «в своем роде выдающиеся», «самые ост-

¹¹ Вольтер. Важное исследование милорда Болингброка, написанное в конце 1736 г. // Вольтер. 1961. Т. 1. С. 115, 164.

¹² Вольтер. Философские письма. С. 187, 177.

¹³ Там же. С. 175.

роумные и меткие»¹⁴. К «хорошим комическим поэтам» Вольтер причислял также известного журналиста и драматурга Р. Стиля. Не забыл Вольтер отметить талантливых поэтов Англии А. Попа и М. Прайора.

Не только Вольтер, но и другие мыслители Франции испытали на себе английское влияние. Так, Монтескье, отправившись в 1728 г. в путешествие по Европе, первым делом посетил Англию. Как и Вольтер, он восхищался государственно-политическим устройством страны, подчеркивая, что английский народ «лучше всех народов мира сумел воспользоваться тремя элементами, имеющими великое значение: религией, торговлей и свободой»¹⁵. Изучив труды своих английских предшественников, Монтескье пришел от них в восхищение и даже стал подражать их манере написания политических трактатов, за что его нередко упрекали критики¹⁶.

Большой интерес к Англии проявлял и основатель знаменитой «Энциклопедии» Д. Дидро. Уже в юные годы он зачитывался сочинениями Т. Гоббса, Дж. Локка, И. Ньютона, трудами английских историков. Когда же Вольтер опубликовал свои «Философские письма», интерес Дидро к произведениям английских авторов еще более возрос. Он начал заниматься переводами: в 1743 г. вышел в свет его перевод «Истории Англии» Станиана, а через год началась публикация шеститомного «Словаря всеобщей медицины, хирургии и химии» Джемса, среди переводчиков которого значилось и имя Дидро. Вскоре Дидро обратился к переводу «Принципов нравственной философии» графа Шефтсбери, подойдя к этой работе творчески: он изложил воззрения английского философа, «по-своему интерпретируя и дополняя их в соответствии с тем, как трактовались проблемы нравственности во французской философии. Переводческая по форме, эта работа Дидро имела в сущности творчески-философский характер»¹⁷. В 1745 г. Дидро было предложено стать переводчиком английской «Энциклопедии» Чемберса, что натолкнуло его на мысль о создании собственной «Энциклопедии».

Выяснив, каким образом происходило влияние английского наследия на французских просветителей, обратимся к изучению тех идей, которые привлекали философов Франции. Например, Вольтер открыто объявлял, что намерен «воспользоваться опытом» англичан¹⁸.

¹⁴ Там же. С. 174.

¹⁵ Монтескье 1955. С. 437.

¹⁶ The Enlightenment: The Proper Study of Mankind. P. 14.

¹⁷ Кузнецов 1986. Т. I. С. 9.

¹⁸ Вольтер. Философские письма. С. 177.

Что же более всего импонировало французским просветителям в идейном багаже британцев?

Вслед за Локком, Дефо, Болингброком, Стилем, Аддисоном, Галифаксом, которые, говоря о происхождении государственной власти, отстаивали теорию «общественного договора», французские просветители также выступали в ее защиту. Монтескье утверждал, что государство образуется посредством договора: «Народ в высшей степени избирает тех, кому он должен поручить часть своей власти»¹⁹. По мнению Вольтера, король получил власть от народа, который доверил ему свою безопасность. Убежденным сторонником данной теории был и Руссо, посвятивший ее анализу трактат «Общественный договор».

В поисках наилучшей формы правления французы часто обращались к английской модели. Наиболее притягательным для них стало конституционное устройство Англии, утвердившееся после Славной революции. Монтескье явное предпочтение отдавал конституционной монархии. Он считал, что «самая природа этого правления требует наличия нескольких сословий, на которые опирается власть государя», благодаря чему государство получает большую устойчивость, его строй оказывается более прочным, а личность правителей – в большей безопасности²⁰. Английское влияние прослеживается и в толковании Монтескье теории «разделения властей». Он, как и английские просветители, защищал необходимость разделения власти, утверждая, что «все погибнет», если «в одном и том же лице или учреждении» соединятся три ветви власти: «власть создавать законы, власть приводить в исполнение постановления... и власть судить преступления»²¹.

Подобно своим предшественникам, Вольтер и Руссо не раз обращались к теории сопротивления власти тирана, при этом, как и англичане, они оговаривали, что этим правом могут воспользоваться исключительно имущие слои. Французским просветителям импонировали также демократические свободы, о которых не раз писали англичане²². Восторженное отношение к идейному багажу английских просветителей иногда доходило до абсурда. Так, энциклопедисты обращались к теориям, которые отнюдь не были актуальными для французской действительности той поры (к примеру, концепция двухпартийной системы или имевшая чисто английское происхождение идея веротерпимости).

¹⁹ Монтескье 1955. С. 170.

²⁰ Там же. С. 209.

²¹ Там же. С. 290-291.

²² Подробнее см.: Лабутина 2005. С. 334-352.

Как бы то ни было, но разработанные просветителями Англии теории были взяты за основу, на которой энциклопедисты уже создавали собственные философские и политические учения.

Нельзя не заметить, что во Франции, как и в Северной Америке, в наибольшей степени британское влияние сказалось на общественно-политической мысли этих стран. Имели ли такое влияние английские идеи в России? Хотя история взаимоотношений Англии и России насчитывает 460 лет, однако наиболее прочные основы для культурного диалога двух стран были заложены в Век Просвещения, особенно в правление Петра I и Екатерины II. Петровские реформы, во многом инициированные и проведенные по западным «лекалам», показали, что наиболее ощутимыми оказались в данном процессе заимствования из британского опыта. Английский «след» отчетливо заметен в создании и строительстве морского флота, артиллерии, промышленных мануфактур, делопроизводстве, церковной, финансовой и образовательной реформах²³. Деятельность Российской Академии наук с первых дней существования была тесно связана с Королевским обществом Англии. По примеру англичан в России стали печатать первое периодическое издание «Ведомости», а также переводы сатирико-нравоучительного журнала просветителей Р. Стиля и Дж. Аддисона «Спектейтор». Что же касается английской политической литературы, оказавшей огромное влияние на просвещенные умы Франции и Америки, то в России она не прижилась. Переводы трудов Т. Гоббса и Дж. Локка, а также изложенные Ф. Прокоповичем в «Правде воли монаршей» идеи западноевропейской публицистики о происхождении государств, образе правления, власти монархов, успеха не имели. Произведение Локка «Два трактата о правлении» появилось в России в переводе с французского в 1720-е годы. Татищев находил этот труд «более вредительным, нежели полезным». Примечательно, что он не встретил одобрения и самого царя. Чтение подобных опусов, полагал Петр I, порождает «странные, с мудростью и пользою государства несогласные рассуждения»²⁴.

Заметное влияние на русскую культуру стала оказывать английская литература в правление Екатерины II. Внимание самой императрицы привлекли просветительский журнал С. Джонса «Скиталец» и дидактическое сочинение Р. Додсли «Наставник», рекомендации которого она намеревалась использовать в целях нравственного воспитания внуков. В 1769 г. в России начал выходить еженедельник «Вся-

²³ Подробнее см.: Лабутина 2013. С. 51-102.

²⁴ Цит. по: Польской 2002. С. 107-112.

кая всячина», работу над которым возглавила сама императрица. По мнению специалистов, издатели «Всякой всячины» во многом подражали авторам английского журнала – Р. Стилю и Дж. Аддисону.

Наиболее заметный вклад в дело популяризации просветительской литературы Великобритании внес известный литератор и переводчик Н. Новиков. В результате граждане России смогли познакомиться с переводами трудов видных ученых – философа И. Бентама, экономиста А. Смита, математика и физика И. Ньютона, юриста У. Блекстона, медика У. Бьюкена и многих других. Особый интерес вызвали переводы произведений Д. Дефо, Дж. Свифта, Г. Филдинга, А. Попа, Л. Стерна, Дж. Мильтона, С. Ричардсона, Э. Юнга, С. Джонсона, О. Голдсмита.

Широкую известность в среде дворянства получил труд Дж. Локка «Мысли о воспитании». Его первое издание появилось в переводе в 1760 г., второе – в 1788 г. Сама императрица в своих инструкциях по поводу воспитания внуков заимствовала целые страницы из этого сочинения. Большое влияние труд Локка оказал на образовательную концепцию сподвижницы Екатерины II княгини Е.Р. Дашковой, которая познакомилась с этим трудом во французском издании в 16-летнем возрасте, когда стала матерью и именно тогда принялась читать все, «что о воспитании было писано»²⁵. Свои взгляды на данный предмет она высказала значительно позже, в статье «О смысле слова воспитание» (1783), а также в ряде писем к сыну и другим корреспондентам. Сравнительный анализ текстов Локка и Дашковой позволяет сделать вывод о схожести многих положений в их концепциях²⁶. Подобно Локку, Дашкова отдавала воспитанию предпочтение перед образованием, разделяла воспитание на физическое, нравственное и школьное или классическое, давая в своей статье «О смысле слова...» подробную характеристику каждого из них²⁷. Однако при всей схожести трактовки классического образования в работах Локка и Дашковой заметно существенное различие, заключающееся в том, что английский просветитель ратовал за домашнее, а Дашкова отдавала предпочтение школьному образованию. Вместе с тем, она, как и Локк, не исключала из воспитательного процесса гувернера, «сведущего в науках» и «строго честных правил»²⁸. Подобно Локку, Дашкова полагала, что «воспитание более примерами, нежели предписаниями, преподается», и что оно «ранее начинается и

²⁵ Письмо к К. Вильмонт с размышлениями о вопросах воспитания. 15 ноября 1805 г. // Дашкова 2001. С. 219.

²⁶ Подробнее см.: Лабутина 2014. С. 58-70.

²⁷ Дашкова 2001. С. 125-126.

²⁸ Там же. С. 232.

позднее оканчивается, нежели вообще думают»²⁹. Как и английский просветитель, Екатерина Романовна была убеждена в необходимости завершения образования в путешествиях за границей. Причем в отличие от Локка она очень подробно останавливалась на данном сюжете.

Хотя в образовательных концепциях просветителей двух стран было немало общего, тем не менее вряд ли можно говорить о полной рецепции локковского учения в работах Дашковой. В ее дидактической программе можно найти немало отличий от педагогических постулатов Локка. Современная исследовательница Е.П. Зыкова обращает внимание на два важных момента. Во-первых, в мышлении Дашковой появилось новое, историческое измерение, которое, во-вторых, соединилось с попыткой осознать, что же реально дали русской культуре контакты с Европой³⁰. Хотя существовавшее в прошлом в России воспитание, по мнению Дашковой, и нельзя было считать настоящим воспитанием, были в образовательном процессе той поры и свои положительные черты: «воспитанники тогдашние не стыдились еще быть русскими». Все переменялось к худшему, когда в России начали перенимать европейские обычаи. «Отцы наши воспитать уже нас желали как-нибудь, только чтоб не по-русски и чтоб чрез воспитание наше мы не походили на россиян, – с горечью констатировала Екатерина Романовна. – Тогда танцмейстеры, французские учителя или мадамы, по их мнению, все воспитание совершали, хотя с улиц парижских без пропитания шатающиеся или от заслуженного в Отечестве своем наказания укрывающиеся оными воспитательницами по большей части бывали»³¹. Дашкова выступала с резкой критикой подобного воспитания детей, считая его вредным.

Российская элита знакомилась с достижениями английского Просвещения не только через переводы трудов его идеологов, но и благодаря непосредственным контактам с представителями интеллектуального движения. Яркий пример – та же княгиня Дашкова. Она дважды посетила Англию, а также побывала в Шотландии, где познакомилась с просветителями У. Робертсоном, А. Смитом, А. Юнгом А. Фергюсоном. Восторженные отзывы о порядках и государственном устройстве Великобритании позволили ученым причислить ее к англоманам, как и ряд других высокопоставленных лиц: Г. Потемкина, Воронцовых, Чернышевых, Куракиных, Орловых. Все они, по признанию британского историка Э. Кросса, «глядели на Англию с почтением и восторгом»³².

²⁹ Там же. С. 124.

³⁰ Зыкова 2001. С. 100.

³¹ Дашкова 2001. С. 120-121.

³² Кросс 1996. С. 293.

Подведем итоги. Сравнительный анализ трансферта британской культуры в Век Просвещения в ряде стран позволяет сделать вывод о том, что этот процесс напрямую зависел от социально-экономических условий и политической ситуации стран, воспринимавших культуру передовой для своего времени Англии. И потому в тех странах, где назревала буржуазная революция, наиболее востребованной оказалась идейно-политическая составляющая британского «наследия», а ее проводниками стали представители буржуазии. В России, где все еще сильны были феодальные отношения, просветительская идеология не находила отклика. Вместе с тем, Россия оказалась открытой для восприятия западной, и не в последнюю очередь британской культуры в более широком масштабе. Высшие эшелоны власти интересовались скорее достижениями передовой науки, техники, образования Англии, нежели ее политическим устройством. В отличие от других стран проводниками западной культуры в России выступала политическая элита во главе с монархом. Гражданское общество было еще не в состоянии формулировать насущные задачи для какого-либо реформирования государственного устройства, а потому и не способно выбирать из культурного наследия более развитых стран подходящие элементы его идейной составляющей. Таким образом, нам представляется вполне допустимым говорить о различных формах восприятия культур, а также о возможности создания типологии межкультурных коммуникаций.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Библиотека Вольтера. Каталог книг. М., Л., 1961.
- Вольтер*. Бог и люди. Статьи, памфлеты, письма. В 2 ч. М., 1961. Т. 1.
- Вольтер*. Статьи и материалы. М.; Л., 1948.
- Вольтер*. Философские сочинения. М., 1988.
- Дашкова Е.Р.* О смысле слова «воспитание» // *Дашкова Е.Р.* Сочинения, письма, документы. СПб., 2001.
- Зыкова Е.П.* Англофильство Е.Р. Дашковой в контексте русской культуры XVIII века // Е.Р. Дашкова и российское общество XVIII столетия. М., 2001.
- Кросс Э.* У Темзских берегов. Россияне в Британии в XVIII веке. СПб., 1996.
- Кузнецов В.Н.* Философское наследие Дидро // *Дидро Д.* Соч.: В 2 т. М., 1986. Т. I.
- Лабутина Т.Л.* Британский «след» в творчестве энциклопедистов Франции // *Лабутина Т.Л.* Культура и власть в эпоху Просвещения. М., 2005.
- Лабутина Т.Л.* Восприятие, заимствования и отторжение британской культуры в петровской России // *Лабутина Т.Л.* Британцы в России в XVIII веке. СПб., 2013.
- Лабутина Т.Л.* *Ильин Д.В.* Английское Просвещение. Общественно-политическая и педагогическая мысль. СПб., 2012.
- Лабутина Т.Л.* Учение Джона Локка об образовании в восприятии Е.Р. Дашковой // Е.Р. Дашкова и русская культура. От эпохи Просвещения к современности. М., 2014.

- Монтескье. Ш. Избранные произведения. М., 1955.
- Польской С.В. Политические идеи Джона Локка в России первой половины XVIII века // Философский век. Альманах 19. СПб., 2002.
- Рубинштейн Е.Б. Американская конституционная доктрина и британская политическая мысль в предреволюционный период. Кустанай, 2001.
- Сиволоп И.И. Социальные идеи Вольтера. М., 1978.
- The Enlightenment: The Proper Study of Mankind. N.Y., 1967.
- Kramnick I. Bolingbroke and His Circle. The Politics of Nostalgia in the Age of Walpole. Harvard, 1968.
- Maier P. From Resistance to Revolution. Colonial Radicals and the Declaration of American Opposition to the Great Britain. 1763-1776. New York, 1972.

REFERENCES

- Biblioteka Vol'tera. Katalog knig. M., L., 1961.
- Vol'ter. Bog i lyudi. Stat'i, pamflety, pis'ma. V 2 ch.. M., 1961. T. 1.
- Vol'ter. Stat'i i materialy. M.; L., 1948.
- Vol'ter. Filosofskie sochineniya. M., 1988.
- Dashkova E.R. O smysle slova «vospitanie» // Dashkova E.R. Sochineniya, pis'ma, dokumenty. SPb., 2001.
- Zykova E.P. Anglofil'stvo E.R. Dashkovoï v kontekste russkoi kul'tury XVIII veka // E.R. Dashkova i rossiiskoe obshchestvo XVIII stoletiya. M., 2001.
- Kross E. U Temzskikh beregov. Rossiyane v Britanii v XVIII veke. SPb., 1996.
- Kuznetsov V.N. Filosofskoe nasledie Didro // Didro D. Soch.: V 2 t. M., 1986. T. I.
- Labutina T.L. Britanskii «sled» v tvorchestve entsiklopedistov Frantsii // Labutina T.L. Kul'tura i vlast' v epokhu Prosveshcheniya. M., 2005.
- Labutina T.L. Vospriyatie, zaimstvovaniya i ottorzhenie britanskoi kul'tury v petrovskoi Rossii // Labutina T.L. Britantsy v Rossii v XVIII veke. SPb., 2013.
- Labutina T.L. Il'in D.V. Angliiskoe Prosveshchenie. Obshchestvenno-politicheskaya i pedagogicheskaya mysl'. SPb., 2012.
- Labutina T.L. Uchenie Dzhona Lokka ob obrazovanii v vospriyatii E.R. Dashkovoï // E.R. Dashkova i russkaya kul'tura. Ot epokhi Prosveshcheniya k sovremennosti. M., 2014.
- Montesk'e. Sh. Izbrannye proizvedeniya. M., 1955.
- Pol'skoi S.V. Politicheskie idei Dzhona Lokka v Rossii pervoi poloviny XVIII veka // Filosofskii vek. Al'manakh 19. SPb., 2002.
- Rubinshtein E.B. Amerikanskaya konstitutsionnaya doktrina i britanskaya politicheskaya mysl' v predrevolyutsionnyi period. Kustanai, 2001.
- Sivolap I.I. Sotsial'nye idei Vol'tera. M., 1978.
- The Enlightenment: The Proper Study of Mankind. N.Y., 1967.
- Kramnick I. Bolingbroke and His Circle. The Politics of Nostalgia in the Age of Walpole. Harvard, 1968.
- Maier P. From Resistance to Revolution. Colonial Radicals and the Declaration of American Opposition to the Great Britain. 1763-1776. New York, 1972.

Лабутина Татьяна Леонидовна, доктор исторических наук, профессор, ведущий научный сотрудник Института всеобщей истории РАН; tlabutina2007@yandex.ru

Reception of the Ideological Heritage of English Enlightenment in the USA, France and Russia in the 18th century

The article explores the influence of the ideological and cultural heritage of England on intellectual elite of the USA, France and Russia in the age of the Enlightenment. The author emphasizes a non-unified process of the transfer of British political culture in various countries, due to the differences in their economic and political development. In the countries where bourgeois revolution took place, the ideological and political component of British "heritage" was in high demand, and representatives of the bourgeoisie became its conductors. This ideology did not find a response in Russia where the feudal relations were still strong. At the same time, Russia was open for all things western, and to the British culture on larger scale. Elites were more interested rather in achievements of science, technology, education, culture of England, than in its political system. Unlike other countries, in Russia the political elite as conductors of the Western culture was influenced by the acts of monarchs. Civil society was not able to formulate essential tasks for any reform of a state system yet, and therefore was not capable to choose suitable ideological elements from cultural heritage of more developed countries. Thus, it is possible to speak about various forms of perception of cultures, and also about possibility of classification of typology of cross-cultural communications.

Keywords: The Enlightenment, XVIII century, socio-political thought, perception, culture, education, political elite, the USA, France, Russia.

Tatiana Labutina, Dr.Sc. (History), Professor, Leading Research Fellow, Institute of World History, Russian Academy of Sciences; tlabutina2007@yandex.ru

М. П. АЙЗЕНШТАТ

ПРОШЛОЕ В ПОЛИТИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЕ БРИТАНИИ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XVIII ВЕКА

В статье анализируется фактор прошлого в повседневной жизни, политическом поведении англичан и британских политических институтах. Рассматривается также роль прошлого в формировании мировоззрения вигов и тори и в их парламентской полемике второй половины XVIII в.

Ключевые слова: *политическая культура, история, прошлое, парламент, парламентские дебаты, виги, тори, радикалы.*

Изучение истории исторической мысли в течение последних двадцати лет превратилось в одно из динамично развивающихся направлений интеллектуальной истории, характерной чертой которого стал выход за пределы исследования историописания, сводимого к изучению представлений того или иного автора об истории, ее методах, целях и т.д. Встал, в частности, вопрос как о «физической» судьбе рукописи автора: её публикации, распространении, формировании библиотек, так и её «духовного» существования в интеллектуальной жизни общества: понимания авторских идей читателем, ретрансляции прочитанного, либо собственной интерпретации текста¹.

Особое место в современных исследованиях заняла проблема значимости исторического знания в политической жизни общества². Конкретное исследование разнообразных проявлений их связи позволяет не только раздвинуть границы традиционных подходов к анализу политической истории, но и существенно расширяет возможности изучения состояния и форм исторической мысли в обществе на разных этапах его истории. Данная статья представляет собой попытку рассмотреть место прошлого в политической культуре Британии второй половины XVIII в. Под политической культурой подразумевается совокупность средств, каналов, моделей поведения, через которые осуществляется вхождение индивида в политику, а также, его деятельность в ней, что предполагает единство политических знаний, сознания, убеждений и ценностей, действия и институтов³. Избранный период – в силу особенностей его по-

¹ См.: Репина, Зверева, Парамонова 2013; Бодров 2006; Репина (отв. ред.) 2008; Бобкова, Мереминский (отв. ред.). 2008; Айзенштаг (отв. ред.) 2012; и др.

² Вандалковская 1992; Гене 2002; Айзенштаг 2011.

³ <http://rudocs.exdot.com/docs/index-55052.html>.

литической истории – дает возможность выявить как стабильность, так и изменения роли прошлого в политической культуре Британии. Осветить проблему полностью в рамках одной статьи невозможно. Здесь будут обозначены лишь наиболее значимые аспекты.

Исторический опыт – неотъемлемая часть политической культуры любой страны. Но в складывании и функционировании британской государственно-политической и правовой систем прошлое занимает особое место. Это наглядно демонстрируют сессии парламента, их открытие и закрытие, повседневная рутинная законотворческая деятельность. Взаимосвязь прошлого и политики в Британии обозначилась ещё в Средние века. Издавна исторические сочинения служили обоснованием претензий на ту или иную территорию и права монарха на престол⁴. Со временем эта связь приобрела институциональное измерение: прецедент и традиции стали одной из основ жизни английского парламента, его структуры, легли в основу механизма функционирования обеих палат привилегий депутатского корпуса, определив процедуру заседаний, ритуалы, привилегии депутатского корпуса (избрание спикера, свобода слова, неприкосновенность личности).

Обращение антиквариев к истории острова и парламента в начале царствования Якова I Стюарта явилось реакцией на политику монарха. В то же время оно отражало усиление позиций нового дворянства и буржуазии, их стремление укрепить роль парламента утверждениями о том, что он появился раньше королевской власти. Запрет деятельности общества антиквариев стал ответом властей, что подчеркнуло политический характер и политическую значимость исторических изысканий. Апелляция к прошлому усилилась в преддверии Английской революции и в годы гражданской войны, когда роялисты во главе с Карлом I и сторонники парламента обосновывали свои позиции. В первой половине XVIII в. в исторических произведениях и в памфлетной литературе те или иные события прошлого использовались для выражения позиций парламентских группировок тори и вигов по насущным государственно-политическим и нравственным проблемам.

Вторая половина XVIII в. стала временем резких поворотов в политической истории страны, в которых отразились важные перемены, обусловленные началом промышленной революции, ростом городов и городского населения. Так, 1750-е годы – последнее десятилетие правления Георга II – отмечено безраздельным правлением вигов. Со смертью наследника престола в 1751 г. оппозиция потеряла высокого покров-

⁴ См., напр.: Браун 2012. С. 204-217.

вителя и находилась в довольно беспомощном состоянии. Смена монарха в 1760 г. принесла кардинальные изменения. Георг III отстранил вигов, к власти пришли так называемые друзья короля, теперь виги оказались в оппозиции. 1760-е годы отмечены завершением Семилетней войны и зарождением радикализма. В 1770-е – разразилась война с американскими колонистами, а в конце 1780-х произошла революция во Франции. 1790-е гг. принесли начало войны с революционной, а затем наполеоновской Францией. К концу века центр политической жизни переместился в парламент. И дело было не только в развитости политической системы, но и в изменении образа института монархии⁵, особенностях правления Георга III и его болезни. Именно тогда была признана роль первого министра – как первого среди равных, что еще в первой половине XVIII в. отрицалось современниками. На протяжении всех этих десятилетий виги изредка на непродолжительный срок приходили во власть. Они не были единой парламентской партией, а представляли собой несколько группировок, которые возглавляли представители аристократических родов. Несмотря на отстранение от власти, отсутствие сплоченности, виги оставались значимым элементом функционирования политической системы. Находясь в оппозиции, они подвергали критике действия кабинета, выявляли слабые стороны его политики.

Все эти события внешне- и внутривнутриполитического характера, совпав по времени с началом промышленной революции, отразились на жизни общества, особенно в связи с ростом государственного долга и налогового бремени. Среди спонтанных протестов экономического толка появляются движения особого рода – за права и свободы, «с древних времен» принадлежавшие британцам. Они явились реакцией на действия властей, среди них наиболее значительные – стали протест фермеров юга Британии против налога на сидр, против поправок прав депутатов (Д. Уилкса и Ф. Бердета), против преследования прессы⁶.

Проявились изменения и в политическом поведении. Как виги, так и радикалы начинают активнее использовать внепарламентские методы борьбы, а именно: образование различного рода политических объединений и клубов, проведение собраний (митингов) по разным поводам, использование набиравшей силу прессы. Хотя результаты не всегда совпадали с первоначальными целями, эти явления свидетельствовали о начавшихся переменах в настроении общества⁷.

⁵ Smith H. 2006.

⁶ Айзенштат 2009. С. 103-122.

⁷ Подробнее об этом см.: Айзенштат. 2008. С. 53-55.

В условиях экономической нестабильности и новшеств в политике возрастало значение опыта прошлого как стабилизирующего фактора. К историческим фактам и событиям обращались юристы, философы и литераторы⁸. Прошлое сохраняло значение в общественной жизни, выполняя воспитательные, назидательные функции. История Британии и других стран играла роль своеобразной «кладовой», из которой можно было черпать позитивные и негативные примеры как поступков людей, так и действий властей. Прежде всего, важная роль отводилась биографиям государственных деятелей, полководцев, политиков, ученых. Интерес к таким сочинениям был чрезвычайно велик⁹. Связь с прошлым проявлялась и в повседневной жизни основной части населения – сельских жителей, самого консервативного слоя общества. Их предки десятилетиями, если не веками, жили на возделываемой земле, сохранялись устоявшиеся взаимоотношения с землевладельцем и соседями. Политическое поведение фермеров и части арендаторов при наличии соответствующего избирательного имущественного ценза проявлялось на голосовании во время выборов. Обычно они действовали в соответствии с указаниями местного лорда, а случаи избирательной борьбы были редки¹⁰. В жизни деревни традиции сохраняли важнейшее значение, однако начавшаяся урбанизация обозначила разрыв с ними, а уже мигранты в качестве наемных работников впоследствии вовлекались в радикальное движение – изменение социального статуса вело к изменению политических взглядов и политического поведения. Усиливалась роль исторического опыта в общественном сознании и в политике, чему немало способствовали публикации ярких сочинений, оказавших влияние на развитие исторической и общественно-политической мысли Британии.

Среди таких произведений – «Письма об изучении и пользе истории» Генри Сент-Джона лорда Болингброка, одного из наиболее известных мыслителей английского Просвещения, и «История Англии от вторжения Юлия Цезаря до революции 1688 г.» Д. Юма. «Письма...» были написаны в 1736 г., а опубликованы после смерти автора в 1752 г. И до конца века вышло пять изданий¹¹, что, вне всякого сомнения, является свидетельством популярности труда Болингброка. Юм в 1754 г. издал первые два тома, посвященные периоду правления Стю-

⁸ См., например, перечень исторических сочинений просветителя, драматурга О. Голдсмита. (Голдсмит. 1974. С. 375-376).

⁹ Это значение возрастало в трудах британских интеллектуалов в следующем столетии: Соколов 2014, 249-262.

¹⁰ Айзенштат 2010. С. 307-322.

¹¹ Барг, Авдеева 1998. С. 182.

артов, затронув, тем самым, бурную эпоху, отзвуки которой продолжали волновать современников. В полном объеме «История...» появилась в 1763 г., а впоследствии неоднократно переиздавалась, что также являлось показателем пристального внимания читателей¹².

Необходимо также назвать имена К. Маколей, У. Годвина, Э. Гиббона, Э. Берка, Т. Пейна и др. В своих произведениях они напрямую или косвенно обращались к разным эпохам¹³, тем не менее, их истории (или упоминание событий и фактов прошедших десятилетий и столетий) являлись отражением непосредственной реакции на события, происходившие в стране и мире. Именно такая апелляция к прошлому, продиктованная проблемами сегодняшнего дня, и может быть названа одним из важнейших факторов общественной жизни. Как и в период, предшествовавший Английской революции, когда назревал политический кризис и возрастала социальная напряженность, возникла настоятельная потребность найти в прошлом ответы на волновавшие общество вопросы, найти истоки или причины кризисных явлений настоящего.

Во второй половине века благодаря росту грамотности все более широко распространялась пресса. Наряду с газетами издавались журналы¹⁴. Тройственный характер функций прессы – средства информации, средства формирования и отражения общественного мнения. По количеству продаваемых экземпляров и откликам читателей редакторы могли судить о реакции общества на издательскую линию, приспосабливаться к его мнению, предугадывать и определять изменения в настроениях и предпочтениях читателей разных социальных слоев.

В журналах видное место занимали различного рода материалы об истории: сообщения об опубликованных книгах, рецензии, наконец, исторические очерки, в основном посвященные государственным деятелям, полководцам, людям, жизнь и смерть которых вызывала повышенный интерес в обществе. При этом разброс событий и персонажей был чрезвычайно велик: от Емельяна Пугачева, царевича Димитрия, Оливера Кромвеля до У. Питта Старшего. Чаще всего это были не традиционные для сегодняшнего дня биографии с указанием времени и места рождения, жизненного пути, занимаемых постов и т.д. Скорее это

¹² Подробнее см.: Там же. С. 292-304; Креленко 2012. С. 66-74; и др.

¹³ Репина, Зверева, Парамонова 2004. С. 145-149; Креленко 2009. С. 45-47; Чудинов 1996. С. 60-101; Ингер 1973; и др.

¹⁴ См., например: The London magazine and Gentleman's monthly Intelligencer; The Parliamentary Register or History of the proceedings and debates of the House of commons; The New Annual Register; The Jockey club; or a sketch of the manners of the Age; The Political magazine, and Parliamentary, Naval, Military, and Literary journal, etc.

были портреты, в которых давалась характеристика личностных черт. Они являлись ярким показателем интереса к истории как своего рода к учителю, наставляющему читателя. Так, в очерке о Дж. Гренвиле автор писал о его благородстве и бескорыстии, «намерении принести благополучие обществу», о том, что он был амбициозным человеком, но свое возвышение связывал не с мелкими политическими интригами или поддержкой двора, а приход к власти для него означал возможность служения народу¹⁵. Эти эссе вызвали живой отклик читателей, но не всех удовлетворяла традиционная форма. Один из читателей сетовал, что издается много биографий, но среди них нет хороших; он полагал, что они должны сопровождаться описанием «характера эпохи и страны»¹⁶.

Обращение к традициям играло важную роль в мировоззрении непримиримых тори, базируясь на принципах наследственной монархии. Вплоть до 1780-х гг. эта позиция препятствовала признанию тори прав на престол Ганноверского дома. А идея радикалов о кардинальной реформе системы представительства была призвана вернуть народу политические права, принадлежавшие ему в древности¹⁷.

Наиболее ярко роль прошлого проявилась в жизни и взглядах вигов. Благодаря праву первородства поместье и дом оставались в распоряжении старшего наследника мужского рода. В доме находились поколениями собиравшийся фамильный архив и библиотека, портреты предков. С детства познавались семейные легенды и предания, рассказы о деяниях прадедов: так отпрыски вигов погружались в атмосферу прошлого. Одновременно им внушалась гордость за принадлежность к вигам, пренебрежительное, если не враждебное отношение к тори. Эти чувства также имели обоснования, уходившие корнями в исторические события и историческую память. Семейными традициями был обусловлен выбор школы и университета, где они получали образование, женитьба, а также карьера на политическом поприще в лагере вигов.

Связь с прошлым для политиков приобретала особое значение: прецедентное право распространялось на судебные дела и законотворческую деятельность парламента, поэтому представители депутатского корпуса должны были обладать основательными знаниями по истории права и парламента¹⁸. В то же время они демонстрировали доскональное знание кровнородственных связей окружавших людей. Тот или

¹⁵ London magazine ... for the 1775. February. P. 64-65.

¹⁶ London magazine ... for the 1778. January. P. 7.

¹⁷ Семенов. 2008. С. 129-131.

¹⁸ Честерфилд 1971. С. 298-299.

иной человек рассматривался и оценивался в контексте череды сложно переплетенных браков и рождения детей в прошлом и настоящем¹⁹. Кроме того, в повседневной жизни и политическом споре виги часто обращались к опыту прошлого. Исторические анекдоты (удачные фразы, забавные или парадоксальные ситуации, имевшие место в истории страны) являлись обычным явлением в речах и разговорах, что нашло яркое отражение в их переписке²⁰. В истории Британии виги видели себя не просто поборниками прав и свобод своей страны. В первой половине века утвердилось их представление о собственной роли в истории страны. Они видели себя хранителями традиций парламента в периоды кризисов, и такая самооценка во многом обусловила характер их обращения к прошлому в парламентской полемике²¹.

Апелляция к прошлому стала неотъемлемой частью парламентской риторики, как вигов, так и тори в силу прецедентного права, но на протяжении десятилетий она претерпела заметные изменения.

При обсуждении законопроектов традиционно упоминались подобные акты прежних королей, их имена и годы правления²². При этом ораторы нередко проявляли не просто хорошее знание, а глубокое погружение в предысторию рассматриваемого билля²³. Такие обращения рутинного характера, присущи в наибольшей мере 1750-м годам, когда ими сопровождалось прохождение практически каждого законопроекта. Со временем произошло их сокращение, а в 1790-е гг. ссылки на прецедент стали уже скорее исключением. Так, для вига Ч.Д. Фокса подобная ссылка была продиктована не поиском прецедента, а борьбой с главой кабинета. Представляя себя защитником конституции, на деле Фокс стремился сместить У. Питта Младшего с поста²⁴. Сокращение рутинных упоминаний было обусловлено внутренними и внешними причинами. В парламенте появились билли, которые не имели прецедента. К ним можно отнести широкий круг вопросов, связанных с взбунтовавшимися американскими колониями, или акты по Ост-Индской компании, которые являлись, по сути, вмешательством в дела и структуру торговой монопольной компании. В силу этих обстоятельств можно

¹⁹ См., например: Walpole 1840. V. 2. P. 260, 403, etc.

²⁰ Честерфилд 1971. С. 32, 33-34, 44, 74-75, 88-89, 121 и др.; Walpole 1840. P. 278, 285, 312, 325; Cavendish. 1982. P. 57-58.

²¹ Mitchell 2007. P. 1-15.

²² См., например: обсуждение вопроса о ночной страже г. Бристоль. / The Parliamentary history of England. L., 1813. V. 15. P. 469-479. (Далее – PH).

²³ Ibid. P. 365-375, 249-262, etc.

²⁴ The Parliamentary register; or, history of the proceedings... V. 1. P. 100-103.

также говорить о постепенном сокращении значения прецедента в законотворческой деятельности депутатского корпуса.

Опыт прошлого становился особенно востребованным в кризисных ситуациях. Примером может служить длительная парламентская полемика по вопросу о выборах, отмеченных небывалым размахом злоупотреблений. Внимание парламента с ноября 1754 г. было приковано к результатам выборов в графстве Оксфорд в связи с поступившими жалобами на их проведение, и утверждением четырех «рыцарей» от графства, вместо положенных двух. В избирательной кампании приняли участие по два представителя «нового» (т.е. виги) и «старого интереса» (т.е. тори). Она отличалась небывалым накалом, который свидетельствовал не только о политическом размежевании жителей графства, но и о размахе подкупов. Обеим сторонам кампании обошлись очень дорого²⁵, что говорило об использовании коррупционных приемов. Необходимость в надлежащий срок объявить результаты, а главным образом боязнь утвердить избрание оппозиционных кандидатов и послужили причиной вынесения шерифом окончательного решения вопреки установленным порядкам. В результате никто из четверых не мог заседать в палате, а графство оказалось лишенным своих представителей в ней.

В палате прозвучало оправдание действий шерифа, вынужденного поступить, по утверждению оратора, исходя из интересов собственной безопасности. Высказывания Чарльза Мордаунта, сославшегося на прецеденты²⁶, определили направление дискуссии: оправдание или обвинение шерифа, апелляция к прошлому, определение источника опасности для конституции, либо утверждение полного её отсутствия. Находившиеся у власти виги склонялись к оправданию действий шерифа экстраординарными обстоятельствами, в силу которых он был вынужден предоставить на суд палаты окончательное решение. Они высказывались против необоснованного беспокойства, так как именно необоснованная тревога более столетия тому назад (в годы Английской революции – *М.А.*) привела к наихудшим последствиям, изменив устройство церкви и государства²⁷. В ходе прений внимание было сконцентрировано на вопросе о копигольдерах. Так, Фрэнсис Дэшвуд посчитал его «вопросом чрезвычайной важности» в связи с тем, что в графствах проживают копигольдеры, которые имеют доход в 40 шил-

²⁵ Современники полагали, что была истрачена «невероятная» сумма – более 5,5 тысяч фунтов. The Grenville papers. V. 1. P. 132, note.

²⁶ РН. V. 15. P. 395-398.

²⁷ Ibid. P. 401-404.

линггов (размер избирательного ценза для графств) и выше. И если специально не оговорить в законе, то шерифы смогут воспользоваться их голосами. Шерифов назначает премьер-министр, поэтому исключается возможность избрания независимых от правительства кандидатов, что ведет к усилению власти двора. История Рима, говорил он, показывает, что правление с «тенью» парламента или сената, может быть более деспотичным и тягостным для народа, чем абсолютная монархия: достаточно сравнить правление любого из цезарей или других императоров Рима с тиранией турецкого султана. Конституция в опасности, поэтому в руках шерифов не должно быть права допускать или не допускать копигольдеров к выборам²⁸.

Представители оппозиции категорически высказались против наделения копигольдеров правом голоса. Фригольдеры всегда имели это право как владельцы земли, как народ, представители общин (people). Но вопрос о копигольдерах должен быть рассмотрен и уточнен²⁹.

Виг Гораций Уолпол отверг предположения об опасности для конституции. Копигольдеры, утверждал он, никогда не голосовали и не должны были голосовать. Как держатели земли по воле их лорда, они не представляют собой часть народа, а являются низшим слоем древних жителей, которым саксы позволили жить среди них и служить им после завоевания Англии. По этой причине их называют местными жителями или туземным населением (natives). От саксов они получили небольшие наделы земли, чтобы могли обеспечить себя и свои семьи³⁰.

Уолпол обратился к более близким временам, когда, по его словам, мятежные бароны вырвали у Генриха III указ о выборах двух рыцарей от каждого графства, двух – от каждого города и двух – от каждого местечка, тогда фригольдеры получили право голоса. После победы над баронами указ был отменен, но восстановлен при Эдуарде I. Со времен Елизаветы шерифы порой допускали копигольдеров к выборам, что рассматривалось арендаторами как тяжкая повинность³¹. Но уже много лет, как прежде зависимые копигольдеры стали свободными в связи с тем, что их держание превратилось в ренту по обычаю манора, а кое-где и по закону. Свободу копигольдеров Уолпол связывал также с тем, что в период правления Вильгельма и Марии их включили в состав присяжных. Копигольдер свободен, как и фригольдер; при условии получения

²⁸ РН. V. 15. P. 431-437.

²⁹ Ibid. P. 437-441.

³⁰ Об обычаях, статусе фригольдеров и копигольдеров см.: Винокурова 2002.

³¹ Тяжесть такой повинности объяснялась тем, что избиратели должны были оплатить расходы по поездке своего представителя в парламенте.

дохода в 300 фунтов в год он уже именуется джентльменом и может заседать в палате как представитель своего округа; а при наличии дохода в 600 фунтов – от графства. В этом Уолпол видел большое преимущество для конституции и свободы. Сравнивая государство с пирамидой, он говорил, что его устойчивость зависит от крепкого и обширного базиса. Его создает конституция, дающая право каждому свободному человеку принимать участие в законодательном органе лично или через представителя. На данный момент большинство копигольдеров лишено этого, но их наделение таким правом прибавит силы конституции. Более того, их надо также наделить правом полноценного участия в делах советов графств. Тем самым, оратор высказался за расширение электората и политических прав значительной части населения страны³².

Если в выступлении Уолпола прозвучало признание элементов развития (изменение статуса копигольдеров)³³, то в речах тори проявилось полное его отрицание. Ричард Бекфорд обстоятельно описал строй германцев, по произведениям Тацита, Цезаря и древней истории Британии. Саксонская армия состояла из некоего числа племен, и возглавлялась принцем. Завоеванные земли поделены между вождями племен в соответствии с их численностью, и образовались графства. Свою долю вожди разделили на части – маноры, а солдатам выделялся участок земли (этим оратор объяснял различия в размерах графств, маноров и владений). Таким путем саксонские свободные мужчины получили право выбирать магистраты и гражданских чиновников. Только позднее им было дано право избирать представителей в парламент. Сегодня все жители королевства свободны, но это не означает, что они имеют право выбирать рыцарей в графствах. Бедняки не придают значения благам свободы, следовательно, они будут продавать ее, восторгаясь титулами и экипажами состоятельных людей, и тогда могут быть избраны недостойные люди, которые будут продаваться за пенсии и другие блага, усилится влияние шерифов. Все вместе это приведет к изменению баланса сил во властных институтах. Конституция будет в опасности, если не запретить участие копигольдеров в выборах. Нельзя доверять свободы тем, кто не заинтересован в их сохранении³⁴.

Длительная и бурная полемика, вызванная выборами в графстве Оксфорд, дает представление о мировоззрении политической элиты середины века, когда роль тори была незначительной, а борьба за власть

³² РН. V.15. P. 441-450.

³³ В этом вопросе Уолпола поддержали и другие виги. Ibid. P. 458-463.

³⁴ Ibid. P. 450-458.

шла между группировками вигов. Обращение к завоеванию германскими племенами служило дополнительным обоснованием воцарения Ганноверского дома в Британии. В то же время дискуссия о копигольдерах выявила утвердившееся представление о том, что дворянство и фригольдеры являлись прямыми потомками завоевателей, а копигольдеры – потомками «туземного населения», сохранившегося со времен саксонского завоевания, что можно рассматривать как отрицание развития.

Конкретная политическая ситуация отразилась на восприятии и интерпретации событий Английской революции, личности и деятельности Карла I. В середине XVIII в. ни имя самого короля, ни его законы практически не упоминаются членами палаты. Одна из причин умолчания кроется в «беспарламентском правлении» Карла I, что исключало ссылки на прецедент. Вместе с тем ситуация осложнялась недавней (1745–46 гг.) попыткой Стюартов вернуть престол³⁵. Она стала последней, но современники не могли этого знать. Прозрачные намеки на бурные события того времени служили скорее доводом устрашения оппозиции, чем аргументом в политической полемике.

Однако в начале семидесятых годов, когда власть Ганноверов укрепилась, а Стюарты прекратили свои попытки, происходят заметные изменения. Всё чаще звучит имя Карла I, нередко именовавшегося «несчастливым королем». Наиболее часто упоминаемым событием прошлого становится Английская революция середины XVII века. Обращение к ней происходило в контексте упоминаний ошибок власти. Уже в январе 1770 года. Э. Берк довольно резко реагировал на слова членов кабинета о том, что в обществе отсутствует недовольство по поводу Миддлсекских выборов. Берк утверждал: «Министры несчастного Карла I рассказывали те же сказки, что мы слышим сейчас, сегодня прибегают к тому же искусству обмана». Эта фатальная лож сопутствовала Карлу вплоть до его смертного часа, утверждал он³⁶. Лорд Кэмден, упомянув корабельные сборы (они вызвали негодование в народе), восклицал: тогда тоже говорили, что власть действует законно, но парламент отменил их позднее как незаконный сбор³⁷.

Полковник Барэ при рассмотрении дела газетчиков 1770–71 гг. упомянул «насилие» Карла I, когда он вошел в палату, с тем чтобы арестовать 5 её членов, как не имевший прецедента. Одним ударом,

³⁵ Отчасти именно сложностью обстановки можно объяснить и негативный поначалу прием сочинения Д. Юма.

³⁶ РН, v. 16. P. 721.

³⁷ РН, v. 16. P. 963.

как Калигула, можно разрушить конституцию и отправить в свою Бастилию тех, кто защищает свободу страны. Но насилием и террором нельзя погасить древний огонь свободы острова, заключил оратор³⁸.

Обращение к событиям Английской революции напрямую было связано с непродуманными шагами правительства в отношении американских колоний. Так, Т. Тауншенд утверждал, что те, кто поднял оружие против короля, действовали безупречно, более того, они заслуживают похвалы³⁹. Р. Ньюдигейт в ответ заявлял, что сам он не является защитником каждого акта Карла I, но ни один историк, каковы бы ни были его дарования, не станет защищать тех, кто выступил против Карла I⁴⁰. По мере обострения ситуации с американскими колонистами усилился мотив сравнения событий кануна Английской или Славной революций, настроений колонистов и подданных Карла I. В нижней палате Джонстон утверждал: теперь ясно, что народ Америки преисполнен тем же настроением и решительным духом, и побуждаем тем же энтузиазмом, с которым наши предки восстали против требований короны в дни правления Карла I и встали на защиту высоких доктрин парламентского превосходства. В противном случае американцев ждет сокращение их свобод до уровня «свобод» жителей владений Франции или Испании⁴¹.

Возрастание числа упоминаний Английской революции, прежде всего, проявилось во вновь и вновь повторявшихся сравнениях обложения налога на чай колонистов с корабельными сборами, которые ввел Карл I⁴². Либеральное крыло обеих палат призывало кабинет, а через него и монарха, к благоразумию. Д. Уилкс предупреждал: если политика Лондона не будет взвешенной, то впоследствии американцы станут праздновать 1775 год, как мы празднуем 1688-й. Усилия дедов в борьбе за свободу увенчались успехом, период нашей истории, который наполняет нас гордостью, был восстанием против незаконной власти, основанным на законах божьих и людских: праве сопротивления тирану⁴³. Аргументы как сторонников правительства, так и оппозиции, пытавшейся предотвратить «силовой вариант» решения вопроса, не ограничивались только аналогиями с революциями XVII в. Вопросы, так или иначе связанные с положением дел в колониях, неизбежно вызывали

³⁸ РН, v. 17. P. 152.

³⁹ РН, v. 17. P. 315.

⁴⁰ РН, v. 17. P. 316. В речи прозвучал явный намек на «Историю» Д. Юма.

⁴¹ РН, v. 18. P. 60.

⁴² РН, v. 17. P. 1203, 1211

⁴³ РН, v. 18. P. 238-239. См. также: P. 254.

апелляцию к прошлому, причем форма таких обращений была различной. Ораторы прибегали не только к фактам, но и к легендам и мифам, когда возникал образ отца и сына и отец поступал несправедливо⁴⁴.

Тенденции, обозначившиеся в 1750-1770-х гг., получили дальнейшее развитие с рубежа 1780-90-х гг. Прежде всего, необходимо отметить усиление обращения к опыту прошедших лет. При этом разброс поводов, побуждавших членов обеих палат апеллировать к нему, был довольно велик: от положения дел в стране до конфликта России и Турции⁴⁵. Все чаще звучали ссылки на конституцию, и не на акты, а на гражданские свободы. Безопасность личности и собственности, свобода прессы, права на оружие, представительство и суд присяжных, расценивались как наследство, доставшееся от предков⁴⁶. Своего рода сакрализация конституции, по которой, по мнению вигов, парламент жил с древнейших времен, являлась показателем сокращения власти монарха и двора и превращения парламента в центр политической жизни.

Упоминания о конституции активизировало обсуждение дел во Франции. В обществе радикалы и виги (на начальном этапе революции) с восторгом встретили известия об ограничении власти короля и разработке конституции. В палате общин горячими сторонниками французской революции были Фокс и Шеридан. Иную позицию занял Берк. Он категорически высказался против сравнения событий во Франции со Славной революцией. В Англии была другая ситуация, утверждал он. Настоящие патриоты выступили против деспотизма Якова II. Цвет английской аристократии обратился к принцу Оранскому, принцу королевской крови. Они призвали его защитить древнюю конституцию, что тот и сделал. Ничто не было разрушено в стране: ни церковь, ни армия, ни торговля⁴⁷. Интерпретация Французской революции, основанная на ином видении событий Славной революции, привела к окончательному разрыву Берка с группировкой Фокса, а в дальнейшем – к появлению на свет его самого известного сочинения «Размышления о революции во Франции» и зарождению консервативной мысли в Британии.

Подводя итоги, необходимо подчеркнуть, что прошлое занимало значимое место в политической культуре Британии на институциональном, интеллектуальном и повседневном уровнях. Оно определяло функционирование парламента, борьбу тори, вигов и радикалов, их

⁴⁴ РН, v.18. P. 191, 306, 309, 341,343, 348, 349, 894-895.

⁴⁵ Ibid., v.29. P. 63,65, 71, 76, 85, 91-93, 101, 103, 121 etc.

⁴⁶ РН v.29. P.580, 1043-44, 1188-1192, etc.

⁴⁷ РН, v. 28. P. 354-372.

политическое мировоззрение и поведение. Парламентские дебаты и переписка современников дают возможность выявить представление об истории на повседневном уровне относительно репрезентативной группы – политически активного слоя дворянства – и констатировать достаточную размытость границы между прошлым и настоящим.

Однако интерпретация истории и её связь с политикой не были неизменными. Зачастую апелляция к фактам и событиям истории Англии была призвана показать ошибочность решения властей, неизбежно влекущих печальные последствия. Именно такой посыл имело обращение к кануну революции середины XVII столетия, которое оппозиционные виги использовали в период зарождавшегося конфликта с американскими колонистами. Если в середине 1750-х гг. годов политика Карла I и парламента расценивались ими, как следствие необоснованной тревоги, то в семидесятые годы – как следствие непродуманных действий короля и министров.

Актуализация прошлого во второй половине XVIII в. была вызвана переменами в политической обстановке в стране и мире, но, прежде всего, с кризисными ситуациями, когда исторический опыт был наиболее востребован для обоснования собственной позиции в политической полемике или при выборе политического курса. Это наиболее ярко проявилось на рубеже 1780–1790 гг. в контексте анализа обстановки во Франции, когда начальный этап революции ораторы приветствовали, сравнивая её со Славной революцией.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Голдсмит О.: Гражданин мира, или письма китайского философа, проживающего в Лондоне, своим друзьям на Востоке. М., 1974.
- Честерфилд Ф. Письма к сыну. Максимы. Характеры. М., 1971.
- Cavendish W. Memoranda or state of Affaires; The Devonshire diary, 1759-1762. L, 1982. The Grenville papers. V. 1. 1858.
- Walpole H. The Letters of Horace Walpole, Earl of Oxford. L., 1840. V. 2.
- The Parliamentary history of England. L., 1813. V. 15, 16, 17, 18, 28, 29.
- The London magazine and Gentleman's monthly Intelligencer. L., 1775, 1778.
- The Parliamentary register; or, history of the proceedings and debates of the House of Commons L., 1797. V. 1.
- Айзенштат М.П. Власть и общество Британии 1750-1850 гг. М., 2009.
- Айзенштат М.П. Власть и общество Британии второй половины 18 – начала 19 в. // Британия: история, культура, образование. Ярославль, 2008.
- Айзенштат М.П. (отв. ред.). Историческое знание и познавательные практики переходных периодов всемирной истории. М., 2012.
- Айзенштат М.П. Выборы в графстве Оксфорд 1754 г. // Британские исследования. Выпуск 3. Ростов н/Дону, 2010.
- Айзенштат М.П. (отв. ред.) Исторический факт как аргумент политической полемики. М., 2011.

- Барг М.А., Авдеева К.Д. От Макиавелли до Юма: становление историзма. М., 1998.
- Бобкова М.С., Мереминский С.Г. (отв. ред.). Терминология исторической науки. Историописание. М., 2008.
- Бодров О.В. Профессор М.М. Ковалевский. У истоков изучения английской общественной и политической мысли в России. Казань, 2006.
- Браун Е.Д. Создание Мифа о Войнах Роз (от Ричарда III до Шекспира) / Электронный научно-образовательный журнал «История». 2012. 3(11). Знания о прошлом в политико-правовых практиках переходных периодов всемирной истории.
- Вандалковская М.Г. П.Н. Милоков, А.А. Кизеветтер: История и политика. М., 1992.
- Гене Б. История и политическая культура на средневековом Западе. М., 2002.
- Ингер А.Г. Голдсмит-эссеист и английская журналистика XVIII в. // Голдсмит О. Гражданин мира, или письма китайского философа, проживающего в Лондоне, своим друзьям на Востоке. М., 1974.
- Креленко Н.С. Новое и новейшее время стран Запада: проблемы историографии и судьбы историков. Саратов, 2009.
- Репина Л.П., Зверева В.В., Парамонова М.Ю. История исторического знания. 4 изд. М., 2013.
- Репина Л.П. (отв. ред.) 2008: История идей и воспитание историей: Владимир Иванович Герье. М., 2008.
- Семенов С.Б. Теория древней конституции в трудах радикальных авторов 60-80 гг. XVIII в. // Британия: история, культура, образование. Ярославль, 2008.
- Соколов А.Б. «Первый урок для юношей»: формирование представлений о роли истории в трудах британских моралистов и педагогов в первой трети XIX века // Британские исследования. СПб., 2014.
- Чудинов А.В. Размышления англичан о Французской революции. М., 1996:
- Mitchell L. The Whig world. L., 2007.
- Smith H. Georgian monarchy: Politics and culture, 1714-1760. Cambridge, 2006.

REFERENCES

- Goldsmith O.: *Grazhdanin mira, ili pis'ma kitajskogo filosofa, prozhivajushhego v Londone, svojim druz'jam na Vostoke.* M., 1974.
- Chesterfield F. *Pis'ma k synu. Maksimy. Haraktery.* M., 1971.
- Cavendish W. *Memoranda or state of Affaires; The Devonshire diary, 1759-1762.* L, 1982.
- The Grenville papers.* 1858. V.1,
- Walpole H. *The Letters of Horace Walpole, Earl of Oxford.* L., 1840. V. 2.
- The Parliamentary history of England.* L., 1813. V. 15, 16, 17, 18, 28, 29.
- The London magazine and Gentleman's monthly Intelligencer.* L., 1775, 1778.
- The Parliamentary register; or, history of the proceedings and debates of the House of Commons L., 1797.* V. 1.
- Ajzenshtat M.P. *Vlast' i obshhestvo Britanii 1750-1850 gg.* M., 2009.
- Ajzenshtat M.P. *Vlast' i obshhestvo Britanii vtoroj poloviny 18 – nachala 19 v. // Britanija: istorija, kul'tura, obrazovanie. Jaroslavl', 2008.*
- Ajzenshtat M.P. (отв. ред.). *Istoricheskij znaniye i poznavatel'nye praktiki perehodnyh periodov vsemirnoj istorii.* M., 2012:
- Ajzenshtat M.P. *Vybory v grafstve Oksford 1754 g. // Britanskije issledovanija. Vypusk 3. Rostov n/Donu, 2010:*
- Ajzenshtat M.P. (отв. ред.) *Istoricheskij fakt kak argument politicheskoy polemiki.* M., 2011.

- Barg M.A., Avdeeva K.D. Ot Makiavelli do Juma: stanovlenie istorizma. M., 1998.
- Bobkova M.S., Mereminskij S.G. (otv. red.). Terminologija istoricheskoy nauki. Istorio-pisanie. M., 2008.
- Boдрov O.V. Professor M.M. Kovalevskij. U istokov izuchenija anglijskoj obshhestvennoj i politicheskoy mysli v Rossii. Kazan', 2006.
- Braun E.D. Sozdanie Mifa o Vojnah Roz (ot Richarda III do Shekspira) / Jelektronnyj nauchno-obrazovatel'nyj zhurnal «Istorija». 2012. 3(11). Znaniya o proshlom v politiko-pravovyh praktikah perehodnyh periodov vseмирnoj istorii.
- Vandalkovskaja M.G. P.N. Miljukov, A.A. Kizevetter: Istorija i politika. M., 1992.
- Gene B. Istorija i politicheskaja kul'tura na srednevekovom Zapade. M., 2002.
- Inger A.G. Goldsmit-jesseist i anglijskaja zhurnalistika XVIII v. // Goldsmit O. Gra-zhdanin mira, ili pis'ma kitajskogo filosaфа, prozhivajushhego v Londone, svoim druž'jam na Vostoke. M., 1974.
- Krelenko N.S. Novoe i novejshee vremja stran Zapada: problemy istoriografii i sud'by istorikov. Saratov, 2009.
- Repina L.P., Zvereva V.V., Paramonova M.Ju. Istorija istoricheskogo znaniya. 4 izd. M., 2013.
- Repina L.P. (otv. red.) 2008: Istorija idej i vospitanie istoriej: Vladimir Ivanovich Ger'e. M., 2008.
- Semenov S.B. Teorija drevnej konstitucii v trudah radikal'nyh avtorov 60-80 gg. XVIII v. // Britanija: istorija, kul'tura, obrazovanie. Jaroslavl', 2008.
- Sokolov A.B. «Pervyj urok dlja junoshej»: formirovanie predstavlenij o roli istorii v trudah britanskih moralistov i pedagogov v pervoj treti XIX veka // Britanskie issledovanija. SPb., 2014.
- Chudinov A.V. Razmyshlenija anglichan o Francuzskoj revoljucii. M., 1996:
- Mitchell L. The Whig world. L., 2007.
- Smith H. Georgian monarchy: Politics and culture, 1714-1760. Cambridge, 2006.

Айзенштат Марина Павловна, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института всеобщей истории РАН; m.aizen@mail.ru

The Past in political culture of Britain in 1750-1800

The article deals with the factor of the past in the everyday life, political behavior of Britons and British political institutes in 1750-1800. The author analyses a role of the past in the shaping of the political views of the Whigs and Tories, and in the parliamentary debates.

Keywords: political culture, history, past, Parliament, parliamentary debates, Whigs, Tories, Radicals.

Marina Ayzenshtat, D.Sc. (History), leading researcher of the Institute of World History, Russian Academy of Sciences; m.aizen@mail.ru

Д. Е. МАРТЫНОВ

КАН Ю-ВЭЙ - ИСТОРИК

В статье рассмотрены исторические взгляды китайского философа и реформатора Кан Ю-вэя (1858–1927). Получив традиционное конфуцианское образование, он полностью разделял официальную точку зрения на историографию как неотъемлемую принадлежность государственной доктрины. Однако в условиях силового давления ведущих западных держав на Китай, он произвёл универсализацию конфуцианской исторической концепции, в которую были инкорпорированы иные географические зоны; произошла «китаизация всемирной истории» в сугубо прагматических и дидактических целях.

Ключевые слова: Кан Ю-вэй, историография, метод аналогии, дидактика.

Кан Ю-вэй (康有為, 1858–1927) известен во всём мире как выдающийся реформатор, лидер Движения за реформы 1898 г. (戊戌变法), а также мыслитель-утопист, автор «Книги о Великом единении» (*Да тун шу* 大同書)¹. В последние десятилетия наряду с традиционными сюжетами, исследователей привлекают также его философские штудии, связанные с реинтерпретацией конфуцианской доктрины². На английский, французский и русский языки переведены его меморандумы императору³, «Автобиография»⁴ и – частично – «Книга о Великом единении»⁵. Однако, простейшее сопоставление числа исследований на китайском языке и на всех европейских (включая русский) выявит тот простой факт, что в фантастически разнообразном творческом наследии Кан Ю-вэя исследователей Китая, Японии, США, Германии и других стран привлекают два-три магистральных направления, всё остальное остаётся на периферии⁶. Тем удивительнее факт, что, по сути, в западной синологии исторические взгляды Кан Ю-вэя рассматривались эпизодически, в связи с некоторыми «экзотическими» аспектами его социальных и философских теорий. В дробном индексе биографии Кана, изданной в 1975 г. Сяо Гун-цзоанем, об исторических взглядах не упоминается⁷.

¹ Первые две части опубликованы в 1913 г., полный текст – в 1935 г.

² Напр.: Агеева 2003; Борох 2004.

³ Kang Youwei 1996.

⁴ K'ang Yu-wei 1967; Мартынов 2010.

⁵ Ta T'ung Shu 1958.

⁶ Мартынов 2009.

⁷ Hsiao 1975. P. 663–664.

Примерно такое же положение с 6-томной энциклопедией «Духовная культура Китая», словник которой включает три статьи о Кан Ю-вэе, включая его философские взгляды⁸ и наследие как каллиграфа⁹. Однако в томе, посвящённом истории¹⁰, Кан Ю-вэй представлен как историческое лицо, но не историк! Единственным известным нам исключением стал восточногерманский синолог, специалист по общественной мысли Китая рубежа XIX–XX вв. – Роланд Фельбер (1935–2001). Его статья об исторических взглядах Кан Ю-вэя и использовании им метода аналогии увидела свет по-английски в авторитетном журнале *Oriens Extremus*¹¹.

Кан Ю-вэй – один из последних китайских философов, который пытался осмысливать мировой процесс с позиций традиционной китайской цивилизации. Получив отличное традиционное образование (в котором философские, филологические и исторические дисциплины были совершенно неразделимы), он полностью разделял официальную точку зрения на историографию как неотъемлемую принадлежность государственной доктрины. В этом аспекте важно следующее: история в Китае воспринималась как созидаящая сила, поэтому её дидактический потенциал был всецело монополизирован государством, олицетворяемым конфуцианской монархией. Следовательно, историк служил в первую очередь утверждению официальных ценностей, положенных в основу её существования. Между прочим, это означает, что решение проблем конкретного правительства или династии не являлось приоритетной задачей, т.е. в значительной степени историк был освобождён от давления политической конъюнктуры¹². Собственно историография, которая всегда носила официальный характер, являлась полем развития общественной мысли Китая вообще. В системе конфуцианской монархии история выступала как главная отрасль гуманитарного знания, а некоторые учёные вообще считали историю воплощением истинного Дао, полагая, что только с её помощью можно познать суть этой важнейшей конфуцианской категории¹³.

Согласно «Автобиографии» («Моя история», 我史), Кан Ю-вэй впервые приступил к изучению истории в 10-летнем возрасте¹⁴. В это

⁸ Кобзев 2006.

⁹ Белозёрова, Мартынов 2010.

¹⁰ Усов 2009.

¹¹ Felber 1997. Справедливости ради уточним, что понятие о методе «аналогии культурных ценностей» ввёл Лян Ци-чао (1873–1929).

¹² Подробнее см.: Доронин 2009. С. 34–40.

¹³ Лукьянов 2001.

¹⁴ Мартынов 2010. С. 98.

время он изучал самые разноплановые труды – компиляцию *Дун хуа лу* (東華錄, 1735), «Историю династии Мин» (明史, 1739) и «Историю Троецарствия» (三國志, III в.). Судя по записям от 1869 г., он продолжал занятия историей династии Мин. В 1872 г. предметом интереса названы частные хроники (*цза ши* 雜史), а в 1873 г. – занятия историкомведением (*као цзюй* 考據)¹⁵. В 1874 г. Кан Ю-вэй познакомился с «Кратким обозрением круга [за]морских [стран]» (*Ин хуань чжи люэ*, 瀛環志略, 1848) Сюй Цзи-юя, в котором впервые был дан систематический очерк географии западного мира, изложенный с точки зрения западных же представлений. На новый уровень его исторические штудии вывел учитель – известный конфуцианец Чжу Цы-ци (朱次琦, 1807–1882). В «Автобиографии» это описано так: «...Учитель [Чжу] испытал меня, велел написать рассуждение об истории Пяти династий (五代, 906–959 гг.). Я прочитал множество книг и написал более 20 страниц в стиле *Ши тун* (史通, «Проникновение в [смысл] истории» кисти Лю Чжи-ци, 661–721). Прочитав их, учитель сказал, что я эрудирован, а мой труд может быть превращён в книгу. Так я осознал, что написать книгу нетрудно, и я могу сделать то же, что делали мужи древности, и обрёл уважение к себе»¹⁶.

В продолжение этих занятий в записях под 1878 г. упоминаются интенсивная работа над «Канонам истории» (*Шу цзин* 書經) и двумя историями династии Хань, особенно *Хоу Хань шу* (後漢書), поскольку учитель ставил в пример Кан Ю-вэю стойкость духа и нрав лиц, выведенных в этом труде¹⁷. Только к 1879–80 гг. Кан Ю-вэй стал выписывать периодические издания западных миссионеров, в которых печатались переводы западных сочинений на разные темы, и тем самым «обратился к изучению Запада». Однако под 1881 г. описаны углублённые занятия историей династий Тан (唐朝, 618–907) и Сун (宋朝, 960–1279), «уделяя особое внимание вопросам практических потребностей человеческого общества»¹⁸. Это привело его в 1883 г. к намерению создать «Всеобщее описание всех стран мира» (萬國文獻通考), которое осталось нереализованным.

Кан Ю-вэй впервые эксплицировал свои исторические воззрения в 1890-е гг. в меморандумах Трону, посвящённых обоснованию реформаторского движения. Будучи полностью инкорпорированным в

¹⁵ Мартынов 2010. С. 101.

¹⁶ Мартынов 2010. С. 103–104.

¹⁷ Мартынов 2010. С. 105.

¹⁸ Мартынов 2010. С. 110.

историографическую традицию, он был до конца жизни убеждён, что гарантом существования общества в Китае является всё та же конфуцианская монархия, воплощением которой является легитимный правитель, получивший мандат Неба (*Тянь мин* 天命). Поскольку такая ситуация, согласно традиционным представлениям, существовала всегда, исторические прецеденты имели безусловный приоритет, и с ними должны были соотносить свои поступки всё общество в целом и его члены в частности. Принципиальной инновацией Кан Ю-вэя, по Р. Фельберу, стало распространение традиционных подходов на регионы вне власти китайского монарха. Иными словами, он произвёл действительную универсализацию китайской исторической концепции, в которую были инкорпорированы иные географические зоны: произошла «китаизация мировой истории»¹⁹.

Всемирная история в трактатах и меморандумах 1898 г.

Обращение Кан Ю-вэя к событийной стороне европейской истории совершенно естественно и является прямым продолжением его изысканий в области политического конфуцианства – доказательства реформаторской природы изначальной конфуцианской доктрины. Поскольку Кан Ю-вэй понимал, что реформы – единственный путь сохранения легитимной монархии, он не имел другой возможности, кроме как обратиться к событиям западной истории, а точнее – судьбе Людовика XVI, казнённого революционерами. Этой проблеме был посвящён трактат «Записки о Французской революции», в «Предисловии» (進呈法國大革命記序) к которому особое внимание уделялось взаимосвязи монарха с народом. Поскольку французский король оказался неспособным провести реформы и игнорировал потребности народа, это стоило ему трона²⁰. В «Автобиографии» в записи от 24 июля 1898 г. упоминается ещё один трактат – «Записки о разделении и падении Польши» (波蘭分滅記)²¹, представленный императору между 15 и 21 августа того же года²². Это пространный текст, включающий семь глав-цзюаней. Кан Ю-вэй, вопреки официальной пропаганде и мнению придворных, открыто заявил, что в конце XIX в. Китай подвергся вторжению великих держав с целью завоевания и расчленения, что совершенно аналогично ситуации в Польше веком ранее. Соответственно, возникает вопрос, какой положительный пример можно извлечь из мировой исто-

¹⁹ Felber 1997. P. 64.

²⁰ Кан Ю-вэй 2007. Т. 4. С. 371–372.

²¹ Мартынов 2010. С. 190.

²² Кан Ю-вэй 2007. Т. 4. С. 396.

рии для использования на нужды управления? Он находится в странах, непосредственно граничащих с Китаем, – это реформы Петра I в России и вестернизация Японии, предпринятая императором Мэйдзи (明治, 1867–1912) – современником Кан Ю-вэя. Данным сюжетам посвящены ещё два трактата: «Записки о реформах Петра Великого в России» (俄罗斯大彼得变政記)²³ и «Исследование реформ в Японии» (日本变政考) в 13 цзюанях²⁴. На эти же труды даны ссылки в «Шестом меморандуме императору», там говорится, что опыт России и Японии необходимо использовать для того, чтобы сделать Китай сильным и процветающим государством²⁵. В этом отношении примечательны следующие мотивы: Япония и Россия, как и Китай, когда-то были объектами агрессии великих держав, но смогли путём реформ воссоздать национальную мощь. И Россия, и Япония являются монархиями, причём Япония проделала за тридцать лет путь от абсолютизма до конституционной монархии. Российский опыт тогда импонировал Кану больше: как и цинский Китай, Российская империя имела огромную территорию и ресурсы и немало сходства в обычаях, законодательных установлениях и методах управления. Однако японский опыт лучше воспринимался цинской элитой, поскольку показывал, как второстепенная с точки зрения держав маленькая страна, выборочно использовав западный опыт, смогла продемонстрировать грандиозный успех и стала в военном отношении более могущественной, чем Китай.

Обосновывая необходимость реформ, Кан Ю-вэй определял Россию и Японию как относящихся к одному роду (*тун лэй* 同類), что может быть воспринято отчасти и как риторическая фигура, поскольку история России и Японии позволяла откровенно писать о проблемах и возможностях развития Китая, не прибегая постоянно к авторитету конфуцианских классиков. Проиллюстрируем это цитатой из «Автобиографии» о ходе работы над «Исследованием реформ в Японии»²⁶: «Книга из 12 цзюаней охватывала период от первого года Мэйдзи (1868 г.) до двадцать четвёртого (1892 г.). Я добавил [ещё] одну цзюань, резюмирующую важнейшие реформы... Каждый этап реформы в Японии иллюстрировал одну из моих идей, что было отражено в комментариях; так я

²³ Кан Ю-вэй 2007. Т. 4. С. 33–41.

²⁴ Кан Ю-вэй 2007. Т. 4. С. 111–294.

²⁵ Кан Ю-вэй 2007. Т. 4. С. 17.

²⁶ «Автобиография» писалась в эмиграции и циркулировала в немногих рукописях в узком кругу учеников, поэтому Кан Ю-вэй не был скован идеологическими или цензурными ограничениями. Вопрос о мифологизации собственной биографии не входит в нашу задачу.

использовал свою книгу, чтобы уточнить программу реформ в Китае, всесторонних и детальных, предоставлявших великие возможности»²⁷.

В «Автобиографии» под 21 июня 1898 г. упоминаются также «Исследования реформ в Германии» (德國變政考) и «Исследования реформ в Англии» (英國變政考)²⁸. Рукописи их не обнаружены, поэтому некоторые исследователи (в частности, Кун Сян-цзи) полагали, что Кан Ю-вэй только намеревался их написать и имел какие-то намётки, но не окончательный текст²⁹. Очевидно, что Великобритания, США и Германия были для него лучшим образцом для подражания, по сравнению с Россией и Японией (китайские националисты откровенно называли эти страны «полуцивилизованными»).

Каковы источники представлений Кан Ю-вэя о западной истории? Несмотря на очевидные симпатии к Западу – прежде всего, образу жизни и материальному комфорту, – мыслитель был глух к его духовной культуре, и даже в эмиграции, продолжавшейся с 1898 по 1913 г., не удосужился изучить ни одного иностранного языка, хотя подолгу жил в Японии, Канаде, США, Мексике и Швеции. Соответственно, познания о западных реалиях он черпал из переводов и периодических изданий, издаваемых западными миссионерами с 1880-х годов. В первую очередь это журнал «Собрание статей о последних событиях в западных государствах» (西國近事彙編)³⁰ и нерегулярно выходящий «Обзор “Таймс”» (萬國公報, «Ведомость [событий, происходящих] в 10000 стран»). Он мог также пользоваться переводами немногих западных учебников истории, а также японскими сочинениями и переводами, которым посвящена специальная его работа – «Библиография японских книг» (日本書目志, 1898). Описание (иногда аннотированное) исторических сочинений занимает там всю четвёртую цзюань³¹.

В общем, в конце 1890-х гг. западная история интересовала Кан Ю-вэя лишь с сугубо практической (даже прагматической) точки зрения, причём лишь в самых общих чертах, которые позволяли подвести базу под собственные проекты реформ, не углубляясь в частности.

²⁷ Мартынов 2010. С. 190.

²⁸ Мартынов 2010. С. 186, 190.

²⁹ Felber 1997. P. 66 (note 7).

³⁰ Издавался Шанхайским арсеналом (上海機器造局) в 1873–1897 гг. энтузиазмом американских миссионеров Карла Трауготта Крейера (Цзинь Кай-ли, 金楷理, 1839–1914) и Джона Аллена Янга (Линь Лэ-чжи, 林樂知, 1836–1907). Как явствует из названия, представлял собой перевод газетных статей по международным вопросам, выходивших иногда ежедневно или с периодичностью в несколько дней.

³¹ Кан Ю-вэй 2007. Т. 3. С. 298–326.

Совершенно иными его исторические представления стали после того, как ему представилась возможность увидеть западный мир собственными глазами.

Труды Кан Ю-вэй о европейской истории 1900-х годов

Следующим этапом в исторических штудиях Кан Ю-вэй стала середина 1900-х гг., когда, достигнув благосостояния, он подолгу жил в США и разных европейских странах. Опыт этих путешествий был обобщён в многочисленных путевых заметках, а позднее – и в специальных исторических трудах. Среди них – «Исследование [исторической] эволюции Швеции» (瑞典沿革考, 1905); «Создание и [историческая] эволюция Французского государства» (法國創興沿革, 1906) и «Исследование [исторической] эволюции германцев, с приложением об эволюции Австрии³² и Венгрии» (日耳曼沿革考–奧大利匈牙利沿革附, 1906). Каждая из этих статей-трактатов построена стандартно: речь в них идёт об общей исторической канве и политической и экономической ситуации. Они предназначены, однако, не для просвещения китайского читателя, а для сравнения с опытом Китая, как его понимал Кан Ю-вэй. Поэтому все события датированы династиями и эрами правления того или иного императора, что встраивало события западной истории в проблемное поле китайской историографии. Это позволяло делать нужные для Кана выводы, совершенно в русле той же методологии, которую он применял в своих каноноведческих трудах 1890-х гг.

В трактате о Швеции Кан Ю-вэй фактически подводил своих читателей к мысли о различной скорости течения исторического времени и, соответственно, неодинаковых темпах эволюции в разных регионах мира – идея, которая чрезвычайно откровенно будет раскрыта в «Да тун шу». Кан Ю-вэй «открыл», что основание шведского государства относится к XIV в., т.е. тому же времени, когда была основана Минская династия (明朝, 1368–1644), и обращал особое внимание на то, что в это время Швеция была по своему развитию примерно на том же уровне, что и Китай до воцарения Гун-гуна (共工), Янь-ди (炎帝) и Хуан-ди (黃帝)³³. Подъём могущества Швеции относится к XVII в. – времени

³² Использован термин 奧大利, вместо нормативного 奧地利.

³³ Мифические первопрародители китайского народа, деятельность которых конфуцианская историческая традиция помещала в III тыс. до н.э. В разных мифологических комплексах исполняли разную роль: Гун-гун, с телом змеи и человеческим ликом, наслал на Поднебесную потоп и был изгнан Юем (禹) – основателем первой династии Xia (夏, 2205–1766 гг. до н.э.). Янь-ди чаще всего отождествлялся с изобретателем земледелия Шэнь-нуном (神農); Хуан-ди («Жёлтый владыка») очень часто выступал в роли первопрародка китайского народа вообще.

падения Мин и воцарения Цинской династии (清朝, 1644–1912), согласно Кану, это подтверждает слова Конфуция о том, что варвары на периферии угрожают цивилизованному миру. Однако это интерпретируется в универсалистском духе: древняя и высокоразвитая цивилизация Китая совершенно не пользуется на Западе уважением, в то время как там ценится японская культура – вторичная по отношению к китайской, – и даже сами китайцы многое заимствуют из Японии³⁴.

В статье о Франции, написанной после посещения Парижа, Кан Ю-вэй не пытался ревизовать собственные взгляды на события Французской революции, высказанные в 1898 г., однако задал вполне обычный для конфуцианского историка вопрос: почему в одно и то же время исторические условия во Франции³⁵ способствовали возникновению и проникновению в массы идеалов демократии и революции, и почему они так и не появились в Китае? Кан Ю-вэй не был бы конфуцианцем, если бы не дал чёткого и однозначного ответа: в конце XVIII в. во Франции дворянство (использован термин *чжухоу* 諸侯 – «вассальные и удельные князья») не было заинтересовано в сохранении абсолютной королевской власти, поскольку почти полностью утратило влияние. В числе других факторов он называл угнетение народа со стороны аристократии и духовенства, которое отсутствует в Китае. Замечательно, что Кан Ю-вэй в числе причин Французской революции упоминал и просветительскую философию. В Китае же время революции и демократической республики ещё не настало. Это обосновывается собственной теорией Кан Ю-вэя о Трёх эрах (三世), которую он приписывал Конфуцию: сановники-*дафу* (大夫) потеряют своё положение в Эру Хаоса, удельные князья (*чжухоу* 諸侯) исчезнут в Эру Поднимающегося равновесия (升平世), и только в Эру Великого равновесия (太平世) исчезнет и сам Сын Неба³⁶.

В трактате о Германии больше всего поражает масштаб использования метода аналогии (*лэй би* 类比). В китайской традиции метод аналогии приписывался Конфуцию, причём величайший неконфуцианский авторитет Чжу Си (朱熹, 1130–1200) указывал, что суть этого метода аналогии и вообще – исторического метода Конфуция, содержится в летописи «Вёсен и осеней» (*Чунь цю*, 春秋). Её чтение приводит к правильному поведению, поскольку там иносказательно изложе-

³⁴ Кан Ю-вэй 2007. Т. 8. С. 206–207, 210.

³⁵ Кан Ю-вэй вперемежку использует два варианта названия страны: *Фалансьи* (法蘭西) и *Фаго* (法國).

³⁶ Кан Ю-вэй 2007. Т. 8. С. 179–180.

ны принципы совершенного правления. Соответственно, работы Кан Ю-вэя, считавшего себя современным Конфуцием, преследовали те же цели. Образ Германии рано стал много значить для Кан Ю-вэя: в «Да тун шу» он писал о потрясении, связанном с Седанским сражением (1870 г.), которое впоследствии использовал как метафору для крайней степени варварства и ужасов войны: «...Когда Бисмарк (俾士麥) сжёг и разрушил Седан (卮丹), мне было уже больше 10 лет, но ничто другое не могло потрясти меня больше. Я был тогда на показе диапозитивов (影戲) и увидел [изображения] трупов, устилающих траву, горящих зданий, это потрясло и испугало меня. И дело даже не в том, что я видел такое впервые, а в том, что я не могу переносить даже вида чужих страданий»³⁷.

Побывав в Германии, Кан Ю-вэй посчитал именно эту страну за наилучший образец для выстраивания образа Нового Китая, и именно Германия с 1904 г. занимает в его трудах место России и Японии. В «Дополнении к описанию путешествия по Германии» (補德國游記, 1907), Кан Ю-вэй охарактеризовал политический строй кайзеровской Германии как «успешный и мирный» (平治)³⁸.

Как и во многих своих трудах, Кан Ю-вэй не был оригинален в исходных посылках: ещё в 1903 г. в Шанхае вышел перевод «Истории германцев» (日耳曼史), в предисловии к которому прямо говорилось, что Китаю, расположенному в самом центре Азии, необходим опыт Германии, расположенной в центре Европы. Соответственно, требуется изучение самых древних эпох возникновения государства, поскольку согласно теории родового тождества (*тун лэй* 同類), государства и племена древней Германии и древнего Китая (*Хуася го* 華夏國)³⁹ совершенно подобны друг другу⁴⁰. Этот тезис был развит Кан Ю-вэем во время путешествий по Италии и Германии, которые до 1870-х гг. не существовали как единые государства, но после объединения совершили существенный скачок в развитии. Результатом стала теория эволюции политических систем, в целостном виде изложенная уже в 1913 г. в «Да тун шу»: «Эволюция государственности от раздробленности до слияния является естественным процессом. Во времена Хуан-ди, Яо и Шуня [на территории Китая] было 10 000 уделов (*го*, 國), а во

³⁷ Да тун шу. 2005. С. 3.

³⁸ Кан Ю-вэй 2007. Т. 8. С. 336.

³⁹ Хуася – древнейшее собирательное название государств Срединной равнины (*Чжун юань* 中原), признающих сюзеренитет дома Чжоу, и самоидентификация их обитателей вне зависимости от этнокультурной принадлежности.

⁴⁰ Felber 1997. P. 70.

времена [Чэн] Тана (1766 г. до н.э.) – 3000 уделов; [во времена] У-вана (1122 г. до н.э.) – 1800 уделов, к периоду Чуньцю (722–481 гг. до н.э.) – свыше 200 уделов; во времена Чжаньго (481–221 гг. до н.э.) – 7 царств, [династия] Цинь объединила страну под единой властью. [Объединение потребовало] двух тысяч лет. <...> Двенадцать государств Эллады враждовали две тысячи лет, пока не были объединены Македонией (馬基頓) и вновь Римом (羅馬), который объединил всю Европу и африканские государства. Далее в Европе 1000 лет господствовал феодализм. В Германии насчитывалось 300 000 удельных владык (侯), во Франции – свыше 110 000, а в Австрии и Англии – более чем по 10 000 в каждой, ныне они подчинены единой королевской власти. 25 государств Германской федерации объединились [в империю], 11 государств составили единую Италию. <...> Силовой раздел и захват есть следствие естественного отбора. Аннексия великими державами малых [государств], их поглощение – не предвещают ли скорое наступление Великого единения? Германия и США – федеративные государства. Это наилучший метод объединения, при котором малые и слабые уделы забывают об утрате независимости⁴¹».

Историческая аргументация Кан Ю-вэя весьма причудлива. Впервые очередь он считал, что роль германских народов в Европе и роль клана Цзи (姬)⁴² эпохи Чуньцю в Древнем Китае аналогична. Владения клана Цзи – собственно, имперский домен, – он сравнивал с «германскими государствами»: Англией, Швецией, Данией и др. Продолжая аналогии, он сравнил Италию с древнекитайским царством Сун, известным утонченными нравами и искусством, а Россию – с окраинным и воинственным царством Цинь. Франция сравнивалась с царством Ци (утерявшем гегемонию на Срединной равнине), а Испания – с южным царством Чу. Карл Великий, таким образом, соответствовал чжоускому У-вану (武王, 1122–1116 гг. до н.э.) и Цинь Ши-хуанди (秦始皇帝, 221–209 гг. до н.э.), а папское междувластие и «авиньонское пленение» XIII–XIV вв. – эре Гунхэ⁴³. Австро-прусскую войну за гегемонию в Германии он сравнивал с войнами между царствами Цзинь и Чу. Примеры не всегда брались из истории Чжоу: так, завоевание Хлодвигом римской Галлии сравнивалось с основанием гуннами своих государств в Китае в IV веке. Впрочем, Кан Ю-вэй осознавал и границы

⁴¹ Да тун шу. 2005. С. 69–70.

⁴² Фамилия правителей Чжоуской династии (1122–256 гг. до н.э.).

⁴³ 共和 – период 841–827 гг. до н.э., когда после низложения императора Ли-вана некоторое время существовало коллегиальное правление. В современном языке – «республиканский строй».

подобного рода аналогий, поскольку замечал, что если периферийные (географически) страны Европы – Англия и Испания – добивались мировой гегемонии, то ближайшие соседи Китая – Корея, Вьетнам и даже Япония не пытались посягать на центр. Таким образом, разница в развитии Европы и Китая, совершенно одинаковых на определённом этапе исторического развития, в том, что после завоевания удельных государств имперским Китаем, его элиты и население инкорпорировались в имперскую систему, а в Европе из феодальных уделов образовались национальные государства, мешающие объединению⁴⁴.

Наследие Кан Ю-вэй – историка, демонстрирует определённую двойственность. Встречаются мнения, что его исторические труды – наименее оригинальная часть его наследия, так как они интегрированы с имперской ортодоксией, и с этой точки зрения сильно уступают филологическим и философским работам, в которых вызревала специфическая концепция Трёх эр и Великого единения. Однако, это чрезвычайно поверхностный подход. Дело в том, что в традиционной китайской мысли понятие рода-*лэй* позволяло моделировать поведение объектов, качеств и сил космоса по отношению друг к другу; следовательно, в гармонически функционирующем мире каждая вещь занимает определённое положение и ведёт себя, следуя своей природе.

Старая конфуцианская традиция, рассматривающая космос и социум изоморфными, была Кан Ю-вэем спроецирована на современный ему мир. Поскольку исторические корни Китая и Европы были им признаны тождественными, то сколь бы далёкими друг от друга они не казались, они являются сущностно взаимосвязанными и гармонически взаимодействующими. Следовательно, исторический опыт западных государств вполне пригоден и для Срединного государства, что позволит Китаю перейти в фазу расцвета немедленно. Расцвет и преобладание одного из родов считался несовместимым по времени с противоположным⁴⁵.

В то же время конфуцианцы считали, что в оппозиции «Китай – варвары» действуют две противоположных установки, связанные с представлениями о роде. Партикуляристская установка предполагает разное отношение к китайцам и некитайцам, поскольку природа их различна; но существует и универалистская концепция, поскольку благая сила китайской цивилизации приведёт их к однородности⁴⁶.

⁴⁴ Кан Ю-вэй 2007. Т. 8. С. 235–254.

⁴⁵ Кроль 2001. С. 72.

⁴⁶ Кроль 2001. С. 75.

В политическом плане смута в государстве и наступление на него врагов также мыслились как объекты одного и того же рода; следовательно, единственным способом остановить врага являлось переустройство своего государства, превращающее его в объект иного рода, что вызовет отталкивание между субъектами международной системы. Подобного рода модели позволяли Кан Ю-вэю, не отказываясь от конфуцианской концепции вселенской монархии, использовать западный опыт и применять его к современным китайским реалиям.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Агеева Н.Ю.* Осмысление эволюционизма в раннем творчестве Кан Ювэя и Лян Цичао // XXXIII научная конференция. «Общество и государство в Китае». М., 2003. С. 168–173.
- Белозёрова В.Г., Мартынов Д.Е.* Кан Ю-вэй // Духовная культура Китая: энциклопедия: в 5 т. / Гл. ред. М. Л. Титаренко; Ин-т Дальнего Востока РАН. М., 2010. Т. 6 (доп.). Искусство. С. 594–595.
- Борох Л.Н.* Влияние буддийской философии на утопию Кан Ювэя // XXXIV науч. конф. «Общество и государство в Китае». М., 2004. С. 153–160.
- Доронин Б.Г.* Историческая мысль // Духовная культура Китая: энциклопедия: в 5 т. / Гл. ред. М.Л. Титаренко; Ин-т Дальнего Востока РАН. М., 2009. Т. 4. Историческая мысль. Политическая и правовая культура / ред. М.Л. Титаренко и др. С. 18–40.
- Кобзев А.И.* Кан Ю-вэй // Духовная культура Китая: энциклопедия: в 5 т. Т. 1. Философия / ред. М.Л. Титаренко, А.И. Кобзев, А.Е. Лукьянов. С. 275–279.
- Кроль Ю.Л.* Сыма Цянь – историк. М., 1970. 446 с.
- Кроль Ю.Л.* «Спор о соли и железе» как памятник китайской культуры // Спор о соли и железе (Янь те лунь). Т. I. М., 2001. С. 28–128.
- Лукьянов А.Е.* Лао-цзы и Конфуций: Философия Дао. М., 2001. 384 с.
- Мартынов Д.Е.* Кан Ю-вэй: Жизнеописание. Казань, 2010. 328 с.
- Мартынов Д.Е.* Теория «Великого единения» Кан Ю-вэя в зеркале западной историографии // Общество и государство в Китае: XXXIX науч. конф. // Учён. зап. Отд. Китая ИВ РАН. Вып. 1. М., 2009. С. 266–273.
- Тихвинский С.Л.* Движение за реформы в Китае в конце XIX века и Кан Ювэй // Избр. произв.: в 5 кн. Кн. 1: История Китая до XX века. М., 2006. С. 10–415.
- Усов В.Н.* Кан Ю-вэй // Духовная культура Китая: энциклопедия: в 5 т. Т. 4. Историческая мысль. Политическая и правовая культура / ред. М.Л. Титаренко и др. С. 511–514.
- Фельбер Р.* Учение Кан Ювэя о мире Датун – теория утопического коммунизма или положительный идеал либеральных реформаторов? // Общественно-политическая мысль в Китае (кон. XIX – нач. XX в.). М., 1988. С. 39–62.
- Felber R.* The Use of Analogy by Kang Youwei in His Writings on European History // Oriens Extremus. 1997. Vol. 40, Issue I. P. 64–77.
- Hsiao Kung-chuan.* A Modern China and a New World. K'ang Yu-wei, Reformer and Utopian, 1858–1927. Seattle, London: Univ. of Washington Press, 1975. 669 p.
- K'ang Yu-wei.* A Biography and a Symposium / Ed. with trans. by Jung-pang Lo. Tucson, 1967. 541 p.

- Kang Youwei* 康有為. Manifeste à l'empereur adressé par les candidats au doctorat = Shang Ch'ing ti ti erh shu, 上清帝第二書 / Trad. du chinois, annoté et présenté par Roger Darrobers. Paris, 1996. 198 p.
- Та Т'унг Шу. The One World Philosophy of K'ang Yu-wei / Tr. by L.G. Thompson. London, 1958. 300 p.
- Да тун шу / Кан Ю-вэй чжуань; Тан Чжи-цзюнь дао ду (*Кан Ю-вэй*. Книга о Великом единении / Пред. Тан Чжи-цзюня 大同书 / 康有为撰; 汤志钧导读). Шанхай, 2005. 292 с.
- Кан Ю-вэй цюань цзи / Кан Ю-вэй чжуань; Цзян И-хуа, Чжан Жун-хуа бянь цзяо 康有為全集 / 康有为撰; 姜义华, 张荣华编校 (*Кан Ю-вэй*. Полн. собр. соч. / Ред.-сост. Цзян И-хуа, Чжан Жун-хуа). Т. 1–12. Пекин, 2007.

REFERENCES

- Ageeva N.Ju. Osmyslenie jevoljucionizma v rannem tvorcestve Kan Juvjeja i Ljan Cichao // XXXIII nauchnaja konferencija. «Obshestvo i gosudarstvo v Kitae». М., 2003. S. 168–173.
- Belozjorova V.G., Martynov D.E. Kan Ju-vjej // Duhovnaja kul'tura Kitaja: jenciklopedija: v 5 t. / Gl. red. M. L. Titarenko; In-t Dal'nego Vostoka RAN. М., 2010. Т. 6 (dop.). Iskustvo. S. 594–595.
- Boroh L.N. Vlijanie buddijskoj filosofii na utopiju Kan Juvjeja // XXXIV nauch. konf. «Obshestvo i gosudarstvo v Kitae». М., 2004. S. 153–160.
- Doronin B.G. Istoricheskaja mysl' // Duhovnaja kul'tura Kitaja: jenciklopedija: v 5 t. / Gl. red. M.L. Titarenko; In-t Dal'nego Vostoka RAN. М., 2009. Т. 4. Istoričeskaja mysl'. Politicheskaja i pravovaja kul'tura / red. M.L. Titarenko i dr. S. 18–40.
- Kobzev A.I. Kan Ju-vjej // Duhovnaja kul'tura Kitaja: jenciklopedija: v 5 t. Т. 1. Filosofija / red. M.L. Titarenko, A.I. Kobzev, A.E. Luk'janov. S. 275–279.
- Krol' Ju.L. Syma Cjan' – istorik. М., 1970. 446 s.
- Krol' Ju.L. «Spor o soli i zheleze» kak pamjatnik kitajskoj kul'tury // Spor o soli i zheleze (Jan'te lun'). Т. I. М., 2001. S. 28–128.
- Luk'janov A.E. Lao-czy i Konfucij: Filosofija Dao. М., 2001. 384 s.
- Martynov D.E. Kan Ju-vjej: Zhizneopisanie. Kazan', 2010. 328 s.
- Martynov D.E. Teorija «Velikogo edinenija» Kan Ju-vjeja v zerkale zapadnoj istoriografii // Obshestvo i gosudarstvo v Kitae: XXXIX nauch. konf. // Uchjon. zap. Otd. Kitaja IV RAN. Vyp. 1. М., 2009. S. 266–273.
- Tihvinskij S.L. Dvizhenie za reformy v Kitae v konce XIX veka i Kan Juvvej // Izbr. proizv.: v 5 kn. Kn. 1: Istorija Kitaja do HH veka. М., 2006. S. 10–415.
- Usov V.N. Kan Ju-vjej // Duhovnaja kul'tura Kitaja: jenciklopedija: v 5 t. Т. 4. Istoričeskaja mysl'. Politicheskaja i pravovaja kul'tura / red. M.L. Titarenko i dr. S. 511–514.
- Fel'ber R. Uchenie Kan Juvjeja o mire Datun – teorija utopicheskogo kommunizma ili polozhitel'nyj ideal liberal'nyh reformatorov? // Obshestvenno-politicheskaja mysl' v Kitae (kon. XIX – nach. HH v.). М., 1988. S. 39–62.
- Felber R. The Use of Analogy by Kang Youwei in His Writings on European History // Oriens Extremus. 1997. Vol. 40, Issue I. P. 64–77.
- Hsiao Kung-chuan. A Modern China and a New World. K'ang Yu-wei, Reformer and Utopian, 1858–1927. Seattle, London: Univ. of Washington Press, 1975. 669 p.
- K'ang Yu-wei. A Biography and a Symposium / Ed. with trans. by Jung-pang Lo. Tucson, 1967. 541 p.

- Kang Youwei 康有為. Manifeste à l'empereur adressé par les candidats au doctorat = Shang Ch'ing ti ti erh shu, 上清帝第二書 / Trad. du chinois, annoté et présenté par Roger Darobers. Paris, 1996. 198 p.
- Ta T'ung Shu. The One World Philosophy of K'ang Yu-wei / Tr. by L.G. Thompson. London, 1958. 300 p.
- Da tun shu / Kan Ju-vjej chzhuan'; Tan Chzhi-czjun' dao du (Kan Ju-vjej. Kniga o Velikom edinenii / Pred. Tan Chzhi-czjunja 大同书 / 康有为撰; 汤志钧导读). Shanhai, 2005. 292 s.
- Kan Ju-vjej cjuan' czi / Kan Ju-vjej chzhuan'; Czjan I-hua, Chzhan Zhun-hua bjan' czjao 康有為全集 / 康有为撰; 姜义华, 张荣华编校 (Kan Ju-vjej. Poln. sobr. soch. / Red.-sost. Czjan I-hua, Chzhan Zhun-hua). T. 1–12. Pekin, 2007.

Мартынов Дмитрий Евгеньевич, доктор исторических наук, доцент кафедры китаеведения, истории и культуры стран Дальнего Востока Института международных отношений, истории и востоковедения Казанского (Приволжского) федерального университета; dmitrymartynov80@mail.ru

Kang Youwei as a historian

The article analyses the historical views of a Chinese philosopher and reformer Kang Youwei (1858–1927). He had received a traditional Confucian education and shared an official view of historiography as an integral part of the doctrine of state. However, at the time of the growing pressure of the Western power on China, he universalized the Confucian historical concept by incorporating other geographical zones into it; a 'chinezation of the world history' took place, for pragmatic and didactic purposes.

Keywords: Kang Youwei, historiography, method of analogy, didactics.

Dmitry Martynov, Dr Sc. (History), Assistant professor, Department of Chinese studies, history and culture of the Far East, the Institute of International relations, history and oriental studies, Kazan' (Privolzhsky) Federal University; dmitrymartynov80@mail.ru

А. Г. ВАСИЛЬЕВ

MEMORY STUDIES В МЕЖВОЕННОЙ ПОЛЬШЕ*

Национальные школы *memory studies* в целом плохо изучены, за исключением французской, немецкой и американской традиций. Цель статьи – восполнение этого пробела и рассмотрение процессов формирования польской школы исследований культурной (социальной) памяти. Анализируются теоретические подходы польских исследователей, работавших в межвоенный период. В центре внимания – вклад в развитие теории культурной (социальной) памяти Л. Кшивицкого, К. Келлес-Крауза, Ю. Халасиньского, Ф. Знанецкого, а также одного из классиков польской социологии С. Чарновского. Их идеи были связаны с практиками нацистроительства, что было обусловлено ситуацией, в которой находилось польское общество, решавшее задачу восстановления государства после периода разделов. Конкурсы мемуаров, организованные во Второй Речи Посполитой рассматриваются в статье как «кинститут памяти», созданный польскими интеллектуалами, а также как механизм трансформации автобиографической памяти в национальную. Делается вывод о том, что межвоенная Польша была активно включена в процесс формирования первых исследовательских программ *memory studies*. Наиболее тесные связи у польской школы исследований коллективной памяти в это время были с марксизмом, французской социологической и чикагской школами.

Ключевые слова: *memory studies*, Польша, нацистроительство, польская государственность, коллективная память, польские социально-гуманитарные науки.

Рефлексия на тему присутствия и функционирования прошлого в настоящем в истории западной мысли начинается с рубежа XVIII–XIX вв. Революционные изменения во всех сферах жизни, в формах мышления о мире вызвали острое переживание разрыва «связи времен». Ответом на шок модернизации и революции стали историзм, романтизм, политический консерватизм. Исторический роман и живопись, профессионализация исторической науки, программы сохранения и реставрации памятников прошлого, ориентация на прошлое в политике в диапазоне от реакционного желания вернуть Средневековье до либеральных проектов прогресса с опорой на традиционные ценности. Интересные, хотя и фрагментарные, не сложившиеся в целостные теории, рефлексии о влиянии прошлого на настоящее регулярно появляются на протяжении этого столетия. Достаточно вспомнить О. Конта, К. Маркса, Ф. Ницше, Э. Ренана. Однако в целом XIX век был более ориентиро-

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках проекта «Память о русско-польских отношениях в Российской империи в мемуаристике межвоенного периода» (№13-01-00070).

ван на будущее, которое должно было непременно быть «светло и прекрасно» в соответствии с непреложным законом поступательного прогресса, открытым детищем этого века – социологической наукой.

Следующая волна интереса к «прошлому-в-настоящем» и «прошлому-для-настоящего» относится уже к концу XIX – первой трети XX в., когда возникли первые систематические теории, созданные в 1920-х гг. М. Хальбваксом и А. Варбургом, а вместе с ними в обиход вошли и соответствующие понятия – «коллективная память» Хальбвакса и «социальная память» Варбурга. Рубеж веков принес обостренное чувство власти прошлого над современностью. Кризис просветительской идеи поступательного прогресса и формирование неоромантизма изменили духовный климат Европы. Показательно, что понятие «коллективная память» впервые встречается не в трудах ученых, а в одной из речей австрийского поэта и драматурга Гуго фон Гофманстала в 1902 г., когда он сказал: мы живем в окружении «пластов коллективной памяти». По мере нарастания кризиса имперских государственных образований в Восточной, Центральной и Южной Европе тема памяти становится все более актуальной. Образы прошлого использовались в предвоенной и военной пропаганде, более того – лидеры национальных движений все яснее осознавали, что будущий передел мира по итогам мирового конфликта открывает возможности реализовать самые смелые, и, казалось бы, несбыточные проекты создания национальных государств. Одним из самых сложных в Европе был именно «польский вопрос», поскольку его разрешение затрагивало сразу три империи и было невозможно без их глубокого кризиса и конфликта.

В результате Великой войны возникла совокупность государств Центральной и Восточной Европы, каждое из которых было озабочено проблемой формирования собственной национальной идентичности. Между этими странами крепло ощущение общности исторической судьбы и начала складываться региональная идентичность, сопровождавшаяся поисками общего прошлого, объединяющей памяти. Новые национальные государства, возникшие в результате версальских решений, должны были практически заново создать современные нации на основе тех объединяющих элементов культуры, которые достались им из прошлого. В Польше исторически сложилась «шляхетская нация», национальное самосознание имело полиэтническое по своему составу дворянское сословие. Национальная идея, сформулированная шляхетской интеллигенцией, медленно проникала в иные сословия. Реализация проекта польского нациестроительства на этих основаниях требовала сделать сословную шляхетскую память основой национальной иден-

тичности. С этим «ягеллоновским» проектом полиэтничной политической польской нации конкурировал «пястовский» проект этнической нации, опирающийся на этно-конфессиональные и языковые признаки. Само определение новых государственных границ пробуждало работу памяти, вызывало дискуссию о том, насколько реалистично в новой ситуации исходить из исторических реалий, предшествовавших разделам.

Вся предшествующая история польской культуры на протяжении «долгого польского XIX века» была наполнена разнообразными акциями по формированию и поддержанию национальной памяти поляков вопреки разделившим их границам государств-участников разделов и в противоборстве с культурной политикой этих государств, имевших противоположные планы относительно «своего» польского населения, простиравшиеся временами вплоть до попыток его ассимиляции.

Таким образом, ситуация, в которой находилось польское общество чрезвычайно «благоприятствовала» развитию рефлексии на тему коллективной памяти. «Долгий XIX век» прошел для Польши под знаком травмы разделов и проработки травматического опыта. Польское национальное сознание в разных формах занималось в это время выстраиванием мемориальных нарративов, призванных «вписать» разрыв, созданный национальной катастрофой, в ткань национальной истории и восстановить разрушенные механизмы смыслообразования: «интеллектуалам и элитам необходимо было рассказать польские воспоминания, символы, мифы в польской поэзии и музыке, тем самым пробудив и усилив народные этнорелигиозные чувства миллионов поляков и таким образом реконструировав и по-новому истолковав польское культурное наследие применительно к современным условиям»¹.

Очевидно, что такой богатый опыт реализации собственной политики памяти и борьбы с контр-стратегиями такого рода не мог не активизировать в среде польских интеллектуалов и теоретическую рефлексию на тему культурных форм присутствия прошлого в настоящем и его социальных функций. Не случайно польские ученые, наравне с французскими и немецкими, находились в конце XIX – первой трети XX в. в авангарде процесса создания первых научных программ в области *memory studies*.

Как любая область исследований, находящаяся в состоянии становления и институционализации, *memory studies* активно выстраивает свою генеалогию. Формирование нарратива своего происхождения и истории – неотъемлемая часть формирования любой идентичности,

¹ Смит 2004. С. 244.

в том числе и идентичности научного сообщества той или иной дисциплины, претендующей на академический статус. Одним из важных направлений деятельности учёных, озабоченных институционализацией и «парадигматизацией» *memory studies*, является оформление «канонического» набора текстов и авторов, в первую очередь – основоположников, вокруг которых как вокруг общепризнанных авторитетов могла бы выстраиваться идентичность исследовательского сообщества. Анализ истории определенной научной области, тем более такой, что изначально формировалась поверх всяких предметных границ и дисциплинарных рамок, сложная задача. Здесь особенно не подходит «формальный» принцип, предпочитающий отсчитывать историю той или иной области знания от момента фиксации соответствующей терминологии и самонаименования. Такой подход грозит «выбросить» из истории *memory studies* массу принципиально важных теорий и концепций, начиная с Платона, Аристотеля и Блаженного Августина и заканчивая Марксом и Фрейдом. Более приемлемым представляется ретроспективный подход, прослеживающий прошлое развитие тех проблем и тем, которые структурируют проблемное поле соответствующей науки сегодня. Список «отцов-основателей» *memory studies* постоянно расширяется, обновляется и модифицируется. Бесспорными классиками остаются, пожалуй, лишь М. Хальбвакс и А. Варбург, создавшие во многом современную терминологию *memory studies*, выработавшие многие их исследовательские принципы и сформулировавшие теоретико-методологические основания.

Мало разработанным в контексте истории *memory studies* остается анализ национальных научных школ. Прослеживание преемственности и развития идей в пределах одного коммуникативного пространства национальной науки может быть не менее плодотворно, чем сопоставление идей ученых, работавших в одной области, но часто не знавших о существовании и трудах друг друга. Специальных работ такого рода практически нет. Хотя довольно отчетливо можно, думается, говорить о специфике французской, польской, немецкой и американской традиций в этой области. Российское направление в области изучения социально-культурных аспектов памяти также специально не рассмотрено.

Нам хотелось бы остановиться на рассмотрении процессов формирования польской школы исследований культурной (социальной) памяти². В данной статье мы рассмотрим теоретические подходы не-

² Из известных нам наиболее близкой по тематике работой, хотя и не посвященной прямо нашей теме, является статья: Filipowicz 2002.

скольких польских исследователей, работавших в период с рубежа XIX–XX в. до 1939 г., а также на конкурсах мемуаристов во Второй Речи Посполитой как коммеморативной практике.

Далеко не все те польские ученые, которые изучали роль прошлого в жизни общества, непосредственно обращались к польской проблематике, но все они занимали, как правило, активную общественно-политическую позицию, которая хорошо описывается предложенной австрийским исследователем И. Фейхтингером категорией «автономно-ангажированной» науки. Он характеризует установки и формы деятельности лучших ученых Центральной Европы около 1900 года как «автономно-ангажированные». На самом деле строго разделяя науку и политику, эти исследователи инвестировали свои ноу-хау в такую научную деятельность, которая была политически релевантна. Это не была «чистая наука», поскольку ее представители не отступались от политической ангажированности в рамках своих специфических компетенций. Набираемый таким образом научный авторитет укреплял автономию наук. Процесс автономизации характерен для научного ландшафта Нового времени, в котором автономно-ангажированная форма деятельности находила проявление в типе интеллектуала-ученого. В качестве ее представителей рассматриваются те исследователи, которые, пользуясь научным авторитетом, под девизом универсальных понятий ценности и «благополучия» инвестируют полученные в науке специфические компетенции в публичную сферу (в политику) без нарушения правил игры, принятых в научной деятельности»³.

Еще в конце XIX в. к проблеме влияния прошлого на настоящее обратились польские марксисты. Так, известный социолог, экономист, антрополог, Людвиг Кшивицкий (1859–1941) разработал теорию «исторического субстрата» (*podłoże historyczne*), изложенную впервые в работе «Идея и жизнь» (1888)⁴. Кшивицкий принадлежал к числу основателей польского марксизма. Он входил в тот круг интеллектуалов, из которого вышло первое польское издание «Капитала» К.Маркса.

«Со всех сторон нас окружает прошлое», – говорит он, предвосхищая слова Гуго фон Гофманшталя о «слоях коллективной памяти», окружающей нас со всех сторон. Все то, что окружает нас, и относится, с точки зрения Кшивицкого, к «историческому субстрату».

³ Feichtinger 2013. S. 20.

⁴ Подробный разбор и развитие идей Кшивицкого уже в послевоенной польской социологии см.: Dobrowolski 1967. S. 6-51.

При этом он опирается на антропологическую теорию пережитков, подчеркивая, что в них продолжают жить в современности даже очень отдаленные эпохи. «Мы живем окруженные прошедшими веками и связанные ими. В нашем собственном существе, в нашем внутреннем “я” сплетаются нити, тянущиеся в души неизвестных предков. Если бы мы захотели глубже проанализировать свои повседневные действия и склонности, если бы мы разобрались в своих предрассудках, мыслях и чувствах, или огляделись бы вокруг и задались бы вопросом об истоках обычаев и норм поведения, то мы поняли бы, насколько нас направляет не свой собственный ум, а ум наших предков. Что бы там не говорили о нашей независимости, мы – рабы наших дедов и прадедов. Они давно лежат в гробах, время прошло и развеяло их прах, но дело их еще живет: как в младенчестве они пеленают наши руки и ноги, лишают наш ум силы, отягощая его бременем ненужных знаний...»⁵. В этих рассуждениях, конечно, слышны отголоски известных высказываний О. Конта и К. Маркса о власти прошлого над настоящим, о «мертвых, управляющих живыми», о власти обстоятельств, созданных прошлыми поколениями, над ныне живущими.

Исторический субстрат, слагающийся из политических и правовых систем, моральных и эстетических представлений, верований, предрассудков, взглядов и пр., напоминает, по Кшвицкому, одежду, сшитую некогда на маленького ребенка и становящуюся все более тесной и неудобной по мере его взросления. Однако и расстаться с ней не так просто, поскольку общество к ней слишком привыкло и срослось с ней.

Таким образом, исторический субстрат – тормоз общественного развития, пассивный элемент, который не создает ничего нового, а только препятствует развитию. Поэтому «всякая реформа и всякий прогресс вообще должен начинаться с борьбы против этого прошлого»⁶. Всякая общественная борьба начинается с борьбы с традицией и с освобождения себя от ее авторитета.

Степень влияния прошлого на настоящее меняется от эпохи к эпохе: «Исторический субстрат в своем влиянии на историческое развитие обладает... не одинаковой физиономией. В одни эпохи элементы, содержащиеся в обычаях, сооружениях, верованиях, оказывают мощное воздействие. Иногда доходит до того, что живой мир попадает как бы в крепостную зависимость от прошлого...»⁷.

⁵ Krzywicki 1951. S. 84.

⁶ Krzywicki 1951. S. 90.

⁷ Krzywicki 1951. S. 88.

Говоря языком марксистской социальной теории, «исторический субстрат» Кшивицкого – совокупность надстроечных явлений, включающая в себя верования, политические и правовые теории, эстетические и этические концепции, стереотипы, обычаи и даже «расовую душу», духовную физиономию той или иной социальной общности и т.д. Они возникают как отражение определенных материальных условий, но обладают способностью существовать много дольше, чем те реальные условия и потребности, которые их в свое время породили.

«Каждая фаза социального развития оставляет после себя наследие, которое сплетается и сливается с наследием более ранних периодов. Из соединения этих элементов, одни из которых происходят из отдаленного, а другие из ближайшего прошлого и вообще из исторических пережитков, которые уже совершенно не отвечают потребностям рассматриваемого исторического периода, продолжая, однако, существовать в разнообразных институтах, создается важная категория факторов исторического развития, категория, которую мы окрестили именем *исторического субстрата*»⁸. Различия в историческом субстрате каждого общества приводит к тому, что решение одних и тех же исторических задач в ходе однотипных исторических процессов дает разные результаты и придает неповторимое своеобразие истории разных стран, народов и регионов...». В результате это приводит Кшивицкого к несколько необычному для марксиста пониманию: реальное развитие обществ настолько разнообразно, что едва ли может быть представлено в общей схеме. Ведь универсальные тенденции каждый раз преломляются через уникальный «исторический субстрат».

Оценивая в связи с этим роль Кшивицкого в развитии марксизма выдающийся польский исследователь истории марксистской мысли, философ Лешек Колаковский отмечал, что, хотя Кшивицкий, несомненно, внес значительный вклад в укоренение марксистского способа мышления в польской культуре, но сделал это весьма своеобразно: он «привил» польской мысли столь открытую и недогматичную версию марксизма, что польский марксизм постепенно «растворился», слившись с общими течениями рационализма и историзма в понимании общества. «В этом смысле Кшивицкий в Польше... был для марксизма скорее троянским конем, чем осадным тараном»⁹.

Другим ярким примером такого политически ангажированного интеллектуала-ученого, поставившего вопрос о роли прошлого в текущей

⁸ Ibid. S. 61.

⁹ Kołakowski 1977. S. 218.

жизни и деятельности был выдающийся польский марксист, активный деятель польского и международного социалистического движения Казимир Келлес-Крауз (1872–1905). Будучи в эмиграции в Париже, он близко познакомился с французским социологом Рене Вормсом, который создавал Международный институт социологии и в 1894 г. был приглашен в члены этого Института. Именно в докладах на съездах этого международного научного учреждения в 1894–1895 гг. польский социолог свою концепцию «закона перевернутой ретроспекции» (*la loi de la rétrospection révolutionnaire, prawo retrospekcji przewrotowej*), которая должна была, по мысли автора, объяснить механизм исторического прогресса. Формулируется этот закон так: «Всякое движение, стремящееся к изменению основ общественного устройства, прежде всего обращается к какой-нибудь более или менее отдаленной эпохе в прошлом». Или в другой, более поздней, формулировке: «Идеалы, которыми всякое реформаторское движение стремится заменить существующие социальные нормы, всегда похожи на нормы более или менее отдаленного прошлого»¹⁰. Интуитивным прозрением этого закона Келлес-Крауз не без оснований считал известные рассуждения Маркса из работы «Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта» о том, как каждая революция совершается в костюмах и в декорациях прошлого, а «традиции прошлых поколений как ночной кошмар тяготеют над умами живых»¹¹.

Нетрудно заметить, что здесь Келлес-Крауз как будто вступает в спор с Кшивицким, настаивавшим на том, что всякое движение вперед должно начинаться с борьбы с «традицией». Следует признать, что взгляд Келлес-Крауза более соответствует современным представлениям о роли памяти в динамике общественной жизни. Действительно, сегодня мало кто будет спорить с тем, что «борьба с традицией» всегда приводит к актуализации другой, как правило более архаичной, традиции, чем та, с которой борются прогрессисты, и что социальные изменения не могут протекать без обращения к прошлому.

Марксизм конца XIX в. находился под сильным влиянием позитивизма, теории прогресса и теории эволюции Дарвина. Ведущим теоретиком немецкого и мирового марксизма в это время считался Карл Каутский, который склонен был понимать марксизм в духе экономического материализма. Гегелевская составляющая марксизма считалась в этом интеллектуальном контексте исторически случайной и мало существенной. Келлес-Крауз же, напротив, взял за основание своей

¹⁰ Kelles-Krauz. 1967. S. 250.

¹¹ Маркс К. Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта. С. 119.

теории трехчастную диалектическую схему Гегеля (с привлечением схожих идей и более ранних авторов – Дж. Вико и Ж.-Ж. Руссо). «В то время как немецкий марксизм был разновидностью позитивизма, – отмечает американский историк Т. Снайдер, – польский марксизм обыкновенно имел антипозитивистский характер»¹², поэтому польские социологи отвергали эволюционистскую теорию прогресса, предпочитая спиральную трехчастную диалектическую схему. ...без сомнения опыт разделов привел к тому, что прогрессивные поляки охотнее смотрели в прошлое во имя будущего, а также и к тому, что прочтение истории как триады: рай, грехопадение и искупление (или же – жизнь, распятие и воскресение) могло инспирировать даже самых больших агностиков из числа польских радикалов еще в эпоху *fin-de-siècle*»¹³.

Реформаторские программы и устремления, рассуждал Келлес-Крауз, всегда оказывались похожими на что-то из того, что уже имело место в прошлом, и это сходство часто используется противниками преобразований как аргумент против всяких социальных изменений. «На самом же деле это есть нормальный, постоянный и необходимый результат развития человечества, которое верно сравнивают со спиралью: эта линия постоянно возвращается в те же самые точки круга, но каждый раз на все более высоком уровне»¹⁴. Никакие проекты социальных преобразований не могут возникнуть из ничего, а это значит, что каждый отказ от настоящего и его критика неизбежно обращают взоры реформаторов к прошлому. Странники движения вперед, как и реакционеры отличаются не тем, что одни не смотрят в прошлое, а другие смотрят. В прошлое смотрят и те, и другие, но первые делают это для того, чтобы идти вперед, а вторые – чтобы идти назад.

Идеализированный образ прошлого служил скорее эстетическим основанием для выражения неудовлетворенности настоящим и устремления в будущее¹⁵. Первым примером проявления своего закона Келлес-Крауз считал древние мечты о «золотом веке», а в теории исторического материализма видел ностальгию по первобытной общине; именно поэтому в становлении марксистской теории такую роль сыграли исследования антропологов (Моргана, Тайлора, Бахофена), посвященные устройству первобытного общества.

¹² Snyder 2010. S. 141

¹³ Ibid. S. 142-143.

¹⁴ Kelles-Krauze. 1967. S. 250.

¹⁵ «...у Келлес-Крауза прошлое в своей идеализированной форме создавало прежде всего предлог, обосновывающий необходимость изменений, а не возвращения к нему самому». Chmielewska-Szlajfer 2014. S. 18.

Польскому социологу удалось разработать заложенную у Маркса, но неразвитую им самим идею о важной роли, которую образы прошлого играют в актуальной социально-политической жизни. Причем, если Кшивицкий подчеркивал консервативную роль прошлого, то взгляды Келлес-Крауза на роль наследия в исторической динамике отличаются большей диалектичностью, учетом творческой активной роли истории в современности. В области современной теории культурной памяти им в наибольшей степени соответствовали бы идеи Ю.М. Лотмана и А. Ассман о памяти как источнике творчества и резервуаре смыслов и значений для генерирования новых культурных смыслов и текстов.

Говоря о взглядах Келлес-Крауза, Лешек Колаковский отказывает его «закону» в оригинальности и в статусе научного закона вообще. Однако он замечает, что представленное у Келлес-Крауза понимание исторической традиции как самостоятельной творческой силы истории и признание большой роли консерватизма в становлении марксизма внесло вклад в формирование несколько иного «консервативного» облика марксизма, отличного от «ортодоксии Каутского». «Это был такой марксизм, который хочет принимать во внимание не только историю как реализацию «законов», но также и историю как случайность...»¹⁶.

Важную роль в изучении коллективной памяти сыграла польская «гуманистическая социология», традиции которой были заложены выдающимся польско-американским социологом Флорианом Знанецким (1882–1958) в 1920-30-х гг. Он выступил против чистого объективизма в социологии и выдвинул в качестве обязательного принципа при изучении любого социального явления учет «человеческого коэффициента»¹⁷ (*zasada współczynnika humanistycznego*), что означало: социолог должен стараться увидеть ситуацию глазами действующего субъекта, чтобы понять, как именно он воспринимает ситуацию и почему действует именно так¹⁸. Исходя из этих представлений, Знанецкий выдвинул идею использования в социологии «личных документов» (писем, мемуаров и т.п.), став одним из пионеров разработки этого метода в мировой науке.

Поэтому при изучении социального присвоения и использования прошлого, в соответствии с этим принципом, важно понять, почему именно этот исторический материал, именно в данное время и в дан-

¹⁶ Kołakowski 1977. S. 225.

¹⁷ Znaniecki 2008. S. 67-70.

¹⁸ Впоследствии схожая идея его коллеги и соавтора американского социолога У. Томаса получит название «теоремы Томаса» и станет основополагающим постулатом «культурализма» в социологии: «если ситуация определяется как реальная, то она становится реальной по своим последствиям».

ном сообществе был воспринят как значимый и наделен статусом традиции. Традиция, по мнению Знанецкого, не может рассматриваться как механическая и лишенная осмысленности связь между прошлым и настоящим. Традиция должна рассматриваться с учетом ее «человеческого коэффициента», существование традиции требует наличия определенных человеческих чувств, притяжения и неприятия, выбора.

Таким образом, он приходит к важнейшему для *memory studies* постулату: прошлое существует не само по себе, оно всегда существует в настоящем и для настоящего, всегда есть социальные группы и силы, заинтересованные в том, чтобы именно это прошлое и именно в такой форме было представлено в современности.

«Гуманистический подход» Знанецкий применяет не только ко времени (прошлому), но и для изучения социального (городского) пространства. Он формулирует это так: «...мы приняли за исходный пункт понятие города как непространственной гуманистической целостности, реализующейся в опыте и деятельности людей. Конечно, люди живут на территории города и поэтому считаются “жителями” города. Пространственные условия их жизни оказывают влияние на эту их жизнь. Это не означает, однако, что их можно полностью поместить в эту территорию, как дома или трамвай. Они ведь не только тела, но и имеющие определенный опыт и действующие субъекты, и в этом своем качестве не они находятся в городе, а, если так можно выразиться, город находится в сфере их совместного опыта и деятельности. Они его создают как весьма сложную социальную структуру»¹⁹. Отсюда пролегал прямой путь к постановке вопроса о «местах памяти», формирующих идентичность данного сообщества, но реализована эта теоретическая возможность была уже в работах ученика Знанецкого, одного из ведущих польских социологов XX века, Юзефа Халасиньского (1904–1979).

Взгляды Ю. Халасиньского²⁰ заслуживают отдельного внимания в интересующем нас аспекте. Речь о его роли в движении по собиранию и изучению мемуаров пойдет ниже. Здесь мы отметим только теоретические элементы, относящиеся к проблематике памяти. Целостной теории коллективной (социальной) памяти он не создал. Однако в его исследованиях по социологии воспитания, социологии культуры, социологии пространства и социологии нации содержатся важные идеи на этот счет. На социологию Халасиньского большое влияние оказали Дюркгейм и

¹⁹ Znaniecki 1931. S. IX-X.

²⁰ См. наиболее полную обобщающую работы о Ю. Халасиньском в современной польской литературе: Gryko 2007.

его школа. Особенно это влияние проявилось в социологии воспитания. Общество Халасиньский понимал как реальность, состоящую из социальных групп, а процесс воспитания – как процесс усвоения индивидом набора «коллективных представлений», делающих его членом этих групп. Здесь его мысль очевидно шла в направлении развития и коррекции взглядов Дюркгейма, происходивших в 1920-30-х гг. в среде его учеников и особенно у Мориса Хальбвакса, который также отказался от дюркгеймовского понимания общества как реальности и пришел к его трактовке как совокупности групп, каждая из которых социализирует своих членов в собственных рамках, в том числе социализирует и мемориально, наделяя их необходимым для членства в данной группе и определяемым ее «социальными рамками» набором воспоминаний.

Одной из таких социальных общностей, которой польская социология традиционно уделяла больше внимания, чем какая-либо иная социологическая традиция в мире, была нация. Нация понималась Халасиньским как совокупность культурных ценностей, как политическая общность, объединенная общностью культуры. Для понимания нации он впервые в польской социологии применил понятие *стереотип*, введенное в 1930 г. американским социологом Уолтером Липпманом. Стереотипы интегрируют нацию, превращаясь в национальные мифы. Сами же эти стереотипы являются продуктом исторического конфликта народов и борьбы их культур. Эти выводы социолог сделал в первую очередь на основе изучения польско-немецких отношений²¹.

Особое значение для понимания национальной связи имеет социологическая концепция пространства Халасиньского, которую он разрабатывал вслед за своим учителем Флорианом Знанецким («Город в сознании своих жителей», 1931 и др.). Пространство, согласно этой концепции существует как социальное явление только в человеческом опыте. Есть социальное пространство семьи, соседской группы и, наконец, национальное пространство нации, ее родина. Пространство в гуманистической социологии, является качественным пространством общезначимых для социальной общности ценностей, оно ни в коем случае не может быть описано чисто статистически и географически. Пространство – культурная ценность, которая непосредственно влияет на людей, считающих его своим. «...Чертами родового владения, соседства или страны является то, что их нельзя разделить, измерить или поменять. Они представляют для группы ценность как качественная целостность, которую нельзя измерить и поменять. Оно строго связано

²¹ Chałasiński 1935. S. 146-278.

с целостностью группы и с социальной спецификой ее членов. «Наше» социальное пространство – часть специфики членов группы, и наоборот, их специфичность – часть этого пространства»²².

Социальная интеграция нации основывается в значительной степени на наделении ценностью пространства, ею занимаемого. Символическая ценность пространства способствует объединению народа. Неповторимая специфика каждой нации связана с ее «святыми местами», которые придают точке географического пространства характер социальной ценности. «Такую специфику придают земле не только места со святынями, окруженные религиозным культом, как Ченстохова, но и исторические места, с которыми связаны важные события в истории всего народа, такие, как Краков, древняя столица страны, или Варшава, места, в которых сосредоточены организационно-политические усилия и в которых сосредоточено политическое руководство нации, такие как столица страны, места, свидетельствующие о предпринятых всем народом усилиях, такие, как Гдыня. К их числу принадлежат и целые регионы, представляющие разные направления национальной активности и устремления народа, такие как море и Поморье, промышленные районы, горы и т.п. Из всего этого складывается пейзаж страны...»²³. Этот пейзаж возникает и меняется исторически. В его возникновении и изменениях, по Халасиньскому, решающую роль играют книги и пресса.

Через три года после этой публикации Париже выйдет книга Хальбвакса «Евангельская топография Святой земли» (Париж, 1941), в которой будет разработан вопрос о сущностной связи между идентичностью сообщества (в данном случае религиозного сообщества христиан) и его памятью, которая, чтобы стать социальным фактом, должна быть воплощена в определенных «местах», а вокруг этих «мест» должны быть созданы практики коммеморации. Таким образом, Халасиньский предвосхитил разработку столь популярной сегодня (особенно после реализации в 1980-е гг. одноименного проекта П. Нора) темы «мест памяти».

Известно, что именно французская социологическая школа (школа Дюркгейма) была той интеллектуальной средой, в которой сформировалась в 1920-е гг. первая научная программа изучения коллективной памяти: именно с публикации в 1925 г. книги М. Хальбвакса «Социальные рамки памяти» ведется формальный отчет истории этого научного направления. Между тем, польская социология межвоенного периода была связана со школой Дюркгейма. Один из создателей

²² Chałasiński 1938. T. 1. S. 122.

²³ Ibid. S. 126-127.

и классиков польской социологии Стефан Чарновский (1879–1937) был не только выдающимся польским ученым межвоенного периода, но и единственным нефранцузом среди членов школы Дюркгейма²⁴.

В основе исследований Чарновского лежат основные положения Дюркгейма о том, что общество представляет собой надындивидуальное моральное единство, а скрепляют это единство коллективные представления; эти представления локализуются в конкретных образах (персонажах), которые должны стать воплощением общества и как таковые подлежат сакрализации, вокруг них складываются регулярно повторяющиеся коммеморативные ритуалы, одновременно и поддерживающие коллективную солидарность, и черпающие свою священную мощь из морального единства общества. Подход Чарновского к анализу культа христианского святого и подход Дюркгейма к анализу тотемического культа принципиально не отличаются. Отличия заключаются в том, что Чарновский выбирает для исследования не племенные общности, а нации, а точнее – их историко-культурные истоки. Его интересует роль национальных героев как образов коллективной памяти в формировании национальной идентичности. Чарновский исследует сущность этих образов, социальный механизм их формирования и распространения, причины, по которым герои архаического прошлого играют важную роль в жизни современных наций. Наиболее известная работа Чарновского называется «Культ героев и его социальные основания»²⁵ и посвящена исследованию культа святого Патрика в Ирландии.

Следует иметь в виду конкретные исторические обстоятельства создания этой работы. Политически активного автора «Культа героев» не могли не занимать типологические параллели между историей Ирландии и Польши: в обоих случаях речь шла о национальных общностях, лишенных собственной государственности внешними силами и поддерживающих свое национальное единство вопреки внешнему давлению с опорой на память о прошлом, главным носителем которой являлась католическая религия и связанный с ней культ. Трудно не заметить в следующих словах автора отражения польской ситуации «народа без государства» и связанных с ней дискуссий о сохранении польской идентичности в период разделов: «...Святой Патрик является воплощением национального единства ирландцев вне зависимости от превратностей истории и рассеяния его последователей. Ирландия пользуется его покровительством не как территория или политическое образование, но

²⁴ См. о нем: Васильев 2014.

²⁵ Czarnowski. Kult bohaterów... 1956.

прежде всего как народ. Святой Патрик является гарантом его вечности и символом всех его устремлений»²⁶. Он обращает внимание и на актуальную для Польши проблему соединения национальной идентичности с конфессиональной. Связка «ирландец-католик» была столь же мощной, как и «поляк-католик», а церковь и для ирландцев, и для поляков выполняла роль символа национального единства. Вот как описывает автор (не без доли модернизации и анахронизма) период раннесредневековых скандинавских набегов на Ирландию: «Из институтов политической власти остался тогда один Костел. Он был убежищем национальных надежд во время борьбы с варварами-язычниками. Ирландский патриотизм соединился с верой и таким образом культ Святого Патрика усилился для поддержания духа побежденных»²⁷.

Святой Патрик рассматривается Чарновским именно как национальный герой, а его культ выглядит как система коммеморативных практик, формирующих не просто религиозную идентичность ирландских католиков, а национальную идентичность ирландцев. Исследование, таким образом, выходит за рамки историко-религиоведческого и становится историко-социологическим исследованием роли культурной памяти в формировании и поддержании национальной идентичности. Герой для Чарновского – явление социальное. В первую очередь потому, что он воплощает в себе ценности, идеалы и надежды определенной социальной общности (является «воплощением морального идеала»²⁸). Далее, его признание в качестве героя носит социальный характер, он является покровителем и защитником той группы, которую он представляет, и, наконец, его культ также является публичным. Его образ удостоивается вечной памяти в данной группе: «и, хотя поколения одно за другим падают во мрак забвения, культ героя продолжается дальше в неизменной форме»²⁹.

Наиболее интересен, с точки зрения *memory studies*, анализ автором социальных механизмов формирования общеирландского культа Святого Патрика и превращения его в национального святого. В этой связи его внимание привлекают социальные общности (братства) общеирландского характера, действовавшие на территории всего острова поверх границ родов, кланов и королевств, – друиды и филиды. Друиды выполняли религиозные функции, были жрецами языческого культа,

²⁶ Czarnowski. Kult bohaterów... S. 223.

²⁷ Ibid. S. 219.

²⁸ Ibid. S. 161.

²⁹ Ibid. S. 27.

оказывали большое влияние на социально-политическую жизнь и имели высокий общественный статус. Филиды занимались магией, предсказаниями, изучением природы, выполняли юридические функции, но главное – они были хранителями памяти, эпоса, легенд и преданий, историками. Именно они стали опорой распространения христианства в Ирландии, их методам сбора вокруг себя учеников и работы с ними подражал Святой Патрик, и именно они, став христианскими священнослужителями, выступили основными творцами его культа.

Чарновский характеризует день Святого Патрика как национальный праздник, «который раз в году объединяет всех ирландцев мира в одно единое сообщество мысли»³⁰. В отличие от коммеморативных ритуалов Дюркгейма, предполагающих взаимодействие «лицом к лицу», здесь речь идет о «воображаемом сообществе» нации, объединяемой общезначимым образом героя и регулярным его воспоминанием. Однако общий тезис Дюркгейма о необходимости регулярного ритуального оживления коллективной памяти для поддержания коллективной идентичности и тут сохраняет свое значение.

Продолжение рефлексии над этой проблемой – статья «Прошлое и настоящее в культуре»³¹, вошедшая в книгу «Культура», своеобразное творческое завещание ученого. Жизнь любого общества, как подчеркивает Чарновский, вся соткана из элементов прошлого (и подчас весьма далекого) и в значительной степени определяется ими. Однако он не рассматривает элементы прошлого в настоящем в духе классической эволюционистской теории пережитков. В рассуждениях Чарновского о присутствии прошлого в настоящем проявляется свойственная школе Дюркгейма функционалистская тенденция: для него дать научное социологическое объяснение социальному явлению означало дать ему именно функциональное объяснение. Он, как в свое время Э. Тайлор, для иллюстрации сохранения архаических элементов культуры в современной жизни приводит в пример игры, однако дает этим явлениям уже иную, не эволюционистскую, а функционалистскую, интерпретацию. То или иное явление культуры не просто сохраняется и переходит из прошлого в настоящее. Оно меняет свое место, функцию и значение в социальной системе, меняется в самой своей сути, качественно. «То, что сохранилось из прошлого, сохранилось определенным образом. Оно не является вполне тем же самым, чем было когда-то; оно оказывается переработанным, изменило свое место, имеет иной вес, чем во время свое-

³⁰ Czarnowski. Kult bohaterów... . S. 222.

³¹ Czarnowski. Dawność a terażniejszość w kulturze. 1956; Чарновский 2013.

го возникновения». Настоящее приспособливает прошлое для себя. Прошлое не является статичным «наследием», транслируемым при помощи традиции в неизменном виде. Прошлое всегда есть функция настоящего. Вот как говорит об этом Чарновский: «...Обремененная прошлым современность переструктурирует прошлое, меняя уклад его элементов, отвергая одни из них и ассимилируя другие применительно к тому, чем является она сама»³². Поколения и социальные классы, группы и институты трансформируют образ одного и того же прошлого, исходя из собственных интересов. Универсальный механизм функционирования культуры Чарновский видел в том, что каждое творение нового является работой с прошлым и его переинтерпретацией в том направлении, которое задано нуждами нынешнего момента. Однако одновременно происходит и своеобразная «отливка» потребностей и задач современной жизни в формы прошлого.

В зависимости от «соотношения сил» между прошлым и настоящим Чарновский строит типологию состояний культуры; ее экстремумами являются, с одной стороны, состояние стабилизации, и, с другой, культурного переворота. В первом случае прошлое доминирует над настоящим, не допуская перемен, во втором – напротив, настоящее подчиняет и активно переформатирует прошлое для себя. Во всех человеческих обществах существуют институты, занимающиеся приобщением молодежи к культурной традиции, иначе говоря, занимающиеся закреплением прошлого в настоящем (говоря языком *memory studies*, здесь речь идет о мемориальной социализации новых поколений, обеспечивающей преемственность в жизни культуры). Таким образом, Чарновский переходит к проблеме политики памяти. Обращение с прошлым, по его мысли, зависит от того, какой социальный класс в своих интересах осуществляет эту политику. Господствующие классы склонны представлять настоящее как вечное повторение прошлого. Чем выше положение класса в социальной системе и чем дольше этот класс занимает доминирующее положение, тем больший акцент он делает на истории, на прошлом, на том, что было, а не на том, что может быть в будущем³³.

От истории как науки, пишет Чарновский, обычно ожидают объяснения настоящего на основе анализа прошлого. Однако все про-

³² Czarnowski. *Dawność a terażniejszość...* S. 102.

³³ Эти наблюдения очень созвучны описанию «холодной» опции культурной памяти современным немецким культурологом Яном Ассманом. Ср.: «Здесь речь идет о том, чтобы заморозить изменения. Смысл, который здесь помнится, лежит в повторяющемся, регулярном, а не в уникальном, необычном. Он лежит в преемственности, а не в разрыве, переломе и изменении» (Ассман. 2004. С. 74).

граммы обучения истории преследуют на практике совсем иную, моральную цель, заключающуюся в воспитании у молодежи почтения и любви к прошлому. История служит тому, чтобы при помощи аргумента давности поддержать легитимность существующего порядка вещей, придать прошлому особую эмоциональную ценность. В этой связи Чарновский различает историю «оправдывающую» и «объясняющую». Первая в современной терминологии – ни что иное, как коллективная память; с точки зрения функции легитимации существующего порядка, это апология определенной версии исторической истины на службе правящих слоев. От нее следует отличать «объясняющую» историю, которая, выполняет уже критическую, а не апологетическую функцию. Эти размышления Чарновского хорошо вписываются в современные дискуссии о социальной роли истории.

Современно звучат его рассуждения об истории как форме культурной памяти в незавершенной работе «Возникновение и социальные функции истории»³⁴, в которой он различает историю «в строгом смысле слова» и то прошлое, которое окружает нас всегда и повсюду, присутствуя во всех формах повседневной культуры. Его, собственно, интересует именно эта «история» (а скорее – культурная память)³⁵. Под «историей» он понимает все формы фиксации представлений о прошлом (устные, письменные, скульптурные и др.), характерные для любой культуры, будь то Западная Европа, Африка или Полинезия. Чарновский пишет: «Тут не идет речь просто об «истории» в современном научном понимании этого термина. Речь идет обо всех видах словесного или пластического, схематичного или символического представления событий и вещей, людей и действий, содержащего в сжатой форме собранный поколениями коллективный опыт человеческой группы и выражающего ее главные ценности»³⁶. В этом широком понимании «исто-

³⁴ Czarnowski. Powstanie i społeczne funkcje historii. 1956.

³⁵ Понятие «коллективная память» (*pamięć zbiorowa*) используется автором в этой работе. Говоря о первобытных обществах, Чарновский замечает, что в них большая часть социально значимой информации, передаваемой новым поколениям, является повествованием о прошлом: «...как же могло не быть повествований исторического типа среди этих проявлений *коллективной памяти* (курсив мой – *А.В.*)?» (Czarnowski. Powstanie i społeczne funkcje historii. S.101). Здесь же упоминается и введенное уже к тому времени Хальбваксом понятие «социальных рамок» памяти: «память имеет *cadres sociaux* (выделено автором)». Ibid. S. 101-102.

³⁶ Ср. понимание культурной памяти у Я. Ассмана как специфической для каждой культуры формы передачи и осовременивания культурных смыслов, знания, подлежащего заучиванию и управляющего поступками и переживаниями в рамках взаимодействия внутри определенного общества.

рией” будет как эпическая поэма, так и генеалогия. Будет ею также и повествование о переселениях племени, и тотемный столб с вырезанными на нем изображениями духов, с которыми владелец столба связан как наследник... также «историей» будет тогда и западноевропейский гербовый щит... символизирующий генеалогию того, кто имеет право его использовать. Причем вопрос о соответствии содержания всех этих “историй” так называемой исторической правде не имеет никакого значения». Для общества важна не «истинность» представлений о прошлом, а пригодность этого прошлого для выстраивания мемориального нарратива собственной идентичности. Главное, чтобы этот образ прошлого укладывался «в последовательность событий, доходящую до современности, вероятнее всего до какого-то момента в прошлом, который понимается как конечный пункт в цепи событий»³⁷.

Понятая таким образом «история» является основой самоидентификации и присуща всем социальным общностям, начиная с самой ранней первобытности³⁸. В этом незавершенном фрагменте Чарновский предлагает программу исследований того, что сегодня определяется как «интеллектуальная история истории». Это новая форма историографических исследований, исходящая из того, что для каждого историко-географического типа общества характерен свой тип формирования, репрезентации и использования представлений о прошлом. В этой перспективе современная научная историография (то, что Чарновский называл «историей в строгом смысле слова») есть ни что иное, как один из элементов (хотя и очень важных) исторической культуры общества. Удивительно созвучны мысли Чарновского следующие слова одного из ведущих современных методологов исторического знания: «История во всех формах ее репрезентации (в виде мифологического, религиозного, художественно-эстетического, научно-рационального знания) и их многообразных актуальных (нередко чрезвычайно причудливых) сочетаний рассматривается как атрибут любой культуры, как важнейший способ самосознания и самопознания общества, определяющего через осмысление прошлого свою идентичность»³⁹.

Итак, история для Чарновского – схематичное, пластичное, символическое представление событий, вещей, людей и действий, которое «в сокращенной форме содержит в себе сложившийся за многие поколения

³⁷ Czarnowski. Powstanie i społeczne funkcje historii. S. 99-100.

³⁸ «...каждая человеческая группа, даже самая первобытная, придает своей традиции облик такой широко понимаемой “истории”, стоит ей только обрести самосознание как таковое» (Czarnowski. Powstanie i społeczne funkcje historii. S. 100).

³⁹ Репина 2011. С. 393; см. также: Репина 2013.

опыт группы людей и выражающее их важнейшие ценности»⁴⁰. Фактически перед нами определение не столько истории в ее классическом понимании, сколько мемориального нарратива коллективной идентичности, артикулирующего, если пользоваться вполне уместной здесь терминологией П. Бурдые, хабитус данной социальной общности.

В определенный резонанс с идеями социолога Чарновского об истории входили размышления выдающегося польского историка межвоенного периода Марцелия Хандельсмана о связи истории с жизнью общества и ее социальных функциях.

Традиционно, на всем протяжении эпохи разделов, историография играла важную роль в польской общественной жизни. К числу особенностей польской историографии этого времени можно отнести то, что она занималась почти исключительно историей Польши, а при рассмотрении последней доминирующей была тема, связанная с причинами разделов, тема, которая накладывала отпечаток на любые исторические исследования практически вне зависимости от изучаемого тем или иным историком сюжета или периода. Историографические школы становились выразителями определенных концепций видения национального прошлого и основой для общественно-политических программ и деятельности групп и партий. Таким образом, можно сказать, что историография играла, помимо своей сугубо научной роли, еще и роль создателя национальной памяти и основ национальной идентичности. Свое влияние историография оказывала не всегда непосредственно. Идеи и концепции ученых отражались в литературе, музыке и живописи, находя для себя все более широкую аудиторию.

Поэтому польская историография, наверное, как немногие историографии в мире, подходит для актуальной сегодня в историографических работах темы соотношения исторической науки и исторической памяти. На одном полюсе этой дискуссии стоят высказывания Хальбвакса о принципиальном отличии объективной и строго научной историографии от пристрастной, субъективной и избирательной памяти. На другом – мнения современных радикальных постмодернистов о том, что историография и есть одна из форм культурной памяти, характерная для определенных обществ в определенное время, и в этом своем качестве ничуть не более «объективна» и «научна», чем всякая иная форма культурной памяти типа первобытного мифа или средневекового эпоса.

Уже в 1920-30-х гг. в трудах выдающегося польского историка и методолога Марцелия Хандельсмана (1882–1945) мы находим рефлекс

⁴⁰ Czarnowski S. Powstanie i społeczne funkcje historii... S. 99.

сию на тему зависимости историографического процесса от внеученных факторов, а также о связи с национальной жизнью. В докладе на V съезде польских историков в 1930 г. Хандельсман связал изменения в польской историографии XIX в. с событиями политической жизни, в первую очередь с восстаниями 1830 и 1863–64 гг. Говоря о взглядах А. Чарторыйского и его круга, а также об исторической концепции классика польской историографии И. Лелевеля, Хандельсман отмечал: «Ни лагерь Чарторыйского, ни Лелевель веры в будущее не теряли. Однако в своей грусти они опирались, основывались на прошлом, на истории. Для себя и для других прежде всего они создавали систему, выходящую на первый взгляд из прошлого, но построенную на основаниях собственных политических установок»⁴¹. Развитие польской историографии после поражения Январского восстания и формирование «краковской школы», критически настроенной к романтическому видению польского прошлого, Хандельсман также связывал с влиянием общественно-политической ситуации на науку и взаимодействием историографии и национального сознания. Он указал на бурное развитие в польской историографии после 1863 г. медиевистики, исследований XVI в., ягеллоновской темы, объясняя это, с одной стороны, бурным развитием методов исторической науки, специальных исторических дисциплин, поставивших источниковедение Средневековья на новый научный уровень, но, с другой стороны, говорит он и о том, что особой привлекательностью для общества, потерпевшего очередное поражение в борьбе за независимость, имело обращение к «лучшим временам», когда «...это государство еще существовало, когда оно росло, крепло, когда оно жило как все другие государства мира, жило нормально». «Отворачивались от новейших времен, от истории, в которой практически все сводилось к деятельности лиц, замкнутых в тесных рамках одной только национальной истории, и обращались к институциям, к цивилизации, к Средневековью, к «золотому веку» Польши», – пишет Хандельсман, характеризуя причины предпочтений в выборе тем для исследования польских историков второй половины XIX в., и продолжает так: «суровые приговоры прошлому – в науке, современности – в публицистике характеризуют этот период нашей науки, период “краковской школы”, период расцвета метода, великолепных результатов медиевистики, гениальных озарений в истории XVI в., беспощадного суда над XVIII в., гробового молчания о веке XIX»⁴². Хандельсман

⁴¹ Handelsman 1930. S. 18.

⁴² Ibid. S. 19.

пришел к выводу о зависимости взгляда на прошлое от изменения обстоятельств жизни, с которыми сталкивается каждое следующее поколение: «каждое поколение имеет свое собственное отношение к проблемам, свои основные научные интересы, навязанные современной жизненной реальностью, свой собственный способ видения. Каждому поколению современная действительность навязывает иное отношение к прошлому и предлагает основания для иного синтеза»⁴³.

Через три года на VII международном конгрессе исторических наук в Варшаве Марцелий Хальдельсман, Оскар Халецкий и Бронислав Дембинский представили реферат о польской историографии XIX–XX вв., в котором отметили, что польская историография «...на протяжении почти столетия прошла различные этапы и кризисы, которые также затрагивали политическую и интеллектуальную жизнь всей нации. ...Историческая мысль возникла в борьбе с политическими событиями и доминирующими идеями XIX века, иногда омраченная, но вновь сияющая и возрожденная; она возникла на пересечении потоков пессимизма и оптимизма, через последовательные этапы от романтизма к позитивизму и от мессианизма до критицизма»⁴⁴.

До сих пор мы говорили об идеях польских ученых межвоенного периода относительно присутствия и роли прошлого в настоящем, о польском теоретическом вкладе в развитие теории коллективной (социальной) памяти в 1920-30-х гг. Теперь обсудим специфичную для польской научной и общественной жизни XX века культурную практику, которая соединила в себе и изучение коллективной памяти польского общества, и ее формирование. Речь идет об организации конкурсов воспоминаний. Это движение зародилось еще накануне обретения Польшей независимости в 1918 г., активно развивались во II Речи Посполитой и нашло свое продолжение в послевоенной «народной» Польше.

Биографический метод является одной из «фирменных» черт польской социологии и культуры вообще. «Жизнеописание почившего человека» (1558) Николая Рея и «Воспоминания» Яна Хризостома Пасека (вт. пол. XVII в.) входят в польский школьный канон. В 1928 г. Э. Малишевским был издан каталог польских мемуаров от самых ранних источников польской письменности – «Библиография польских мемуаров и мемуаров, относящихся к Польше»⁴⁵. В этом издании приведено пять

⁴³ Ibid. S. 26.

⁴⁴ Dembiński, Halecki, Handelsman 1933. P. 15.

⁴⁵ Maliszewski 1928.

тысяч опубликованных печатных текстов и около тысячи рукописных архивных документов. А ведь книга эта вышла тогда, когда самая активная фаза польского мемуарного движения только набирала силу!

Мемуары в польской социологии делят обычно на две группы: инспирированные, т.е. возникшие в результате объявленных конкурсов, и индивидуальные мемуары, написанные по собственной инициативе авторов. Нас здесь будут интересовать преимущественно первые.

У истоков научного биографического метода стояли два выдающихся социолога – американский ученый Уильям Томас и уже упомянутый польско-американский социолог Ф. Знанецкий. В 1918–1920 гг. они издали в Чикаго классическое исследование «Польский крестьянин в Европе и Америке». Эта книга считается началом истории Чикагской школы в социологии. Как видно, возникновение метода фактически совпало с возникновением Польского государства. Вскоре сбор и анализ воспоминаний приобрел в возрожденной Польше огромные масштабы.

У возникновения биографического метода были как научные, так и вненаучные предпосылки. Среди вненаучных аспектов общемирового характера на первом месте – процессы модернизации общества, индивидуализации жизни, разрушение локальных общин и сословий, формирование массового гражданского общества и развитие движений за равноправие сословий, полов и др. Распространяется всеобщее избирательное право, память жертв только что закончившейся Великой войны впервые становится такой демократичной и индивидуальной. Вместо (а иногда и вместе) с памятниками полководцам и политикам возникают могилы Неизвестного солдата, военные кладбища отмечают одинаковыми для солдат и офицеров табличками захоронения сотен тысяч павших. «Средний», «массовый» человек выходит на авансцену истории. Философы-элитисты типа О. Шпенглера, Н.А. Бердяева и Х. Ортеги-и-Гассета провозглашали «гибель культуры» под натиском «усредненной посредственности», русская литература начала XX века много внимания посвящала теме «пошлости», «мещанства», «обывателя», «обыкновенного человека» и т.п., Р. Музиль пишет роман «Человек без свойств», Хайдеггер вводит понятие «человек-Ман», то есть «человек-никто».

На эту демократизацию жизни наука ответила также вниманием к «среднему» человеку и его роли в жизни общества. Стала развиваться историческая антропология с ее вниманием к «типичному представителю» эпохи и желанием реконструировать его картину мира. Л.П. Карсвин прямо вводит в свою методологию истории понятие «среднего человека» и, как и его современник и коллега П.М. Бицилли, стремится

реконструировать «основную психическую стихию» средневекового общества. Школа «Анналов» вводит понятие «ментальность», тоже отсылающее к «типичному представителю».

Социология также меняет в это время свой облик. Ранняя классическая социология, возникшая и развивавшаяся в Европе, носила преимущественно «реалистический» характер и занималась анализом масштабных процессов всемирно-исторической динамики человеческого общества, понимаемого как «реальность» вне зависимости от людей его составляющих. Наивысшего выражения этот подход достиг у Конта и Дюркгейма, которые категорически исключали индивидуальную психологию из числа наук имеющих какое-нибудь отношение к социологии и абсолютно отрицавшие для социологии научное значение обращения к отдельной личности: социология должна была наблюдать общество как объективную реальность и устанавливать закономерности его функционирования и развития.

Ситуация в науках об обществе начинает меняться на рубеже XIX–XX вв. Изменения были инспирированы в первую очередь методологическими дискуссиями неокантIANцев и представителей «философии жизни». Они настаивали на том, что науки, изучающие человека, принципиально отличаются (для неокантIANцев – по методу, для представителей «философии» жизни – по объекту изучения) от наук о природе и поэтому нельзя изучать общество как «вещь», без учета представлений и ценностей людей, из которых оно состоит. Господство «реализма» в социологии стало встречаться с «номиналистической» критикой. Для «номиналистов» общество не является объективной реальностью, а социология – наука о формах коллективного и организованного поведения людей, наука о межчеловеческих взаимодействиях. Понять характер этих взаимодействий только на основе внешнего объективного наблюдения нельзя, так как с точки зрения внешнего наблюдателя совершенно разные по внутренней мотивации действия могут выглядеть одинаково. В социологию начинает проникать «понимающий» метод, ученые ищут новые источники и техники с тем, чтобы проникнуть во внутренний мир человека. Макс Вебер разрабатывает концепцию «понимающей социологии», которая предполагала анализ поведения субъекта не только извне, но и изнутри. В польской социологии Ф. Знанецкий разрабатывает в 1920-х гг. упомянутую уже нами концепцию «гуманистического коэффициента», которая требовала изучения того, как с точки зрения самого субъекта выглядит та социальная реальность, в которой он живет и действует.

Эти подходы вошли в резонанс с установками Чикагской школы в социологии, которую отличала яркая прикладная направленность. Построению стройных и непротиворечивых теорий школа предпочитала поиск решения конкретных проблем городской жизни с использованием любого сочетания любых подходов – при условии, что это давало практический результат. Основной проблемой, стоявшей перед чикагскими социологами, была проблема социального порядка в обществе, в большинстве своем состоявшем из эмигрантов в первом поколении (значительная часть из них – бывшие польские крестьяне).

В этой связи Томасом и Знанецким и была разработана концепция, ключевыми элементами которой стали понятия «ценности», «установки» и «определения ситуации». Если результат физического явления зависит исключительно от его объективной природы и его можно сразу установить в результате наблюдения над его физическим содержанием, то результат социального явления зависит еще и от субъективного видения этого явления индивидом или группой. Поэтому социальное явление можно истолковать на основе одновременно и знания его объективного содержания, и того значения, которое это явление имеет для людей. Основным объектом анализа были эмигранты, а главным вопросом – что мешает их интеграции в американское общество. Для этого следовало выяснить, с какими «установками», т.е. склонностями определять ситуацию тем или иным образом и действовать в соответствии с этим «определением», эмигранты прибывали в принимающее общество, и с какими существующими там системами ценностей эти установки сталкивались. Соответственно это требовало новых источников и техник исследования. Так возник метод анализа личных документов, лежащий на стыке социологии и социальной психологии.

В истории социологии существуют различные «апокрифические сказания» о том, как метод анализа личных документов вошел в науку. Одна из историй говорит о том, что однажды Томас прогуливался по польскому кварталу Чикаго и на его глазах кто-то выбросил мусор. Ученый случайно заметил, что это – не что иное, как написанные польски письма, тогда он забрал их и, просмотрев, был поражен тем, сколько социологически значимой информации можно из них извлечь.

В работе Томаса и Знанецкого о польском крестьянине преобладали еще не воспоминания, а частные письма и документы из личных архивов. В работе, состоящей из 2000 страниц были использованы только одни (правда, очень обширные) воспоминания эмигранта Владислава Вишневого. Затем сбор и анализ личных документов, и прежде всего

мемуаров, был институционально организован и поставлен на широкую ногу уже в межвоенной и послевоенной Польше.

Развитие в межвоенной Польше движения мемуаристов также имело свои вненаучные и внутринаучные причины. Среди последних – продолжение традиции польской гуманистической социологии учениками Ф. Знанецкого, который остался в США после начала Второй мировой войны и оккупации Польши. Что касается вненаучных причин, то следует иметь в виду сложность протекания процессов нацистроительства в Польше. В 1918 г. Польское государство фактически возникло заново, в новых географических границах и с новым составом населения. Фактически перед Польшей стояла задача создания современной польской нации, в состав которой входили бы и ощущали себя поляками представители непривилегированных слоев населения и в первую очередь – крестьяне. Им предстояло сформировать в своем сознании польскую национальную идентичность и «присвоить» польскую историю, которую делали «паны», «вписать» себя в нее. В этом смысле хорошо организованные, регулярные и освещаемые в СМИ конкурсы мемуаров крестьян, рабочих, безработных, эмигрантов, горожан были своеобразной технологией нацистроительства. Авторы мемуаров в буквальном смысле «вписывали» себя в историю страны. Первые акции начались еще накануне Первой мировой войны: сбор воспоминаний работников-эмигрантов из Вестфалии и Силезии организовал краковский студенческий кружок, но все материалы погибли во время войны.

Национальная идентичность, как любая форма культурной идентичности, формируется в столкновении с «другим», иным, чужим, часто враждебным. Для большинства авторов воспоминаний таким «другим», заставлявшим почувствовать свою польскость, были государства-участники разделов. Опыт общения с их обществами, властями составлял тот критический опыт, который формировал польское национальное самосознание. Поэтому память об империях играет в этих мемуарах особую, очень важную роль. Как правило, мемуаристы видят свой «имперский опыт» в перспективе гражданина нового независимого Польского государства и в тех категориях, которые до них доносила национальная интеллигенция и пресса (часто нелегальная).

Непосредственным продолжателем дела Знанецкого в межвоенной Польше стал Юзеф Халасиньский. В 1921 г. Знанецкий через Польский социологический институт инициировал в Познани конкурс воспоминаний трудящихся. Было собрано 149 текстов. Это было на тот момент самое большое собрание документов такого рода. Победи-

телем конкурса, итоги которого были подведены в 1922 г., стал Якуб Войцеховский. Его мемуар «Собственное жизнеописание работника» в 1930 г. был издан отдельной книгой⁴⁶ и встретил горячий прием польских литераторов и критиков. На основе этих текстов Халасиньский написал свою докторскую диссертацию «Пути социальной мобильности работника»⁴⁷. В 1928 г. Польский социологический институт организовал конкурс мемуаров на тему «Чем был и есть для тебя город Познань?». Было собрано 27 текстов. В 1931 г. вышла упомянутая уже работа Знанецкого «Город в сознании его жителей», написанная на познаньском материале. Аналогичные конкурсы мемуаров о родном городе, инициированные местными университетами, проходили в межвоенный период в Варшаве и в Лодзе. В 1938 г. вышел 4-томный труд Халасиньского «Молодое поколение крестьян. Процессы и проблемы формирования крестьянского слоя в Польше»⁴⁸, написанный на основе анализа 1544-х текстов, присланных на конкурс, объявленный Государственным институтом культуры деревни (Państwowy Instytut Kultury Wsi) в 1936–37 гг. Работа посвящена преимущественно молодежным организациям и роли школы в жизни деревенской молодежи. В целом, исследования Халасиньского носили в большей степени эмпирический и менее теоретический характер, чем работы Знанецкого.

В 1930-х гг. сбором и публикацией автобиографий и воспоминаний занимался и руководимый Кшивицким Институт общественного хозяйства (Instytut Gospodarstwa Społecznego). В 1931 г. им был объявлен конкурс мемуаров безработных, собрано и опубликовано 774 текста (в т.ч. 53 текста безземельных крестьян)⁴⁹. В 1936 г. Институт опубликовал 498 мемуаров крестьян⁵⁰. Также Институт провел конкурс воспоминаний эмигрантов. До начала войны вышли материалы из Франции и Южной Америки⁵¹. Материалы из Канады сгорели в типографии в 1939 г. Материалы из США были опубликованы уже после войны.

Кшивицкий был более склонен к точным методам, проводил обсчеты упоминаний одних и тех же моментов в разных памятниках, применял наряду с ними анкетирование, полевые исследования и пр. Таким образом, сложилось три направления работы с мемуарами в

⁴⁶ Jakub Wojciechowski. 1930.

⁴⁷ Drogi awansu społecznego robotnika. 1931.

⁴⁸ Chałasiński 1938.

⁴⁹ Pamiętniki bezrobotnych. Т. 1-2. 1933.

⁵⁰ Pamiętniki chłopów. Т. 1-2. 1936.

⁵¹ Pamiętniki emigrantów. Ameryka Południowa. 1939; Pamiętniki emigrantów. Francja. 1939.

польской социологии межвоенного периода, связанные с именами Знанецкого, Халасиньского и Кшивицкого.

С точки зрения теории культурной памяти мемуары, подготовленные в рамках таких конкурсов, имеют свою специфику. Сами мемуаристы, люди, пережившие определенный жизненный опыт, являются носителями «живой» коммуникативной памяти. Однако эта «живая» память для того, чтобы стать социальным фактом и войти в систему коммуникации данного общества, должна быть оформлена средствами культуры, первым из которых является язык и все лексические, стилистические и жанровые конвенции, которые с ним связаны. Мемуарист так или иначе ориентировался в меру своих знаний и представлений на существующие каноны того, как «нужно» рассказывать о том или ином событии в соответствии с конвенциями культуры.

Структуру мемуара и основные темы задавали заранее организаторы. В связи с этим Халасиньский высказывал еще в начале 1930-х гг. свои представления относительно ценности мемуаров и связанные с этим опасения. Он говорил, что авторы должны описывать именно свой личный опыт и свою среду, а не заимствовать клише и образы из прессы, литературы и т.д. Однако исключить это практически нереально, авторы жили в определенной культуре, у них был свой круг чтения и общения, определенный уровень образования, все это неизбежно накладывало отпечаток на то, как они представляли события.

Кроме того, «рамки» восприятия и невосприятия тех или иных событий им задавали принадлежность к сословию, профессия, региональная идентичность и национальная принадлежность. Сегодня мы ясно понимаем, что невозможно получить некую «стерильную» индивидуальную память, очищенную от социальных рамок и культурных механизмов ее фиксации и трансляции. Однако можно проанализировать влияние всех условий на мемуариста и увидеть эффекты, порождаемые встречами экзистенциального опыта с социокультурным контекстом.

Далее, эти мемуары оказываются зафиксированы, изданы, начинают циркулировать в общественном, политическом и научном контекстах. Они приобретают, таким образом, самостоятельную жизнь в культуре, уже независимую от своих носителей. Сами же носители «живой» коммуникативной памяти постепенно уходят – сначала из активной общественной жизни, а потом и из жизни вообще. Таким образом, эти комплексы мемуарных источников становятся частью культурной памяти общества, такой информацией о прошлом, которая им специально создается, поддерживается, хранится, транслируется и актуализируется в специально для этого созданных формах.

Вообще, движение мемуаристов и связанные с ним конкурсы, научная, издательская и пр. инфраструктура могут рассматриваться как интересный пример «мемориального института» польского общества, который на протяжении многих десятилетий занимался трансформацией индивидуальной коммуникативной памяти в культурную память польской нации.

Подводя итоги, можно констатировать, что межвоенная Польша была активно включена в общемировой процесс формирования первых научных программ и теоретических подходов к изучению коллективной (социальной) памяти. Теснее всего польская мысль в этом отношении была связана с международным марксистским (хотя и в специфической, противостоящей господствовавшим в этой среде в конце XIX в. экономизму и позитивистской ортодоксии, версии), французским (школа Дюркгейма) и американским (Чикагская социологическая школа) научными контекстами. Специфическое положение польского общества, обретавшего в это время свою государственность после более чем столетия разделов, оказывало на идеи польских ученых в этой области особое влияние, сближая теоретические размышления с практикой нацистроительства и порождая феномен «автономно-ангажированных» *memory studies*.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Ассман Я. Культурная память. М.: Языки славянских культур, 2004.
- Васильев А.Г. Культ героя и национальная идентичность: изучение коллективной памяти в социологии культуры С. Чарновского // Диалог со временем. 2014. Вып. 49. С. 44-65.
- Маркс К. Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 8.
- Репина Л.П. Историческая наука на рубеже XX–XXI вв.: социальные теории и историографическая практика. М.: Круг, 2011.
- Репина Л.П. Память о прошлом в пространстве культуры // Диалог со временем. 2013. Вып. 44. С. 190-198.
- Смит Э. Национализм и модернизм. Критический обзор современных теорий наций и национализма. М. Праксис, 2004.
- Чарновский, Стефан. Прошлое и настоящее в культуре / Пер. с польск. А.Г. Васильева // Диалог со временем. 2013. Вып. 45. С. 323-341.
- Chałasiński J. Antagonizm polsko-niemiecki w osadzie fabrycznej «Kopalnia» na Górnym Śląsku. Studium Socjologiczne // Przegląd Socjologiczny. Т. III, nr. 1-2, 1935. S. 146-278.
- Chałasiński J. Młode pokolenie chłopów. Procesy i zagadnienia kształtowania się warstwy chłopskiej w Polsce. Warszawa. Państwowy Instytut Kultury Wsi. 1938. Т. 1.
- Czarnowski S. Dawność a terażniejszość w kulturze // Czarnowski S. Dzieła. Tom I. Warszawa. Państwowe wydawnictwo naukowe, 1956.

- Czarnowski S. Kult bohaterów i jego społeczne podłoże. Święty Patryk bohater narodowy Irlandii // Czarnowski S. Dzieła. Tom IV. Warszawa. Państwowe wydawnictwo naukowe, 1956.
- Czarnowski S. Powstanie i społeczne funkcje historii // Czarnowski S. Dzieła. Tom. V. Warszawa. Państwowe wydawnictwo naukowe, 1956.
- Chmielewska-Szljajfer. Kazimierz Kelles-Krauz o relacji między praktyką a idea i zmianie dziejowej bez celu // Kazimierz Kelles-Krauz. Marksizm a socjologia. Wybór pism. Warszawa. Wydawnictwo Uniwersytetu Warszawskiego, 2014.
- Demiński B., Halecki O., Handelsman M. L'histoire polonaise du XIX-me et du XX-me siècle. Varsovie, Société polonaise d'histoire. 1933.
- Dobrowolski K. Teoria podłoża historycznego // Dobrowolski K. Studia z pogranicza historii i socjologii. Wrocław, Warszawa, Kraków. Wydawnictwo PAN, 1967. S. 6-51.
- Drogi awansu społecznego robotnika. Poznań, 1931.
- Feichtinger J. Intelektualiści-naukowcy: autonomiczno-zaangażowana nauka w Europie Środkowej pomiędzy «czystą» a «polityczną» nauką 1848-1938//Historyka. Studia metodologiczne. 2013. T. XLIII.
- Filipowicz J. Pojęcie pamięci społecznej w nauce polskiej // Kultura i Historia. Nr. 2, 2002; режим доступа: <http://www.kulturaihistoria.umcs.lublin.pl/archives/145>
- Gryko Cz. Józef Chałasiński. Człowiek i dzieło. Od teorii wychowania do kulturowej wizji narodu. Lublin. Wydawnictwo Wyższej Szkoły Przedsiębiorczości i Administracji. 2007. 349 s.
- Handelsman M. O nasz dzisiejszy stosunek do historii porzobiorowej // Pamiętnik V Powszechnego Zjazdu Historyków Polskich w Warszawie, 28-go listopada do 4-go grudnia 1930 r [T.] 2, Protokoły; Powszechny Zjazd Historyków Polskich, 5.
- Jakub Wojciechowski: Życiorys własny robotnika. Poznań 1930.
- Kelles-Krauz K. Pisma wybrane. Tom pierwszy. Warszawa. Książka i wiedza. 1967.
- Kołąkowski L. Główny nurt marksizmu. Powstanie – rozwój – rozkład. T. II. Paryż. Instytut Literacki, 1977.
- Krzywicki L. Idea a życie // Krzywicki L. Studia socjologiczne. Warszawa et al. Nakład Gebethnera i Wolffa, 1951.
- Maliszewski E Bibliografia pamiętników polskich i Polski dotyczących (druki i rękopisy). Warszawa. Tow. Miłośników Historii, 1928.
- Pamiętniki bezrobotnych. T. 1-2. Warszawa, 1933.
- Pamiętniki chłopów. T. 1-2. Warszawa, 1936.
- Pamiętniki emigrantów. Ameryka Południowa. Warszawa, 1939.
- Pamiętniki emigrantów. Francja. Warszawa, 1939.
- Snyder T. Nacjonalizm, marksizm i nowoczesna Europa Środkowa. Biografia Kazimierza Kelles-Krauz (1872–1905). Warszawa. Wydawnictwo Krytyki Politycznej, 2010.
- Znanięcki F. Miasto w świadomości jego obywateli. Z badań Polskiego Instytutu Socjologicznego nad miastem Poznaniem. Poznań. Wydawnictwo Polskiego Instytutu Socjologicznego. 1931.
- Znanięcki F. Metoda socjologii. Warszawa. PWN, 2008.

REFERENCES

- Assman Ja. Kul'turnaja pamjat'. M.: Jazyki slavjanskih kul'tur. 2004.
- Vasil'ev A.G. Kul't geroja i nacional'naja identichnost': izuchenie kollektivnoj pa-mjati v sociologii kul'tury S. Charnovskogo // Dialog so vremenem. 2014. Vyp. 49. S. 44-65.
- Marks K. Vosemnadcatoe brjumeru Lui Bonaparta // Marks K., Jengel's F. Soch. 2 izd.

- Repina L.P. Istoricheskaja nauka na rubezhe XX–XXI vv.: social'nye teorii i istoriograficheskaja praktika. M.: Krug#, 2011.
- Repina L.P. Pamjat' o proshlom v prostranstve kul'tury // Dialog so vremenem. 2013. Vyp. 44. S. 190-198.
- Smit Je. Nacionalizm i modernizm. Kriticheskij obzor sovremennyh teorij nacij i nacionalizma. M. Praxis, 2004.
- Charnovskij, Stefan. Proshloe i nastojashhee v kul'ture / Per. s pol'sk. A.G. Vasil'eva // Dialog so vremenem. 2013. Vyp. 45. S. 323-341.
- Chałasiński J. Antagonizm polsko-niemiecki w osadzie fabrycznej «Kopalnia» na Górnym Śląsku. Studium Socjologiczne // Przegląd Socjologiczny. T. III, nr. 1-2, 1935. S. 146-278.
- Chałasiński J. Młode pokolenie chłopów. Procesy i zagadnienia kształtowania się warstwy chłopskiej w Polsce. Warszawa. Państwowy Instytut Kultury Wsi. 1938. T. 1.
- Czarnowski S. Dawność a terażniejszość w kulturze // Czarnowski S. Dzieła. Tom I. Warszawa. Państwowe wydawnictwo naukowe, 1956.
- Czarnowski S. Kult bohaterów i jego społeczne podłoże. Święty Patryk bohater narodowy Irlandii // Czarnowski S. Dzieła. Tom IV. Warszawa. Państwowe wydawnictwo naukowe, 1956.
- Czarnowski S. Powstanie i społeczne funkcje historii // Czarnowski S. Dzieła. Tom V. Warszawa. Państwowe wydawnictwo naukowe, 1956.
- Chmielewska-Szłajfer. Kazimierz Kelles-Krauz o relacji między praktyką a idea i zmianie dziejowej bez celu // Kazimierz Kelles-Krauz. Marksizm a socjologia. Wybór pism. Warszawa. Wydawnictwo Uniwersytetu Warszawskiego, 2014.
- Demiński B., Halecki O., Handelsman M. L'histoire polonaise du XIX-me et du XX-me siècle. Varsovie, Société polonaise d'histoire. 1933.
- Dobrowolski K. Teoria podłoża historycznego // Dobrowolski K. Studia z pogranicza historii i socjologii. Wrocław, Warszawa, Kraków. Wydawnictwo PAN, 1967. S. 6-51.
- Drogi awansu społecznego robotnika. Poznań, 1931.
- Feichtinger J. Intelktualności-naukowcy: autonomiczno-zaangażowana nauka w Europie Środkowej pomiędzy «czystą» a «polityczną» nauką 1848-1938//Historyka. Studia metodologiczne. 2013. T. XLIII.
- Filipowicz J. Pojęcie pamięci społecznej w nauce polskiej//Kultura i Historia. Nr. 2, 2002; rezhim dostupa: <http://www.kulturaihistoria.umcs.lublin.pl/archives/145>
- Gryko Cz. Józef Chałasiński. Człowiek i dzieło. Od teorii wychowania do kulturowej wizji narodu. Lublin. Wydawnictwo Wyższej Szkoły Przedsiębiorczości i Administracji. 2007. 349 s.
- Handelsman M. O nasz dzisiejszy stosunek do historii porozbiorowej // Pamiętnik V Powszechnego Zjazdu Historyków Polskich w Warszawie, 28-go listopada do 4-go grudnia 1930 r [T.] 2, Protokoły; Powszechny Zjazd Historyków Polskich, 5.
- Jakub Wojciechowski: Życiorys własny robotnika. Poznań 1930.
- Kelles-Krauz K. Pisma wybrane. Tom pierwszy. Warszawa. Książka i wiedza. 1967.
- Kołąkowski L. Główny nurt marksizmu. Powstanie – rozwój – rozkład. T. II. Paryż. Instytut Literacki, 1977.
- Krzywicki L. Idea a życie // Krzywicki L. Studia socjologiczne. Warszawa et al. Nakład Gebethnera I Wolffa, 1951.
- Maliszewski E Bibliografia pamiętników polskich i Polski dotyczących (druki i rękopisy). Warszawa. Tow. Miłośników Historii, 1928.

- Pamiętniki bezrobotnych. T. 1-2. Warszawa, 1933.
Pamiętniki chłopów. T. 1-2. Warszawa, 1936.
Pamiętniki emigrantów. Ameryka Południowa. Warszawa, 1939.
Pamiętniki emigrantów. Francja. Warszawa, 1939.
Snyder T. Nacjonalizm, marksizm i nowoczesna Europa Środkowa. Biografia Kazimierza Kelles-Krauza (1872–1905). Warszawa. Wydawnictwo Krytyki Politycznej, 2010.
Znaniński F. Miasto w świadomości jego obywateli. Z badań Polskiego Instytutu Socjologicznego nad miastem Poznaniem. Poznań. Wydawnictwo Polskiego Instytutu Socjologicznego. 1931.
Znaniński F. Metoda socjologii. Warszawa. PWN, 2008.

Васильев Алексей Григорьевич, кандидат исторических наук, доцент, зам. директора Института «Русская антропологическая школа» Российского государственного гуманитарного университета; vasal2006@yandex.ru

Memory studies in Poland during the interwar period

The paper is focused on the emergence and development of Polish memory studies (late 1890s – 1939). National schools of memory studies are mostly underdeveloped except in French, German and American traditions. Polish contribution to the theory of social (cultural) memory is still poorly explored, and the present paper tries to fill this gap in the history of memory studies. The author analyzes the methods and approaches of such Polish scholars as L. Krzywicki, K. Kelles-Krauza, J. Chałasiński, F. Znaniński, and special attention is paid to Stefan Czarnowski, a classic of Polish sociology and an author of important concept of historical sociology of culture. The ideas of Polish scholars made an impact on the practices of nation building influenced by the developments in Poland where the process of the restoration of the state was under way during this period. The memoirs contests organized in the Second Polish Republic are considered to be an “institute of memory” created by the Polish intellectuals, and a vehicle to transform an autobiographical memory into national one. The author concludes that between the wars Poland was actively included in world academic process when the first research programs and theoretical approaches to phenomenon of collective memory had been emerging. In this regard the Polish thought was closely related to the international Marxist (although in a specific version opposed to economism and radical positivism that dominated the field in the late 19th century), French (the school of Durkheim) and American (the Chicago school of sociology) academic contexts.

Keywords: memory studies, Poland, nation building, Polish statehood, collective memory, Polish humanities and social sciences.

Alexey Vasilyev, PhD in history, Associate Professor, Deputy Director of the “Russian School of Anthropology” Institute, the Russian State University for the Humanities, vasal2006@yandex.ru

УНИВЕРСИТЕТЫ РОССИИ ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

М. И. КОЗЛОВА

ПЕРВЫЕ ПРЕПОДАВАТЕЛИ ИСТОРИИ В МОСКОВСКОМ ИМПЕРАТОРСКОМ УНИВЕРСИТЕТЕ

В статье речь идет о первых преподавателях истории в открытом в 1755 г. Московском императорском университете. Из-за отсутствия кадров в России историю преподавали представители немецких университетов Х.Г. Келлнер, И.Г. Рейхель и Ф.Г. Дильтей. Они столкнулись с языковыми проблемами, непониманием коллег, недостаточным жалованием, отсутствием учебников по русской и всемирной истории. Дильтей написал первое адаптированное пособие «Первые основания универсальной истории...», но работа не получила заслуженного признания.

Ключевые слова: *Х.Г. Келлнер, И.Г. Рейхель, Ф.Г. Дильтей, Московский университет, преподаватели, история, учебное пособие, «Первые основания универсальной истории, образование.*

XVIII век в России – время осмысления национальной истории, изучения нарративных источников, археографической работы, формирования особенностей ученого письма представителями интеллектуальной элиты. Оттенок созданного исторического полотна зависел от авторской индивидуальности, интеллектуальные границы которой определялись социокультурными, политическими, национальными и профессиональными предпочтениями, «при отсутствии прямого контакта с прошлой реальностью, историки лишены возможности познать какой-то ситуативный опыт прошлого в отдельности, но его можно понять в более широком культурном контексте, включающем самые разные интерпретации исторического опыта»¹. Изучение истории в этот период в большей степени происходило в академической среде, но ее усилиями «было весьма мало обнаружено материалов по русской истории, но это не может

¹ *Репина* 2013. С. 197. В этот период «историей занимались совершенно разные люди. Сочинения по русской истории писали профессиональные ученые..., чиновники различных рангов, усыпанные знаками монаршего внимания вельможи, военные, писатели, священники и т.д.» (*Маловичко* 2001. С.3).

быть вполне поставлено в вину ученому обществу², к которому принадлежали многие иностранные ученые: им приходилось преодолевать не только языковые, но и политические преграды. Немногие историки создали самостоятельные труды, «только такие собиратели материалов и их ценители, как Миллер, а потом Шлецер, могли принести существенную пользу разработке истории в России»³.

В этой связи важную роль сыграло открытие 26 апреля 1755 года Московского императорского университета⁴, что дало начало становлению университетской науки в дополнение к академической. «Высшая школа, университет, для государственных целей, признавалась нужнее средней или низшей, так как она приготавливала своих питомцев к государственной службе. В высших ученых и учебных учреждениях, в академиях наук и университетах, культивировалась та теоретическая наука, в которой государство нуждалось прежде всего, как в источнике и опоре всяких прикладных, профессиональных знаний»⁵.

Предполагалось, что университет станет сродни европейским, наполненным духом вольности, «эти планы, навеянные просветительской философией XVIII века, были преувеличенно смелы. Но из них сами собой вытекали такие цели, которые вполне согласовывались с очередными историческими задачами русского просвещения: готовить в школе не только профессионального работника, но "человека и гражданина", искоренять всякое "злонравие" детского и юношеского возраста средствами разумного воспитания, гуманной педагогики, а не карательными мерами, взятыми из уголовного кодекса...»⁶. Но между русскими и иностранными представителями интеллектуальной элиты возникло противостояние. Несмотря на преимущество обладавших значительным опытом представителей европейских университетов, ощущалась острая необходимость подготовки русских историков в России. По словам М.Н. Тихомирова, иностранные академики «предлагали посылать студентов для учебы в заграничных университетах. Официальной причиной этого выставлялись мотивы лучшей подготовки студентов за границей. Приезжие академики не торопились подготавливать кадры ученых из

² Иконников 1876. № 9. С. 183.

³ Иконников 1876. № 9. С. 184.

⁴ До этого времени «малороссийские дворяне учились в киевской академии; в Великороссии, до открытия московского университета, дворянство предпочитало московскую славяно-греко-латинскую академию» (Иконников 1876. № 9. С. 203).

⁵ Рождественский 1907. С. 9.

⁶ Рождественский 1902. С. 12.

русской молодежи, отстаивая свое академическое господство в России в ущерб интересам страны»⁷. Представляется вероятным, что новый университет был создан не в Санкт-Петербурге, а в Москве для ослабления влияния академической среды на университет и укрепления его самостоятельных позиций: «...несмотря на стремление руководителей тогдашней общественной и государственной жизни, начиная со времени Петра I, создать искусственно новый центр политической и государственной жизни в молодом Петербурге, несмотря на явное стремление возможно скорее и решительнее порвать связь нового государства со старым, основатели Университета решительно высказались за старую Москву, как за историческое средоточие народной жизни, народного просвещения...»⁸.

Однако потребность в компетентных преподавателях сохранилась и в созданном университете. Профессура для нового учебного заведения также приглашалась из западноевропейских стран, «особенно большую роль в этом сыграли немецкие земли. Именно с ними российские университеты на начальном этапе своей истории оказались связаны теснее всего: в Германию отправлялись на учебу первые студенты из России, из Германии в российские университеты приезжала значительная часть профессуры...»⁹. Предполагалось, что в университете будет три факультета: юридический, медицинский и философский, должность профессора истории «для показания истории универсал[ь]ной и российской, также древностей и герал[ь]дики»¹⁰ была предусмотрена на философском факультете. По словам С.В. Рождественского, «заслуга первых московских профессоров та, что они популяризировали в своих речах новые принципы системы просвещения. Образование обнимает весь круг просвещающего разум знания и имеет целью всестороннее совершенствование духовной природы человека; средоточием всех отраслей этого знания является философия...»¹¹.

Вопрос о первых преподавателях университета не до конца изучен, сведения о них трудно доступны и фрагментарны. «Для историка особенно ощутима гибель архива (в пожаре 1812 г. – М.К.) – это обрекло наши знания о раннем периоде истории университета на неполноту и отрывочность»¹². Известно, что после его открытия должность профес-

⁷ Тихомиров 1955. С. 32-33.

⁸ Сперанский 1912. С. 2.

⁹ Андреев 2009. С. 9.

¹⁰ Шувалов 1952. С. 144.

¹¹ Рождественский 1912. С. 213.

¹² Краснобаев 1980. С. 128.

сора истории на философском факультете занимали Христиан Готтлиб Келлнер и Иоганн Готфрид Рейхель, которые «... были выписаны из чужих краев Академиком Миллером... приехали в Москву из Лейпцига, июня 21-го 1757 года...»¹³. Келлнеру были поручены «...два предмета: универсальная история и немецкое красноречие... Но так как для немецкой словесности сочли достаточным иметь одного лектора, в лице Рейхеля, то на Келлнера возложено было только преподавание всеобщей истории, которую читал он впрочем недолго, потому, что, 1760 г. 25-го февраля, скончался в Москве, после долговременной и тяжелой болезни, в доме профессора Дильтея»¹⁴.

После смерти Х.Г. Келлнера должность профессора истории занял И.Г. Рейхель, «ординарный профессор всеобщей истории, первый библиотекарь университета, секретарь конференции, ординарный член собрания свободных искусств в Лейпциге и магистр Лейпцигского университета...». Преподавание всеобщей истории «он любил соединять с ученой историей, позднее к новой истории присоединял всегда статистическое обозрение новых европейских государств. древнюю историю обыкновенно проходил весьма кратко, а торопился всегда к новому времени и к действовавшим современно государствам...»¹⁵.

В России немецкие преподаватели столкнулись с множеством сложностей: у Келлнера сложились неприязненные отношения с Иоганном Маттиасом Шаденом, профессором и ректором гимназии, который не любил покровителя Келлнера «Готтшеда со всеми его приверженцами»¹⁶, жалование Рейхеля было ограничено, поэтому «он должен был вступить в частный дом учителем; до 4-х часов по полудни занимался с детьми знатного русского барина; потом отправлялся пешком в университет; от 4-х до 6 читал лекцию и возвращался домой. Осенью и зимой, эта поздняя прогулка была весьма неприятна для профессора, по причине множества собак, бегавших ночью по улицам города»¹⁷.

Вероятно, не только тяготы российской повседневности первых профессоров, но и разделение функций университета и Академии наук («...университет есть только высшая школа, уступающая собственно ученые функции другому учреждению – академии наук»¹⁸), а, возмож-

¹³ Шевырев 1855. С. 34.

¹⁴ Биографический словарь 1855. Ч. 1. С. 403-404.

¹⁵ Биографический словарь 1855. Ч. 2. С. 340, 342.

¹⁶ Биографический словарь 1855. Ч. 1. С. 403

¹⁷ Биографический словарь 1855. Ч. 2. С. 341.

¹⁸ Рождественский 1907. С. 39.

но, и отсутствие личных интенций привели к тому, что Келлнер и Рейхель не создали собственных трудов по истории¹⁹. При подготовке своего курса Келлнер «...ограничивался Ролленем, а в русской истории советовался с Миллером...»²⁰. Только после смерти Рейхеля его ученик, Михаил Падерин, в 1788 г., «издал в переводе с латинского его *Историю о знатнейших европейских государствах, с кратким введением в древнюю историю, продолжающуюся до нынешних времен*. Эта книга содержит записки исторических лекций профессора Рейхеля»²¹.

Автором же первого адаптированного для студентов труда по истории стал Филипп Генрих Дильтей (1723–1781), «родом Тиролец из Шерштейн-Рингава», который «при учреждении Московского университета, чрез посредство Миллера и Бюшинга... вызван был в Россию как профессор истории и прав, по особому контракту с жалованьем в 500 руб.»²². Дильтей был «собственно первым основателем юридического факультета в Московском университете и, сначала один, преподавал в нем все науки... Им же начаты и первые лекции всеобщей истории. В ноябре [1756 г.] объявил он и приватный исторический курс для желающих. Дильтей усвоил себе русский язык, весьма скоро ознакомился с русским законодательством и, первый, начал применять общие начала права к изучению наших отечественных законов»²³.

¹⁹ Х.Г. Келлнер и И.Г. Рейхель не создали трудов по истории несмотря на то, что к середине XVIII века в России был накоплен определенный опыт преподавания светских дисциплин. «Преподаватели университета с самого начала прилагали много усилий для его обобщений, для развития и распространения рациональной методики, методики обучения и воспитания учащихся» (Краснобаев 1980. С. 131). «Профессора Московского университета создали во второй половине XVIII века многочисленные учебники по различным дисциплинам. Ими широко пользовались не только в самом университете, но и в других учебных заведениях, в домашнем обучении. Можно назвать учебники проф. Д.С. Аничкова «Начальные основания алгебры...» (1781 г.), «Начальные основания фортификации...» (1787 г.); учебник проф. Е.Б. Сырейшикова «Краткая Российская грамматика, изданная для народных училищ...» (1787 г.)» (Краснобаев 1980. С. 133-134).

²⁰ Иконников 1876. № 10. С. 494.

²¹ Биографический словарь 1855. Ч. 2. С. 348.

²² Биографический словарь 1855. Ч. 1. С. 301.

²³ Шевырев 1855. С. 33-34. Отметим, что в 1764 г. Дильтей «выступил со своим особым "Планом о учреждении разных училищ для распространения наук и исправления нравов"» (Рождественский 1907. С. 15). «Как отнеслась Екатерина к проекту Дильтея, мы не знаем. Во всяком случае он не получил практического осуществления, как и предшествующие проекты...» (Рождественский 1907. С. 16). Дильтей предлагал расширить число классических университетов в России, «кроме Московского университета, который Высочайшим повелением и покровительством

Преподавание в другой стране, необходимость изучения нового языка, культуры натолкнули Дильтея на мысль о создании специальной истории для обучающихся. В 1762 г. он издал первую часть своей работы под названием «Первые основания универсальной истории с сокращенной хронологией в пользу обучающегося российского дворянства»²⁴ – первый российский учебник по истории для студентов. Сочинение Дильтея, в котором материал был адаптирован для обучающихся, наметило новое направление в историческом письме России XVIII в. По словам Ю.П. Зарецкого, «Первые основания...» «были не только первым историческим трудом, созданным в Московском университете, но и вообще *первой обзорной работой по всеобщей истории, созданной в России* (все предыдущие являлись переводами зарубежных авторов)»²⁵.

«Первые основания универсальной истории...» состоят из трех частей: вторая вышла в 1763 г., а третья – в 1768 г. Все три части были изданы в типографии Московского университета. Предисловие начинается с общего для того времени выражения почтения Екатерине II: «...я Вашему Высочеству оказал подданнейшее мое почтение, подвергая к стопам Вашего Императорского Величества сии первые основания истории, со всею подданностью и с глубочайшею покорностью». Однако на титуле присутствует посвящение «его Императорскому Высочеству пресветлейшему государю Цесаревичу и Великому князю Павлу Петровичу, наследнику всероссийского императорского престола»²⁶.

В предисловии указана литература, на которую опирался автор. «Большая часть оной выбрана из книги, называемой Наука придворных, военных и штатских людей, господина Массуэта, доктора врачебной науки; из разговора о всеобщей истории господина Боссюэта, епископа Мельдского, и из других авторов». Далее Дильтей поясняет выбор формы сочинения: «Я издал в печать сии сокращения истории для многих причин, которые изъясню здесь моему читателю», одна из них – отсутствие в России специальных изданий по истории для обучающихся: «...нет ни одной сокращенной истории, которою бы могло юношество

милостивым Августейшей и Самодержавнейшей Всероссийской Императрицы блаженной и вечной славы достойныя памяти и Государыни Всемилостивейшей Елисаветы I основан, два для большого распространения наук и художеств университета построить должно бы было, из которых один может быть в Батурине в Малороссии, другой в Дербате в Ливонии» (План профессора Ф.Г. Дильтея 1910. С. 29).

²⁴ Дильтей 1762; 1763; 1768.

²⁵ Зарецкий 2012.

²⁶ Дильтей 1762. Б.с.

пользоваться; все сокращения истории, которые находятся, писаны на иностранных языках, и не переведены на российской»²⁷. И далее: «Я издал сии сокращения истории для употребления моим ученикам дабы не тратить времени, переписывая оные, и не притти в убыток покупая книги дороже», а при наличии такой книги в домашней библиотеке ученика преподаватель сможет скорректировать количество уроков в неделю: «по колику история есть такая наука, которая требует долговременного и беспрестанного труда: то я желая облегчить способы, чрез которые можно в оной иметь успехи, разделил ее на нынешнее учение, не задавая более двух уроков в неделю»²⁸.

Материал представлен параллельно на двух языках: с левой стороны разворота листа – текст на французском, с правой – на русском. Благодаря этому нововведению русские ученики могли понимать иностранных преподавателей: «...и для их учеников, еще не со всем разумеющих силу всех слов. Учитель может показать своему ученику перевод российской, написанной против французского»²⁹. Иностранные преподаватели, не владеющие русским языком, в свою очередь, могли воспользоваться французским аналогом текста: «...мое намерение было такое, чтоб услужить господам учителям, снабдя их такой книгой, которую б могли они преподавать своим ученикам, и коя служила б им наставлением в доказании истории, и была бы им великою пользою в таком случае, когда они не знают российского языка, что случается со всеми приезжащими в Россию, призваны ли они будут из иностранных земель, или какой иной случай их сюда приведет». Дильтей также отметил, что размещение материала на русском и французском языках позволило ему самому изучать русский язык: «...и та была причина, что я хотел более упражняться в российском языке, дабы сделаться способнейшим к оказанию услуги тому государству, в котором я нахожусь»³⁰.

²⁷ Дильтей 1762. Б.с. С. 2. Работа французского католического писателя, епископа Иакова Бенигна Боссюэта (1627-1704) была в XVIII в. переведена на русский язык и опубликована в типографии при Московском императорском университете. (Боссюэт 1761-1789). Работа французского ученого Пьера Массуэта (1698-1776), скорее всего, не была переведена для русского читателя екатерининской эпохи.

²⁸ Дильтей 1762. С. 4, 3.

²⁹ Дильтей 1762. С. 2, 4.

³⁰ Дильтей 1762. С. 4. «Plufieurs grands homes tant parmi les anciens que parmi les modernes nous ont frayé ce chemin»³⁰ – «Много знатных авторов как между древними так и между нынешними нам открыли сей путь». Дильтей 1762. С. 7.

Предлагаемый для изучения материал в основной части «Первых оснований...» разделен по урокам, каждый из которых включает в себя определенное число вопросов, и уроки, и вопросы имеют свою нумерацию. Если преподавателю нужно было перейти к определенной теме, он мог назвать, например, урок шестой вопрос шестьдесят пятый, и ученик понимал, что речь идет о «темном времени»: «Темное время есть то, которое течение имело от начатия человеческого рода до потопа Огигеса, то есть до 2208 году от сотворения мира и за 1796 лет прежде общей эры»³¹. В каждой части нумерация вопросов сквозная, что еще больше облегчало навигацию по тексту, ученику нужно было знать только часть трилогии и номер вопроса. После каждого вопроса автор предлагал обучающимся примерный ответ. Дильтей представил разного характера вопросы-ответы: во-первых, конкретные вопросы, на которые давал однозначные ответы: «В. 101 Какие средства употребляем к учению хронологии? О. Употребляем хронологические таблицы, по которым мы одним взглядом видим приключения церкви всегда состоящей, и приключения монархий одной за другой следующих»³², вопросы, которые подразумевали размышления учащегося: «В. 86 Справедлив ли сей порядок устанавливать время? О. Порядок сей основание свое имеет на математических доказательствах, против которых подлинности и ясности, человеческому разуму противится невозможно»³³, вопросы, отвечая на которые слушатели должны были показать чье мнения они придерживаются: «В. 100 В такой разности мнений, какому вы следуете? О. Я следую тому мнению, которое полагает рождество Христово в 4000 в Узерию, епископом Армахенским и Боссюэтом, епископом Метенским»³⁴, вопросы, ответ на которые требовал доказательств: «В. 84 Какую подлинность признаешь в затмениях? О. Ту, что затмения называемые публичными и не обманчивыми знаками времен, подают хронологистами подлинныя безсомнительные доказательства времени, в котором учинилось множество памяти достойнейших приключений. В. 85 Какие суть сии доказательства? О. Находится посредством астрономических таблиц, что затмение примеченное в такой день, непременно должно было воспоследовать в таком году»³⁵. В тексте есть вопросы, отсылающие читателя к работе с дополнительной литературой по теме:

³¹ Дильтей 1762. С. 25.

³² Дильтей 1762. С. 39.

³³ Дильтей 1762. С. 33.

³⁴ Дильтей 1762. С. 39.

³⁵ Дильтей 1762. С. 33.

«В. 186 Что вам известно о собственно так называемой России во время сей эпохи? О. Отин или Воден будучи выгнан из Азии Помпеем Великим за 60. лет прежде Р.Х. вошел в Скифию, или в ту землю, которую называем ныне Россиею, себе оную покорил, и учинил там сына своего Боо Царем. Вероятность сего исторического повествования оставляем мы сочинителю онаго Г. Пуфендорфу, отсылая нашего читателя для исследования к тому 5 комментариев Санкт-Петербургской Академии Наук в историческом классе о делах Скифских»³⁶.

Содержание можно условно разделить на сведения о конкретных исторических фактах, событиях, личностях и на теоретические вопросы, способствующие усвоению предмета. Первая часть работы насчитывает 636 вопросов и заканчивается рассмотрением истории Древней Греции. Вторая часть посвящена римской истории: «Вопрос 177. Кто был последней Царь римский? Ответ. Тарквиний Гордый, которой женился на Туллии, дочери Сервия Туллия»³⁷, Александру Македонскому: «Вопрос 254. Кем основана третья монархия, называемая греческая? Ответ. Александром по прозванию Великим»³⁸, иудейской истории, истории ассирийской монархии, также говорится об Америке. Вторая часть насчитывает 622 вопроса. Третья часть раскрывает следующие этапы всемирной истории: римские императоры, история иудеев при рождении Иисуса Христа, история готов, скифов, история европейских народов: Швеции, Дании, Норвегии, Германии, Великобритании, Франции, история Китая и стран Азии, также автор говорит об истории татарской, африканской, американской, истории церковной от Иисуса Христа. Последняя часть насчитывает 343 вопроса.

В «Первых основаниях...» уделяется внимание и российской истории (отдельные уроки во 2-й и 3-й частях). В уроке сорок девятом во второй части говорится о происхождении России: «Вопрос 597. Как прежде называлась Россия? Ответ. Скифией». Далее Дильтей очерчивает ее территорию: «В. 598 Какие были пределы Скифии? О. Скифы, которые пограничны были с Фракиєю, простирались от востока к северу, и они были не порубежны сарматам, как некоторые думали, но сарматы были часть оных: оттуда простираясь прямо, соединились с аланами по стороне Дуная; и своим поселением учинили пределы Азии со стороны бактриян, которые находятся далее всех народов азиатских к северу».

³⁶ Дильтей 1763. С. 93.

³⁷ Дильтей 1763. С. 95.

³⁸ Дильтей 1763. С. 127.

По версии автора, скифы получили свое имя «от князя именем Скифа, происходящего от колена Иафетова, но вероятнее, что они назывались скифами от славянского слова: скит, которое значит блудящий; ибо за подлинно известно, что сии древние народы не имели определенных себе жилищ, но переходили из места на место, и ставили свои шалаши, где им нравилось, откуда опять переходили, когда им за нужно рассудилось»³⁹. Разбирая значение слова «славяне», Дильтей пишет: те, кто «производят оное от французского слова есклав, т.е. крепостной, те весьма ошибаются, ибо подлинно известно, что Славяне всегда были народ военной и свободной; которые же производят оное от князя Славена или от города Славенска, те со своей стороны имеют некоторую вероятность, ибо имя старинного города Славенска еще и по ныне известно; но которые оное производят от слова славенского слава, имеют справедливейшее прочих мнение, ибо о славных делах славян свидетельствуют лучшие и древнейшие писатели»⁴⁰.

Теоретические вопросы занимают большую часть первого тома, а во второй и третьей части встречаются в меньшем объеме. Первый урок, представленный в первой части посвящен изучению понятия история. Автор назвал его «Урок первый. О истории вообще». Дильтей без вступления пишет: «Вопрос I. Что есть история? Ответ. История есть точное и справедливое описание о происшедших приключениях, разделенных по течению времени, чтобы мы знали все, что приключилось примечания достойного в свете»⁴¹. Вторым вопросом автор формирует представление у слушателей о том, какие виды истории существуют: «В. 2 На сколько частей разделяется история? О. Она разделяется на священную и светскую, древнюю и новую, на общую и партикулярную»⁴². В вопросах с 3 по 8 обучающийся находил, что священная история содержит в себе сведения о божьем народе, о ветхом и новом завете, светская история изучает людские дела и события, общая история – это период от сотворения мира до рождества Христова, новая история – от рождества Христова до современной автору действительности, общая история показывает все важные события в мире, а партикулярная описывает отдельные события, битвы или жизнь великих людей.

³⁹ Дильтей 1763. С. 315.

⁴⁰ Дильтей 1763. С. 317.

⁴¹ Дильтей 1762. С. 3.

⁴² Дильтей 1762. С. 3.

Далее говорится о необходимости изучения географии и хронологии для изучения и понимания истории. Второй вопрос первой части раскрывает понятие хронологии. В третьем уроке «О хронологии особливо, или о ее терминах» автор задает обучающимся вопрос «Что есть век?», на который отвечает «Век есть течение ста лет или ста солнечных обращений»⁴³. В этом уроке, в двадцать шестом вопросе Дильтей знакомит учеников с понятием «эра»: «Сие есть основание времени определенное каким-нибудь особливим народом, от которого начинают считать годы»⁴⁴. Четвертый урок «Первых оснований универсальной истории...» посвящен разделению на эры. В тридцать втором вопросе автор спрашивает слушателей «Какие сии разные эры? Ответ. Кроме олимпиады, 1. Эра Навонассара, 2. Эра селевкидов, 3. первый юлианский год, 4. Эра гишпанская, 5. Эра справедливая христианская, 6. Эра общая»⁴⁵. В пятом уроке обучающийся узнает в чем главные особенности эпохи: «В. 60 Что есть Эпоха? О. Эпоха есть утвержденная точка, или определенное и примечанию достойное в истории время, которое будучи обыкновенно установлено в некотором особливом приключении, употребляется хронологистами, начинающими считать годы. В. 61 Что надобно к составлению эпохи? О. Надобно, чтоб приключение выбранное к оной, не было особливого народа или государства, но чтоб оно принадлежало к многим вообще народам»⁴⁶.

Об историческом времени говорится в шестьдесят восьмом вопросе, «оно начинается от учреждения олимпийских игр, то есть от сотворения мира в 3228 году и за 776 лет прежде общей эры»⁴⁷. В шестьдесят девятом уточняется: «оно называется историческим для того, что от установления олимпийских игр, истинна о происшедших в истории приключениях точно явствует»⁴⁸. В «Первых основаниях...» также раскрывается понятие год, «есть все то время, в которое солнце проходит чрез двенадцать небесных знаков»⁴⁹. Размышляет о том, с какого месяца начинался год «прежде всего начинался от первого марта, и сему обыкновенно последовали многие народы после Ромула, которой первый разделил год на десять месяцев. Нума наследник его прибавил январь и

⁴³ Дильтей 1762. С. 9.

⁴⁴ Дильтей 1762. С. 11.

⁴⁵ Дильтей 1762. С. 33.

⁴⁶ Дильтей 1762. С. 23.

⁴⁷ Дильтей 1762. С. 26.

⁴⁸ Дильтей 1762. С. 27.

⁴⁹ Дильтей 1762. С. 41.

февраль»⁵⁰. Внимание русских слушателей обращается на изменения, произошедшие при Петре I, «которой повелел в 1700 году, начинать год с сего числа»⁵¹. По Дильтею, Бог сотворил мир, «действием воли»⁵².

Как видим, «Первые основания универсальной истории...» – не только первое пособие по истории для обучающихся в высшем учебном заведении, оно предлагало средства и методы, позволяющие глубже осваивать предмет и неподготовленной публике. Однако, несмотря на уникальность этого пособия, «...желанного автором “щастия” быть переизданным это сочинение не увидело и через некоторое время оказалось вовсе забытым...»⁵³. Исследователи отмечали, что автору давались невысокие оценки: «Ему принадлежит ряд сочинений... которые и в то время признавались незрелыми и мало полезными»⁵⁴, «“Универсальная история” Дильтея, много раз издававшаяся в типографии Московского университета как учебник, представляла собой компиляцию, основанную на псевдонаучных и религиозных концепциях»⁵⁵.

Несмотря на появление удобного пособия, и отсутствие непременных аналогов в России оно оказалось не востребовано: «Читали ли книгу Дильтея студенты университета или университетской гимназии? Возможно, что да, но в качестве “руководства” в преподавании всеобщей истории она не использовалась: в университете имели хождение другие, ненамного, впрочем, его превосходившие в научном отношении. Как не без сожаления отмечал в этой связи книговед и библиограф Александр Ловягин: “Пособиями во всю вторую половину XVIII века, а отчасти в начале XIX века, служили переводные учебники Шрека, Фрейера и др., все уже устаревшие”. По этим же отжившим пособиям, добавлял он, позднее преподавали и первые русские профессора, пришедшие на смену немцам»⁵⁶.

Причиной неиспользования появившегося учебника по истории в России, скорее всего, можно считать противостояние между русскими и иностранными представителями интеллектуальной элиты в этот период. Написанная на достаточном для того времени уровне работа вызвала обратную реакцию, против Ф.Г. Дильтея были выдвинуты обвинения, у

⁵⁰ Дильтей 1762. С.43.

⁵¹ Дильтей 1762. С. 45.

⁵² Дильтей 1762. С. 67.

⁵³ Зарецкий 2012.

⁵⁴ Иконников 1876. № 10. С. 494.

⁵⁵ Кислягина 1984. С. 36.

⁵⁶ Зарецкий 2012.

него удержали жалование и не допускали к чтению лекций. Возможно, одобрение такого сочинения могло усилить перевес в сторону предпочтения компетентности иностранных преподавателей, тем самым усилить их конкуренцию с русскими. «Университетская канцелярия имела весьма неприятный процесс с профессором Дильтеем. Директор жаловался на него куратору за частые отлучки от лекций: как видно, private курсы отвлекали профессора от исполнения публичных обязанностей. У него удержали жалованье. Нашли еще какие-то недочеты в типографии, по случаю напечатанной им Универсальной истории. Дильтей принес жалобу в Сенат на канцелярию. В ней он исчислял обиды, ему сделанные, что будто бы отвлекали студентов от его лекций, оскорбляли его в старшинстве, удержали его жалованье без причины. Началось следствие; сделаны запросы от Сената к университету. Процесс длился в течение 1765 года»⁵⁷. Юридическое образование Дильтея позволило ему добиться снятия всех обвинений, но и это не остановило преследования до того момента, когда вместо него чтение всеобщей истории поручили русскому преподавателю Х.А. Чеботареву: «Профессор Керштенсъ, в конце 1765 года возвратясь из Петербурга, привез известие, слышанное им от академика Миллера и двух сенаторов, что Дильтей оправдан во всех своих поступках... Начались новые преследования Дильтея. По предложению куратора, осудили его Универсальную историю, учебник гимназический и поручили перевести историю всеобщую Фрейера студенту Харитону Чеботареву...»⁵⁸. Чеботарев был подготовлен преподавателем в России: «В последующие десятилетия, когда в университете были подготовлены свои научные и преподавательские кадры, эту кафедры занимали русские ученые. Долгое время (с 1778 г.) профессором истории был Х.А. Чеботарев (1746-1815)»⁵⁹.

Таким образом, первые иностранные преподаватели истории в Московском университете, Х.Г. Келлнер, И.Г. Рейхель и Ф.Г. Дильтей в процессе включения в образовательные практики столкнулись с рядом сложностей: языковые трудности, неприязненные отношения с коллегами, небольшое жалование и отсутствие непереводаемых пособий для слушателей по русской и всемирной истории. Ф.Г. Дильтей написал первый адаптированный для обучающихся учебник по истории для высшего учебного заведения в России, «Первые основания уни-

⁵⁷ Шевырев 1855. С. 131-132.

⁵⁸ Шевырев 1855. С. 132-133.

⁵⁹ Кислягина 1984. С. 36.

версальной истории...», но взаимоотношения с коллегами не позволили автору этого пособия получить заслуженное признание.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Аврус А.И.* История российских университетов. М., 2001.
- Андреев А.Ю.* Российские университеты XVIII – первой половины XIX в контексте университетской истории Европы. М., 2009.
- Биографический словарь императорского Московского университета. М., 1855. Ч. 1. Биографический словарь императорского Московского университета. М., 1855. Ч. 2.
- Боссюэт И.Б.* Разговор о всеобщей истории / Пер. с фр. В. Наумова; Т.1-3, ч.1-4. М.: Печ. при Имп. Моск. ун-те, 1761-1789.
- Дильтей Ф.Г.* Первые основания универсальной истории с сокращенной хронологией в пользу обучающегося российского дворянства. М., 1762. Ч. 1. 255 с.
- Дильтей Ф.Г.* Первые основания универсальной истории с сокращенной хронологией в пользу обучающегося российского дворянства. М., 1763. Ч. 2. 328 с.
- Дильтей Ф.Г.* Первые основания универсальной истории с сокращенной хронологией в пользу обучающегося российского дворянства. М., 1768. Ч. 3. 320 с.
- Зарецкий Ю.П.* История в Московском университете. Начало // Неприкосновенный запас № 85 (5/2012). URL: <http://www.nlobooks.ru/node/2804> (дата доступа 19.03.2015)
- Иконников В.С.* Русские университеты в связи с ходом общественного образования // Вестник Европы. 1876. № 9-10.
- Кислягина Л.Г.* Изучение отечественной истории в Московском университете во второй половине XVIII в. // Вестник Московского университета. 1984. Сер. 8. История. № 2.
- Краснобаев Б.И.* Начальный период деятельности Московского университета // История СССР. 1980. № 3.
- Маловичко С.И.* Отечественная историческая мысль XVIII века о возникновении и ранней социально-политической жизни древнерусского города (от киевского «Синописа» до «Нестора» А.Л. Шлецера). Ставрополь, 2001.
- План профессора Ф.Г. Дильтея 1764 года. План о учреждении разных училищ для распространения наук и исправления нравов // Материалы для истории учебных реформ в России в XVIII – XIX веках / сост. С.В. Рождественский, при участии В.Г. Соломина и П.П. Тодорского; СПб.: Общественная польза, 1910.
- Репина Л.П.* Память о прошлом в пространстве культуры // Диалог со временем. 2013. № 43. С. 190-198.
- Рождественский С.В.* Исторический обзор деятельности Министерства народного просвещения. 1802-1902. СПб., 1902.
- Рождественский С.В.* Очерки по истории систем народного просвещения в России в XVIII – XIX веках. СПб., 1912. Т. 1.
- Рождественский С.В.* Университетский вопрос в царствование имп. Екатерины II и система народного просвещения по Уставам 1804 года // Вестник Европы. 1907. Т. 4. № 7.
- Сперанский М.Н.* Московский Университет XVIII столетия и Ломоносов. М., 1912.
- Тихомиров М.Н.* М.В. Ломоносов и основание первого университета в России // Вестник Московского университета. 1955. № 4-5. (Юбилейный выпуск).

Шевырев С.П. История Императорского Московского университета, написанная к столетнему юбилею. 1755-1855. М., 1855.

Шувалов И.И. Проект о Учреждении Московского университета // Пенчко Н.А. Основание Московского университета. М., 1952.

REFERENCES

- Avrus A.I. *Istoriya rossiiskikh universitetov*. М., 2001.
- Andreev A.Yu. *Rossiiskie universitety XVIII – pervoi poloviny XIX v kontekste universitetskoj istorii Evropy*. М., 2009.
- Biograficheskii slovar' imperatorskogo Moskovskogo universiteta*. М., 1855. Ch. 1.
- Biograficheskii slovar' imperatorskogo Moskovskogo universiteta*. М., 1855. Ch. 2.
- Bossyuet I.B. *Razgovor o vseobshchei istorii* / Per. s fr. V. Naumova; T.1-3, ch.1-4. М.: Pech. pri Imp. Mosk. un-te, 1761-1789.
- Dil'tei F.G. *Pervye osnovaniya universal'noi istorii s sokrashchennoi khronologi-ei v pol'zu obuchayushchegosya rossiiskogo dvoryanstva*. М., 1762. Ch. 1. 255 s.
- Dil'tei F.G. *Pervye osnovaniya universal'noi istorii s sokrashchennoi khronologi-ei v pol'zu obuchayushchegosya rossiiskogo dvoryanstva*. М., 1763. Ch. 2. 328 s.
- Dil'tei F.G. *Pervye osnovaniya universal'noi istorii s sokrashchennoi khronologi-ei v pol'zu obuchayushchegosya rossiiskogo dvoryanstva*. М., 1768. Ch. 3. 320 s.
- Zaretskii Yu.P. *Istoriya v Moskovskom universitete*. Nachalo // *Neprikosnovennyi zapas* № 85 (5/2012). URL: <http://www.nlobooks.ru/node/2804> (data dostupa 19.03.2015)
- Ikonnikov V.S. *Russkie universitety v svyazi s khodom obshchestvennogo obrazovaniya* // *Vestnik Evropy*. 1876. № 9-10.
- Kislyagina L.G. *Izuchenie otechestvennoi istorii v Moskovskom universitete vo vtoroi polovine XVIII v.* // *Vestnik Moskovskogo universiteta*. 1984. Ser. 8. *Istoriya*. № 2.
- Krasnobaev B.I. *Nachal'nyi period deyatel'nosti Moskovskogo universiteta* // *Istoriya SSSR*. 1980. № 3.
- Malovichko S.I. *Otechestvennaya istoricheskaya mysl' XVIII veka o vozniknovenii i rannei sotsial'no-politicheskoi zhizni drevnerusskogo goroda (ot kievskogo «Sinopsisа» do «Nestora» A.L. Shletsera)*. Stavropol', 2001.
- Plan professora F.G. *Dil'teya 1764 goda*. Plan o uchrezhdenii raznykh uchilishch dlya rasprostraneniya nauk i ispravleniya nraov // *Materialy dlya istorii uchebnykh reform v Rossii v XVIII – XIX vekakh* / sost. S.V. Rozhdestvenskii, pri uchastii V.G. Solomina i P.P. Todorskogo; SPb.: *Obshchestvennaya pol'za*, 1910.
- Repina L.P. *Pamyat' o proshlom v prostranstve kul'tury* // *Dialog so vremenem*. 2013. № 43. S. 190-198.
- Rozhdestvenskii S.V. *Istoricheskii obzor deyatel'nosti Ministerstva narodnogo prosveshcheniya. 1802-1902*. SPb., 1902.
- Rozhdestvenskii S.V. *Ocherki po istorii sistem narodnogo prosveshcheniya v Rossii v XVIII – XIX vekakh*. SPb., 1912. T. 1.
- Rozhdestvenskii S.V. *Universitetskii vopros v tsarstvom imp. Ekateriny II i sistema narodnogo prosveshcheniya po Ustavam 1804 goda* // *Vestnik Evropy*. 1907. T. 4. №7.
- Speranskii M.N. *Moskovskii Universitet XVIII stoletiya i Lomonosov*. М., 1912.
- Tikhomirov M.N. *M.V. Lomonosov i osnovanie pervogo universiteta v Rossii* // *Vestnik Moskovskogo universiteta*. 1955. № 4-5. (Yubileinyi vypusk).
- Shevyrev S.P. *Istoriya Imperatorskogo Moskovskogo universiteta, napisannaya k stoletnemu yubileyu. 1755-1855*. М., 1855.

Shuvalov I.I. Proekt o Uchrezhdenii Moskovskogo universiteta // Penchko N.A. Osnovanie Moskovskogo universiteta. M., 1952.

Козлова Мария Игоревна, кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры экономики и менеджмента сервиса Сыктывкарского государственного университета; *drowing-psyche@yandex.ru*

The first history lecturers at the Moscow imperial university

The article is devoted to the first history lecturers at the Moscow imperial university opened in 1755. There were no qualified university lecturers in Russia, thus the lecturers Kellner, I.G. Reykhel and F.G. Diltey were invited from German universities. They faced a number of difficulties: language problems, misunderstanding of the colleagues, insufficient salary and the absence of the textbooks on the Russian and world history. F.G. Diltey wrote the first textbook. "The first bases of universal history ...", but work did not get recognition it deserved.

Keywords: H.G. Kellner, I.G. Reykhel, F.G. Diltey, Moscow university, teachers, history, textbook, First bases of universal history, education.

Maria Kozlova, PhD (history), lecturer, Syktyvkar State University, Department of the economy and the management of service; *drowing-psyche@yandex.ru*

И. В. ПИСКУНОВ

КАК СТАТЬ РОССИЙСКИМ ПРИВАТ-ДОЦЕНТОМ?

Статья посвящена приват-доцентуре – малоизученной категории преподавателей, служивших в российских университетах «вне штата» и при этом игравших важную роль в университетском преподавании. Подробно разобраны требования к званию приват-доцента в России, действовавшие на начальном этапе его существования (1843–1884 гг.), а также практики присвоения этого звания через поэтапное прохождение «вступительных испытаний». Оцениваются возможные трудности и конфликты на пути к получению приват-доцентуры, а также влияние этих установившихся практик на перспективы развития российских университетов.

Ключевые слова: университет, приват-доцент, преподавание, диссертация, защита, лекция.

Приват-доцентами в российских университетах XIX – начала XX в. называли внештатных преподавателей, которые читали лекции (получая за это вознаграждение из «специальных сумм» университета) и, как правило, надеялись в дальнейшем на зачисление в штат при появлении вакантных профессорских мест. Тем самым, приват-доценты служили естественным ресурсом для пополнения университетской профессуры. Длительное время, однако, изучение российских приват-доцентов находилось в тени, значительно уступая изучению профессуры. С точки зрения интеллектуальной истории на них смотрели как на «людей второго плана» в университете¹ – и это несмотря на то, что весьма существенная часть преподавания здесь велась именно приват-доцентами, которые к тому же активно участвовали в университетских научных исследованиях. Необходимо преодолеть этот историографический дисбаланс, на что и направлено наше исследование.

Институт приват-доцентуры зародился в немецких университетах. С 1803 г. приват-доценты были предусмотрены в Дерптском университете (наиболее тесно связанном с Германией), впервые утвердившись в законодательном поле Российской империи. Но при этом только в 1843 г. приват-доцентура была распространена на другие

¹ О ранжировании «университетских людей» внутри российской социосферы вообще – см. Экштут 2006.

российские университеты². Во второй половине XIX в. этот «красдик профессуры» уже занимал видное место в системе преподавания и формировании облика отечественных университетов. В данной статье мы остановимся на вопросе о самом процесс зачисления в приват-доценты на начальном этапе существования этого института в России (до 1884 г.) – какие научные условия, а также возможные неформальные требования и потенциальные конфликты его сопровождали.

Уже по уставу Дерптского университета для получения звания приват-доцента требовалось наличие одной из ученых степеней Российской империи. В постановлении 1843 г. это требование было конкретизировано как степень «не ниже магистра»³, но российский общеуниверситетский устав 1863 г. допустил к приват-доцентуре также кандидатов, что явилось принципиально важным решением, открывшим приват-доцентуру для максимально широкого круга лиц (интересно, что на медицинском факультете, где существовала параллельная система ученых степеней, в 1860-е гг. было разрешено допускать к приват-доцентуре даже лекарей⁴). Помимо этого, необходимо было представить диссертацию *pro venia legendi* (букв. для допуска к лекциям), отличную от диссертации на получение ученой степени, и публично защитить ее.

В 1863 г. этот порядок был дополнен: кроме диссертации от «лиц, неизвестных своими преподавательскими способностями» требовалось прочесть перед факультетом две публичные лекции: одну – на тему по собственному выбору, вторую – по назначению факультетского собрания⁵. Впрочем, это дополнение должно было затронуть лишь «сторонних кандидатов», а в целом министерство было настроено на упрощение процедуры приобретения звания приват-доцента, признавая это существенным условием его распространения. Не случайно уже в 1867–68 гг. имело место значительное препирательство между советом университета Святого Владимира и министерством народного просвещения по во-

² Подробнее: Пискунов 2014; об эволюции идеи приват-доцентуры в России см. также Андреев, Посохов (ред.) 2012. С. 429–435; Цыганков 2009.

³ О разрешении иметь Доцентов при С.-Петербургском, Московском, Харьковском и Казанском Университетах. 28 июня 1843 г. // Сборник постановлений Т. 2. Отд. 2. Стлб. 292-293.

⁴ О разрешении определять в университет Св. Владимира по мед. факультету приват-доцентами не только докторов, но и лекарей // РГИА. Ф. 733. Оп. 147. Д. 356. Л. 1-2.

⁵ Общий устав Императорских Российских Университетов. 18 июня 1863 г. // Сборник постановлений... Т. 3. Стлб. 1057.

просу о необходимости закрытой баллотировки в приват-доценты в совете университета. Практиковавшийся в Киеве, этот способ избрания не встретил понимания министерства, и в итоге был запрещен⁶.

После 1884 г. наиболее значительным изменением, коснувшимся всех претендентов, стала отмена обязательной защиты диссертации *pro venia legendi* (кроме Юрьевского университета). Защита этой диссертации к тому времени давно превратилась в формальность и, как правило, не представляла трудностей⁷. В целом же условия вступления в приват-доцентуру стали более гибкими.

Инициатива о выдвижении в приват-доценты исходила либо от самого кандидата, либо от университетского профессора или факультета в целом. Так, в 1858 г. попечитель петербургского учебного округа И.Д. Делянов докладывал министру: «Магистр минералогии и геогнозии Платон Пузыревский изъявил желание поступить в императорский С.-Петербургский университет в должность приват-доцента по кафедре минералогии и геогнозии»⁸. В другом случае в прошении министру указывалось, что один из профессоров имеет на факультете нужду в приват-доценте, и полагает допустить на это место определенного кандидата. Так, например, выглядело дело кандидата И.Е. Андреевского, за которого просил профессор Петербургского университета П.Д. Калмыков⁹. Другой подобный случай – прошение петербургского профессора А.П. Чебышева-Дмитриева, который желал «для улучшения преподавания уголовного судоустройства иметь по занимаемой им кафедре приват-доцента», на что изъявил согласие магистр Н.С. Таганцев¹⁰. Если на то следовало согласие министра, то кандидат допускался непосредственно к испытаниям на должность. Не согласиться министр мог лишь в крайних случаях – например, с прошением профессора Харьковского университета А.Н. Бекетова о переводе его в приват-доценты Петербургского университета, что, по мнению министра Е.П. Ковалевского, было «несовместимо со званием и достоинством профессора»¹¹.

Процедура вступления в должность приват-доцента проходила в несколько этапов, первым из них была защита особой диссертации *pro*

⁶ О применении п. 4. § 46 Университетского Устава к баллотированию Приват-Доцентов. 3 февраля 1868 г. // Сборник постановлений... Т. 4. Стлб. 1053-1056.

⁷ Иванов 1994. С. 140.

⁸ РГИА. Ф. 733. Оп. 27. Д. 15. Л. 1.

⁹ РГИА. Ф. 33. Оп. 26. Д. 133. Л. 15.

¹⁰ Загородников 1994. С. 22.

¹¹ РГИА. Ф. 733. Оп. 27. Д. 234. Л. 7 об.

venia legendi. Хотя это условие и оставалось неизменным в течение почти сорока лет, но критерии значительно варьировались. Средняя диссертация представляла собой небольшую работу в 30–50 страниц, состоящую из нескольких глав, написанную на основании источников (в гуманитарных науках) или опытов (в естественных науках). Весьма распространено было цитирование иностранной научной литературы, источников на иностранных языках. При необходимости, текст дополнялся наглядными картинками, таблицами, схемами. Темы могли быть разного масштаба, от обширных (по современным представлениям) научных проблем до узкоспециальных вопросов. Типологически, работы до 1863 г. не имеют принципиальных отличий от позднейших. Самая ранняя из известных нам работ написана в 1847 г.¹²

Для наглядности проанализируем несколько диссертаций pro venia legendi по факультетам. Так, работа Ф.Г. Мищенко (1872), киевского приват-доцента, затем профессора в Казанском университете, занимала 31 страницу. Тема ее – «Фиванская трилогия Софокла», а в заключении сделаны выводы о времени написания, единстве авторского замысла¹³. По мнению историков, уже в этой работе проявились характерные черты будущего исследователя: большая самостоятельность, нежелание отдаваться господствующему в науке течению в истолковании древних писателей¹⁴. Объем работы Ю.А. Кулаковского (1881), также известного киевского историка («Надел ветеранов земель и военные поселения в Римской империи») – 45 страниц. При написании диссертации Кулаковский прибегал к консультациям широко известного историка Римской империи Теодора Моммзена. Историю военных поселений в Римской империи он прослеживает от земельных наделов ветеранов и денежных выплат, до политики расселения дружественных германских племен по окраинам империи¹⁵.

Порой диссертации могли иметь и более значительный объем. Например, у Ф.И. Леонтовича (1863), будущего ректора Новороссийского университета – 88 страниц¹⁶, у Н.П. Загоскина, знаменитого историка русского права (1875), и литературоведа Н.И. Жданова (1876) – более двухсот страниц¹⁷. Правда, работа Загоскина представляла собой

¹² Критический взгляд на философию Канта... 1847.

¹³ РГИА. Ф. 733. Оп. 226. Д. 13. Л. 106.

¹⁴ Шофман 1974. С. 8.

¹⁵ Надел ветеранов землей... 1881. С. 6, 44.

¹⁶ Леонтович 1863.

¹⁷ Уставные грамоты... 1875; Жданов 1876. С. 50-89; 173-225.

публикацию уставных грамот Древней Руси), а Жданова – обширный комментарий источников по Стоглавому собору.

По сложности написания, *pro venia legendi* не шла ни в какое сравнение с магистерской диссертацией. Но при всей видимой ее простоте, она не должна была сводиться к пересказу, содержать грубые ошибки, словом, требовался уровень небольшой, но все же научной работы. Если же диссертация не вызывала резких отрицательных отзывов, но и не соответствовала должному уровню, соискателю могли предложить переделать ее в соответствии с указаниями компетентного профессора в определенный срок (около 5-ти месяцев)¹⁸.

Не существовало требований к месту защиты, она могла проходить в любом университете, а полученное в результате право преподавания распространялось на все высшие учебные заведения. Так, кандидат Харьковского университета Н.О. Куплеваский был командирован в Киев и там защитил диссертацию, а потом вернулся в Харьков и начал чтения в качестве приват-доцента¹⁹. В другом случае выбор места для защиты мог определялся готовностью университета впоследствии трудоустроить у себя приват-доцента. Кандидат юридического факультета Харьковского университета А. Боровиковский сначала представлял *pro venia legendi* в свой университет, а затем переехал в Москву и уже там защищал диссертацию²⁰. Подобным образом поступил московский кандидат К.А. Андреев, приехав в Харьков для защиты диссертации по приглашению профессора Д.М. Деларю²¹.

Для претендентов, известных университету, процедура представления и защиты диссертации зачастую оказывалась формальностью, впрочем, строго обязательной для всех, поэтому серьезных научных работ среди этих диссертаций было немного, встречались несколько модернизированные кандидатские или даже студенческие работы, использовались уже давно написанные, и даже опубликованные труды. В 1867 г. известный историк Н.А. Осокин представил в качестве *pro venia legendi* свою юношескую работу «Савонаролла и Флоренция», напечатанную им еще в 1863 г., когда ему был 21 год²². М.П. Драгоманов также использовал в качестве диссертации одну из своих прежних работ «Про императора Тиберия», в которой делал радикальные выводы, под-

¹⁸ Юридический факультет Харьковского университета... С. 82.

¹⁹ РГИА. Ф. 733. Оп. 147. Д. 1066. Л. 150.

²⁰ Юридический факультет Харьковского университета... С. 79.

²¹ Осипов, Багалея 1908. С. 31.

²² Биографический словарь... 1904. С. 144-146.

вергнутые жесткой критике оппонентов. Студенческую работу использовал и В.В. Сокольский, приват-доцент Киевского университета²³. Использование ранних работ в качестве диссертации не скрывалось самими диссертантами. Так, на обложке печатной *pro venia legendi* Д.Н. Овсянико-Куликовского было помещено откровенное пояснение: «Извлечение из исследования «Культ Сомы в Риг-Веде»²⁴.

Гораздо реже это была действительно специально написанная работа, предназначенная для защиты в качестве диссертации *pro venia legendi*. Так готовился к защите А.А. Шахов, посвящавший написанию работы, по воспоминаниям друзей, все свое время²⁵. Защита этой диссертации была очень успешной. По отзывам присутствовавшего на диспуте профессора В.И. Герье, «очерк его о французской литературе чрезвычайно талантливо написан... автор мастерски овладел своим предметом и, благодаря блестящему изложению, с таким же искусством овладевает читателем». И, в целом, факультет отнесся с большим одобрением к труду Шахова (это подтвердили все оппоненты), что свидетельствовало о высоких научных достоинствах диссертации²⁶.

Процедура защиты диссертации была строго формализована. Она проходила публично, в намеченный день и час, обязательно назначались два оппонента из числа преподавателей. Одним из оппонентов мог выступать профессор, курировавший кандидата. Так, в 1872 г. на защите Ф.Г. Мищенко одним из оппонентов был его учитель, В.И. Модестов, (второй – П.И. Яроцкий). Оппоненты произносили свои суждения о работе, в которых отмечались ее достоинства и недостатки. К этому могли прибавляться заключения более общего порядка – например, В.И. Модестов на защите Мищенко заявил, что «автор, несомненно, обнаруживает не только яркое дарование, но и замечательную эрудицию, и все это заставляет надеяться, что факультет приобретает в нем деятельного и вполне полезного члена»²⁷. Изредка на защиту могло пожаловать высокое начальство. Так, защита кандидата в приват-доценты Казанского университета Гильтера удостоилась посещения самого министра П.А. Ширинского-Шихматова, который в конце поздравил Гильтера «в достижении цели»²⁸ (на самом деле, Гильтер ее не достиг, см. ниже).

²³ Биографический словарь... 1884. С. 618.

²⁴ Куликовский 1882.

²⁵ Кареев 1990. С. 129.

²⁶ Гиляров-Платонов 1903. С. 125.

²⁷ Шофман 1974. С. 8.

²⁸ РГИА. Оп. 46. Д. 12. Л. 5.

Как правило, факультет не проявлял излишней требовательности к уровню работы, и даже разгромные отзывы рецензентов не означали обязательного провала. Однако допущение нового члена в преподавательскую корпорацию было процессом сложным и болезненным, поэтому защита диссертации, как условие допущения, могла принимать характер ожесточенных дебатов, не всегда даже строго научных.

О неустойчивости критериев, предъявляемых к диссертациям, свидетельствуют отзывы рецензентов и заключения факультетов по поводу ряда работ. В. Миллер, разбирая работу Овсяннико-Куликовского (в ней, кстати, полностью отсутствовали ссылки не только на иностранную, но и на отечественную научную литературу), оценивал его толкование индийского мифа как несостоятельное, но подчеркнул «серьезное знакомство» с источниками и «способность к комбинации фактов», а также новизну подхода – изучение мифа через призму психологии²⁹. По его мнению, эти качества могли искупить превратное толкование источника и неудачу, которую потерпел автор в раскрытии темы. В итоге защита диссертации была признана успешной. С другой стороны, в Харьковском университете предъявлялись более жесткие требования к диссертации. Согласно заключению юридического факультета (1870), диссертация *pro venia legendi* не может быть приравнена к кандидатскому сочинению; работа должна показывать глубокое знание предмета и литературы, основательность и ясность суждения. В связи с этим нередко были случаи неудачных защит на юридическом факультете Харьковского университета: из 16-ти диссертаций, представленных с 1863 по 1884 г., четыре (25%) были признаны неудовлетворительными³⁰.

Иной раз мнения рецензентов о работе расходились, могли происходить горячие прения, но окончательное решение принималось большинством голосов. Большим скандалом сопровождалась защита диссертации М.П. Драгоманова в Киевском университете. На то был ряд причин, как объективных, так и вызванных обостренным субъективным отношением профессоров к личности Драгоманова. По собственному признанию диспутанта, в своей работе он показал полное незнание новейшей заграничной литературы по предмету, что не помешало ему на основе одних классиков прийти к смелому выводу, «что римская империя была не упадком римского мира после республики, но своего рода прогрессом, если не политическим, то социальным и культурным». Ши-

²⁹ Миллер 1883. С. 300.

³⁰ Юридический факультет Харьковского университета... 1908. С. 86-90.

рокое обобщение восстановило против Драгоманова всех профессоров, включая его покровителя Шульгина, и это была объективная причина. Однако сам он попытался представить научную критику как гонение на свободомыслие, когда профессора «...были скандализованы моим, так сказать, империализмом, – а также и социализмом; консерваторы – вызвали было меня на диспут о моей критике римской республики, но обиделись на мою критику консерватизма Ювенала...»³¹. Оппонент на том диспуте, В.И. Модестов, в своих воспоминаниях описал заигрывание Драгоманова с сочувствующей ему украинофильской аудиторией, его небрежность и дерзость в ответах рецензентам³². Но слабость диссертации не помешала тому, что защита была признана успешной. Очевидно, что большую роль в исходе этого диспута имели национальные симпатии украинской партии профессоров и поддержка публики.

Не вполне гладко происходила защита Д.Н. Овсянико-Куликовского в Москве. «Я совсем заробел и сконфузился, то и дело сбивался и окончательно опешил, когда Ф.Ф. Фортунатов разбил в пух мои плачевные этимологические толкования. Тем не менее “диспут” сошел»³³.

Были случаи, когда защита признавалась неудачной, и соискателю отказывали в должности. Так, В. Пфаф, доктор прав Лейпцигского университета, уроженец Прибалтийского края, трижды провалил в разных университетах экзамен на магистра (подготовительный этап к защите диссертации), и решил стать хотя бы приват-доцентом, для чего издал на свои средства брошюру³⁴ и представил ее в юридический факультет Новороссийского университета в качестве *pro venia legendi*. Один экземпляр оказался у В.И. Модестова, бывшего тогда доцентом в этом университете. Содержание работы глубоко возмутило его: «Я скоро заметил, что автор диссертации имел в виду надуть факультет, не имевший специалиста, что диссертация его есть не что иное, как произведение грубейшего невежества, соединенного с крайнею недобросовестностью, что в ней не только бездна нелепостей, но еще нелепостей, подтверждаемых ложными цитатами». Чтобы подтвердить последнее, Модестов принес прямо на защиту латинские книги, на которые ссылался Пфаф, и с текстом в руках опровергал его доводы. Защита была превращена в фарс, Пфаф начал оскорблять рецензента, за что получил резкую отповедь ректора: «Вы, милостивый государь, как видно, ничего

³¹ Павлик 1896. С. 343.

³² Профессор В.И. Модестов... 2014. С. 71.

³³ Овсянико-Куликовский 1923. С. 126.

³⁴ Пфаф 1866.

не знаете, а между тем позволяете себе говорить дерзости оппоненту»³⁵. В итоге Пфаф не получил искомого звания. Таким образом, если ошибки в диссертациях по молодости и неопытности еще могли быть встречены в университете со снисхождением, но явная недобросовестность служила тем барьером, за который нельзя было переходить.

Университетским уставом 1863 г. для кандидатов, неизвестных факультету, было введено чтение двух пробных лекций. В 1884 г. положение о пробных лекциях претерпело значительные изменения, и перестало быть обязательным условием для некоторых кандидатов. Что же представляли собой пробные лекции до 1884 г.?

Наиболее сложен вопрос об обязательности чтения таких лекций. Формально это было необходимо лишь для сторонних кандидатов, но в большинстве подтвержденных случаев пробные лекции по всем правилам прочитывались претендентами, известными университету с лучшей стороны (Н.А. Осокин, А.Ф. Кистяковский, В.Н. Палаузов, В.А. Субботин). Некоторые из читавших такие лекции были действительно выпускниками других университетов (Ю.А. Кулаковский, Н.О. Куплеваский, М.Р. Кантакузин-Сперанский, Лебедев Василий Александрович). Однако «известного факультету преподавательскими способностями» магистра уголовного права Н.С. Таганцева, определено было допустить, «освободив от обязанности прочесть пробные лекции»³⁶.

Тем не менее, для тех, кто проходил это испытание, чтение пробных лекций оказывалось исключительно важным моментом начала преподавательской деятельности. Тема одной из них предоставлялась выбору самого кандидата, другую назначал факультет в специальном заседании. Последовательность могла быть разной, начитать допускалось и с темы по своему выбору, и с темы по назначению. Если защита диссертации была больше формальной процедурой, имеющей целью убедить совет университета в компетентности и эрудиции автора, то пробные лекции призваны были обнаружить педагогические способности кандидата. Диссертация сочинялась заранее, ее содержание могло быть многократно откорректировано и выверено, оставалось лишь донести основные моменты до слушателей. Напротив, тема одной из двух пробных лекций задавалась факультетом, чтобы проверить способность претендента быстро собирать, обобщать и излагать материал в виде лекции. Кроме того, пробные лекции проводились перед ауди-

³⁵ Профессор В.И. Модестов... 2014. С. 37–39.

³⁶ Загородников 1994. С. 22.

торией студентов – будущих слушателей приват-доцента, которых он должен был заинтересовать, то есть судей самых строгих. Таким образом, пробные лекции были способом на практике, в естественной среде, определить способности и познания кандидата в приват-доценты.

Восприятие студентами этих лекций закладывало основы их отношения к будущему преподавателю. Неудачи здесь были непростительны и строго карались. По воспоминаниям Лучицкого, из-за того, что вступительная лекция В.Г. Авсеенко «оказалась крайне слабою», студенты на новой сходке решили не посещать впредь его лекций³⁷.

На лекциях могли присутствовать и некоторые из профессоров соответствующего факультета. Так, пробные лекции Н.О. Куплеваского (приват-доцент университета Св. Владимира в 1877–79 гг.) посетил профессор А.Ф. Кистяковский. В своем дневнике он отметил: «Куплеваский после защиты диссертации прочел две публичные лекции: об административной юстиции и о правах лиц, состоящих на государственной службе. Показал себя толковым и солидным умом. В особенности понравился его образ воззрения на права состоящего на государственной службе, который, служа делу, а не лицам, государству, а не начальству, имеет право занимать государственную должность в силу права, а не в силу воли начальства, и не может быть лишен службы по произволу, а только в силу определения суда или такого государственного учреждения, как Государственный совет»³⁸. Изредка в аудиторию могли пожаловать и более высокие гости. На первой лекции Н.А. Осокина побывал сам попечитель Казанского учебного округа П.Д. Шестаков. Признавая кандидата достойным приват-доцентуры, он писал в донесении министру: «Первая его вступительная лекция, на которой я присутствовал, произвела на всех слушавших самое приятное впечатление. Г. Осокин обладает и большой начитанностью, и прекрасным даром излагать ясно, отчетливо и увлекательно»³⁹.

Нельзя с уверенностью судить о том, насколько точно исполнялось положение устава о чтении обеих пробных лекций. В источниках – архивных делах, биографических словарях, печатных университетских изданиях – порой упоминается о двух прочтенных лекциях, иногда об одной. Впрочем, о второй лекции могли просто не упоминать по разным

³⁷ Тарле 1914. С. 47.

³⁸ Кістяківський 1994. Т. 1. С. 403.

³⁹ РГИА. Ф. 733. Оп. 147. Д. 685. Л. 7 Об.

причинам. В любом случае, известны примеры, когда положение устава исполнялось в точности, и прочитывались обе лекции.

Оба чтения обыкновенно укладывались в две недели или несколько больше. И.В. Лучицкий (приват-доцент университета Св. Владимира в 1870–74 гг.) провел первую лекцию 23 сентября, вторую – 8 октября 1870 года. Любопытно, что на подготовку второй лекции (на тему, заданную факультетом) ему было отведено менее 2-х дней: заседание факультета состоялось 6 октября. За оставшиеся полтора дня нужно было собрать материал, составить план лекции и написать текст – задача необычайно сложная. Тем не менее, И.В. Лучицкий блестяще справился с испытанием и составил текст на 14 страниц на тему «Генерал Монк»⁴⁰.

Более плотно были поставлены лекции Ю.А. Кулаковского (приват-доцент университета Св. Владимира в 1881–83 гг.): 16 и 19 октября 1880 года⁴¹. Правда, в этом случае нельзя судить о том, сколько он готовился к лекции по назначению, поскольку нам неизвестна дата факультетского заседания, где была сформулирована тема лекции.

Логично ожидать от лекций с заданной темой, что они будут заметно уступать по научному уровню лекциям по собственному выбору. Забегая вперед, скажем, что в целом эти ожидания оправдываются. Между тем некоторые кандидаты готовили лекцию по назначению довольно серьезно. Широко поставил цель своей лекции Н.А. Осокин: «Историки часто считали Оливера Кромвеля лицемером, создавшим секту, сгубившим короля ради личных выгод, ради достижения престола, злодеем, тираном... Это мнение до сих пор самое ходячее; отголоски его слышатся даже в устах новейших писателей. Отвергнуть это ненаучное мнение будет между прочим целью настоящей лекции». Текст этой лекции пестрит ссылками на источники (мемуары современников), анализ личности Кромвеля предваряется обзором литературы⁴². Но обыкновенно такие лекции оформлялись гораздо проще.

Сама постановка темы свидетельствовала о том, что факультет не стремился возложить на соискателя непосильную задачу. Темы, задаваемые факультетом, носили общеисторический, описательный характер и не затрагивали узкоспециальных вопросов.

Напротив, темы по собственному выбору бывали гораздо уже и прямо относились к интересующей кандидата проблемной сфере науки.

⁴⁰ Две пробные лекции, читанные И. Лучицким... 1870.

⁴¹ Речь перед защитой диссертации... 1881.

⁴² Личный и исторический характер Оливера Кромвеля... 1868. С. 2–3.

Вот несколько характерных примеров: «Мишель Лопиталь и его деятельность по отношению к французским религиозным партиям 16 века», «Император Фридрих II и его отношения к Риму» (что составляло первую главу сочинения уже приготовленного Н.А. Осокиным к печати под заглавием: «Итальянские государи XIII и XIV века»), «Краткий обзор архаизмов у Плавта в связи с влиянием их на критику текста» и др.

Столь же велика была разница в качестве лекций. Недостаточно хорошо ориентируясь в поставленных факультетом темах, соискатели вынуждены были ограничиваться пространными рассуждениями и умозрительными доводами, заключения их имели поверхностный характер, что было неизбежно в этом случае. Вот типичный пример подобной сентенции из лекции И.В. Лучицкого о генерале Монке: «Он совершил переворот без крови, без битв и мог смело назвать себя спасителем отечества. Что восстанавливал он – было не его дело. Власть стала проливать кровь противников... но какое дело было до этого Монку, который получал 15 т.ф. стерл. годового дохода и носил титул светлейшего? Десять лет спустя, в 1670 году, он умер, окруженный уважением всех тех, кто играл роль при новом правительстве»⁴³. Литературные приемы, риторические вопросы и широкие обобщения были слабыми местами этих лекций. Для лекций же по собственному выбору, напротив, характерны преимущественно научный стиль изложения, обилие ссылок на источники и литературу, в том числе иностранную и современную, а также использование результатов собственных научных исследований.

Несмотря на то, что положение о вступительных испытаниях в целом строго выполнялось, удалось обнаружить несколько попыток университетов обойти данные нормы, что неизменно встречало сопротивление министра. Единственный случай снисходительности министра отмечен еще в 1844 г. в отношении первого приват-доцента Московского университета А.С. Ефремова, который не имел степени магистра и не защищал *pro venia legendi*. Напоминая об этом попечителю С.Г. Строганову, товарищ министра П.А. Ширинский-Шихматов допускал назначение Ефремова «частным образом в виде опыта, до получения магистерской степени, если, впрочем, он удовлетворит другим требованиям правил». Вероятно, Ефремов все же защитил *pro venia legendi*, поскольку в 1844/1845 acad. году он «с удовлетворительным успехом» преподавал всеобщую географию студентам 1-го отделения философского факультета. По ходатайству ректора, в августе 1845 года попечитель

⁴³ Две пробные лекции, читанные И. Лучицким... С. 42.

просил товарища министра разрешить вознаградить Ефремова в размере 300 руб. серебром из экономических сумм, что и был исполнено⁴⁴.

Требование защиты *pro venia legendi* было неукоснительным. Так, в 1846 г. С.С. Уваров отказался утверждать одобренное советом и попечителем представление К. Россоловского в приват-доценты Казанского университета для чтения геодезии, сославшись на то, что тот не имеет степени магистра и не защищал диссертацию *pro venia legendi*⁴⁵. Более сложный казус произошел с М.Я. Киттары в 1847 г. Чтобы получить звание приват-доцента для преподавания физической географии, Киттары публично защитил в факультете *pro venia legendi* работу «Органы пищеварения рыб, к роду осетра принадлежащих». Очевидное несоответствие темы диссертации и предполагаемого курса бросилось в глаза попечителю Н.И. Лобачевскому, о чем он и уведомлял министра. Впрочем, добавлял попечитель, в уставе не сказано, что тема диссертации должна соответствовать теме предмета преподавания, а сам он в целом уверен в способностях Киттары и просит назначить его приват-доцентом и дать жалованье 500 рублей. Уваров отказал в ходатайстве, пояснив, что Киттары – магистр зоологии, а не физики. 8 мая Лобачевский снова попытается испросить утверждения Киттары, но теперь – приват-доцентом естественных наук, без жалованья и «без поручения преподавания, покуда надобности в том не представляется»⁴⁶.

Однако даже внешне успешное прохождение всех испытаний не всегда означало утверждения приват-доцентом. Печальный исход имело соискательство в 1851–53 г. доктора медицины, ассистента акушерской клиники Казанского университета П.А. Гильтера. Он сперва успешно защитил докторскую диссертацию, но не получил желаемого штатного места адъюнкта и поэтому должен был представить на факультет еще и диссертацию *pro venia legendi*, которая была единогласно одобрена. Защита прошла хорошо, оппоненты лестно отзывались о работе, а сам министр в конце поздравил Гильтера «в достижении цели». Но затем что-то пошло не так. 8 декабря 1851 г. попечитель доложил министру, что защита Гильтером диссертации *pro venia legendi* признана неудовлетворительной, а сам он – недостойным звания приват-доцента. Это постановление медицинского факультета и совета Казанского университета

⁴⁴ РГИА. Ф. 733. Оп. 33. Д. 2. Л. 13 об–15.

⁴⁵ О назначении кандидата К. Россоловского преподавателем геодезии у-та и об отказе предоставить ему права доцента. РГИА Ф. 733. Оп. 44. Д. 75. Л. 4 Об.

⁴⁶ РГИА. Ф. 733. Оп. 44. Д. 141. Л. 10–12 об.

было оспорено синдиком Олферьевым, который нашел его неполным, а согласие совета с мнением факультета – необоснованным, так как совет не разобрался в деле. Но факультет и совет отвергли это заявление, основываясь на том, что, во-первых, обсуждение научных достоинств и недостатков производится устно, и, во-вторых, протест синдика был подан только 10-го ноября, через 25 дней после составления протокола. С таким определением согласился и попечитель В.П. Молоствов. Несмотря на дальнейшие просьбы Гильтера, обращавшегося напрямую к министру, его так и не утвердили ни в звании приват-доцента, ни в какой-либо штатной должности, на которую Гильтер продолжал надеяться, отправившись за свой счет за границу для подготовки в зарубежных клиниках. На обратном пути в Россию в 1853 г. он скончался⁴⁷.

Причины затруднений в окончательном утверждении кандидата в звании приват-доцента, которые вызывали иногда даже голосование в Совете университета (что с конца 1860-х гг. признавалось министерством незаконным), хорошо охарактеризовал доктор медицины Шенфельд, успешно прошедший всю необходимую процедуру, но также забаллотированный университетом: «...Каждый штатный преподаватель видит в соискателе на звание приват-доцента его будущего соперника, и потому охотно будет допускать только кандидатов, желающих читать лекции по тем предметам, по которым кафедры вакантны и которые не имеют своих представителей в чине штатных профессоров». Эти слова даже удостоились сочувственной пометы чиновника министерства на полях: «Ни один достойный приват-доцент, не партизан шайки, не пройдет»⁴⁸, что, впрочем, никак не отразилось на судьбе Шенфельда, который так и не получил приват-доцентуры.

Итак, вступительные испытания на звание приват-доцента, существовавшие в 1842–1884 гг., были серьезным экзаменом для молодых ученых. Не все кандидаты, формально удовлетворявшие положенным требованиям, достигали успеха. Наиболее значимой с формальной стороны процедурой была защита диссертации *pro venia legendi*. Без нее не обходилось ни одно назначение приват-доцента. Чаще всего защита не представляла трудностей и проходила успешно, но если кандидат по каким-либо причинам не подходил университету, то именно негативная оценка *pro venia legendi* решала его участь. Прочтение двух пробных лекций (в период 1863–84 гг.) по букве закона было необязательным для

⁴⁷ РГИА. Ф. 733. Оп. 46. Д. 12. Л. 33.

⁴⁸ РГИА. Ф. 733. Оп. 147. Д. 677. Л. 12 Об.

лиц, известных университету. Фактически же, именно такие лица составили большинство из известных нам кандидатов, читавших пробные лекции. Эти чтения давали факультету представление о способности кандидата быстро ориентироваться в новом материале и в то же время использовать в преподавании результаты своих научных изысканий, наглядно демонстрируя перенос в Россию «гумбольдтовской» концепции единства исследования и преподавания⁴⁹. И все же, по совокупности, требования, предъявляемые в данный период к приват-доцентам, можно охарактеризовать как слишком обременительные и препятствовавшие развитию института приват-доцентуры⁵⁰. Дополнительную проблему создавало формалистское отношение министерства: требование неуклонного исполнения всех процедур и отказ утвердить ту или иную кандидатуру в обход устава. Преодоление этих проблем стало возможным только после принятия нового общероссийского университетского Устава 1884 г., когда открылась дорога для в подлинном смысле «массовой» приват-доцентуры в российских университетах.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Андреев А.Ю. «Гумбольдт в России»: министерство народного просвещения и немецкие университеты в первой половине XIX века // Российская история. 2004. № 2. С. 37–55.
- Андреев А.Ю., Посохов С.И. (ред.) Университет в Российской империи XVIII – первой половины XIX в. М.: РОССПЭН, 2012. 672 с.
- Биографический словарь профессоров и преподавателей Императорского университета св. Владимира (1834–1884) / Сост. В.С. Иконников. Киев: Изд-во ун-та св. Владимира, 1884.
- Биографический словарь профессоров и преподавателей императорского Казанского университета. Ч. 1–2. Казань: Изд-во Казанского университета, 1904.
- Гиляров-Платонов Н.П. Университетский вопрос [Сб. ст.]. СПб., 1903.
- Две пробные лекции, читанные И. Лучицким для получения звания приват-доцента по всеобщей истории. Киев, 1870.
- Жданов Н.И. Материалы для истории Стоглавого собора // ЖМНП. Ч. CLXXXVI. Отдел наук. СПб., 1876.
- Загородников Н.И. Николай Степанович Таганцев. М.: Наука, 1994. 132 с.
- Иванов А.Е. Ученые степени в Российской империи XVIII в. – 1917 г. М.: ИРИ РАН, 1994. 198 с.
- Кареев Н.И. Прожитое и пережитое. Ленинград: Изд-во Ленинград. ун-та, 1990. 382 с. Личный и исторический характер Оливера Кромвеля. Лекция Н. Осокина. Казань, 1868.

⁴⁹ Андреев 2004.

⁵⁰ О преодолении этих трудностей и развитии преподавательской корпорации в российских университетах после принятия Устава 1884 г. см.: Ростовцев 2013.

- Речь перед защитой диссертации pro venia legendi и две пробные лекции кандидата Московского университета Юлиана Кулаковского. Киев, 1881.
- Кістяківський О. Ф.* Щоденник (1874–1885). Т. 1. Київ: Наукова думка, 1994. 650 с. Критический взгляд на философию Канта. Рассуждение, написанное магистром философии, Сильвестром Гогоцким, для получения звания доцента философии в Императорском Университете Св. Владимира. Киев, 1847.
- Куликовский Д.* Разбор ведийского мифа о соколе, принесшем цветок Сомы, в связи с концепцией речи и экстаза. М., 1882.
- Леонтович Ф.* Крестьяне Юго-Западной России по литовскому праву XV и XVI столетий. Киев, 1863.
- Миллер В. Ф.* Разбор ведийского мифа о соколе, принесшем цветок Сомы, Д. Куликовского. // Журнал министерства народного просвещения. 1883. Ч. 227.
- Надел ветеранов землей и военные поселения в римской империи. Эпиграфическое исследование Юлиана Кулаковского. Представлено для получения звания приват-доцента в университете Св. Владимира. Киев, 1881.
- Овсянко-Куликовский Д. Н.* Воспоминания. Пг., 1923.
- Павлик М.* Михайло Петрович Драгоманов. 1841–1895. Єго юбилей, смерть, автобіографія і спис творів. Львів, 1896.
- Пискунов И. В.* Правовое положение приват-доцентов российских университетов // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Сер. «История. История Русской Православной Церкви». 2014, №4. С. 98–116.
- Профессор В. И. Модестов. Воспоминания, письма. М.: Принципиум, 2014. 426 с.
- Пфаф В.* О формальных договорах древнего римского права. Одесса, 1866.
- Ростовцев Е. А.* Столичный университет в фокусе министерской политики (1884–1890) // Родина. 2013. №10. С. 57–64.
- Сборник постановлений по Министерству народного просвещения. Т. 2–4. СПб., 1864–1876.
- Тарле Е. В.* И. В. Лучицкий // Голос минувшего. М., 1914. № 1. С. 42–61.
- Физико-математический факультет Харьковского университета за 100 лет. Биографический словарь профессоров и преподавателей. Харьков: Изд-во Харьковского университета, 1908.
- Цыганков Д. А.* Московский университет в городском пространстве начала XX в. // Университет и город в России (начало XX века) / Под ред. Т. Маурер и А. Дмитриева. М.: Новое литературное обозрение, 2009. С. 371–459.
- Шофман А. С.* Федор Герасимович Миценко. Казань: Изд-во Казанского университета, 1974. 111 с.
- Экштут С. А.* «Профессор! Ты убог» // Родина. 2006. № 1. С. 26–28.
- Юридический факультет Харьковского университета за первые сто лет его существования (1805–1905). Харьков: Изд-во Харьковского университета, 1908.

REFERENCES

- Andreev A. Yu. «Gumbol'dt v Rossii»: ministerstvo narodnogo prosveshcheniya i nementskie universitety v pervoi polovine XIX veka // Rossiiskaya istoriya. 2004. № 2. S. 37–55.
- Andreev A. Yu., Posokhov S. I. (red.) Universitet v Rossiiskoi imperii XVIII – pervoi poloviny XIX v. M.: ROSSPEN, 2012. 672 s.

- Biograficheskii slovar' professorov i prepodavatelei Imperatorskogo universiteta sv. Vladimira (1834–1884) / Sost. V.S. Ikonnikov. Kiev: Izd-vo un-ta sv. Vladimira, 1884.
- Biograficheskii slovar' professorov i prepodavatelei imperatorskogo Kazanskogo universiteta. Ch. 1–2. Kazan': Izd-vo Kazanskogo universiteta, 1904.
- Gilyarov-Platonov N.P. Universitskii vopros [Sb. st.]. SPb., 1903.
- Dve probnye lektsii, chitannye I. Luchitskim dlya polucheniya zvaniya privat-dotsenta po vseobshchei istorii. Kiev, 1870.
- Zhdanov N.I. Materialy dlya istorii Stoglavogo sobora // ZhMNP. Ch. CLXXXVI. Otdel nauk. SPb., 1876.
- Zagorodnikov N.I. Nikolai Stepanovich Tagantsev. M.: Nauka, 1994. 132 s.
- Ivanov A.E. Uchenye stepeni v Rossiiskoi imperii XVIII v. – 1917 g. M.: IRI RAN, 1994. 198 s.
- Kareev N.I. Prozhitoe i perezhitoe. Leningrad: Izd-vo Leningrad. un-ta, 1990. 382 s.
- Lichnyi i istoricheskii kharakter Olivera Kromvelya. Lektsiya N.Osokina. Kazan', 1868.
- Rech' pered zashchitoi dissertatsii pro venia legendi i dve probnye lektsii kandidata Moskovskogo universiteta Yuliana Kulakovskogo. Kiev, 1881.
- Kistyakivskii O.F. Shchodennik (1874–1885). T. 1. Kii: Naukova dumka, 1994. 650 s.
- Kriticheskii vzglyad na filosofiyu Kanta. Rassuzhdenie, napisannoe magistrrom filosofii, Sil'vestrom Gogotskim, dlya polucheniya zvaniya dotsenta filosofii v Imperatorskom Universitete Sv. Vladimira. Kiev, 1847.
- Kulikovskii D. Razbor vediiskogo mifa o sokole, prinesshem tsvetok Somy, v svyazi s kontseptsiei rechi i ekstaza. M., 1882.
- Leontovich F. Krest'yane Yugo-Zapadnoi Rossii po litovskomu pravu XV i XVI stoletii. Kiev, 1863.
- Miller V.F. Razbor vediiskogo mifa o sokole, prinesshem tsvetok Somy, D. Kulikovskogo // Zhurnal ministerstva narodnogo prosveshcheniya. 1883. Ch. 227.
- Nadel veteranov zemlei i voennye poseleniya v rimskoi imperii. Epigraficheskoe issledovanie Yuliana Kulakovskogo. Predstavleno dlya polucheniya zvaniya privat-dotsenta v universitete Sv. Vladimira. Kiev, 1881.
- Ovsyaniko-Kulikovskii D. N. Vospominaniya. Pg., 1923.
- Pavlik M. Mikhailo Petrovich Dragomanov. 1841-1895. Ego yubilei, smert', avtobiografiya i spis tvoriv. L'viv, 1896.
- Piskunov I.V. Pravovoe polozenie privat-dotsentov rossiiskikh universitetov // Vestnik Pravoslavnogo Svyato-Tikhonovskogo gumanitarnogo universiteta. Ser. «Istoriya. Istoriya Russkoi Pravoslavnoi Tserkvi». 2014, № 4. S. 98–116.
- Professor V.I. Modestov. Vospominaniya, pis'ma. M.: Printsipium, 2014. 426 s.
- Pfaf V. O formal'nykh dogovorakh drevnego rimskogo prava. Odessa, 1866.
- Rostovtsev E.A. Stolichnyi universitet v fokuse ministerskoi politiki (1884–1890) // Rodina. 2013. № 10. S. 57–64.
- Sbornik postanovlenii po Ministerstvu narodnogo prosveshcheniya. T. 2–4. SPb., 1864–1876.
- Tarle E.V. I.V. Luchitskii // Golos minuvshogo. M., 1914. № 1. S. 42–61.
- Fiziko-matematicheskii fakul'tet Khar'kovskogo universiteta za 100 let. Biograficheskii slovar' professorov i prepodavatelei. Khar'kov: Izd-vo Khar'kovskogo universiteta, 1908.

Tsygankov D.A. Moskovskii universitet v gorodskom prostranstve nachala XX v. // Universitet i gorod v Rossii (nachalo XX veka) / Pod red. T. Maurer i A. Dmitrieva. M.: Novoe literaturnoe obozrenie, 2009. S. 371–459.

Shofman A.S. Fedor Gerasimovich Mishchenko. Kazan': Izd-vo Kazanskogo universiteta, 1974. 111 s.

Ekshtut S.A. «Professor! Ty ubog» // Rodina. 2006. № 1. S. 26–28.

Yuridicheskii fakul'tet Khar'kovskogo universiteta za pervye sto let ego sushchestvovaniya (1805–1905). Khar'kov: Izd-vo Khar'kovskogo universiteta, 1908.

Илья Владимирович Пискунов, аспирант исторического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова; priere@yandex.ru

How one was to become a Privatdozent in Russia?

The article is focused on Russian Privatdozents, a class of part-time university lecturers at Russian universities in the 19th c., which has not received a good deal of scholarly attention, although it played an important role in the teaching process. The author analyses the criteria and requirements to be met in order to obtain demands to achieve the title of Privatdozent in Russia at the early stage of beginning of its existence (1843–1884), as well as the practices of promotion to this title through the “entrance examinations”. The difficulties and conflicts on the way to the title of Privatdozent at Russian universities are explored, as well as the influence of such practices on the further development of university staff in Russia.

Keywords: Russia, universities, Privatdozent, teaching, dissertation, promotion, lecture.

Ilya Piskunov, postgraduate student, Faculty of History, Moscow Lomonosov State University, priere@yandex.ru

З. С. ГАТИНА, Д. М. ГРЕБЕНКИНА

ЛИЧНЫЕ ВОСПОМИНАНИЯ О ПОСТСОВЕТСКИХ УНИВЕРСИТЕТАХ И АРХИВ ПРОФЕССОРСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ

В статье анализируется язык и способы самоописания современного российского академического сообщества¹. Авторы данной работы на основе интервью с преподавателями постсоветских университетов пытаются определить, существует ли в сознании университетского людей представление о традиции, каковы их темпоральные ощущения, каким образом формируются индивидуальные воспоминания и как они соотносятся с коллективными представлениями об идеальном университете.

Ключевые слова: *устная история, интервью, академическое сообщество, традиция, постсоветский университет.*

Кризис, настигший российские вузы в конце 1980-х гг. еще не стал предметом специального изучения. Он зафиксирован, в основном, в журнальных публикациях, распорядительных документах и статистических отчетах. Однако эти виды источников не позволяют понять, как университетские люди осмыслили радикальные перемены в их жизни, какие уроки извлекали из них, как соотносили свою жизнь и жизнь *alma mater*. Журналистов интересует не прошлое, а значимые перемены в настоящем, поэтому из массы свидетельств они выбирают наиболее радикальные. В текстах законов и министерских распоряжениях от противоречивой реальности остаются лишь следы последовательных институциональных трансформаций (переименования прежних и учреждение новых университетов, многочисленные реорганизации вузов).

Статистические сборники лучше зафиксировали пульсацию университетских перемен². Мы будем их использовать в качестве «фигуры фона». Согласно официальной статистике, в начале 1990-х гг. больше всего университетских преподавателей работало в Москве. В последующие годы наметилась тенденция к снижению доли столичных ученых в общей массе вузовских работников: если в 1990 г. в Москве было сосредоточено 20% всего преподавательского состава, то в 2003 г. данный

¹ Данное научное исследование (№ 14-05-0061) выполнено при поддержке Программы «Научный фонд НИУ ВШЭ» в 2014 г.

² Мы анализировали данные из статистических изданий: «Образование в России» за 2003 год, (см. на сайте Федеральной службы государственной статистики (http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/publications/catalog/doc_1139916150203), и «Образование в Российской Федерации» за 2010 год.

показатель упал до 17,8%. Кроме Москвы в постперестроечное время центрами «сосредоточения» вузов были Ростовская область, Республика Татарстан, Свердловская область. В Ростовской области было прописано 3%, в Республике Татарстан – 2,5% и в Свердловской области – 2,6–2,9% всех российских преподавателей. В нулевые годы нынешнего века начался интенсивный рост численности вузов и их служащих. Если с 1990 по 2000 г. прирост за год составлял примерно 4 тыс. чел., то с 2000 по 2007 г. прирост составлял 6–19 тыс. чел. в год. Исключение – 2008/9 учебный год, когда прирост штатного состава был менее тысячи человек. В 1990–2003 гг. доля преподавателей с ученой степенью почти не менялась (57%), тогда как с 2003 по 2009 г. шло резкое увеличение числа остепененных лекторов. К 2009 г. этот показатель вырос до 63%³.

Статистика позволяет убедиться в том, что в постсоветские времена академические сообщества претерпели довольно сильные трансформации: изменилось гендерное и возрастное представительство, соотношение ученых званий и ученых степеней, преподавателей и студентов, географическое распределение вузов, объем учебной нагрузки. Из официальных отчетов явствует, что в 1998–2003 гг. в вузах доминировали преподаватели в возрастном диапазоне от 40 до 49 лет. Чуть меньшей по представительству была возрастная группа от 50 до 59 лет. Вместе они составляли около 50% всего преподавательского состава. Самая малочисленная возрастная группа – 65 лет и более. Если совместить анализ возрастных данных штатных сотрудников с их должностями, то получается следующая картина: более 50% состоящих в должностях преподавателей и ассистентов были молодыми людьми в возрасте до 30 лет; среди старших преподавателей возрастные доли распределялись равномерно – от 30 до 39, от 40 до 49, от 50 до 59 лет. Доценты были самой разновозрастной группой. А среди профессоров преобладали люди от 65 лет и старше. Заведовали кафедрами коллеги в возрасте от 40 до 59 лет, и в 20% случаев – перешедшие 65 летний рубеж. Среди деканов 60% составляла группа от 40 до 59 лет. Такая же возрастная ситуация с ректорами, проректорами и директорами филиалов⁴.

В период с 1995 по 2009 г. большинство вузовских преподавателей работали в должности старших преподавателей и доцентов. С 1995 до 2003 г. доценты составляли около 36% всего персонала вузов. К 2009 г. их доля выросла до 40%. Старшие преподаватели составляли 23%, а

³ Образование в России 2003. Табл. 5.23; 5.14; Образование в Российской Федерации 2010. С. 152. Табл. 4.38.

⁴ Образование в России. 2003. Табл. 5.16.

после 2003 г. их доля стала снижаться и к 2009 г. составила 21,7%. Почти не менялась доля преподавателей и ассистентов с 1995 по 2003 г. (около 20%), но с 2003 г. она стала снижаться и в 2009 г. составила уже 16,3%. Университетская административная элита (ректоры, проректоры и деканы) составляли 2% от всего профессорско-преподавательского состава. В интересующий нас период отмечается незначительный, но устойчивый рост числа профессоров. В 1995 г. 14,6 тыс. преподавателей (6%) имели звание профессора. В 2003 г. их стало 25,9 тыс. (8,8%), а в 2009 г. – 35,7 тыс. (10%)⁵.

Такова картина перемен, увиденная с «высоты птичьего полета», т.е. на основе университетских отчетов и данных общероссийской статистики. Казалось бы, более конкретную картину можно воссоздать на основе университетского делопроизводства. Однако такие ожидания не оправдались. В России в государственные архивы отбираются вполне определенные виды текстов. В них хранятся министерские распоряжения, протоколы заседаний, ведомости об успеваемости, личные дела сотрудников и студентов, финансовые отчеты⁶. В 1990–2000-е гг. во многих «старых» университетах система документооборота и архивирования начала давать сбои (в архивы не сдавались документы из факультетских и университетских канцелярий, на многих кафедрах не велись протоколы заседаний), а в новых университетах система делопроизводства еще не была налажена. В результате этого целые фрагменты университетской жизни оказались безвозвратно утеряны для исследователей. Конечно, современные средства коммуникации (к примеру, телефонные разговоры, электронная переписка) могли бы восполнить информационный дефицит. Однако зафиксировать и использовать их свидетельства – трудно выполнимая задача для историка. В результате мы имеем дело с очевидной лакуной в изучении столь насыщенного событиями и неординарными инициативами времени.

Всё это побудило Научно-учебную группу по изучению истории постсоветских университетов НИУ «Высшая школа экономики» (рук. – Е.А. Вишленкова) искать альтернативные пути для получения сведений о современной истории университетов⁷. Ради этого мы приступили к

⁵ Образование в России. 2003. Табл. 5.15; Образование в Российской Федерации 2010. С. 152. Табл. 4.39.

⁶ Вишленкова, Ильина 2013; Vishlenkova 2012; Ильина 2011.

⁷ В 2014 г. студенческая группа Центра университетских исследований Института гуманитарных историко-теоретических исследований им. А.В. Полетаева (НИУ ВШЭ) обрела автономный статус и начала реализацию собственного исследовательского проекта «История и память российских университетов 1980-2000-х годов».

созданию «архива университетской идентичности», т.е. к собиранию персональных текстов людей, имеющих опыт университетской жизни (от представителей администрации и профессорско-преподавательского состава до технических работников). Изучение мирового опыта создания таких коллекций показывает, что, как правило, они организованы вокруг какого-либо политического события (например, войны) или социальной группы⁸. В этих хранилищах аккумулируются мемуары, интервью, автобиографии, устные рассказы, личные документы и биографические тексты, т.е. всё то, что игнорирует государственная архивная служба. Намеренность создания архивов идентичностей сопоставима с намеренностью учреждения государственных архивов. В обоих случаях мы имеем дело с дискурсивно организованными комплексами свидетельств. Это обстоятельство ставит собранные нами рассказы в равное положение с прочими историческими источниками.

Интервью

Такие преимущества устных источников, как отсутствие проблем в установлении авторства, сохранение непосредственных впечатлений и искренности, свойственных разговорной речи, возможность обращения к жизненному опыту человека, сделали метод *oral history* особенно привлекательным для исследователей культуры. Студенческая группа Центра университетских исследований стимулировала воспоминания университетских людей в устной беседе или посредством отправленного по электронной почте вопросника. Мы договаривались о встрече и получении интервью с профессорами и доцентами университетов, а также с представителями научных организаций и фондов. Гид, которым руководствовался каждый интервьюер, включал двенадцать вопросов:

1. *Расскажите немного о себе. Кто были Ваши родители? Что значило в Вашей семье высшее образование?*

2. *Существовала ли мода в выборе специальности, когда Вы сами поступали в университет? Как определился Ваш выбор?*

3. *Почему Вы стали университетским преподавателем?*

4. *Каким был Ваш университет в 1980-е годы? Можете ли выделить какие-то особенности? значимые события? поворотные моменты? Какую позицию в нем Вы занимали?*

5. *Как управлялся университет в те годы? Как финансировали науку?*

6. *Как он изменился в годы перестройки? Как изменилось Ваше место в нем? Какие тогда были условия преподавательского труда? С какими трудностями Вам приходилось сталкиваться? В чем они выражались? Как Вы их преодолевали?*

⁸ Blouin, Rosenberg 2010. Подобные архивы собирают студенты под руководством профессора Н.В. Брагинской в РГГУ, профессора Н.А. Захарова в МГУ.

7. Чем отличался университет 2000-х гг. от советского времени? Какие тенденции в нем Вас радовали и настораживали?

8. Что происходит с российскими университетами сегодня? Есть ли преемственность между императорскими, советскими, перестроечными и постсоветскими университетами?

9. В чем, по-Вашему, настоящее назначение университета?

10. Предполагали ли Вы когда-либо уехать из своего родного города и перейти на другую работу?

11. Были ли Вы включены в систему западных и отечественных грантов? В чем достоинства и недостатки такой системы финансирования науки?

12. Какие факультеты считаются главными и какие - второстепенными в Вашем университете?

Разумеется, эти вопросы служили, скорее, ориентиром, чем жесткой схемой в беседе. Зачастую итоговый текст отличался от исходной модели, поскольку интервью – это разговор с живым человеком. И направление этой беседы может соответствовать ожиданиям интервьюера, а может и расходиться с ними. Среди опрошенных – представители профессорско-преподавательского состава, бывшие и ныне действующие ректоры, их помощники, научные сотрудники. Возрастной диапазон информантов – от 35 до 80 лет. Самые молодые принадлежат к поколению людей, недавно вступивших на преподавательскую должность, чье становление пришлось на перестроечные 1990-е гг. Среди почтенных преподавателей есть те, кто уже не одно десятилетие находится на пенсии и не занимается студентами. К июню 2014 года собрано 101 интервью. Примерно треть из них с согласия информантов опубликована на сайте Центра университетских исследований⁹.

Среди опрошенных мужчин 62 и 39 женщин. Их средний возраст – 58,5 лет. Около 53% информантов указали специализацию история, 9% – философия, 5% – филология и 4% – психология. Конечно, есть и представители точных наук, но их меньшинство: 86 из 101 опрошенных – гуманитарии. 48 информантов – доктора наук, 37 – кандидаты наук, 16 – не указали ученую степень, либо ее не имеют. Из 100 опрошенных 49 работают в НИУ ВШЭ, 5 – в МГУ, 7 – в СПбГУ. В Казанском университете и других казанских ВУЗах работают 10 информантов, в Омске – 5. Среди опрошенных есть также преподаватели Российского государственного гуманитарного университета, Института США и Канады РАН, МГПУ, Марийского госуниверситета, университетов Чувашии, Якутии, Ростовской области и других регионов.

В результате основным источником наших исследований по истории постсоветских университетов служат полуформализованные и нар-

⁹ Интервью по истории университетов: <http://igiti.hse.ru/unimemory/interview>.

ративные интервью, а способом их обработки – «обоснованная теория», при которой мы моделируем гипотезу при постоянном расширении и обновлении базы данных. В статье мы рассмотрим вопрос о границах применимости методов устной истории к изучению академических сообществ и, при этом, во-первых, будем ориентироваться на теоретические разработки в области устной истории (oral history), истории жизни (life story), культурных исследований и исторической социологии; а, во-вторых, сопоставлять их с полученными нами результатами опросов. Большую помощь нам оказал один из основоположников устной истории Лутц Нитхаммер¹⁰, дав несколько важных советов и поделившись личным опытом работы с такой высокореклексивной группой информантов, как университетские преподаватели и научные сотрудники¹¹.

Задачи интервьюеров

С одной стороны, мы ставили перед собой практическую цель получить свидетельства по истории постсоветских университетов, а с другой, имели в виду перспективу проведения на их основе исследования и создание нарратива университетского пошлого. Априорно мы подразумевали интерпретацию понятия «университет», которое давали его «обитатели» и расшифровку смыслов академической жизни, которые они предлагали. Такая установка потребовала не только анализа языка университетского самоописания, расслоения коллективной мифологии на индивидуальные и групповые интересы и версии прошлого, изучения персональных стратегий карьеры, но и последующего синтеза этих свидетельств в аналитический рассказ о постсоветских университетах. Мы назвали такой синтез «новым», имея в виду создание исторического нарратива с пониманием дискурсивной природы полученных свидетельств. Выбранный подход нуждается в учете социальной и профессиональной специфики нашей группы информантов.

Устная история как исследовательское направление появилась, когда возникла необходимость зафиксировать быстро меняющееся настоящее. Когда историки осознали, что вместе с уходом из жизни участников событий уходит их память, тогда возникла идея зафиксировать ее, обратиться к голосам «снизу». Л. Нитхаммер уверяет, что наивность в саморепрезентации, которой обладают рабочий или крестьянин, облегчает исследователю извлечение из услышанного рассказа информации. И, наоборот, этот процесс усложняется, когда собеседником выступает

¹⁰ Нитхаммер 2012; Niethammer 1980; Niethammer 1994; Niethammer 2012.

¹¹ Интервью было взято руководителем студенческой лаборатории Центра университетских исследований Зариной Гатиной 18 октября 2013 года. Оно опубликовано на сайте этого Центра (<http://igiti.hse.ru/unimemory/int-nithammer>).

человек, оценивающий конечный продукт. Университетский преподаватель при построении рассказа о себе оперирует коммуникативными навыками, свойственными представителям высокорефлексивной группы. Преподаватели по долгу службы вынуждены постоянно прибегать к практикам саморепрезентации, что позволяет им контролировать процесс беседы. С другой стороны, когда нет реальной угрозы, единственным сдерживающим фактором для откровенности служит стремление сохранить престиж. Ради его поддержания человек выбирает одну из двух тактик: «либо повторяет коллективный миф о том, как все рухнуло и все сломалось, или человек изображает себя каким-то экстремально исключительным, уникальным». Вторая особенность, которую нужно в этом случае учитывать, заключается в возможностях и ловушках человеческой памяти. Необходимо уметь различать «память» как психическую функцию, биохимический процесс переработки и хранения информации, и «память» как процесс воспоминания. Память не может воспроизвести реальность прошлого, она может лишь указать на то, что вызвало переживание этой реальности. Исходя из этого, следует задавать вопросы, запускающие работу эпизодической памяти, которая предохраняет информанта от соблазна транслировать не свои воспоминания, а воспоминания, навязанные обществом, скажем, официальную или литературную версию прошлого¹².

Конечно, методология, разработанная в рамках устной истории, несовершенна. Любое интервью – это рассказ человека о пережитом, о личном опыте. Качество и результат интервью, степень оправданности ожиданий исследователя зависят от множества нюансов, начиная от характера сформулированных вопросов и заканчивая настроением информанта. Психологически важно найти подход к собеседнику, предварительно познакомиться с ним по его публикациям и автобиографическим текстам, а если понадобится, то разработать индивидуальный вопросник. Специалисты в области устной истории¹³ продолжают совершенствовать способы обработки устных свидетельств и расширяют поле применения интервью. При этом особое внимание уделяется способам стимулирования памяти у опрашиваемого, мобилизации его воспоминаний, а также обучению мастерству интервьюирования в целом.

Согласно выводам теоретиков *oral history*, существует три показателя, на которые надо обращать внимание при раскодировании тек-

¹² Интервью с Л. Нитхаммером, 20 октября 2013.

¹³ Томпсон 2003; Квале 2003; Щеглова 2010. См. также: Нитхаммер 2012. Существует и целый ряд интернет-ресурсов, знакомящих читателя с новейшими подходами в этой области: <http://www.oralhistory.org/publications/>.

стов: принадлежность к определенному поколению, полу и наличие переломных моментов в жизни. Действительно, через рассказы о поколенческих конфликтах и взаимоотношениях между «старым» и «новым» выстраивается изломанная линия преемственности или разрывов в университетском прошлом. Довольно часто информанты конструировали «поколения» на основе гендерных стереотипов (например, преподаватель-мужчина описывает себя в роли добытчика, и все его повествование о трудностях академической жизни имеет финансовую или коммерческую окраску – конкретные примеры будут приведены ниже). Преподаватель-женщина, как правило, подчеркивает материнские обязанности. Ее жизнь фрагментирована не только вехами научной карьеры, но и замужеством, появлением детей и внуков.

Что касается обращения к экзистенциальным, переломным моментам, то по Л. Нитхаммеру, они «бывают в жизни каждого человека, в том числе в жизни каждого университетского человека». Верный способ пробудить воспоминания и получить интересующую информацию заключается в том, чтобы «спросить о том длительном времени, когда он готовился к университетской карьере и сопоставить его с такими личными вещами, как создание семьи, выращивание детей». Все, что остается исследователю, – держать в голове все особенности, свойственные представителям академической среды, и использовать их с максимальной выгодой так, чтобы они играли не против него, а за него.

Учитывая все сказанное, мы постарались проблематизировать язык и способы самоописания академического сообщества. В частности, нас интересовало, есть ли у данного информанта представление о традиции, частью которой он является. И если да, то, что это: некие базовые ценности, содержание которых не совсем ясно, но наличие четко улавливается, или же нечто конкретное, проявляющее себя в любом университете в любое время и имеющее непосредственное влияние на данного человека? Что представляет собой, по мнению информантов, «университетская культура»? О ней ведь много пишут журналисты, к ней как ценности апеллируют почти все преподаватели.

Одной из наиболее сложных задач было выяснить темпоральные ощущения университетских людей. В своих исследованиях Е.А. Вишленкова писала о синхронизации в сознании профессора XIX века своей личной жизни с большой жизнью *alma mater*, о выходе университетского существования за пределы человеческого времени¹⁴. Мы пытались определить, являются ли эти ощущения университетского

¹⁴ Вишленкова 2011.

человека вневременными? Что служит для современных профессоров и доцентов точками бифуркации или цезурами, позволяющими сегментировать академическую жизнь на периоды? Мы хотели узнать, как видят преподаватели свою ответственность за университет (т.е. понять их субъектность), как индивидуальные воспоминания соотносятся с коллективными представлениями об идеальном университете и реальном университетском прошлом, чем является университет для его нынешних «обитателей»: государственным учреждением, храмом наук, домом, сообществом профессионалов, самоуправляющейся корпорацией, научной лабораторией, хранилищем культурных ценностей.

В данной публикации мы представляем не итоги исследования, а предварительные наблюдения и выводы. Для нас важно обратить внимание историков на собранные нами тексты интервью. Они представляют собой сложносоставной и ценный источник для изучения университетского прошлого. Их раскодирование и анализ позволяет узнать много нового о самих себе и о своем месте в университете, а также о месте университета в нашем сознании.

Языки самоописания

В собранных интервью информанты соотносят себя с разными поколениями, что особенно заметно в рассказах о семейной и научной традиции, частью которых рассказчик себя мыслит. Первая связана с ролью высшего образования в конкретной семье. Для тех, в чьих семьях высшее образование было нормой, типичными являются утверждения: «образование в нашей семье было самим собой разумеющимся понятием» (А.Б. Каменский, Л.Б. Карачурина), «стремление к образованию было присуще нашей семье» (Г.А. Чмутова), «как же иначе без высшего образования» (В.К. Антонова), «в моей семье высшее образование всегда считалось необходимостью» (А.К. Афанасьев), «у меня в семье было принято получать высшее образование» (И.И. Варьяш). Представители этой группы выросли в среде, где университет был этапом взросления¹⁵. В тех семьях, для которых какая-либо специализация была потомственной, продолжение фамильной линии считалось обязанностью детей («Я несколько раз менял место жительства и характер своей работы, но как ни пытался уйти от семейной традиции – преподавать историю – это у меня не получилось»: А.Л. Камалов), а отклонение от нее трактуется в категориях измены («То есть я из семьи медиков, но немного предала медицинскую традицию»: Н.А. Заигрина). Вторая категория информантов, чьи родители не имели высшего образования, репрезентируют себя

¹⁵ Е.А. Вишленкова, Н.В. Семина, Н.Ю. Беляева

либо в качестве первопроходца, либо ссылаются на волю случая. При этом для их родителей было важно дать ребенку то, что не имели сами, но ценили («единственная возможность преуспеть в жизни»: М.Ю. Гребенкин, «кусоч хлеба»: И.С. Дмитриев, «во что бы то ни стало»: А.Е. Иванов). Наличие высшего образования могло определять характер взаимоотношений между членами одной семьи, сплачивая или, наоборот, его отсутствие вызывало неравенство, обиды или размолвки (М.Ю. Гребенкин). В интервью университетских администраторов (ректоров, помощников ректоров и деканов) часто звучат метафоры семьи – отца или матери, которым приходится, с одной стороны, учитывать интересы младших членов, с другой – быть строгими контролерами (А.Б. Каменский, М.А. Боровская). Те же метафоры охотно используются информантами при описании «славных начальников». Так, В.И. Харитонова, рассказывая о своем заведующем кафедры, вспоминает: «он пекся о нас же – бедных и несчастных, чтобы потом где-нибудь чего-нибудь не вышло... Он берег нас всех».

В иной связи тема поколений возникает в сюжете о научных школах. Тогда информанты вводят в рассказ о себе хронологические категории. Так, В.В. Файер соотносит себя с поколением людей, чье становление пришлось на 1990-е гг. Неоднократно используя определение «представитель своего поколения» / «нетипичный представитель своего поколения», он сравнивает себя с поколением своих учителей. Другой линией разграничения оказываются представители «старой формации», демонстрирующие профессиональную непригодность, и современные преподаватели, более демократичные и гибкие. Соотнесение себя с определенным научным поколением происходит через придание своим мыслям и поступкам надындивидуального, группового характера: «это трудно объяснить словами, но каждый выпускник 1960–1970-х годов скажет вам то же самое» (Л.М. Лященко), «в свое время у нас» (М.Х. Салахов), «я как раз являюсь поколением перестройки» (И.И. Варьяш) и др.

Анализ собранных интервью показывает, что преподаватели довольно часто используют понятие «традиция», применяя его как в бытовом, так и в аналитическом значении¹⁶. Для части из них это понятие тесно связано с категорией преемственности, линию которой они протягивают от XIX или даже XVIII в. через советскую эпоху к современности. Традиция выступает базовой ценностью, устойчивой перед лицом изменений, происходивших в советское время. Большая часть

¹⁶ О различиях в прагматике этого термина см: Вишленкова, Дмитриев. 2013.

из тех, с кем нам удалось пообщаться¹⁷, отмечает, что преемственность в университете возможна благодаря конкретным «интеллектуальнейшим» людям, «носителям передовых идей», формирующим кафедры, факультеты, научные школы и направления, передающим знания и культурные ценности через общение и книги. Среди тех информантов, кто не видит преемственности в истории российских университетов, одни связывают это с непохожестью конкретных учебных заведений на предшественников, другие – с трансформацией понятия «университет» «в таком старом добром значении этого слова» (В.В. Савчук), либо с приостановкой воспроизводства новых кадров (Е.С. Заварина).

Часть информантов утверждает преемственность нынешних университетов от их предшественников через вневременные категории. Так, для А.Б. Каменского университет априорно консервативен. Говоря о статусе вузов, их финансировании, организации учебного процесса, о доминировании преподавателей преклонного возраста, он констатирует: «это *всегда* было так». Столь же вневременной кажется университетская жизнь: «Отчетность всевозможная мучила преподавателей *всегда* и продолжает мучить их и сейчас» (А.Б. Каменский). К категории «так было испокон веков и сохраняется до сих пор» (Г.А. Чмутова) преподаватели относят все, что связано с неотъемлемыми характеристиками академии («относительная интеллектуальная свобода» (Р.М. Шукуров), «высокое отношение к жизни, к делу и друг другу» (Г.А. Чмутова)), образом профессора (И.Н. Данилевский, Р.М. Шукуров), атрибутами профессии преподавателя (малооплачиваемость: А.Л. Доброхотов), назначением университета (В.К. Антонова, И.П. Кулакова).

Во многих интервью преемственность являет себя через повторяемость конкретных событий, «университетских обычаев» и «заведенных ритуалов» и представляет собой нечто передающееся из поколения в поколение. Это могут быть журналы для интеллигенции (А.Б. Каменский), идеи научной школы (Ю.А. Иваненко), тенденции в преподавании (А.Е. Иванов), обучении, профессии (А.К. Афанасьев). Примерами заведенных ритуалов служат упоминания учителей в научных работах (И.П. Кулакова), а также осенний сбор картошки у первокурсников (А.Б. Каширин) и слет поклонников авторской песни (А.Г. Васильев). Гораздо реже преемственность понимается в абстрактных категориях. Для М.Ю. Гребенкина единственным хранителем и транслятором тра-

¹⁷ К примеру, О.В. Кучмаева, Т.С. Исмагилова, В.К. Антонова, Е.Н. Моргачева, А.Б. Каширин, И.И. Варьяш, О.С. Воскобойников, А.Е. Иванов, Б.И. Липский, М.Ю. Гребенкин, Ю.А. Иваненко.

дий является преподавательская среда, которая ценит «особый университетский дух, высокий личный уровень культуры, некоторое стремление сохранить научную порядочность». Для В.В. Файера понятие традиции несет в себе не только позитивные, но и негативные коннотации: оно активно эксплуатируется Московским государственным университетом в рекламных целях. МГУ позиционирует себя хранителем университетских традиций, выполняя при этом роль консерватора «традиционных [то есть архаичных] форм академической деятельности, традиционных форм академических взаимоотношений».

Понятие «университетская культура» информанты используют крайне редко. Судя по контексту, вместо «культуры» они предпочитают говорить о «тенденции», «тренде», «культурном проекте» (В.В. Файер).

Хронология

Задавая вопрос о том, могут ли преподаватели выделить какие-либо периоды в истории университета, мы не рассчитывали получить ответы с четкой хронологической разбивкой. Однако некоторые информанты предложили оригинальные варианты периодизации истории постсоветских университетов, опираясь на какой-то один наиболее важный для них критерий. Так, С.Б. Крих делит пережитое университетское прошлое на три периода (1993–2000, 2000–2006 и с 2007 г.) и объясняет, что менялось в каждом из них с точки зрения ориентации системы высшего образования и государственного контроля над ней. Деление университетской истории Н.Е. Покровского по десятилетиям доказывает его убеждение, что произошла подмена просветительских идеалов «менеджментом интеллектуального процесса». С.П. Бычков организует разнородные события пережитого прошлого линией упадка.

При всем разнообразии способов осмысления времени есть общие моменты во всех интервью, связанные с дисциплинарной спецификой работы информанта и качеством его жизни. Для научной работы было важно, что в 1990-е гг. исчез из университетского преподавания целый ряд идеологизированных дисциплин и появилась свобода мысли и обучения (В.И. Ильин). Во всех иных ситуациях самым главным оказывался уровень дохода. 1980–2000-е гг. информанты делят на три периода: позднесоветский – с достойными зарплатами, перестроечный – период «униженной нищеты» и современный – постепенный рост статуса и качества жизни преподавателя (А.Т. Липатов, Ю.А. Иваненко).

Почти у всех информантов публичная и приватная жизнь тесно переплетены. Неслучайно поэтому этапы, на которые они делят процесс становления себя как личности и свою семейную жизнь, часто совпадают с представлениями об этапах развития университета. Иногда – в об-

ратном порядке: если в жизни конкретного человека всё складывалось успешно, значит, университет в те годы процветал (А.Л. Камалов). Люди старшего поколения, особенно те, кто связал свою жизнь с одним учебным заведением, видят себя свидетелями «всех этапов развития и распада» университета. Можно выделить разные версии деления академической жизни. Первая, «профессиональная», сводится к двум-трем периодам: вхождения в университет, его обживания и нахождения в нем. Информант в таком случае выделяет этап поступления и обучения в университете, в т.ч. в аспирантуре¹⁸. На этот период приходятся первый опыт преподавания. Второй этап – утверждение в академическом сообществе в качестве лаборанта, преподавателя, научного сотрудника, заведующего кафедрой¹⁹. Точками опоры при делении университетской истории на периоды выступают некие важные моменты. Такими моментами выступают идеологические, политические трансформации, а также изменения в информационной среде и отношении к профессуре 1980-х (А.Б. Каменский) и 1990-х гг.²⁰, визуальный переход (В.В. Файер), переход от культуры книги к культуре Интернета (А.М. Руткевич) и др. Иногда речь может идти о каком-то одном конкретном событии, как

¹⁸ Согласно Росстату, в 2000-2008 гг. оканчивали аспирантуру с защитой диссертации лишь 22–33,5% обучающихся. В научно-исследовательских институтах 17,5–22,9% защищали диссертацию после аспирантуры. Спад отмечается в 2001 г., а с 2002 по 2006 г. наблюдается рост. С 2006 до 2008 г. проявилась тенденция к снижению этого показателя до 28,1%. В научных институтах динамика защищенных кандидатских колеблется почти каждый год, то понижаясь, то вновь продолжая расти (Образование в Российской Федерации 2010 С. 431. Табл. 8.4.15). Наибольшее число защищенных докторских диссертаций с 2000 по 2008 г. приходится на представителей технических наук. Как минимум в три раза меньше у соискателей степени физико-математических, педагогических и медицинских наук. Защищенных исторических, философских и филологических диссертаций меньше технических в 4-7 раз. В 2000 г. было защищено по всей стране 486 диссертаций, в 2001 г. данный показатель упал до 397, позже до 2005 г. наблюдался рост (516 диссертаций в 2005 г.), с 2006 по 2008 г. оды наблюдается очевидный спад (в 2008 г. всего 297 защищенных докторских диссертаций). (Образование в Российской Федерации 2010. С. 444. Табл. 8.4.30). Стоит обратить внимание на тот факт, что в 1990 г. кандидатов наук было в среднем в 8 раз больше, чем докторов наук. За последующее десятилетие соотношение резко изменилось. Так, уже с 2001 по 2009 г. кандидатов наук стало больше, чем докторов всего в 4 раза. Аналогичная ситуация имела место среди людей, имеющих ученое звание доцента и профессора. Если на 1990 год доцентов было в 5,6 раз больше, чем профессоров, то с 2001 по 2009 г. – только в 3 раза. За 1990-2009 гг. из общего штата преподавателей ученую степень имели в среднем 57-63%, а ученое звание 38-43% (Образование в Российской Федерации 2010. С. 152. Табл. 4.38).

¹⁹ См., например, А.Б. Каменский, Г.А. Чмутова, А.Г. Васильев.

²⁰ Т.Г. Архипова, И.Н. Данилевский, В.В. Савчук.

например, «август 1991 года и антикоммунистический переворот в Москве, а потом и по всей России» (Р.М. Шукуров) или о ряде событий, целом процессе, например «переименования, изменение статусов высших учебных заведений начала 1990-х годов» (М.Л. Бережнова).

Второй способ хронологического деления университетского прошлого, назовем его условно «персонифицированный», связан с деятельностью отдельных личностей и их роли в развитии университета. При этом период расцвета учебного заведения, когда в нем «бурлит научная жизнь», он живет «блистательной жизнью» (Е.Б. Смилянская), проходят его «лучшие годы» (И.В. Карацуба), как правило, связан с деятельностью людей «ярких», «активных», «крупных», «интересных», «пассионариев» (Е.Б. Смилянская). В то время как деятельность ректоров, деканов, заведующих кафедрами, не обладающих лидерскими качествами, слабо включенных в академическую среду (Е.А. Вишленкова), связывают со временем угасания, увядания, а порой и гибели университета.

Кроме указанных общих способов рассказывания об университетском прошлом, в интервью обнаруживаются оригинальные версии. К примеру, периоды преподавания как хобби и преподавания как профессии (В.В. Файер), «наше время» и время «современное» (Т.П. Гусарова). Это может быть история университета, рассказанная через собственную биографию, либо как история издательской деятельности (А.Е. Иванов, Н.Ю. Беляева), либо как история повседневности – через изменение ассортимента в столовой, через тематику ночных бесед в студенческих общежитиях (И.И. Варьяш), наличие и резкое исчезновение на кафедральном столе сыра (Ю.А. Иваненко).

Идентичности

Мы имеем дело с разными стратегиями идентификаций. Наши информанты видят себя сразу в нескольких ипостасях: ученый, администратор, переселенец, семьянин, писатель, общественный деятель и даже предприниматель. Важно, чтобы в создаваемом архиве нашли отражение все грани университетского человека переходного времени. Информанты утверждают, что включенность в разные социальные среды формировала супер-ответственность по отношению к окружающим их людям²¹. Каким образом многочисленные социальные роли сосуществуют в одном человеке? Конфликтуют ли они между собой или

²¹ В.В. Файер признался, что, преподавая латынь в Московском государственном медико-стоматологическом университете, он осознал, что выполняет воспитательно-социализирующую задачу по подготовке к «социальному состоянию, в котором они [студенты] должны будут попасть после окончания университета».

уживаются беспроблемно? Анализ интервью показал, что приобщение к каждой новой роли, как правило, вынужденное. Оно влечет за собой дополнительную ответственность и нагрузку.

Некоторые из ролей, такие как «муж», «отец семейства» входили в конфликт с интенсивным образом жизни и низким уровнем дохода университетского преподавателя: «как только появляется семья, то сразу спрашиваешь себя: почему здоровый крепкий мужик, который мог бы руками зарабатывать раза в три больше, должен работать в сфере, которую ладно, что плохо оплачивают, так могут и вовсе прикрыть» (С.Б. Крих). В данном случае университет представляется институцией, не способной предложить молодым мужчинам достойный заработок; «а женщины легче мирятся со своими мизерными преподавательскими доходами как с дополнительными по отношению к заработкам мужей» (Ю.Л. Сироткин). Связанная с падением доходности и престижем феминизация университетов очевидна в статистических данных. В 1995 г. женщины составили 44% преподавательского состава, в 2009 г. данный показатель вырос до 55%. Впрочем, гендерное распределение по должностям в университете не равномерно. С 1995 по 2009 г. отмечается преобладание женщин в категориях старший преподаватель, преподаватель и ассистент. Количество же женщин-доцентов и мужчин-доцентов оставалось примерно равным. Элитные должности оставались и в это время уделом мужчин. Только 20% российских профессоров были женского пола. Должность заведующего кафедрой доставалась им только в 25–28% случаев. Примерно такое же соотношение женщин и мужчин было на должностях деканов²².

Многие информанты признавались, что постоянно умножающиеся обязанности выматывали, забирали много сил²³. Учебная нагрузка в постсоветское время возрастала с каждым годом. В 1995 г. на одного преподавателя приходилось 11 студентов (такую же нагрузку имели и работники начального профессионального образования), а в 2002 г. – уже 18²⁴. Многим приходилось жертвовать какой-то из ролей в ущерб преподаванию, научно-исследовательской деятельности или собственным предпочтениям и желаниям, к примеру, выбирать университет не по симпатии, а по близости к дому (Н.А. Заиграва). Наиболее сложным в этом плане было совмещение семьи и университета: «у нас есть не

²² Образование в России. 2003. Табл. 5.14, табл. 5.15; Образование в Российской Федерации: 2010. С. 152. Табл. 4.38, табл. 4.39.

²³ В.Л. Кляус, М.Л. Бережнова, Л.К. Масиэль-Санчес.

²⁴ Образование в России. 2003. Табл. 5.18.

только профессиональная карьера, но и семейная карьера, и к определенному возрасту мы зависим от своих близких» (О.К. Кучмаева).

При изучении университетов 1980–2000-х гг. мы столкнулись с тем, что, несмотря на схожие экономические и политические условия, единые законы, люди по-разному ощущали себя. В собранных интервью присутствует так называемая коллективная мифология, когда индивидуальные воспоминания трансформировались под воздействием заданных в академическом, и не только, сообществе ценностных установок. Плодом такой мифологии может стать двойственность, которая появляется в результате конфликта того, как «должно было быть» или представления об идеальном университете, и реальности.

В собранных интервью присутствуют виктимные настроения. Многие информанты явно ощущают себя жертвами государственной политики или прожитой эпохи, испытывают чувство обиды за себя и свое поколение. К примеру, В.В. Файер говорит о себе: «Я пал жертвой институционального перехода со специалитета на систему бакалавриата и магистратуры». При этом он не винит кого-то персонально, а сводит все к «звездам». А.Е. Липатов убежден в том, что западные кампании уничтожили отечественную науку и «гранты даются не за открытие научное, чтобы сердцевину дела захватило, а по знакомству». Свое неучастие в них он объясняет недоверием и неприятием данной системы. И.М. Савельева защитила докторскую диссертацию в 1991 г., «как раз, когда настали трудные времена для человека, занимающегося гуманитарной наукой». Получить профессорское звание в это время ей казалось бессмысленным, поэтому она отложила это на неопределенный срок.

Порой жертвой выступает не конкретный человек, а сам университет или его составная часть. Так, А.Б. Каменский жертвой называет исторический факультет Саратовского университета: в 2000-е годы «он пал жертвой политических и иного рода разборок внутри администрации университета».

Другая стратегия идентификации проявляется тогда, когда рассказчик описывает себя «героем», справившимся с превратностями судьбы, устоявшим перед опасностями и политическими потрясениями. Так, Ю.Л. Сироткин, описывая нестабильность, кризис, поразивший Россию в годы перестройки, когда государство фактически отвернулось от ученых, констатирует, что справился со всем этим сам: «А стать “челноком” и ездить за товаром в Турцию я не хотел, хотел остаться в профессии преподавателем, ученым».

Заключение

Изучение собранных на данный момент интервью убедило нас в том, что рассказы об университетах нельзя четко отнести к какому-то определенному направлению исторического знания, будь то история государственного учреждения или повседневная история. Вопросы были ориентированы на описание образа университета в разные периоды. О каком университете предпочтет рассказать преподаватель, мы не знали. Часть опрошенных, независимо от нынешнего места их работы, рассказывая об университете, подразумевали *alma mater*²⁵. Другая часть при ответах с легкостью переходила от описания одного университета к другому, сопоставляя их. Однако были и те, кто терялся и не знал, про какой университет говорить, про тот, в котором учился, про тот, в котором работает сейчас или идеальный, ментальный университет. Отчасти такая дезориентация объясняется переименованиями многочисленных институтов в университеты, отчасти – личными соображениями («университет изменился очень сильно, я могу говорить в первую очередь об Омском университете, в котором учился»: А.В. Свешников).

Практически в каждом из интервью обнаруживаем рассказ об университете как об основном месте работы (М.А. Боровская), о государственной инстанции, о живом организме, в который можно «врасти» и на котором можно ставить эксперименты²⁶, или как о родном доме. Образ университета порой сводится к кафедре, факультету или отделению²⁷. Он с легкостью переходит от динамичного, меняющегося во времени и чуткого к изменениям (И.А. Хохлов) к статичному, абстрактному объекту гордости и восхищения²⁸. Для очень многих информантов университет – это, прежде всего, люди в лице ректора, деканов, преподавателей и студентов. Все, что происходит между ними, и составляет жизнь университета. Ряд преподавателей отметили, что от отношений, которые складываются между разными участниками академической жизни, зависит самоощущение университетских людей²⁹.

В представлении почти всех наших информантов Университет развивается, когда преподаватели сами решают его судьбу, отвечают за качество преподавания, когда в кабинет ректора можно постучаться и легко попасть. Он переживает кризис, когда преподаватели ощуща-

²⁵ Напр., М.Ю. Гребенкин.

²⁶ И.П. Кулакова, А.Б. Каширин, Т.П. Гусарова.

²⁷ И.И. Варьяш, А.И. Гранович.

²⁸ А.Л. Камалов, П.Н. Курлович, М.Ю. Гребенкин.

²⁹ Е.А. Вишленкова, Ю.И. Бутенко, Ю.А. Иваненко.

ют себя наемниками, которые ничего не решают, а кабинет ректора окружен вневедомственной охраной и приема к нему ждать следует очень долго. Образ университета не всегда содержит только позитивные коннотации. Выражая ощущение фрустрации и разочарования, информанты переходят на язык военной (агрессивной) метафоры и говорят об университете как механизме подавления и угнетения, «закрытой военной конторе», «научной казарме» (И.С. Дмитриев). Как правило, эти ощущения вызваны внутренним конфликтом, спровоцированным изменениями в университете. Многие информанты входили с трепетом и уважением в один тип университета (он мог быть идеальным, или просвещенческим, или элитарной школой), а затем в силу реформ оказались совсем в другом заведении (фабрике с конвейером, супермаркете с образовательными услугами, менеджериальном сообществе). Далеко не все смогли принять и вписаться в эти перемены. Отсюда ностальгические мотивы во многих воспоминаниях о былом.

Каждое интервью – уникальный текст памяти. Даже собранные в одном архиве, они не образуют единую и согласованную коллективную память о совместном прошлом. Соответственно создать на их основе единый бесконфликтный исторический нарратив представляется трудно разрешимой задачей. Избежать при этом жертв невозможно: это будет история «в общих чертах», обделенная деталями и нюансами. Перед идеальным читателем или исследователем нашего архива должна стоять иная задача – реконструкция множественных версий прошлого. При таком подходе есть шанс обрести человеко-ориентированную историю постсоветского университета, которая будет рассказывать не о вехах институционального развития, а о жизни университетских людей, их историях вживания и выживания в академии. Создав архив личных воспоминаний, мы получили сложно сплетенную историю, в ткани которой прочитываются и просматриваются сотни и тысячи судеб-нитей.

Сведения об информантах

1. Акельев Евгений Владимирович – доцент кафедры политической истории факультета истории Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (далее НИУ ВШЭ), Москва. Интервью состоялось в течение 2011/2012-го учебного года.

2. Аكوпова Татьяна Сергеевна – доцент кафедры социально-политических теорий Ярославского государственного университета имени Демидова. Интервью состоялось в ноябре 2014 года.

3. Алмазова Наталья Сергеевна – доцент кафедры истории идей и методологии исторической науки факультета истории НИУ ВШЭ (Москва). Интервью состоялось в течение 2011/2012-го учебного года.

4. Антонова Виктория Константиновна – профессор высшей школы урбанистики, профессор кафедры общей социологии факультета социальных наук НИУ ВШЭ (Москва). Интервью состоялось 27 апреля 2013 года.

5. Ануфриев Сергей Иосифович – ректор Томского областного института повышения квалификации работников образования. Интервью состоялось 28 февраля 2013 года.

6. Архипова Татьяна Григорьевна – декан факультета документоведения Историко-архивного института Российского государственного гуманитарного университета (далее РГГУ). Интервью состоялось 28 ноября 2012 года.

7. Афанасьев Алексей Константинович – проректор Московского архитектурного института по учебной работе. Интервью состоялось 17 сентября 2013 года.

8. Бабкова Галина Олеговна – доцент кафедры политической истории факультета истории НИУ ВШЭ, Москва. Интервью состоялось в 2011 году.

9. Базаров Тахир Юсупович – профессор кафедры организационной психологии факультета психологии НИУ ВШЭ (Москва). Интервью состоялось 28 января 2013 года.

10. Беляева Нина Юрьевна – заведующая кафедрой публичной политики факультета социальных наук НИУ ВШЭ (Москва). Интервью состоялось 18 ноября 2013 года.

11. Бережнова Марина Леонидовна – доцент кафедры этнографии и музееведения Омского государственного университета имени Ф.М. Достоевского (далее ОмГУ). Интервью состоялось 29 марта 2013 года.

12. Бикташева Алсу Назимовна – профессор кафедры социальной истории факультета истории НИУ ВШЭ (Москва). Интервью состоялось 6 ноября 2012 года.

13. Блинова Анна Николаевна – доцент кафедры этнологии, антропологии, археологии и музеологии исторического факультета (далее ОмГУ). Интервью состоялось 29 марта 2013 года.

14. Бойцов Михаил Анатольевич – профессор кафедры политической истории факультета истории НИУ ВШЭ (Москва). Интервью состоялось 7 февраля 2013 г.

15. Боровская Марина Александровна – ректор Южного федерального университета. Интервью состоялось 24 января 2013 года.

16. Будницкий Олег Витальевич – профессор кафедры политической истории факультета истории НИУ ВШЭ (Москва). Интервью состоялось 29 ноября и 7 декабря 2012 года.

17. Бутенко Юрий Иванович – профессор кафедры сопротивления материалов Казанского государственного архитектурно-строительного университета (далее КГАСУ). Интервью состоялось в июле 2013 года.

18. Бухараев Владимир Миннетович – доцент кафедры политической истории Института истории, начальник Информационно-аналитического центра Казанского (Приволжского) Федерального университета (КФУ). Интервью состоялось 7 октября 2013 года.

19. Бычков Сергей Павлович – доцент кафедры современной отечественной истории и историографии исторического факультета ОмГУ. Интервью состоялось 4 сентября 2013 года.

20. Варьяш Ирина Игоревна – доцент кафедры истории средних веков исторического факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова (далее МГУ). Интервью состоялось 27 июня 2013 года.

21. Васильев Алексей Григорьевич – доцент кафедры теории и истории гуманитарного знания историко-филологического факультета Института филологии и истории РГГУ. Интервью состоялось 5 июля 2013 года.

22. Вдовин Алексей Владимирович – доцент факультета филологии НИУ ВШЭ (Москва). Интервью состоялось в 2013 году.

23. Виленский Михаил Яковлевич – профессор кафедры педагогики и психологии профессионального образования Московского государственного педагогического университета имени Ленина (далее МГПУ). Интервью состоялось 8 сентября 2013 года.

24. Виноградов Андрей Юрьевич – доцент кафедры социальной истории факультета истории НИУ ВШЭ (Москва). Интервью состоялось 20 февраля 2012 года.

25. Вишленкова Елена Анатольевна – профессор кафедры социальной истории факультета истории НИУ ВШЭ (Москва). Интервью состоялось в марте 2011 года, второе – 12 сентября 2012 года.

26. Воскобойников Олег Сергеевич – профессор кафедры социальной истории факультета истории НИУ ВШЭ (Москва). Интервью состоялось 20 февраля 2012 г.

27. Горбатов Виктор Викторович – старший преподаватель кафедры онтологии, логики и теории познания факультета философии НИУ ВШЭ (Москва). Интервью состоялось в 2013 году.

28. Гранович Андрей Игоревич – заведующий кафедрой зоологии беспозвоночных биологического факультета Санкт-Петербургского государственного университета (далее СПбГУ). Интервью состоялось 14 мая 2014 года.

29. Гребенкин Михаил Юрьевич – выпускник исторического факультета Казанского государственного университета, старший преподаватель кафедры криминологии Казанского юридического института МВД России (далее КЮИ МВД России). Интервью состоялось 7 марта 2013 года.

30. Грунин Юрий Борисович – заведующий кафедрой физики Поволжского государственного технологического университета (далее ПГТУ). Интервью состоялось 5 ноября 2012 года.

31. Гусарова Татьяна Павловна – доцент кафедры истории Средних веков исторического факультета МГУ. Интервью состоялось 7 сентября 2013 года.

32. Гусейнов Гасан Чингизович – профессор факультета филологии НИУ ВШЭ (Москва). Интервью состоялось 21 февраля 2013 года.

33. Давидсон Аполлон Борисович – профессор кафедры истории идей и методологии исторической науки факультета истории НИУ ВШЭ (Москва). Интервью состоялось 26 сентября 2013 года.

34. Данилевский Игорь Николаевич – заведующий кафедрой истории идей и методологии исторической науки факультета истории НИУ ВШЭ (Москва). Интервью состоялось 2 ноября 2012 года.

35. Дмитриев Игорь Сергеевич – профессор института философии СПбГУ. Интервью состоялось 14 мая 2014 года.

36. Доброхотов Александр Львович – профессор кафедры наук о культуре отделения культурологии факультета философии НИУ ВШЭ (Москва). Интервью состоялось 23 ноября 2012 года.

37. Заварина Елена Сергеевна – доцент департамента статистики и анализа данных кафедры макроэкономической статистики НИУ ВШЭ (Москва). Интервью состоялось 18 апреля 2013 года.

38. Заиграва Нина Анатольевна – заместитель заведующего кафедрой английского языка при факультете менеджмента НИУ ВШЭ (Москва). Интервью состоялось 30 ноября 2013 года.

39. Зинченко Владимир Петрович – профессор НИУ ВШЭ (Москва). Интервью состоялось в 2013 году.

40. Иваненко Юрий Алексеевич – доцент кафедры ботаники биологического факультета СПбГУ. Интервью состоялось 14 мая 2014 года.

41. Иванов Анатолий Евгеньевич – профессор, главный научный сотрудник Института Российской истории РАН. Интервью состоялось 27 марта 2013 года.

42. Ильин Владимир Иванович – профессор кафедры социологии культуры и коммуникации факультета социологии СПбГУ. Интервью состоялось 31 октября 2012 года.

43. Исмагилова Татьяна Сергеевна – доцент кафедры технологии организации и механизации строительства КГАСУ. Интервью состоялось 26 июля 2013 года.

44. Казаков Роман Борисович – менеджер факультета истории НИУ ВШЭ (Москва). В 1990 г. окончил факультет архивного дела Московского государственного историко-архивного института. Интервью состоялось в течение 2001/2012-го учебного года.

45. Калягин Борис Александрович – профессор факультета коммуникаций, медиа и дизайна НИУ ВШЭ (Москва). Интервью состоялось 24 апреля 2013 года.

46. Камалов Айрат Ленарович – выпускник исторического факультета Казанского государственного университета, преподаватель КЮИ МВД России. Интервью состоялось 14 января 2013 года.

47. Каменский Александр Борисович – декан факультета истории НИУ ВШЭ (Москва). Интервью состоялось в течение 2011/2012-го учебного года, второе – 12 декабря 2013 года.

48. Кантор Владимир Карлович – профессор кафедры истории философии факультета философии НИУ ВШЭ (Москва). Интервью состоялось в течение 2011/2012-го учебного года.

49. Карацуба Ирина Владимировна – кандидат исторических наук, в 1994-2011 гг. работала на факультете иностранных языков МГУ доцентом кафедры региональных исследований. В настоящее время преподает в Свято-Филаретовском православно-христианском институте. Интервью состоялось 16 ноября 2012 года.

50. Карачурина Лилия Борисовна – доцент кафедры демографии Института демографии НИУ ВШЭ (Москва). Интервью состоялось 22 марта 2013 года.

51. Каширин Александр Борисович – преподаватель факультета «Биомедицинская техника» Московского Государственного Технического Университета им. Баумана. Интервью состоялось 6 октября 2013 года.

52. Квашонкина Светлана Васильевна – декан факультета довузовской подготовки НИУ ВШЭ (Москва). Интервью состоялось в 2013 году.

53. Кляус Владимир Леонидович – профессор Учебно-научного центра социальной антропологии РГГУ, заведующий отделом информационных технологий и источниковедения Института мировой литературы имени А.М. Горького РАН. Интервью состоялось 16 ноября 2011 года.

54. Корневский Андрей Витальевич – доцент кафедры зарубежной истории и международных отношений исторического факультета Южного Федерального университета (далее ЮФУ). Интервью состоялось 18 мая 2013 года.

55. Крих Сергей Борисович – доцент исторического факультета ОмГУ. Интервью состоялось 28 ноября 2012 года.
56. Куза Василий Андреевич – менеджер факультета истории НИУ ВШЭ (Москва). В 1989 г. окончил исторический факультет МГУ. Интервью состоялось в течение 2011/2012-го учебного года.
57. Кулакова Ирина Павловна – доцент кафедры истории России до начала XIX в. исторического факультета МГУ. Интервью состоялось 8 ноября 2013 года.
58. Куренной Виталий Анатольевич – заведующий отделением культурологии, заведующий кафедрой наук о культуре факультета философии НИУ ВШЭ (Москва). Интервью состоялось в течение 2011/2012-го учебного года.
59. Курлович Павел Николаевич – выпускник исторического факультета Казанского государственного университета 1994 года, старший преподаватель Казанского государственного технологического ун-та. Интервью состоялось 11 января 2013 года.
60. Кучмаева Оксана Викторовна – профессор кафедры статистических методов департамента статистики и анализа данных НИУ ВШЭ (Москва). Интервью состоялось 22 мая 2013 года.
61. Липатов Александрович Тихонов – профессор кафедры журналистики историко-филологического факультета Марийского государственного университета. Интервью состоялось 5 ноября 2012 года.
62. Липский Борис Иванович – заведующий кафедрой онтологии и теории познания института философии СПбГУ. Интервью состоялось 29 октября 2012 года.
63. Ляшенко Леонид Михайлович – профессор кафедры истории России МПГУ. Интервью состоялось 10 октября 2013 года.
64. Малышева Светлана Юрьевна – профессор кафедры историографии и источниковедения Института истории КФУ. Интервью состоялось 13 ноября 2013 г.
65. Марей Александр Владимирович – доцент кафедры практической философии факультета философии НИУ-ВШЭ (Москва). Интервью состоялось 3 июня 2014 г.
66. Масиель Санчес Лев Карлосович – доцент факультета истории НИУ ВШЭ (Москва). Интервью состоялось 29 ноября 2013 года.
67. Могильнер Марина Борисовна – до 2005 года занимала должность доцента кафедры историографии, источниковедения и методов исторического исследования исторического факультета Казанского государственного университета, редактор журнала «Ab Imperio». Интервью состоялось 30 октября 2012 года.
68. Моргачева Елена Николаевна – доцент кафедры специальной психологии факультета медицинской психологии Института психологии имени Л.С. Выготского РГГУ. Интервью состоялось 15 июля 2013 года.
69. Немова Людмила Алексеевна – заведующая сектором экономических проблем Канады Института США и Канады РАН. Интервью состоялось 9 апреля 2013 г.
70. Нуреев Рустем Махмутович – профессор кафедры экономического анализа организаций и рынков департамента прикладной экономики НИУ ВШЭ (Москва). Интервью состоялось 22 января 2013 года.
71. Осповат Александр Львович – профессор факультета филологии НИУ ВШЭ (Москва). Интервью состоялось в течение 2001/2012-го учебного года.
72. Пенская Елена Наумовна – декан факультета филологии НИУ ВШЭ, Москва. Интервью состоялось 21 февраля 2012 года.
73. Покровский Никита Евгеньевич – заведующий кафедрой общей социологии факультета социологии НИУ ВШЭ (Москва). Письмо с ответами на вопросник было составлено 19 октября 2012 года.

74. Порус Вадим Натанович – заведующий кафедрой онтологии, логики и теории познания факультета философии НИУ ВШЭ (Москва). Интервью состоялось 22 октября 2012 года.

75. Ривлина Александра Абрамовна – доцент кафедры английского языка для социальных дисциплин Департамента иностранных языков НИУ ВШЭ (Москва). Интервью состоялось в течение 2011/2012-го учебного года.

76. Романов Юрий Владимирович – заместитель декана исторического факультета МПГУ. Интервью состоялось 25 октября 2014 года.

77. Румянцева Марина Федоровна – доцент кафедры социальной истории факультета истории НИУ ВШЭ (Москва). Интервью состоялось 22 мая 2013 года.

78. Руткевич Алексей Михайлович – декан факультета философии НИУ ВШЭ (Москва). Интервью состоялось 20 октября 2012 года.

79. Савельева Ирина Максимовна – профессор кафедры истории идей и методологии исторической науки факультета истории НИУ ВШЭ (Москва). Интервью состоялось 27 октября 2010 года, второе – 7 ноября 2012 года.

80. Савчук Валерий Владимирович – профессор кафедры онтологии и теории познания института философии СПбГУ. Интервью состоялось 29 октября 2012 года.

81. Салахов Мязном Халимулович – президент КФУ, бывший ректор Казанского государственного университета (2002–2010), заведующей кафедрой оптики и нанофотоники. Интервью состоялось 5 октября 2012 года.

82. Сафарян Раиса Владимировна – доцент кафедры эстрадного искусства Российского университета театрального искусства. Интервью состоялось 12 октября 2013 года.

83. Свешников Антон Вадимович – доцент кафедры всеобщей истории исторического факультета ОмГУ. Интервью состоялось 29 февраля 2013 года.

84. Семина Наталья Викторовна – до 1998 года занимала должность старшего преподавателя кафедры русской и зарубежной литературы в Якутском государственном университете. Интервью состоялось 23 февраля 2013 года.

85. Середина Елена Владимировна – заведующая кафедрой географии туристских направлений Российской международной академии туризма, и профессор РГГУ. Интервью состоялось 28 октября 2014 года.

86. Сизова Анастасия Юрьевна – старший преподаватель кафедры истории России новейшего времени факультета архивного дела Историко-архивного института РГГУ и Учебно-научного центра «Новая Россия». Интервью состоялось 17 февраля 2014 года.

87. Сироткин Юрий Львович – старший преподаватель КЮИ МВД РФ. Интервью состоялось 12 июля 2013 года.

88. Смилянская Елена Борисовна – профессор кафедры истории идей и методологии исторической науки факультета истории НИУ ВШЭ (Москва). Интервью состоялось 20 ноября 2012 года.

89. Стернин Борис Юрьевич – профессор кафедры прикладной математики Российского университета дружбы народов. Интервью состоялось 19 февраля 2013 г.

90. Султанбеков Булат Файзрахманович — в 1991–1993 годы занимал должность заведующего кафедрой Татарского института повышения квалификации работников образования. Интервью состоялось 15 декабря 2012 года.

91. Тихонов Игорь Львович – директор музея истории СПбГУ. Интервью состоялось 14 мая 2014 года.

92. Уваров Павел Юрьевич – заведующий кафедрой социальной истории факультета истории НИУ ВШЭ (Москва). Интервью состоялось в 2011 году.

93. Уколова Виктория Ивановна – профессор кафедры политической истории факультета истории НИУ ВШЭ (Москва). Интервью состоялось в 2011 году.

94. Файер Владимир Владимирович – старший научный сотрудник ИГИТИ имени А.В. Полегаева, преподаватель факультетов философии и филологии НИУ ВШЭ (Москва). Интервью состоялось 29 марта 2013 года.

95. Харитонов Валентина Ивановна – главный научный сотрудник Института этнологии и антропологии имени Н.Н. Миклухо-Маклая РАН. Интервью состоялось 6 ноября 2012 года.

96. Хохлов Игорь Александрович – в 1980-1993 годы преподаватель Московского государственного института международных отношений. Интервью состоялось 12 сентября 2013 года.

97. Хоч Елена Петровна – заместитель заведующего кафедрой английского языка для социальных дисциплин Департамента иностранных языков НИУ ВШЭ (Москва). Интервью состоялось в течение 2001/2012-го учебного года.

98. Чмутова Галина Алексеевна – профессор кафедры органической химии Химического института им. А.М. Бутлерова КФУ. Интервью состоялось 30 июля 2013 г.

99. Шалаев Владимир Павлович – заведующий кафедрой социальных наук и технологий, декан факультета социальных технологий ПГТУ. Интервью состоялось 4 ноября 2012 года.

100. Шапкина Алла Николаевна – профессор кафедры гуманитарных и социальных наук, заместитель декана факультета экономистов-международников Всероссийской академии внешней торговли минэкономразвития России. Интервью состоялось в октябре 2014 года.

101. Шарова Антонина Владимировна – первый заместитель декана факультета истории, доцент кафедры политической истории факультета истории НИУ ВШЭ (Москва). Интервью состоялось 16 апреля 2013 года.

102. Шмурак Илья Львович – с 1956 г. по 2013 г. работал в Научно-исследовательском институте шинной промышленности. Занимал должности младшего научного сотрудника, старшего научного сотрудника, заведующего сектором, заведующего лабораторией, главного научного сотрудника, заведующего лабораторией, заведующего сектором, заведующего лабораторией. Интервью состоялось 28 июля 2013 г.

103. Шукуров Рустам Мухаммадович – доцент кафедры истории средних веков исторического факультета МГУ. Интервью состоялось 22 ноября 2012 года.

104. Энтов Револьд Михайлович – заведующий кафедрой теории денег и кредита департамента теоретической экономики НИУ ВШЭ (Москва). Интервью состоялось 25 января 2013 года.

БИБЛИОГРАФИЯ

Вишленкова Е.А. Темпоральность и восприятие времени в российском университете XIX века (Ч. 1) // Культурологический журнал: электронное периодическое рецензируемое издание. 2011 1(3). URL: http://www.cr-journal.ru/rus/journals/37.html&j_id=5 (время доступа 16.03.2015).

Вишленкова Е.А., Ильина К.А. Университетское делопроизводство как практика управления (Россия, первая половина XIX века) // Вопросы образования. 2013. № 1. С. 232-255.

- Ильина К.А. Профессора и бюрократические коммуникации в Российской империи первой трети XIX века // История и историческая память: Межвуз. сб. науч. тр. Саратов. 2011. Вып. 4. С. 133–158.
- Квале С. Исследовательское интервью. М.: Смысл, 2003. 301 с.
- Нитхаммер Л. Проблемы немецкой памяти. Статьи по устной истории. Пер.с нем. М.: Новое издательство. 2012 [1994]. 536 с.
- Образование в Российской Федерации: 2010: стат. сб. М.: ГУ–ВШЭ, 2010. 492 с.
- Образование в России за 2003 год // Официальный сайт Федеральной службы государственной статистики. URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/publications/catalog/doc_1139916150203 (время доступа 16.03.2015).
- Хрестоматия по устной истории / Пер., сост., введение, общ. ред. М.В. Лоскутовой. СПб.: Изд-во Европ. ун-та в С.-Петербурге. 2003. 396 с.
- Центр университетских исследований // ИГИТИ им. А.В. Полетаева. URL: <http://igiti.hse.ru/unimemory> (время доступа 16.03.2015).
- Щеглова Т.К. Устная история: учеб. пособие. Барнаул: АлтГПА. 2010. 364 с.
- Blouin F., Rosenberg W. Processing the Past: Contesting Authority in History and the Archives. N.Y.: Oxford University Press. 2010. 268 p.
- Niethammer L. Lebenserfahrung und kollektives Gedächtnis: die Praxis der «Oral History». Frankfurt am Main: Syndikat. 1980. 375 p.
- Niethammer L. Memory and History: Essays in Contemporary History. Frankfurt am Main, Berlin, Bern, Bruxelles, New York, Oxford, Wien, 2012. 453 p.
- Niethammer L. Posthistoire: Has History Come to an End? L.: Verso. 1994. 158 p.
- Publications // Oral History Association. URL: <http://www.oralhistory.org/publications/> (время доступа 16.03.2015).
- Vishlenkova E. University deloproizvodstvo (paperwork) as a cultural practice and institution (Russia, first half of the 19th century) // "Humanities" (WP BRP 03/Hum/2012) National Research University Higher School of Economics. 2012. 29 p.

REFERENCES

- Vishlenkova E.A Temporal'nost' i vospriyatie vremeni v rossiiskom universitete XIX veka (Ch. 1) // Kul'turologicheskii zhurnal: elektronnoe periodicheskoe re-tsenziruемое izdanie. 2011 1(3). URL: http://www.cr-journal.ru/rus/journals/37.html&j_id=5 (vremya dostupa 16.03.2015).
- Vishlenkova E.A., Il'ina K.A. Universitetskoe deloproizvodstvo kak praktika upravleniya (Rossiya, pervaya polovina XIX veka) // Voprosy obrazovaniya. 2013. № 1. S. 232-255.
- Il'ina K.A. Professora i byurokraticheskie kommunikatsii v Rossiiskoi imperii pervoi treti XIX veka // Istoriya i istoricheskaya pamyat': Mezhvuz. sb. nauch. tr. Saratov. 2011. Vyp. 4. S. 133–158.
- Kvale S. Issledovatel'skoe interv'yu. M.: Smysl, 2003. 301 s.
- Nitkhammer L. Problemy nemetskoj pamyati. Stat'i po ustnoi istorii. Per.s nem. M.: Novoe izdatel'stvo. 2012 [1994]. 536 s.
- Образование в Россиiskoi Federatsii: 2010: stat. sb. M.: GU–VShE, 2010. 492 s.
- Образование в России за 2003 год // Официальный сайт Федеральной службы государственной статистики. URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/publications/catalog/doc_1139916150203 (vremya dostupa 16.03.2015).
- Хрестоматиya по ustnoi istorii / Пер., сост., введение, общ. ред. М.В. Лоскутовой. СПб.: Изд-во Европ. ун-та в С.-Петербурге. 2003. 396 с.

- Tsentr universitetskikh issledovaniy // IGITI im. A.V. Poletaeva. URL: <http://igiti.hse.ru/unimemory> (vremya dostupa 16.03.2015).
- Shcheglova T.K. Ustnaya istoriya: ucheb. posobie. Barnaul: AltGPA. 2010. 364 s.
- Blouin F., Rosenberg W. Processing the Past: Contesting Authority in History and the Archives. N.Y.: Oxford University Press. 2010. 268 p.
- Niethammer L. Lebenserfahrung und kollektives Gedächtnis: die Praxis der «Oral History». Frankfurt am Main: Syndikat. 1980. 375 p.
- Niethammer L. Memory and History: Essays in Contemporary History. Frankfurt am Main, Berlin, Bern, Bruxelles, New York, Oxford, Wien, 2012. 453 p.
- Niethammer L. Posthistoire: Has History Come to an End? L.: Verso. 1994. 158 p.
- Publications // Oral History Association. URL: <http://www.oralhistory.org/publications/> (vremya dostupa 16.03.2015).
- Vishlenkova E. University deloproizvodstvo (paperwork) as a cultural practice and institution (Russia, first half of the 19th century) // "Humanities" (WP BRP 03/Hum/2012) National Research University Higher School of Economics. 2012. 29 p.

Гатина Зарина Салидаровна, стажер-исследователь ИГИТИ им. А.В. Полетаева, аспирант факультета истории НИУ «Высшая школа экономики» (Москва); rzhaya8989@mail.ru

Гребенкина Дина Михайловна, студентка 3-го курса факультета экономики, отделения статистики, анализа данных и демографии НИУ «Высшая школа экономики» (Москва); anleks9@yandex.ru

Personal memories of post-Soviet universities and the archive of professorial identity

The article focuses on the limits of the use of oral history methods in the studies of academic communities. The authors analyze the language and ways of self-description used by the members of contemporary Russian academic community. The study is based on the interviews of Post-Soviet university professors, which helps to find out their concepts of tradition, the origin of their individual memories, and the correlation of these memories to the collective perceptions of the ideal university.

Keywords: oral history, interview, academic community, tradition, Post-Soviet university.

Zarina Gatina, PhD student, Faculty of History, Higher School of Economics (Moscow), Research Assistant, Poletayev Institute for Theoretical and Historical Studies in the Humanities, rzhaya8989@mail.ru

Dina Grebenkina, student, Faculty of Economics, Higher School of Economics (Moscow), anleks9@yandex.ru

ИСТОРИЧЕСКИЕ ЗАМЕТКИ

Т. Г. ЧУГУНОВА

ПРОБЛЕМА «ВЛАСТЬ VS ПОДЧИНЕНИЕ» В ТРАКТАТЕ У. ТИНДЕЛА «ПОСЛУШАНИЕ ХРИСТИАНИНА И КАК ХРИСТИАНСКИЕ ВЛАСТИ ДОЛЖНЫ УПРАВЛЯТЬ»

В статье рассмотрена концепция взаимоотношений власть имущих и подчиненных, изложенная английским реформатором XVI в. У. Тинделом в трактате «Послушание христианина и как христианские власти должны управлять» (1528). В этом сочинении представлена модель строго иерархического общества, в котором всё построено на подчинении, где каждая социальная группа хорошо знает свои права и обязанности. Пользуясь методом текстуального анализа, автор настоящей статьи показывает, что для английского реформатора власть отождествляется в первую очередь не с могуществом, а с правом, и ей следует подчиняться добровольно, во имя общего блага. Тиндел убежден, что порядок в стране может поддерживаться исключительно благодаря иерархии подчинения всех уровней системы управления.

Ключевые слова: Реформация; право, обязанность, повиновение, светская власть, духовная власть.

Творчество английского реформатора У. Тиндела (1494–1536) отразило сложность и противоречивость общественных отношений в Англии в первой половине XVI века. Одним из наиболее важных для реформатора стал вопрос о взаимоотношениях социальных групп на всех уровнях иерархического средневекового общества. От того, каковы отношения между властью и подчиненными на каждой ступени этой системы, зависит благосостояние страны и всего народа. В настоящей статье сделана попытка анализа тинделовской доктрины взаимоотношений власти и подчиненных, разработанной им в сочинении «Послушание христианина и как христианские власти должны управлять» (1528).

Одним из главных векторов взаимоотношений в государстве являются отношения государя со своими подданными. Самая важная обязанность подданных, по мнению Тиндела, повиновение. Эта мысль заявлена уже в короткой вводной части трактата, где Тиндел говорит о беспрекословном повиновении светской власти, какой бы несправедливой она ни была¹. Опираясь на известную доктрину о божественном происхождении высшей власти и подчинении ей, изложенную апосто-

¹ Tyndale. The Obedience of a Christen man... P. 105.

лом Павлом в Послании к Римлянам, 13, Тиндел отмечает: «Пусть каждая душа подчинится авторитету светских властей. Нет власти, кроме как от Бога. Все власти одобрены Богом. Кто сопротивляется власти, сопротивляется воле божией и навлекает на себя проклятие»².

Идея божественного происхождения королевской власти в этот период была популярна в Европе, но, по замечанию О.В. Дмитриевой, «у нее находилось ровно столько сторонников, сколько и противников». «Учение о беспрекословном подчинении монарху как земному воплощению божества сосуществовало в едином временном пласте с идеей тираноубийства, которая в зависимости от политической конъюнктуры легко овладевала умами представителей враждебных друг другу религиозных течений, как католиков, так и протестантов»³.

В учении У. Тиндела теория божественного происхождения власти претерпевает определенную эволюцию, отдавая место теории изначального договора. Предупреждая тиранические устремления государя, а также возможные последствия от них, реформатор берет на себя смелость напомнить королю, кем и для кого учреждена его должность: «Короли, осмелюсь я напомнить, не должны забывать, что **они поставлены от Бога, а не сами от себя и для себя, но ради благосостояния своих подданных** (выделено нами – Т.Ч.). Пусть они помнят, что подданные суть им братья, их плоть и кровь, члены их собственного тела и они сами во Христе»⁴.

Договору присуща взаимность, наместник Бога на земле, по мнению Тиндела, должен служить своему народу, тогда и Бог вознаградит его. Королевская власть не только представляет Бога, она представляет весь народ. Несколько иначе рассуждали французские мыслители XVI века (Э. Пакье, Л. Леруа, Ж. Боден). По словам И.Я. Эльфонд, «первоначально они говорили лишь о божественном происхождении королевской власти и подчинении ее божьей воле, но постепенно королевская власть в их теориях сакрализовалась, и итогом этого процесса стала максима: “король – это Бог на земле”»⁵. Несмотря на то, что Тиндел достаточно часто прибегал к сравнению власти короля на земле с властью Бога, тем не менее, в отличие от многих современных ему мыслителей, он рассматривал государя как отца или старшего брата, должного заботиться о благе своих подданных: «Пусть короли

² Ibid. P. 109.

³ Дмитриева 1995. С. 155.

⁴ Tyndale. The Obedience... P. 137.

⁵ Эльфонд 1995. С. 173.

(если они христиане не только на словах, но и на деле) поставят своей целью достичь богатства королевства и, по примеру Христа, пусть помнят, что люди Божьи, а не их. Они суть Христово наследие, выкупленное Его кровью <...>. Хоть король в светской иерархии и занимает место Бога, и представляет собой Бога на земле и несравненно ценнее любого из своих людей, пусть он забудет все это и сделается братом, созидающим добрые дела на благо государства, дабы все видели, что он желает только добра своим подданным... Когда предлагается ему дело, требующее казни, пусть лишь тогда он принимает на себя прерогативы Бога и выслушивает всех беспристрастно, иностранцев или своих подданных, слабого или сильного и судит по справедливости»⁶.

Последние строки этого фрагмента «Послушания...» являются аллюзией на Второзаконие, 1:16-18. Быть королем – значит, по мнению реформатора, выполнять высокие обязанности перед своими подданными, руководствуясь национальными интересами: «Пусть христианские короли держат свою веру и правду и все законные обеты и договоры и не только между собою, но и с турками и прочими неверными <...>. Пусть короли защищают своих подданных от притеснений со стороны других народов»⁷.

У. Тиндел попытался создать некий моральный кодекс христианского государя, главным пунктом которого является забота о ближнем и служение своему народу. На первый взгляд может показаться, что тинделовский правитель – это мягкий, добросердечный и лояльный управленец. Однако это не совсем так. Реформатор не допускает, чтобы король проявлял какую-либо жалость или снисхождение к своим подданным: «Во время суждения он не слуга в Царствии Христовом, и он проповедует не Евангелие, но суровый закон возмездия». Для доказательства своей правоты, реформатор постоянно обращается к библейским сюжетам: «Пусть король берет в пример святых судей Ветхого Завета, а именно Моисея, который в исполнении закона был безжалостен, а в прочем – мягче матери. Он не мстил за свои обиды, но сносил их, вникал в нужды каждого, предупреждал, миловал и заботился о каждом, нежно любил всех и желал, чтобы Бог простил своему народу, либо проклял и его вместе с ним»⁸.

Сильный король может оказаться тираном. Предвидя дурное влияние на короля различных его советников, а также представителей духо-

⁶ Tyndale. The Obedience... P. 122.

⁷ Ibid. P. 124.

⁸ Ibid. P. 122.

венства, реформатор утверждает, что «лучше иметь тирана своим королем, чем призрак, пассивное бревно, что и себя не защитит, а лишь терпит от других то, что они хотят с ним сотворить и ведомое ими туда, куда они захотят»: «Ведь тиран, пусть он и обижает тебя невинного, все же наказывает злых и заставляет всех людей повиноваться, и не терпит, чтобы кто еще распоряжался, кроме него. Король, который мягкий как шелк и изнеженный, то есть с природой женщины, ждущей дитя, не может сопротивляться тем, кто по натуре тиран, который повседневно дурно правит им, что будет еще более пагубно для царства, чем истинный тиран. Почитай летописи и ты обрящешь многие примерь»⁹.

Тирания многих, сложившаяся, как считал Тиндел, в Англии XVI века, хуже тирании одного, поэтому король должен защитить от нее своих подданных, которые «его братья, плоть и кровь»¹⁰. По мнению Ю.М. Сапрыкина, автор трактата «Послушание христианина...» считал, что власть короля над подданными должна быть неограниченной, тем самым, указывая на абсолютистское значение этих высказываний¹¹. Однако, на наш взгляд, Тиндел еще далек от позиции абсолютизма. Сильный монарх не обязательно является абсолютным монархом, правящим без участия своих подданных. «Пусть короли приостановят свою тиранию и приуменьшат свой гнев», – предупреждает реформатор в «Послушании христианина...», – «короли должны щадить своих подчиненных и спасать от всякой тирании, которая угрожает им каждый день»¹². Его привлекает демократичный парламент, к сожалению, не такой, каким он являлся во времена реформатора: «Парламент находится в рабстве у королевского совета, как соборы у папы и кардиналов»¹³. При Тюдорах главным органом управления был Королевский совет, из которого впоследствии выделился Тайный Совет, ведавший основными государственными делами. Поэтому не случайно Тиндел указал на то, что королевский совет грубо вмешивался в парламентские дела и, в сущности, вершил внутреннюю и внешнюю политику государства. Возрождение обновленного парламента он расценивает как «если бы золотой мир вернулся снова»¹⁴. Без одобрения парламента никто, по мнению реформатора, не может быть коронован¹⁵. Судя по этим высказываниям, Тин-

⁹ Tyndale. The Obedience... P. 112.

¹⁰ Ibidem.

¹¹ Сапрыкин 1985. С. 103.

¹² Tyndale. The Obedience... P. 137.

¹³ Ibidem.

¹⁴ Tyndale. Practice... P. 373.

¹⁵ Tyndale. The Obedience... P. 141.

дел является поборником конституционной монархии, где власть короля контролируется парламентом. Реформатор мечтал о сильной и стабильной государственной власти, но институт абсолютной монархии не носил в его глазах претензии на ведущее привилегированное положение.

Понимая, что на практике по-настоящему христианский государь встречается довольно редко, а светские власти во главе с монархом не лишены недостатков, Тиндел все же настаивает на подчинении им, считая это выполнением воли Бога: «Главы и правители поставлены от Бога и суть дар божий, добры они или дурны. И что с нами они бы не делали, то делает Бог, добро или зло. Если они дурны, то это за нашу злобу, ибо, если бы они были добры, мы бы не восприняли ту доброту из рук Бога и не были бы благодарны, подчиняясь его законам и установлениям, но поругались бы над божией благостыней нашими плотскими похотями. Посему Бог сделал их для нас бичом и обратил в диких зверей, противных природе их имен и званий, а именно: во львов, медведей, лис и нечистых свиней, чтобы мстить за нашу неестественную и слепую недоброту и рьяное неповиновение <...>. Злые правители суть знак, что Бог сердит и гневен на нас»¹⁶.

Таким образом, Тиндел рассматривает плохих правителей как наказание Бога за грехи людей, они являются своего рода определенной шкалой для отслеживания духовного состояния общества: «Если бы твои правители были всегда добры, ты бы не знал, чисто твое повиновение или нет, если же ты сумеешь терпеливо повиноваться дурным правителям во всех делах, то это не будет бесчестьем Богу, и если ты не вредишь своим ближним, тогда ты можешь быть уверен, что дух божий работает в тебе, и что твоя вера – не сон и не ложное воображение»¹⁷.

Немецкий коллега Тиндела М. Лютер, являвшийся для английского реформатора непререкаемым авторитетом, также отмечал, что плохим правителям следует повиноваться. Лютер рассматривал тирана как орудие гнева Бога за грехи людей. «Мир – зол и не стоит того, чтобы в нем было много умных и благочестивых князей, для лягушек нужны аисты», – писал немецкий реформатор¹⁸.

Некоторые исследователи, среди которых А. Ричардсон, утверждают, что, Тиндел заявляет о праве каждого человека на самозащиту против любых степеней власти¹⁹. Однако, на наш взгляд, реформатор

¹⁶ Ibid. P. 118.

¹⁷ Ibid. P. 117.

¹⁸ Лютер. 1994. С. 138.

¹⁹ Richardson. 1994. P. 28.

имеет в виду духовную защиту, а не физическую. Определяя характер подданчества, Тиндел отождествляет его с подчинением власть имущим. Он ни в коей мере не допускал мятеж со стороны подданных и в отличие от швейцарских реформаторов У. Цвингли и Ж. Кальвина, которые одобряли право граждан на сопротивление властям, если те нарушали евангельские принципы, Тиндел отвергал его даже в том случае, если монарх вел себя как деспот, считая, что право наказания принадлежит только Богу: «Если мы сопротивляемся злым правителям, пытаюсь освободиться от них, то мы, несомненно, загоним себя еще в худшее рабство и попадем в худшую нищету и болезненность. Ибо если высвободятся холки, то погонщики наваливают больше груза на хребты и делают бремя тяжелее и узлы крепче. Если мы ниспровергнем своих злых правителей, то найдут на нас злые чужеземцы или отыщется тиран из нашей собственной страны, у которого не будет права на корону. Если мы подчинимся карам Господним и смиренно исповедуем наши грехи, за которые мы наказуемы, облобызаем кнут и исправимся, то Бог отнимет от нас кнут и ниспошлет правителям доброе сердце»²⁰.

П. Аукси отмечает, что если не находится никакого выхода для разрешения конфликта, то страдание, а не месть, по мнению У. Тиндела, является единственным правильным решением в подобном случае²¹. Как замечает В.П. Митрофанов, «англиканская церковь даже разработала специальные проповеди “против неподчинения и своенравного мятежа”, в которых идея греховности мятежа обильно подкреплялась ссылками на Библию, а крестьяне (“all communalities...and villages”) призывались к соблюдению порядка и покорности властям»²².

Духовную власть в лице церкви реформатор не наделяет никакими властными полномочиями. Более того, Тиндел обвиняет духовенство в том, что оно в отличие от остальных подданных не подчиняется светской власти: «В настоящее время мы видим, что папа римский и его приближенные не подчиняются светской власти, устанавливают свои собственные законы, отказываются платить налоги и натравливают королей друг против друга. Королям следует выполнять свои обязанности и направлять работу священников»²³. Реформатор неоднократно указывает на то, что духовенство занимается не своими прямыми обязанностями, а вмешивается в дела светской власти: «Я уж молчу насчет того, как они учат в каждой земле учреждать новые

²⁰ Tyndale. The Obedience... P. 119.

²¹ Auksi 1994. P. 46.

²² Митрофанов 2000. С. 156-157.

²³ Tyndale. The Obedience... P. 105.

налоги и тиранить своих подданных. И более того, я скажу, что они ограбили все королевства не только от Слова Божия, но и очистили их от богатства и имущества, изгнали мир со всех земель и вышли из всякого подчинения королям и обособились от мирян, считая их хуже собак, и воздвигли себе великого идола – вавилонскую блудницу и римского Антихриста, которого они называют папою, и сговорились против общевладения, и стяжали себе несколько королевств, где позволяют себе творить всякую дерзость»²⁴.

Тиндел, как и его предшественник, евангелический доктор Джон Виклиф, выступает против теократических притязаний папства и заявляет о полном подчинении духовной власти светской. В трактате «О королевской службе», Виклиф писал, что светская власть является более совершенной, чем духовная, поэтому последняя должна находиться под управлением первой²⁵. По мнению Тиндела, «духовный служитель не должен карать грех, но ежели объявится таковой, то это должен делать король, его же обязанность лишь проповедовать и увещевать бояться Бога, чтобы далее не грешить»²⁶. По сути У. Тинделу принадлежит ведущая роль в выработке теологического обоснования королевской супрематии в Англии. Прочитав по совету Анны Болейн тинделовское «Послушание...», Генрих VIII воскликнул: «Эта книга для меня и для всех королей»²⁷. По весьма точному, на наш взгляд, мнению исследователя Б.А. Каменецкого, «в книгах Тиндела, Фокса, Гардинера и других англиканских реформаторов развивается идея необходимости превращения Англии в независимое от внешних сил (папа, император) национальное государство во главе с королем»²⁸.

В иерархическом обществе, где без власти невозможны коллективное существование и жизнедеятельность людей, взаимоотношения между властью и подчиненным, тем не менее, должны, по мысли Тиндела, основываться на любви. «Бог распорядился, чтобы старшие заботились о младших. Сильнейшие должны учить и наставлять слабых, а не грозить им кнутом, дыбою и костром, называя еретиками», – пишет он в другом своем сочинении «Толкование на V. VI. VII главы Евангелия от Матфея»²⁹. В этой иерархии, установленной Богом, все граждане, по

²⁴ Ibid. P.116.

²⁵ Wyclife 1887. P. 13.

²⁶ Tyndale. The Obedience... P.137.

²⁷ Strype 1822. P. 173.

²⁸ Каменецкий 1969. С. 80.

²⁹ Tyndale. An Exposition... P. 186.

мнению реформатора, должны выполнять свой долг «не ради страха мщения, но по велению совести»³⁰. Каждая социальная группа должна четко знать свои права и добросовестно выполнять обязанности перед обществом. Особое внимание Тиндел уделяет взаимоотношениям двух наиболее антагонистических групп английского общества: лендлордов и крестьян. Вот какие рекомендации дает он английскому помещику: «Пусть христиане-лендлорды довольствуются рентой и традиционными выплатами и не поднимают ренту, и не выдумывают новые подати, чтобы угнетать своих арендаторов, и не сдают два или три участка одному человеку. Пусть они не забирают общинные земли и не превращают целые приходы в парки или пастбища, ибо Бог даровал землю людям для обитания, а не овцам и не лесной дичи. Будьте своим арендаторам отцами, будьте им тем, кем есть для нас Христос, и покажите им всю любовь и доброту. Чтобы между ними не произошло, не будьте пристрастны, не любите одних более других. Жалобы, ссоры и тяжбы между ними считайте болезнями недужных людей, и как мудрый лекарь врачуйте их мудростью и добрым советом. Будьте жалостливы и добросердечны к ним, не позволяйте вашим арендаторам грызть друг другу глотки, но разбирайте их дела беспристрастно, не понуждайте их делать за свой счет рвы, каналы, изгороди, ворота и дороги. Для этого Бог сделал вас лендлордом и для того вам платят ренту в начале, а не в конце срока. Делайте свое дело мудро и не позволяйте никому их обижать, кроме короля. Если король делает зло, пусть Бог покарает его»³¹.

Помимо патерналистских советов, которые дает реформатор английским помещикам, он еще активно выступает против огораживаний, начавшихся в Англии в XVI в. и сопровождавшихся насильственным сгоном крестьян с земли. Если отношение Тиндела к труду крестьян было проникнуто сочувствием, то о повиновении слуг хозяину он говорит достаточно жестко: «Слуги должны повиноваться с трепетом и смирением, как Христу. Если тебя будут ругать, воспринимай это спокойно, ибо и Христос терпел за нас, а ты терпишь за свое. Покуда ты слуга, твой господин тебе вместо Бога, ибо он кормит и поит тебя, одевает, направляет и учит тебя. Повинуйся ему как Богу, потому что ты – его собственность, его скот и быдло, наравне с быками и конями»³². Как видно из этого отрывка, и хозяин должен, как отец семейства, радеть о своих подопечных, заботясь о том, чтобы они ни в чем не нуждались. Тин-

³⁰ Tyndale. The Obedience... P. 116.

³¹ Ibid. P. 121-122

³² Ibid. P. 108-109.

дел был консервативен в своих взглядах и нисколько не посягал на существующий общественный строй. М. Декурси пишет о радикальных взглядах Тиндела в «Послушании...»³³. На наш взгляд, эта радикальность состоит, прежде всего, в том, что реформатор подчиняет все общественные институты светской власти. Богослов ясно осознавал, что, согласно божественному предопределению, одни должны приказывать, другие – повиноваться. Каждый, по его мнению, должен нести свой крест: «подать – кому надлежит подать, сбор – кому причитается сбор, страх – тому, кто внушает страх, честь – тому, кто заслуживает чести»³⁴.

Тиндел попытался перенести схему власти и подчинения и на отношения самых близких друг другу людей – родителей и детей: «Если будешь повиноваться своим родителям, они благословят тебя, и ангелы небесные поведут тебя по путям Господним. Если ты будешь пренебрегать услужением и повиновением своим родителям, то ты не останешься безнаказанным, ибо не они, а Бог покарает и отомстит тебе, нечестивцу»³⁵. Подобным же образом он рассуждает и о повиновении жены мужу: «Как церковь повинуется Христу, так и жена должна повиноваться мужу и даже бояться его»³⁶. Однако в другом фрагменте мы видим, что подчинение в семье Тиндел рассматривает не в одностороннем порядке, добавляя, что супружеские отношения должны строиться на основе любви: «Брак – это заповеданное Богом состояние, когда жена служит мужу, а муж – жене, дабы приумножить мир, чтобы муж помог жене своей силой, а жена мужу любовью и добротой. Муж должен принимать жену как дар божий и не грешить перед Богом»³⁷.

Для сохранения иерархической структуры общества должны быть правильно построены взаимоотношения на любой ее ступени. По мнению Тиндела, принципиально важно сосредоточить усилия на обеспечении подотчетности внутри иерархической модели, чем отказываться от нее вовсе. Однако А. Ричардсон считает, что английский реформатор так и не смог выстроить четкую схему взаимоотношений в пределах закона Божьего³⁸. Тиндел не дает детальных советов мелким чиновникам, ограничиваясь следующими словами: «Шерифы, бейлифы (районные судьи), констебли и прочие чины да не упустят никакого человека,

³³ DeCoursey 1998. P. 75.

³⁴ Tundale. The Obedience... P. 109.

³⁵ Ibid. P. 107.

³⁶ Ibid. P. 144.

³⁷ Ibidem.

³⁸ Richardson 1991. P. 90.

что вредит ближним своим, но пусть они доставят его пред лик судей, если только те не договорятся между собою и не возместят ущерб»³⁹.

Особое внимание Тиндел уделяет судье как ключевой фигуре средневекового судопроизводства и практически второму лицу в государстве после короля. Судья в его представлении – честный, неподкупный человек, добросовестно выполняющий свои обязанности. Тиндел обходит вниманием сугубо процессуальные вопросы, но настаивает на том, чтобы судьи не вторгались в сферу религиозных чувств, что является прерогативой одного Бога: «Пусть судьи, будучи поставлены на это место представителем власти, действуют добрым советом и помогают народу, дабы не быть им потом осужденными судом Бога в делах, что препоручены им. Сидя на месте Бога, пусть они судят преступления, где есть законные свидетели и не вторгаются в сознание людей по примеру антихристовых слуг, которые принуждают их проклинать самих себя именем всемогущего Бога и Святым Евангелием его милостивых обетований или свидетельствовать против самих себя. Этим нравам наши прелаты научились от Кайафы (Мф., 26), который говорил Христу: “Я осуждаю тебя во имя Бога живого, дабы ты сказал нам, Христос ли ты, сын Бога”. Пусть то, что тайна одного лишь Бога, в чем не может быть дано доказательств, ни законных свидетельских показаний, пребудет до прихода Господа, что откроет все тайны. Если изыщется зло, только тогда пусть судят, ибо большей власти не дал им Бог. Моисей во Второзаконии, 17 предупреждает судей, чтобы они бдили и не взирали ни на кого, то есть, чтобы они не предпочитали высоких низким, великих малым, богатых бедным, родных, друзей, сородичей, знакомых, соплеменников иностранцам, врагам или чужакам, единоверцев неверным, но рассматривали бы дела беспристрастно, ибо место, где находятся они, и закон, что представляют они, суть Бога, который учредил их всех, и Он есть Господь всех, а мы – все его сыновья, Он – судья всевышний, что будет беспристрастно судить всех по закону своему <...>. Более того, Моисей предупреждает, чтобы судьи не брали ни даров, ни подарков, ни взяток, ибо эти два дела – приверженность одному в ущерб другому и принятие даров – извращают всякое право и равенство и являются заразой для судей»⁴⁰. Этот фрагмент еще раз показывает, что в концепции Тиндела божественный авторитет освящает не только королевскую власть, но и любую другую должность в государстве.

³⁹ Tyndale W. The Obedience. 1573. P. 123.

⁴⁰ Ibid. P. 122-123.

Таким образом, в трактате «Послушание христианина и как христианские власти должны управлять» Тиндел попытался изобразить модель строго иерархического общества, в котором все построено на подчинении, и каждая социальная группа хорошо знает свои права и обязанности. Он был убежден, что порядок в государстве и семье может поддерживаться исключительно благодаря иерархии подчинения всех уровней общественной системы. Реформатор рассматривает общество как единый «организм», все части которого слаженно взаимодействуют и не вредят друг другу. Власть и могущество в концепции Тиндела далеко не одно и то же. Если второе непременно связано с силой, посредством которой можно заставить подчиниться, то первое – с правом. Для Тиндела власть отождествляется с правом и ей следует подчиняться добровольно, во имя общего блага. Затронутая реформатором проблема оказалась тесно связана с общечеловеческими ценностями. Для реформатора важны не столько служебные, сколько межличностные отношения, как вертикальные, так и горизонтальные, которые создаются на основе любви и закона Божьего. Слово Божие и человеческое установление соединяются в учении реформатора в гармоничное единство, соблюдение гражданских законов Тиндел возводит в степень добродетели, щедро вознаграждаемой Господом.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Дмитриева О.В.* Сотворение божества: сакрализация культа Елизаветы I Тюдор // Средние века. Вып. 59. М.: Наука, 1995. С. 155-163.
- Каменецкий Б.А.* Формирование абсолютистской идеологии в Англии XVI в. и ее особенности // Вопросы истории. 1969. № 8. С. 77- 90.
- Лютер М.* О светской власти. В какой мере ей следует повиноваться // Лютер М. Время молчания прошло. Избранные произведения 1520-1526 гг. / Пер. с нем. Ю. А. Голубкина. Харьков: Око, 1994. С. 115-152.
- Митрофанов В.П.* Крестьяне и государство в Англии второй половины XVI-первой трети XVII в. Нижний Новгород: ННГУ, 2000. 204 с.
- Сапрыкин Ю.М.* От Чосера до Шекспира: этические и политические идеи в Англии. М.: Изд-во МГУ, 1985. 192 с.
- Эльфонд И.Я.* Учение о «божественном праве» государей во французской доктрине абсолютизма второй половины XVI века // Средние века. Вып. 58. М.: Наука, 1995. С. 172-178.
- Aukxi P.* Tyndale on the Law of Reason and the Reason of Law // William Tyndale and the Law // Sixteenth Century Essays & Studies. Ed. J.A.R. Dick, A. Richardson. 1994. Vol. 25. P. 41-49.
- DeCoursey M.* The Semiotics of Narrative in «The Obedience of a Christian Man» // Word, Church, and State. Tyndale Quincentenary Essays / Ed. by John. T. Day, Eric Lund, and Anne M. O' Donnel. Washington: The Catholic University of America Press, 1998. P. 74-76.

- Richardson A.* Scripture as Evidence in Tyndale's «The Obedience of a Christian Man» // *Moreana*. 1991. Vol. 28. № 106-107.
- Richardson A.* William Tyndale and the Bill of Rights // *William Tyndale and the Law // Sixteenth Century Essays & Studies*. Ed. J.A.R. Dick, A. Richardson. 1994. Vol. 25. P. 11-29.
- Strype J.* Ecclesiastical Memorials, relating chiefly to religion and the reformation of it and the emergencies of the church of England under king Henry VIII, king Edward VI and queen Mary. 3 vols. Oxford: The Clarendon Press, 1822. Vol. 1.
- Tyndale W.* An Exposition upon the V. VI. VII chapters of Matthew Gospel // *The Whole works of W. Tyndall, John Frith, and Doct. Barnes, three worthy Martyrs and principall teachers of this Church of England collected and compiled in one Tome together, being before scattered now in Print here exhibiton to the Church / Ed. John Foxe*. London: Printed by J. Daye, 1573. P. 184-247; далее – WW.
- Tyndale W.* The Obedience of a Christen man and how Christian rulers ought to governe // WW. P. 97-183.
- Tyndale W.* Practice of papistical Prelates // WW. P. 340-377.
- Wycliff J.* Iohannis Wyclif Tractatus de Officio Regis / Ed. by Alfred W. Pollard and Charles Sayle; Publ. for the Wyclif society. London: Trubner, 1887. 296 p.

REFERENCES

- Dmitrieva O.V. Sotvorenie bozhestva: sakralizatsiya kul'ta Elizavety I Tyudor // *Srednie veka*. Vyp. 59. M.: Nauka, 1995. S. 155-163.
- Kamenetskii B.A. Formirovanie absolyutistskoi ideologii v Anglii XVI v. i ee osobennosti // *Voprosy istorii*. 1969. № 8. S. 77- 90.
- Lyuter M. O svetskoi vlasti. V kakoi mere ei sleduet povinovat'sya // *Lyuter M. Vremya molchaniya proshlo. Izbrannye proizvedeniya 1520-1526 gg.* / Per. s nem. Yu. A. Golubkina. Khar'kov: Oko, 1994. S. 115-152.
- Mitrofanov V.P. Krest'yane i gosudarstvo v Anglii vtoroi poloviny XVI-pervoi treti XVII v. Nizhnii Novgorod: NNGU, 2000. 204 s.
- Saprykin Yu.M. Ot Chosera do Shekspira: eticheskie i politicheskie idei v Anglii. M.: Izd-vo MGU, 1985. 192 s.
- El'fond I.Ya. Uchenie o «bozhestvennom prave» gosudarei vo frantsuzskoi doktrine absolyutizma vtoroi poloviny XVI veka // *Srednie veka*. Vyp. 58. M.: Nauka, 1995. S. 172-178.
- Auksi P. Tyndale on the Law of Reason and the Reason of Law // *William Tyndale and the Law // Sixteenth Century Essays & Studies*. Ed. J.A.R. Dick, A. Richardson. 1994. Vol. 25. R. 41-49.
- DeCoursey M. The Semiotics of Narrative in «The Obedience of a Christian Man» // *Word, Church, and State. Tyndale Quincentenary Essays / Ed. by John. T. Day, Eric Lund, and Anne M. O' Donnel*. Washington: The Catholic University of America Press, 1998. P. 74-76.
- Richardson A.* Scripture as Evidence in Tyndale's «The Obedience of a Christian Man» // *Moreana*. 1991. Vol. 28. № 106-107.
- Richardson A.* William Tyndale and the Bill of Rights // *William Tyndale and the Law // Sixteenth Century Essays & Studies*. Ed. J.A.R. Dick, A. Richardson. 1994. Vol. 25. P. 11-29.

- Strype J. Ecclesiastical Memorials, relating chiefly to religion and the reformation of it and the emergencies of the Church of England under king Henry VIII, king Edward VI and queen Mary. 3 vols. Oxford: The Clarendon Press, 1822. Vol. 1.
- Tyndale W. An Exposition upon the V. VI. VII chapters of Matthew Gospel // The Whole works of W. Tyndall, John Frith, and Doct. Barnes, three worthy Martyrs and principall teachers of this Church of England collected and compiled in one Tome together, being before scattered now in Print here exhibitent to the Church / Ed. John Foxe. London: Printed by J. Daye, 1573. P. 184-247; dalee – WW.
- Tyndale W. The Obedience of a Christen man and how Christian rulers ought to governe // WW. P. 97-183.
- Tyndale W. Practice of papisticall Prelates // WW. P. 340-377.
- Wycliff J. Iohannis Wyclif Tractatus de Officio Regis / Ed. by Alfred W. Pollard and Charles Sayle; Publ. for the Wyclif society. London: Trubner, 1887. 296 p.

Чугунова Татьяна Георгиевна, кандидат исторических наук, доцент кафедры всеобщей истории, классических дисциплин и права Нижегородского государственного университета им. К. Минина; tat-chugunova@yandex.ru

«Authority vs obedience» in the treatise «The Obedience of a Christen man and how Christian rulers ought to governe» by William Tyndale

The article discusses the concept of the relationship between authority and its subordinates, as stated by the 16th century English reformer William Tyndale in his treatise «The Obedience of a Christen man and how Christian rulers ought to governe» (1528). In this work, Tyndale tried to represent the model of strictly hierarchical society based on the obedience, where each social group is aware of its rights and duties. The author used the method of the textual analysis to that the English reformer identified authority not with power, but with the right, and thought it should be obeyed voluntarily, for the common good. Tyndale argued that the order in the country could only be supported through the hierarchy of obedience of all levels of government.

Keywords: Reformation, right, duty, obedience, temporal authority, spiritual authority.

Tatiana Chougounova, Ph.D., Associate professor, Department of World history, classical disciplines and law, Kozma Minin Nizhny Novgorod State Pedagogical University; tat-chugunova@yandex.ru

Е. А. ТЕРЕНТЬЕВА

РАССУЖДЕНИЕ О МЕТОДЕ УИЛЬЯМА КЭМДЕНА

Исторический метод выдающегося английского антиквара Уильяма Кэмдена, который по праву считается отцом британской истории, анализируется в контексте развития британского и европейского историописания раннего Нового времени. Наиболее яркие особенности метода Кэмдена – эмпиризм и методологическое сомнение, сочетающееся с риторикой самоуничижения. Новаторским для той эпохи было и отношение Кэмдена к подбору источников и их критике. Еще одной отличительной чертой метода Кэмдена стала коллективная составляющая его трудов.

Ключевые слова: Англия, антиквариат, Британия, историописание, Кэмден.

Уильям Кэмден (1551–1623) – известный английский антикварий второй половины XVI – начала XVII в., основатель лондонского Антикварного общества и автор знаменитой «Британии». Будучи «гуманистом по образу жизни», он не искал славы и почета, но при этом по праву носит звание «отца английской истории» и считается ученым, который не только занимался популяризацией и демифологизацией британской истории, но и внес значительный вклад в развитие европейского исторического метода.

Вторая половина XVI – первая четверть XVII в. стала для Англии временем зарождения эмпиризма. Кульминацией этого процесса явились труды и теории Ф. Бэкона, а сам процесс коснулся не только естественных наук, но и области исторического знания, методологии истории. Кэмден был одним из тех, кто формировал представления об историческом методе и направлениях исторического знания в раннее Новое время. Его методология впитала плюрализм, возникший в обществе, где накал страстей в области политической и религиозной полемики по сравнению с предыдущей эпохой несколько снизился¹.

Сам Кэмден писал, что он собирал и фиксировал собранный материал, не претендуя на звание судьи или толкователя – хотя в реальности он, безусловно, занимался интерпретацией собранного материала. Его хорография «Британия» представляет собой не описание кабинета древностей, пусть и под открытым небом, а вполне связный и логичный рассказ о событиях прошлого, организованный по топографическому принципу и опирающийся на материальные свидетельства этого прошлого как на доказательства.

¹ Herendeen 2007. P. 208; Rockette 1995. P. 831.

Кэмден высоко ценил эмпирические данные как источник информации, его скептицизм и эмпиризм не уступают Бэконовскому, а как практикующий историописатель он превзошел Ф. Бэкона – и в объективности, и в отсутствии тенденциозности при выборе источников. Кэмден отказывался признавать как нечто заведомо верное какие бы то ни было истины, даже считавшиеся общеизвестными. Он подходил к исследованию очень осторожно и двигался от эмпирических данных к гипотетическим утверждениям. Его «Британия» построена на основе принципов скептицизма и «методологического сомнения».

Одновременно Кэмден признавал необходимость сочетания очевидности с верой в случаях невозможности определенного вывода². В его методологии гипотеза, «conjecture» – это критический термин; он встречается в тексте «Британии» более ста пятидесяти раз. Тем не менее, Кэмден всегда стремился как можно лучше обосновывать свои гипотезы, и в обращении к читателю оговаривался, что в своих предположениях стремился не быть «опротечивым». Кроме того, он обещал придерживаться лишь достоверной информации («я не буду подтверждать недостоверное, также я не скрываю вероятности») и отказывался приводить в своей работе данные, за которые не мог поручиться – например, сведения о долготе и широте расположения Британии, которые разнились у разных авторов, и об истинности которых сам Кэмден не мог вынести определенного суждения³.

Таким образом, Кэмден деконструировал все существовавшие к его времени жанровые и методологические базы критики и позволил своей работе основываться на фундаменте лишь из – словами британского исследователя У. Херендина – «черепков истории»⁴.

Уильям Кэмден, наряду с Ричардом Кэрью и Генри Сэвиллом, принадлежал к поколению тех англичан, кто практически впервые сделал профессиональным изучение предметов, прежде не связанных с учеными штудиями⁵: материальные и лингвистические источники.

² «...продолжать отвергать все гипотезы, я боюсь, что большая часть прогрессивной учености и человеческого знания будет отправлена в изгнание. Ибо лезвие нашего разума столь притуплено, что мы по необходимости вынуждены следовать многим вопросам во всех профессиях гипотетически. <...> И поскольку гипотезы есть определенное выявление неизвестных вещей, и, как определяет их Фабий, направление разума к истине, я всегда полагал, что они должны рассматриваться среди двигателей, с помощью которых работает Время, извлекая Истину из колодца Демокрита» // Camden 1607. Lectori.

³ Ibidem.

⁴ Herendeen 2007. P. 202.

⁵ Powicke M. Цит. по Herendeen 2007. P. 75.

Прежде всего, эти ученые стали воспринимать материальные остатки прошлого как нечто, имевшее самостоятельную ценность и достойное внимательного отношения и изучения. В эпоху Реформации в Англии материальная история не была популярным предметом, а использовалась в качестве орудия пропаганды в удобном для заинтересованной стороны виде. Материальная история была распространена, как правило, в аристократическом сообществе, но даже в этих кругах ее рассматривали как социально полезный инструмент, не обладавший универсальной ценностью⁶. У. Кэмден и его поколение пришли на смену этим собирателям, движущей силой которых была идеология.

Кэмден крайне серьезно углубился в изучение прошлого собственной страны с помощью источников, которые с конца XVIII в. называются археологическими, а в раннее Новое время еще называли антикварными. Кроме того, он заложил основы изучения нумизматики: в его «Британии» присутствует достаточно объемный раздел, посвященный монетам римлян и бриттов, и несколько таблиц с их изображением⁷. Однако в других разделах этого труда о монетах говорится достаточно редко, они упоминаются как доказательство римского присутствия в том или ином районе Британских островов, и в целом можно согласиться с исследователями, которые считают, что материальные источники он еще воспринимал как второстепенные⁸.

Подобно другим антиквариям, Кэмден использовал в своей работе и филологические данные, которые подвергал этимологическому анализу – разумеется, на уровне той эпохи. Вот, например, рассуждение Кэмдена о происхождении греческого обозначения древних ирландцев: «что же до их пищи, то они охотно питаются травами и особенно водяным крессом, грибами, кислицей и кореньями, так что Страбон не без оснований назвал их *ποφάγοι*, то есть Едоками трав, что в некоторых списках ошибочно читается как *πολυφάγοι*, то есть Великие едоки»⁹.

Однако новаторство Кэмдена по отношению к историческим источникам не ограничивалось их подбором. Речь шла и об их критике, и об использовании в исторических трудах. Под влиянием и по примеру Кэмдена отношения между прошлым и настоящим стали восприниматься иначе. Документы, тексты и артефакты получили широкое распространение, и «историописатели» всех толков стали вырабатывать новые методы понимания и интерпретации прошлого. И если Т. Кенд-

⁶ Herendeen 2007. P. 207.

⁷ Camden 1607. P. 62–69.

⁸ Mendyk 1986. P. 477.

⁹ Camden 1607. P. 792.

рик оспаривал полную оригинальность Кэмдена¹⁰, то все же его влияние на развитие антикварного движения переоценить трудно.

С. Фасснер говорил о времени, когда творил У. Кэмден, как о периоде исторической революции, которая характеризовалась новым отношением к свидетельствам прошлого и историческим данным. Ученым той эпохи удалось сделать изучение истории и древности частью современного знания, аналогичного в своей опоре на факты естественной истории и науки¹¹. Такими фактами были для них прежде всего исторические источники.

Кэмден и его единомышленники воплотили в своих антикварных штудиях тот эмпиризм, о котором говорил Ф. Бэкон. Под их перьями традиции средневековых хроник ушли в прошлое. Признаком хорошего исторического сочинения стала считаться опора на изучение публичных записей и других документальных источников. Таким образом, Кэмден стал первым современным историком Британии, который отошел от практики своих средневековых предшественников.

Кэмден был далек от восприятия письменных свидетельств событий как непреложной истины, он скрупулезно сравнивал и анализировал их данные, останавливаясь на наиболее достоверных с его точки зрения вариантах. Более того, он сравнивал различные варианты произведений классических авторов, указывая на ошибочность некоторых из них; именно он выступил с резкой критикой Гальфрида Монмутского¹².

Кэмден стремился придерживаться первичных источников, современных описываемым событиям и желательно принадлежавших их свидетелям. Его главным принципом было позволить источниковому материалу говорить за себя – именно это подразумевала его риторика самоуничужения. Различные варианты источников воспринимались Кэмденом скорее как свидетельства, чем как авторитеты, однако выводы – «предположения», или «гипотезы» об истинности того или иного варианта он делал исходя из собственного здравого смысла¹³. При этом его критика источников не были совершенной. Например, благодаря О.Л. Вайнштейну в отечественной историографии известен не замеченный Кэмденом подлог в хронике Ассера об учреждении Оксфордского университета Альфредом Великим¹⁴.

¹⁰ Kendrick. 1950. P. 167.

¹¹ Fussner 2010. P. 100.

¹² Camden 1607. P. 6.

¹³ Camden 1607. P. 84.

¹⁴ Вайнштейн 1964. С. 442.

Кэмден достаточно активно ссылался на труды современных ему ученых (что также является чертой, отличающей историописание раннего Нового времени от средневековой традиции), а выбранная тематика позволяла ему широко использовать и труды классиков. Как правило, он не указывал конкретных работ, но если в системе цитирования можно увидеть отголоски средневековой традиции, то сам смысл использования им источников был иным. Акцент на авторитеты сменился критикой источников, которая стала систематической и превратилась в элемент методологии при написании исторических сочинений.

Кроме того, выдвигая гипотезы, Кэмден не претендовал на стопроцентную истинность своих суждений, и в «Британии» рефреном звучат его слова о том, что время все расставит по своим местам, показав, что истинно, а что ложно: «Но время, самый надежный и искренний свидетель, даст самую верную информацию»¹⁵.

Из скептицизма Кэмдена вытекал его метод, который он сам подробно описал, перечислив, что именно сделал для того, чтобы свести к минимуму возможные ошибки. Большой отрывок в предисловии к «Британии», посвященный этому вопросу, опровергает утверждение У. Херендина о том, что Кэмден не был склонен к теоретизированию¹⁶. Многие принципы его методологии отражены в следующем отрывке: «...взяв Усердие в спутники, я отважился на это, и все свои исследования, тщательность, размышления, непрерывные рассуждения, труды и усилия употребил в свободное время для достижения этой цели. Я исследовал Этимологию Британии и первых [ее] обитателей, хотя в таком неясном вопросе я ничего не утверждал с уверенностью. Поскольку я не нахожусь в неведении относительно того, что изначальное происхождение народов темно по причине его глубокой древности, как предметы, видимые в глубине или в сильном отдалении: подобно тому как течения, плесы, места слияния и устья больших рек хорошо известны, хотя их первые истоки и верховья обыкновенно остаются неизвестными. Я кратко пробежался по римскому владычеству в Британии и наводнению ее чужими народами, кем они были и откуда пришли: я проследил древние деления этих Королевств, я вкратце описал их состояние государства (имения) и суды. Я кратко описал границы некоторых графств (и все же не совсем по векам, чтобы породить вопросы), каковы свойства почвы, каковы наиболее древние места, кто был герцогами, маркизами, графами, виконтами, баронами, и их некоторые наиболее выдаю-

¹⁵ Camden 1607. Lectori.

¹⁶ Herendeen 2007. P. 202.

щиеся семейства (ибо кто может подробно остановиться на всех?). То, что я совершил, я совершил для людей здравомыслящих. Однако время, наиболее здравый и искренний свидетель, даст самые верные сведения, когда зависть, которая преследует живых, должна будет умолкнуть. Итак, позвольте мне сказать, что я никоим образом не пренебрег вещами наиболее материальными для поиска и тщательного анализа Истины. Я достиг определенного мастерства в древнейших бриттском и англо-саксонском языках: я по большей части работал по всей Англии; я совещался с наиболее опытными экспертами в каждом графстве, я внимательно прочел писателей нашей собственной страны, старых и новых, всех греческих и латинских авторов, когда-либо упоминавших Британию. Я советовался с учеными мужами из других областей христианского мира: я был весьма усерден с Документами этого Королевства. Я заглядывал в большинство Библиотек, Реестров и хроники Церквей, Городов и Корпораций. Я много вложил в множество старых Свитков и Свидетельств и представил их свидетельства (без всякого исключения), когда того требовал случай, их собственными словами (какими бы варварскими они ни были), чтобы честь истины никоим образом не могла быть взята под сомнение»¹⁷.

Таким образом, с первых строк «Британии» бросается в глаза скромность Кэмдена как исследователя и риторика самоуничужения, которая также может считаться важной составляющей его метода. Кэмден неоднократно повторяет, что он отнюдь не лучший специалист в своей области: «...я могу подвергнуться порицанию как безрассудный и недостаточно скромный, который, будучи в самом младшем классе школы Древности, где я мог бы прекрасно скрываться в безвестности, отважился [выступить] на сцену как писатель в этот ученый век», что он, как и все люди, подвержен ошибкам и забывчивости: «ибо кто настолько владеет подробностями в сокровищнице своей памяти, что в состоянии излагать их по собственному желанию?»¹⁸. Он принес читателю извинения за собственную некомпетентность практически во всех областях знания: математике, риторике, астрономии, праве и медицине, что представляло собой довольно прозрачное приглашение к диалогу представителей этих специальностей¹⁹. Таким образом, Кэмден выступил за междисциплинарное исследование задолго до того, как в исторической науке стали применяться подобные методы.

¹⁷ Camden 1607. Lectori.

¹⁸ Camden 1607. Lectori.

¹⁹ Camden 1607. Lectori.

Это самоотрицание как активного агента, творца истории, является важнейшей составляющей его метода. От точки самоуничужения и незнания Кэмден переходил к материальной основе для последующего выдвижения гипотез или утверждений о языке, обычаях, политических структурах, о жизни и состоянии тогдашнего понимания истории.

Благодаря своей работе над «Британией» Кэмден приобрел огромный авторитет не только среди лондонских интеллектуалов, но по всей стране, и даже в кругу европейских ученых. Еще до публикации своего главного произведения он пользовался уважением коллег и таких людей дела, как лорд Берли, Меркатор и У. Лэмбард²⁰. По свидетельству Э. Гибсона, Кэмдена при жизни называли Варроном, Страбоном и Павсанием Британии²¹. Однако через «Британию» Кэмдена красной нитью проходила мысль о готовности к исправлению допущенных им самим ошибок. Таким образом, он признавал: *errare humanum est*, и эта самокритичная позиция была связана со еще одной особенностью его метода – коллективностью работы.

«Британия» представляла собой результат не только собственных изысканий известного антиквара. Она стала поистине национальным проектом, в котором приняли участие многие – от членов Антикварного общества до не связанных с ним ученых и даже просто провинциальных любителей древностей. Впрочем, по мнению того же У. Херендина, все члены Антикварного общества были теми же любителями, только хорошо образованными и жившими в городе²². Материалы, собранные и переданные ими Кэмдену, также вошли в «Британию».

«Британия» с момента возникновения ее проекта в сознании Кэмдена была не просто книгой, а процессом. Изучение истории Англии для Кэмдена не было тем трудом историка-крота, не выходящего из темной библиотеки, каким его изобразил на страницах «Апологии поэзии» Ф. Сидни²³. Для Кэмдена это был живой, деятельный и коллективный процесс, связанный с экспедициями по сбору материала, перепиской с многочисленными корреспондентами по всей Англии, а также с внесением исправлений и дополнений в уже оформленные тексты.

Целью становился не окончательный текст, а сам процесс изучения древней и средневековой истории Британии, находивший отражение в постоянно корректировавшихся текстах «Британии» (достаточно

²⁰ Herendeen 2007. P. 200.

²¹ Camden's Britannia 1695. The Preface to the Reader.

²² Herendeen 2007. P. 206.

²³ Сидни 1982. С. 161.

вспомнить ее многочисленные переиздания). Работа Кэмдена над «Британией» и не могла получить логического завершения, поскольку его предметом была не книга, а целая страна, геополитическое целое в множестве исторических контекстов. Подход к ее изучению также должен был быть полиморфным, Кэмден стремился использовать разные пути и методы познания – и он использовал их максимально, оказавшись во многом в авангарде исторической мысли своей эпохи.

«Британия» представляла собой побочный продукт нескольких видов исследовательской активности своего автора – его антикварных, географических, этимологических и исторических исследований, каждая из которых дополняла и наполняла новыми смыслами идею Британии. Кэмден взялся за дело, подобное образованию и исследованию, то есть не имеющее конца по определению. «Я достиг своей цели, если привел в действие других»²⁴, – писал он в предисловии. И он с полным правом мог считать, что эта цель была им достигнута.

Более того, в процессе создания его «Британии» могла участвовать широкая читательская аудитория. Кэмден сам призывал к этому. В предисловии к английскому изданию читаем: «Другие могут быть более искусны и точнее заметить детали мест, хорошо им знакомых. Если они, или кто бы то ни было еще, известят меня, в чем я ошибся, я исправлю это с превеликой благодарностью. Если я невольно опустил то, что должно, я восполню это. Если я неполно изложил какой-нибудь вопрос, то на основании их, лучшей информации, я проясню его, если это происходит от добрых намерений, а не от духа противоречия и ссоры, который не подобает тем, кто хорошо воспитан и привержен истине»²⁵.

Приглашение читателей к диалогу не было фигурой речи. «Британия» пережила шесть исправленных и дополненных переизданий на латинском языке при жизни автора с последующими стереотипными изданиями. Первое издание 1586 г. было мало похоже на последующие; этот вариант лишь помог определить предметные области и выделить, что следовало сделать, ни в коем случае не претендуя на завершенность. В 1586 г. Кэмден, по мнению Херендина, вряд ли мог представить себе перспективы и направления развития своего труда²⁶. С этим трудно не согласиться – настолько значительно было расширено произведение к концу жизни автора, не говоря уже о том резонансе, который «Британия» произвела в образованных кругах английского общества.

²⁴ Camden 1607. Lectori.

²⁵ Camden 1607. Lectori.

²⁶ Herendeen 2007. P.183.

Процесс внесения исправлений и дополнений в оригинальный текст не прекратился и после смерти автора, завершившись изданием «Британии» Гибсоном в 1695 г. Таким образом, произведение Кэмдена превратилось из персонального труда в национальное достояние, а «Британия» литературная стала частью Британии как политической, географической и этнокультурной реальности.

Вторую половину XVI – начало XVII в. один из исследователей раннего Нового времени Т. Кендрик назвал «веком Кэмдена», а о самом Кэмдене он говорил как об оригинальном и влиятельном исследователе, который инициировал процесс изменения исторического метода в Англии²⁷, и с этими словами, безусловно, нельзя не согласиться.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Вайнштейн О. Л. Западноевропейская средневековая историография. М.–Л.: Наука, 1964. 483 с.
- Сидни Ф. Защита поэзии / Пер. Л.И. Володарской // Сидни Ф. Астрофил и Стелла. Защита поэзии / Сост., ст. Л. И. Володарской. М.: Наука, 1982. С. 143–216.
- Camden W. *Britannia, sive Florentissimorum regnorum Angliae, Scotiae, Hiberniae, et Insularum adiacentium ex intima antiquitate Chorographica descriptio: Nunc postremo recognita, plurimis locis magna accessione adaucta, & Chartis Chorographicis illustrata.* Londini: Impensis Georgii Bishop & Ioannis Norton, 1607. 860 p., Index.
- Camden's *Britannia*, Newly Translated into English : with large additions and improvements. Published by Edmund Gibson. London, 1695.
- Fussner F. S. *The Historical Revolution: English Historical Thought, 1580–1640.* Taylor & Francis e-Library, 2010. 251 p.
- Herendeen W. H. *William Camden. A Life in Context.* Woodbridge: The Boydell Press, 2007. 536 p.
- Kendrick T. D. *British Antiquity.* London : Methuen & Co., 1950. 171 p.
- Mendyk S. *Early British Chorography // The Sixteenth Century Journal.* Vol. 17, No. 4 (Winter, 1986). P. 459–481.
- Rockette W. *The Structural Plan of Camden's Britannia // Sixteenth Century Journal,* Vol. 26. No. 4. (Winter, 1995). P. 829–841.

REFERENCES

- Vainshtein O. L. *Zapadnoevropeiskaya srednevekovaya istoriografiya.* M.–L.: Nauka, 1964. 483 s.
- Sidni F. *Zashchita poezii / Per. L.I. Volodarskoi // Sidni F. Astrofil i Stella. Zashchita poezii / Sost., st. L. I. Volodarskoi.* M.: Nauka, 1982. S. 143–216.
- Camden W. *Britannia, sive Florentissimorum regnorum Angliae, Scotiae, Hiberniae, et Insularum adiacentium ex intima antiquitate Chorographica descriptio: Nunc postremo recognita, plurimis locis magna accessione adaucta, & Chartis Chorographicis illustrata.* Londini: Impensis Georgii Bishop & Ioannis Norton, 1607. 860 p., Index.
- Camden's *Britannia*, Newly Translated into English : with large additions and improvements. Published by Edmund Gibson. London, 1695.

²⁷ Kendrick 1950. P. 167.

- Fussner F. S. The Historical Revolution: English Historical Thought, 1580–1640. Taylor & Francis e-Library, 2010. 251 p.
- Herendeen W. H. William Camden. A Life in Context. Woodbridge: The Boydell Press, 2007. 536 p.
- Kendrick T. D. British Antiquity. London : Methuen & Co., 1950. 171 p.
- Mendyk S. Early British Chorography // The Sixteenth Century Journal. Vol. 17, No. 4 (Winter, 1986). P. 459–481.
- Rockette W. The Structural Plan of Camden's Britannia // Sixteenth Century Journal, Vol. 26. No. 4. (Winter, 1995). P. 829–841.

Терентьева Екатерина Анатольевна – кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры истории и регионоведения Санкт-Петербургского государственного университета телекоммуникаций им. проф. М.А. Бонч-Бруевича; *e.a.terenteva@bk.ru*

Reflections on the method of William Camden

The method of a famous English antiquary William Camden is analyzed here in the context of the development of the British and European historical writing. Camden's empiricism and his methodological doubt combined with self-humiliation rhetoric are the main features of his historical method. The choice of historical sources, as well as his attitude to them were innovative for the epoch. The collectivism of his work can be also considered as a significant feature of his method.

Keywords: Antiquaries, Britain, Camden, England, historical writing.

Ekaterina Terenteva – Ph.D. (History), Assistant Professor, Faculty of Humanities, Department of Regional Studies, The Bonch-Bruевич Saint-Petersburg State University of Telecommunications; *e.a.terenteva@bk.ru*

С. М. МОРОЗОВ

ТРАНСФОРМАЦИЯ ТЕОРИИ ОБЩЕСТВЕННОГО ДОГОВОРА В ТРУДАХ ЧЛЕНОВ КРУГА ГРЕЙТ ТЬЮ

Статья посвящена проблеме модификации теории общественного договора в политических концепциях, сформулированных в начале 1640-х гг. английскими интеллектуалами, входившими в круг Грейт Тью. В ходе разгоревшейся в начале 1640-х гг. «памфлетной войны» теоретики из этого круга обратились к различным версиям договорной теории для защиты королевской власти от парламентских обвинений. Взяв за основу идеи Гуго Гроция и Томаса Гоббса, авторы из Грейт Тью существенно переосмыслили основные положения их концепций, смешав позаимствованные у них тезисы с идеями Джона Селдэна и Ричарда Хукера, а также теорией божественного права. Автор рассматривает общие векторы изменений, вносимых членами Грейт Тью в теорию общественного договора.

Ключевые слова: Генри Паркер, Дадли Диггис, круг Грейт Тью, Люциус Кэри, теория общественного договора, Эдвард Хайд.

Одним из наиболее заметных достижений политической философии XVII в. стал расцвет договорной теории происхождения власти. В течение столетия договорная теория превратилась из маргинальной идеи, к началу века имевшей хождение преимущественно лишь среди доминиканцев Саламанкского университета и иезуитов¹, в один из доминирующих политических дискурсов. Конечно, сложно говорить о договорной (или естественно-правовой) теории как о едином стройном политическом учении, скорее её следует рассматривать как совокупность совершенно нетождественных и даже разнонаправленных теорий, имеющих сходство лишь в наличии ряда общих предпосылок, но порой радикально расходящихся в конечных выводах. Чтобы убедиться в этом, достаточно сравнить теоретические конструкции вписанных в канон авторов, таких как Г. Гроций, Т. Гоббс, Д. Локк, С. Пуфендорф, которые в своих работах скрупулёзно выстраивали договорную теорию в систему взаимозависимых постулатов. Хотя между работами этих мыслителей существует определённая преемственность, невозможно говорить, что они последовательно развивали одну теорию, оттачивая аргументы своих предшественников². Несмотря на то, что все они исходили из примерно общего набора предпосылок: представлений об изна-

¹ См.: Skinner 1978. P. 148-163.

² Ср.: Tuck 1990. P. 99-119.

чальном равенстве всех людей, о наличии у всех людей естественных прав, о происхождении власти и государства в результате соглашения между всеми членами сообщества для достижения некоей общей цели, — они совершенно по-разному интерпретировали эти ключевые концепты. В результате каждый из них создал свою собственную договорную теорию, и различий между двумя версиями договорной теории (например, Гоббса и Локка) могло быть не меньше, чем между теорией общественного договора того же Гоббса и, допустим, «патриархальной» теорией Р. Филмера, являвшейся вариантом теории божественного права. Если теории Гоббса и Локка сходились в общих пропозициях, но кардинально расходились в выводах, то теории Гоббса и Филмера сближались в своих выводах, но кардинально отличались в исходных предпосылках³.

Если перевести внимание на менее именитых авторов, обращавшихся к аргументам «теории» общественного договора, то они зачастую и вовсе не заботились о непротиворечивости своих теоретических построений и их редуцируемости до ряда понятных и не исключających друг друга принципов. Однако именно благодаря сочинениям неканонических авторов, свободно интерпретировавших известные им тексты, договорная теория актуализировалась, вписывалась в локальные контексты и превращалась в политический дискурс.

В Англии договорной дискурс формировался на протяжении первой половины XVII в., но политическое измерение он приобрёл только в период «памфлетной войны», развернувшейся в самом начале 1640-х гг. и сопровождавшейся последующие гражданские войны⁴. Наиболее ярко идея общественного договора проявилась в написанном Г. Паркером в 1642 г. памфлете «Наблюдения касательно некоторых ответов и выражений Его Величества»⁵. Это был первый памфлет времён гражданских войн, в котором отчётливо проговаривались основные постулаты теории общественного договора. На первой же его странице Паркер заявлял, что Бог не даровал власть правителям, но вручил её народу, который позднее делегировал её королю⁶. Причину делегирования власти Паркер, подобно Гроцию, видел в реализации естественного права самосохранения, поскольку управляемое общество предоставляет защиту лучшую, чем может обеспечить каждый человек в отдельности. То же

³ Филмер сам писал, что полностью согласен с выводами Гоббса, однако недоволен теми аргументами, посредством которых Гоббс приходит к этим выводам (Filmer 1991. P. 184).

⁴ Kahn 2004. Pp. 33-34, 41-56.

⁵ Parker. Observations upon some of his Majesties late Answers and Expresses....

⁶ Ibid. P.1.

право самосохранения, согласно Паркеру, позволяет народу не подчиняться и даже оказывать сопротивление правителю, который забыл о своих обязанностях перед народом и превратился в тирана⁷. Выразителем народной роли оказывался, конечно, парламент, который имел право в чрезвычайной ситуации действовать по собственному усмотрению.

Таковы были основные положения договорной теории в памфлете Паркера. Едва ли можно говорить, что Паркер создал свою версию теории договора или хотя бы внятно пересказал теорию Гроция, чьё влияние совершенно отчётливо прослеживается в тексте. Паркер вовсе не пытался убедить читателя в верности теории общественного договора. Вероятно, он и сам был знаком с ней совсем недавно (не исключено, что идеи Гроция к тому времени он знал лишь в пересказе⁸). В частности, об этом свидетельствуют его предшествующие сочинения: в написанных всего несколькими месяцами ранее памфлетах дискурс общественного договора не использовался вовсе⁹. Видимо, Паркер даже не разделял многие постулаты договорной теории: позднее, прочитав (или перечитав) трактат Гроция «О законах войны и мира», он выскажет своё более чем скептическое отношение к содержащимся в этом трактате идеям¹⁰. Однако каковы бы ни были отношения Паркера с Гроцием, «Наблюдения» положили начало новому политическому дискурсу, в котором определяющую роль играли тезисы договорной теории.

Выход «Наблюдений» имел столь мощный резонанс, что ещё на протяжении нескольких лет роялисты оспаривали основные положения этого памфлета¹¹. Среди множества критиковавших Паркера текстов особенно выделяются следующие: «Ответ на опубликованную книгу, озаглавленную “Наблюдения касательно некоторых ответов и выражений Его Величества”» (1642)¹², написанный виконтом Фолклэндом, У. Чиллингвортом и Д. Диггисом; «Жалоба в палату общин и резолюция, рассмотренная свободными жителями Лондона, Вестминстера и прилегающих окрестностей» (1642)¹³ Э. Хайда; а также трактат «О незаконности вооружённого сопротивления подданных своему суверену» (1644)¹⁴, написанный Диггисом в одиночку.

⁷ Ibid. P. 18-19, 32.

⁸ См.: Mendle 1995. P. 126.

⁹ См., например: Parker. Some few observations upon His Majesties late answer...

¹⁰ Mendle 1995. P. 125, 131-132.

¹¹ Ibid. P. 90.

¹² An answer to a Printed Book Intituled Observations...

¹³ Clarendon. A complaint to the House of Commons...

¹⁴ Diggs. The Unlawfulness of Subjects taking up Armes...

Авторов этих памфлетов объединяет то, что они не стали уклоняться от заданного Паркером дискурса и согласились рассматривать политические отношения через призму общественного договора. Это не стало для них вызовом, поскольку все они были хорошо знакомы с теорией общественного договора, что было обусловлено их участием интеллектуальных диспутов, проходивших в 1630-х гг. в поместье виконта Фолклэнда в Грейт Тью (деревушке в нескольких милях от Оксфорда).

Интеллектуальный центр в Грейт Тью вырос в начале 1630-х гг. из дружеских встреч, проходивших в доме Л. Кери, виконта Фолклэнда (1610–1643). Завсегдатаями встреч были близкий друг Фолклэнда юрист Э. Хайд, теологи У. Чиллингворт, Г. Хаммонд, Дж. Холс, священники Г. Шелдон, Дж. Ирл, Дж. Морли, поэты Т. Кэрю, С. Годольфин, Дж. Сэндис, Дж. Саклинг, Э. Уоллер, учёный Д. Диггис. С кругом Фолклэнда также контактировали антиквар Дж. Селден, философы Р. Пейн и Т. Гоббс¹⁵. Грейт Тью быстро превратился в форум для обмена идеями. Любой джентльмен был желанным гостем в этом доме, и, как вспоминал Хайд, хозяин сам никогда не знал, кто навестит его в течение дня¹⁶. В доме поддерживалась абсолютная свобода дискуссии: любой из присутствующих, невзирая на ранг или статус, мог высказать своё мнение по обсуждаемому вопросу. Однако доминирующее положение в занимали теологи, лидером которых был Чиллингворт¹⁷. Именно его идеи и богословские искания в наибольшей степени влияли на членов круга¹⁸. Сам виконт Фолклэнд написал пространственный теологический трактат¹⁹, а на склоне лет дань уважения идеям Чиллингворта отдал и Хайд²⁰.

Для Чиллингворта и его последователей источником вдохновения служили труды Р. Хукера и Г. Гроция. В обращении к наследию Хукера не было ничего необычного: на протяжении всего XVII века Хукер был авторитетом для многих англичан самых разных политических и даже религиозных взглядов²¹. Гроций же в период существования круга отнюдь не пользовался такой популярностью у англичан. Его политические идеи были известны единицам, а религиозные идеи даже

¹⁵ См.: Clarendon. The Life of Edward Earl of Clarendon... 1759. P. 31, 42-44, 49-59; Aubrey 1898. P. 151; Beiser 2014. P. 84-85.

¹⁶ Clarendon. The Life of Edward Earl of Clarendon. Vol. 1. P. 42-43.

¹⁷ См.: Trevor-Roper 1988. P. 166-230.

¹⁸ Tuck 1993. P. 272-273.

¹⁹ Falkland. 1651.

²⁰ Clarendon. Contemplations and Reflexions upon the Psalms of David... О влиянии теологии Чиллингворта на Хайда см.: Robinson 1979.

²¹ MacCulloch 2008. P. 563-610.

считались опасными²². Тем не менее именно в трудах Гроция У. Чиллингворт, ввязавшийся в начале 1630-х гг. в спор о различиях и сходствах католицизма и протестантизма, обнаружил сходные со своими идеи, обоснованные столь блестящей аргументацией, что Чиллингворт не преминул перенести её в собственные сочинения²³. Благодаря Чиллингворту работы Гроция для себя открыли и остальные члены круга Грейт Тью, сразу же по заслугам оценившие его идеи²⁴. По всей видимости, уже в 1630-е гг. в Грейт Тью был известен и *opus magnum* Гроция, трактат «О праве войны и мира», в котором подробнейшим образом излагалась его теория общественного договора. Во всяком случае, в 1640 г. Хайд был уже знаком с этой книгой и цитировал отдельные пассажи из неё на полях составленного им конспекта «Элементов естественного и политического закона» Гоббса²⁵. Тогда же с рукописью этой работы познакомились и другие члены круга²⁶.

Таким образом, к началу «памфлетной войны» принявшие в ней активное участие интеллектуалы из Грейт Тью были хорошо знакомы с несколькими версиями теории общественного договора (Гроция, Гоббса и, возможно, Селдена, который, как следует из записанных его секретарём «Застольных бесед», примерно в это время (1634–1654) размышлял над договорными основами государства²⁷). Поэтому произошедший благодаря «Наблюдениям» Паркера резкий поворот политического дискурса в сторону контрактуализма не застал членов круга Фолклэнда врасплох, в отличие от многих других роялистов, которые, отвечая на памфлет Паркера, зачастую не находили ничего лучше, чем останавливаться на отдельных фразах и выражениях, полностью игнорируя всю выстроенную Паркером систему аргументации, или же с ходу обвинять Паркера в иезуитстве (т.е. ретрансляции иезуитской политической теории)²⁸. Роялисты из Грейт Тью пошли иным путём.

Авторы «Ответа на опубликованную книгу» (Диггис, Фолклэнд и Чиллингворт) соглашались с заданной Паркером политической оптикой: они полностью разделяли мысль, что наиглавнейшим из естественных прав человека является право самосохранения; они признавали, что люди для реализации этого права (т.е. для обеспечения безопасности)

²² Kahn 2004. P. 34; Mortimer 2010. P. 43.

²³ Leeuwen 1963. P. 15-32.

²⁴ См.: Hammond. A Vindication of Christ reprehending Saint Peter... P. 71-85.

²⁵ Dzelzainis 1989. P. 313-315.

²⁶ Kahn 2004. P. 104-108.

²⁷ Selden. 1856. О написании книги см.: Rosenblatt 2006. P. 165-166, 223.

²⁸ См.: Mendle. 1995. P. 90-91.

пришли к соглашению и передали власть над собой суверену²⁹. Однако они отказывали в состоятельности представлений Паркера о договоре. Общественный договор, утверждали они, заключён перед Богом и не может быть разорван ни при каких обстоятельствах, даже если суверен не выполняет своих обязательств. Тем более что суверен, как утверждали они, не связан никаким договором, поскольку люди заключали договор не с ним, а между собой³⁰. Хотя главным аргументом в пользу сохранения status quo авторы «Ответа» всё-таки считали подкреплённый божественным авторитетом моральный долг выполнять условия существующего общественного договора, они также указывали, что сохранение верности существующей власти обуславливается ещё и правом самосохранения, поскольку сопротивление властям разрушает основы порядка и оставляет людей беззащитными³¹. «Могли ли наши предки предположить, – вопрошали авторы «Ответа», – что король когда-нибудь будет защищать Великую хартию вольностей?»³².

В изложенной в «Ответе» теории причудливым образом переплелись договорные теории Гроция и Гоббса. От Гроция авторы восприняли идею о необходимости соблюдать существующие соглашения. В «Пролегоменах к трём книгам о праве войны и мира» Гроций писал, что «соблюдение договоров предписывается естественным правом» и что члены политического сообщества должны беспрекословно подчиняться решениям законной власти³³. Гроций настаивал на том, что договор должен исполняться при любых условиях, пусть даже он был заключён путём обмана или же на крайне невыгодных условиях³⁴. Эту возникшую в результате сотрудничества Гроция с Голландской Ост-Индийской компанией идею³⁵ авторы направили – при посредничестве Гоббса – против самого Гроция. Если голландский мыслитель полагал, что суверен, как и его народ, ограничен в своих действиях принятым договором, и даже называл семь ситуаций, при которых подданные могут восставать против своего властителя³⁶, то авторы «Ответа» полностью исключали возможность нарушения договора сувереном и отрицали существование законных оснований сопротивления существующей

²⁹ An answer to a Printed Book... P. 1-2, 44.

³⁰ Ibid. P. 9.

³¹ Ibid. P. 104-108.

³² Ibid. P. 25.

³³ Гроций. О праве войны и мира. С. 47-48.

³⁴ Там же. С. 361-362, 366-367.

³⁵ См.: Ittersum 2006.

³⁶ Гроций. О праве войны и мира. С. 171-172.

власти. От Гоббса авторами была позаимствована идея неограниченности власти суверена и неподотчётности его действий перед подданными. Однако описывая ужасы хаоса, вызванного сопротивлением законной власти, они апеллировали не столько к изобретённому Гоббсом состоянию «войне всех против всех», сколько к представлениям Хукера и Селдэна об обществе. Хукер, который в Грейт Тью был вторым авторитетом после Гроция, описывал общество как целостную, сложноорганизованную иерархическую систему, в которой любое изменение может привести к краху³⁷. Селдэн же писал, что законы государства являются договором между королём и его подданными³⁸. При этом у Селдэна не было целостной концепции общественного договора: наряду с этим утверждением и уверенностью в том, что нарушение закона не может быть оправдано личными убеждениями³⁹, он также полагал, что любой договор следует соблюдать ровно до тех пор, пока одна из сторон не захочет его расторгнуть⁴⁰. Однако можно предположить, что из провозглашения Селдэном существующих законов общественным договором авторы «Ответа» сделали вывод, что разрыв договора приведёт к отмене всех законов с соответствующими последствиями.

Многие идеи, заключённые в «Ответе», были в более радикальной форме представлены в трактате Д. Диггиса «О незаконности вооружённого сопротивления подданных своему суверену». Диггис выстраивал свою аргументацию в поддержку вынесенного в заглавие тезиса посредством разделения понятий «право» и «закон»: право, в его интерпретации, не накладывает никаких обязательств и позволяет человеку самому решать, осуществлять ли то или иное действие или нет; в то время как закон не оставляет никакого выбора, а потому законы есть границы естественной свободы человека. И поскольку подчинение королю основано на законе, а человеческая жизнь основана на естественном праве, человек обязан соблюдать закон даже в том случае, когда это угрожает его жизни⁴¹. В этом трактате Диггис полностью дистанцировался от конституционализма и окончательно ушёл на позиции Гоббса, усилив его теорию посредством свободной интерпретации отдельных тезисов Гроция о договорных обязательствах, естественных правах и естественном законе.

³⁷ См.: Kirkley 1971. P. 48-49.

³⁸ Selden 1856. P. 82.

³⁹ Ibid. P. 38.

⁴⁰ Ibid. P. 40-41.

⁴¹ Diggs. The Unlawfulness of Subjects taking up Armes... P. 14.

Совершенно иначе договорная теория была представлена в памфлете Хайда «Жалоба в палату общин и резолюция, рассмотренная свободными жителями Лондона, Вестминстера и прилегающих окрестностей». Договорную теорию Гоббса, как следует из составленного им конспекта «Элементов естественного и политического закона», Хайд считал полностью ошибочной. Прежде всего, он категорически не был согласен с самой концепцией договора, заключаемого людьми с целью передать власть над собой третьему лицу, что казалось ему абсурдным⁴². Гораздо более разумным ему представлялось заключение договора между народом и монархом, договора, в котором бы обязанности брали на себя обе стороны⁴³. Как и Селдэн, Хайд считал, что договор закреплён в законе, который распространяется на короля, как и на каждого из подданных. Причиной всех бед последнего времени он считал нарушение законного порядка как парламентом, так и – в этом уникальность его позиции – Карлом I⁴⁴. Хайд был единственным из роялистов, входивших в круг Грейт Тью, кто не отрицал вины короля в разжигании гражданской войны. Единственный выход из сложившейся ситуации он видел в том, чтобы обе стороны сложили оружие и вернулись к закреплённым в английской конституции обязательствам. В теории Хайда элементы договорной теории Гроция смешались с представлениями юристов общего права об английской конституции⁴⁵ и идеями Хукера, который ещё в начале века предложил рассматривать отношения короля и народа через призму заключённого договора с взаимными обязательствами⁴⁶. При этом смешении сама теория Гроция претерпела существенные изменения: заключение общественного договора перестало быть одномоментным историческим событием и становилось фикцией, позволяющей теоретизировать отношения короля и подданных.

Во всех рассмотренных памфлетах теория общественного договора удивительным образом переплеталась с элементами теории божественного права. Если Гроций и Гоббс полагали, что нет иного источника власти, кроме самих людей, то памфлетисты из Грейт Тью продолжали связывать власть с божьей волей (как, впрочем, и Паркер). Диггис прямо утверждал, что король является не только представителем народа, но также и божьим представителем, и именно от Бога

⁴² Dzelzainis 1989. P. 314-316.

⁴³ Эту идею Э. Хайд позднее неоднократно повторял. Например, см.: Clarendon. A Brief View and Survey of the Dangerous and Pernicious Errors... P. 93, 100.

⁴⁴ Idem. A complaint to the House of Commons. P. 7, 9, 14-23.

⁴⁵ Об этих представлениях см.: Pocock 1987.

⁴⁶ Sommerville 2014. P. 62-63.

королём получена власть распоряжаться человеческими жизнями⁴⁷. Ту же идею озвучивал и другой автор из Грейт Тью, Г. Хаммонд, выделявший в своём трактате «О сопротивлении законным магистратам с позиции религии» (1643) два вида королевской власти: одна из них вручена ему народом, а вторая дарована Богом⁴⁸. Э. Хайд не затрагивал вопроса происхождения власти в своих памфлетах начала 40-х гг., однако позже он написал, что власть имеет исключительно божественное происхождение, и лишь по прошествии времени власть сама наложила на себя договорные обязательства⁴⁹. Таким образом, все члены Грейт Тью полагали, что Бог является источником власти, но это убеждение вовсе не мешало им рассматривать отношения носителя власти со своими подданными через призму договорной теории.

В круге Грейт Тью, как в плавильном котле, сливались совершенно разные по своему происхождению теории, ни одна из которых не была доминирующей: договорные теории Г. Гроция, Т. Гоббса, Дж. Селдэна смешивались с конституционализмом Р. Хукера, теорией божественного права и профессиональной мифологией юристов. В результате этого процесса появлялись новые политические концепции, в которых от породивших их теорий оставались лишь небольшие вырванные из контекста тезисы и аргументы, получавшие в работах членов круга Фолклэнда неожиданные коннотации. И эта предельная эклектичность является, пожалуй, идеальной иллюстрацией форм существования в XVII в. договорной теории, которая действительно в первую очередь является не теорией происхождения власти и государства, но дискурсом, описывающим властные отношения.

БИБЛИОГРАФИЯ / REFERENCES

Источники:

- Гроций Г. О праве войны и мира. Три книги, в которых объясняются естественное право и право народов, а также принципы публичного права. М.: Ладомир, 1994. An answer to a Printed Book Intituled Observations upon some of his Majesties late Answers and Expresses. Oxford, 1642.
- Aubrey J. "Brief Lives", chiefly of Contemporaries, set down by John Aubrey, between the Years 1669 & 1696. Ed. by A. Clark. In 2 vol. Vol. 1. Oxford: Clarendon Press, 1898.
- Clarendon E.H. A Brief View and Survey of the Dangerous and Pernicious Errors to Church and State in Mr. Hobbes' Book Entitled Leviathan. Oxford, 1676.
- Clarendon E.H. A collection of several tracts of the right honourable Edward, earl of Clarendon, author of the History of the rebellion and Civil wars in England. Published from his Lordship's Original Manuscripts. L., 1727.

⁴⁷ Diggs. The Unlawfulness of Subjects taking up Armes... P. 33-35.

⁴⁸ Hammond H. Of Resisting the Lawfull Magistrate. Pp. 35-36.

⁴⁹ Clarendon. A Brief View and Survey... P. 67-71.

- Clarendon E.H. A complaint to the House of Commons: and resolution taken up by the free Protestant subjects of the cities of London and Westminster, and the counties adjacent. Oxford, 1642.
- Clarendon E.H. The Life of Edward Earl of Clarendon, a Lord High Chancellor of England, and Chancellor of the University of Oxford. In 3 vol. Vol. 1. Dublin, 1759.
- Diggs D. The Unlawfulness of Subjects taking up Armes against their Sovereigne, in what case soever. N.p. 1647.
- Falkland L.C. Sir Lucius Cary, Late Lord Viscount of Falkland: His Discourse of Infallibility, with an Answer to it: and his Lordships Reply. L., 1651.
- Filmer R. Observations Concerning the Original of Government, Upon Mr. Hobs Leviathan, Mr. Milton Against Salmasius, Hugo Grotius De Jure Belli // Filmer R. "Patriarcha" and Other Writings. Cambridge: Cambridge University Press, 1991.
- Hammond H. Of Resisting the Lawfull Magistrate under colour of Religion. N.P. 1647.
- Parker H. Observations upon some of his Majesties late Answers and Expresses. L., 1642.
- Parker H. Some few observations upon His Majesties late answer to the declaration, or remonstancie of the Lords and Commons of the 19 of May, 1642. L., 1642.
- Selden J. The Table-Talk. L., 1856.

Литература:

- Beiser F.C. The Sovereignty of Reason: The Defense of Rationality in the Early English Enlightenment. Princeton: Princeton University Press, 2014.
- Dzelzainis M. Edward Hyde and Thomas Hobbes's Elements of Law, Natural and Politic // Historical Journal. Vol. 32, 1989.
- Ittersum M.J. Profit and principle: Hugo Grotius, natural rights theories and the rise of Dutch power in the East Indies, 1595-1615. Leiden, Boston: Brill, 2006.
- Kahn V. Wayward Contracts: The Crisis of Political Obligation in England, 1640-1674. Oxford, Princeton: Princeton University Press, 2004.
- Kirkley M.H. Clarendon's History of the Rebellion: Its Themes and Literary Strategy. Stanford: Stanfodr University, 1971.
- Leeuwen H.G. The Problem of Certainty in English Thought, 1630-1690. The Hague: Springer Science, 1963.
- MacCulloch D. Richard Hooker's reputation // A Companion to Richard Hooker. Ed. by W.J. Kirby. Leiden: Brill, 2008.
- Mendle M. Henry Parker and the English Civil War. The Political Thought of the Public's "Privado". Cambridge: Cambridge University Press, 1995.
- Mortimer S. Reason and Religion in the English Revolution. The Challenge of Socinianism. Cambridge: Cambridge University Press, 2010.
- Pocock J.G.A. The ancient constitution and the feudal law. Cambridge: Cambridge University Press, 1987.
- Robinson T.H. Lord Clarendon's Moral Thought // Huntington Library Quarterly, Vol. 43, No. 1. 1979.
- Rosenblatt J.P. Renaissance England's Chief Rabbi: John Selden. NY, Oxford: Oxford University Press, 2006.
- Skinner Q. The Foundations of Modern Political Thought. In 2 vol. Vol. 2. Cambridge: Cambridge University Press, 1978.
- Sommerville J.P. Royalists and Patriots: Politics and Ideology in England, 1603-1640. L., NY: Routledge, 2014.
- Trevor-Roper H. The Great Tew Circle // Catholics, Anglicans and Puritans Chicago: University of Chicago Press, 1988.

Tuck R. *Philosophy and government, 1572-1651*. Cambridge: Cambridge University Press, 1993.

Tuck R. The 'modern' theory of natural law // *The Languages of Political Theory in Early-Modern Europe*. Ed. by A. Pagden. Cambridge: Cambridge University Press, 1990.

Zuckert M.P. *Natural Rights and the New Republicanism*. Princeton: Princeton University Press, 1998.

Морозов Сергей Михайлович, аспирант Саратовского государственного университета им. Н.Г. Чернышевского; tenros@nextmail.ru

The transformation of social contract theory in the writings of the members of the Great Tew Circle in the late 16th – early 17th c.

The article looks into the royalist interpretation of social contract theory produced by a group of English intellectuals known as the Great Tew circle. At the beginning of the “paper war”, which erupted in the early 1640s, some members of this circle wrote political treatises in defense of royal power. In this writings, authors of Great Tew circle used some Grotian and Hobbesian ideas of social contract theory, but they substantially altered these. The polemicists mixed the elements of the theory with some of the ideas of John Selden and Richard Hooker, and the principles of the divine-right theory of kingship. The article analyses the most important alterations of social contract theory in this writings.

Keywords: Dudley Digges, Edward Hyde, the Great Tew circle, Henry Parker, Lucius Cary, social contract theory.

Sergey Morozov, postgraduate student, Saratov State University; tenros@nextmail.ru

А. А. ПОСТНИКОВА

ТЕАТР В ИСТОРИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКЕ ПЕРВОЙ ИМПЕРИИ ВО ФРАНЦИИ¹

В статье предпринята попытка определить роль театров в исторической политике Наполеона. Рассмотрев социальное положение актеров и репертуар театров, автор приходит к выводу о том, что творения, созданные по государственному заказу, не находили безусловной поддержки у публики и быстро канули в лету. В то же время Наполеон, прислушиваясь к общественному мнению, способствовал в ряде случаев появлению достойных спектаклей и карьере талантливых актеров.

Ключевые слова: история, театр, историческая политика, функциональная память, Первая империя во Франции, Наполеон, общественное сознание.

Театр, будучи «местом функциональной памяти»², всегда играл заметную, а порой и главную роль в формировании общественного сознания. Прав был Вольтер, сказав, что, «театр поучает так, как этого не сделать толстой книге». Благодаря своей непревзойденной силе воздействия на публику, театр нередко становился эффективным орудием в реализации исторической политики и активно способствовал формированию определенного образа власти. Такая тенденция наблюдалась и в период Первой империи во Франции, когда Наполеон пытался использовать все возможные средства контроля над обществом. Если вопрос о роли периодической печати и живописи в исторической политике французского императора нашел отражение в исторической литературе, то проблема взаимодействия государства и театра в период Первой империи не была исследована. Попытаемся восполнить этот пробел.

Театр стал играть важнейшую роль в повседневной жизни французского общества в годы Великой революции, которая предоставила артистам полную свободу творчества. В те годы публика наслаждалась красочными сатирическими постановками на социальные и политические темы. Поэтому творческая элита, сформировавшаяся в эпоху Революции, стала рассматривать попытки первого консула, а потом

¹ Статья выполнена в рамках государственного задания № 2014/392 (проект № 1900 «Политическая лингвистика: метафоричность, прецедентность и креоличность»).

² См: Ассман 2014.

императора Наполеона установить контроль над театром как явное ограничение свободы искусства. Наиболее яркое воплощение политика Наполеона в этом плане нашла в деятельности Французского театра (Комеди Франсез) и Императорской академии музыки.

Французский театр пользовался особым благоволением императора. Еще с эпохи Людовика XIV он был оплотом традиций драматического искусства. Как заметил Стендаль, французы той эпохи были наиболее привержены именно Комеди Франсез³. Наполеон прекрасно осознавал: чтобы добиться расположения французской публики, необходимо прежде всего завоевать театр. Пытаясь утвердить в сознании актеров Комеди Франсез значимость их профессии, он повысил им зарплату до 2 тыс. франков в месяц (актер в театре Одеон в это время зарабатывал 1 800 франков в месяц). В сущности, с точки зрения материального положения эпоха Наполеона стала лучшей для актеров Французского театра за все время его существования. С падением Империи ситуация изменилась. В 20-е гг. XIX в. Стендаль сетовал, что актеры стали получать не больше ста семидесяти пяти франков⁴.

Наполеон провел важную реформу управления театром, утвердив 15 октября 1812 г. устав Комеди Франсез, который устанавливает принципы управления, финансирования, назначение пенсий (с некоторыми поправками действует до сих пор)⁵. Находясь под покровительством государства, театр вынужден был учитывать его интересы при составлении репертуара. Но при этом для Комеди Франсез важно было, чтобы не утратить свою популярность, ориентироваться и на общественные настроения. Публика Наполеоновской эпохи, воспитанная на идеалах классицизма, жаждала увидеть на сцене трагедию или комедию. Поэтому в период Консульства репертуар Французского театра оказался далеким от политики, будучи в основном, ориентированным на вечные моральные ценности: ставились спектакли по пьесам Мольера и Расина⁶.

Поворот театра к политическим сюжетам произошел в 1803 г. и был вызван, прежде всего, ростом интереса публики к внешнеполитическим действиям консула. Комеди Франсез пытался включиться в эту общественно-политическую игру и представить на сцене грандиозные

³ Stendhal 1935. P. 18

⁴ Ibid. P. 55.

⁵ См.: <http://www.comedie-francaise.fr/images/telechargements/decretdemoscou.pdf>. Так, Стендаль с некоторой долей зависти отметил, что с эпохи Наполеона актерам Комеди Франсез обеспечена пенсия 4 000 франков (Stendhal 1933. P. 118).

⁶ Journal des débats et des décrets. 1802. 01.24.

проекты правителя. Так, на волне антибританских настроений драматург Французского театра Александр Дюваль поставил две пьесы, которые оправдывали войну Наполеона с Великобританией, – «Эдуард в Шотландии» и «Вильгельм Завоеватель»⁷. Спустя много лет драматург признался, что через образ Вильгельма он хотел показать тщеславие первого консула, которое в итоге и привело его к краху⁸.

Дюваль не был избалован вниманием Наполеона и сетовал, что его пьесы гораздо лучше принимает российский двор, нежели французский. Однако после своих поездок в Россию он все же возвращался во Францию. Драматург, ставший актером и писателем в годы Революции, ценил свободу творчества и поэтому расценил провозглашение империи как посягательство на «актерскую вольность, выразив свое возмущение в пьесе «Домашний тиран»⁹. В пьесе происходит столкновение старого и нового мира. Молодые интеллектуалы рассуждают о великих победах обновленной свободной Франции, критикуют старика-тирана, который, установив деспотизм в собственном доме, продолжает жить по старым традициям. Возможно, через эти образы Дюваль стремился подчеркнуть: новый мир уже не примет возрождение тиранического режима. Но несмотря на его довольно смелые намеки на неприятие Империи во Франции мыслящим меньшинством карьера драматурга не пострадала: в 1807 г. он стал директором театра Одеон, а в 1812 г. был принят во Французскую академию. В годы Реставрации Бурбонов общественно-политический фон изменился – пришлось выбирать иное направление и театру. Дюваль воспользовался этой возможностью, дабы продемонстрировать свое неприятие Наполеона. Драматург вложил в уста героя своей пьесы «Мизантроп, или юный бретонец» следующие слова: «Наполеона хвалят лишь лицемеры. Этот человек, установив деспотизм, убил свободу. Общество воспринимает его как узурпатора»¹⁰. Такие слова, звучащие со сцены, были нужны вернувшимся Бурбонам, но не французской публике. Пьесы Дюваля перестали ставить в театрах, а с «возвращением» императора со Святой Елены, драматург лишился места академика и закончил свои дни в неизвестности.

В отличие от Дюваля, драматург М. Шенье критиковал установление Империи открыто. Основатель революционного классицизма, он передал через свои произведения дух непреклонного вольнолюбия. Не-

⁷ Documents historiques sur la Comédie française... 1853.

⁸ Duval 1822. Т. 5.

⁹ Duval 1805.

¹⁰ Duval 1832. P. 340.

смотря на стремление Шенье бороться за торжество свободы, Наполеон ценил талант драматурга. Заядлый республиканец не закончил свои дни, как его брат А. Шенье, на гильотине, а стал членом Французской академии. Апофеозом критики деятельности Наполеона в творчестве драматурга стала пьеса «Кир», которая сразу вызвала интерес в театральных кругах. После коронации Наполеона 8 декабря 1804 г. состоялась премьера спектакля, поставленного по этому произведению во Французском театре¹¹. В своей пьесе Шенье следовал за Геродотом. Драматург описал историю, как дед Кира Астиаг пытался избавиться от внука, которому суждено было стать владыкой мира. Однако справедливость восторжествовала, судьба помогла законному правителю. Несмотря на то, что Шенье принимал факт предопределенности прихода к власти Кира, он в то же время представил образ жестокого правителя, стремящегося к достижению вечной славы любой ценой. Интеллектуальное сообщество, сформировавшееся в годы Французской революции, восприняло этот спектакль как предзнаменование завершения эпохи свободы слова. Свои взгляды на утвердившийся во Франции политический режим и на установление жесткой цензуры Шенье выразил в стихотворении «Обращение журналиста к императору»:

«Государь! Справедливость создала нас;
Сговариваться против меня,
Это значит вооружаться против вас.
Уже в Газете критикуется Империя;
Везде демонстрируется к ней презрение...
Вы утвердили скипетром Империи законы;
Талантом правителя сенаторы восхищены,
Поскольку обещаньями все были польщены,
Красивыми и звонкими, но, как всегда, пустыми.
Ведь императоры как граждане думать уже не должны¹².

Стихотворение было опубликовано в 1805 г. в разгар утверждения Империи. Можно лишь догадываться, как на него отреагировал Наполеон. Известно лишь одно: М. Шенье остался в Париже и продолжал публиковаться, хотя и менее активно. После 1805 г. он отстраняется от театра, отказывается от создания произведений политического характера и всецело посвящает себя романтической поэзии. В 1806 г. М. Шенье пишет стихотворение «Отступление»: «Он видит, как уходит его жизнь

¹¹ Chénier 1818.

¹² Ibid. P. 81.

вместе с карьерой»¹³. Этот год стал переломным в творчестве и жизни писателя: он перестал получать заказы, оказался в долгах. Ко всему прочему у него серьезно заболела мать. По всей видимости, безысходность ситуации вынудила его обратиться с просьбой к императору: «Государь! Я осмелился Вам написать, так как действительно нуждаюсь в вашей снисходительности. Я был Вами отстранен от возможности писать. Государь! В чем причина вашей строгости? В том, что я далек от мнений Вашего Величества? Вам известно, какие идеи заставили меня написать “Кира”. Я до сих пор считаю, что это лучшая из всех моих трагедий. Даже Людовик XIV не наказывал Расина и Мольера за их творчество. Я уже год не могу найти работы. Обращаясь к Вам, думаю, прежде всего, не о себе, а о своей больной матери...»¹⁴. В желании Шенье отстаивать свои идеи, несмотря на тяжелые обстоятельства, виден высший предел этической честности творца. Наполеон, видимо, уважая человеческие качества и талант драматурга, а может быть, преследуя какие-то свои цели, покрыл его долги, к тому Шенье получил должность в Институте Франции. В последние годы жизни он публиковал тексты своих лекций¹⁵. М. Шенье навсегда остался в памяти французов как автор патриотической песни «Выступление»:

Дрожите, враги Франции!
Короли, опьяненные кровью и гордостью!
Суверенный народ поднимается:
Тираны, сгиньте в могилу!
Республика нас призывает,
За нее победим, иль погибнем:
Француз должен жить для нее,
И умереть – за нее!

Удивительно, как наполеоновская цензура, о которой упоминается во многих исследованиях, могла пропускать спектакли, угрожавшие стабильности Империи! Французский театр позволял себе проводить довольно смелые аналогии. Так, в 1804 г. (за несколько месяцев до коронации Наполеона) Стендаль вспоминал слова, которые произнес со сцены герой пьесы Корнеля «Цинна»:

А здесь, какое бы тебе не дали имя,
Не любят тираний – к ним злобою горя,

¹³ Ibid. P. 212.

¹⁴ Ibid. P. 32.

¹⁵ Chénier 1806.

И в императоре все видят лишь царя¹⁶.

Если вспомнить обстоятельства, которые заставили Корнеля обратиться к этому сюжету Римской истории, то мы поймем, что спектакль был поставлен в 1804 г. явно не для воспевания Империи. В «Цинне» Корнель обратился к проблеме жестокости императорской власти по отношению к своим подданным. Это произведение он написал в 1630-е гг., которые во Франции были отмечены жестокими репрессиями по отношению к участникам заговоров и кровавой расправой с восставшими нормандскими крестьянами («восстание босоногих» в 1639 г.). Корнель, писавший трагедию в родном Руане, где на главной площади происходили пытки и казни мятежников, выразил предпочтение сильной и одновременно гуманной власти путем обращения к начальному периоду правления первого римского императора Августа. Август, узнав о заговоре, угрожающем его власти и жизни, сперва захотел беспощадно расправиться с его участниками, как он это делал уже не раз. Но жена Ливия предостерегла его от продолжения кровопролития и жестокостей. Можно полагать, что актеры со сцены пытались предостеречь императора от подобных действий по отношению к своим подданным. Этот смелый спектакль воодушевил публику и вызвал взрыв аплодисментов.

Совершенно иной была реакция на спектакль «Петр Великий», премьер которого в Комеди Франсез была приурочена к коронации императора. Автор пьесы М. Карион-Низа, бывший школьный приятель Наполеона в Бриенне, получил государственный заказ на пьесу¹⁷. Драматург попытался оправдать жестокие методы правления Петра I и воспел его победу над восставшими подданными. Пьеса была признана правительством прекрасной, однако, даже несмотря на то, что роль Петра играл великий Тальма, спектакль не был принят зрителями. Публика его бойкотировала, занавес пришлось опустить еще до финала пьесы.

В декабре 1804 г. в честь коронации императора Комеди Франсез показал бесплатный спектакль Жана-Франсуа Реньяра «Единственный наследник»¹⁸, продолжив тему обоснования необходимости Империи. Главный герой пьесы Эраст был представлен как человек, одаренный многими моральными качествами, но борющийся за наследство хитрыми способами. Публика могла почувствовать критику, впрочем, достаточно легкую, способов достижения власти. Особенно, провокаци-

¹⁶ Stendhal 1937. P. 189.

¹⁷ Carrion-Nisas 1805.

¹⁸ Journal de l'Empire. 1805. 12.21.

онно прозвучали со сцены слова одного из героев: «Законы можно обойти», или же фраза «Кто стремится к славе, теряет честность».

В разгар Наполеоновских войн Комеди Франсез постепенно отходит от спектаклей, вызывающих аналогии с политикой императора. На данном этапе театр начинает играть в общественной жизни роль некой отдушины в атмосфере бесконечных войн. Когда французы получили первые сообщения о бедствиях Великой армии в России, Комеди Франсез представил спектакли по классическим пьесам, для которых была характерна негативная позиция по отношению к войне. Одной из таких постановок был «Лжец» Корнеля, его премьера состоялась в декабре 1812 г., в то время, когда Париж узнал о катастрофе Великой армии на Березине. В этом плане весьма символично звучали слова одного из героев: «Ну, а к чему война, придуманная вами?». Эта фраза стала культовой для французского общества в конце 1812 года.

В это же время довольно популярен был в Париже спектакль по произведению Ф. Детуша «Женатый философ». Сюжет пьесы основан на интересном эпизоде жизни писателя: он женился в Лондоне на молодой англичанке из низшего слоя общества и долго скрывал свой неравный брак. Вероятно, что этот франко-английский брак должен был намекнуть на необходимость столь долгожданного мира. Символом антимилитаристских настроений в спектакле стал образ Лета, которое заявляет о пагубности войны для общества и природы¹⁹.

Жизнь Французского театра в Наполеоновскую эпоху украшали не только спектакли на вечные темы, но и личности актеров, навсегда вписавших свои имена в историю мирового искусства. Одной из них была м-ль Жорж, которая дебютировала на сцене Комеди Франсез в 1802 г. в роли Клитемнестры в пьесе Расина «Ифигения в Авлиде», и сразу получила признание. За этим последовали роли Эмили в «Цинне», Гермiony в «Андромахе» и Федры в одноименной пьесе. Помимо своей актерской карьеры, Жорж осталась известна и любовной связью с Наполеоном. Об этом романе шептался весь Париж, с нетерпением ожидая любого подтверждения слухов. Реплика Жорж в роли Эмили из «Цинны» заставила публику утвердиться в своих подозрениях: «Мной Цинна соблазнен, вновь соблазняя я многих»²⁰.

Через много лет после смерти Наполеона м-ль Жорж смогла раскрыть одну из тайн жизни французского императора. О своих отноше-

¹⁹ Destouches 1811. P. 5.

²⁰ Корнель 1980.

ниях с ним актриса подробно написала в мемуарах. Благодаря им мы узнаем, что Бонапарт впервые увидел Жорж на сцене Комеди Франсез в июне 1803 года, и через несколько дней она была приглашена к первому консулу в Сен-Клу. Их связь продолжалась в течение года; после принятия титула императора Наполеон прекратил отношения с Жорж. Актриса с горечью отметила: «Первый Консул меня оставил, чтобы стать Императором»²¹. Впрочем, актрисе явно было свойственно преувеличивать собственную значимость в судьбах многих людей. Главной соперницей Жорж на сцене и в любви была К.Ж. Дюшенуа, игравшая спокойные благородные роли, в отличие от экспрессивных, страстных героинь Жорж. Сама Жозефина покровительствовала карьере Дюшенуа, ввела ее в салоны Парижа²².

Связавшая свою судьбу с Комеди Франсез и ставшая символом высокого уровня актерского мастерства мадемуазель Марс, получила известность благодаря роли Мари в спектакле «Мадам де Севинье»²³. Спустя много лет, осмысливая свою карьеру, Марс будет благодарна Наполеону за то, что он поддерживал развитие театра и покровительствовал актерам: «На счету Наполеона, конечно, много коварных поступков и даже убийств. Но это были счастливые времена для театра»²⁴.

Уже с первых спектаклей с участием другой звезды Комеди Франсез – Тальма Наполеон обратил на него внимание. Император периодически приглашал его к себе во дворец²⁵. Известно, что Тальма обучал императора разным внушительным позам²⁶. По всей видимости, между актером и императором сложились теплые отношения. Сильнейшим ударом для Тальма стало отречение императора. Опаса-

²¹ Mlle George 1908.

²² Ducrest 1863. P. 10. Актриса пользовалась популярностью у современников, но осталась в памяти французов, главным образом, благодаря эпизоду, который обрел свое место среди бессмертных анекдотов. Наполеон якобы пригласил Дюшенуа в Тюильри. Когда она пришла, камердинер провел ее в потайную комнату и сообщил об этом Бонапарту, но тот, увлекшись работой, забыл о ней. Дюшенуа, прождав безрезультатно три часа, покинула дворец.

²³ Современников потрясла безупречная игра молодой актрисы, раскрывшей всю противоречивость, пылкость натуры семнадцатилетней девушки. Bouilly 1805.

²⁴ Mémoires de Mademoiselle Mars. P., 1849. P. 125.

²⁵ Lettres d'amour inédites de Talma. P., 1911. P. 23.

²⁶ Талант и покровительство императора способствовали тому, что Тальма стал самым высокооплачиваемым актером Наполеоновской Франции. Его доход составлял 1500 франков в месяц и 18 тыс в год. Для сравнения, весь театр Одеон зарабатывал 24 тыс. в год. (Les théâtres... 1817. P. 260).

ясь, что больше он его не увидит, актер решился Наполеону написать строки, ставшие подтверждением их духовной близости: «Простите меня, если я воспользуюсь случаем Вам написать. Я хочу выразить Вам свою скорбь. Я навсегда запомню вашу благосклонность ко мне. У меня было счастье Вас любить, посвящать в мои слабости»²⁷. По сообщению многих современников, после смерти императора огонь в душе актера погас. Он пережил Наполеона всего на пять лет, и о его смерти скорбел весь творческий мир. Поэт Жерар де Нерваль написал в 1826 г. элегию «Смерть Тальма», в которой сравнил уход актера с гибелью идеалов классицизма в театральном искусстве²⁸. Русский поэт П.А. Вяземский после смерти Тальма опасался за судьбы французского театра: «Не знаем, что скажут теперь французы, но при жизни Тальмы они говаривали, что со смертью его не станет трагедии французской, как со смертью актрисы Марс не станет комедии»²⁹.

Наиболее ярко историческая политика Наполеона сказалась в деятельности Императорской академии музыки (Национальном театре), основанной в 1804 г. Спектакли, поставленные на ее сцене, станут высшим воплощением апологетики Наполеона, а имя главного драматурга театра Ж.А. Эсменара будет символом жесткого императорского контроля над искусством. Эсменар был одной из ключевых фигур культурной жизни Первой Империи, так как занимал важную должность комиссара цензуры, буквально вершителя судеб людей творчества. О функциях Эсменара мы узнаем из переписки Наполеона. К примеру, в 1805 г. император обратился к министру полиции Фуше со следующими словами: «Газеты распустили слух о заговоре англичан по захвату Европы. Передайте Эсменару, чтобы он лучше контролировал журналы. Выясните, способен ли он пойти на предательство. Напишите нашим польским агентам в Россию об этой информации»³⁰.

²⁷ Ibid. P. 24.

²⁸ Герои Греции и Рима,
О Вы, честь прошлого,
Уходите Вы с великим человеком,
Который Вас столь хорошо изобразил
Умер светоч сцены,
Которую своим дыханьем он оживил;
Оплакивайте, возлюбленные Мельпомены,
Оплакивайте Тальма! Оплакивайте Тальма!

²⁹ Вяземский 1878.

³⁰ Correspondance de Napoléon I. P., 1863. T. 10. P. 324.

В 1810 г. император упомянул о назначении драматургу дохода в 9 тыс. франков «за контроль над печатью и частной перепиской»³¹.

Эсменар способствовал устойчивости императорского режима не только закулисной игрой. Своими произведениями он пытался создать в общественном сознании образ Империи как идеального режима. Апогеем его творческой деятельности стало либретто оперы «Триумф Траяна», написанное по случаю возвращения Наполеона из Пруссии. В предисловии Эсменар написал слова, восхваляющие имперский режим: «Эта эпоха – возможно наиболее памятная из истории Римской Империи. Траян создал огромную империю, тем самым на века оставшись в памяти человечества»³². Музыка к либретто написал уже тогда известный композитор Жан-Франсуа Лесюэр, придворный капельмейстер императора. После «Триумфа Траяна» композитор создал еще одну героическую оперу – «Открытие храма победы», которая призывала к продолжению военных действий и к достижению мирового господства. Слова одного из героев этого произведения должны были вселить высокие патриотические чувства в общественное сознание: «Армия, дитя Победы. Пальмовая ветвь Аустерлица украшает Вас»³³.

Однако эти чрезмерно насыщенные патриотическим пафосом произведения оказались востребованы лишь современниками. Очень немногие из опер, поставленных в Императорской академии музыки, завоевали место в истории искусства. Среди них – сочинения композитора Гаспара Спонтини, который стремился к достижению естественной игры актеров, гармонии и лиричности в музыке. Известность композитору принесла опера «Весталка», которая, хотя и была связана с историей Римской империи, но затрагивала вечные ценности. На премьере этой оперы 15 декабря 1807 года в Театре Императорской Академии Музыки присутствовала императрица Жозефина. Роль весталки Джулии исполнила выдающаяся певица Каролина Браншу, её партнёром в роли Личинио был известный певец Этьен Лайнез. Декорации в античном стиле, с храмами, императорскими орлами, древнеримской иконографией, в историческом и идеологическом смысле символизировали образы и понятия, с которыми отождествляли себя Наполеон и императорский двор, создавая некие патриотические ассоциации, хотя сам Спонтини отнюдь к этому не стремился. Впрочем, Наполеон после премьеры, обратив

³¹ Correspondance de Napoléon I. P., 1863. T. 20. P. 106.

³² Esménard 1807.

³³ L'inauguration du temple de la Victoire 1807.

внимание на талантливого композитора, стал оказывать ему доверие и покровительство. Примечательно, что в 1810 г. «лучшей оперой десятилетия» было признано не какое-либо произведение, явно созданное в рамках исторической политики, а именно «Весталка». Творение Спонтини было оценено не только современниками, но и потомками. «Весталку» продолжают ставить и сегодня крупнейшие театры мира.

После огромного успеха «Весталки», Спонтини стал получать заказы на оперы историко-патриотического характера. В 1809 г. состоялась премьера его следующей оперы «Фернанд Кортес». В сюжетной линии подчёркивался контраст между просвещёнными взглядами Кортеса и религиозным фанатизмом мексиканцев. Тем самым улавливалась некая связь между испанским завоеванием Мексики и наполеоновской оккупацией Испании. Наполеон, восхищаясь талантом Спонтини, именно ему в 1811 г. заказал музыку к оде «Рождение римского короля»³⁴. Безусловно, эти произведения были востребованы государством, но в памяти потомков осталась только «Весталка».

В Императорской Академии Музыки взошла звезда и А. Пиччини, внука известного композитора Николо Пиччини. Опера А. Пиччини «Алкивиад-отшельник», ставшая символом заката Наполеоновской эпохи, была поставлена на сцене театра в марте 1814 года. В основе ее сюжета судьба героя, который после военного поражения отправился в долгое изгнание, где был убит своими политическими врагами³⁵. С этой оперой Франция провожала своего императора ...

Итак, на примере двух главных театров Наполеоновской Франции видно, сколь важную роль в исторической политике императора играли эти Храмы искусства. Основная часть спектаклей, посвященных преимущественно истории Римской империи, вызывала аналогии с событиями начала XIX века. Как правило, творения, написанные по государственному заказу, не находили безусловной поддержки у публики и канули в лету. Если бы Наполеон абсолютно игнорировал общественное мнение, то во Франции этой эпохи вообще не появились бы великие оперы, памятные спектакли и блестящие актеры. Как видим, Наполеон, не запрещал даже довольно смелые пьесы, он просто ничем не поощрял их создателей. Император хотел убедить общественность, что искусство во Франции абсолютно свободно, и, тем самым в очередной раз показал, кто есть лучший актер в театре под названием государство.

³⁴ Spontini 1811.

³⁵ Piccini 1814.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Ассман А. Длинная тень прошлого. Мемориальная культура и историческая политика. М.: НЛО, 2014. 328 с.
- Вяземский П. А. Полное собрание сочинений. Т. 1. Спб., 1878. 400 с.
- Корнель П. «Цинна». М., 1980. 280 с.
- Bouilly J. N. Madame de Sévigné : comédie en 3 actes et en prose. P., 1805. 245 p.
- Carrion-Nisas M.H. Pierre le Grand. P., 1805. 120 p.
- Chénier M. Oeuvres. P., 1818. 670 p.
- Chénier M. Discours prononcé à l'Athénée de Paris, le 15 décembre 1806. P., 1806. 50 p.
- Correspondance de Napoléon I. P., 1863. T. 10. 424 p.
- Correspondance de Napoléon I. P., 1863. T. 20. 502 p.
- Destouches N. Oeuvres dramatiques. P. 1811. 345 p.
- Documents historiques sur la Comédie française pendant le règne de S. M. l'empereur Napoléon I: précédés de tous les actes constitutifs qui régissent la société du Théâtre-français depuis sa fondation, le 25 août 1680, jusqu'à nos jours / par Eugène Laugier. P., 1853. 620 p.
- Duval A. Oeuvres. P., 1822. T. 5. 450 p.
- Duval A. Le tyran domestique, ou L'intérieur d'une famille: comédie en 5 actes. P. 1805. 140 p.
- Duval A. Le misanthrope du Marais ou La jeune Bretonne: historiette des temps modernes. P., 1832. 340 p.
- Ducrest G. Mémoires sur l'impératrice Joséphine, sur la ville, la cour et les salons de Paris sous l'Empire. P., 1863. 220 p.
- Esménard M. Le triomphe de Trajan : tragédie lyrique en 3 actes. P., 1807. 256 p.
- George. Mémoires inédits. P. 1908. 180 p.
- Journal des débats et des décrets. 1802. 01.24. 36 p.
- Lettres d'amour inédites de Talma. P., 1911. 230 p.
- Les théâtres: lois, réglemens, instructions, salles de spectacle, droits d'auteur, correspondans, congés, débuts, acteurs de Paris et des départemens, par un amateur. P., 1817. 260 p.
- L'inauguration du temple de la Victoire : intermède mêlé de chants et de danses. P., 1807. 40 p.
- Mémoires de Mademoiselle Mars. P., 1849. 125 p.
- Piccini A. Alcibiade solitaire, opéra en 2 actes. P., 1814. 140 p.
- Stendhal. Courrier anglais. P., 1935. 300 p.
- Stendhal. Correspondance. P. 1933. V. 10. 178 p.
- Stendhal. Journal 1801-1805. P. 1937. 349 p.
- Spontini M. La naissance du Roi de Rome. P., 1811. 12 p.

REFERENCES

- Assman A. Dlin'naya ten' proshlogo. Memorial'naya kul'tura i istoricheskaya poli-tika. M.: NLO, 2014. 328 s.
- Vyazemskii P. A. Polnoe sobranie sochinenii. T. 1. Spb., 1878. 400 s.
- Kornel' P. «Tsinna». M., 1980. 280 s.
- Bouilly J. N. Madame de Sévigné : comédie en 3 actes et en prose. P., 1805. 245 p.
- Carrion-Nisas M.H. Pierre le Grand. P., 1805. 120 p.
- Chénier M. Oeuvres. R., 1818. 670 p.

- Chénier M. Discours prononcé à l'Athénée de Paris, le 15 décembre 1806. P., 1806. 50 p.
Correspondance de Napoléon I. P., 1863. T. 10. 424 p.
Correspondance de Napoléon I. P., 1863. T. 20. 502 p.
Destouches N. Oeuvres dramatiques. P. 1811. 345 p.
Documents historiques sur la Comédie française pendant le règne de S. M. l'empereur Napoléon I: précédés de tous les actes constitutifs qui régissent la société du Théâtre-français depuis sa fondation, le 25 août 1680, jusqu'à nos jours / par Eugène Laugier. P., 1853. 620 p.
Duval A. Oeuvres. P., 1822. T. 5. 450 p.
Duval A. Le tyran domestique, ou L'intérieur d'une famille : comédie en 5 actes. P. 1805. 140 p.
Duval A. Le misanthrope du Marais ou La jeune Bretonne: historiette des temps modernes. P., 1832. 340 p.
Ducrest G. Mémoires sur l'impératrice Joséphine, sur la ville, la cour et les salons de Paris sous l'Empire. P., 1863. 220 p.
Esménard M. Le triomphe de Trajan : tragédie lyrique en 3 actes. P., 1807. 256 p.
George. Mémoires inédits. P. 1908. 180 p.
Journal des débats et des décrets. 1802. 01.24. 36 p.
Lettres d'amour inédites de Talma. P., 1911. 230 p.
Les théâtres: lois, réglemens, instructions, salles de spectacle, droits d'auteur, correspondances, congés, débuts, acteurs de Paris et des départements, par un amateur. P., 1817. 260 p.
L'inauguration du temple de la Victoire: intermède mêlé de chants et de danses. P., 1807. 40 p.
Mémoires de Mademoiselle Mars. P., 1849. 125 p.
Piccini A. Alcibiade solitaire, opéra en 2 actes. P., 1814. 140 p.
Stendhal. Courrier anglais. P., 1935. 300 p.
Stendhal. Correspondance. P. 1933. V. 10. 178 p.
Stendhal. Journal 1801-1805. P. 1937. 349 p.
Spontini M. La naissance du Roi de Rome. P., 1811. 12 p.

Алёна Александровна Постникова, кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры всеобщей истории Уральского государственного педагогического университета; Alina33_07_87@mail.ru

Theatre in the Historical Politics of the First Empire in France

The article presents an attempt to define a role of theatres in historical politics of Napoleon. Having considered a social status of actors and repertoire of theaters, the author concludes that the creations made according to a state order did not find unconditional support of the public and quickly sank into oblivion. At the same time, Napoleon listened to public opinion, and promoted in some cases worthy performances and careers of talented actors.

Keywords: history theatre, historical policy, functional memory, the First Empire in France, Napoleon, public consciousness.

Aliona Postnikova, Ph.D. (History), Senior Teacher, Department of World History, Ural State Pedagogical University; Alina33_07_87@mail.ru

М. А. БАЗАНОВ

ДИСКУССИЯ О ПРОЦЕССЕ ОБРАЗОВАНИЯ РУССКОГО ЦЕНТРАЛИЗОВАННОГО ГОСУДАРСТВА (1946 г.): О РЕЦЕПЦИИ ДОРЕВОЛЮЦИОННЫХ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИХ СТРАТЕГИЙ СОВЕТСКОЙ ИСТОРИОГРАФИЕЙ

В статье на основе материала одной из дискуссий показаны каналы легитимации чуждых марксизму концептуальных построений советской историографией. Во-первых, это манипуляции цитатами из трудов основоположников марксизма-ленинизма; во-вторых, идея Ф. Энгельса о возможности влияния надстройки на ход исторического развития общества.

Ключевые слова: советская историография, «буржуазно-дворянская» историография, марксизм, цитата, базис, надстройка, легитимация.

Дискуссия, развернувшаяся в 1946 г. в журнале «Вопросы истории» вокруг статьи П.П. Смирнова, уже неоднократно попадала в поле зрения исследователей истории советской исторической науки¹. Однако историографы, анализирувавшие ее ход и последствия, обращали внимание на концептуальные аспекты полемики. Автора данной статьи более интересуют ее историографическая и методологическая составляющие, а именно – отношение участников обсуждения к работам их дореволюционных предшественников.

Историографический обзор в статье П.П. Смирнова играет роль своего рода отправной точки, определяющей все последующие рассуждения. В целом он представлял собой простейшее реферативное воспроизведение того, что было сказано предшественникам о причинах укрепления Московского княжества и собирания вокруг него русских земель. Стоит отметить: изложение чужих представлений было достаточно корректным, практически отсутствовали откровенные идеологические выпады, даже когда речь шла о таких «персонах нон-грата», как Г.В. Плеханов и М.Н. Покровский (последний, впрочем, удостоился небольшой язвительной реплики: «Однако марксистских рыб, о которых говорит М.Н. Покровский, оказалось не две, а гораздо больше, и самой крупной из них был он сам»²). Но именно это спокойное, формально деидеологизированное изложение подводит читателя к более

¹ Сахаров. 1961. С. 78-79; Сахаров. 1974. С. 82-83; Данилова. 1985. С. 137-138; Юрганов. 2011. С. 7-11, 523-572.

² Смирнов П. 1946. С. 62.

чем неожиданному выводу: «Несмотря на значимый и понятный интерес к проблеме происхождения Русского национального государства, попытки ее разрешения не увенчались успехом, и мы обходимся кое-как подправленными устарелыми представлениями ученых XIX столетия»³.

Основным упреком в адрес коллег стало их отступление от монофакторного видения исторического процесса, обращение при построении объяснительных схем к географическому и, как выразились бы в наше время, этногенетическому фактору, а также фокусирование внимания на роли в возвышении Москвы расположения торговых путей. Так, например, по завершению анализа монографии В.В. Мавродина П.П. Смирнов делал вывод: «Отдавая должное попытке автора сочетать отмечаемые в буржуазной литературе XIX в. причины образования Русского государства с основными достижениями марксизма, мы не можем принять эти заключения как научные достижения. ...Она не соответствует монистической теории исторического материализма и поэтому ненаучна»⁴. И наоборот – главным достоинством изысканий М.Н. Тихомирова, с его точки зрения, является то, что тот попытался свести множество ранее выделяемых факторов к одному (возражения вызывает лишь выдвигание в качестве такового этногенетического процесса).

Еще одно чрезвычайно любопытное наблюдение П.П. Смирнова касалось использования историками трудов основоположников марксизма-ленинизма. Начинатель дискуссии обратил внимание на наиболее часто приводимые в работах коллег выдержки из трудов К. Маркса, В.И. Ленина, И.В. Сталина и предложил рассмотреть их, не отрывая отдельные высказывания от общего контекста произведения, интерпретировать цитаты с учетом обстоятельств их создания. Его анализ показал, что в большинстве случаев смысл высказываний «классиков» искажался, в результате чего они послужили основой не для создания новой, марксистской картины централизации Русского государства, а для консервации взглядов дореволюционных историков.

Положения статьи П.П. Смирнова представляются интересными с точки зрения современной историографии. Фактически автор на конкретном материале опроверг бытовавшую среди историков исторической науки идеологему о разрыве между дореволюционной и советской научными традициями, причем сделал это во вполне сдержанной, аналитической манере. Однако вряд ли это было оценено теми, о чьем творчестве шла речь в статье. Подобные утверждения не сулили им ни

³ Там же. С. 70.

⁴ Там же. С. 66.

чего, кроме возможности идеологического преследования. Стремление власти усилить идеологический контроль за исторической наукой было заметно уже по проведенному в 1944 г. всесоюзному совещанию историков в ЦК ВКП(б)⁵. Одновременно с рассматриваемой полемикой в Ленинградском университете разворачивается поиск «безродных космополитов» среди филологов⁶. В этих условиях статья П.П. Смирнова могла дать старт новой идеологической кампании, но при этом и сама она содержала крамольные мысли о бессилии советской исторической науки. По-видимому, эту двусмысленность осознала и редколлегия журнала «Вопросы истории», при публикации статьи поместившая в подстрочнике следующий текст: «Редакция не разделяет основных положений статьи проф. П. Смирнова. Однако, учитывая важность поставленной проф. Смирновым проблемы и интерес к ней в советской литературе, редакция печатает статью проф. Смирнова в дискуссионном порядке. Редакция приглашает специалистов-историков высказаться по затронутой проблеме на страницах журнала»⁷.

Историографический обзор подводил читателя ко второй части работы, в которой автор сформулировал, отталкиваясь от идеи развития производительных сил как движущего фактора исторического процесса, свое видение причин объединения русских земель, согласно которому образование Русского государства стало следствием внедрения в Московском княжестве в эксплуатацию сохи-косули и перехода к трехполью. Характерно, что в этой части статьи автор крайне редко обращается к «классикам», выстраивая свою схему именно на данных источника. Впрочем, этот анализ, как показали дальнейшие высказывания оппонентов, страдал огромным числом источниковедческих погрешностей и откровенно малодоказательных утверждений.

Конечно, те, кого затронул П.П. Смирнов в историографическом обзоре, попросту были вынуждены отреагировать на его работу. Парадоксально, но большинство его оппонентов относились к первой советской генерации историков (В.В. Мавродин, И.И. Смирнов, к ней тяготел и К.В. Базилевич, лишь в 1922 г. завершивший учебу в Московском университете), в то время как П.П. Смирнов принадлежал к числу «старых специалистов» и даже неоднократно отбывал наказания за политические преступления⁸. На первый взгляд, роль «ниспровергателя тради-

⁵ Дубровский. 2005. С. 424–489; Юрганов. 2011. С. 229–482.

⁶ См.: Дружинин. 2012.

⁷ Смирнов П. 1946. С. 55.

⁸ О П.П. Петрове см: Дубровский. 1983, 1989, 2005. С. 740–744; Коломиець. 2006.

ции» более подошла бы тем, против кого была направлена статья. Впрочем, это не единственный парадокс развернувшейся дискуссии. Как можно было бы предположить, тот, кто столкнулся с обвинениями в идейном родстве с буржуазной дореволюционной наукой, должен был бы немедленно откеститься от нее, доказать наличие принципиальной разницы, отличия своих идейных построений от идеологически неприемлемых утверждений предшественников. Однако полемика начала развиваться в ином русле. Оппоненты П.П. Смирнова не просто признали эту связь, но и попытались ее легитимизировать.

И.И. Смирнов, критикуя историографическую часть статьи своего однофамильца, упрекнул его в «релятивизме», свойственном историографическим работам М.Н. Покровского, следствием которого стало то, что «все исторические теории о Русском государстве приобрели характер чисто субъективных построений, не стоящих ни в какой связи с предметом этих теорий – объективным процессом образования Русского государства...»⁹. Дореволюционная и советская историческая наука, подчеркнул этим он, имеет единый предмет исследования – существующий независимо от их сознания и управляемый объективными закономерностями исторический процесс, и потому «задача историка-марксиста должна не ограничиваться указанием на классовую сущность исторических теорий буржуазных исследователей, он должен уметь критически оценить их и извлечь то объективно ценное, что есть в ряде этих теорий, отбрасывая в то же время их антинаучную тенденцию»¹⁰.

Рассуждения И.И. Смирнова представляются довольно раскованными. Неизбежно вставал вопрос, как их согласовать с принципом партийности. Насколько далеко можно зайти в «реабилитации» дореволюционных предшественников? В 1920-е гг. для «красной профессуры» были характерны призывы перенять исследовательский опыт «старых специалистов», но речь шла о навыках работы, методиках изучения текста источника, а отнюдь не о концептуальных и тем более теоретических построениях¹¹. Наконец, логическое развитие высказанного автором суждения означало бы стирание грани между советской и современной ей западной историографией, что выглядело уже совершенной идеологической крамолой¹². Пытаясь дать ответ на возникаю-

⁹ Смирнов И. 1946. С. 31-32.

¹⁰ Там же. С. 34.

¹¹ См., напр.: Шевелева. 2008.

¹² Впрочем, реальная история взаимодействия советской и западной исторической науки сложнее, чем созданный советскими пропагандистами крайне идеологизированный образ (см., напр.: Гордон. 2009. С. 227-271; Крих, Метель. 2014).

щие сомнения, И.И. Смирнов обращается к Марксу. Характерно, что внимание историка привлекает не официально опубликованный при жизни мыслителя научный труд, а его частное письмо к М. Вейдемейеру, в котором Маркс признал, что теория классовой борьбы не является плодом его творчества и позаимствована у французских историков. Однако, подчеркивал философ, лишь Марксу удалось связать классовую борьбу с процессом производства, сделать вывод о диктатуре пролетариата как ее итоге и о дальнейшем установлении бесклассового общества как ее отдаленном последствии¹³. Симптоматично, что И.И. Смирнов не стал воспроизводить текст, ограничившись лишь «глухой» ссылкой. На основании этого письма он делает два вывода: во-первых, немарксистский, в данном случае «буржуазный» характер методологических убеждений историка не исключает «возможность объективных научных открытий»; а во-вторых, «построить подлинно научную теорию общественного развития, и, соответственно, историю человечества, оказался способен лишь марксизм»¹⁴. Таким образом, знания, получаемые на основе марксистской и немарксистской («буржуазной», «феодальной» и т.д.) историографии соотносятся как абсолютная и относительная истина в философии, первая включает в себя вторую. При таком угле зрения совпадение некоторых положений советских историков с идеями «буржуазной» историографии скорее свидетельствует о правоте автора, чем порождает подозрения в его адрес.

Другой участник обсуждения, В.В. Мавродин, много внимания уделил отношению оппонента к высказываниям основоположников марксизма-ленинизма, обвиняя П.П. Смирнова в «легкомысленном отношении» к их текстам, стремлении «по-своему толковать высказывания»¹⁵ тех, чьи слова должны служить исключительно руководством к действию. Для Мавродина не просто текст, но даже отдельные цитаты из него являются абсолютной истиной, данной исследователю в ее первоизданной форме, а потому нет никакого смысла погружать эти высказывания в контекст. Любая их трактовка означает искажение, уход от истины. Там, где цитата давала возможность двойного толкования, ее следовало понимать буквально, а не исходя из общего, заложенного во всем тексте цитируемого произведения смысла. Если у В.И. Ленина централизация государства в XVII в. «вызывалась» ростом внутреннего рынка, то именно он был его причиной, предшествовавшей по времени

¹³ Смирнов И. 1946. С. 31; оригинал см.: Маркс, Энгельс. 1962, С. 426-427.

¹⁴ Смирнов И. 1946. С. 31.

¹⁵ Мавродин. 1946. С. 46.

самой централизации, иных объяснений предполагать не следует (в толковании П.П. Смирнова формирование рынка сопутствовало процессу централизации). Демонстрируя, что истинный марксист не должен гнушаться разработок методологически чуждых ему ученых, он обращается к авторитету К. Маркса, который при написании «Секретной дипломатической истории XVIII века» и «Хронологических выписок» использовал труды Н.И. Костомарова. П.П. Смирнов же, «опорочив источник, которым пользовался Маркс», пытался «опорочить и данную им характеристику»¹⁶. Обращение К. Маркса к Костомарову автоматически легитимизирует последнего (точнее, те из его построений, что были восприняты Марксом) в глазах Мавродина. Правомерность противоположного вывода им не рассматривается. Конечно, подобный подход не только не мог исключить субъективизм и тенденциозное толкование высказываний, но, наоборот, способствовал таковому. Позиция Мавродина не была чем-то исключительным для советских историков¹⁷.

Самое же яркое замечание методологического характера прозвучало в рассуждениях С.В. Юшкова и К.В. Базилевича, в наиболее четкой же форме было сформулировано в подводящей итоги дискуссии редакционной статье. Главным их упреком стало то, что в концепции П.П. Смирнова не проводится разграничение между двумя разными историографическими проблемами – формированием единого централизованного государства и возвышением Московского княжества. Однако, подчеркивал и Юшков¹⁸, и Базилевич¹⁹, именно такая постановка вопроса является одним из главных достижений советской историографии, которая, в их представлении, совершенно естественно вытекает из основ марксистского понимания исторического процесса. Фактически они утверждали, что П.П. Смирнов, декларируя свой разрыв с дореволюционной интеллектуальной традицией, на деле совершал шаг назад, сближаясь с «буржуазно-дворянской» историографией.

Разговор, таким образом, переводился в иную плоскость. Обвинения П.П. Смирновым коллег в отступлении от марксизма превраща-

¹⁶ Там же. С. 46.

¹⁷ Так, например, А.Л. Юрганов применительно к советским историкам писал: «Не имеет никакого значения, насколько то или иное высказывание вождя партии соотносится с историческим контекстом, потому что в каждом классическом тексте выражается вся полнота истины» [Юрганов. 1946. С. 677]. Полагаем, историограф все же излишне прямолинейно толковал присущие советской науке «словесные ритуалы», не замечая скрывающиеся за ними манипуляции.

¹⁸ Юшков. 1946. С. 55, 57-58.

¹⁹ Базилевич. 1946. С. 28, 36-37.

лись в бессмыслицу – он анализировал совершенно не те построения, на которые следовало обратить внимание. Однако дальнейшие их рассуждения представляются странными. Если исторический процесс определяется именно развитием производительных сил (с чем оппоненты П.П. Смирнова не спорили, так как это было равносильно отрицанию основ марксизма), то почему при исследовании постепенного определения центра объединения русских земель следует отказаться от монофакторного подхода? С.В. Юшков писал: «Совершенно нельзя согласиться с П.П. Смирновым, когда он решительно отвергает как антимарксистский учет национальных, географических и торговых факторов при решении вопроса о причинах возвышения Московского княжества с его столицей Москвой», если же, согласно ему, «заранее отказываться от этих факторов, то придется давать какую-то голую абстракцию – предмет вне времени и пространства, – или отказ от учета этих факторов будет только кажущимся», такой подход «ничего не может принести автору, кроме упреков в переходе на позиции экономического материализма и в крайнем схематизме»²⁰. Стремясь «отстоять» географический фактор, он обращается к «Истории ВКП(б)», где указано, что природные условия оказывают влияние на развитие общества. Однако в той же самой цитате, приведенной Юшковым, указано и то, что это влияние не относится к числу определяющих, может лишь ускорить или замедлить общественное развитие. Учет же географического фактора, убеждал Юшков, неизбежно ведет и к учету роли торговых путей. О роли этногенетического процесса было сказано еще проще: «Советские исследователи должны заниматься вопросом об образовании русского (великорусского, украинского и белорусского) народа, поскольку от его решения зависит решение основных вопросов истории русского государства»²¹. Почему и в силу какого механизма образование русской национальности оказало воздействие на возвышение Москвы С.В. Юшков не поясняет.

К.В. Базилевич пошел дальше своего единомышленника: «Автор (П. Смирнов – М.Б.) выступает против плюрализма в истории, т.е. против множественности причин. Но исторический плюрализм может быть различным: один у буржуазных историков, другой – у марксистов». Недостаток первых заключается в том, что они не выделяют среди множества один, центральный фактор развития, либо выделяют его «неправильно, тогда как марксисты рассматривают эту множественность в

²⁰ Юшков.1946. С. 58, 59-60.

²¹ Там же. С. 58.

единстве исторического процесса, в основе которого лежит развитие производительных сил человеческого общества»²². Пожалуй, это самое раскованное среди всех прозвучавших в ходе полемики заявлений – от подобного высказывания до перехода на позиции позитивизма оставался лишь один шаг. Но даже оно не дает ответа на вопрос о том, почему при выделении одного, единого центра русских земель основную роль сыграли факторы, напрямую не связанные с производительными силами (в изображении Базилевича, например, решающим стало обогащение Москвы от принудительного сбора дани с подвластных территорий и приток в княжество представителей феодальной знати).

Замечания С.В. Юшкова и К.В. Базилевича оставляют впечатление недосказанности, умолчания. Критикуя П.П. Смирнова, оба апеллировали к некоему тезису, в их представлении разделяемому всеми, кто имеет отношение к исторической науке. Отсюда и слова Юшкова об объективном течении исторического процесса, не вмещающиеся в узкие рамки методологической схемы его оппонента. Фактически объективность в его рассуждениях становится синонимом очевидности, чего-то доступного для всеобщего понимания. Базилевич все же обратился к теории исторической науки, но не довел этого обращения до логического завершения. Полагаем, оба историка не смогли (или не посчитали необходимым) сформулировать эту исходную точку своих рассуждений именно в силу ее аксиоматического (в их представлении) характера.

За них это сделала редакция журнала «Вопросы истории», а, точнее, Ф. Энгельс в знаменитом письме к Й. Блоху, где он говорил о возможности влияния надстройки на базис. В процитированном редакцией тексте речь идет о том, что производство является «в историческом процессе определяющим моментом в конечном счете», в то время как «на ход исторической борьбы оказывают влияние и во многом определяют преимущественно форму ее различные моменты надстройки»²³. Пожалуй, это самое неоднозначное из высказываний основоположников марксизма; характерно, что появилось оно в 1890 г., уже после смерти Маркса. В дальнейшем идея о влиянии надстройки на базис в развернутом виде в трудах Энгельса развития не получила, оставшись, по сути, на периферии его философских воззрений. Приведенный отрывок дает ключ к пониманию того, что на самом деле желали сказать С.В. Юшков и К.В. Базилевич. Главный упрек П.П. Смирнову состоял, выражаясь языком современных историков, в смешении двух уровней исследова-

²² Базилевич. 1946. С. 36

²³ Об образовании... С. 5; оригинал: Маркс, Энгельс. 1965, С. 394-395

ния: «макро»- и «микроисторического». Ход исторического процесса в целом (его основные контуры) полностью зависит от развития производительных сил («в конечном счете»), в то время как мелкие малозначительные события и явления («форма») могли определяться факторами, не имеющими к нему отношения. Конечно же, четкое разграничение двух уровней исследования в советской историографии отсутствовало (да и вряд ли его вообще возможно было провести). Для С.В. Юшкова и К.В. Базилевича определение центра притяжения русских земель было именно таким «микроисторическим» процессом. При этом в целом история России укладывалась ими в марксистские рамки, а создание централизованного государства подчинялось закономерностям, указанным Ф. Энгельсом, В.И. Лениным и И.В. Сталиным.

Подводящая итоги обсуждения редакционная статья поддержки высказанные в адрес П.П. Смирнова возражения (при этом, впрочем, подвергнув некоторой критике В.В. Мавродина и, в особенности, К.В. Базилевича – за его периодизацию процесса централизации Русского государства). Научная дискуссия, к счастью, так и осталась дискуссией, избежав превращения в идеологическую проработочную кампанию. В целом она не отразилась на судьбах ее участников²⁴, что свидетельствует о том, что власть еще не укрепила в полной мере несколько ослабленный за годы Великой Отечественной войны контроль над исторической наукой. В развернувшейся вскоре кампании по борьбе с буржуазным объективизмом и космополитизмом любая «идейная связь» с дореволюционными историками или зарубежными коллегами могла стоить карьеры.

В середине 1990-х гг. Д.М. Володихин выдвинул идею о широком распространении в советской исторической науке «марксопозитивизма», представлявшего «позитивизм – оговоренный в марксистские оттенки, но далекий по своей сути от марксистской философско-методологической парадигмы исследовательский стиль», при этом «он существовал совершенно официально, и его не хлестали розгами»²⁵. В подобных работах марксистские высказывания, терминология и цитаты играли роль «елочных игрушек», предписанных исключительно «этикетом» и не несущих на себе смысловой нагрузки.

Полагаем, суждение Д.М. Володихина верно для значительной части написанных советскими историками работ. Однако, что позволяло

²⁴ П.П. Смирнов умер в апреле 1947 г., так и не успев опубликовать свой ответ оппонентам. Возможно, это и «спасло» его от идеологического преследования.

²⁵ *Володихин*. С. 34.

«марксо-позитивизму» столь успешно существовать и развиваться? Дискуссия 1946 г. дает возможность выделить как минимум два канала, позволявших легитимировать и встраивать в формально новую картину хода исторического процесса концептуальные построения, порожденные иной, немарксистской методологией. Во-первых, это самый надежный способ, манипуляции с цитатами «классиков» и партийных идеологов (П.П. Смирнов, В.В. Мавродин). При этом не столь важно, в какой контекст вписано то или иное их положение, не противоречит ли оно основным идеям, высказанным тем же самым автором, не изменилась ли его точка зрения впоследствии. Подбор нужных цитат, конечно же, требовал определенного мастерства, но для советских историков это была неотъемлемая часть их профессии. Во-вторых, это указание Ф. Энгельса на возможность влияния надстройки на исторический процесс (С.В. Юшков, К.В. Базилевич, редколлегия «Вопросов истории»). Достаточно лишь отказать изучаемому факту в «крупном историческом значении», отнести его к «форме» проявления исторической закономерности, и тогда вполне возможно отойти от принципов классового анализа, монофакторного видения исторического процесса и т.д. При этом не стоит опасаться совпадения с концептуальными построениями «буржуазных» историков, так как разделяемая советскими учеными идея об объективном характере исторических закономерностей предполагает наличие единого для всех исследователей предмета изучения, что неизбежно должно породить и совпадения в их выводах (И.И. Смирнов).

Конечно же, указанные каналы легитимации чуждых для марксизма концептов оформились задолго до дискуссии 1946 года и продолжили свое существование после нее, вплоть до того момента, когда крушение СССР окончательно уничтожило систему идеологического контроля над наукой и, как следствие, саму необходимость мимикрии, приспособления к «единственно верному» представлению о ходе общественного развития.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Базилевич К.* К вопросу об исторических условиях образования Русского государства (по поводу статьи проф. П.П. Смирнов) // Вопросы истории. 1946. № 7. С. 26-44.
- Володихин Д.М.* Очерк методологии А.А. Зимина // Вестник Университета РАО. 1996. № 1. С. 30-47.
- Гордон А.В.* Великая Французская революция в советской историографии. М., 2009.
- Данилова Л.В.* Изучение истории средневековой России // Очерки истории исторической науки в СССР. М., 1985. С. 110-187.
- Дружинин П.А.* Идеология и филология. Ленинград, 1940-е гг. М., 2012. Т. 1-2.

- Дубровский А.М.* Историк и власть: историческая наука в СССР и концепция истории феодальной России в контексте политики и идеологии (1930-1950-е гг.). Брянск, 2005.
- Дубровский А.М.* Неопубликованные работы П.П. Смирнова в ОР ГБЛ // Археографический ежегодник за 1988 год. М., 1989. С. 228-234.
- Дубровский А.М.* П.П. Смирнов - историк городов феодальной России // Русский город. М., 1983. Вып. 6. С. 91-101.
- Коломієць Н.А.* Життя і доля професора П.П. Смирнова: історико-біографічний нарис // Історичний журнал. 2006. № 2. С. 93-99.
- Крих С.Б., Метель О.В.* Советская историография в контексте мировой историографической мысли. М., 2014.
- Мавродин В.* Несколько замечаний по поводу статьи П.П. Смирнова «Образование Русского централизованного государства в XIV-XV вв.» // Вопросы истории. 1946. № 4. С. 45-54.
- Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., 2-е изд. Т. 28. М., 1962; Т. 37. М., 1965.
- Об образовании централизованного Русского государства (к итогам дискуссии) // Вопросы истории. 1946. № 11. С. 3-11.
- Сахаров А.М.* Проблема образования Русского централизованного государства в советской историографии // Вопросы истории. 1961. № 9. С. 70-88.
- Сахаров А.М.* Изучение социально-экономических основ объединения русских земель в советской исторической литературе // История СССР. 1974. № 6. С. 72-92.
- Смирнов И.* О путях исследования Русского централизованного государства (по поводу статьи проф. П.П. Смирнова) // Вопросы истории. 1946. № 4. С. 30-44.
- Смирнов П.* Образование Русского централизованного государства в XIV-XV вв. // Вопросы истории. 1946. №2/3. С. 55-90.
- Шевелева В.П.* Образ «красного профессора» (по материалам журнал «Историк-марксист») // Вестник ЧелГУ. 2008. № 21(99). История. Вып. 22. С. 147-163.
- Юрганов А.Л.* Русское национальное государство: жизненный мир историков эпохи сталинизма. М., 2011.
- Юшков С.* К вопросу об образовании Русского государства в XIV-XVI веках (по поводу статьи П. П. Смирнова) // Вопросы истории. 1946. № 4. С. 55-67.

REFERENCES

- Bazilevich K.* K voprosu ob istoricheskikh usloviyakh obrazovaniya Russkogo gosudarstva (po povodu stat'i prof. P.P. Smirnov) // Voprosy istorii. 1946. № 7. S. 26-44.
- Volodihin D.M.* Oчерk metodologii A. A. Zimina // Vestnik Universiteta RAO. 1996. № 1. S. 30-47.
- Gordon A.V.* Velikaja Francuzskaja revoljucija v sovetskoj istoriografii. M., 2009.
- Danilova L.V.* Izuchenie istorii srednevekovoj Rossii // Oчерki istorii istoricheskoi nauki v SSSR. M., 1985. S. 110-187.
- Druzhinin P.A.* Ideologija i filologija. Leningrad, 1940-e gg. M., 2012. T. 1-2.
- Dubrovskij A.M.* Istorik i vlast': istoricheskaja nauka v SSSR i koncepcija istorii feodal'noj Rossii v kontekste politiki i ideologii (1930-1950-e gg.). Brjansk, 2005.
- Dubrovskij A.M.* Neopublikovannye raboty P.P.Smirnova v OR GBL // Arheograficheskij ezhegodnik za 1988 god. M., 1989. S. 228-234.
- Dubrovskij A.M.* P.P. Smirnov - istorik gorodov feodal'noj Rossii // Russkij gorod. M., 1983. Vyp. 6. S. 91-101.

- Kolomic' N.A.* Zhittja i dolja profesora P.P. Smirnova: istoriko-biografichnij naris // Istorichnij zhurnal. 2006. № 2. S. 93-99.
- Krih S.B., Meitel' O.V.* Sovetskaja istoriografija v kontekste mirovoj istoriograficheskoj mysli. M., 2014.
- Mavrodin V.* Neskol'ko zamechanij po povodu stat'i P.P. Smirnova *Obrazovanie Russkogo centralizovannogo gosudarstva v XIV-XV vv.*» // Voprosy istorii. 1946. № 4. S. 45-54.
- Marks K., Jengel's F.* Soch., 2-e izd. T. 28. M., 1962; T. 37. M., 1965.
- Ob obrazovanii centralizovannogo Russkogo gosudarstva (k itogam diskussii) // Voprosy istorii. 1946. №11. S. 3-11.
- Saharov A.M.* Problema obrazovanija Russkogo centralizovannogo gosudarstva v sovetsoj istoriografii // Voprosy istorii. 1961. № 9. S. 70-88.
- Saharov A.M.* Izuchenie social'no-jekonomicheskikh osnov ob"edinenija russkikh zemel' v sovetsoj istoricheskoi literature // Istorija SSSR. 1974. № 6. S. 72-92.
- Smirnov I.* O putjah issledovanija Russkogo centralizovannogo gosudarstva (po povodu stat'i prof. P.P. Smirnova) // Voprosy istorii. 1946. № 4. S. 30-44.
- Smirnov P.* Obrazovanie Russkogo centralizovannogo gosudarstva v XIV-XV vv. // Voprosy istorii. 1946. №2/3. S. 55-90.
- Sheveleva V.P.* Obraz «krasnogo professora» (po materialam zhurnal «Istoriik-marksist») // Vestnik ChelGU. 2008. № 21(99). Istorija. Vyp. 22. S. 147-163.
- Jurganov A.L.* Russkoe nacional'noe gosudarstvo: zhiznennyj mir istorikov jepohi stalinizma. M., 2011.
- Jushkov S.* K voprosu ob obrazovanii Russkogo gosudarstva v XIV-XVI vekah (po povodu stat'i P.P. Smirnova) // Voprosy istorii. 1946. № 4. S. 55-67.

Базанов Михаил Александрович, ведущий археограф отдела публикации и научного использования документов Государственного учреждения «Объединенный государственный архив Челябинской области» (ГУ ОГАЧО). bazanov.86@mail.ru

**Debates on the emergence of the Russian centralized state (1946)
revisiting the reception of the pre-revolutionary research traditions
by Soviet historiography**

The article is based on the materials of academic debates, which show the methods employed by the Soviet scholars in order to legitimize concepts alien to Marxism. The first method was to manipulate the citations from the works of the founders of Marxism-Leninism; the second was connected to the idea of Friedrich Engels of the possibility of the influence of superstructure on the course of history.

Keywords: Soviet historiography, 'Bourgeois-feudal' historiography, Marxism, citation, basis, superstructure, legitimation.

Mikhail Bazanov, Leading archaeographer of Department of publication and scientific use of documents of the United State Archive of Chelyabinsk region; bazanov.86@mail.ru

Э. Б. БОЕВ, Г. В. ВОРОНКОВА

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ИДЕОЛОГИЯ В ИРАНЕ В ЭПОХУ ПРАВЛЕНИЯ ДИНАСТИИ ПЕХЛЕВИ В ОЦЕНКАХ СОВЕТСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

В современных условиях все большее внимание как специалистов-востоковедов, так и политологов, социологов и специалистов в области международных отношений привлекает политическая ситуация в Исламской Республике Иран. Подобный интерес имеет основания, связанные с общим геополитическим положением этой страны, ее местом в мировой экономике, структуре международной безопасности, а также с текущей обстановкой в Ближневосточном регионе. В настоящей работе рассматриваются взгляды представителей советской историографии на государственную идеологию шахского Ирана в 1925-1979 гг.

Ключевые слова: шахская власть, монархический Иран, государственная идеология, советская историография, иранистика, династия Пехлеви.

Российско-иранские отношения имеют давнюю историю, включающую в себя как положительные, так и отрицательные стороны. Развитие современной ситуации в Иране представляет большую важность для национальной безопасности России, государств Закавказья и Средней Азии. В этой связи для прогнозирования дальнейших социально-политических процессов в Иране необходимо обращение к его истории, в первую очередь к ее современному периоду, охватывающему XX столетие. Именно в этот период, наполненный бурными политическими событиями, в Иране сложились предпосылки для формирования той международной роли, которую он играет сейчас, на современной мировой арене. И здесь большую важность имеет исследование более чем полувекового периода правления в Иране шахской династии Пехлеви. Именно в этот период были заложены основы существующего экономического, военного и технологического потенциала Ирана.

В современной иранистике данный исторический период вызывает большое число споров и дискуссий. Это связано как с различными оценками положившей конец династии Пехлеви исламской революции 1979 года, так и с различными ценностными, идеологическими подходами в исследовательской среде. В общей сложности всю историографию периода правления династии Пехлеви в целом можно подразделить на 5 групп: 1) официальная иранская историография шахского времени; 2) западная историография (США и англоязычные страны, Западная Европа); 3) современная иранская историография; 4) современная эми-

грантская иранская историография; 5) отечественная (советская и современная российская) историография.

Рассматриваемая в статье отечественная историография имеет «водоразделом» 1991 год, разделяющий ее на советскую и современную российскую историографию. Непосредственным предметом исследования являются взгляды представителей советской историографии. В качестве конкретной «точки приложения» мы будем рассматривать государственную идеологию Ирана эпохи правления династии Пехлеви, поскольку анализ взглядов советских историков на данную проблему позволит выявить специфику советской иранистики в целом, идеологические особенности, мировоззренческие установки ее представителей, систему научных приоритетов и взаимосвязь с проводимой Советским Союзом внешней политикой в регионе в соответствующий период.

Иранистика являлась одним из главных направлений востоковедения в России еще в дореволюционную эпоху (до 1917 г.). До революции российская иранистика главным образом была ориентирована на изучение персидского языка и литературы, что было связано с практическими интересами государства. Российское правительство придавало важное значение отношениям с Ираном. С начала XX в. (события, связанные с иранской революцией 1905–1911 гг.) и до начала 1920-х гг. Российская империя, а потом Советская Россия сохраняла военное и экономическое присутствие в Иране, что требовало, в том числе, подготовки грамотных специалистов-востоковедов. На тот период в России существовали такие научные центры востоковедения, как Азиатский музей, Коллегия востоковедов и Тюркологический кабинет. После падения Каджарской династии, установления новой династии Пехлеви и стабилизации политической ситуации в Иране Советский Союз был заинтересован в укреплении отношений с новым иранским руководством¹.

Фундаментальные исследования в различных отраслях востоковедения должны были в первую очередь способствовать укреплению связей со странами Востока, в том числе с Ираном, с целью усиления в них авторитета СССР и пропаганды социалистических идей. Внешняя политика СССР в 1920-е гг., а также деятельность Коминтерна требовали внимательного изучения истории, традиций и языков народов Востока для лучшего понимания специфики их развития и ознакомления их с опытом социалистического строительства в странах победившего пролетариата. Восток стал рассматриваться как потенциальный очаг революционной борьбы, восприимчивый к коммунистической идеологии.

¹ Значение изучения Ирана в России...

Такая постановка вопроса потребовала соответствующего теоретического обоснования, в связи с чем в 1929 г. была принята «Декларация о задачах востоковедческой науки», подчеркнувшая важность всестороннего и глубокого изучения стран Востока. В мае 1930 г. по решению ВЦИК Азиатский музей был объединен с Коллегией востоковедов, Институтом буддийской культуры и Тюркологическим кабинетом в рамках Института востоковедения Академии наук СССР. Этот новый исследовательский центр входил в ведение вновь созданного Отделения общественных наук АН СССР и координировал всю научную работу в области востоковедения в Советском Союзе. Директором института был утвержден известный индолог академик С.Ф. Ольденбург. В задачи Института входило изучение древней, средневековой, новой и новейшей истории стран Востока, восточных языков и литературы, экономики и социологии, этнографии и культур стран Азии и Северной Африки².

Как отмечает известный советский иранист З.А. Арабаджян в работе «Иран: противостояние империям (1918–1941)», авторы многих исследований по истории Ирана между двумя мировыми войнами – представители советской школы иранистики 1930–40-х гг. и их продолжатели – находились «вольно или невольно под давлением тех или иных идеологических догм». Вместе с тем, по мнению Арабаджяна, идеологический подход просматривается не только у советских, но и у западных исследователей того времени. Также для советских исследователей существовали ограничения на доступ к архивной информации, например, был закрыт доступ ко всем материалам так называемого «архива товарища Ленина», часть которых была связана с советско-иранскими отношениями 1920-х гг. и, следовательно, могла пролить свет на условия прихода к власти в Иране Реза-шаха³.

В ранней советской историографии правления Реза-шаха значительное внимание уделено анализу исторического процесса через призму классов, партий, классовой и партийной борьбы. К этим исследованиям относятся работы В.А. Гурко-Кряжина⁴ и сотрудника НКВД СССР В.П. Осетрова (он работал в 1920–25 и 1928–29 гг. в Персии и писал под псевдонимом «Ирандуст»)⁵.

Репрессии 1930-х гг. и трудный период Великой Отечественной войны (1941–1945) усугубили идеологическую зависимость советских исследователей-иранистов. Необходимо отметить и влияние сложной

² Там же.

³ Арабаджян 1996. С. 3.

⁴ Гурко-Кряжин 1925; 1926.

⁵ Люди и судьбы...; Ирандуст. 1926(a); 1926(b); 1926 (c); 1926 (d); 1928.

международной обстановки вокруг Ирана в конце 1930-х – начале 1940-х гг., что потребовало от ученых дать научно приемлемое объяснение вводу войск антигитлеровской коалиции на территорию этой страны в 1941 г., в том числе с идеологической точки зрения.

Советский историк П. Милов в работе «Иран во время и после второй мировой войны» назвал государственную политику и государственную идеологию Ирана конца 1930-х – начала 1940-х гг. профашистскими. По его мнению, фашистские (т.е. германские) агенты занимали важные посты во всех ведомствах и готовили диверсии против СССР⁶. М.С. Иванов в «Очерке истории Ирана» отметил, что фашистами активно вербовались депутаты иранского парламента-меджлиса, офицеры иранской армии, журналисты, пропагандировалось «якобы общее арийское происхождение немцев и персов»⁷. К сожалению, в указанных работах не приводятся какие-либо конкретные данные, подтверждающие интеграцию элементов собственно нацистской пропаганды в государственную идеологию Ирана в тот период. Поддерживая действия сталинского руководства и признавая советскую позицию в качестве единственно верной и направленной на благо иранского народа, данные авторы строго следовали дозволенной версии интерпретации событий.

В 1960–70-е гг. времена прямой угрозы репрессий для ученых миновали, однако в оценках советских иранистов существенных изменений не произошло. Так, известным исследователем, изучавшим государственную идеологию Ирана периода правления Реза-шаха в то время стал С.Л. Агаев⁸. Его позиция по многим вопросам совпадала с позициями П. Милова и М.С. Иванова: иранский режим перед войной проводил профашистскую политику, пропагандировал профашистские взгляды, он представлял угрозу для СССР, поскольку стал прибежищем для немецких диверсантов, белогвардейских, дашнакских и мусаватистских групп, помогая им всем вести подрывную работу против Советского Союза⁹. В связи с этим советская иранистика на протяжении всего периода своего существования подвергалась обоснованной критике со стороны зарубежных, в первую очередь иранских авторов.

Только в эпоху перестройки происходит переоценка подходов к освещению интересующей нас темы. Одним из первых представителей советской историографии, постепенно освобождавшихся от идеологических догм и штампов, стал З.А. Арабаджян. В работе «Иран: власть,

⁶ Милов 1949. С. 4.

⁷ Иванов 1952. С. 334.

⁸ Агаев 1966. С. 82-94; 1968. С. 23-38; 1969; 1970; 1971; 1981; 1987.

⁹ Агаев 1969. С. 104-127.

реформы, революции (XIX–XX вв.)» он отвел значительное место деятельности конкретных исторических персонажей в эпоху Реза-шаха и их характеристикам, тем самым отступая от марксистской методологии с ее догматическим аппаратом¹⁰.

Типичными для советской иранистики 1970-х гг. являются работы А.И. Демина и В.В. Трубецкого. В статье «Внутренняя и внешняя политика монархии Пехлеви» режим Реза-шаха обвиняется в подавлении «демократического движения» в северных провинциях, игнорируется сепаратистская сущность и этнический фактор, присутствующие в этом движении, вместе с тем отмечается «неизменная дружеская поддержка Советским Союзом борьбы иранского народа за упрочение независимости и отмену капитуляционного режима»¹¹.

В советской историографии мало внимания уделялось реформам Реза-шаха в культурной сфере, возрождению персидских национальных ценностей, возникновению и развитию паниранизма, а также этническому происхождению династии Пехлеви. Слабо освещался фактор многонациональности Ирана и этнического лоббизма, в частности влияния азербайджанского этнического элемента. На передний план выдвинулись чисто внешние проявления государственной политики – отмена чадры, эмансипация женщин, введение персидского календаря. Популяризация доисламского культурного наследия Ирана эпох Ахеменидов и Сасанидов характеризовалась как «фетишизация», которой сопутствовала пропаганда расового и культурного превосходства персов (как правило, без указания ссылок на конкретные источники). Рост национального самосознания представлялся в негативном свете¹².

Мероприятия Реза-шаха, связанные с возрождением персидских традиций – введение иранского солнечного календаря с персидскими названиями месяцев, возрождение значения Навруза как общенационального праздника, внедрение древнеиранской топонимики, деарабизация персидского языка – в научной литературе советского времени характеризуются как реакционные и шовинистические. Резюмируя сказанное, можно констатировать, что в советской историографии (за исключением ее самого позднего этапа), государственная идеология шахского Ирана времен правления Реза-шаха Пехлеви рассматривалась как реакционно-монархическая с элементами фашизации. Признавая ряд объективных достижений шахского правительства, напри-

¹⁰ Арабаджян 1991. С. 4.

¹¹ Демин, Трубецкой 1976а. С. 40-89.

¹² Демин, Трубецкой. 1976б. С. 120-167.

мер, отмену капитуляционного режима, внедрение в Иране элементов буржуазных свобод и т.д., представление истории Ирана изучаемого периода соответствовало марксистско-ленинской идеологии, историческому материализму и сложному характеру советско-иранских отношений на государственном уровне в то время.

Оценки конкретных авторов во многом зависели от их взглядов на события исламской революции 1978–1979 гг. По мнению З.А. Арабаджяна, советская иранистика 1970-х – начала 80-х гг. уже отличалась определенным плюрализмом мнений, так как значительное число работ, посвященных анализу иранской революции, отличается разнообразием ее трактовок – от мелкобуржуазной, буржуазно-демократической до исламской и социалистической¹³.

Как и при анализе оценки эпохи Реза-шаха в советской историографии, в данном случае мы должны учитывать специфику советско-иранских отношений во второй половине 1940-х – 1970-х гг. И если отношения СССР с Реза-шахом, начиная с 1930-х гг., отличались сложностью и противоречивостью, то режим Мохаммеда Резы Пехлеви, известный своей прозападной (в большей степени проамериканской) направленностью, советское руководство также не могло расценивать как дружественный по отношению к СССР. В работах, посвященных периоду «белой революции», критиковались капиталистические отношения, подчеркивалась важная роль иранских коммунистических организаций, боровшихся против политики руководства Ирана¹⁴.

Много внимания уделяется личным качествам Мохаммеда Реза. Если его предшественник изображался как властолюбивый, жесткий и авторитарный человек, то последний Пехлеви показан непоследовательным и нерешительным, зависимым от своего окружения и западных союзников. Подчеркивается его европейское мышление, на практике не совместимое с иранской действительностью, и главной причиной называется влияние периода пребывания молодого Мохаммеда Реза в Швейцарии, где наследник шахского престола получал образование. Вместе с тем, в работе Арабаджяна «Иран: власть, реформы, революции (XIX–XX вв.)», вышедшей в 1991 г. и уже свободной от идеологического детерминизма предшествовавшего периода, Мохаммед Реза назван европейски мыслящим интеллектуалом, который в своих трудах – «Мое служение Родине»¹⁵, «К великой цивилизации»¹⁶, «Белая революция»¹⁷,

¹³ Арабаджян 1996. С. 177.

¹⁴ Демин 1976. С. 319-409.

¹⁵ Mohammed Reza Shah Pahlavi 1960.

ставших, по сути, идеологическим обоснованием реформ, достаточно точно учитывает специфику традиций Ирана. Причиной краха программы реформ здесь называются не взгляды, а черты характера Мохаммеда Реза – мягкосердечность, недостаток самостоятельности и воли. В качестве факта, подтверждающего нерешительность шаха, обычно приводится его самоустранение от дальнейшей судьбы бывшего главы правительства Мосаддыка после восстановления власти Мохаммеда Реза в 1953 г.: шах доверил решение данного вопроса генералу Захеде и американским советникам. В итоге Мосаддык получил всего три года тюрьмы, а после отбытия срока заключения жил в своем владении под надзором полиции. То же самое касается действий шаха в ходе событий 1978–1979 гг. – сочетание массовых расстрелов демонстрантов с попытками уступок оппозиции, главным образом духовенству¹⁸.

По аналогии с периодом правления Реза-шаха, советские исследователи недостаточно внимания уделяли культурной политике Мохаммеда Реза Пехлеви, объясняя либеральные изменения западным, американским влиянием, которому, по их мнению, был подвержен шах. Ввиду того, что в 1960–1970-е гг. основным военным и политическим союзником Ирана были США, воздействие этой страны на политическую и культурную жизнь абсолютизировалось, несмотря на то, что, например, другие страны западного мира также оказывали большое влияние на культуру и общественную жизнь Ирана еще со времен правления Реза-шаха, например, Франция¹⁹.

Подвергается критике программа так называемой «белой революции шаха и народа», причем акцент делается именно на ее экономической составляющей²⁰. По-прежнему для советских иранистов, как и в 1930–40-е гг., актуальной задачей является противопоставление социалистической и капиталистической моделей развития экономики и общественных отношений. При том, что оппозиция шаху «справа» в лице шиитского духовенства определяется как реакционная, шахский режим прогрессивным советскими специалистами также не признается.

Унаследованный Мохаммедом Реза Пехлеви от своего отца курс на пропаганду персидских национальных ценностей, в первую очередь элементов доисламской культуры (в этой связи можно отметить, например, проводимые шахским правительством широкомасштабные

¹⁶ Мохаммед Реза Пехлеви 1977.

¹⁷ Mohammed Reza Shah Pahlavi 1967.

¹⁸ Арабаджян 1991. С. 57.

¹⁹ Годс Махмуд Реза. 1994. С. 82.

²⁰ Школьников 1985. С. 34.

мероприятия по празднованию 2500-летия династии Ахеменидов), в советских работах уже больше не связывается с влиянием фашизма или расизма, что подтверждает политически мотивированный характер соответствующих заключений советских историков в 1930–1940-х гг.

Вместе с тем, нельзя не отметить конструктивную позицию советских иранистов, отмечавших реальные темпы экономического роста Ирана в эпоху «белой революции», что в целом совпадало с планами Мохаммеда Реза превратить Иран в «пятую индустриальную державу мира»²¹. Важнейшие работы, посвященные этноконфессиональным отношениям в Иране в эпоху Пехлеви, принадлежат Е.А. Дорошенко²². Ценную информацию дает ее статья «Идеологические основы иранских учебников периода правления Реза-шаха Пехлеви»²³. В работе М.С. Каменевой «Национальные традиции и языковая политика в Иране (20-е – начало 80-х гг. XX в.)» освещаются лингвокультурные аспекты национальной политики пехлевийского периода, в частности, деятельность Академии персидского языка и литературы по деарабизации фарси²⁴.

По мере развития внутривосточной ситуации в двух странах – Иране и Советском Союзе – после Исламской революции 1979 г. постепенно менялись взгляды советской историографии не только на новое, но и на прежнее иранское руководство: уже с середины 1980-х гг. несколько снижается негативная окраска шахской эпохи в Иране. В этом можно видеть не только проявления начавшейся в СССР перестройки и плюрализма мнений, но и влияние определенного советского внешнеполитического вектора. Руководство Исламской республики в Иране, как известно, выступило с осуждением ввода советских войск в Афганистан в 1979 г. и в целом выразило свое негативное отношение к социалистической системе²⁵. Вскоре после установления исламского строя в Иране начались гонения на представителей коммунистических организаций – как «левацких», так и ориентированных на СССР. Об идеологических противоречиях между Советским Союзом и новым Ираном говорит послание аятоллы Хомейни Михаилу Горбачеву в 1989 г.²⁶

Подводя итоги, прежде всего отметим, что советская иранистика в качестве методологической базы использовала исторический материализм и зависела от марксистской идеологии, господствовавшей в Совет-

²¹ Алиев 1976. С. 409-457, 411.

²² Дорошенко 1998; Она же 1982.

²³ Дорошенко 1955.

²⁴ Каменева 1983.

²⁵ Мамедова 2009. С. 157-170.

²⁶ Путь, ведущий к истине...

ском Союзе. Эта зависимость в большей степени просматривается в работах 1930–50-х гг., присутствует в трудах 1960–70-х и начинает ослабевать со второй половины 1980-х. Типичные признаки данной историографической традиции – приверженность формационному подходу, акцент на классовой борьбе и социальном антагонизме, концентрация внимания на социально-экономических аспектах, воспринимаемых в качестве «базиса» общества. Идеологическая сфера воспринималась как вторичная. Очевиден и политический детерминизм советской иранистики, как и всего советского востоковедения. Нужно отметить зависимость суждений авторов от конкретной политической и международной ситуации. Так, при характеристике государственной идеологии Ирана эпохи правления Реза-шаха используется характерная политическая терминология, широко распространенная в 1930–40-х гг.

Взгляды советской историографии на режим Пехлеви прямо зависели от текущей международной ситуации и характера отношений Советского Союза с Ираном. Так, в конце 1920-х – начале 1930-х гг. СССР развивал с шахиншахским руководством экономические связи. В это время советские иранисты воздерживались от резких оценок существовавшего в Иране строя. В конце 1930-х – 1940-х гг., на фоне контактов Ирана с Германией и другими странами «Оси» (Италия, Венгрия, Япония), в советской литературе преобладает тезис о «фашизации» государственной идеологии в Иране, который послужил оправданию занятия территории нейтрального Ирана войсками антигитлеровской коалиции. Режим правления преемника Реза-шаха – Мохаммеда Реза Пехлеви, развивавшего тесные связи с западными странами, в первую очередь с США, а также с Израилем, Францией и др., воспринимался в СССР как прозападный, антисоветский режим. Последствия исламской революции 1979 года, а также начавшаяся в СССР либерализация в общественной жизни в ходе перестройки во многом смягчили оценку советскими исследователями периода Пехлеви. Ключевой точкой в этом процессе стал 1991 г., начиная с которого идеологическое воздействие на исследователей официально прекратилось.

Вместе с тем необходимо отметить и достижения советских иранистов, которые, акцентируя внимание главным образом на социально-экономической сфере, собрали значительный материал, позволяющий определить глубинные причины неудачи проекта вестернизации в Иране, разрыва между официальной идеологической доктриной шахиншахского руководства и господствовавшими среди различных групп иранского населения взглядами.

Без сомнения, опыт советских востоковедов, при его детальном осмыслении, имеет большую ценность для современной российской иранистики. По мнению З.А. Арабаджяна, представляется «некорректным и даже безнравственным спорить с концепциями, построенными в совершенно иную (коммунистическую) эпоху, когда исследователи зачастую были несвободны в своих высказываниях»²⁷. Эффективное развитие современного российского востоковедения невозможно без освоения всего конструктивного потенциала советской иранистики.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Агаев С.Л. Германский империализм в Иране. М.: Наука. Главная редакция восточной литературы, 1969. 157 с.
- Агаев С.Л. К вопросу о характере «переворота 3 хута» // Народы Азии и Африки. 1966. № 5. С. 82-94.
- Агаев С.Л. Еще раз о характере «переворота 3 хута» // Народы Азии и Африки. 1968. № 6. С. 23-38.
- Агаев С.Л. Иран: внешняя политика и проблемы независимости, 1925–1941 гг. М.: Наука, 1971. 360 с.
- Агаев С.Л. Иран в период политического кризиса 1920–1925 гг. (Вопросы внешней политики). М.: Наука, 1970. 214 с.
- Агаев С.Л. Иран в прошлом и настоящем. Пути и формы революционного процесса. М.: Наука. Главная редакция восточной литературы, 1981. 274 с.
- Агаев С.Л. Иран между прошлым и будущим. События, люди, идеи. М.: Политиздат, 1987. 319 с.
- Алиев С.М. Два направления во внешней политике Ирана // Иран. Очерки новейшей истории. М.: Наука. Главная редакция восточной литературы, 1976. 473 с. С. 409-457.
- Арабаджян З.А. Иран: Власть, реформы, революции (XIX–XX века). М.: Наука, 1991. 125 с.
- Арабаджян З.А. Иран: Противостояние империям (1918–1941). М.: РАН, Ин-т востоковедения, 1996. 224 с.
- Годс Махмуд Реза. Иран в XX веке. Политическая история. М.: Наука. 1994. 355 с.
- Гурко-Кряжин В.А. Краткая история Персии. М.: Прометей, 1925. 104 с.
- Гурко-Кряжин В.А. Переворот в Персии // Новый Восток. 1926. № 12. С. 22-25.
- Демин А.И., Трубецкой В.В. Внутренняя и внешняя политика монархии Пехлеви в 1925–1928 гг. // Иран. Очерки новейшей истории. М.: Наука. Главная редакция восточной литературы, 1976а. 473 с. С. 40-89.
- Демин А.И., Трубецкой В.В. Иран накануне второй мировой войны // Иран. Очерки новейшей истории. М.: «Наука». Главная редакция восточной литературы, 1976б. 473 с. С. 120-167.
- Демин А.И. Общественные преобразования и основные тенденции социально-экономического и внутривосточного развития Ирана // Иран. Очерки новейшей истории. М.: Наука. Главная редакция восточной литературы, 1976. С. 319-409.

²⁷ Арабаджян 1996. С. 4.

- Дорошенко Е.А. Зороастрийцы в Иране. (Историко-этнографический очерк). М.: Наука. Главная редакция восточной литературы, 1982. 133 с.
- Дорошенко Е.А. Идеологические основы иранских учебников периода правления Реза-шаха Пехлеви // Краткие сообщения Института востоковедения. XIV. М.: Изд-во АН СССР, 1955. С. 58-67.
- Дорошенко Е.А. Шиитское духовенство в двух революциях: 1905–1911 и 1979 гг. М.: Институт востоковедения РАН, 1998. 240 с.
- Значение изучения Ирана в России / ИРАС: Новости, аналитика и исследования / Центр по изучению Ирана и Евразии. URL: <http://www.iraneurasia.ir/gu/pages/?cid=1329/> (дата обращения: 18.03.2015).
- Иванов М.С. Очерк истории Ирана. М.: Изд-во АН СССР, 1952. 467 с.
- Ирандуст. Заметки о смене режима в Персии // Новый Восток. 1926. № 15. С. 35-63.
- Ирандуст. Зигзаги английской политики на Ближнем Востоке // Международная жизнь. 1926. № 4. С. 18-34.
- Ирандуст. Классы и партии современной Персии // Мировое хозяйство и мировая политика. 1926. № 2. С. 52-56.
- Ирандуст. Персия вчера и сегодня. М.: Московский рабочий, 1928. 40 с.
- Ирандуст. Смена режима в Персии // Международная жизнь. 1926. С. 43-46.
- Каменева М.С. Национальные традиции и языковая политика в Иране (20-е – начало 80-х гг. XX в.) // Зарубежный Восток: Религиозные традиции и современность. М.: Наука, 1983. 264 с. С. 140 -145.
- Люди и судьбы. Биобиблиографический словарь востоковедов – жертв политического террора в советский период (1917–1991) / Сост. Я.В. Васильков, М.Ю. Сорокина. URL: <http://memory.pvost.org/pages/osetrov.html> (дата обращения: 18.03.2015).
- Мамедова Н.М. История советско-иранских отношений (1917–1991) // Иран. История, экономика, культура. Памяти С.М. Алиева. М.: ИВ РАН, 2009. С. 157- 170.
- Милов П. Иран во время и после второй мировой войны. М.: Изд-во АН СССР, 1949. 40 с.
- Мохаммед Реза Пехлеви. К великой цивилизации. Тегеран: Изд-во Центра по исследованию политической культуры периода Пехлеви, 1977. 350 с. (на перс. яз.)
- Путь, ведущий к истине. Послание великого вождя Исламской революции и основоположника Исламской республики Иран главе Советского Союза Михаилу Горбачеву. Тегеран, 2009 (на рус. яз).
- Школьников Б.А. Иран в конце 50-х – начале 60-х годов XX века: Социально-экономические и политические предпосылки «белой революции». М.: Наука, 1985. 96 с.
- Mohammed Reza Shah Pahlavi. Mission for My Country. London: Hutchinson & Co. Ltd, 1960. 336 p.
- Mohammed Reza Shah Pahlavi. The White Revolution of Iran. First Edition. Tehran: Imperial Pahlavi Library, 1967. 177 p.

REFERENCES

- Agaev S.L. Eshche raz o kharaktere “perevorota 3 khuta” // Narody Azii i Afriki. 1968. No. 6. S. 23-38.
- Agaev S.L. Germanskii imperializm v Irane. М.: Nauka. Glavnaya redaktsiya vos-tochnoi lite-ratury, 1969. 157 s.

- Agaev S.L. Iran mezhdru proshlym i budushchim. Sobytiya, lyudi, idei. M.: Politizdat, 1987. 319 s.
- Agaev S.L. Iran v period politicheskogo krizisa 1920–1925 gg. (Voprosy vneshnei politiki). Moscow: Nauka, 1970. 214 s.
- Agaev S.L. Iran v proshlom i nastoyashchem. Puti i formy revolyutsionnogo protsessa. Moscow: Nauka. Glavnaya redaktsiya vostochnoi literatury, 1981. 274 s.
- Agaev S.L. Iran: vneshnyaya politika i problemy nezavisimosti, 1925–1941 gg. Moscow: Nauka, 1971. 360 s.
- Agaev S.L. K voprosu o kharaktere “perevorota 3 khuta” // Narody Azii i Afriki. 1966. No. 5. S. 82-94.
- Aliev S.M. Dva napravleniya vo vneshnei politike Irana // Iran. Ocherki noveishei istorii. Moscow: Nauka. Glavnaya redaktsiya vostochnoi literatury, 1976. 473 s. S. 409-457.
- Arabadzhyan Z.A. Iran: Protivostoyanie imperiyam (1918–1941). Moscow: RAN, In-t vostokovedeniya, 1996. 224 s.
- Arabadzhyan Z.A. Iran: Vlast', reformy, revolyutsii (XIX–XX veka). M.: Nauka, 1991. 125 s.
- Demin A.I. Obshchestvennye preobrazovaniya i osnovnye tendentsii sotsial'no-ekonomicheskogo i vnutripoliticheskogo razvitiya Irana // Iran. Ocherki noveishei istorii. Moscow: Nauka. Glavnaya redaktsiya vostochnoi literatury, 1976. S. 319-409.
- Demin A.I., Trubetskoi V.V. Iran nakanune vtoroi mirovoi voiny // Iran. Ocherki noveishei istorii. Moscow: «Nauka». Glavnaya redaktsiya vostochnoi literatury, 1976b. 473 s. S. 120-167.
- Demin A.I., Trubetskoi V.V. Vnutrennyaya i vneshnyaya politika monarkhii Pekhlevi v 1925–1928 gg. // Iran. Ocherki noveishei istorii. Moscow: Nauka. Glavnaya redaktsiya vostochnoi literatury, 1976a. 473 s. S. 40-89.
- Doroshenko E.A. Ideologicheskie osnovy iranskikh uchebnikov perioda pravleniya Reza-shakha Pekhlevi // Kratkie soobshcheniya Instituta vostokovedeniya. XIV. Moscow: Izd-vo AN SSSR, 1955. S. 58-67.
- Doroshenko E.A. Shiitskoe dukhovenstvo v dvukh revolyutsiyakh: 1905–1911 i 1979 gg. Moscow: Institut vostokovedeniya RAN, 1998. 240 s.
- Doroshenko E.A. Zoroastriitsy v Irane. (Istoriko-etnograficheskii ocherk). Moscow: Nauka. Glavnaya redaktsiya vostochnoi literatury, 1982. 133 s.
- Gods Makhmud Reza. Iran v XX veke. Politicheskaya istoriya. Moscow: Nauka. 1994. 355 s.
- Gurko-Kryazhin V.A. Kratkaya istoriya Persii. Moscow: Prometei, 1925. 104 s.
- Gurko-Kryazhin V.A. Perevorot v Persii // Novyi Vostok. 1926. No. 12. S. 22-25.
- Iran dust. Klassy i partii sovremennoi Persii // Mirovye khozyaistvo i mirovaya politika. 1926. No. 2. S. 52-56.
- Iran dust. Persiya vchera i segodnya. Moscow: Moskovskii rabochii, 1928. 40 s.
- Iran dust. Smena rezhima v Persii // Mezhdunarodnaya zhizn'. 1926. S. 43-46.
- Iran dust. Zametki o smene rezhima v Persii // Novyi Vostok. 1926. No. 15. S. 35-63.
- Iran dust. Zigzagi angliiskoi politiki na Blizhnem Vostoke // Mezhdunarodnaya zhizn'. 1926. No. 4. S. 18-34.
- Ivanov M.S. Ocherk istorii Irana. Moscow: Izd-vo AN SSSR, 1952. 467 s.
- Kameneva M.S. Natsional'nye traditsii i yazykovaya politika v Irane (20-e – nachalo 80-kh gg. XX v.) // Zarubezhnyi Vostok: Religioznye traditsii i sovremennost'. Moscow: Nauka, 1983. 264 s. S. 140-145.

- Lyudi i sud'by. Biobibliograficheskii slovar' vostokovedov – zhertv politicheskogo terro-
ra v sovetskii period (1917–1991). Sost. Ya.V. Vasil'kov, M.Yu. Sorokina. URL:
<http://memory.pvost.org/pages/osetrov.html> (data obrashcheniya: 18.03.2015).
- Mamedova N.M. Istoriya sovetsko-iranskikh otnoshenii (1917–1991) // Iran. Istoriya,
eko-nomika, kul'tura. Pamyati S.M. Alieva. Moscow: IV RAN, 2009. S. 157- 170.
- Milov P. Iran vo vremya i posle vtoroi mirovoi voiny. Moscow: Izd-vo AN SSSR, 1949.
40 s.
- Mohammed Reza Shah Pahlavi. Mission for My Country. London: Hutchinson & Co.
Ltd, 1960. 336 p.
- Mohammed Reza Shah Pahlavi. The White Revolution of Iran. First Edition. Tehran:
Imperial Pah-lavi Library, 1967. 177 p.
- Mokhammed Reza Pekhlevi. K velikoi tsivilizatsii. Tegeran: Izd-vo Tsentra po issledo-
vaniyu politicheskoi kul'tury perioda Pekhlevi, 1977. 350 s. (na pers. yaz.)
- Put', vedushchii k istine. Poslanie velikogo vozhdya Islamskoi revolyutsii i osno-
vopolozhnika Islamskoi respubliki Iran glave Sovetskogo Soyuza Mikhailu Gorba-
chevu. Tegeran, 2009 (na rus. yaz).
- Shkol'nikov B.A. Iran v kontse 50-kh – nachale 60-kh godov XX veka: Sotsial'no-
ekonomicheskie i politicheskie predposylki “beloi revolyutsii”. Moscow: Nauka,
1985. 96 s.
- Znachenie izucheniya Irana v Rossii / IRAS: Novosti, analitika i issledovaniya / Tsentr
po izucheniyu Irana i Evrazii. URL: <http://www.iraneurasia.ir/ru/pages/?cid=1329/>
(data obrashcheniya: 18.03.2015).

Боев Эрадж Бегиджонович, аспирант кафедры всеобщей истории, классических дисциплин и права Нижегородского государственного педагогического университета им. К. Минина; sogdak@yandex.ru

Воронкова Галина Вадимовна, кандидат исторических наук, доцент кафедры всеобщей истории, классических дисциплин и права Нижегородского государственного педагогического университета им. К. Минина; voronkova_g@mail.ru

Iranian State ideology under the Pahlavi dynasty as viewed by the Soviet historiography

Today the growing number of experts in oriental, political, and social studies and international relations are interested in the political situation in the Islamic Republic of Iran. This interest is based on the place of the country in the global politics and economics, the structure of international security, and on the current situation in the Middle East. The present study analyses the views of the Soviet scholars on the ideology of Iranian state under the Shahs in 1925-1979.

Keywords: the Shah's power, monarchical Iran, state ideology, Soviet historiography.

Eradjh Boev, postgraduate student of the Department of World History, classic disciplines and law, Minin Nizhny Novgorod State Pedagogical University; sogdak@yandex.ru

Galina Voronkova, PhD (History), Assistant Professor of the Department of World History, classic disciplines and law, Minin Nizhny Novgorod State Pedagogical University; voronkova_g@mail.ru

ЧИТАЯ КНИГИ

Н. Б. СЕЛУНСКАЯ

ПРОФЕССИОНАЛЬНОЕ ИСТОРИЧЕСКОЕ ЗНАНИЕ ОСНОВЫ ФОРМИРОВАНИЯ И ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ (размышления над новой книгой Рольфа Тоштендаля)

В статье исследуется феномен профессионализма историка в мировом и национальных исторических сообществах. В центре внимания – книга известного шведского ученого Рольфа Тоштендаля «Профессионализм историка и историческое знание»; рефлексии по поводу смысла авторского понятия профессионализма и комментарии в связи с изучением российской исторической традиции составляют основное содержание статьи. Анализ профессионализма историка включает проблемы формирования и развития предметной области истории и профессионального сообщества, наблюдения и оценки современных тенденций фрагментации истории и появления множества исторических сообществ, взаимоотношения истории и политики, а также изменения, которые происходили в области теории, методологии и эпистемологии истории в долговременной хронологической ретроспективе.

***Ключевые слова:** историческое знание, профессионализм, историческое сообщество, профессиональные нормы, специализация и фрагментация, объяснение.*

Процесс формирования исторического знания вообще и знания о национальной, российской истории существенным образом связан с воздействием теоретико-методологического пространства, в котором сегодня существует историческое сообщество, с определяющими тенденциями его развития. Среди них, на наш взгляд, особого внимания заслуживают такие тенденции как глобализация и историзация. Первая является следствием стремительно развивающейся системы коммуникацией, с формированием единого информационного пространства, которое не может не влиять на развитие национальных историографий, определяя на локальном уровне своеобразие проявления в них общих сдвигов, характерных для всего мирового исторического сообщества. Вторая тенденция связана с постмодернистским влиянием на историческую науку, «вызовом» традиции научной истории как «модернистскому наследию». Характерно, однако, что в ситуации отсутствия общих теоретических оснований имеет место и выраженное стремление историков договориться. Поиск так называемого общего консенсуального прошлого историческим сообществом осуществляется либо на пути

сближения истории со сферой культуры, литературы, лингвистики, либо на пути развития истории как «нормальной» науки. В методологической литературе уделяется особое внимание осмыслению изменений в предметном поле истории, путей получения и оценки нового исторического знания современным историческим сообществом¹. Отмеченные моменты определяют особый интерес к новым фундаментальным исследованиям в области исторической эпистемологии.

В 2014 г. вышла в Москве монография Рольфа Тоштендаля, известного шведского ученого, специалиста в области теории истории, «Профессионализм историка и историческое знание»². Книга эта, несомненно, является крупным историографическим явлением, прежде всего, по масштабу поставленной проблемы и в плане содержательной значимости, актуальности и пространственно-временного измерения. Так, проблема формирования истории как научной дисциплины и отрасли знания, а также профессионального исторического сообщества решается автором на общеевропейском материале «традиции историописания» с «древности до наших дней». Масштабность исследования проявляется и в диапазоне и характере поставленных проблем. Среди них следует назвать проблемы «роста» и взросления истории, роль и функции профессионального исторического сообщества, в том числе, и на современном этапе, когда очевидцами и участниками исследуемых процессов являемся мы, читатели книги и члены сообщества. Заметим, что книга обречена иметь широкую читательскую аудиторию уже по тому, как формулирует автор свое видение значения истории для человека и человечества. В своеобразном эпиграфе, вынесенным на обложку книги, он пишет: «человечество не движется в сторону будущего... к ясным целям. Вместо этого оно пятится в будущее, глядя в прошлое...», и «в таком неловком продвижении прошлое используется для ориентирования в том, что находится у нас за спиной, где лучи знания, можно надеяться, освещают все большее и большее пространство под нашими спотыкающимися ногами, ищущими твердой опоры».

Прочтение книги может иметь разные ракурсы. Для меня в фокусе внимания находятся несколько сюжетов, о которых хотелось бы порассуждать. Одним из них является возможность компаративного анализа традиций историописания и формирования профессионального сообщества в общеевропейском контексте, где свое место должна занимать и

¹ Подробнее см.: Селунская. 2004.

² Тоштендаль 2014 (а).

российская историографическая традиция. Причем особое внимание при анализе феномена профессионализма и формирования исторического знания привлекают такие его составляющие как источниковедческие и методологические аспекты исторического исследования.

Раскрытие смыслов понятия профессионализма является для автора центральным сюжетом исследования. Р. Тоштендаль считает необходимым разделять два значения понятия профессионализма. «Первый подразумевает, что профессиональный историк – тот кому платят за написание истории. Согласно второму профессиональный историк – тот, кого допустили в свою компанию другие историки (сообщество историков). Профессионализм во втором смысле – главный предмет этой книги» (с. 10-11). Анализируя функции и роль профессионализма, автор оценивает его как «центростремительную силу», заставляющую ученых придерживаться «определенного набора общих норм», которые прежде всего относятся к предмету изучения истории (в то время как «минимальные требования» интерпретируются автором как методы и способы исторических исследований). Противоположную профессионализму функцию имеет «фрагментация» истории, представляющая «центробежную силу» путем создания новых специальных областей, часто игнорирующих или изменяющих приоритеты в «общих нормах» истории. Профессионализм «укрепляет взаимопонимание внутри профессиональной группы и противостоит центробежным силам, стремящимся разрушить единство историков как группы». Однако «фрагментация» не является «негативным термином». Ее действие проявляется в том, что «предшествующая единая группа исследователей заменяется несколькими объединениями». Наконец, преимущества «фрагментации» на современном этапе автор видит в том, что она предоставляет основания для идентичности историка. Это весьма важное и справедливое соображение, о котором я размышляла в своей работе «Историческая память и профессиональная идентичность историка»³. Заметим, что фрагментация приводит не только к разделению предметного поля истории, но и исторического сообщества по методологии и стилистике исторического исследования, принятой в определенных его группах и школах. Угроза потери историком профессиональной идентичности вызывает озабоченность в историческом сообществе и стимулирует дискуссии вокруг этой проблемы. Формирование новых областей в предметном поле истории и дифференциация приоритетных способов

³ Селунская 2014.

получения исторического знания, признанных группами расколотого сообщества, приводят к тому, что идентичности формируются и осознаются внутри научных школ, направлений или специализированных областей истории. К этому следует добавить «генерационную», поколенную принадлежность историка. Об этом типе идентичности интересно рассуждает в своей книге Л.А. Сидорова⁴. Работая на основе историко-культурного подхода, она выделяет генерационные особенности не только стилистики исторических сочинений (методологии и источниковой базы получения знаний в избранном проблемном или предметном поле), но и специфику межличностных коммуникаций, научных контактов, коопераций, дискуссий, семинаров.

Особый интерес представляют оценки и наблюдения, относящиеся к роли истории как «материнской дисциплины» в формировании знаний человечества о прошлом, с которого и начинается монография Р. Тоштендаля. Подчеркивая, что «идея, стоявшая за пониманием истории как типа исследований, объединяющего группу дисциплин, никогда не проговаривалась, но была связана с представлениями о том, что существует общий для всех исследований прошлого способ размышлений», автор считает, что в XIX–XX вв. основной тенденцией была «фрагментация истории», когда «идея об общем интеллектуальном наследии всех исследований человеческого прошлого рассыпалась», а предмет истории весьма сузился, так как многие бывшие ее субдисциплины «формально освободились» (с. 5-7, 25).

В то же время, касаясь институциональных аспектов формирования исторического сообщества, Р. Тоштендаль обращается к опыту проведения с начала XX века международных конгрессов историков, которые на ранних стадиях оформления своего профессионального сообщества стремились собрать представителей всех дисциплин «при посредстве их исторического аспекта». В этой связи, представляется чрезвычайно интересным российский опыт процесса профессионализации истории и в плане взаимоотношений «материнской» и «дочерних» дисциплин, в том числе – оценки «фрагментации» истории как побочного продукта, и в плане организационных форм институционализации научного сообщества. Пунктирно можно отметить некоторые национальные особенности, вписывающиеся в общеевропейский контекст, но и вносящие интересные коррективы. Так, например, функции «материнской» дисциплины история делила на первых порах с археологией,

⁴ Сидорова 2008.

названной «помощницей истории». Неслучайно, дискуссии шли о водоразделе в предмете этих дисциплин. Кроме того, по факту, именно в недрах археологии (науке о древностях) во многом формировалась и сама история, представленная такими ее областями как региональная история, краеведение, а также вспомогательными дисциплинами – исторической географией, геральдикой, нумизматикой. Позже они объединились в источниковедение, которое стало со временем главной специальной исторической дисциплиной, в которой, по замечанию известного российского историка и методолога Л.П. Карсавина, «легче и лучше всего улавливается сущность исторического» и «где нет соблазна отдаться на волю легкомысленных и шаблонных схем»⁵. Характерно, что появление самого термина «источниковедение» в значении «обозрение источников» историки относят к началу XIX в. Однако, только в конце XIX – начале XX в. формируется источниковедение как область исторического знания, как практика сбора и издания документов, а также как часть теории исторического познания в форме учения об источнике как средстве реконструкции прошлого⁶.

Иная судьба постигла археологию, давшую жизнь источниковедению и другим специальным историческим дисциплинам. Со временем она утратила статус «прародительницы», превратившись во вспомогательную историческую дисциплину с четко очерченными границами предметной области. Однако именно Археологические съезды, проводившиеся в 1864(1869)–1914 гг. были тем институтом, который представлял начальные формы организации научно-исторического сообщества⁷. Характерно, что на них были представлены отделения и секции, изучающие разные типы и виды источников и такие области как архивоведение и археография, этнография и др., т.е. именно источниковедение сыграло особую роль в становлении истории как науки и в формировании профессионального исторического сообщества в нашей стране.

Начало оформления предмета истории в отечественной традиции относится к XVIII столетию. Характерно, что в научном сообществе часто употребляли два термина – *история* и *древности*. В.Н. Татищев толковал термин «история» «как слово греческое, то самое, значит, что у нас деи, или деяния». Под древностями понимались остатки прошлого. Таким образом, уже в XVIII в. осознавалась необходимость разных

⁵ Карсавин 1923. С. 288.

⁶ Историческая наука в Московском университете... С. 190.

⁷ Петрова 2013.

терминов для обозначения *истории* как итогов деятельности историков и той основы, которая служила фундаментом исторического труда и называлась сначала «древности», будучи по смыслу прообразом источниковедения⁸. О тесном взаимодействии этих двух аспектов процесса профессионализации истории свидетельствует уже само название и назначение открывшегося в 1804 г. при Московском университете Общества истории и древностей. Вообще интересно обратить внимание на особенности институционализации истории на примере Московского университета. Первоначально в указе об организации университета предписывалось открыть на философском факультете кафедру истории для преподавания универсальной (всеобщей) и российской истории, древностей и геральдики. Однако были большие проблемы с чтением курсов русской истории, истории древностей и русской геральдики, так как многие из приглашенных профессоров из немецких университетов не владели русским языком и не знали русской истории. Для развития отечественной исторической науки требовалась хорошая источниковая база, а потому одним из главных направлений становилось источниковедение, представленное пока еще отдельными специальными дисциплинами, прежде всего, археографией. В этом заключались особенности становления и оформления предметной области истории в России, а также процесса формирования предпосылок зарождения профессионального исторического сообщества.

В дискуссиях об определении профессионализма «как стадии развития истории» или же «как результата договора внутри исторического сообщества», Р. Тоштендаль поддерживает вторую интерпретацию, развивая ее своим авторским видением самого процесса профессионализации истории. Отвергая идею «единого процесса», он особое внимание уделяет проблеме критериев оценки характера и этапов его развития. Здесь на первый план выступают понятия «оптимальных норм» и «минимальных требований», которыми оперирует автор на всех этапах своего дискурса, постоянно корректируя, дополняя раскрытие смыслов этих ключевых понятий. «Одни фокусируют внимание на том, с чем должна иметь дело история, – на акторах и предметах исследования. Другие сконцентрированы, например, на методах. Две категории критериев будут именоваться здесь оптимальными нормами и минимальными требованиями соответственно» (с. 30-31). Именно эти критерии положены автором в основу понимания профес-

⁸ Историческая наука в Московском университете... С. 190.

сионализма в функции «оценки исторического исследования», именно сдвигами в этой системе ценностей автор объясняет то, что «профессионализм менялся не один, а несколько раз» (с. 31).

Таким образом, рассматривая феномен профессионализма в динамике, Р. Тоштендаль выделяет этапы его развития, которые тесно связаны с периодизацией самой исторической науки. При этом раскрытие смысла понятия профессионализма «по факту» включает оценку «методов и методологии» как его значимой составляющей, которая в первой трети XIX в. связывалась, прежде всего, с источниковедением. Это был период, когда «возникла мода на исторические исследования, основанные на источниковедческих изысканиях», а во второй половине XIX – начале XX века началось обсуждение методологии истории» (с. 46) – методы и методология стали центральной идеей, которую поддерживали и национальные и интернациональные сообщества историков (с. 53). Это второй этап развития профессионализма, который по своему содержанию был связан и определялся установками школы Ранке.

Как уже отмечалось, для отечественной историографической традиции с самого начала ее зарождения источниковедение играло особую роль. Эта особенность характерна и для «второго этапа» развития профессионализма и, следовательно, исторической науки. Так, к концу XIX – началу XX в. в отечественной историографии возрос интерес к теоретико-методологическим проблемам исторического познания. Яркими представителями названного подхода считаются, например, такие историки, как специалист по всеобщей истории выпускник Московского университета Н.И. Кареев и профессор Петербургского университета А.С. Лаппо-Данилевский. В их исследованиях определены контуры предмета теории и методологии исторического познания⁹.

Впервые в отечественной исторической науке и университетской практике известный российский историк, специалист по отечественной истории В.О. Ключевский начал чтение курса по методологии исторической науки, которое было продолжено В.М. Хвостовым, И.И. Ивановым, А.М. Щербиной. Заметим, что Ключевского отличал особый интерес к источниковедческим проблемам исторического исследования, на что обращали внимание такие корифеи отечественной историографии и источниковедения как Л.В. Черепнин и Н.Л. Рубинштейн. Они характеризовали труды В.О. Ключевского, прежде всего его магистерскую диссертацию «Древнерусские жития святых как исторический источник»,

⁹ Кареев 1883, 1913; Лаппо-Данилевский 1910-1913.

как необыкновенное «методическое достижение» и «настоящий источниковедческий шедевр». Он же в 1880–1890-е гг. в Московском университете читал курс по проблемам источниковедения¹⁰.

Развитие профессионализма в середине XX века Рольф Тоштендаль характеризует целым рядом отличительных черт, среди которых на первый план выходят «оптимальные нормы», поворот к использованию «теорий социальных наук» и результатам, полученным на основе этих теорий (с. 71). Отмечая тенденцию «американизации» социальных наук в Европе, автор усматривает проявление влияния американской социальной теории на европейскую, в том числе скандинавскую историографию, в формировании направления количественной истории. В этой связи нельзя не дополнить отмеченную тенденцию опытом формирования и развития отечественной традиции квантификации. Подобный сравнительно-исторический анализ представляется значимым в контексте анализа основ профессионального исторического знания, предпринятого Тоштендалем, так как именно период 1950–80-х гг. он рассматривает как «время двойных стандартов» в историческом сообществе и даже озаглавливает специальный раздел «От одного к нескольким сообществам». Наметившийся раскол между научно-историческим и антропологическим подходами был, несомненно, связан с мировым и национальным опытом развития квантификации как альтернативы традиционной стилистики исторического нарратива.

Национальная школа научной истории в нашей стране, в частности, представленная направлением количественной истории, развивалась на основе марксистской методологии, а ее лидером был известный российский историк и методолог академик И.Д. Ковальченко. Объединительная функция методологии структурного анализа и квантификации определила возможность диалога между учеными, несмотря на различие философских оснований, которое не препятствовало развитию совместных советско-американских проектов, прежде всего в области аграрной истории переходных эпох от «несвободного» к «свободному» труду в России и США. В условиях «лингвистического поворота», когда широкое распространение получило рассмотрение языка как предельного онтологического основания мышления и деятельности историка, такой подход к основаниям получения исторического знания заслуживает внимания и дальнейшей разработки как в теоретико-методологическом,

¹⁰ См.: Историческая наука в Московском университете... С. 251, 209. К сожалению, материалы курса Ключевского плохо сохранились: Ключевский 1959.

так и конкретно-историческом плане. Нельзя не отметить, что в этом аспекте на этапе развития исторической науки в начале XXI в. особую актуальность приобретают и проблемы подходов историка к историческому источнику, а также методов анализа исторических данных, методов исторического исследования, в целом.

Влияние постмодернизма на историографический процесс актуализировало проблему нарратива, написания истории, как альтернативы историческому исследованию. Истоки этих тенденций восходят к историографической стилистике «традиционной историографии». В этой связи представляется важной классификация методов исторического исследования на описательные и количественные, имеющие различные основания и несопоставимые познавательные возможности: в первом случае – ограниченность описания усугубляется игрой воображения историка при соприкосновении с фактами и наполнением их смыслами в ходе создания текста, во втором – измерение как основание модели исследования предполагает разработку научных приемов формирования эмпирической базы данных, а также научно-исторических количественных методов их анализа с целью получения количественной меры качественной сути изучаемых явлений и процессов.

В целом, весьма убедительным представляется вывод Р. Тоштендаля о том, что «профессионализм историков не имеет больше опоры в едином сообществе» (с. 77). По мнению автора, формально дисциплина по-прежнему существует, но расхождения между учеными велики. В этой связи особенно ценной представляется понимание и оценка шведским ученым теоретико-методологических оснований отдельных национальных научных школ.

Так как книга Р. Тоштендаля вышла в России, то особый интерес и глубокую признательность вызывает внимание автора к личности ведущего ученого-методолога, представлявшего на мировой арене отечественную историографическую традицию, академику И.Д. Ковальченко. Тоштендаль сотрудничал с Ковальченко в международных исследовательских проектах, при подготовке которых ученые вели интересные методологические дискуссии, в том числе о путях и способах достижения исторического знания, а также о его границах и возможностях развития. В своих рассуждениях о методах исторического исследования Иван Дмитриевич подчеркивал значение историко-сравнительного метода, особенно востребованного при коллективном сотворчестве историков разных стран, научных школ и направлений. Именно в контексте компаративистской методологии успешно реализовывались возглавля-

емые им проекты по аграрной истории России и США, истории индустриализации в России и Швеции и др.¹¹ В связи с этим представляется важным утверждение Р. Тоштендаля о значимости компаративистской методологии для развития такого типа исторического знания как теоретическое знание. Он подчеркивает, что эта методология ведет к «генерализации, выявлению общих факторов, определяющих типы исторического развития», а «компаративная история представляет интерес не только по своим результатам, но и по тем перспективам, которые она открывает в области теории и научной эпистемологии. И.Д. Ковальченко понимал это» (с. 282). Согласно оценке Тоштендаля, «Ковальченко был модернистом» и «верил в возможность использования знания для преобразования мира» (с. 281). Диалог двух ученых, объединяющий их интерес к профессионализму историка, связанному с путями и методами исторического познания, продолжен и в докладе Р. Тоштендаля по проблеме исторического объяснения, подготовленном им для Научных чтений памяти академика И.Д. Ковальченко¹².

На современном этапе развития исторической науки с новой силой возобновляются споры вокруг исторического объяснения. Противники постмодернизма озабочены изменениями в центральной сфере «научной истории» – социальной истории, отмечая, что «общество как обобщающая категория растворяется» и создается угроза тому, что «социальное объяснение» как таковое может потерять всю свою независимую значимость¹³. Таким образом, для мирового исторического сообщества сегодня характерен поиск адекватной основы для объяснения прошлого (при всех различиях его трактовок), который особым образом актуализировался, в частности, в связи с тем, что вера в единственную, научную объяснительную модель подорвана девальвацией авторитетных теорий.

Диверсификация предметной области истории, наметившаяся уже в послевоенный период, бурно прогрессирует и естественно сопровождается развитием методологического плюрализма, что позволяет историкам делать пессимистические прогнозы о невозможности исторического синтеза, в частности, в социальной и политической истории. В то же время наряду с отмеченной тенденцией дифференциации в области предмета истории и методологии исторических исследований, переносом фокуса исторических исследований с макро- на микроуровень

¹¹ Подробнее см. Селунская 2014.

¹² Тоштендаль 2014 (б). С. 48-60.

¹³ Iggers 1988. P. 225.

(например, в исследованиях жанра case-study), или ординарному бытописанию («история повседневности»), следует обратить внимание на тенденцию, называемую исследователями “исторический” поворот, или поворот социальных наук к истории¹⁴.

Результат «исторического поворота» – «возрождение» нарративной истории, фокусирующей внимание на событиях, культуре и индивиде. Хотя оговаривается, что в историографии предполагается уделять внимание объяснению причинных закономерностей, сторонники «нарративной истории» отводят более значимую роль в объяснении моделям и способам поведения, воздействию прошлого, понимаемого как культура, и истории, трактуемой как «этнографическая сущность». То есть объяснению подлежит «действующее лицо, понимаемое как социальная и культурная конструкция в системе региональных отношений власти и конфликта и способное на действие внутри исторического контекста», а также некое «событийное прошлое», где социальные отношения определяются *path dependency* (“зависимостью пути”), временными неоднородными причинами и глобальными изменениями. Этот поворот меняет процедуру и структуру исторического объяснения: он связан с культурной теорией и отрицанием социальных рамок истории, рассмотрением социального лишь как «момента» в истории. Новая концепция культуры расценивается как наиболее важный вклад в современную социальную теорию и ассоциируется с именем К. Гиртца, с семиотическим определением культуры, означающим «путь опыта» (не собственный опыт), с особым вниманием к символам, с переходом на микроуровень, от структуры – к событию, от объяснения – к интерпретации.

Логика развития современной российской историографии «вписывается» в общие закономерности развития исторической науки, связанные с кардинальной сменой парадигм, моделей объяснения исторического процесса в целом, истории стран, отдельных исторических этапов, явлений. Эта общая закономерность, бесспорно, имеет свою специфику для каждой национальной историографии, в том числе и для отечественной исторической науки, которая, в силу кардинального изменения условий (в т.ч. социально-политических) развития обостренно переживает период «поиска» новых методологий и объяснительных моделей.

В книге Р. Тоштендаля есть специальная глава «Профессионализм и использование истории в политике», посвященная сложному взаимодействию истории и политики, анализу конфликтов между историче-

¹⁴ The Historic Turn in the Human Sciences. 1996.

ским профессионализмом и политикой. Автор пишет: «Политики хотят, чтобы историки проводили исследование определенных тем, иногда они даже требуют определенных результатов. Историки же хотят быть свободными в выборе проблем, тем и методов исследования. Обе стороны идеализируют свое положение» (с. 213).

Раскрытые в книге проблемы современного исторического знания, профессионализма и развития исторического сообщества, несомненно, значимы для ориентации российских историков, как в исследовательской, так и в образовательной практике. Эта книга будет востребована в связи с актуальностью повестки, предложенной автором, и с глубиной ее проработки, с предложенными автором неординарными решениями кардинальных теоретико-методологических проблем.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Историческая наука в Московском университете 1755-2005. М., 2004.
Кареев Н.И. Основные вопросы философии истории. М., 1883. Т. 1-2.
Кареев Н.И. Теория исторического знания. СПб., 1913.
Карсавин Л.П. Философия истории Берлин, 1923.
Ключевский В.О. Курс лекций по источниковедению // Соч. М., 1959, Т. 6: Специальные курсы. С. 5-87, 474-481.
Лапто-Данилевский А.С. Методология истории. СПб., 1910–1913. Вып. 1-2.
Петрова О.С. Археологические съезды в России. Опыт изучения научно-исторического сообщества (вторая половина XIX – начало XX в.). LAP, Lambert Academic Publishing, 2013.
Селунская Н.Б. Методологическое знание и профессионализм историка // Новая и Новейшая история. 2004. № 4. С. 24-41.
Селунская Н.Б. Историческая память и профессиональная идентичность историк // Проблемы историографии, источниковедения и методов исторического исследования. Материалы V Научных чтений памяти академика И.Д. Ковальченко / Под ред. С.П. Карпова. М.: Изд-во Московского ун-та 2014. С. 29-40.
Сидорова Л.А. Советская историческая наука середины XX века: синтез трех поколений. М., 2008.
Тоштендаль, Рольф. Профессионализм историка и историческое знание М.: Новый хронограф, 2014. 345 с.
Тоштендаль, Рольф. Методика «лучшего объяснения» в историческом исследовании // Проблемы историографии, источниковедения и методов исторического исследования Материалы V научных чтений памяти академика И.Д. Ковальченко / Под ред. С.П. Карпова. М.: Изд-во Московского ун-та 2014. С. 48-60.
The Historic Turn in the Human Sciences / Ed. by T.J. McDonald. Michigan, 1996.
Iggers G. New Directions in European Historiography. Wesleyan. Univ. Press, 1988.

REFERENCES

- Istoricheskaya nauka v Moskovskom universitete 1755–2005. M., 2004.
 Kareev N.I. Osnovnye voprosy filosofii istorii. M., 1883. T. 1-2.
 Kareev N.I. Teoriya istoricheskogo znaniya. SPb., 1913.

- Karsavin L.P. *Filosofiya istorii Berlin*, 1923.
- Klyuchevskii V.O. *Kurs lektsii po istochnikovedeniyu* // Soch. M., 1959, T. 6: Spetsial'nye kursy. S. 5-87, 474-481.
- Lappo-Danilevskii A.S. *Metodologiya istorii*. SPb., 1910–1913. Vyp. 1-2.
- Petrova O.S. *Arkheologicheskie s'ezdy v Rossii. Opyt izucheniya nauchno-istoricheskogo soobshchestva (vtoraya polovina XIX – nachalo XX v.)*. LAP, Lambert Academic Publishing, 2013.
- Selunskaya N.B. *Metodologicheskoe znanie i professionalizm istorika* // *Novaya i Noveishaya istoriya*. 2004. № 4. S. 24-41.
- Selunskaya N.B. *Istoricheskaya pamyat' i professional'naya identichnost' istorik* // *Problemy istoriografii, istochnikovedeniya i metodov istoricheskogo issledovaniya. Materialy V Nauchnykh chtenii pamyati akademika I.D. Koval'chenko* / Pod red. S.P. Karpova. M.: Izd-vo Moskovskogo un-ta 2014. S. 29-40.
- Sidorova L.A. *Sovetskaya istoricheskaya nauka serediny KhKh veka: sintez trekh pokolenii*. M., 2008.
- Torstendal', Rolf. *Professionalizm istorika i istoricheskoe znanie*. M.: *Novyi khronograf*, 2014. 345 s.
- Torstendal', Rolf. *Metodika «luchshego ob'yasneniya» v istoricheskom issledovanii* // *Problemy istoriografii, istochnikovedeniya i metodov istoricheskogo issledovaniya Materialy V nauchnykh chtenii pamyati akademika I.D. Koval'chenko* / Pod red. S.P. Karpova. M.: Izd-vo Moskovskogo un-ta 2014. C. 48-60.
- The Historic Turn in the Human Sciences* / Ed. by T.J. McDonald. Michigan, 1996.
- Iggers G. *New Directions in European Historiography*. Wesleyan. Univ. Press, 1988.

Селунская Наталья Борисовна, доктор исторических наук, профессор Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова; selounsk@yandex.ru

**Professional historical knowledge:
foundations and intentions of development
(reflections upon a new monograph by Rolf Torstendahl)**

The article explores the phenomenon of historical profession in the global and national academic communities. The study is focused on the monograph 'Historical professionalism and historical knowledge' by a well-known Swedish scholar Rolf Torstendahl. Reflections upon his concept of professionalism and comments related to the studies of the Russian historical tradition constitute the main contents of the article. The analysis of historical professionalism includes the problems of emergence and development of the field of history and of professional community, observations and evaluations of contemporary trends in fragmentation of history and the growth of numerous communities of historians, relationship between history and politics, as well as changes in theory, methodology and epistemology of history in the long-term perspective.

Keywords: *historical knowledge, professionalism, historical community, professional norms, specialization and fragmentation, explanation.*

Natalia Selunskaya, Dr. Sc. in History, Professor of the Moscow State University; selounsk@yandex.ru

И. Е. АНДРОНОВ

РОЛЬ “МАГДЕБУРГСКИХ ЦЕНТУРИЙ” В ЦЕРКОВНОЙ ИСТОРИОГРАФИИ XVI ВЕКА НОВЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Рец. на книгу Bollbuck H. Wahrheitszeugnis, Gottes Auftrag und Zeitkritik. Die Kirchengeschichte des Magdeburger Zenturien und ihre Arbeitstechniken. Wiesbaden: Harrassowitz, 2014. 821 S.

Ключевые слова: “Магдебургские центурии”, церковная история, источниковедческая критика, проблема авторства, лютеранская историография.

В церковной историографии XVI в. особую роль сыграла вышедшая в 1559–74 гг. 13-томная «Церковная история», написанная авторским коллективом по замыслу и под руководством Матиаса Флация Иллирика и известная под названием «Магдебургских центурий»¹. Эта публикация была беспрецедентной по масштабу и разнообразию проблематики, а также по затраченным средствам и усилиям. Фактически она способствовала переводу межконфессиональной полемики в историко-церковное русло, что, помимо прочего, дало мощный толчок росту профессионализма историков и запустило процесс научной революции в этой области знаний. Разумеется, сочинения по историографии в последующие эпохи не могли обойти этот труд молчанием.

Долгое время «Центурии» оставались ориентиром для лютеранского лагеря, первым выражением протестантской историко-церковной концепции. Объектом интереса историков этот текст стал только после утраты политической актуальности в результате бурь конца XVIII в. Уже в некоторых работах начала XIX в. «Центурии» были инкорпорированы в ряд обзоров церковной историографии – важнейшим из них стала книга Ф.Х. Баура²; фактически в ней был дан старт изучению «Центурий» как элемента развития исторической науки в XVI в. Изучение «Магдебургских центурий» на первых порах было неотделимо от

¹ По названию первого тома: Ecclesiastica Historia, integram ecclesiae Christi ideam quantum ad locum, propagationem, persecutionem, tranquillitatem, doctrinam, haereses, ceremonias, gubernationem, schismata, synodos, personas, miracula, martyria, religiones extra ecclesiam et statum Imperii politicum attinet, secundum singulas Centurias, perspicuo ordine complectens: singulari diligentia et fide ex vetustissimis et optimis historicis, patribus et aliis scriptoribus congesta per aliquot studiosos et pios viros in urbe Magdeburgica. 13 vv. Basileae, Oporinus, 1559-74.

² Baur 1852.

биографии их главного идеолога и руководителя проекта на первом этапе – Матиаса Флация. Уже через несколько лет после исследования Баура вышла книга В. Прегера³, до сих пор не утратившая научного значения. За ней последовала волна публикаций документов о замысле и процессе работы над «Центуриями», снабдившая историков необходимой базой для более широкого изучения, но долгое время интерес к Флацию и его историческому наследию преобразовывался либо в посвященные мелким вопросам работы небольшого масштаба, либо в разделы в солидных общих работах (Нигг, Мейнхольд, Србик и др.⁴). Таким образом, тема никогда не исчезала с научного горизонта, хотя глубоко не разрабатывалась. Исключением можно считать фундаментальную работу П. Польмана⁵, а также выделяющееся своей фундированностью исследование из «противоположного лагеря» – книгу о противодействии «Центуриям» с католической стороны⁶. Гораздо меньше повезло «Центуриям» в России – посвященных им специальных работ пока нет, а краткие сведения о них встречались почти исключительно в энциклопедиях и учебниках по историографии. Отметим в начале XX в. главу в книге А.П. Лебедева, а в начале XXI-го – статьи в «Энциклопедии Возрождения», написанные А.В. Дорониным⁷.

Интерес к «Центуриям» вновь вырос в 1960-е гг. и более не угасал. Посвященная «Центуриям» библиография насчитывает сотни работ⁸. Новая волна работ, появившихся уже в XXI в., снова оттолкнулась от «Центурий» с тем, чтобы впоследствии захватывать все более широкий круг тем. Они освещают такие аспекты, как принципы подборки источников по отдельным эпохам (Норелли, Хартманн), место «Центурий» в развитии методологии исторического исследования в XVI в. (Баккус), отношения между «Центуриями» и ортодоксальным лютеранством (Полих), методы переработки добытого из источников материала (Менцель-Рейтерс)⁹. Каждая из приведенных книг является глубоким исследованием, отличающимся широким охватом проблем, великолепной языковой и специальной эрудицией авторов, междисциплинарным под-

³ Preger 1859-61.

⁴ Nigg 1934; Srbik 1950; Meinhold 1967.

⁵ Polman 1932.

⁶ De Orella y Unzue 1976.

⁷ Лебедев 1903 (явно вторичный текст по отношению к Бауру и некоторым другим немецким изданиям); Доронин 2011. Т. 2. С. 149-151, 440-441.

⁸ Благодаря Х. Болбуку мы располагаем наиболее полным библиографическим списком по «Центуриям», насчитывающим более 500 текстов: S. 722-798.

⁹ Norelli 2001; Hartmann 2001; Backus 2003; Pohlig 2007; Mentzel-Reuters 2008.

ходом. Сложившаяся картина поражает своей детальной проработанностью и разнообразием научной проблематики, затрагивающей «Магдебургские центурии» или лишь отталкивающейся от них. Что же можно было добавить ко столь впечатляющей картине?

Ответ на этот вопрос был дан в 2014 г., когда вышли в свет книги Луки Илича¹⁰ и Харальда Болбука. Два фундаментальных исследования достойно продолжают традицию изучения данной темы. Прежде всего, они продолжают линию на пересмотр роли истории в творчестве Флация и роли «Центурий» в «истории книг» в более широком, выходящем за пределы лютеранской историографии смысле.

Интерес к данной теме Х. Болбука был воплощён в многолетнюю и масштабную работу по электронной публикации документов о «Магдебургских центуриях» на базе Библиотеки герцога Августа (Вольфенбюттель, Германия). Эта публикация (в ее подготовке приняли участие также К. Нарендорф и И.-Х. Ралле) включила в себя оцифрованные копии более чем полутора сотен документов, их расшифровку, библиографический и справочный материал¹¹. Были изучены коллекции вольфенбюттельской библиотеки, хранилищ Лондона, Вены, Лейдена, Базеля и других европейских городов. Публикация не только служит примером сохранения общеевропейского культурного наследия, но и представляет собой превосходный исследовательский инструмент. Благодаря ей вскоре, несменно, появятся новые труды ученых, посвященные «Магдебургским центуриям» и связанным с ними проблемам.

После завершения работы над коллекцией документов Х. Болбук выпустил монографическое исследование¹². По его заглавию можно было бы заключить, что речь в книге пойдет об исторической концепции и методологии «Центурий», однако реальное содержание книги значительно шире. Фактически, перед нами – пять отдельных исследований, посвящённых соответственно предыстории «Центурий», организации работы авторского коллектива в историческом и логическом плане, практике их работы и взаимодействию с кругом европейских интеллектуалов, строению «Центурий» и проблемам авторства, а также проблемам положения авторов в лютеранской интеллектуальной среде. Такая структура книги подразумевает вовлечение в исследование огромного количества документов и других материалов, углублённое исследование текста «Центурий» и ряда других произведений церков-

¹⁰ Ilić 2014.

¹¹ <http://diglib.hab.de/wdb.php?dir=edoc/ed000086>

¹² Bollbuck 2014.

ной историографии XVI века. На этом пути автор сделал множество интересных открытий и продемонстрировал глубину, скрупулёзность и широкий исследовательский кругозор. Очевидным достоинством подхода Х. Болбука является отказ от центрированности на фигуре Матиаса Флация Иллирика. Конечно, ему отведено должное место в тщательно реконструированной картине работы авторского коллектива, однако немецкому историку удалось избежать распространенного в историографии XX века отождествления достоинств и недостатков «Центурий» с личными или профессиональными качествами Флация.

Первое исследование Болбука посвящено, как он указывает сам, «предыстории Центурий». В ней особый интерес представляет попытка восстановить не только условия, способствовавшие появлению уникального замысла, но и отдельные крупные события как необходимые для этого «ментальные рамки». Историки уже отмечали особый интеллектуальный микроклимат в Магдебурге – «Канцелярии Господа»¹³. Болбук оттеняет роль компромисса с католиками (так называемого Аугсбургского Интерима 1548 г.) и последовавшего спора вокруг него как в формировании этого микроклимата, так и в зарождении характерной для него концепции «свидетелей истины» - важного этапа на пути складывания лютеранского видения истории. Одновременно исследуется процесс выдвигания на первый план истории Церкви как научной дисциплины, инструмента в полемике против католиков и воздействия на паству («метафоры»). В сложном взаимодействии факторов появляется идея представить всю церковную историю как череду праведников, несших идею Истинной Церкви сквозь века узурпаций, порчи и разврата. Постепенно концепция обретает стройность и цельность: этот процесс реконструирован по переписке Флация с Меланхтоном и некоторыми другими лютеранскими учеными. В ходе работ над «Центуриями» Флаций публикует «Каталог свидетелей истины» – самостоятельное сочинение с оригинальной концепцией. Мы встречали различные оценки этого текста – как сугубо подготовительного для концепции «Центурий» сочинения, как своего рода «рекламы» будущего еще более крупного труда, наконец, как не связанного с «Центуриями» идейно текста, критика которого помогла Флацию найти оптимальные решения в работе над главной книгой. Болбук избегает упрощения реальности и не желает в оценке «Каталога» ограничиваться рассуждениями о преемственности между ним и «Центуриями»; получающаяся картина сложна, многофакторна, замечательна по точности реконструкции и вниманию к

¹³ Kaufmann 2003.

красноречивым деталям. Бесспорное достижение автора является проведение разграничения между тенденцией лютеранского лагеря к историзированию и изучением традиции «свидетелей» (Zeugendiskurs). Обе эти линии сходятся в ранней лютеранской историографии как её важнейшие составляющие. Этот концептуальный вывод ценен, помимо прочего, ещё и тем, что он делает шаг за пределы бесплодного вопроса о том, является ли «Каталог свидетелей истины» промежуточным этапом подготовки «Магдебургских цензур» или же его следует рассматривать как самостоятельное историческое произведение.

Отдельного исследования удостоились проблемы организации и функционирования авторского коллектива «Цензур». Это сочинение было написано оригинальным способом, в котором были задействованы десятки работников. На начальном этапе существовала разветвленная структура, строгая производственная иерархия, в которой одни участники отвечали за сбор информации по сочинениям, другие – за распределение отдельных элементов («локусов») по темам, третьи – за систематизацию, распределение внутри жестко определенной и одинаковой для всех веков структуре и т. д. Организация авторского коллектива описывалась в литературе десятки раз, интерес к ней возник еще на заре изучения связанных с «Цензурами» тем, в XIX веке, однако до Болбука никто не писал об этом коллективе в диахроническом порядке, с изучением кризисов и выходов из них, разработкой сети «сочувствующих», случайных агентов, критиков и отступников. Однако главная заслуга историка заключается не в этом: он первый взялся за систематическую реконструкцию сети сотрудников, временных или даже разовых помощников, «сочувствующих», случайных спонсоров за пределами формального авторского коллектива, Магдебурга и даже Германии. Правдоподобную картину при этом подходе оказалось возможным получить, лишь опираясь на огромный круг источников, в первую очередь – эпистолярных.

Х. Болбук подробно исследует обстоятельства работы над «Цензурами». Ещё в процессе написания «Цензур» противники проекта запустили слух о том, что Флаций и его люди варварски относятся к книжным богатствам, попадающим к ним в руки: вырезают из источников нужные фрагменты, вырывают страницы или попросту воруют книги. Родилось даже выражение *culter flacianus* – «нож Флация», уничтожающий ценности ради победы в споре. Многие историки XIX–XXI столетий от Прегера до Олсона занимались оправданием честного имени Флация. Болбук и в этом пошел дальше предшественников: собранный им материал позволил реконструировать командировки участников

проекта в различные книжные собрания Европы. Помимо членов авторского коллектива, сбором материала занимались единомышленники и друзья Флация. Самым высокопоставленным среди них был Каспар Нидбрук – дипломатический представитель императора Карла и руководитель библиотеки будущего императора Максимилиана. Нидбрук и некоторые другие добровольные помощники находились у истоков самого замысла «Центурий», обсуждали с Флацием концептуальные проблемы, вносили ценные предложения. Помимо них, существовала ещё масса помощников, выполнявших отдельные поручения, как например, розыск того или иного источника или обработка отдельного книжного собрания. Иногда это были даже случайные люди – купцы, члены дипломатических миссий, ученые; по мере возможностей прочерчены маршруты отдельных сборщиков информации, агентов, устанавливавших связи для последующей переписки, скупщиков книг... Суммарная картина значительно превосходит ранее известные историкам и по размаху, и по тщательности проработки отдельных сюжетов.

Задача анализа «Магдебургских центурий» решена Болбуком при помощи традиционного подхода через исследование техники «общих мест» (локусов) и методов источниковедческой критики. Эта работа дала, в целом, ожидаемые результаты; историку удалось добавить ряд принципиально новых положений (например, рассмотрение «Центурий» в ключе лютеровской топики, изучение аргументативной логики). Интересным представляется анализ использования авторитета цитируемых авторами «Центурий» церковных писателей. Особую актуальность результаты этого анализа приобретают при изучении подходов к использованию наследия Патристики. Эта тема (ранее ее изучал Э. Норелли, получила у Болбука дальнейшее развитие за счет добавления в картину диахронического подхода и других динамических факторов.

Финальная часть книги посвящена проблеме авторства, взаимоотношений внутри круга историков-лютеран и между последними и их власть предержащими покровителями. Особенно интересен раздел о «Посвящениях», сопровождающих отдельные тома «Центурий». Их особая роль для отношений между историками и меценатами проанализирована на базе классических работ К. Шоттенлоэра и Ж. Женетта¹⁴. Паратексты «Центурий» стали интересным источником, рассказавшим о взаимоотношениях, планах и амбициях руководителей авторского коллектива. Приводятся и следующие из «Посвящений» соображения о восприятии центуриаторами самих себя – интересное и неочевидное

¹⁴ Schottenloher 1953; Genette 2001.

следствие восприятия окружающей среды, соратников, покровителей и колеблющихся. Каждый из разделов книги Х. Болбука содержит новые источники, оригинальные проблемы и нестандартные подходы к их решению. Отметим, что из всех паратекстов анализу подверглись только «Посвящения», что может вызвать определенное несогласие.

В заключение хотелось бы отметить некоторые аспекты, которые, на наш взгляд, получили в книге недостаточное освещение, но могли бы быть вполне уместными. Прежде всего, вопросы вызывает постановка проблемы и её деление на составляющие. Предыстория «Центурий» воспринимается, прежде всего, как событие в интеллектуальной жизни Магдебурга («Канцелярии Господа»), одного из основных научных и книгоиздательских центров лютеранского богословия. Вне этой тематики Х. Болбук рассматривает появление замысла «Центурий» в контексте сложных отношений между Флацием и Меланхтоном. Между тем, слабее оказывается освещённой тема уже сложившейся тенденции в области церковной истории: первые сочинения историков-лютеран вышли в начале 1530-х годов и имели большое воздействие на читающую публику, сопровождалась большим спросом, сформировали особый сектор книжного рынка. Подробнее мог бы быть рассмотрен вопрос о достоинствах и недостатках использовавшихся авторами «Центурий» опубликованных источников, включая позднеантичные церковные истории. Очевидно, «Магдебургские центурии» были подготовлены не только непосредственной деятельностью упомянутых в книге персонажей, но и эволюцией церковной историографии общегуманитарных знаний. Последние, в частности, включают в себя развитие логики Второй Схоластики – «локального метода» и некоторых других приёмов и принципов. Болбук упомянул проблему «локального метода» в разделе, посвящённом методам работы над «Центуриями». Этот подход вполне возможен и имеет свои преимущества, однако «жизнь» локального метода вне «Центурий», его возникновение и окончательное оформление в трудах богословов Саламанки (т.е. противоположного центуриаторам лагеря!) осталась несколько в тени. Вообще сравнение некоторых взглядов «Центурий» со взглядами противоборствующего католического лагеря лишь обогатили бы книгу. Возможно, сказалась характерная для германской историографии тенденция не высказываться о мнении противоположных сторон, чтобы избежать обвинений, определения «правых» и «виноватых». Представляется, что автор, будучи свободен от симпатий к тому или другому лагерю в давно ушедшей в прошлое полемике, мог бы не чувствовать себя скованным этой традицией!

Надеемся, что автор продолжит работу над темой «Магдебургских центурий»: объемность и многоплановость этого текста представляют неиссякаемый источник интереса для великолепно подготовленного исследователя. В рамках представляемого труда непосредственно «Центуриям» досталось сравнительно мало внимания. Возможно, этот источник показался автору монолитным, не предлагающим динамики и калейдоскопа мнений. Кроме того, над анализом довлеет лишнее, на наш взгляд, стремление решить вопрос о принадлежности «Центурий» к абстрактному «гуманизму». Вопрос этот представляется неуместным; скорее, следует поместить «Центурии» в контекст «конфессиональной эпохи» и межконфессионального диспута, но, как уже говорилось, Болбук неохотно высказывается о католиках. Жаль: католическая традиция – это не только противник в лютеранской полемике, но и «мостик» в Ренессанс, связующая нить, которую автор ищет в области методологии. Недостаток внимания к биографиям авторов «Центурий» привел к тому, что в книге отсутствует глубокая связь исследуемого произведения с идеями светской историографии Ренессанса, в первую очередь – итальянской. Зарождение замысла можно рассматривать и как результат личной эволюции нескольких основных действующих лиц, и такой подход мог бы обогатить общую концепцию рецензируемой работы.

Впрочем, книга Х. Болбука очень велика по объему, богата материалом, мыслями, источниками, и стремление ее «улучшить» за счет расширения проблематики, возможно, имело бы обратный эффект. На сегодняшний день это исследование представляет собой высшую точку, достигнутую историографией церковной истории XVI века, образец работы, полемизировать с которой – одно удовольствие.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Доронин А.В. Магдебургские Центурии. Флак // Культура Возрождения: энциклопедия. М., 2011. Т. 2.
- Лебедев А.П. Церковная историография в главных её представителях с IV по XX в. СПб., 1903.
- Backus I. Historical Method and Confessional Identity in the Era of the Reformation (1378–1615). Leiden, Boston: Brill, 2003.
- Baur F. Ch. Die Epochen der kirchlichen Geschichtschreibung. Tübingen, 1852.
- Bollbuck H. Wahrheitszeugnis, Gottes Auftrag und Zeitkritik. Die Kirchengeschichte des Magdeburger Zenturien und ihre Arbeitstechniken. Wiesbaden: Harassowitz, 2014. 821 S.
- De Orella y Unzue J.L. Respuestas Catolicas a ls Centurias de Magdeburgo (1559–1588). Madrid, Suarez, 1976.
- Genette G. Paratexte. Das Buch vom Beiwerk des Buches. Frankfurt, 2001.
- Hartmann M. Humanismus und Kirchenkritik: Matthias Flacius Illyricus als Erforscher des Mittelalters. Stuttgart: Jan Thorbecke, 2001.

- Ilić L. Theologian of Sin and Grace. The Process of Radicalization in the Theology of Matthias Flacius Illyricus. Göttingen; Bristol, USA: Vandenhoeck & Ruprecht, 2014.
- Kaufmann T. Das Ende der Reformation. Magdeburgs „Herrgotts Kanzlei“ (1548–1551/2). Tübingen, 2003.
- Meinhold P. Geschichte der kirchlichen Historiographie. Bd. 1. Freiburg-München, 1967.
- Mentzel-Reuters A., Hartman M. (Hrsg.) Catalogus und Centurien. Tübingen, Mohr Siebeck, 2008.
- Nigg W. Die Kirchengeschichtsschreibung. Grundzüge ihrer historischen Entwicklung. München 1934.
- Norelli E. The Authority attributed to the Early Church in the Centuries of Magdeburg and in the Ecclesiastical Annals of Caesar Baronius // Backus I. (ed.) The Reception of the Church Fathers in the West. Leiden, Boston: Brill, 2001.
- Pohlig M. Zwischen Gelehrsamkeit und konfessioneller Identitätsstiftung. Tübingen, Mohr Siebeck, 2007.
- Polman P. L'Élément Historique dans la Controverse religieuse du XVIe Siècle. Gembloux, Duculot, 1932.
- Preger W. Matthias Flacius und seine Zeit. 2 Bde., Erlangen 1859–61.
- Schottenloher K. Die Widmungsvorrede im Buch des 16. Jahrhunderts. Münster, 1953.
- Srbik H. von. Geist und Geschichte vom deutschen Humanismus bis zur Gegenwart. Bd. 1, München-Salzburg, 1950.

REFERENCES

- Doronin A.V. Magdeburgskie Tsenturii. Flak // Kul'tura Vozrozhdeniya: entsiklopediya. M., 2011. T. 2.
- Lebedev A.P. Tserkovnaya istoriografiya v glavnykh ee predstavityakh s IV po XX v. SPb., 1903.
- Backus I. Historical Method and Confessional Identity in the Era of the Reformation (1378–1615). Leiden, Boston: Brill, 2003.
- Baur F. Ch. Die Epochen der kirchlichen Geschichtsschreibung. Tübingen, 1852.
- Bollbuck H. Wahrheitszeugnis, Gottes Auftrag und Zeitkritik. Die Kirchengeschichte des Magdeburger Zenturien und ihre Arbeitstechniken. Wiesbaden: Harassowitz, 2014. 821 S.
- De Orella y Unzué J.L. Respuestas Católicas a las Centurias de Magdeburgo (1559–1588). Madrid, Suarez, 1976.
- Genette G. Paratexte. Das Buch vom Beiwerk des Buches. Frankfurt, 2001.
- Hartmann M. Humanismus und Kirchenkritik: Matthias Flacius Illyricus als Erforscher des Mittelalters. Stuttgart: Jan Thorbecke, 2001.
- Ilić L. Theologian of Sin and Grace. The Process of Radicalization in the Theology of Matthias Flacius Illyricus. Göttingen; Bristol, USA: Vandenhoeck & Ruprecht, 2014.
- Kaufmann T. Das Ende der Reformation. Magdeburgs „Herrgotts Kanzlei“ (1548–1551/2). Tübingen, 2003.
- Meinhold P. Geschichte der kirchlichen Historiographie. Bd. 1. Freiburg-München, 1967.
- Mentzel-Reuters A., Hartman M. (Hrsg.) Catalogus und Centurien. Tübingen, Mohr Siebeck, 2008.
- Nigg W. Die Kirchengeschichtsschreibung. Grundzüge ihrer historischen Entwicklung. München 1934.
- Norelli E. The Authority attributed to the Early Church in the Centuries of Magdeburg and in the Ecclesiastical Annals of Caesar Baronius // Backus I. (ed.) The Reception of the Church Fathers in the West. Leiden, Boston: Brill, 2001.

- Pohlig M. Zwischen Gelehrsamkeit und konfessioneller Identitätsstiftung. Tübingen, Mohr Siebeck, 2007.
- Polman P. L'Élément Historique dans la Controverse religieuse du XVIe Siècle. Gembloux, Duculot, 1932.
- Preger W. Matthias Flacius und seine Zeit. 2 Bde., Erlangen 1859-61.
- Schottenloher K. Die Widmungsvorrede im Buch des 16. Jahrhunderts. Münster, 1953.
- Srbik H. von. Geist und Geschichte vom deutschen Humanismus bis zur Gegenwart. Bd. 1, München-Salzburg, 1950.

Андронов Илья Евгеньевич, кандидат исторических наук, доцент, доцент МГУ имени М.В. Ломоносова; orgizomenos@gmail.com.

**The influence of the “Magdeburg Centuries”
on the ecclesiastical historiography of the 16th c.: new studies**

Review of the book: Bollbuck H. Wahrheitszeugnis, Gottes Auftrag und Zeitkritik. Die Kirchengeschichte des Magdeburger Zenturien und ihre Arbeitstechniken. Wiesbaden: Harassowitz, 2014. 821 S.

Keywords: “Magdeburg Centuries”, ecclesiastical history, source criticism, authorship, Lutheran historiography/

Ilya Andronov, Ph.D., Associate professor, Moscow State Lomonosov University; orgizomenos@gmail.com.

Д. А. БУДЮКИН

СИСТЕМА БЕЗУМИЯ СМЕРТЬ, СОЦИУМ И РЕЛИГИОЗНОСТЬ

Рец. на кн.: Замура О. «Великий шаленець»: смерть і смертність в Гетьманщині XVIII ст. Київ: К.І.С., 2014. 240 с. (Замура Е. «Великий безумець»: смерть и смертность на Гетманщине XVIII в.)

Ключевые слова: *смерть, погребение, похороны, траур, Гетманщина, православие.*

Рассматриваемая в рецензируемой монографии проблема состоит из двух частей. Одна из них – вопрос о смертности, находящийся в сфере изучения исторической демографии и некоторых разделов истории повседневности (питание, гигиена, медицина, одежда). Вторая – значительно менее разработанная проблема смерти как социального феномена, конструируемого в представлениях и выступающего в качестве причины практик, которая относится к полю интеллектуальной истории. Однако и в тех разделах монографии, в которых рассматриваются историко-демографические характеристики социума Гетманщины есть интересные наблюдения, связанные с социальным восприятием смерти. Так, отмечая нередкое употребление в источниках иносказательного обозначения чумы как «чего Боже сохрани», автор делает вывод о том, что такая формула выражает не только страх, но и средневековое восприятие болезни как Божьей кары (с. 71).

Наибольший интерес представляет раздел книги «Траурные практики». В этой части исследования автор рассматривает и сопоставляет господствовавшие на Гетманщине в XVIII в. официально-церковные и народные представления о «доброй» и «злой» смерти, а также сложившиеся практики, связанные с погребением и трауром.

Согласно Требнику митрополита Петра Могилы, предпринявшего значительные усилия по систематизации вероучения и упорядочению религиозных практик, обязательными составляющими «доброй» христианской кончины являются присутствие священника, исповедь, отпевание в церкви и погребение в освященной земле (с. 137). Соответственно, внезапная смерть, лишавшая умирающего возможности исповедаться и причаститься, рассматривалась как «злая» и ставила под сомнение возможность христианского погребения покойного. В связи с этим Е. Замура выясняет обстоятельства смерти, вынуждавшие священников и мирян Переяславско-Бориспольской епархии специально хода-

тайствовать о разрешении на похороны. За 1746-1783 гг. было зафиксировано пятнадцать таких ходатайств при следующих обстоятельствах: пять убийств, два самоубийства, три несчастных случая, одна смерть в дороге при невыясненных обстоятельствах, две смерти во сне и две в шинке в состоянии опьянения. Одиннадцать ходатайств были удовлетворены, решения по трем не сохранились, и только одно было отклонено (с. 146-147). Единственное оставшееся без удовлетворения ходатайство связано с заключенным, утонувшим при побеге из-под стражи; при этом, как обоснованно предполагает автор книги, отказ был связан в первую очередь с отсутствием у покойного близких, которые могли бы оплатить похороны или обидеться на отказ (с. 154). Интересно, что в обоих случаях самоубийства христианское погребение было разрешено консисторией. В одном из них основанием для разрешения стало предположение умственного расстройства покойного. В другом случае решение нельзя назвать вполне положительным: повесившегося священника разрешили похоронить по-христиански, но без священнического облачения, что, по мнению Е. Замуры, свидетельствует о лишении покойного возможности предстать перед Страшным судом в новых священнических одеждах, что дало бы ему первоочередной шанс на спасение (с. 153). Отметим, что отказ в погребении умерших неестественной смертью («заложных») покойников был древнейшей, восходящей к язычеству практикой, преодоление которой на Руси А.И. Алексеев связывает с обострением эсхатологических ожиданий в XV–XVI вв.¹ Поэтому невозможно согласиться с мнением автора о том, что народная культура усвоила христианские представления о негативном значении преждевременной смерти лишь в течение XVIII в. (с. 162). Архаичным выглядит и включение самоубийц (спокойное отношение к которым как к «своим» особо отмечено – с. 163) в общую категорию умерших «злой» смертью без выделения их в отдельную группу.

В связи с активизацией в современной науке активизацией изучения алтарных/престольных посвящений обращает на себя внимание отмеченное автором мнение украинского духовного писателя Иоанникия Гялятовского о необходимости при подготовке проповеди для похорон иметь в виду посвящение церкви, где хоронят усопшего, в предположении помощи в посмертной участи со стороны «хозяина» храма (с. 140).

Важным представляется наблюдение автора о существовании в представлениях населения Гетманщины погребальных зон различной степени святости – феномене хорошо известном и изученном, в частно-

¹ Алексеев 2002. С. 96-99.

сти, Ф. Арьесом². Разумеется, самым почетным местом для захоронения была церковь. Петр Могила в Требнике четко определил требования к расположению в пространстве храма мощей мучеников (в алтаре и близ него) и могил священников (за клиросами и на паперти)³. Митрополит также указал, что погребения мирян в церкви должны быть отделены от погребений духовенства, не уточняя требования к их размещению и, вероятно, не одобряя внутривхрамовое погребение мирян в целом (с. 159). Следует учесть, что запреты и ограничения внутривхрамового погребения постоянно повторялись в христианских нормативных текстах на всем протяжении Средневековья и Нового времени, что, однако, слабо влияло на существующие практики⁴. Некоторое влияние этих запретов и идеала христианского смирения, все же имело место, и Е. Замура упоминает в качестве такого исключения завещание генерального хорунжего Микола Ханенко, отказавшегося заботиться о месте своего упокоения и предоставившего наследникам право решать этот вопрос как им угодно, заявляя, что воскреснет в день Страшного суда независимо от места погребения (с. 159-160). Распространение в XVII в. такого проявления смирения отмечает и Ф. Арьес⁵.

Тем не менее обычным местом погребения казацкой элиты был храмовый склеп. Автор книги не отмечает в связи с этим, что расположение погребения в склепе в подклете церкви выводит его из сферы действия требований к его расположению в храмовом пространстве. Указывается, что большинство похороненных в церквях представителей казацкой старшины были фундаторами этих храмов. При этом бунчуковый товарищ Гадячского полка Федор Потребич-Гречаный был похоронен в часовне на кладбище, что вызвало предположение автора о том, что он осознавал недостаточность своего статуса для погребения в церкви (с. 160-161). Однако на данный момент нет никаких определенных данных о непосредственном влиянии сословия, чина или происхождения мирянина, не принадлежащего к правящей династии, на перспективы его погребения в церкви. В качестве факторов влияния здесь выступают заслуги в благотворительности в пользу Церкви (в первую очередь крупные вклады и храмоздательство), а также выдающиеся личные качества, рассматриваемые как проявления праведности или

² Арьес 1992. С. 78.

³ Расположение погребений в интерьере храма, не регламентированное в Византии, на Балканах и в Древней Руси, в русском православии определялось постепенно складывавшимися обычаями. Шалина 2008.

⁴ Арьес 1992. С. 74-76.

⁵ Арьес 1992. С. 290.

святости (в широком смысле: включая, например, религиозно значимую воинскую доблесть)⁶. Поэтому вполне вероятно, что на Гетманщине в XVIII в. внутрехрамовое погребение обычного мирянина, который не был храмоздателем либо потомком такового, не воспринималось как норма; однако автор никак не акцентирует этот вопрос.

Интересны данные о запрете строительства надмогильных часовен («каплиц») и установки на могилах столбов с «хоругвицами» как «языческого обычая» переяславским епископом Гервасием в 1758 г. (с. 166). Автор проводит здесь однозначную параллель с запретом ставить над погребаемыми при церквях мертвецами «будки» для чтения Псалтири по указу Петра I от 26 октября 1723 г.⁷ Этот вопрос требует тщательного изучения с учетом распространенности сооружения погребальных часовен в России XIX в., в том числе и в малороссийских губерниях.

Во время раскопок кладбища при церкви в Полтавской области был обнаружен специальный участок для погребения детей, расположенный к северо-востоку от церковного здания. При этом нет никаких оснований утверждать о наличии прямой связи между финансовыми возможностями и соображениями престижа родителей и выбором места для погребения детей на кладбищах Гетманщины. Автор предполагает, что детские захоронения располагались рядом в силу православной традиции, чтобы в день Страшного суда их души не пересекались с грешными душами взрослых (с. 164-165).

Оценивая затраты представителей разных социальных слоев на похороны и поминание, автор делает вывод, что для казацкой элиты эти усилия имели земную цель, поддерживая высокий статус и престиж семьи покойного и значительно превышая необходимые для обеспечения пребывания души в раю до Страшного суда (с. 171). Безусловно, затраты на похороны и поминание нередко имеют сугубо земные цели. Как убедительно показал О.И. Хоруженко, имели место случаи установления надгробий вымышленных лиц и внесения вкладов на их поминание в целях конструирования памяти, «выстраивания словесной и родовой идентичности» и ее презентации⁸. Однако не следует забывать о том, что социальные практики и представления, в частности, представления о характере и масштабе необходимых для спасения души практик, не остаются неизменными с течением времени⁹. Поэтому вряд

⁶ Будюкин 2015.

⁷ ПСЗРИ. 1830. Т. 7. С. 143.

⁸ Хоруженко. 2014. С. 222.

⁹ Алексеев 2002. С. 45-107.

ли можно априорно утверждать о достаточности этих практик в конкретное место и время, не привлекая соответствующие источники.

Обращает на себя внимание характерное для современной украинской историографии стремление автора вписать исследуемые феномены в контекст Запада, в первую очередь Речи Посполитой (включая польские территории с явным преобладанием католицизма). При этом практически игнорируются данные, в т.ч. опубликованные, по похоронным и траурным практикам великорусских губерний, в рассматриваемый период не только имеющих с Гетманщиной общую религию, но и находящихся в составе одного государства – Российской империи¹⁰.

В целом рецензируемая монография выполнена на высоком научном уровне и имеет важное значение как первая крупная работа, посвященная восприятию смерти в одном из регионов Российской империи.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Алексеев А.И.* Под знаком конца времен. Очерки русской религиозности конца XIV – начала XVI вв. СПб.: Алетейя, 2002. 352 с.
- Будюкин Д.А.* Общественное и религиозное значение внутривоскресенного погребения военачальников в России XVIII-XIX вв. // Военно-исторический журнал. 2015. № 4. С. 47-51.
- Ар'ес Ф.* Человек перед лицом смерти. М.: Прогресс, 1992. 528 с.
- Замура О.* «Великий шаленець»: смерть і смертність в Гетьманщині XVIII ст. Київ: К.І.С., 2014. 240 с.
- Озеров Ю.В.* Отражение социального мировоззрения в народных погребальных традициях курского края XIX – начала XX веков // Международный симпозиум «Путь, истина и жизнь». Материалы научно-практической конференции «Мировоззренческая обусловленность в науке, образовании, медицине и социальной практике». Альманах. Вып. 6. Курск, 2011. С. 64-66.
- Озеров Ю.В.* Погребение в церковных оградах как феномен русского некрополя (на примере Курской губернии) // Научные записки МЭБИК за 2008 год. Вып. VIII. Курск: Курский институт менеджмента, экономики и бизнеса, 2009. С. 67-70.
- Полное собрание законов Российской империи. Собрание первое. В 45 тт. СПб., 1830.
- Хоруженко О.И.* Плита Схоросмира: поминальный обычай в конструировании родовой памяти // Диалог со временем. 2014. Вып. 46. С. 219-240.
- Шалина И.А.* Захоронение преподобного Иосифа Волоцкого и символическая традиция мест погребения русских чудотворцев // Преподобный Иосиф Волоцкий и его обитель. М.: Сев. паломник, 2008. С. 126-152.

REFERENCES

- Alekseev A.I. Pod znakom kontsa vremen. Ocherki russkoi religioznosti kontsa XIV – nachala XVI vv. SPb.: Aleteiya, 2002. 352 s.
- Ar'es F. Chelovek pered litsom smerti. M.: Progress, 1992. 528 s.

¹⁰ Например, по территориально смежной с Гетманщиной Курской губернии: *Озеров* 2009; 2011.

- Budyukin D.A. Obshchestvennoe i religioznoe znachenie vnutrikhramovogo pogrebeniya voenachal'nikov v Rossii XVIII-XIX vv. // Voенно-istoricheskii zhurnal. 2015. № 4. S. 47-51.
- Khoruzhenko O.I. Plita Skhorosmira: pominal'nyi obychai v konstruirovanii ro-dovoi pam'yati // Dialog so vremenem. 2014. Vyp. 46. S. 219-240.
- Ozerov Yu.V. Otrazhenie sotsial'nogo mirovozzreniya v narodnykh pogrebal'nykh traditsiyakh kurskogo kraya XIX – nachala XX vekov // Mezhdunarodnyi simpozium «Put', istina i zhizn'». Materialy nauchno-prakticheskoi konferentsii «Mirovozzrencheskaya obuslovlennost' v nauke, obrazovanii, meditsine i sotsial'noi praktike». Al'manakh. Vyp. 6. Kursk, 2011. S. 64-66.
- Ozerov Yu.V. Pogrebenie v tserkovnykh ogradakh kak fenomen russkogo nekropolya (na primere Kurskoi gubernii) // Nauchnye zapiski MEBIK za 2008 god. Vyp. VIII. Kursk: Kurskii institut menedzhmenta, ekonomiki i biznesa, 2009. S. 67-70.
- Polnoe sobranie zakonov Rossiiskoi imperii. Sobranie pervoe. V 45 tt. SPb., 1830.
- Shalina I.A. Zakhoronenie prepodobnogo Iosifa Volotskogo i simvolicheskaya tra-ditsiya mest pogrebeniya russkikh chudotvortsev // Prepodobnyi Iosif Volotskii i ego obitel'. M.: Sev. palomnik, 2008. S. 126-152.
- Zamura O. «Velikii shalenets'»: smert' i smertnist' v Get'manshchini XVIII st. Kiiv: K.I.S., 2014. 240 s.

Будюкин Дмитрий Анатольевич, кандидат философских наук, доцент кафедры гуманитарных и естественнонаучных дисциплин Липецкого филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ; boudukin@yandex.ru

The system of madness: death, society and religion

Review: Замура О. «Великий шаленець»: смерть і смертність в Гетьманщині XVIII ст. Київ: К.І.С., 2014. 240 с. (Замура Е. «Великий безумець»: смерть и смертность на Гетманщине XVIII в.)

Keywords: death, burial, funeral, mourning, Hetmanate, Orthodoxy.

Dmitri Budiukin, PhD (Philosophy), Associate Professor, Department of Humanities and Natural Science, Lipetsk Branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration; boudukin@yandex.ru

Л. А. АНДРЕЕВА

**Рецензия на книгу: Дударенок С.М., Сердюк М.Б.
История протестантских церквей Приморского края.
XIX – XX вв.**

В рецензии анализируется проведенная авторами книги реконструкция возникновения и развития протестантских конфессий на территории Приморского края. Вместе с тем, основное внимание уделено проблемному осмыслению предмета монографии, формулировке нерешенных проблем, постановке задач дальнейшего исследования темы.

Ключевые слова: *история религий, история Приморского края, православие, протестантизм, лютеранство, штундизм, прозелитизм.*

В монографии С.М. Дударенок и М.Б. Сердюк рассматривается на большом фактическом материале история протестантских церквей с момента появления их первых последователей и религиозных общин на территории современного Приморского края и до начала 1990-х гг. Авторы ставили перед собой масштабную задачу исторической реконструкции возникновения и развития протестантских конфессий на территории Приморского края в контексте общероссийской истории и истории российского протестантизма в целом¹. Научная значимость проблемы определяется, на мой взгляд, прежде всего тем, что история российского протестантизма важна для понимания механизма религиозной самоидентификации населения Российской империи, СССР, Российской Федерации. Весьма важен и вопрос о границах распространения конфессий, поскольку конфессиональный выбор во многом опосредует цивилизационное самосознание, чувство общности исторических традиций, коллективной судьбы, настоящего и будущего группы народов, имеющих близкие культурные ценности и идеалы и выдвигающих общие проекты жизнеустройства глобального значения².

На основе анализа и систематизации обширного комплекса исторических источников, в том числе многочисленных архивных материалов, авторам удалось реконструировать историю возникновения и

¹ Дударенок, Сердюк 2014. С. 7.

² Ионов, Хачатурян 2002. С. 5.

развития протестантских конфессий на территории Приморского края, что послужит весьма важным фактологическим фундаментом для последующих исследований данной проблематики. Вместе с тем, чтение монографии С.М. Дударенок и М.Б. Сердюк и размышления относительно предмета исследования вызывают ряд принципиальных вопросов, на которые, вероятно, дадут ответ уже будущие исследования данной темы. В монографии утверждается, что вероучение баптистов, евангельских христиан, адвентистов седьмого дня и пятидесятников не разрушает цивилизационную идею Российского государства³. Однако, это утверждение не фундировано и не прояснено с точки зрения того, каким образом протестантское самосознание соотносится с коллективной судьбой, ценностями и идеалами, общим проектом глобального жизнеустройства, которое можно соотнести с идеей Российской цивилизации. Собственно, не прояснено и то, что понимается под «идеей Российской цивилизации».

В монографии подробно анализируется генезис возникновения и распространения в XIX в. протестантизма среди русского населения под влиянием проповедников, прежде всего выходцев из Германии, т.е. речь идет о цивилизационном контакте российской цивилизации и западноевропейской. Общим местом многочисленных исследований специфики российской и западной цивилизации стала констатация факта существенных отличий между ними. Для западноевропейской цивилизации характерна выработка универсальных, безличных институтов и норм, таких как право, разделение властей и т.д. Благодаря этому западная цивилизация обрела практически неограниченные возможности для распространения вовне. Ведь ее институциональная система обеспечивала взаимодействие обществ вне зависимости от их культурно-конфессиональной принадлежности.

Основанием российской цивилизации не выступает универсалистский нормативный порядок. Можно согласиться с мнением Б.Г. Капустина, что объяснение этому следует искать не в «мистике» русской души, не в генотипе нашей общины, не в догматике, обрядности, византийском происхождении русской православной церкви, а в конкретных исторических обстоятельствах формирования российской цивилизации, сложившихся в ходе ее развития. Эти обстоятельства состояли прежде всего в том, что социальная ткань, многообразие народов, из которых сформировалась российская цивилизация, включали в себя различные

³ Дударенок, Сердюк 2014. С. 6.

нормативные системы, не способные к самопроизвольному сращиванию, конвергенции, синтезу в универсальном для евразийского ареала единстве⁴. На мой взгляд, важнейшей характеристикой российского цивилизационного самосознания, начавшего конституироваться именно в XIX в., является его либо отождествление, либо противостояние с западными цивилизационными ценностями (западники – славянофилы). Думается, что именно конкретные исторические обстоятельства середины и второй половины XIX в. явились тем фактором, который сделал возможным цивилизационный контакт, результатом которого явилось рождение российского протестантизма.

Авторы монографии ограничились констатацией того факта, что «появление и развитие протестантизма в Российской империи среди русских происходило в период общего кризиса крепостнического хозяйства, падения крепостного права и развития капитализма»⁵. Очевидно при этом, что история протестантизма в России значительно древнее. Должно было пройти три века российской истории, прежде чем осуществился этот контакт, в то время как протестантизм в России (в форме лютеранства) присутствовал уже с XVI в. Известно, что первые протестантские (лютеранские) общины появились в России еще при царе Василии III (1505–1533 гг.), а в 1576 г. московские немцы построили первую церковь. Количество протестантов в России стремительно увеличилось в XVIII в. с присоединением Прибалтики и Польши, а также в начале XIX в. после присоединения к Российской империи Финляндии. Однако вплоть до середины XIX в. протестантизм оставался религией немцев, финнов, эстонцев и т.д., но не имел ни малейшего влияния на русский этнос, несмотря на то, что лютеранские и реформаторские церкви и школы появляются во многих крупных городах, таких как Астрахань, Архангельск. Тогда возникает вопрос, что изменилось в середине XIX в.? Вероисповедная политика оставалась в целом неизменной и не содействовала прозелитизму, старорусское сектантство (христоверие, скопчество, субботничество) существовало вне контакта с протестантами. Думается, что ответ на этот вопрос следует искать в двух плоскостях.

Во-первых, во второй половине XIX в. интенсивно идет процесс разрушения жизненного уклада, характерного для аграрного, традиционного общества; с реформами Александра II в русскую ментальность

⁴ Капустин 1994. С. 29.

⁵ Дударенок, Сердюк 2014. С. 10.

начинают активно проникать европейские идеи универсальных институтов и норм, растет мобильность населения, в том числе сельского, растет уровень образования всех слоев общества. Встает вопрос: как и в какой степени эти изменения способствовали появлению русского протестантизма? Для ответа на этот вопрос необходимо по сохранившимся источникам личного происхождения, материалам православных консисторий реконструировать особенности индивидуального и коллективного менталитета русских людей, становившихся протестантами. Особенности мироощущения, мировосприятия, формирующиеся на глубоком психическом уровне индивидуального или коллективного сознания, возникающие в недрах культуры, традиций социальных институтов, среды обитания человека, детерминируют психологические, поведенческие установки, как индивида, так и социальной группы.

Во-вторых, с каким направлением протестантизма связано появление и развитие русского протестантизма? Авторы монографии указывают, что первой формой русского протестантизма был штундизм, который развился на юге России под влиянием немецких проповедников из немецких колоний, далее акцентируется внимание на том, что штундисты отвергали учение Русской Православной церкви, ее иерархию и таинства, большое внимание уделяли братской поддержке членов общины: создавали кассы взаимопомощи, занимались благотворительностью⁶. При этом от внимания авторов ускользнул тот весьма важный факт, что немецкие колонисты, появившиеся на юге России во второй половине XVIII в., часто были религиозными диссидентами, не разделявшими вероучения и богослужебной практики канонической лютеранской церкви Германии. Одним из стимулов переселения из Германии в Российскую империю была свобода вероисповедания, дарованная Екатериной II и религиозные преследования на родине. Манифест Екатерины II от 22 июля 1763 г. позволял свободное отправление веры и строительство культовых сооружений, однако запрещал прозелитизм на территории Российской империи в отношении христиан других конфессий (интересно, что прозелитизм в отношении мусульман был не только дозволен, но и приветствовался, более того мусульман дозволялось брать в крепостные). Среди немецких колонистов был наиболее распространен пиетизм, зародившийся в XVII в. в Германии и оппонировавший официальной лютеранской ортодоксии. Пиетисты не придавали особого значения догматике, в их учении на первый план выдвигались:

⁶ Дударенок, Сердюк 2014. С. 10.

внутреннее благочестие, нравственное усовершенствование, деятельная любовь, искреннее раскаяние. Можно констатировать, что пиетизм являлся направлением в лютеранстве, которое выдвигало на первый план повседневную жизнь верующего и отодвигало на задний план вопросы богословия и церковной организации. Важнейшее значение для пиетистов имели молитвенные собрания штунде (нем. *Stunde* – час) – ежедневные часы чтения и изучения Библии и совместных молитв, отсюда возникло название «штундизм».

Историки пиетизма выделяют следующие основные признаки: 1) практический характер вероучения, поэтому особое значение уделялось христианскому образу жизни, 2) все жизненные цели и правила основаны только на Библии; 3) миссионерский характер, стремление распространить свое вероучение вовне; 4) реформистский характер, противостояние с каноническим лютеранством, с «выхолощенностью» и «сухостью» лютеранской Церкви; 5) пасторы должны быть примером личного благочестия, а не только обладать одним академическим знанием, проповеди пасторов должны быть понятны верующим; 6) определенная веротерпимость, нужно любить неверующих и заблуждающихся, религиозные диспуты должны иметь сдержанный и уважительный характер. Как представляется, именно эти особенности способствовали успеху проповеди пиетизма среди русских и украинских крестьян будет иметь успех.

В России наиболее известными проповедниками пиетизма были пастор Иоганн Бонекемпер, его сын Карл Бонекемпер, пастор Эдуард Вюст. В XIX в. в немецких колониях практиковалось несколько течений пиетизма, различавшихся, прежде всего, отношением к канонической лютеранской церкви. Поэтому, когда Николай I попытался в директивном порядке навязывать пиетистским общинам лютеранских пасторов, выпускников Дерптского университета, пиетисты стали создавать так называемые «братские сообщества», чтобы противостоять давлению властей. Таким образом, в российском немецком лютеранстве с XIX в. существовало два течения – «церковных лютеран» и «братских общин». Церковными лютеранами (пиетистами) были в основном городские жители – представители средних и высших классов, а к братским общинам (новопиетистам) принадлежали жители немецких колоний, прежде всего юга России, таких как Новый и Старый Данциг, Вормс, Рорбах. В 1850-е гг. на основе пиетистских и новопиетистских общин формируется штундистское движение, ставшее родоначальником русского протестантизма. Стоит обратить внимание и на тот факт, что первым присо-

единился к пиетической общине г. Николаева в 1859 г. крестьянин Иван Федорович Онищенко. Та же закономерность наблюдается и в новописетических общинах Елизаветградского уезда, где активными проповедниками штундизма станут местные крестьяне Ефим Цимбал, Трифон Хлыстун и Иван Рябошапка. Думается, что успех штундизма среди крестьян следует искать в догматической и обрядовой простоте, веротерпимости и стремлении построить Царство Божие на земле – идея очень созвучная русской душе, искавшей свою Святую Русь, свой град-Китеж. Очень емко и верно охарактеризовал феномен штундизма в «Опавших листьях» Василий Розанов:

«Штунда – это мечта, “переработавшись в немца”, стать если не “святою” – таковая мечта потеряна, – то, по крайней мере, хорошо выметенной Русью, без вшей, без обмана и без матерщины дома и на улице.

– Несите вон иконы...

– Подавайте метлу!

С “метлой” и “без икон” Русь – это и есть – штунда.

Явление это огромно, неуловимо и повсеместно».

Он же заметил глубинную связь этого явления с реформами Петра I:

«Штунда – не одно евангелическо-церковное явление. Штунда – это все, что делал Петр Великий, к чему он усиливался, что он работал и что ему виделось во сне; штунда – это Винавер и Милюков, это Струве и его “Освобождение”. Если бы Петр Великий знал тогда, что она есть или возможна, знал ее образ и имя, он воскликнул бы: “Вот! Вот!! Это!! Я – только не умел назвать! – Это делайте и так верьте, это самое!!”»⁷.

Хотелось бы остановиться еще на одном аспекте исследования С.М. Дударенок и М.Б. Сердюк, а именно, истории существования русского протестантизма при Советской власти. Авторы на обширном материале показывают, что в первое десятилетие советской власти протестанты беспрепятственно проводили собрания, как в своих молитвенных собраниях, так и в арендованных и частных домах. В это время публичный евангелизм, сопряженный с арендой больших залов и расклейкой афиш на тумбах центральных улиц и парков, становится неотъемлемой частью религиозной жизни протестантских общин страны⁸. Полностью можно согласиться с мнением авторов, что протестантские общины пользовались свободой, поскольку были гонимы при царской власти. Именно сельское население станет основой роста

⁷ Розанов 1990. С. 609-610.

⁸ Дударенок, Сердюк 2014. С. 101.

численности протестантских общин⁹. Можно утверждать, что российские протестанты в начальный период существования Советской власти (условно до 1929 г.) приняли ее и она приняла российских протестантов. В этой связи стоит поразмышлять над тем, какие ментальные причины лежали в основе этого явления, над тем, что коммунизм по своей природе был квазирелигиозен, был своеобразной трансформацией и деформацией старой русской мессианской идеи.

Большевики грезил воображаемой моделью будущего – коммунизмом, строительством на земле коммунистического «Царства Божия» и созданием нового совершенного «сверхчеловека». Вместе с тем и российский протестантизм был практическим вероучением, где особое значение уделялось христианскому образу жизни, стремлению обустроить земную жизнь согласно заповедям Христа, духовному самоусовершенствованию человека. Поэтому закономерно появление Бапсомола (баптистского союза молодежи), грандиозных проектов строительства Города Солнца, в котором должно было проживать до 800 тыс. христиан (этот проект лидера евангельских христиан И.С. Прохорова поначалу даже поддержал народный комиссариат сельского хозяйства).

Столь же закономерна и вторая фаза существования протестантских общин – эпоха гонений и преследований, начавшаяся примерно с 1929 г. Авторы детально прослеживают этот период истории российского протестантизма на Дальнем Востоке и совершенно верно отмечают, что исходным посылом этой фазы является несовместимость социализма со свободой религиозной пропаганды¹⁰. Эта несовместимость, на мой взгляд, имела онтологический характер: неприязнь коммунистического режима к христианству объяснялась во многом тем, что коммунисты усматривали в нем соперника по легализации тотальной власти и легитимации тоталитарного государства, поскольку в тоталитарном обществе существует только одно тотальное мировоззрение, которое и может быть признано государством единственным истинно верным.

В целом, в монографии С.М. Дударенок и М.Б. Сердюк при опоре на обширный материал, собранный авторами в центральных и региональных государственных, общественных архивах и в архивах религиозных организаций, предпринята убедительная фактологическая реконструкция истории протестантизма в Приморском крае. Вместе с тем, проблема истории русского протестантизма нуждается в даль-

⁹ Там же. С. 102.

¹⁰ Дударенок, Сердюк 2014. С. 197.

нейших исследованиях, которые, возможно, дадут ответ не только на вопрос: «Как?», но и на вопрос: «Почему?».

БИБЛИОГРАФИЯ

- Дударенок С.М., Сердюк М.Б.* История протестантских церквей Приморского края. XIX–XX вв.: монография. Владивосток,; Издательство Дальневосточного университета. 2014. 596 с.
- Ионов И.Н., Хачатурян В.М.* Теория цивилизаций от античности до конца XIX века. СПб.: Алетейя. 2002. 384 с.
- Капустин Б.Г.* Россия и Запад: путь к миру миров // Цивилизации и культуры. Научный альманах. Вып. 1: Россия и Восток: цивилизационные отношения. М.: Издательство Института востоковедения. 1994. 254 с.
- Розанов В.В.* Сочинения в 2 Т. М.: Правда. 1990. Т.2. 718 с.

REFERENCES

- Dudarenok S.M., Serdyuk M.B.* Istoriya protestantskikh tserkvej Primorskogo kraja XIX–XX vv.: monografiya. Vladivostok,; Izdatel'stvo Dal'nevostochnogo universiteta. 2014. 596 s.
- Ionov I.N., Hachaturyan V.M.* Teoriya tsivilizatsij ot antichnosti do kontsa XIX veka. SPb.: Aletejya. 2002. 384 s.
- Kapustin B.G.* Rossiya i Zapad: put' k miru mirov // Tsivilizatsii i kul'tury. Nauchnyj al'manakh. Вып. 1: Rossiya i Vostok: tsivilizatsionnye otnosheniya. М.: Izdatel'stvo Instituta vostokovedeniya. 1994. 254 s.
- Rozanov V.V.* Sochineniya v 2 T. М.: Pravda. 1990. T.2. 718 s.

Андреева Лариса Анатольевна, доктор философских наук, ведущий научный сотрудник Центра цивилизационных и региональных исследований Института Африки РАН; andreeva@rbcmail.ru

Review: Dudarenok S.M., Serdyuk M.B.

History of Protestant churches in Primorsky area of the XIX-XX cc.

The review analyses the factual reconstruction of the origin and development of the Protestant denominations in the territory of Primorsky Krai carried out by the authors of the study. However, the article is focused on a problematic understanding of the subject of the monograph, the wording of unsolved problems, and setting tasks for further research.

Keywords: history of religions, history of Primorsky Krai, Eastern Orthodoxy, Protestantism, Lutheranism, stundism, proselytism.

Larisa Andreeva, Ph.D., Dr.Sc., senior research fellow, Center for Civilization and Regional Studies, Russian Academy of Sciences; andreeva@rbcmail.ru

CONTENTS

70th anniversary of the Great Victory

Semen Ekshtut

“In style plain and vivid”.

Practice of award granting during the Great Patriotic War..... 5

History and Literature

Kazbek Sultanov

The “memorial paradigm” and literature as the “second reality” 24

Ilya Benderskii И.П. Бендерский

On the “opacity” of history (the case of Leo Tolstoy)..... 45

History through personality

Sergey Posokhov С.И. Посохов

‘Incomprehensible’ vs ‘misunderstood’ V.N. Karazin:

comments, remarks, and an apology..... 64

Intellectual history today

Vladimir Dmitriev

The concept of bellum in the “Res gestae” by Ammianus Marcellinus..... 94

Maya Petrova

School textbooks and the discipline of grammar
in the late Antiquity and the early Middle Ages..... 110

Alexey Sagimbaev

The Role of the “Round Table” group in the shaping of
British imperial ideology in the early 20th century..... 133

Tatiana Labutina

Reception of the Ideological Heritage of English Enlightenment
in the USA, France and Russia in the 18th century..... 151

Marina Ayzenshtat

The past in political culture of Britain in 1750-1800..... 165

Dmitry Martynov

Kang Youwei as a historian..... 181

Alexey Vasilyev

Memory studies in Poland during the interwar period..... 195

Russian Universities: the Past and the Present

Maria Kozlova

The first history lecturers at the Moscow imperial university..... 227

Ilya Piskunov

How one was to become a Privatdozent in Russia?..... 243

Zarina Gatina, Dina Grebenkina

Personal memories of post-Soviet universities
and the archive of professorial identity..... 261

Historical notes*Tatiana Chougounova*

“Authority vs obedience” in the treatise “The Obedience of a Christen man
and how Christian rulers ought to governe” by William Tyndale..... 287

Ekaterina Terenteva

Reflections on the method of William Camden..... 300

Sergey Morozov

The transformation of social contract theory in the writings of
the members of the Great Tew Circle in the late 16th – early 17th c..... 310

Alyona Postnikova

Theatre in the Historical Politics of the First Empire in France..... 321

Mikhail Bazanov

Debates on the emergence of the Russian
centralized state (1946): revisiting the reception
of the pre-revolutionary research traditions by Soviet historiography..... 334

Eradzh Boev, Galina Voronkova

Iranian State ideology under the Pahlavi dynasty
as viewed by the Soviet historiography..... 346

Reading books...*Natalia Selunskaya*

Professional historical knowledge:
foundations and intentions of development
(reflections upon a new monograph by Rolf Torstendahl)..... 359

Ilya Andronov

The influence of the “Magdeburg Centuries”
on the ecclesiastical historiography of the 16th c.: new studies..... 372

Dmitri Budiukin

The system of madness: death, society and religion////..... 382

Larisa Andreeva

Review: Dudarenok S.M., Serdyuk M.B. Istoriya protestantskikh
tserkvei Primorskogo kraya XIX–XX vv..... 388

CONTENTS..... 396

СОДЕРЖАНИЕ

К Юбилею Великой Победы

- С.А. Эжитут*
«Слогом простым и живым».
Наградная практика времен Великой Отечественной войны..... 5

История и литература

- К.К. Султанов*
Мемориальная парадигма и литература как «вторая реальность»..... 24
И.Р. Бендерский
К вопросу о непрозрачности истории: опыт Л. Толстого..... 45

История через личность

- С.И. Посохов*
«Непонятный» vs «непонятый» В.Н. Каразин:
комментарии, ремарки, апология..... 64

Интеллектуальная история сегодня

- В.А. Дмитриев*
Концепт *VELLUM* в «Деяниях» Аммиана Марцеллина..... 94
М.С. Петрова
Учебные тексты и грамматическая наука
на рубеже Античности и Средневековья..... 110
А.В. Сагимбаев
Роль группы «Круглого стола» в формировании
британской имперской идеологии в начале XX века..... 133
Т.Л. Лабутина
Рецепция идейного наследия английского Просвещения
в США, Франции и России в XVIII веке..... 151
М.П. Айзенштат
Прошлое в политической культуре Британии
второй половины XVIII века..... 165
Д.Е. Мартынов
Кан Ю-вэй – историк..... 181
А.Г. Васильев
Memory studies в межвоенной Польше..... 195

Университеты России: история и современность

- М.И. Козлова*
Первые преподаватели истории
Московского императорского университета..... 227
И.В. Пискунов
Как стать российским приват-доцентом?..... 243
З.С. Гатина, Д.М. Гребенкина
Личные воспоминания о постсоветских университетах
и архив профессорской идентичности..... 261

Исторические заметки*Т.Г. Чугунова*

Проблема «власть vs подчинение»
в трактате У. Тиндела «Послушание христианина
и как христианские власти должны управлять»..... 287

Е.А. Терентьева

Рассуждение о методе Уильяма Кемдена..... 300

С.М. Морозов

Трансформация теории общественного договора
в трудах членов круга Грейт Тью..... 310

А.А. Постникова

Театр в исторической политике Первой империи во Франции..... 321

М.А. Базанов

Дискуссия о процессе образования Русского централизованного
государства (1946 г.): о рецепции дореволюционных
исследовательских традиций советской историографией..... 334

Э.Б. Боев, Г.В. Воронкова

Государственная идеология Ирана в эпоху правления
династии Пехлеви в оценках советской историографии..... 346

Читая книги...*Н.Б. Селунская*

Профессиональное историческое знание:
основы формирования и тенденции развития
(размышления над новой книгой Рольфа Тоштендаля)..... 359

И.А. Андронов

Роль "Магдебургских центурий"
в церковной историографии XVI века: новые исследования..... 372

Д.А. Будюкин

Система безумия: смерть, социум и религиозность..... 382

Л.А. Андреева

Рец. на кн.: Дударенок С.М., Сердюк М.Б.
История протестантских церквей Приморского края XIX–XX вв..... 388

CONTENTS..... 396

ДИАЛОГ СО ВРЕМЕНЕМ

51 / 2015

Главный редактор
Лорина Петровна РЕПИНА

Адрес редакции
119334, Москва, Ленинский проспект, д. 32-А, к. 1517
Тел. (495) 938-53-91
Web-страница: <http://www.igh.ras.ru/intellect/books/index.htm>
Электронная почта: dialogue.time@yandex.ru

Свидетельство о регистрации средства массовой информации
ПИ № ФС 77-24798 от 29 июня 2006 г.

Дизайн обложки И. Н. Граве

Подписано в печать 27. 05. 2015
Формат 60x90 / 16. Бумага офсетная № 1.
Гарнитура Таймс. Печать цифровая.
Усл. печ. л. 25. Тираж 600. Заказ №

Отпечатано в типографии Onebook.ru
ООО «Сам Полиграфист»
Москва, Протопоповский пер., д. 6.
Электронная почта: info@onebook.ru
Адрес в интернете: www.onebook.ru
Тел.: +7 495 545-37-10

ISSN 2073-7564
Эл. № ФС 77-53624